



Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гаджиев А.Б., Глушков А.И. Меры прокурорского реагирования на нарушения процессуального законодательства допущенные следователями по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов) 6

Ляхов В.А. Возможности и ограничения правового регулирования применения информационных технологий: обобщение международного опыта..... 13

Погарцев В.В. Историко-правовой анализ реформы местной юстиции 1912 года П.А. Столыпина..... 20

Пронина М.А. Эволюция нормативного определения категории «патриотизм» в российской правовой системе 23

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Балабанов В.О. Развитие правового института валютного регулирования в контексте целей стабилизации национальной экономики..... 28

Бартош И.Н. Критерии отнесения участников гражданского судопроизводства к лицам, участвующим в деле 33

Губанова О.А., Зуев А.В., Завьялов Д.Е., Османов Ш.А. Пенсия за выслугу лет 37

Дегтев Г.В., Аношкина О.О. Управленческие инструменты противодействия коррупции в сфере закупок..... 41

Исаев Д.А., Бояндина В.В. Содержание принципа правовой определенности в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина..... 45

Кузякин Ю.П., Мухин А.И. Правовое регулирование цифровой трансформации в социальной сфере 52

Платонов П.С. Административное регулирование мер профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ и их эффективность 56

Самитов Д.А. Влияние решений Конституционного суда на правовое регулирование предпринимательской деятельности..... 62

Васильева С.В., Купченко К.В., Королёва Е.Л., Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. Нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации 67

Фирсанова П.П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в РФ: проблемы и перспективы развития 72

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Анджеевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.04.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Эдильов М.-С.А. Влияние принципов налогового права на финансовую безопасность государства..... 77

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Авьяев Б.А. Определение правовой природы договора финансовой аренды (лизинга) в условиях развития процесса цифровизации в гражданском законодательстве 82

Винярский А.Ю. Особенности возмещения ущерба сотрудникам в связи с невыплатой заработной платы: анализ правоприменительной практики 86

Гаврюсов А.В. Особенности бездействия как процессуального юридического факта в гражданском процессе России 93

Глазов Д.В. Подходы к разрешению договорных вопросов в англосаксонской и романо-германской правовых системах 100

Драчев А.В. Споры вызванные развитием правового регулирования электронного активирования выполненных работ (оказанных услуг) в системе государственных (муниципальных) закупок 105

Жижин П.А. Законный и договорный режимы имущества супругов в правовом дискурсе: выявление возможностей и ограничений 108

Земсков Д.О. Эволюция правового регулирования защиты интеллектуальной собственности: на примере топологии интегральной микросхемы 113

Калинин А.В. Сравнительная характеристика законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь 119

Касимова О.А. Защита деловой репутации в российском гражданском праве 125

Матвеева Е.Ю. Специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица и свобода договора 129

Наманюк Е.А. Выявление оснований, применяемых в исках о признании завещаний недействительными: сравнительный анализ законодательства России и зарубежных стран 133

Карунная Я.А., Озмания Ю.З. Пределы осуществления исключительных прав на охраняемые патентом результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере 138

Очиров А.В. Привлечение к субсидиарной ответственности, связанной с сокрытием, утратой или искажением документации должника 144

Полетыкин Д.А. Гражданско-правовой режим автономных беспилотных летательных аппаратов, управляемых программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта 148

Поляков Г.Ю. Классификация договоров поставки газа на экспорт по критерию этапа развития договорных отношений 155

Сахаров Н.С. Правовая природа «злоупотребление правом» в аспекте взаимосвязи с понятием «превышение гражданского права» 160

Озмания Ю.З. Развитие международного и отечественного законодательства в сфере охраны патентных прав 164

Смолина Ю.В. Особенности возложения трудовых обязанностей на работника, соблюдающего религиозные нормы 168

Сомова О.В., Моисеенко С.А. Правовые условия внедрения смарт-контрактов в деятельности владельцев агрегаторов 174

Сосорин К.Д. Регулирование авторских прав на аудиовизуальное произведение, созданное в цифровой среде 178

Суворова А.А. Нормативное определение категории наружной рекламы в российском законодательстве 183

Чарторийский Д.В., Колмогоров М.В. Доказывание в делах о возмещении убытков: вопросы практического применения 186

Четвериков А.М. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) 191

Чураков П.А. Правовое регулирование статуса руководителя организации-должника 196

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Асанов В.В. Правовая природа принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе 199

Васягина М.М., Шигуров А.В. Проблемы правового регулирования территориальной и персональной подсудности дел, поступающих в суды в рамках судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ 207

Давлетгараев Ю.Н. К вопросу о противодействии радикализму, терроризму и экстремизму в рамках СНГ 212

Дерябин А.С. Феноменология финансовых пирамид в уголовно-правовом аспекте: объект преступления 216

Дорошенко Д.В. Национализация, конфискация и государственное рейдерство: уголовно-правовые аспекты разграничения 220

Закусило А.М. Правовое регулирование привлечения специалистов для расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества в цифровой валюте 225

Исаев Д.А., Бояндина В.В. Конкуренция норм уголовного права: соотношение законодательства и судебной практики 231

Косарева Б.П. Об использовании технологий искусственного интеллекта при оценке доказательств 235

Крюков А.В. Квалификация действий лица, выполняющего посреднические функции при сбыте наркотических средств 238

Лукожев Х.М., Самаркина Ю.Э. Участие прокурора в апелляционном производстве по уголовным делам при обжаловании промежуточных судебных решений 241

<i>Силаков О.Ю.</i> 3D-визуализация в реконструкции преступления.....	245	<i>Шевяков-Аракчеев Я.А.</i> Правовое регулирование прокурорских проверок в местах лишения свободы: аспекты реализации полномочий при наступлении событий, потенциально связанных с нарушением законодательства.....	271
<i>Сипягин Н.А.</i> Субъективная сторона соучастия в преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: систематизация подходов к квалификации в правовом дискурсе.....	249	<i>Щеглов М.И.</i> Развитие правового регулирования процедуры оценки законности решения о возбуждении уголовного дела: аспекты судебного контроля и прокурорского надзора.....	276
<i>Крюков А.В.</i> Различия в квалификации преступных деяний по статье 109 Ч. 2 УК РФ или по статье 293 ч. 2 УК РФ.....	257	МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Тузов А.Г., Павлов А.А., Жуков В.Э.</i> Правовая природа института возобновления судебного следствия в уголовном процессе.....	260	<i>Растегари Сайедэбрахим, Бахадиванд Чегини Захра.</i> Концептуальные основы формирования правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в деятельности СМИ: аспекты влияния на нормы этики журналистики.....	281
<i>Хаметова А.Р.</i> Структура элементов расследования убийств, возбужденных в связи с исчезновением человека.....	266	<i>Хуан Цзэянь, Ли Паньпань.</i> Текущее состояние и характеристики международной правовой системы интеллектуальной собственности.....	285

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Gajiyev A.B., Glushkov A.I. Measures of prosecutor's response to violations of procedural legislation committed by criminal investigators (based on the legislation of the 1990s – early 2000s)..... 6

Lyakhov V.A. Opportunities and limitations of legal regulation of the use of information technologies: generalization of international experience..... 13

Pogartsev V.V. Historical and legal analysis of the local justice reform of 1912 P.A. Stolypin..... 20

Pronina M.A. The evolution of the normative definition of the category “patriotism” in the Russian legal system..... 23

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Balabanov V.O. Development of the legal institution of currency regulation in the context of the goals of stabilizing the national economy..... 28

Bartosh I.N. Criteria for classifying participants in civil proceedings as persons involved in the case..... 33

Gubanova O.A., Zuev A.V., Zavyalov D.E., Osmanov Sh.A. Long service pension..... 37

Degtev G.V., Anoshkina O.O. Management tools for combating corruption in the field of procurement 41

Isaev D.A., Boyandina V.V. The content of the principle of legal certainty in the context of the protection of human and civil rights and freedoms..... 45

Kuzyakin Yu.P., Mukhin A.I. Legal regulation of the digital transformation of the social sphere 52

Platonov P.S. Administrative regulation of crime prevention measures in the field of illicit drug trafficking and their effectiveness..... 56

Samitov D.A. The influence of decisions of the Constitutional Court on the legal regulation of business activities..... 62

Vasilyeva S.V., Kupchenko K.V., Koroleva E.L., Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. Violation of intellectual property legislation during the election campaign 67

Firsanova P.P. Legal regulation of digital financial assets in Russia: problems and prospects for development..... 72

Edilov M.-S.A. Impact of tax law principles on the financial security of the state 77

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Avyayev B.A. Determination of the legal nature of a financial lease (leasing) agreement in the context of the development of the digitalization process in civil legislation 82

Vinyarsky A.Yu. Features of compensation for damages to employees due to non-payment of wages: analysis of law enforcement practice 86

Gavryusov A.V. Characteristic of failures to act as a procedural juridical fact in the civil trials of russia..... 93

Glazov D.V. Approaches to resolving contractual issues in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems 100

Drachev A.V. Disputes caused by the development of legal regulation of electronic actuation of completed works (rendered services) in the system of state (municipal) procurement 105

Zhizhin P.A. Legal and contractual regimes of marital property in legal discourse: identifying opportunities and limitations..... 108

Zemskov D.O. Evolution of legal regulation of intellectual property protection: the example of integrated circuit topology..... 113

Kalinin A.V. Comparative characteristics of the bankruptcy legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus..... 119

Kasimova O.A. Protection of business reputation in Russian civil law 125

Matveeva E.Yu. Special contractual construction of an agreement in favor of a third party and freedom of contract 129

Namanyuk E.A. Identification of the grounds used in claims for invalidation of wills: comparative analysis of the legislation of russia and foreign countries 133

Karunnaya Ya.A., Ozmanyay Yu.Z. Limits for the exercise of exclusive rights to patent-protected results of intellectual activity in the scientific and technical field..... 138

Ochirov A.V. Bringing to subsidiary liability related to concealment, loss or distortion of the debtor's documentation..... 144

Poletykin D.A. Civil law regime for autonomous unmanned aerial vehicles controlled by a computer program or artificial intelligence technology..... 148

Polyakov G.Y. Classification of export gas supply contracts based on the stage of development of contractual relations 155

Sakharov N.S. Legal nature of “abuse of law” in terms of relationship with the concept of “excess of civil law” 160

Ozmanyay Yu.Z. Development of international and domestic legislation in the field of patent rights protection 164

Smolina Yu.V. The specifics of assigning work responsibilities to an employee who observes religious norms 168

Somova O.V., Moiseenko S.A. Legal conditions for the implementation of smart contracts in the activities of aggregator owners..... 174

Sosorin K.D. Regulation of copyright for audiovisual work created in the digital environment..... 178

Suvorova A.A. Regulatory definition of the category of outdoor advertising in Russian legislation 183

Chartorysky D.V., Kolmogorov M.V. Evidence in cases for compensation of losses: issues of practical application 186

Chetverikov A.M. Subsidiary liability of persons controlling the debtor in case of insolvency (bankruptcy) ... 191

Churakov P.A. Legal regulation of the status of the head of the debtor organization..... 196

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Asanov V.V.</i> The legal nature of the principle of protecting the rights and freedoms of man and citizen in criminal proceedings	199
<i>Vasyagina M.V., Shigurov A.V.</i> Problems of legal regulation of territorial and personal jurisdiction of cases submitted to the courts within the framework of judicial control in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	207
<i>Davletgaraev Ju.N.</i> On the issue of countering radicalism, terrorism and extremism within the CIS	212
<i>Deryabin A.S.</i> Phenomenology of financial pyramids in its criminal aspect: the object of the crime	216
<i>Doroshenko D.V.</i> Nationalization, confiscation and state raiding: criminal legal aspects of differentiation	220
<i>Zakusilo A.M.</i> Legal regulation of the involvement of specialists to investigate the legalization (laundering) of funds or other property in digital currency	225
<i>Isvaev D.A., Boyandina V.V.</i> Competition of criminal law norms: the relationship between legislation and judicial practice	231
<i>Kosareva B.P.</i> About the use of artificial intelligence technologies in the evaluation of evidence	235
<i>Kryukov A.W.</i> Qualification of the actions of a person performing intermediary functions in the sale of narcotic drugs	238
<i>Lukozhev Kh.M., Samarkina Yu.E.</i> Participation of the prosecutor in criminal appeal proceedings when appealing interim court decisions	241
<i>Silakov O.Yu.</i> 3D-visualization in crime reconstruction	245

<i>Sipyagin N.A.</i> The subjective side of complicity in crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues: systematization of approaches to qualification in legal discourse	249
<i>Kryukov A.W.</i> Differences in the qualification of criminal acts under article 109 h. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation or under article 293 h. 2 of 2 of the Criminal Code of the Russian Federation	257
<i>Tuzov A.G., Pavlov A.A., Zhukov V.E.</i> The legal nature of the institution of resuming judicial investigation in criminal proceedings	260
<i>Khametova A.R.</i> Structure of elements of a murder investigation initiated in connection with the disappearance of a person	266
<i>Shevyakov-Arakcheev Ya.A.</i> Legal regulation of prosecutorial inspections in places of deprivation of liberty: aspects of the exercise of powers in the event of events potentially related to violations of the law	271
<i>Shcheglov M.I.</i> Development of legal regulation of the procedure for assessing the legality of a decision to initiate a criminal case: aspects of judicial control and prosecutorial supervision	276

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Rastegari Sayedebrahim, Bahadivandchegini Zahra</i> Conceptual basis for the formation of legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in media activities: aspects of influence on the norms of journalism ethics	281
<i>Huang Zeyan, Li Panpan.</i> The Current Status and Characteristics of International Intellectual Property Legal System	285

Меры прокурорского реагирования на нарушения процессуального законодательства допущенные следователями по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов)

Гаджиев Адам Бабаевич,

аспирант, кафедра юриспруденции, Государственный университет «Дубна»
E-mail: adam.gadgiev2016@yandex.ru

Глушков Александр Иванович,

зав. кафедрой юриспруденции, д.ю.н., профессор,
Государственный университет «Дубна»
E-mail: gai_dubna@list.ru

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении порядка проведения прокурорского надзора за исполнением законов следователями при расследовании преступлений, порядок применения мер прокурорского реагирования при обнаружении нарушений законодательства следователями и органами дознания в период 90х – начала 2000 годов. Выводы: Результаты прокурорских проверок свидетельствуют, что существенную массу допущенных на стадии расследования уголовных дел нарушений составляли факты незаконного и необоснованного прекращения уголовных дел и приостановления дознания, в том числе повторные. Допускались даже случаи подмены продления сроков дознания незаконным приостановлением дознания. В 2000 годах также имели место факты неоднократного продления сроков дознания по одним и тем же основаниям, несвоевременного признания лица потерпевшим. Нарушались разумные сроки производства по уголовным делам на стадии возбуждения дела. В настоящей статье автором анализируются применяемые прокурором меры реагирования при обнаружении нарушения законодательства органами следствия и дознания в период 90х – начала 2000 годов.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, следователь, уголовное дело, полномочия прокурора, меры прокурорского реагирования.

Введение

Распад Союза Советских Социалистических республик в 1991 был вызван процессами системной дезинтеграции в народном хозяйстве, социальной структуре, общественной и политической сфере. Требовались кардинальные перемены в жизни общества, в том числе в законодательстве, которое больше не могло отвечать современным на тот момент стандартам. Так, 17 января 1992 году Президентом уже нового государства – Российской Федерации был принят Закон «О прокуратуре РФ», состоящий из шести разделов и 47 статей, действующий с соответствующими изменениями и в нынешнее время. Кроме того, 12 декабря 1993 года на всероссийском референдуме была принята Конституция РФ. Статья 129 Конституции РФ, посвященная прокуратуре и вошедшая в главу «Судебная власть», закрепила прокуратуру как единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ, а также установила порядок назначения на должности и освобождения от должностей Генерального прокурора РФ и других прокуроров.

Статья 1 нового Закона, касающаяся целей и направлений прокурорской деятельности, провозгласила три основных её направления: надзор, участие в рассмотрении дел судами и расследование преступлений в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством случаях. Глава 2 ФЗ «О прокуратуре РФ» включала в свое содержание надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. Предметом надзора закон называл установленный порядок разрешения заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, а также проведения расследования и законность принимаемых следователями решений.

Новая редакция ФЗ «О прокуратуре РФ» от 17 ноября 1995 года внесла некоторые коррективы относительно предмета надзора за исполнением законов органами предварительного следствия. Так, предметом надзора называлось соблюдение прав и свобод человека и гражданина, порядка разрешения заявлений о преступлениях, сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведения расследования и законность решений следственных органов.

Кроме того, в 2001 году был принят новый УПК (действует по настоящее время), который с детальной регламентацией закрепил полномочия прокурора на предварительном следствии. Перво-

начальная редакция УПК 2001 года предоставляла прокурору широкие процессуальные возможности по уголовному преследованию: прокурор был определен в качестве органа, осуществляющего уголовное преследование; прокурор имел право возбуждать уголовное дело, участвовать в производстве предварительного расследования, осуществлять производство отдельных следственных действий. Таким образом, произошло слияние функции надзора прокурора за органами, осуществляющими предварительное следствие и функции уголовного преследования. Такой порядок деятельности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие просуществовал до июня 2007 года, когда был образован Следственный комитет РФ при Прокуратуре РФ.

Кроме того, в 2001 году был принят новый УПК, который с детальной регламентацией закрепил полномочия прокурора на предварительном следствии. Первоначальная редакция УПК 2001 года предоставляла прокурору широкие процессуальные возможности по уголовному преследованию: прокурор был определен в качестве органа, осуществляющего уголовное преследование; прокурор имел право возбуждать уголовное дело, участвовать в производстве предварительного расследования, осуществлять производство отдельных следственных действий. Таким образом, произошло слияние функции надзора прокурора за органами, осуществляющими предварительное следствие и функции уголовного преследования. Такой порядок деятельности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие просуществовал до июня 2007 года, когда был образован Следственный комитет РФ при Прокуратуре РФ.

На современном этапе к соблюдению законных интересов и прав физических лиц при осуществлении уголовного судопроизводства предъявляются повышенные требования. Общество и государство во все времена достаточно остро реагировали на несоблюдение сроков предварительного расследования сотрудниками следственных органов и органов дознания. При снижении качества расследований также следует неизбежная негативная реакция со стороны государства и общества. Для устранения условий и факторов, снижающих качество расследований и приводящих к несоблюдению сроков предварительного расследования, разрабатываются и принимаются разные меры. Важнейшим значением среди таких мер обладает введение упрощенных процедур и внесение поправок в уголовно-процессуальное законодательство.

В специальной научной литературе отмечается, что основной причиной, обуславливающей недостаточное качество предварительного следствия и дознания, выступает существенное снижение роли прокурора в уголовном судопроизводстве. Такая тенденция наблюдается в течение последних 20 лет [9, с. 164]. Помимо этого, существуют также многочисленные организационные и процессуаль-

ные проблемы, проявляющиеся непосредственно в деятельности следственных органов и органов дознания. В числе таких проблем недостаточная укомплектованность штата; отсутствие кадровой преемственности; невысокий уровень следственной квалификации; отсутствие со стороны руководства качественного и эффективного ведомственного контроля; недобросовестное исполнение должностных обязанностей; отсутствие надлежащего взаимодействия с экспертными учреждениями и др.

Объект исследования – отношения, складывающиеся при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законов следователями при расследовании уголовных преступлений.

Предметом исследования выступают законодательные положения и нормы, регламентирующие реализацию прокурорского надзора за соблюдением законодательства следователями при расследовании уголовных преступлений.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении порядка проведения прокурорского надзора за исполнением законов следователями при расследовании преступлений, порядок применения мер прокурорского реагирования при обнаружении нарушений законодательства следователями и органами дознания.

Проблема сроков расследования уголовных дел следственными органами и пути решения

По мнению самих сотрудников следственных органов, длительные сроки расследования часто обусловлены тем, что во многих случаях необходимо проводить разные экспертизы. К примеру, если расследуется экономическое преступление, то может потребоваться ряд экспертиз – ревизионные, финансовые, экономические и иные. Также нередко возникает необходимость в производстве судебно-психиатрической экспертизы. Учитывая дефицит экспертных учреждений и экспертов, сроки экспертиз могут быть достаточно длительными (несколько недель или даже месяцев). Рассматриваемая проблема обладает высокой актуальностью, так как происходит необоснованное затягивание процессуальных сроков. Данная проблема должна быть разрешена как можно быстрее, поскольку до тех пор, пока следователь не получит результаты назначенной экспертизы, он не сможет вынести процессуальное решение о привлечении лица к уголовной ответственности.

В ходе предварительного расследования, проводимого на досудебной стадии, совершается достаточно много различных нарушений. Органами прокуратуры за прошедший год было зафиксировано свыше 19,2 тысяч нарушений. Доля нарушений, приходящихся на процедуру уголовно-правовой регистрации, составила 79% (15,2 тысяч).

Органами прокуратуры осуществляется целый ряд функций. Важным значением среди всей совокупности функций обладает правозащитная функ-

ция. В последние годы наблюдается усиление внимания именно к этой функции прокуратуры [3]. Сказанное подтверждается в том числе и проведенным обобщением результатов деятельности органов прокуратуры.

Отдельно стоит сказать о положительном тренде – снизилась доля лиц, освобождаемых в связи с отсутствием оснований для применения мер пресечения в виде изоляции от общества. Этот показатель в исследуемый временной промежуток составлял 22,8%. К сравнению, в 2015 г. значение данного показателя находилось на уровне 40%, в 2016 г. – 30%, в 2017 г. – 26,6% [7, с. 155].

До тех пор, пока не произойдет коренных изменений на региональном и общегосударственном уровнях, ожидать ощутимых перемен в экспертных подразделениях не стоит. При этом органами прокуратуры в рамках своих полномочий реализуются отдельные организационно-правовые и иные меры, направленные на улучшение ситуации. Обзор ситуации со сроками следствия и дознания по делам об уголовных преступлениях позволяет выделить основные меры. В их числе:

- разработка и утверждение планов работы, направленной на устранение недочётов в работе дознавателей, следователей;
- проведение органами прокуратуры регулярных совещаний с участием руководителей экспертных учреждений, органов следствия и дознания с целью выработки и согласования единого подхода к назначению и производству судебных экспертиз.

Помимо уже реализуемых мер, рекомендуется следующее. Во-первых, необходимо организовать такую систему, при которой ответственным сотрудникам будут регулярно приходиться напоминания о соблюдении установленных сроков. Получение таких напоминаний исключит случаи превышения сроков из-за загруженности или невнимательности (т.к. при высокой загрузке сотрудник может упустить, что срок уже подошёл к концу). Во-вторых, целесообразно наладить постоянный контроль за сроками проведения экспертиз. Для обеспечения качества такого контроля его необходимо поручить конкретному сотруднику, закрепив соответствующие функции на уровне должностной инструкции. Вместе с контролем сроков проведения экспертиз на такого сотрудника может быть возложен в том числе и надзор за тем, чтобы на экспертизу своевременно передавались все необходимые материалы. В-третьих, предлагается вести специальные реестры с фиксацией в них всех постановлений о назначении экспертизы.

Сотрудники органов прокуратуры в своей деятельности должны пользоваться полномочиями, прописанными в Законе о прокуратуре (п. 2 ст. 4, п. 3 ст. 22, ст. 24). В частности, они должны своевременно и надлежащим образом оповещать руководство следственных органов о выявляемых фактах нарушений закона, информировать о состоянии законности в целом, а также о применении к нарушителям мер дисциплинарного воз-

действия (Приказ Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 г. № 544) [3].

Представляется, что прокурор, выявив факт нарушения органами следствия положений закона, может использовать с целью устранения такого нарушения только те полномочия, средства и инструменты, которые предусмотрены УПК РФ. Превышение полномочий или использование методов, не предусмотренных законом, недопустимо. В настоящее время прокурор может только потребовать устранить допущенное нарушение, вынести постановление об отмене незаконного и необоснованного постановления следователя либо требовать признания доказательств недопустимыми.

Как показывает официальная статистика, с каждым годом прокуроры выносят всё больше представлений по поводу выявляемых фактов нарушения закона сотрудниками органов дознания и предварительного следствия. Также статистические данные свидетельствуют об увеличении числа должностных лиц органов предварительного расследования, привлекаемых к дисциплинарной ответственности за нарушение закона в процессе своей работы. С одной стороны, это свидетельствует о качественной работе прокуроров по выявлению нарушений закона. С другой стороны, возникает вопрос относительно качества работы органов предварительного следствия.

Одним из направлений работы органов предварительного следствия, которое находится под пристальным вниманием прокуроров, выступает соблюдение процессуальных сроков при проведении предварительного расследования. Для надзора за соблюдением процессуальных сроков прокурорами разработан комплекс мер и мероприятий. В настоящее время этот комплекс успешно реализуется на практике и показывает довольно неплохие результаты.

Следует отметить, что нарушения закона, допускаемые органами предварительного расследования, негативно сказываются на качестве отправленного правосудия (многие дела возвращаются прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ [1], если имело место нарушение положения, указанного в ст. 220 или 225 УПК РФ). Для исключения необоснованного возвращения дел прокурорам следует придерживаться позиции, изложенной Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики за II кв. 2019 г. (п. 48) [4]. Считаем, что позиция высшей судебной инстанции способствует соблюдению разумного срока при расследовании уголовных дел, в том числе, если проведение судебной экспертизы занимает достаточно длительное время.

Помимо разъяснений высшей судебной инстанции, прокурорам следует исходить из указаний Генерального прокурора РФ относительно сроков. Например, при реализации функции надзора по отмене либо изменению постановления о прекращении уголовного дела или преследования по основаниям, ухудшающим положение реабилитированного, принятие такого решения допустимо в преде-

лах 12-месячного срока. Отсчёт срока начинается с даты вынесения соответствующего решения [6].

Должностные лица органов дознания и предварительного следствия не всегда делают свою работу идеально. Недостатки и просчёты в их деятельности выражаются в показателях статистики. При этом данные статистические показатели не должны влиять на ведомственные показатели органов прокуратуры как надзорного ведомства. В подобной ситуации прокурор сможет принципиальнее реагировать на нарушения, допускаемые следственными органами, не опасаясь, что его упрекнут в недостаточно эффективном исполнении контролирующих и координирующих функций.

Сфера компетенции прокуроров за последние несколько лет заметно расширилась. Сказанное относится в том числе к сфере полномочий, реализуемых на досудебной стадии предварительного расследования. Однако в реальной практике реализация отдельных прокурорских полномочий осложняется тем, что между прокуратурой и органами следствия отсутствует надлежащее межведомственное взаимодействие. Сложившееся положение вызвано целым рядом причин и факторов. Одной из причин, обуславливающей отсутствие надлежащего взаимодействия между прокуратурой и органами следствия, специалисты называют проблему с профессионализмом прокуроров [8]. Если ранее надзирающим прокурором за деятельностью дознавателей и следователей становился бывший сотрудник этих же органов, то в настоящее время на данную должность назначаются в том числе бывшие помощники прокурора, не обладающие необходимым практическим опытом, что не позволяет им выполнять свои функции с необходимым качеством.

Принципы надзора за процессуальной деятельностью прокурорами

Беспристрастность и объективность надзора за процессуальной деятельностью, осуществляемой органами предварительного расследования, обеспечивается тем, что прокуроры, на которых возложена функция прокурорского надзора, не заинтересованы в том, как завершится дело. Следовательно, залогом объективности надзора за процессуальной деятельностью, осуществляемой органами предварительного расследования, выступает функциональная и организационная независимость прокурора, которая достигается за счёт вывода прокуроров из подчинения следственного аппарата, а также изъятия из сферы их полномочий тех, что относятся к числу функций предварительного расследования.

Представляется, что изменения в соотношении ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора более чем необходимы на современном этапе. Нельзя не отметить, что концепция, на которой строится современная модель преобразования прокурорского надзора, была разработана ещё 30 лет назад, но по-прежнему является актуальной. Смысл данной концепции в том, что-

бы создать универсальную модель прокурорского надзора, которая будет базироваться на надзорной деятельности. Для реализации модели из числа функций прокурора должны быть устранены некоторые функции и полномочия. В число таких функций и полномочий, которые были исключены из сферы компетенции прокурора, вошли полномочия по устранению фактов нарушений закона. Также прокуроры более не ответственны за восстановление прав граждан, которые были нарушены органами предварительного расследования. Фактически прокуроры лишились возможности отмены необоснованных и незаконных постановлений/решений сотрудников органов предварительного расследования. Максимум, что может сделать прокурор, это потребовать от лиц, допустивших соответствующие нарушения, их устранить, а также дать указания по избранию возможного пути устранения допущенного нарушения. При этом указания прокурор может дать только до того момента, пока не наступил этап утверждения обвинительного заключения [7, с. 155].

Полномочия по восстановлению нарушенных прав граждан, как уже отмечено выше, более не входят в сферу компетенции прокуроров. Это значит, что у прокурора фактически связаны руки – если лицо задержано незаконно, то прокурор не сможет освободить его своим постановлением.

Проанализировав итоги деятельности руководителя следственного органа и прокурора, можно прийти к выводу, что ими выявляется немало нарушений закона, допускаемых следователями. Устранение выявленных нарушений происходит путём отмены незаконных постановлений и решений. В сферу полномочий прокуроров входит внесение представлений об устранении выявленных фактов нарушений закона и условий, которые этому поспособствовали [8]. Помимо этого, прокурором и руководителем следственного органа могут применяться и другие меры реагирования на выявленные нарушения.

Анализ текущей ситуации показывает, что прокуроры реализуют прокурорский надзор не в полной мере. Особенно это проявляется в части осуществления надзорной деятельности в отношении деятельности органов предварительного расследования.

Наиболее существенные ограничения в части реализуемых прокурорами полномочий предусматриваются Законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» [5].

В научной литературе, посвящённой анализу положений вышеуказанного законодательного акта, подчёркивается, что предусматриваемые им ограничения не обеспечивают эффективной реализации прокурорского надзора. Изъятие из сферы компетенции прокуроров ряда важных функций (например, возможности возбуждать уголовные дела) негативно отразилось на качестве надзор-

ной деятельности. Представляется, что сложившаяся ситуация требует пересмотра.

Фактически в настоящее время прокурор может только вынести постановление о направлении в органы предварительного расследования соответствующих материалов для решения ими вопроса о возбуждении дела по обнаруженным в рамках прокурорского надзора фактам нарушения закона. Вместо возможности отменять незаконные решения органов предварительного расследования, прокурор теперь может только требовать отмены таких решений. Соответствующие полномочия закреплены в УПК РФ (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 37).

Мало кто уже вспомнит, что значительная часть уголовно-процессуальных нововведений – это закономерный результат проводимых учёными-криминалистами научно-технических и научно-теоретических разработок. В частности, речь идёт о внедрении в практику таких методов: следственный эксперимент; предъявление для опознания; проверка показаний на месте. Именно инициатива криминалистов привела к тому, что вышеуказанные методы стали законными процессуальными действиями. Достаточно серьёзные дискуссии сопровождали внедрение в уголовно-процессуальную практику следующих методов: полиграфология, судебная одорология, приёмы психологического воздействия на лиц, подвергаемых допросу. Сказанное относится в том числе к такому способу фиксации, как видеозапись. По итогу дискуссий выявлялись оптимальные варианты решения проблем и разрабатывались правки в законодательные акты.

Проведение доследственных проверок в течение трёх суток (как это предписано законом) стало скорее исключением, чем правилом. В большей части случаев проверка занимает от десяти суток и более. Известны случаи, когда доследственные проверки проводились на протяжении 30 суток. Следует отметить, что каждый выход за пределы установленного законом 3-суточного срока требует вынесения соответствующего постановления о продлении срока. Это также занимает определённое время. Практика показывает, что иногда на полноценную доследственную проверку не хватает и 30 суток (например, в связи с отсутствием соответствующей инфраструктуры на определённой территории или по причине формальных сложностей самой процедуры).

Сотрудники органов предварительного расследования могут отказать в возбуждении дела, приложив к отказу ходатайство перед прокурором об отмене. В значительной степени эта мера обусловливается желанием следователя или дознавателя оградить себя от возможных обвинений в будущем в умышленном укрывательстве преступлений. В итоге прокурор принимает решение об удовлетворении поданного ходатайства. Следователь или дознаватель получает дополнительное время, чтобы принять обоснованное, законное и справедливое решение. Представляется, что такая практика в значительной мере обуславливается дефек-

тами существующего законодательного регулирования. Поэтому на данном этапе существует объективная потребность в разработке соответствующих законодательных изменений [10, с. 3].

Не вызывает сомнений тот факт, что надзорная деятельность прокурора должна охватывать сферу принятия процессуальных решений в рамках стадии возбуждения дела. Однако не понятно, почему мнение прокурора при возникновении противоречия с органами предварительного расследования является приоритетным? Ведь прокурор тоже может ошибиться. Вынужденное прерывание расследования может привести в итоге к тому, что дело и вовсе окажется нераскрытым. В таком случае цели уголовно-процессуальной деятельности не будут достигнуты. Для недопущения подобного можно внести некоторые изменения в существующий порядок реагирования прокурора на факты нарушения закона, которые, по его мнению, были допущены при возбуждении производства по делу.

Выводы

Учитывая сказанное, предлагается пересмотреть существующий подход и исключить из компетенции прокурора полномочие, дающее ему право отменять постановление следственных органов о возбуждении производства по делу (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). При этом целесообразно распространить на нарушения, допускаемые при вынесении указанного процессуального решения, общий порядок прокурорского реагирования, предусматриваемый п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Прокурор, выявив нарушение федерального закона, должен будет направить требование о необходимости его устранения, что вполне вписывается в рамки прокурорского надзора.

Заключение

Целесообразным видится восстановление права прокуроров давать следователям обязательные к исполнению на стадии предварительного следствия письменные указания (например, о проведении следственных действий). При этом полномочия прокурора в части таких указаний не должны быть безграничными.

Ранее прокуроры обладали довольно широким спектром полномочий в части предупреждения потенциальных нарушений закона и пресечения уже допущенных нарушений. В частности, они могли отменить необоснованное и незаконное постановление дознавателя или следователя, а также дать им письменные указания, обязательные для исполнения. Функции прокуроров по предупреждению потенциальных нарушений закона реализовались в том числе путём предварительного согласования важных процессуальных решений, принимаемых органами дознания и следователями. Полномочия прокурора в части предупреждения возможных нарушений закона сохранены только применительно к процессуальным решениям, выносимым органами дознания. Учитывая юридиче-

скую сущность этого полномочия, можно заключить, что оно в большей степени присуще функции процессуального руководства расследованием (которая в принципе не свойственна прокурорам), а не функции прокурорского надзора.

Ранее действовавшее законодательство наделяло прокуроров правом на отмену необоснованных и незаконных постановлений, вынесенных дознавателями и следователями. Данное право представляло собой достаточно эффективное процессуальное средство, позволявшее устранять нарушения закона, допускаемые сотрудниками органов предварительного расследования. Применение этого процессуального средства было особенно востребованным и эффективным тогда, когда нарушения должны были быть устранены максимально быстро (к примеру, если имело место ограничение свобод и прав человека). Исключив из компетенции прокуроров рассматриваемое полномочие, законодатель включил в УПК РФ возможность требовать устранения органами предварительного расследования допущенных нарушений.

Если прокурору отказано в удовлетворении его требования, то он может поэтапно предъявить его вышестоящему руководству следственных органов. Такая процедура предусмотрена в УПК РФ (ч. 6 ст. 37). Однако её эффективность сомнительна, поскольку итоговое решение принимается Генеральным прокурором РФ, а не высшим руководством следственных органов [3].

Соответственно, налицо ряд недостатков, требующих устранения. Устранить рассмотренные недочёты можно путём законодательного закрепления процедуры, предполагающей неукоснительное обязательное исполнение требований прокурора относительно устранения выявленных фактов нарушений закона. Норма об обязательном неукоснительном исполнении должна распространяться также на письменные указания, вытекающие из требования прокурора, относительно мер по устранению выявленных нарушений закона, об объёме обвинения и квалификации деяния. Следователь, обладая процессуальной самостоятельностью, может избежать исполнения требования прокурора, обжаловав его (полностью или частично) вышестоящему прокурору или Генеральному прокурору РФ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921,
2. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»// Российская газета, N 160, 18.08.1995.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 15.02.2011 N 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»// Законность, N 5, 2011 (Приказ).

4. Федеральный закон от 20.04.1995 N 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 24.04.1995. N 17. Ст. 1455.
5. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 20.02.1992. N 8. Ст. 366.
6. Ергашев Е.Р. Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры; Ергашев Е.Р., Шваба Ф.В. Процессуальные средства прокурора: проблемы правовой регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2019. N 1.
7. Прокурорский надзор: Учеб.: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под общ. ред. О.С. Капинус. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 155
8. Родионова А.Д. Значение и проблемы прокурорского надзора за производством дознания и предварительного следствия // Молодой учёный. 2018. N 25. С. 234–235.
9. Силкин В.П. Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-правовой деятельностью органов предварительного расследования // Проблемы в российском законодательстве. 2017. N 5. С. 164–167.
10. Филипенко С.В. Классификация правовых средств органов прокуратуры, применяемых при надзоре за исполнением законов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. N 3.

MEASURES OF PROSECUTOR'S RESPONSE TO VIOLATIONS OF PROCEDURAL LEGISLATION COMMITTED BY CRIMINAL INVESTIGATORS (BASED ON THE LEGISLATION OF THE 1990S – EARLY 2000S)

Gajiyev A.B., Glushkov A.I.
State University "Dubna"

The purpose of this study is to examine the procedure of prosecutor's supervision over the execution of laws by investigators in the investigation of crimes, the order of application of prosecutor's response measures in the detection of violations of the law by investigators and bodies of inquiry in the period of 90s – early 2000. Conclusions: The results of prosecutor's inspections show that a significant number of violations committed at the stage of investigation of criminal cases were facts of illegal and unjustified termination of criminal cases and suspension of inquiry, including repeated ones. There were even cases of substitution of extension of the terms of inquiry by illegal suspension of the inquiry. In 2000, there were also cases of repeated extensions of inquiries on the same grounds and of late recognition of a person as a victim. Reasonable terms of criminal proceedings at the stage of initiation of a case were violated. In the present article the author analyzes the measures of response applied by the prosecutor in case of detection of violation of legislation by the investigation and inquiry bodies in the period of 90s – early 2000.

Keywords: prosecutor, prosecutorial supervision, investigator, criminal case, prosecutor's powers, prosecutorial response measures

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, N 52 (Part I), Art. 4921,

2. Federal Law of 12.08.1995 N 144-FZ "On operative-search activity" // Rossiyskaya Gazeta, N 160, 18.08.1995.
3. Order of the General Prosecutor's Office of Russia from 15.02.2011 N 33 "On the organization of prosecutor's supervision over the execution of laws in the implementation of operational-search activities" // Legality, N 5, 2011 (Order).
4. Federal Law of 20.04.1995 N 45-FZ "On state protection of judges, officials of law enforcement and controlling bodies" (ed. of 03.02.2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 24.04.1995. N 17. Art. 1455.
5. Federal Law of January 17, 1992 N 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 20.02.1992. N 8. Art. 366.
6. Ergashev E.R. The concept and classification of legal means used by the prosecutor's office; Ergashev E.R., Shvaba F.V. Procedural means of the prosecutor: problems of legal regulation // Russian law: education, practice, science. 2019. N 1.
7. Prosecutor's supervision: Study: In 2 vol. T. 1: General part / Under the general ed. O.S. Kapinus. 4th ed., revision and supplement.m.: Yurait, 2019. C. 155
8. Rodionova A.D. Significance and problems of prosecutor's supervision over the production of inquiry and preliminary investigation // Young Scientist. 2018. N 25. C. 234–235.
9. Silkin V.P. Practice and problems of prosecutor's supervision over criminal legal activity of preliminary investigation bodies // Problems in Russian legislation. 2017. N 5. C. 164–167.
10. Filipenko S.V. Classification of legal means of the prosecutor's office bodies used in the supervision of the execution of laws // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. N 3.

Возможности и ограничения правового регулирования применения информационных технологий: обобщение международного опыта

Ляхов Владислав Андреевич,

аспирант, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: l-vlad07@yandex.ru

Цель настоящей статьи – рассмотреть тенденцию развития цифровых технологий и опыта их правового регулирования через призму нормативной практики и правоприменительно-го опыта иностранных государств, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза и Китайской Народной Республики. Результатом исследования является анализ юридических положений указанных государств, в частности: юридической нормы, регулирующих цифровые права граждан и практику использования технологий в государственном управлении. В статье подробно разбираются отдельные нормативные акты, которые, по мнению автора, играют ключевую роль в правовом регулировании цифровых технологий. Кроме того, в рамках исследования автор подытоживает американский, европейский и китайский подходы правового регулирования цифровых технологий, и даёт каждому из них характеристику. В заключении, можно отметить, что данное исследование способствует обнаружению общих правовых тенденции и проблем в данной сфере правового регулирования.

Ключевые слова: актуальные проблемы права; цифровизация, digital law, legal tech, юридические коллизии, зарубежное право, правовое регулирование; сравнительное правоведение

В рамках исследования объектами для изучения были выбраны законодательство и практика Соединённых Штатов Америки, Европейского Союза и Китайской Народной Республики, поскольку представленные страны и государственные образования являются лидерами в развитии и применении инновационных технологий, и обладают комплексными правовыми подходами регламентации использования технологий.

В первую очередь рассмотрим правовую базу Европейского Союза, поскольку благодаря специфики данного государственного образования европейское законодательство отличается большей универсальностью и комплексным подходом по сравнению с другим нормативным материалом.

Европейское законодательство, регулирующее сферу цифровых технологий, делится на две ключевые категории: законы, охраняющие персональные данные, и законы, способствующие развитию единого цифрового рынка. Принятое в 2016 году Постановление ЕС 2016/679, известное как «Общий регламент о защите персональных данных» [12], заменило предыдущую Директиву 95/46/ЕС [10], существенно расширив сферу защиты личных данных пользователей.

Во-первых, европейское законодательство о персональных данных обрело экстерриториальный характер. Это означает, что компании в сфере информационных технологий, которые собирают, хранят или используют персональные данные пользователей, должны полностью соответствовать европейским нормам, даже если они не имеют регистрации в Европейском союзе. В противном случае они либо не могут вступить на европейский цифровой рынок, либо подлежат штрафам за нарушение законодательства.

Во-вторых, «Общий регламент о защите персональных данных» закрепил «право на забвение», возникшее из судебной практики [11]. Это право дает людям возможность требовать удаления своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы и цифровые сервисы при определенных условиях. Кроме того, европейские пользователи получили право запрашивать подтверждение обработки своих персональных данных, узнавать цели обработки, определять, кому предоставляются их данные, а также требовать исправления или прекращения обработки данных.

На первый взгляд, эти изменения могут показаться незначительными. Однако в контексте цифровых продуктов согласие на обработку персональных данных включено в большинство пользовательских соглашений, и отказаться от него мож-

но только отказавшись от использования продукта. Тем не менее, даже после прекращения использования продукта, согласие на обработку персональных данных остается действующим, что может привести к сбору данных в автономном режиме. Этот правовой пробел умалял защиту персональных данных, так как пользователь не имел возможности отозвать свое согласие. Значимость «Общего регламента о защите персональных данных» подтверждается тем, что после его введения российская социальная сеть «ВКонтакте» предоставила пользователям из Европы право запрашивать всю информацию о себе, хранящуюся на серверах компании, и требовать её удаления, что позднее стало доступно и для российских пользователей.

Европейский правовой опыт находит свое отражение в ряде нормативных актов, среди которых выделяются «Закон о цифровых услугах» и «Закон о цифровых рынках», вступившие в силу в рамках масштабной реформы цифровой индустрии Евросоюза.

Целью «Закона о цифровых услугах» [4], является устранение правовой неопределенности путем внедрения современной правовой базы для цифровых сервисов. Его главная задача заключается в обеспечении минимизации потенциальных рисков для пользователей цифровых услуг, защите их гражданских прав и создании безопасной и надежной онлайн-среды. Однако на сегодняшний день остаются неясными критерии, определяющие, что именно считается «потенциальными рисками». Вопрос охватывает ли он только незаконный контент или также вредоносный контент, который подрывает демократические ценности, остается открытым. Новое законодательство также имеет экстерриториальный характер, что обязывает компании, предоставляющие цифровые услуги гражданам ЕС, соблюдать его требования, независимо от места регистрации компании.

«Закон о цифровых рынках» [5], предусматривает дополнительные обязательства для крупных IT-компаний. Европейские антимонопольные органы стремятся решить проблемы систематического злоупотребления крупными онлайн-платформ, таких как Amazon, Apple, Google и Microsoft, доминирующим положением на рынке. Для достижения этой цели предусмотрены законодательные ограничения на продвижение собственных цифровых продуктов на своих онлайн-платформах в ущерб другим компаниям, а также обязательство обмена данными с другими компаниями и государствами. Учитывая, что в цифровой экономике данные играют ключевую роль, обеспечение обмена данными приобретает стратегическое значение для повышения конкурентоспособности и эффективности цифровых услуг.

Таким образом, главной целью данных законов является совершенствование общеевропейских стандартов в цифровой сфере и уменьшение влияния иностранных IT-компаний на европейский цифровой рынок, а также на Евросоюз в целом. Для достижения этой цели предусмотрены как

непосредственные ограничения и обязательства для IT-компаний, так и расширение прав европейских граждан в отношении защиты их персональных данных. Представленными методами европейские законодатели стремятся создать более сбалансированную и безопасную цифровую среду, гарантирующую прозрачность, защиту персональных данных и улучшенные права потребителей. Однако, несмотря на то, что в целом европейское законодательство является сбалансированным и направлено на унификацию [11], существуют специфические примеры практики использования цифровых технологий. К ним относятся отдельные нормативные правовые акты, регулирующие сбор и анализ персональных данных для государственных нужд и использование инновационных технологий в государствах-членах [17], Европейского союза [20], резолюция Европейского Парламента «О рекомендациях Комиссии по стандартам гражданского права в области робототехники» 2017 года. Данные примеры подтверждают тезис о том, что Евросоюз хоть и менее активно, но следует тенденциям внедрения цифровых технологий (например, программ-алгоритмов) в правовую практику и государственное управление, что активно происходит и в других государствах.

Интересным примером в данном контексте является опыт Соединенных Штатов в области правового регулирования и реального применения цифровых технологий. В связи с уникальными особенностями американской правовой системы, законы не только оказывают влияние на практику использования технологий, но и активно воспринимают и учитывают практический опыт, сложившийся в обществе. Данный подход делает американское законодательство гибким и адаптивным к быстро меняющимся технологическим и социальным реалиям.

Так, в 1980 были приняты законы Стивенсона-Уайлдера «О технологической инновации» [6], и Бэя-Доула [7], которые регламентировали развитие национального рынка информационных технологий и автоматизации систем государственного управления.

В последующем, на основании данных правовых актов была создана нормативная основа для правового регулирования цифровой отрасли в США, в частности, через отдельные нормативные правовые акты в рамках «легального лоббирования крупнейших национальных IT-корпораций, таких как IBM, Apple, Microsoft» с учетом антимонопольного законодательства.

К наиболее важным правовым актам на данный момент относится «Программа цифровизации экономики» принятая в 2016 году, которая предусматривает одновременно расширение уровня доступа информации и технологий для широких слоев населения вместе с увеличением государственного контроля цифровой сферы в целях обеспечения информационной безопасности.

Кроме того, необходимо также отметить два нормативных правовых акта, регулирующих сбор

и использование персональных данных для государственных нужд, в первую очередь связанных с национальной безопасностью. Так, после «терактов 11 сентября» в 2001 году был принят «Акт о патриотизме» [2], который фактически легализовал сбор персональных данных граждан в автоматическом режиме без тщательного контроля со стороны судебной власти и гражданского общества, в целях обеспечения правопорядка. Однако, после разоблачения «массовой слежки спецслужб США» Эдвардом Сноуденом и дальнейших разбирательств, «Акт о патриотизме» был заменен, «Актом о свободе» [1], Принятый в 2015 году «Акт о свободе» отменял возможность массового сбора данных без конкретной цели, вместо этого требовался судебный ордер для конкретного случая перехвата данных, кроме этого, если ранее за сбор и хранение данных отвечали спецслужбы, в частности, Агентство национальной безопасности, то теперь эти функции выполняли коммуникационные провайдеры. Тем не менее, необходимо отметить, что невозможно точно оценить, как функционирует законодательство США в данной сфере, поскольку после «разоблачения Сноудена», стало также известно о секретном Постановлении Суда по делам внешней разведки США, принятом в 2013 году и обязывающем телекоммуникационные компании передавать информацию о телефонных звонках своих абонентов АНБ. На данный момент, данное постановление уже отменено, однако невозможно сказать точно, не действует ли новое «секретное постановление».

Кроме того, на данный момент до сих пор не решен вопрос о реформировании раздела 230 «Закона об этике в сфере коммуникаций» [7] 1996 года. Данный раздел регламентирует ответственность за публикацию запрещенного материала в информационном пространстве. Так, если данный раздел будет изменен, то ответственность за подобное будет возложена и на владельцев информационных площадок, за что выступают представители демократической партии. На практике это означает, что если пользователь оставит расистский комментарий или иной запрещенный контент, то к юридической ответственности можно привлечь не только пользователя, но и владельцев сайта, поскольку они вовремя не удалили информацию и не предприняли дальнейших действий к недопущению подобного. Можно заметить, что данная инициатива во многом перекликается с реформами Евросоюза.

Более того, ввиду федеративного устройства США есть примеры существеннее. Так, с начала 2020 года вступил в силу «Калифорнийский закон о конфиденциальности потребителей» [5], который во многом повторяет положения европейского «Общего регламента защиты персональных данных» и предусматривает «право на забвение», «право на отзыв согласия на обработку данных и т.д.».

Данные положения касались законодательного опыта США, однако практика использования тех-

нологий в государственном управлении не менее богата.

В 2018 году в Соединенных Штатах частная компания Palantir представила несколько из своих программных проектов, в числе которых особо выделяется «Gotham» [16]. Эта инновационная программа способна собирать и анализировать обширные объемы информации, а затем представлять ее в удобной визуализированной форме. Программа «Gotham» в первую очередь ориентирована на использование государственными учреждениями США. Например, полиция или службы скорой помощи могут быстро отправить ближайший патруль или бригаду еще до полного осведомления о происшествии, таким образом, действуя в реальном времени и повышая эффективность оперативного реагирования. Это может даже влиять на правовые последствия конкретного инцидента. Например, при вызове о насилии, полицейские могут принять дополнительные меры защиты или противодействия, если в процессе анализа выявится, что один из участников конфликта является рецидивистом или ранее был осужден за серьезные преступления. Используя информацию, полученную от «Gotham», принятие соответствующих мер в ответ на угрозу может быть обоснованным или, наоборот, неприемлемым.

Один из наиболее ярких примеров такого подхода – использование программы «Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions» (далее – COMPAS) американскими судьями. Основная задача этой системы заключается в сборе и анализе информации о правонарушителях с целью предоставления объективного информационного отчета и рекомендаций для судей при рассмотрении их дел и принятии судебных решений. Работа системы основана на загрузке в нее статистических данных об общей преступности и ее типах в определенной локации, а также о различных факторах, таких как этнический состав и количество лиц, осужденных за совершенные преступления. Кроме того, в систему вносятся конкретные данные о каждом правонарушителе или подозреваемом в совершении преступления, включая детали конкретного дела. На основании этих данных COMPAS предоставляет рекомендации относительно вероятности рецидива обвиняемого и возможных мер по предотвращению этого (например, предложение более мягкого или строгого наказания). Следует отметить, что эта система разработана для облегчения работы судей, а не для замены их, и все судебные решения принимаются исключительно судьями. COMPAS представляет собой лишь инструмент для повышения эффективности судопроизводства, предоставляя рекомендации, но не принимая окончательных решений. Тем не менее, система получила критику от американских правозащитников из-за того, что она увеличивает вероятность отказа в условно-досрочном освобождении афроамериканским правонарушителям на 30% на основе статистики, свидетельствующей о том, что афроамериканцы

чаще совершают рецидивы. Это вызывает вопросы о предвзятости системы и формировании статистических данных, что может привести к проблемам с некорректной репрезентативностью и циклическому подтверждению стереотипов.

Таким образом, американский опыт в области права и применения цифровых технологий в государственной сфере указывает на более широкое внедрение цифровых инноваций в обществе США. Однако существуют существенные проблемы, связанные с использованием этих технологий. Некоторые из этих проблем связаны с тем, что еще не сформированы должным образом новые правовые стандарты, а другие обусловлены способами применения технологий в различных ситуациях и для разнообразных целей.

Наконец, следует перейти к китайскому опыту регулирования и применения цифровых технологий.

Необходимо сразу отметить особенность юридической политики и правовой системы Китайской Народной Республики. Так, правовая система КНР во многом сходна с классической континентальной правовой системой, главенствующая роль у писаной конституции – Конституции КНР 1982 года [9], а все значимые общественные вопросы регулируются при помощи законов, при этом не существует различий между законами и кодексами, за ними в правовой иерархии стоят административно-правовые акты и нормативные правовые документы, принимаемые Государственным Советом, а также административно-правовые акты органов местного управления.

Вместе с тем, КНР официально является социалистической страной, что в свою очередь определяет главенствующую роль коммунистической партии Китая в государственном управлении и вместе с тем высокий уровень вовлеченности государства в общественные отношения.

Данные обстоятельства значительным образом влияют на регулирование цифровой сферы и применение технологий в правоприменительной деятельности.

Одним из примеров китайской специфики является проект «Золотой Щит», иногда называемый «Великим китайским файрволом», действующий с 2006 года. Он регулируется несколькими отдельными правовыми актами, подготовленными Министерством промышленности и информатизации КНР, Министерством науки и технологий КНР, а также Министерством общественной безопасности. Общая суть проекта «Золотой Щит» – ограничение нелегальной информации и обеспечение информационной безопасности граждан. Китайским СМИ запрещено ссылаться на сайты, которые не прошли проверку уполномоченных органов на соответствие законодательными стандартами, а китайские пользователи не могут получить доступ к сайтам и сервисам, также не прошедшим лицензирование. По факту «Золотой щит» – это пример тотальной государственной цензуры 21 века. Так, вместо распространённых в мире социаль-

ных сетей и сервисов, таких как Facebook и Google, в Китае действуют либо их специальные аналоги для китайских пользователей, либо национальные (государственные) социальные сети и сервисы.

Поскольку большинство персональных данных китайских пользователей аккумулируются в тех же китайских сервисах, то государство обладает фактически неограниченным доступом к ним. Данное обстоятельство позволило китайским властям значительным образом продвинуться в использовании цифровых технологий. Так, в 2014 году Государственным Советом был подготовлен документ «О планировании строительства системы социального доверия» в котором в обобщённом виде сформулирована цель дальнейшего улучшения экономической системы, укрепления и внедрения инноваций в социальном управлении. Сама система социального рейтинга работает следующим образом, вся информация об индивидуальном поведении, основанная на различных источниках: нарушение законов; поведение, фиксируемое видеонаблюдением; финансовая активность; Интернет-активность (связи в соц. сетях, посещаемые сайты, распространение негативной информации, оскорбления, ложная социально значимая информация); социальный круг гражданина и тому подобное, передается в национальную базу данных системы. На основе этой информации к гражданам могут применяться как негативные, так и позитивные санкции.

В случае если у гражданина высокий социальный рейтинг, то он имеет право претендовать на различные социальные меры поддержки, такие как государственные субсидии, льготы при оплате коммунальных услуг, льготные условия кредитования, приобретение железнодорожных и авиабилетов, и т.д. – все это позитивные санкции [16].

К негативным санкциям относятся: ограничения на перемещение граждан, сложности при трудоустройстве, ограничения на получение кредитов и субсидий и попадание в различные «черные списки» [16].

Ко всему вышеперечисленному следует добавить, что в КНР реализуется проект «Острый глаз» [13], который предполагает увеличение количество средств видеофиксации до 600 миллионов и их объединение в общую сеть с национальными базами данных, а кроме этого значительные финансовые средства выделяются на внедрение иных инновационных технологий в правоприменительной деятельности [14], таким образом, формируется тотальная система контроля.

Не расписывая детально систему социального рейтинга не сложно заметить, что она настолько же эффективна, насколько не соответствует международным правозащитным стандартам. Тем не менее, если абстрагироваться от международной практики, китайский опыт регулирования и применения цифровых технологий чуть ли не единственный, где в полной мере происходит синтез теории и практики. Возможно, это не очень хорошо видно на примере законодательства касающегося об-

щественной безопасности, поскольку нормативные правовые акты, сформулированы, обобщено, а правоприменительная практика не представлена широкой публике. Однако, следует изучить Закон КНР «Об электронной коммерции» и Закон КНР «О криптографии» принятые в 2019 году и направленные на развитие электронной торговли и применение цифровых валют. В данных правовых актах установлены стандарты осуществления электронно-денежного оборота и шифрования, которым должны соответствовать цифровые активы. И действительно, Китай является одним из лидеров развития цифровой экономики, который при этом легализовал рынок криптовалют.

Таким образом, КНР демонстрирует проактивный подход в вопросе регулирования и применения цифровых технологий.

Представленный зарубежный опыт применения и регулирования современных информационных технологий продемонстрировал, что не существует единого и универсального подхода в данном вопросе. Вместе с тем, он обнажил как общие тенденции и проблемы в данной сфере, так и частные аспекты, того как некоторые государства и государственные образования стараются приспособиться к технологическому прогрессу.

Литература

1. Act on Uniting and Strengthening America by Fulfilling Rights and Ensuring Effective Discipline Over Monitoring (USA FREEDOM ACT) // [Электронный ресурс] Официальный сайт Конгресса США URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048/text> (дата обращения 01.03.2024)
2. Act on Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT ACT) // [Электронный ресурс] Официальный сайт законодательства Соединенных Штатов Америки URL: <https://www.sec.gov/about/offices/ocie/aml/patriotact2001.pdf> (дата обращения 01.03.2024)
3. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) and amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 final // [Электронный ресурс] Официальный сайт законодательства Европейского Союза URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608117147218&uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (дата обращения 01.03.2024)
4. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) COM/2020/842 final // [Электронный ресурс] Официальный сайт законодательства Европейского Союза URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (дата обращения 01.03.2024)
5. SB-1121 California Consumer Privacy Act of 2018 // [Электронный ресурс] сайт законодательства штата Калифорнии URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201720180SB1121 (дата обращения 01.03.2024)
6. Stevenson–Wylder Technology Innovation Act of 1980 (as amended through America Competes Re-authorization Act of 2010 // Public Law 111–358. 124. Stat. 3982.
7. Telecommunications Act of 1996 // [Электронный ресурс] Официальный сайт Конгресса США URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ104/PLAW-104publ104.pdf> (дата обращения 01.03.2024)
8. The Bayh–Dole Act or Patent and Trademark Law Amendments Act // Public Law 96–517. 94. Stat. 3015.
9. Конституция Китайской Народной Республики от 04.12.1982 // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 224–258.
10. Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» (Принята в г. Люксембурге 24.10.1995) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2569783/> (дата обращения 01.03.2024) Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 1415 (ред. от 22.02.2020) «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств») // «Собрание законодательства РФ». 03.12.2018. № 49 (часть VI). ст. 7619.
11. Постановление Европейского Суда Справедливости от 13 мая 2014 г. Дело Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса» (Google Spain SL and Google Inc.v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez) (Дело № C-131/12CJEU) (Большая Палата) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 2
12. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (Принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // Информационно-правовой портал «Гарант».

URL: <https://base.garant.ru/71936226/> (дата обращения 01.03.2024)

13. Fei Shen. Social Credit System in China 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/331733377_Social_Credit_System_in_China (дата обращения: 14.02.2024).
14. Zhou Wang. Is China's Grassroots Social Order Project Running out of Money? – Sixth Tone. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1002393/is-chinas-grassroots-social-orderproject-running-out-of-money%3F> (дата обращения: 01.01.2024)
15. Алексеенко А.П. Регулирование использования поисковых алгоритмов в соответствии с Законом КНР «Об электронной коммерции» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. № 2. С. 118–126
16. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. № 2. С. 252–253
17. Камалян В.М. Правовое регулирование криптовалют и блокчейн-технологий в Германии и Италии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 197–206
18. Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики // Пер. с кит. – М.: Интеллектуальная литература, 2019. – 250 с.
19. Марченко М. Н., Дерябина Е.М. Правовая система Европейского союза // М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 563–578
20. Талапина Э.В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 164–184

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES: GENERALIZATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

Lyakhov V.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The purpose of this article is to consider the trend in the development of digital technologies and the experience of their legal regulation through the prism of regulatory practice and law enforcement experience of foreign countries, primarily the United States of America, the European Union and the People's Republic of China. The result of the study is an analysis of the legal provisions of these states, in particular: the legal norm governing the digital rights of citizens and the practice of using technology in public administration. The article examines in detail individual regulations, which, in the author's opinion, play a key role in the legal regulation of digital technologies. In addition, within the framework of the study, the author summarizes the American, European and Chinese approaches to the legal regulation of digital technologies, and gives each of them a characteristic. In conclusion, it can be noted that this study helps to identify common legal trends and problems in this area of legal regulation.

Keywords: current problems of law; digitalization, digital law, legal tech, legal conflicts, foreign law, legal regulation; comparative law.

References

1. Act on Uniting and Strengthening America by Fulfilling Rights and Ensuring Effective Discipline Over Monitoring (USA FREEDOM ACT) // [Electronic resource] Official website of the US Congress URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048/text> (accessed 03/01/2024)
2. Act on Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT ACT) // [Electronic resource] Official website of the legislation of the United States of America URL: <https://www.sec.gov/about/offices/ocie/am/patriotact2001.pdf> (accessed 03/01/2024)
3. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) and amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 final // [Electronic resource] Official website of the legislation of the European Union URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608117147218&uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (accessed 03/01/2024)
4. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on competitive and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) COM/2020/842 final // [Electronic resource] Official website of the legislation of the European Union URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (accessed 03/01/2024)
5. SB-1121 California Consumer Privacy Act of 2018 // [Electronic resource] California State Legislation website URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201720180SB1121 (accessed 01.03.2024)
6. Stevenson–Wylder Technology Innovation Act of 1980 (as amended through America Competitions Re-authorization Act of 2010 // Public Law 111–358. 124. Stat. 3982.
7. Telecommunications Act of 1996 // [Electronic resource] Official website of the U.S. Congress URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ104/PLAW-104publ104.pdf> (accessed 03/01/2024)
8. The Bayh–Dole Act or Patent and Trademark Law Amendments Act // Public Law 96–517. 94. Stat. 3015.
9. Constitution of the People's Republic of China dated 04.12.1982 // Constitutions of Asian States. Volume 3. The Far East. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm, 2010. pp. 224–258.
10. Directive No. 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union “On the protection of individuals in the processing of personal data and on the free circulation of such data” (Adopted in Luxembourg on 10/24/1995) // Information and legal portal “Garant”. URL: <https://base.garant.ru/2569783/> (accessed 03/01/2024) Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1415 dated 11/26/2018 (ed. dated 02/22/2020) “On conducting an experiment on trial operation on public roads of highly automated vehicles” (together with the “Regulations on conducting an experiment on trial operation on public roads of highly automated vehicles”) // “Collection of legislation of the Russian Federation”. 03.12.2018. No. 49 (Part VI). Art. 7619.
11. Ruling of the European Court of Justice dated May 13, 2014. The case of Google Spain SL and Google Inc. against the Spanish Data Protection Agency (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez (Google Spain SL and Google Inc.v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez) (Case no. C-131/12CJEU) (Grand Chamber) // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2015. № 2
12. Regulation No. 2016/679 of the European Parliament and of the Council of the European Union “On the protection of individuals in the processing of personal data and on the free circulation of such data, as well as on the repeal of Directive 95/46/EC (General Regulation on the Protection of Personal Data)” (Adopted in Brussels on 04/27/2016) // Garant Information and Legal Portal. URL: <https://base.garant.ru/71936226/> (accessed 01.03.2024)
13. Fei Shen. Social Credit System in China 2019 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/331733377_Social_Credit_System_in_China (date of application: 02/14/2024).
14. Zhou Wang. Is China's Grassroots Social Order Project Running out of Money? – Sixth Tone. [electronic resource]. URL: <https://>

www.sixthtone.com/news/1002393/is-chinas-grassroots-social-orderproject-running-out-of-money%3F (date of reference: 01.01.2024)

15. Alekseenko A.P. Regulation of the use of search algorithms in accordance with the Law of the People's Republic of China "On Electronic Commerce" // Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2020. No. 2. pp. 118–126
16. Grafov D.B. The system of social rating in China as an information and communication technology of encouragement and punishment // Power. 2020. No. 2. pp. 252–253
17. Kamalyan V.M. Legal regulation of cryptocurrencies and blockchain technologies in Germany and Italy // Actual problems of Russian law. 2020. No. 7. pp. 197–206
18. Ma Huateng, Meng Zhaoli, Yang Delhi, Wang Hualei The digital transformation of China. The experience of transforming the infrastructure of the national economy // Trans. from kit. – M.: Intellectual literature, 2019. – 250 p.
19. Marchenko M. N., Deryabina E.M. The legal system of the European Union // Moscow: Norm, Infra-M, 2012. pp. 563–578
20. Talapina E.V. Digital transformation in France: legal novels // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 4. pp. 164–184

Историко-правовой анализ реформы местной юстиции 1912 года П.А. Столыпина

Погарцев Виталий Васильевич,

кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогике и истории, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: vpoгарcev@yandex.ru

В статье исследуется проблема введения в Российской империи системы местных судов в рамках последней реформы П.А. Столыпина, направленной на установление в земствах органов местной юстиции. Автор делает попытку анализа и сравнения нормативно-правовых источников, выпущенных в ходе судебной реформы 1864 года правительством императора Александра II и нормативно-правовых источников, выпущенных уже в эпоху существования ограниченной монархии в Российской империи. В первой половине статьи исследуется период долгого согласования законопроекта «О преобразовании местного суда» между двумя непримиримыми ведомствами: Государственным советом и Государственной Думой. Отмечается лавирование правительства П.А. Столыпина между государственными органами и органами представительной законодательной власти. Во второй половине статьи автор подробно подвергает анализу закон «О преобразовании местного суда» в контексте появившихся изменений по сравнению с предыдущими нормативно-правовыми источниками государства в сфере местного судопроизводства.

Ключевые слова: местная юстиция, судебная реформа, Российская империя, судопроизводство, мировые судьи.

К началу XX века базовой нормативно-правовой основой для деятельности системы общих судов являлись Судебные уставы 1864 года с их последующими правовыми трансформациями. Конструкция судебной власти в Российской империи основывалась на сети окружных судов, позиционировавшихся в статусе судов первой инстанции. Вторую, то есть апелляционную инстанцию, представляли судебные палаты. И, наконец, вершину судебной власти олицетворял Правительствующий Сенат, как орган судебного надзора и кассационная инстанция.

В сложившейся судебной системе деятельность местных судов, призванных обеспечивать интересы самого многочисленного слоя населения Российской империи – крестьянства, выглядела слабо выраженной и малоэффективной. Всё дело в том, что местное судопроизводство в организационном плане находилось в разном ведомственном подчинении что, безусловно, мешало слаженной работе местных судебных органов.

По этому поводу министр юстиции И.Г. Щегловитов на выступлении перед депутатами Государственной Думы в конце 1909 года резонно отмечал, что новому сельскому собственнику нужна «судебная защита, и хотелось бы, чтобы он её действительно находил» [1].

Основной целью правительства, возглавляемого П.А. Столыпиным, в рамках предстоящей реформы ставилась приоритетная задача системно создать условия для создания в сельских регионах судов, доступных населению, безотносительно от сословных, национальных, конфессиональных и иных признаков. При этом местные суды должны были осуществлять свою деятельность на основе общеимперского процессуального и материального права и входить в единую систему судебных инстанций. На своём выступлении перед Государственным советом в 1910 году П.А. Столыпин сделал акцент на необходимости предстоящей реформы: «После землеустроительной реформы самой настоятельной реформой является преобразование местного суда» [2].

Необходимо отметить, что работа над проектом закона «О преобразовании местного суда» началась ещё в 1905 году под руководством министра юстиции Н.В. Муравьёва. Но революционные события 1905–1907 годов не позволили реализовать данный проект. Зимой 1907 года, при подготовке своей правительственной программы предстоящих реформаторских мероприятий, П.А. Столыпин включает проект закона «О преобразовании местного суда» в перечень планируемых событий

[3]. Ответственным лицом за доработку неоконченного проекта был назначен недавно вступивший в должность министра юстиции известный российский криминолог И.Г. Щегловитов. За время своего руководства министерством он трижды будет вносить проект указанного закона на рассмотрение Государственной Думы.

В день открытия II-ой Государственной Думы, 20 февраля 1907 года, П.А. Столыпин выступил перед депутатами с декларативной речью, в которой содержались планируемые его правительством мероприятия будущих реформ. В этой речи он заявил о том, что «в строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда». Вместо опорочившего себя института земских начальников и волостных судов, П.А. Столыпин предлагал вновь ввести мировые суды «доступные, дешёвые, скорые и близкие к населению». Всю судебную власть по делам местной юстиции предлагалось сконцентрировать в руках выборных мировых судей, к подведомственности которых также предлагалось передать основную часть дел, подчинённых юрисдикции общих судебных установлений [4].

Однако в последующие четыре года проект закона так и останется проектом в силу двух причин:

- во-первых, внутри самой Государственной Думы, куда проект был отправлен на рассмотрение, внутри депутатского корпуса обнажились практически неразрешимые разногласия. Депутаты, представители правых партий, считали, что правительство и так далеко зашло в своём либеральном заигрывании с населением, имея в виду октябрьский манифест 1905 года и указ о крестьянском землевладении от 9 ноября 1906 года. Представители левого крыла Государственной Думы, напротив, считали намерения правительства Столыпина «половинчатыми» и требовали их расширения;
- во-вторых, члены Государственного совета, куда 29 мая 1910 года был отправлен законопроект, тянули с утверждением долгих полтора года. Специально созданная в недрах Госсовета Особая комиссия разбирала и устраняла противоречия, возникшие с Государственной Думой.

Проект закона «О преобразовании местного суда» был одобрен Государственной Думой и Государственным советом уже после убийства П.А. Столыпина. 15 июня 1912 года в Петергофе законопроект подписал император Николай II [5].

По новому закону упразднялся институт земских начальников, а также отменялись судебно-административные установления. Судебные уставы 1864 года изменялись в части противоречий новому действующему законодательству, т.е. устанавливалась строгая приоритетность последнего. Следует также отметить, что предлагавшиеся в законопроекте И.Г. Щегловитовым нормы о праве вынесения судебного решения мировыми судьями по собственному усмотрению, поддержки в Государственной Думе не получили. Мировому суду

категорически отказывалось противопоставлять свои решения с общими судебными местами.

Выборность мировых судей осуществлялась в соответствии с судебной реформой 1864 года: они избирались уездными земскими собраниями и городскими думами с окончательным утверждением в Правительствующем Сенате. Там, где земства отсутствовали, судей назначал министр юстиции своим постановлением. Однако, в новом законе, вводились и некоторые новые цензовые правила для кандидатов в судьи. Кандидат обязан был соответствовать своему новому статусу по нравственному, образовательному, имущественному и служебному критериям.

Участковые и добавочные мировые судьи должны были иметь среднее образование и перед избранием отработать на судебных должностях не менее трёх лет. Земельный ценз, по сравнению со старыми требованиями, снижался в два раза, а неземельный – сохранялся в прежних пропорциях. Служебный ценз для избрания мировым судьёй вводился, как дополнение к образовательному – в три года, либо существовал альтернативный вариант: кандидат мог не иметь среднего образования, если он проработал в судебной системе шесть лет. К таким категориям, согласно новому закону, относились должности: предводителя дворянства, секретаря мирового съезда, земского начальника (если кандидат прослужил шесть и более лет до введения нового закона) и секретаря уездного съезда. Имущественный ценз теперь охватывал и лиц с высшим юридическим образованием. Правда, он был вдвое ниже, по сравнению с теми, кто имел среднее образование.

В делопроизводительскую помощь мировым судьям законодатель вводил новую должность – секретаря мирового судьи. В свете новой реформы была существенно расширена подсудность дел. Так, по гражданским делам общая сумма исковых требований увеличивалась сразу вдвое: с 500 до 1000 рублей.

Касательно местных обычаев, ранее учитывавшихся на национальных окраинах, также произошли определённые универсальные изменения. Была отменена ст. 130 Устава гражданского судопроизводства, устанавливавшая право мировых судей «руководствоваться местными обычаями, но лишь в том случае, когда применение местных обычаев дозволяется именно законом, или в случаях положительно не разрешаемых законами» [6]. В новой интерпретации закона судья вообще не имел права ссылаться на местный обычай. Теперь единственно действенными объявлялись только нормы нового законодательства.

В качестве апелляционной инстанции выступал мировой съезд, состоявший из мировых судей. Назначенный министром юстиции председатель мирового съезда должен был иметь высшее юридическое образование и соответствующий должности служебный опыт. Департаменты Сената занимались кассационным производством.

В отличие от законопроекта, который предлагал И.Г. Щегловитов, новый закон сохранял систему сословных волостных судов для крестьян. Правда с существенными изменениями регламента работы и сокращениями их полномочий. Самым важным изменением было выведение волостных судов из подчинения административных органов и включение их в единую судебную систему [7].

Закон Российской империи «О преобразовании местного суда» вступил в силу с 1 января 1914 года. Его реализация, в связи с началом Первой мировой войны, осуществлялась крайне медленно (к 1917 году действие закона распространялось на 20 губерний). Тем не менее, хоть и на короткий период, мировым судам была возвращена достойная роль в осуществлении правосудия в Российском государстве. И пусть действие норм этого последнего закона правительства П.А. Столыпина не было реализовано в должной мере, однако, его институциональное наследие будет апробировано в новом, советском и постсоветском законодательстве.

Литература

1. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Ч. 1. СПб., 1910. С. 1318.
2. Протокол заседания Особой Комиссии для обсуждения внесенного из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда. 1910–1911 г. [Б. м., б.г.]. С. 13.
3. Фёдоров, Б.Г. Петр Аркадьевич Столыпин. Биография П.А. Столыпина / Б.Г. Фёдоров. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 190–191.
4. Столыпин, П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П.А., Столыпин. – М., 1991. С. 40.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 118. Закон о преобразовании местного суда. СПб., 1912. С. 2113–2191.
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1869. С. 29–30.

7. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 118. Приложение I. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда. СПб., 1912. С. 2128–2131.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE LOCAL JUSTICE REFORM OF 1912 P.A. STOLYPIN

Pogartsev V.V.
Pacific State University

The article examines the problem of introducing a system of local courts in the Russian Empire within the framework of P.A. Stolypin's latest reform aimed at establishing local justice bodies in the *zemstvos*. The author makes an attempt to analyze and compare normative legal sources issued during the judicial reform of 1864 by the government of Emperor Alexander II and normative legal sources issued already during the era of the existence of a limited monarchy in the Russian Empire. The first half of the article examines the period of long coordination of the draft law "On the transformation of the local Court" between two irreconcilable departments: the State Council and the State Duma. The maneuvering of the government of P.A. Stolypin between state bodies and representative legislative authorities is noted. In the second half of the article, the author analyzes in detail the law "On the transformation of the local court" in the context of the changes that have appeared compared to previous regulatory legal sources of the state in the field of local judicial proceedings.

Keywords: local justice, judicial reform, Russian Empire, judicial proceedings, justices of the peace.

References

1. The State Duma. The third convocation. Verbatim reports. 1909 Third session. Part 1. St. Petersburg, 1910. p. 1318.
2. Minutes of the meeting of the Special Commission to discuss the bill on the transformation of the local court introduced from the State Duma. 1910–1911 [B. M., B. G.]. p. 13.
3. Fedorov, B.G. Pyotr Arkadyevich Stolypin. Biography of P.A. Stolypin / B.G. Fedorov. – M.: ROSSPEN, 2003. pp. 190–191.
4. Stolypin, P.A. We need a Great Russia ...: The complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911 / P.A., Stolypin. – M., 1991. p. 40.
5. Collection of laws and orders of the government, issued under the Governing Senate. No. 118. The Law on the Transformation of the local court. St. Petersburg, 1912. pp. 2113–2191.
6. Judicial statutes of November 20, 1864. The Charter of civil proceedings. St. Petersburg, 1869. pp. 29–30.
7. The collection of laws and orders of the Government, issued under the Governing Senate. No. 118. Appendix I. Temporary rules on the parish court in the localities in which the law on the transformation of the local court has been put into effect. St. Petersburg, 1912. pp. 2128–2131.

Эволюция нормативного определения категории «патриотизм» в российской правовой системе

Пронина Марина Алексеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mapronina@fa.ru

Цель исследования. В статье рассматриваются особенности правового регулирования патриотизма, а также связанных с ним действий, порождающих правовые отношения. Автором выявляются изменения в содержании современной категории «патриотизм», которые сегодня позволяют характеризовать его как правовую категорию: переход патриотизма от понимания чувства и состояния к квалификации его как спектра действий, направленных на улучшение состояния экономики и повышения защищенности национальной безопасности. *Выводы.* Категория «патриотизм», имея нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации, приобретает развитие в других нормативных актах, определяющих сущность и порождающие иные правовые отношения. Именно данное обстоятельство позволяет характеризовать категорию «патриотизм» как правовую категорию, также очень важным критерием является участие патриотизма в правовых отношениях и порождение им правовых отношений.

Ключевые слова: правовое регулирование, патриотизм, правовые отношения, правовая культура, патриотическое воспитание, нормативные акты

Введение

Актуальность патриотизма как правовой категории определяет закрепление патриотизма как такового в Конституции Российской Федерации. Но можем ли мы утверждать, что любое понятие, закрепляемое в Конституции Российской Федерации, становится правовой категорией. О правовой составляющей категории может говорить тот спектр правовых отношений, которые порождает категория. Сможем ли указать на объект и субъект, а также права и обязанности правовых отношений в патриотической сфере.

Автором предлагается рассмотреть дефиницию «правовая категория», которая рассматривалась в работах таких видных ученых современности как: П.С. Баринов, Д.А. Керимов, Т.Я. Хабриева и иных.

П.С. Баринов [1; С.197] утверждает, что о правовом явлении как таковом можно говорить в силу его нормативно правового закрепления.

Как отмечает Д.А. Керимов [2; С.332], который был приверженцем социологической концепции права, что все правовые явления мира имеют правовой характер тогда, когда воплотилось в действительность, стали частью правовой практики, нашли свое отражение в реальных делах, конечным результатом которого является правопорядок. Объективированные в правовую форму явления объективного мира приобретают значение правового явления.

Мы полагаем, основываясь на предложенных точках зрения, что патриотизм как правовая категория имеет право на самостоятельное существование, в силу следующего. Категория «патриотизм» закрепляется в нормативно-правовых актах, приводит к возникновению правовых отношений, порождает собой новые правовые понятия, явления и действия, а также влияет на правопорядок.

Современное понимание патриотизма

Непосредственное легальное содержание понятия «патриотизм» раскрывается в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государственных участников СНГ «О модельном законе «О патриотическом воспитании» [13], где определяется не только как привычное «любовь к Родине», но и «стремление своими действиями служить интересам Родины и населения». Служить понимается нами в качестве некой работы на пользу чего-либо или в качестве кого-либо, а также исполнять соответствующие обязанности.

Еще 10 мая 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин в интервью программе «Мо-

сква. Кремль. Путин» отметил, что «патриотизм не должен быть квасным, затхлым и кислым» [14]. По его мнению, «патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед».

Фактическими примерами патриотизма в повседневной жизни могут быть соблюдение локальных нормативных актов работодателя, корпоративных правил поведения, законодательства Российской Федерации.

В качестве принципа патриотизм находит свое отображение в статье 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [7]. Как известно принципы являются базовыми основополагающими началами, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых может привести к разрушению целой системы.

Отметим, что в этом же законе патриотизм представляется как чувство. Проявлениями чувств, как правило, являются способности человека что-либо ощущать, испытывать, воспринимать или же пребывать в некоем состоянии. Исключительно как чувство патриотизм стал восприниматься в постсоветское время в советском государстве. Патриотизм был сопряжен с эмоциями, часто связанными с переживаниями по поводу потерь военного времени. На долгие годы основной задачей государства стала защита Родины и недопущение даже влияния внешних угроз на государство, не говоря уже о возможности вторжения. Именно эти обстоятельства и привели к формированию содержания патриотизма только как чувства любви к Родине и ее защиты.

Однако, с распадом Советского Союза и становлением нового государства – Российской Федерации – изменились и задачи. Полагаем, что одной из значимых задач сегодня является экономическое развитие и национальная безопасность государства. Именно эти направления позволяют нам патриотизм как стремление развивать экономику и создавать «состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз» [8].

Конституция Российской Федерации [3] в части 4 статьи 67.1. закрепляет деятельность государства по созданию условий воспитания в детях патриотизма. Видится, что в данном контексте категория «патриотизм» предполагается как некое чувство или состояние субъекта. Но в то же время, мы понимаем, что ни чувство, ни состояние воспитать нельзя. Какие бы условия ни были созданы чувство и состояние – а в данном случае – чувство любви к Родине воспитать нельзя.

Из рассуждений выше напрашивается логический вывод, что современный контекст патриотизма представляет собой вовсе не «любовь к Родине», а скорее – некий спектр действий, направленный на развитие экономики, уважительное отношение к символам России, исполнение национального законодательства, постановку целей в спортивных достижениях, обеспечение национальной безопасности России и высокого уровня правовой культуры.

Примером воспитания в детях патриотизма может являться формирование уважительного отношения к Государственному гербу Российской Федерации, Государственному флагу Российской Федерации и Государственному гимну Российской Федерации (далее – государственным символам). В данном случае патриотизм лица, осуществляющего правовое просвещение о государственных символах проявляется в оповещении слушателей о структуре государственных символов и возможностях его использования. Патриотизм слушателей проявляется в правомерном поведении в отношении государственных символов и соблюдении порядка изготовления, исполнения, использования и хранения государственных символов, а в случае нарушения условий – статьей 10 Федерального конституционного закона «О Государственном флаге Российской Федерации» [4], статьей 11 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» [5] и статьей 9 Федерального конституционного закона «О Государственном флаге Российской Федерации» [6] предусматривается административная или уголовная ответственность. И этот факт позволяет нам говорить о регулировании правоотношений в сфере воспитания патриотизма.

Противоположной стороной является побуждение чувства гордости за государственные символы и гражданин принимает решение разместить его, например, на собственной одежде. В данном случае, законодательно урегулировать отношения по степени проявления чувства гордости мы не можем. Однако, уважение тоже является чувством, но оно проявляется в спектре действий лица, и данное поведение может быть урегулировано законодательно как и юридическая ответственность за незаконные действия.

Законодательные основы регулирования патриотизма в сфере образования

Патриотизм в законодательстве упоминается порядка в 70 нормативных и подзаконных актах, и еще порядка в 20 нормативных актах косвенно упоминающие и защищающие рассматриваемую нами категорию.

В силу сказанного нам видится необходимым классифицировать нормативные и подзаконные акты о патриотизме на те, которые закрепляют и описывают патриотизм как таковой; и на те, которые регламентируют деятельность в сфере патриотизма и определяют ответственность.

Конституцию Российской Федерации мы отнесем к нормативному акту, который регламентирует необходимость создания условий для воспитания в детях патриотизма. Ранее мы подробно обосновали сущность рассматриваемой категории в данном контексте. В отношении самого процесса патриотического воспитания, методов его осуществления, порядка его осуществления принято множество нормативных актов.

Основополагающим является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», где

патриотизм: 1) относится к воспитанию (пункт 2 статьи 2); 2) представляется как традиционная российская духовно-нравственная ценность (пункт 3 статьи 3); 3) выступает вновь в качестве чувства и закрепляется обязанность патриотического работника формировать его у обучающихся в процессе осуществления педагогической деятельности (подпункт 1.1 пункта 1 статьи 48). Более того, за неисполнение или ненадлежащее исполнение данной обязанности предусмотрены соответствующие виды юридической ответственности, которая также учитывается при прохождении педагогическими работниками аттестации. Видится, что речь идет о дисциплинарной ответственности, то есть за невоспитание чувства патриотизма в обучающихся к работнику применяются меры дисциплинарного характера.

Свое логичное продолжение патриотическое воспитание получает в федеральных государственных образовательных стандартах.

Стандарт дошкольного образования [9] обеспечивает патриотическое воспитание посредством причастности к делам общества, привитию способности к труду и соблюдению трудовой дисциплины.

Стандарт начального образования [10], 1–4 класс, определяет патриотизм как один из результатов индивидуальных достижений обучающихся, не подлежащей итоговой оценке качества освоения образовательной программы начального общего образования. Таким образом, в данном контексте патриотизм становится субъективным личностным критерием, являющимся личным результатом каждого обучающегося при отсутствии некоего объективного критерия, относительно которого результат индивидуальных достижений можно назвать результатом – то есть конечный итог. Но в то же время из Стандарта начального образования не ясно к чему обучающийся двигался с 1 по 4 класс. Однако, каждый из образовательных стандартов предполагает наличие образовательной программы, которая может разрабатываться как образовательным учреждением, так и самостоятельно каждым учителем. Осмелимся предположить, что в Стандарте начального образования речь идет именно о достижениях по образовательной программе, но по качеству эти результаты не оцениваются.

Стандарт начального образования направлен на становление их гражданской идентичности как основы развития гражданского общества, на развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения демократического гражданского общества на основе толерантности, диалога культур. Данные критерии позволяют обучающемуся идентифицировать себя как гражданина Российской Федерации, члена семьи и гражданского общества, закладывают основные направления для дальнейшего выбора профессии и развития экономики. Оценить предложенные критерии в объективном смысле невозможно, а, значит, невозможно предусмотреть и ответственность за их несоблюдение.

Стандарт основного общего образования [11], 5–9 класс, направлен на формирование, в первую очередь, российской гражданской идентичности учащихся.

Говоря о патриотическом поведении (проведем аналогию с законопослушным поведением), обучающиеся уже должны знать о действующем законодательстве и осознанно соблюдать известные им нормы, а также – принимать активное участие в жизни семьи и общества. Примером знания и осознаний обязанностей могут стать конституционные обязанности.

Однако, Стандарт основного общего образования не закрепляет понимание необходимости несения соответствующего вида юридической ответственности, например, за нарушение конституционных обязанностей. Мы полагаем, что именно в процессе формирования российской гражданской идентичности и позиционирования активного участия в жизни семьи, общества и государства и должны разъясняться виды и меры юридической ответственности как условия ограничения неправомерного поведения.

Стандарт среднего общего образования [12], 10–11 класс регламентирует в качестве задач формирование российской гражданской идентичности обучающихся, а также воспитание и социализацию обучающихся, прививается ценностное отношение к достижениям своей Родины. Стандарт среднего общего образования свидетельствует о полном формировании личности обучающегося как патриота. То есть он обладает собственной гражданской идентичностью и ее осознает, понимает необходимость участия в жизни семьи, общества и государства с представлением мер ответственности, подготовлен к осознанному выбору профессии, является полноценным экономическим субъектом, стремящимся посвятить себя развитию страны и ее движению вперед.

Выводы

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Современный патриотизм следует понимать как спектр действий, связанных с обеспечением и совершенствованием социально-экономической, политической и духовной сфер жизни.

Юридическое закрепление патриотизма в нормативно-правовых и подзаконных актах Российской Федерации в качестве государствообразующего принципа и явления, порождающего иные правовые отношения, позволяют нам идентифицировать патриотизм как правовую категорию.

Патриотизму присущ межотраслевой характер, поскольку он не только регламентирован в нормах различных отраслей, но и объединяет.

Заключение

Исторические корни категории патриотизм уходят далеко в прошлое – период формирования государ-

ства. Однако современное представление патриотизма должно соответствовать требованиям времени. Восприятие патриотизма как чувства «любви к Родине» было массовым явлением советского государства. Однако, российское государство ставит приоритетом развитие экономики, укрепление семьи и активного участия граждан в жизни общества. Именно эти направления и позволяют нам говорить о трансформации содержания категории «патриотизм» от состояния любви к совершению действий, направленных на развитие государства, экономики и общества.

Проведенное нами исследование доказывает, что понимание патриотизма как совершения некоторого спектра действий, направленных на благо своей страны. Действия являются юридическими фактами, возникающими по воле лица (сторон, субъектов) и, ведущие к возникновению, изменению или прекращению правоотношений.

Литература

1. Баринов П.С. Обесценивание правовых категорий: монография / П.С. Баринов, А.А. Воронников. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. 197 с.
2. Керимов Д.А. Философские основы политико-правовых исследований. М., 1986. 332 с.
3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
4. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 1-ФКЗ (ред. от 13.06.2023) «О Государственном флаге Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
5. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О Государственном гербе Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
6. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 3-ФКЗ (ред. от 13.06.2023) «О Государственном гимне Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
7. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 01.04.2024) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
9. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155 (ред. 08.11.2022) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». Зарегистрировано в Минюсте России 14.11.2013 N 30384. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс-2024. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.04.2024 г.).
10. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 N 373 (ред. от 11.12.2020) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2009 N 15785. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс-2024. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.04.2024 г.).
11. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 08.11.2022) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». Зарегистрировано в Минюсте России 01.02.2011 N 19644. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс-2024. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.04.2024 г.).
12. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 N 413 (ред. от 12.08.2022) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования». Зарегистрировано в Минюсте России 07.06.2012 N 24480. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс-2024. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.04.2024 г.).
13. Постановление N 42–6 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном законе «О патриотическом воспитании». Принято в г. Санкт-Петербурге 16.04.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс-2024» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).
14. Путин рассказал о национальной идее России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

THE EVOLUTION OF THE NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY “PATRIOTISM” IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Pronina M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Purpose of the study. The article examines the features of the legal regulation of patriotism, as well as related actions that give rise to legal relations. The author identifies changes in the content of the modern category of “patriotism”, which today make it possible to characterize it as a legal category: the transition of patriotism from an understanding of a feeling and state to its qualification as a range

of actions aimed at improving the state of the economy and increasing the security of national security.

Conclusions. The category “patriotism”, having been normatively enshrined in the Constitution of the Russian Federation, acquires development in other normative acts that define the essence and give rise to other legal relations. It is this circumstance that allows us to characterize the category “patriotism” as a legal category; also a very important criterion is the participation of patriotism in legal relations and the generation of legal relations by it.

Keywords: legal regulation, patriotism, legal relations, legal culture, patriotic education, regulations

References

1. Barinov P.S. Devaluation of legal categories: monograph / P.S. Barinov, A.A. Vorotnikov. Saratov: Saratov State Law Academy, 2020. 197 p.
2. Kerimov D.A. Philosophical foundations of political and legal research. M., 1986. 332 p.
3. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
4. Federal constitutional law of December 25, 2000 N 1-FKZ (as amended on June 13, 2023) “On the State Flag of the Russian Federation.” [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
5. Federal constitutional law of December 25, 2000 N 2-FKZ (as amended on December 30, 2021) “On the State Emblem of the Russian Federation.” [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
6. Federal constitutional law of December 25, 2000 N 3-FKZ (as amended on June 13, 2023) “On the National Anthem of the Russian Federation.” [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
7. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on April 1, 2024) “On Education in the Russian Federation” [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
8. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 N 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation.” [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
9. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 17, 2013 No. 1155 (as amended November 8, 2022) “On approval of the federal state educational standard for preschool education.” Registered with the Ministry of Justice of Russia on November 14, 2013 No. 30384. [Electronic resource] // ConsultantPlus-2024. – Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 04/14/2024).
10. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 6, 2009 No. 373 (as amended on December 11, 2020) “On the approval and implementation of the federal state educational standard for primary general education.” Registered with the Ministry of Justice of Russia on December 22, 2009 No. 15785. [Electronic resource] // ConsultantPlus-2024. – Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 04/14/2024).
11. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated December 17, 2010 No. 1897 (as amended on November 8, 2022) “On approval of the federal state educational standard for basic general education.” Registered with the Ministry of Justice of Russia on 02/01/2011 No. 19644. [Electronic resource] // ConsultantPlus-2024. – Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 04/14/2024).
12. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated May 17, 2012 No. 413 (as amended on August 12, 2022) “On approval of the federal state educational standard of secondary general education.” Registered with the Ministry of Justice of Russia on June 07, 2012 No. 24480. [Electronic resource] // ConsultantPlus-2024. – Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 04/14/2024).
13. Resolution No. 42–6 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States “On the model law “On Patriotic Education”. Accepted in St. Petersburg on April 16, 2015. [Electronic resource]. – Access mode: SPS “ConsultantPlus-2024” <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).
14. Putin spoke about the national idea of Russia [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 04/13/2024).

Развитие правового института валютного регулирования в контексте целей стабилизации национальной экономики

Балабанов Вадим Олегович,

аспирант кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: veter24820733@gmail.com.

В статье анализируется принятое в отечественной доктрине понятие валютного регулирования, его элементы и значение для развития рыночной экономики. Автором приводится сравнительно-исторический анализ валютного регулирования на примере Внешторгбанка Союза ССР, а также выделяются основные аспекты стабилизационного эффекта валютного регулирования. исследования проблематики валютного регулирования в России состоит в необходимости понимания и анализе мер, принимаемых государством для стабилизации национальной валюты, обеспечения экономической безопасности и устойчивости финансовой системы. Исследование этой темы позволяет выявить эффективность существующих механизмов регулирования, а также предложить рекомендации для совершенствования валютной политики в контексте изменяющихся экономических условий. Исследование обозначенной проблематики позволяет сделать вывод о несовершенстве существующего законодательства в валютной сфере, в части определения перечня норм-принципов регулирующих валютных операций.

Ключевые слова: валюта, валютные ценности, валютное регулирование, национальная экономика, внешнеторговая экономическая деятельность.

Валютное регулирование, в самом общем плане, представляет собой деятельность органов государственной власти по регламентированию отношений владения, пользования и распоряжения денежными единицами иностранных государств. Т.е., по в общем-то верному мнению отдельных ученых, валютное регулирование представляет собой «разновидность правового регулирования» [6]. Это умозаключение лежит на поверхности и, казалось бы, не требует дополнительных исследований или глубокого анализа. Несмотря на это очевидное обстоятельство, ряд моментов следует уточнить исходя из базовых понятий общей теории права [7].

Во-первых, если речь идет о правовом регулировании, следует выделить его объект и цель.

Во-вторых, следует обнаружить и обозначить конъюнктуру, которая обуславливает такое регулирование.

И в-третьих, уточнить средства, которыми регулирование осуществляется.

Если по первому пункту все достаточно ясно (достаточно привести выдержку из действующего законодательства о том, что целями-принципами валютного регулирования выступают приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования, исключение неоправданного вмешательства государства в валютные операции резидентов и нерезидентов и проч. [2], подробнее о целях-принципах валютного регулирования будет сказано ниже), то второй и третий требуют от исследователя не только знания юриспруденции и законодательной логики, но и определенных экономических компетенций.

О какой конъюнктуре идет речь? В первую очередь об обстоятельствах приобретения (а значит, впоследствии, владения и распоряжения) иностранной валюты. Это сугубо экономическая операция, сама по себе она не является чем-то юридическим. В данном случае юриспруденция имеет дело с правами и обязанностями, а не с простым экономическим обменом [8]. У такого приобретения, предметом само собой выступает непосредственно валюта, с понятием которой у отечественного законодателя на первый взгляд проблем не возникает: «иностранная валюта... денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки», а также

«...средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах, а также национальная денежная единица иностранного государства (группы иностранных государств), выпускаемая в цифровой форме национальным центральным банком иностранного государства (группы иностранных государств)...» [8.50].

Между тем, в экономической науке валютой также признаются иностранные векселя, чеки и иные ценные бумаги[9]. Это обстоятельство продиктовано тем, что валюта выступает инвестиционным средством для субъектов микро- и макроэкономической деятельности[10]. В «сильную» валюту вкладываются не только субъекты частного предпринимательства, но и государства через свои уполномоченные органы.

Вернемся же к принципам валютного регулирования: если государство регламентирует деятельность по обмену валюты для целей защиты прав и законных интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций, означает ли это что оно в том числе выступает гарантом безопасности национального экономического пространства в целом? На взгляд автора, ответ должен быть утвердительным, поскольку основной целью валютного регулирования выступает гарантия стабильности экономического оборота, а все остальные цели-принципы по отношению к ней являются по своей сути задачами, которые нужно непрерывно решать. В обоснование этой точки зрения отметим следующее.

В бытность командно-административного экономического уклада на территории современных стран-участниц СНГ, ключевым (т.е. – единственным) элементом всей системы валютных отношений выступал Банк для внешней торговли СССР (далее по тексту – Внешторгбанк, БВТ СССР). Согласно п. 1 его Устава, Внешторгбанк СССР на основе государственного плана экономического и социального развития СССР осуществляет кредитование операций, связанных с внешней торговлей и другими видами внешнеэкономической деятельности Советского Союза, совершает валютные операции, международные расчеты по экспорту и импорту товаров и оказанию услуг, а также другие расчеты[5].

БВТ СССР содействовал совершению и облегчению внешнеторговых операций СССР, предоставляя финансовую поддержку и инфраструктуру для внешней торговли. Он играл ключевую роль в обеспечении стабильности валютного рынка Советского Союза, регулируя обменно-валютные операции и устанавливая курс валюты, предоставлял кредиты и финансовую поддержку предприятиям, участвующим в экспортно-импортных операциях, что способствовало развитию внешнеэкономических связей СССР, занимался формированием резервов и управлением валютными операциями для обеспечения стабильности национальной валюты в условиях международных торговых отношений.

Все это обеспечивало предсказуемость экономических операций, стабильность финансовой системы Союза и, как следствие, способствовало развитию внешней торговли и установлению устойчивых экономических связей по всему миру.

На этом историческом примере легко проследить, насколько роль валютного регулирования возросла в рыночной экономике, подразумевающей открытое и свободное перемещение капиталов. Выделим ключевые аспекты валютного регулирования, помимо поддержания курса национальной денежной единицы на рынке:

Валютные органы могут использовать инструменты валютного регулирования для контроля уровня инфляции. Регулирование денежного предложения и кредитования помогает сдерживать инфляционные давления и поддерживать устойчивые цены. Контроль над валютным рынком и денежным предложением позволяет снизить финансовые риски и обеспечить стабильность финансовой системы. Регулирование валюты помогает предотвратить финансовые кризисы и колебания на финансовых рынках. В качестве примера мы можем наблюдать инструмент регулирования, в форме запрета на снятие иностранной валюты сверх установленного лимита, к которому прибегнул Банк России в марте 2022 года[13]. Меры подобного характера по мнению регулирующего органа должны предотвратить активный вывод капитала за рубеж и как следствие удержать национальную валюту от обвала по отношению к иностранным денежным знакам[14].

Таким образом, валютное регулирование обеспечивает поддержку внешней торговли и инвестиций, регулируя валютный обмен, устанавливая курсы валют и предоставляя финансовую поддержку для экспортно-импортных операций.

Эффективное валютное регулирование способствует привлечению иностранных инвестиций, создавая благоприятные условия для развития бизнеса и укрепления экономических отношений с другими странами.

Регулирование валютного рынка помогает снизить валютные риски для компаний и финансовых институтов, позволяя им эффективно управлять валютными рисками своих операций.

Исследуя само понятие «стабильность» в контексте рассматриваемых правоотношений следует, что в экономическом плане для государства она означает реальную возможность непрерывно выполнять свои а) социальные обязательства перед гражданами, б) обеспечить реальную возможность комфортного существования граждан на эквивалентные социальным обязательствам выделяемые денежные средства, в) гарантировать надлежащее исполнение своих внешнеторговых обязательств, г) поддерживать равные возможности для ведения деятельности юридическими лицами. Совокупность указанных факторов лежит в плоскости контроля за курсом валют, инфляцией и объемом валютной выручки в экономике страны. Контролируя инфляцию, государство в лице органов валют-

ного контроля обеспечивает реальную ценность национальной денежной единицы, а значит и реальный уровень благосостояния граждан и финансовой субъектности юридических лиц; распределяя валютную выручку в экономике оно позволяет эффективно рассчитываться со своими внешними контрагентами.

Конечно, само поле стабилизации рыночной экономики государства значительно шире, о чем и гласит название настоящей статьи, но валютное регулирование существенная и неотъемлемая его часть.

Почему же законодатель специально не выделяет этот пул стабилизационных отношений в законодательстве о валютном регулировании? Справедливо предположить, что поскольку в рыночной экономике ключевым источником валютного регулирования выступает гражданский или торговый кодексы (как, например, в зарубежных странах[11]), либо отдельные акты уполномоченных органов (ненормативные правовые акты ЦБ РФ) именно к их положениям и следует обратиться в данном вопросе. Тем не менее в российском законодательстве не все так однозначно.

Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», валютное законодательство Российской Федерации состоит из указанного Федерального закона и принятых в соответствии с ним федеральных законов. При этом, отдельные общие нормы законодательства о правовом режиме валюты и валютных ценностей содержатся в Гражданском кодексе РФ: «виды имущества, признаваемого валютными ценностями, и порядок совершения сделок с ними определяются законом о валютном регулировании и валютном контроле. Права на валютные ценности защищаются в Российской Федерации на общих основаниях» [1].

Хрестоматийно в доктрине и практике стабильность гражданского оборота, а значит и экономики в целом, является самодостаточной ценностью гражданского права, ее обеспечение это прямая обязанность власти: «...федеральный законодатель призван обеспечивать правовую определенность стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все необходимые условия для эффективной защиты права собственности и иных имущественных прав» [4]. На лицо недочет федерального законодателя относительно нормотворчества в сфере валютного регулирования. Путем исторического анализа, приведенного выше, было показано, что экономическая стабильность есть очевидное социальное благо. Исходя из вышеизложенного предлагается отдельно отметить в качестве нормативного понятия указанное благо, что позволило бы интегрировать его также и в судебную практику и тем самым обеспечить более широко права и интересы граждан и юридических лиц.

Обратимся же к средствам, которыми осуществляется валютное регулирование в контексте стабилизации национальной экономики. Инструментарий здесь достаточно разнообразный. Помимо известных механизмов запрета и дозволения, действующих в отношении, например, иностранных инвесторов, физических и юридических лиц[12], дополнительными средствами регулирования выступают поощрение и уполномочивание. Примером уполномочивания выступает правомочие органов федеральной власти (Федеральной налоговой службы – далее ФНС России, Федеральной таможенной службы – далее ФТС России) привлекать к ответственности граждан и юридических лиц за нарушение валютного законодательства.

О первом имеет смысл говорить в том случае, когда субъект самостоятельно выполняет возложенные валютным законодательством предписания, взамен получая возможность участия в программах государственной поддержки, льготного кредитования и т.д., а часть действий совершаемых в рамках валютного регулирования может быть делегирована самим субъектам, для упрощения различных процедур. Таковым выступает взаимодействие кредитных организаций и Банка России по вопросам валютного контроля, что значительно упрощает и ускоряет соответствующие процедуры, не требуя от клиентов кредитных организаций связываться с государственными органами напрямую, а также предоставлять документы помимо тех, что уже предоставлены кредитной организации[3].

В качестве примера уполномочивания мы можем взять обширную судебную практику привлечения к ответственности в порядке ст. 15.25 КоАП РФ, которая используется Федеральной налоговой службой России и Федеральной таможенной службой России за нарушение валютного законодательства. В рамках данной нормы законодателем выделен обширный круг предписаний, за нарушение которого последует административная санкция со стороны органов валютного контроля. Так, п. 6.3 ст. 15.25 устанавливает ответственность за нарушение сроков представления отчетов о движении средств по счетам в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами территории Российской Федерации. В рамках указанной статьи лицо привлекается к ответственности за непредставление, по сути, статической отчетности о движении средств на его счетах. Так в чем же состоит общественная опасность в непредставлении отчета задаются вопросом привлекаемые к административной ответственности лица? Между тем непредставление данных сведений влечет за собой отсутствие информации у Центрального Банка России о движении валютных средств на счетах налоговых резидентов РФ внутри страны, а также переводах валютных средств в страну и из страны.

Данное обстоятельство, как отмечается Судебными органами, не позволяет уполномоченному органу в полной мере обеспечить реализацию еди-

ной государственной валютной политики, устойчивость валюты Российской Федерации и стабильность внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторы прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества.

Таким образом, уполномочивание органов государственной власти на контроль и надзор за валютными операциями также является элементом стабилизации национальной экономики в части выполнения функций предупреждения нарушения и неотвратимости ответственности за несоблюдение резидентами и нерезидентами правил валютного законодательства.

В заключение следует отметить, что валютное регулирование представляет собой не только деятельность соответствующих органов государственной власти по регламентации отношений владения, пользования и распоряжения валютой и валютными ценностями, но также деятельность иных уполномоченных на то субъектов, основной целью которого выступает стабилизация экономики в сферах: а) стоимости национальной валюты по отношению к иностранным денежным единицам, б) инфляции, в) внешнеторговой деятельности. Вместе с тем, законодателю следует обозначить в Федеральном законе № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» соответствующую норму-принцип валютного регулирования, которая бы отражала вышеописанные аспекты стабилизации, а также цели и задачи указанного контроля для конкретизации объекта охраняемых нарушений и последствий на его посягательство.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СПС КонсультантПлюс
3. Постановление Правительства РФ от 11.09.2006 № 560 (ред. от 13.04.2016) «Об утверждении Правил по обеспечению взаимодействия не являющихся уполномоченными банками профессиональных участников рынка ценных бумаг как агентов валютного контроля, таможенных и налоговых органов как уполномоченных Правительством Российской Федерации органов валютного контроля с Центральным банком Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П город Санкт-Петербург по делу «О проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации
5. Устав Внешторгбанка СССР утвержден постановлением Совета Министров СССР от 7 июня 1982 г. N 500 (СП СССР, 1982, N 18, ст. 95)
6. Арзуманова Л.Л. К вопросу о понятии и принципах валютного регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 3.
7. Тюменева Наталия Владимировна Современные проблемы развития общей теории государства и права // Эпоха науки. 2017. № 10.
8. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – 528 с.
9. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 512 с.
10. Полетаева, В.М. Экономика устойчивого промышленного роста: понятие, проблемы и возможные механизмы формирования: монография / В.М. Полетаева. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 223 с.
11. Наатыж Д.Х., Романенко А.М. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ // Экономика и социум. 2017. № 1–2 (32)
12. Доронина, Н.Г. Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное: монография / Н.Г. Доронина, Н.М. Казанцев, Н.Г. Семилютина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 160 с.
13. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]Режим доступа: URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18487> (дата обращения: 27.03.2024)
14. Ведомости.[Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2023/02/16/963228-nabiullina-anonsirovala-prodlenie-ogranicheniya> (дата обращения: 27.03.2024)

DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF CURRENCY REGULATION IN THE CONTEXT OF THE GOALS OF STABILIZING THE NATIONAL ECONOMY

Balabanov V.O.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article analyzes the concept of currency regulation adopted in the Russian doctrine, its elements and importance for the development of a market economy. The author provides a comparative historical analysis of currency regulation on the example of Vneshtorgbank of the USSR, and highlights the main aspects of the stabilization effect of currency regulation. The study of the problems of currency regulation in Russia consists in the need to understand and analyze the measures taken by the state to stabilize the national currency, ensure economic security and stability of the financial system. The study of this topic makes it possible to identify the effectiveness of existing regulatory mechanisms, as well as to offer recommendations for improving monetary policy in the context of changing economic conditions.

The study of the identified issues allows us to conclude that the existing legislation in the currency sphere is imperfect, in terms of determining the list of norms and principles governing foreign exchange transactions.

Keywords. Currency, currency values, currency regulation, national economy, foreign trade activities.

Refereces

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 11/30/1994 № . 51-FZ (as amended on 07/24/2023) (with amendments and additions, introduction. effective from 01.10.2023) // SPS ConsultantPlus
2. Federal Law № . 173-FZ dated 10.12.2003 (as amended on 03/11/2024) "On Currency Regulation and Currency Control" // SPS ConsultantPlus
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.09.2006 № . 560 (ed. dated 04/13/2016) "On approval of the Rules for ensuring interaction of professional securities market participants who are not authorized banks as agents of currency control, customs and tax authorities as authorized by the Government of the Russian Federation bodies of currency control with the Central Bank of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 14, 2012 № 11-P city of St. Petersburg in the case "On checking the constitutionality of the provision of the second paragraph of the first part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens F.H. Gumerova and Yu.A. Shikunov"
5. The Charter of Vneshtorgbank of the USSR was approved by Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated June 7, 1982 № 500 (Joint Venture of the USSR, 1982, No. 18, Article 95)
6. Arzumanova L.L. On the issue of the concept and principles of currency regulation // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2015. № 3.
7. Tyumeneva Natalia Vladimirovna Modern problems of the development of the general theory of state and law // The age of science. 2017. № .10.
8. Karapetov A.G. Economic analysis of law. – M.: Statute, 2016. – 528 p.
9. Raisberg, B.A. Modern economic dictionary / B.A. Raisberg, L. Sh. Lozovsky, E.B. Starodubtseva. – 6th ed., reprint. and add. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 512 p.
10. Poletaeva, V.M. Economics of sustainable industrial growth: concept, problems and possible mechanisms of formation: monograph / V.M. Poletaeva. – Moscow: INFRA-M, 2023. – 223 p.
11. Naatyzh D.H., Romanenko A.M. FOREIGN EXPERIENCE OF CURRENCY REGULATION AND CURRENCY CONTROL // Economics and Society. 2017. No.1–2 (32)
12. Doronina, N.G. Legal regulation of economic relations: global, national, regional: monograph / N.G. Doronina, N.M. Kazantsev, N.G. Semilyutina. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm: INFRA-M, 2022. – 160 p.
13. Official website of the Bank of Russia. [Electronic resource] Access mode: URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18487> (access date: 03.27.2024)
14. Vedomosti.[Electronic resource] Access mode URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2023/02/16/963228-nabiullina-anonsirovala-prodlenie-ogranicheniya> (access date: 03/27/2024)

Критерии отнесения участников гражданского судопроизводства к лицам, участвующим в деле

Бартош Илья Николаевич,

студент, магистратура, правосудие по гражданским, административным делам и экономическим спорам, Северо-западный филиал Российский государственный университет правосудия
E-mail: igor.grifon@mail.ru

В статье анализируются критерии квалификации участников судебного процесса по гражданским делам. В ней приводится перечень участников процесса, определенных в Гражданском процессуальном кодексе, Арбитражном процессуальном законе и Законе об административном судопроизводстве. Следует отметить, что законодатель не уточнил понятие «участник судебного процесса». Представлены критерии квалификации участников гражданского процесса в качестве участников судебного процесса. Рассматриваются понятие и виды юридической заинтересованности лиц, участвующих в деле. Указывается, что наличие юридической заинтересованности позволяет определить процессуальное положение лица в деле. Приводится актуальная судебная практика. Выявляются несовершенства правового регулирования института лиц, участвующих в деле, касающиеся определения и круга заинтересованных лиц и отсутствия нормативной регламентации допуска в гражданский процесс третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, лица, участвующие в деле, юридическая заинтересованность.

Участники гражданского и арбитражного судебного процесса по целям участия, функциям в разбирательстве и заинтересованности в результате дела делятся на три группы: суд; лица, участвующие в деле (далее – ЛУД); лица, содействующие отправлению правосудия [1]. Данные группы лиц различаются по объёму прав, правовому регулированию дееспособности и правоспособности участников процессуальных правоотношений и другим признакам. Институт ЛУД неоднократно рассматривался в гражданском процессуальном праве, однако ряд вопросов, сопряжённых с его реализацией, по-прежнему является дискуссионным [2]. Интерес к данному институту обусловлен тем, что на обоснованность и законность судебных решений, принимаемых по делам, оказывает большое влияние верное определение процессуального положения и возможностей всех субъектов сложившихся правоотношений.

Целью работы является изучение критериев отнесения участников гражданского судопроизводства к ЛУД. Для её достижения был проведён анализ и синтез законодательства и правовой литературы, применён системно-структурный подход к рассмотрению ключевых аспектов проблемы исследования.

Согласно статье 40 Гражданского кодекса, круг участников арбитражного процесса включает в себя стороны, заявители и заинтересованные лица, а также прокуроров, государственных органов, организаций и физических лиц, которые обратились к арбитражному суду.

Согласно постановлению Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2023 г. N 15, лица, которые могут обратиться за принятием обеспечительной меры в рамках гражданского и арбитражного процессуального законодательства, включаются в число лиц, подающих предварительные ходатайства о принятии соответствующих мер, включая лиц, подающих заявления о принятии необходимых мер, таких как заявитель на предварительное обеспечительное действие (ст. 1440 ГПК), а также стороны судебного разбирательства в суде. В случае обращения заявителей и заинтересованных лиц в суд за защитой прав конкретного лица суд учитывает мнение этого лица в вопросе о принятии временных мер. В административных процедурах в соответствии со статьей 37 КоАП России (далее – КоАП РФ) к ЛУД относятся стороны, в том числе истец и должник в административных делах о вынесении решения суда; заинтересованные стороны; прокурор; объединения, организации и граждане, обращающиеся в суд для

защиты интересов других людей. или тех, кто участвует в процессе обратной связи [6].

В соответствии со статьями 39–40 Арбитражно-процессуального кодекса РФ, суд имеет право принимать меры предварительной защиты по запросу заявителя независимо от поддержки такого запроса административным истцом. Более того, суд вправе принять решение и применении нужных на его взгляд мер обеспечения по своему желанию принимать необходимые обеспечительные меры по собственной инициативе (ст. 265.3 и ст. 306 АПК РФ).

Несмотря на отсутствие в законодательстве определения понятия ЛУД, в соответствии с Гражданским кодексом эти лица считаются участниками гражданского процесса с законным интересом, обладающими способностью выступать от своего имени в процессе и совершать ряд юридических действий, влияющих на ход процесса [7]. Рассмотрим критерии участников ГПК через призму ЛУД. Они имеют следующие характеристики:

- участие в судопроизводстве;
- наличие юридической заинтересованности в исходе дела;
- выступление в процессе от своего имени;
- возможность влиять на судопроизводство посредством волеизъявления.

Ключевым критерием отнесения участника процесса к ЛУД является юридическая заинтересованность в исходе дела [8]. Юридическая заинтересованность рассматривается как законодательно обусловленный правовой результат, на который рассчитывает заинтересованное лицо при разрешении дела. Сегодня выделяют следующие виды интереса ЛУД:

1. Личная заинтересованность. Предполагает значимость вынесенного судебного решения для защиты интересов самого участвующего в деле лица.
2. Фактическая заинтересованность. Заключается в приобретении или потере определённых имущественных или неимущественных благ участниками дела в результате вынесения судебного решения. При этом наличие фактического интереса у разных ЛУД имеет неодинаковые правовые последствия: для сторон разбирательства фактическая заинтересованность естественна, тогда как для прокурора её наличие выступает поводом для отвода.
3. Государственная заинтересованность. Заключается в защите прав и интересов различных лиц третьими субъектами, выступающими в деле от своего имени.

Правовые интересы следует рассматривать с нескольких сторон: материальной и нематериальной [9]. Суть процессуальных интересов заключается в ожидании сторонами благоприятного исхода в связи с завершением судебного разбирательства и распространяется на всех инвалидов. Материальные интересы – это ожидания того, что материально-правовой спор будет разрешен

в пользу лица, и характерны только для сторон спорного материального правоотношения.

Наличие юридического интереса может определять статус лица как истца в судебном процессе. Однако Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации не содержат определения понятия «заинтересованное лицо». Поэтому Восьмой арбитражный суд в своем постановлении № 08АП-8196/2017 от 29 июня 2017 года по делу № А46–13659/2016 указал, что под заинтересованными лицами могут пониматься инициаторы споров, стороны, отвечающие на споры, и лица, участвующие в рассмотрении споров [10]. Следует отметить, что существует и более инклюзивный взгляд, который делает акцент на разнице ЛУД и других членов процесса.

Также заинтересованным лицом в арбитражном процессе является лицо, не участвующее в деле и предположительно имеющее интерес в арбитражном процессе, поскольку принятие судебного акта может повлиять на этот интерес (ч. 2 ст. 221, ч. 8 ст. 222 и АПК РФ). Согласно п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда № 11, суд решает вопрос о включении в круг лиц, участвующих в деле в качестве заинтересованного лица или третьего лица, и лиц, участвующих в деле в качестве заинтересованных лиц [11]. Так, следует обратить внимание на судебную практику (решение АС ДЮ 26.01.2016 г. № Ф03–6127/2015 по делу № А73–3492/2012) – Арбитражный суд Дальневосточной юрисдикции – имеет в оперативном управлении часть рассматриваемого объекта незавершенного строительства заявила, что является заинтересованным лицом по делу [12].

Существует также дискуссия о правовом статусе представителя в гражданском процессе [13]. С одной стороны, представитель имеет юридическую заинтересованность в исходе дела, но с другой – правовой статус представителя является неоднородным образованием, зависящим от вида представителя. Проблема применения права основана на неполноте системы судебного права, которая не конкретизирует и не определяет правовой статус каждого истца в зависимости от характера правового интереса. Поэтому АПК РФ и ГПК РФ включают в ЛУД отдельное понятие «заинтересованное лицо в частном судопроизводстве», что связано с проблемой соотношения тяжущихся как заинтересованных лиц и группы «заинтересованных лиц» как ЛУД.

В отличие от процессуального права, под заинтересованным лицом в административном производстве понимается лицо, права и обязанности которого могут быть затронуты при разрешении административного дела (часть 1 статьи 47 КАС РФ). Следует отметить, что состав организаций, заинтересованных в исходе дела, шире, чем круг основных участников производства в соответствии с ГПК РФ [14]. Так, материально-правовые и процессуальные интересы принадлежат участникам процесса – взыскателю и должнику. Взыскатель

и должник являются участниками процесса, который представляет собой один из самостоятельных видов гражданского судопроизводства. В связи с этим в ст. 34 ГПК РФ после слов «заявитель и другие заинтересованные лица в порядке частного судопроизводства» желательно добавить слова «взыскатель и должник в судебном процессе».

Привлечение третьих лиц к участию в гражданском процессе требует особого внимания, целью которого является правильная и объективная оценка представленных суду доказательств и обеспечение судебной защиты нарушенных прав и интересов [15]. Третьи лица могут заявлять или не заявлять самостоятельные требования, связанные с предметом спора. В первом случае эта группа лиц имеет материальную заинтересованность в исходе разбирательства и вступает в спор на основании искового заявления. Если третье лицо не подает исковое заявление, в дело может вступить одна или обе стороны спорного правоотношения или суд по собственной инициативе. В этом случае для привлечения третьего лица к участию в гражданском процессе необходимо наличие разумных доказательств того, что данное третье лицо заинтересовано в исходе дела. Однако нормативное закрепление этого условия отсутствует, а российское гражданское процессуальное законодательство не определяет четких условий и оснований для привлечения к участию в гражданском споре третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований. Такая ситуация снижает эффективность правоприменения.

Подводя итоги всего вышесказанного, следует сделать вывод о том, что несмотря на сформированность ГПК и АПК, существуют несовершенства правового регулирования института лиц, участвующих в деле, касающиеся определения и круга заинтересованных лиц и отсутствия нормативной регламентации допуска в гражданский процесс третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Таким образом, критериями отнесения участников гражданского судопроизводства к группе ЛУД являются их участие в процессе, наличие правового интереса в исходе процесса, возможность влиять на динамику процесса, действуя от своего имени и выражая свою волю в процессе. Особенности процессуальной деятельности групп ЛУД зависят от типа их правового интереса. Необходимо дальнейшее совершенствование системы ЛУД для предотвращения процессуальных ошибок и повышения качества судебного администрирования.

Литература

1. Воронов А.Ф. О классификации участников гражданского процесса // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т. 3, № 10. – С. 224–234. – DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-10-224-234
2. Рябус О.А. К вопросу о смене процессуального статуса лиц, участвующих в деле в граждан-

ском и арбитражном процессе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 2. – С. 210–217.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 08.04.2024).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 08.04.2024).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/ (дата обращения: 08.04.2024).
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 08.04.2024).
7. Власов А.А. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов / А.А. Власов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 485 с.
8. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России / Мохов А.А. – М.: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 384 с.
9. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / М.Ю. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 438 с.
10. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2017 N 08АП-8196/2017 по делу N А46–13659/2016 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ffe4cf45-386c-44c6-817a-e71b1ecbacb6/f84fddbb-9fb7-43f1-8410-807137146bac/A46-13659-2016_20170629_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.04.2024).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 (ред. от 29.06.2021) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения: 08.04.2024).

12. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.01.2016 N Ф03–6127/2015 по делу N A73–3492/2012 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e889f46–8754–4a74–bace–16667579911f/8e11670f–78ca–4052–96b3–b699c845968c/A73–3492–2012_20160126_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.04.2024).
13. Зеленская Л.А. К вопросу о понятии «заинтересованные лица» в гражданском и административном судопроизводстве // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 219–224.
14. Городнова О.Н., Макарушкова А.А. Проблемы определения правового статуса лиц, участвующих в гражданско-процессуальном деле // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 134–139. – DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-134-139
15. Сулима Е.А. Особенности участия третьих лиц в гражданском процессе: проблемные аспекты и пути совершенствования // Поколение будущего. сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. – СПб., 2020. – С. 187–190.

CRITERIA FOR CLASSIFYING PARTICIPANTS IN CIVIL PROCEEDINGS AS PERSONS INVOLVED IN THE CASE

Bartosh I.N.

Northwestern branch of the Russian State University of Justice

This article analyzes the criteria for the qualification of participants in the trial in civil cases. It contains a list of participants in the process defined in the Code of Civil Procedure, the Arbitration Procedure Law and the Law on Administrative Proceedings. It should be noted that the legislator did not specify the concept of “participant in the judicial process”. The criteria for the qualification of participants in civil proceedings as participants in the judicial process are presented. The concept and types of legal interest of persons involved in the case are considered. It is indicated that the presence of a legal interest makes it possible to determine the procedural position of a person in the case. The current judicial practice is given. The imperfections of the legal regulation of the institution of persons involved in the case are revealed, concerning the definition and circle of interested persons and the lack of regulatory regulation of admission to the civil process of a third person who does not declare independent claims regarding the subject of the dispute.

Keywords: civil procedure, arbitration proceedings, administrative proceedings, persons involved in the case, legal interest.

References

1. Voronov A.F. On the classification of participants in civil proceedings // Current problems of state and law. – 2019. – Т. 3, No. 10. – P. 224–234. – DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-10-224-234
2. Ryabus O.A. On the issue of changing the procedural status of persons participating in a case in civil and arbitration proceedings // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal sciences. – 2022. – Т. 8 (74), No. 2. – P. 210–217.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on December 25, 2023, as amended on January 25, 2024) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (date of access: 04/08/2024).
4. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 5, 2024) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (date of access: 04/08/2024).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2023 N 15 “On some issues of the courts taking measures to secure a claim, interim measures and preliminary protection measures” [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/ (date of access: 04/08/2024).
6. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation dated 03/08/2015 N 21-FZ (as amended on 02/14/2024) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (date of access: 04/08/2024).
7. Vlasov A.A. Civil process: textbook and workshop for universities / A.A. Vlasov. – 11th ed., revised. and additional – M.: Yurayt Publishing House, 2024. – 485 p.
8. Civil process (civil procedural law) of Russia / Mokhov A.A. – M.: Contract, Scientific Research Center INFRA-M, 2017. – 384 p.
9. Lebedev M. Yu. Civil process: textbook for universities / M. Yu. Lebedev. – 13th ed., revised. and additional – M.: Yurayt Publishing House, 2024. – 438 p.
10. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated June 29, 2017 N 08AP-8196/2017 in case N A46–13659/2016 [Electronic resource] // Electronic justice. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ffe4cf45–386c–44c6–817a–e71b1ecbacb6/f84fddb–9fb7–43f1–8410–807137146bac/A46–13659–2016_20170629_Postanovlenie_apell_jacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date access: 04/08/2024).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 29, 2016 N 11 (as amended on June 29, 2021) “On some issues arising when considering cases of awarding compensation for violation of the right to trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time » [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (date of access: 04/08/2024).
12. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 26, 2016 N F03–6127/2015 in case N A73–3492/2012 [Electronic resource] // Electronic justice. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e889f46–8754–4a74–bace–16667579911f/8e11670f–78ca–4052–96b3–b699c845968c/A73–3492–2012_20160126_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date access: 04/08/2024).
13. Zelenskaya L.A. On the issue of the concept of “interested persons” in civil and administrative proceedings // Law and practice. – 2019. – No. 4. – P. 219–224.
14. Gorodnova O.N., Makarushkova A.A. Problems of determining the legal status of persons participating in a civil procedural case // Siberian Legal Review. – 2020. – Т. 17, No. 1. – P. 134–139. – DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-134-139
15. Sulima E.A. Features of the participation of third parties in civil proceedings: problematic aspects and ways of improvement // Generation of the Future. collection of selected articles from the International Student Scientific Conference. – St. Petersburg, 2020. – pp. 187–190.

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

Зуев Андрей Вячеславович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: univrandrey@mail.ru

Завьялов Дмитрий Евгеньевич,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела информационного обеспечения населения и технологий информационной поддержки РСЧС и пожарной безопасности центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: zavialov@igps.ru

Османов Шамиль Абубакарович,

заместитель начальника отдела планирования, организации и координации научных исследований центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: sh.osmanov@igps.ru

В статье изучена одна из наиболее долгожданных гарантий сотрудникам ФПС МЧС России: право на пенсию за выслугу лет. Достаточно полно на примере расчетов для выхода на пенсию рассмотрены два основания для ее осуществления для сотрудников ФПС МЧС России. В статье также рассмотрена формула пенсии за выслугу лет сотрудникам ФПС МЧС России. Изучены все нюансы выплаты единовременного пособия при увольнении сотрудников, а также дополнительные выплаты при увольнении для различных категорий. В статье рассказано о изменении в пенсионном обеспечении для сотрудников с 1 января 2012 года и также рассмотрены категории сотрудников силовых структур, которых не коснулись данные изменения. Изучено изменение понижающего коэффициента для расчета пенсии по годам.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, пенсия за выслугу лет, смешанный стаж, увольнение, пенсионный расчет, единовременное пособие, понижающий коэффициент.

Введение

В соответствии с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. N 4468–1 для сотрудников ФПС ГПС и членов их семей установлены следующие виды пенсий:

- за выслугу лет;
- по инвалидности;
- по случаю потери кормильца. [1]

В нашей статье мы рассмотрим одну из наиболее важных гарантий для сотрудников ФПС МЧС России – пенсию за выслугу лет. [2,3,4,5]

Основная часть

Перед увольнением на пенсию сотрудник подходит в кадровое подразделение организации, где он проходит службу и просит подсказать кадровиков по каким основаниям ему наиболее выгодно увольняться на пенсию.

Напомним, увольняться на пенсию за выслугу лет сотрудник может по двум основаниям:

1) По выслуге 20 лет и более, с учетом, что в выслугу для начисления пенсии может также включаться учеба в гражданских учебных заведениях (высших и средних-специальных), учитывается не более 5 лет обучения, с коэффициентом – 0,5. При этом для сотрудников поступивших на службу до 23.05.2016 года (до вступления в силу ФЗ-141 от 23.05.2016) засчитываются все формы обучения, а для сотрудников поступивших на службу с 23.05.2016 года – только очная форма обучения.

2) По смешанному стажу. Для этого должны быть соблюдены несколько составляющих:

- сотрудник увольняется по предельному возрасту, по болезни или сокращению штатов;
- имеет трудовой стаж – 25 лет и более, из них 12,6 – служба в ВС или иных силовых структурах, где сотрудник имел специальные звания;
- возраст 45 лет и более (напомним, если сотрудник увольняется по предельному возрасту, который был увеличен на 5 лет для всех штатных категорий с 01.01.2022 года – то возраст должен быть 50 лет и более, в зависимости от своего специального звания)

Перед увольнением сотрудника на пенсию кадровое подразделение подсказывает сотруднику, как наиболее выгодно ему уволиться на пенсию: по выслуге 20 лет и более или по смешанному стажу. Кадровой подразделение по последнему месту службы везет пенсионный расчет и все подлинники его документов, включая личное дело сотрудника в пенсионный отдел МВД, который осуществляет проверку пенсионного расчета и после увольнения сотрудника на пенсию осуществляет начисление ведомственной пенсии и занимается дальнейшими вопросами пенсионного обеспечения.

После увольнения сотрудника ФПС МЧС России кадровые подразделения обязаны в десятидневный срок сдать пенсионные расчеты в пенсионные отделы МВД. Руководитель кадрового подразделения по последнему месту службы сотрудника несет за это персональную ответственность. [6,7]

В Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России в 2020 году кафедрой переподготовки и повышения квалификации специалистов подготовлена программа повышения квалификации «Организация и совершенствование кадрово-воспитательной работы в подразделениях ГПС МЧС России» для специалистов кадровых подразделений МЧС России.

Данная программа направлена на повышение теоретической подготовки и совершенствование практических знаний. Повышение квалификации может помочь кадровикам упорядочить свои знания, увеличить мотивацию к выполняемой работе. [8,9,10,11]

При этом следует учитывать, что формирование новых современных компетенций у слушателей МЧС России возможно только при чередовании дистанционного обучения с элементами практики. [12,13,14,15]

Рассмотрим на примере, каким образом кадровик организации по последнему месту службы увольняемого определяет и подсказывает, как наиболее выгодно сотруднику уйти на пенсию:

Увольняется майор внутренней службы Иванов И.И., старший инспектор ОК ГУ МЧС России по Брянской области:

На момент увольнения достиг возраста 50 лет;

- календарная выслуга лет составляет – 21 год 02 мес. 23 дня;
- стаж службы – 18 лет 09 месяцев 28 дней;
- общий трудовой стаж – 29 лет 05 месяцев 19 дней
- ежемесячная надбавка к окладу денежного содержания за выслугу лет на момент увольнения – 25% (максимальная надбавка за выслугу лет).

Для начисления пенсии учитывается должностной оклад, оклад по специальному званию и ежемесячная надбавка за выслугу лет.

Если сотрудник увольняется по выслуге 20 лет и более, то расчет процентов для пенсии следующий: за 20 лет – 50% сумм для начисления пенсии, за каждый год свыше – 3%.

В нашем случае сотрудник имеет выслугу 21 год, т.е. 53% сумм для начисления пенсии.

Если сотрудник увольняется по смешанному стажу, то расчет процентов будет таким: 25 лет общий трудовой стаж – 50% сумм для начисления пенсии, за каждый год свыше – 1%.

В нашем случае сотрудник имеет общий трудовой стаж – 29 лет, т.е. 54% сумм для начисления пенсии.

Следовательно, сотруднику наиболее выгодно уволиться по смешанному стажу.

Рассмотрим формулу расчета пенсии:

Пенсия = (оклад по должности + оклад за звание + процентная надбавка за выслугу лет) x базовую ставку (понижающий коэффициент) x % пенсии x районный коэффициент [16]

Какие есть дополнительные выплаты при уходе сотрудников МЧС России на пенсию. Согласно приказа МЧС России № 195 от 21.03.2013 при увольнении из министерства сотрудник с выслугой 20 и более лет в качестве единовременного пособия должен получить 7 окладов денежного содержания. [17]

При увольнении дополнительную выплату в размере 1 оклада денежного содержания получает сотрудник, имеющий государственную награду.

Необходимо отметить, что выслуга лет в данном случае считается лишь в календарном исчислении. При этом выплата единовременного пособия должна производиться при каждом увольнении сотрудника в полном объеме.

Пенсионное обеспечение для сотрудников ФПС МЧС России было изменено с 1 января 2012 года, не смотря на то, что изменение социальных гарантий и увеличение денежного довольствия произошло годом позже, с 1 января 2013 (ФЗ-283 от 30.12.2012), когда в пенсионном обеспечении появился понижающий коэффициент – 54%, которые каждый год с 1 января должен был увеличиваться на 2%, пока не достигнет 100%.

Стоит заметить, что для сотрудников, которые увольнялись в 2012 году пенсии насчитывались уже по новым окладам.

В 2015 году действие данного пункта было приостановлено и Федеральными законами устанавливались понижающие коэффициенты. И было уточнено, что Федеральными законами могут быть установлены увеличения превышающим 2%.

Обычно понижающий коэффициент, также как индексация ведомственных пенсий и индексация окладов сотрудников происходит каждый год с 1 октября.

Давайте рассмотрим увеличения, которые происходили с понижающим коэффициентом в последние годы:

с 01.01.2012–54%, с 01.01.2013–56%, с 01.01.2014–60,05%, с 01.10.2014–62,12%, с 01.10.2015–66,78%, с 01.01.2016–69,45%, с 01.01.2018–72,23%, с 01.10.2019–73,68%, с 01.01.2022–74%.

В настоящее время с 1 октября 2022 понижающий коэффициент составляет 85,47%.

Данные изменения на коснулись граждан, работающих в:

- военной прокуратуре;
- следственных органах;
- судах.

В Госдуме неоднократно поднимался вопрос необходимости восстановления социально равенства для других ведомственных пенсионеров, но до сих пор ситуация не разрешилась.

Заключение

Также следует отметить, что система пенсионного обеспечения в МЧС предусматривает программы поддержки и социальной защиты для пенсионеров,

включая льготные условия при оплате жилья, медицинское обслуживание и другие преимущества. Достойный и повышенный уровень выплаты пенсий – один из мощных критериев привлекательности для поступления в федеральную противопожарную службу.

Литература

1. Закон РФ от 12.02.1993 N 4468–1 (ред. от 29.05.2023, с изм. от 27.11.2023) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
3. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82
4. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф.// СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
5. Бородин М.П., Губанова О.А. Исторические этапы срочной службы в России. Журнал «Качество». 2021 № 55 (5). С. 51–55
6. Губанова О.А. Зарубежный опыт подготовки пожарных. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2018 № 2. С. 169–174
7. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70
8. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
9. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
10. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
11. Михайлов В.А., Михайлова В.В. Особенности адаптации молодых преподавателей образовательных организаций высшего образования МЧС России к профессиональной деятельности в области пожарной безопасности / Актуальные проблемы обеспечения пожарной безопасности защиты от чрезвычайных ситуаций. Железногорск. 2021. С. 649–652.
12. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов ВУЗов МЧС России /СПб. Автореферат диссертации/ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. 2008. С. 37.
13. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.
14. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.
15. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.
16. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
17. Приказ МЧС России от 21.03.2013 N 195 (ред. от 20.11.2023) «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

LONG SERVICE PENSION

Gubanova O.A., Zuev A.V., Zavyalov D.E., Osmanov Sh.A.

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev, Leningrad regional branch St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines one of the most long-awaited guarantees for employees of the Federal Border Guard Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia: the right to a pension for long service. Using the example of calculations for retirement, two reasons for its implementation for employees of the Federal Border Guard Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia are considered quite fully. The article also discusses the formula for long-service pensions for employees of the Federal Border Guard Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

All the nuances of paying a one-time benefit upon dismissal of employees, as well as additional payments upon dismissal for various categories, have been studied. The article describes changes in pension provision for employees from January 1, 2012 and also examines categories of law enforcement officers who were not affected by these changes. The change in the reduction factor for calculating pensions by year has been studied.

Keywords: pension provision, long service pension, mixed length of service, dismissal, pension calculation, lump sum benefit, reduction factor.

References

1. Law of the Russian Federation dated 02/12/1993 N 4468–1 (as amended on 05/29/2023, as amended on 11/27/2023) “On pension provision for persons who served in military service, served in internal affairs bodies, the State Fire Service, control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system, troops of the National Guard of the Russian Federation, enforcement agencies of the Russian Federation, and their families” Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.
2. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Law. Safety. Emergencies*. 2013 No. 2(19) P. 58–63
3. Gubanova O.A. History and reform of pension provision in Russia // *Psychological and pedagogical problems of human and social security*. 2018 No. 2 (39). P. 79–82
4. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // *Abstracts of the international. conf. // SPBUGPS 2019*. SPb., 2019. P. 212–215
5. Borodin M.P., Gubanova O.A. Historical stages of military service in Russia. *Magazine “Cossacks”*. 2021 No. 55 (5). P. 51–55
6. Gubanova O.A. Foreign experience in training firefighters. *Scientific analyst magazine “Bulletin of St. Petersburg. State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia”*. 2018 No. 2. P. 169–174
7. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with the personnel reserve at the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *Scientific analyst magazine “Bulletin of St. Petersburg. State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia”*. 2010 No. 2. P. 62–70
8. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. Application of electronic educational and methodological complex for distance learning students of the advanced training course // *Pedagogical Journal*. 2021. No. 5–1. pp. 412–418.
9. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of a university // *Pedagogical Journal*. 2022. No. 1–1. pp. 313–318.
10. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of programs of additional professional education // *Current problems of physical and special training of power structures*. 2022. No. 4. P. 42–47.
11. Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Features of adaptation of young teachers of educational institutions of higher education of the Ministry of Emergency Situations Russia to professional activities in the field of fire safety / *Current problems of ensuring fire safety and protection from emergency situations*. Zheleznogorsk 2021, pp. 649–652.
12. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia / *St. Petersburg. Abstract of the dissertation/ St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2008. P. 37.
13. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University State Fire Service EMERCOM of Russia, 2022. 176 p.
14. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University State Fire Service EMERCOM of Russia, 2023. 248 p.
15. Gubanova O.A. Demography in Russia // *Psychological and pedagogical problems of human and social security*. 2020. No. 3 (48). pp. 53–56.
16. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // *Law and power*. 2023. No. 1. P. 26–28.
17. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated March 21, 2013 N 195 (as amended on November 20, 2023) “On approval of the Procedure for providing monetary allowances to employees of the federal fire service of the State Fire Service” Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.

Дегтев Геннадий Валентинович,

доктор юридических наук, доцент, МГУУ Правительства
Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Аношкина Ольга Олеговна,

магистрант, МГУУ Правительства Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Коррупция является опасным явлением. Статистические данные о состоянии коррупции в Российской Федерации требуют постоянного обновления и внедрения эффективных правовых, организационных, экономических и социальных мер в части предотвращения любых коррупционных проявлений. Так как государственные и муниципальные закупки являются одной из наиболее важных сфер деятельности государства, внедрение мер по противодействию коррупции в сфере закупок позволит повысить эффективность закупочной деятельности. Важность формирования правовой грамотности в части противодействия коррупции, применения современных управленческих подходов и инструментов в рамках нормативно – правового обеспечения закупок товаров, работ, услуг для предотвращения коррупционных рисков в сфере закупок безусловна – она играет важнейшую роль в укреплении доверия к государственной закупочной деятельности и системе в целом, способствует развитию открытости, прозрачности, честности и справедливости, а также обеспечивает эффективное использование государственных средств в интересах общества с достижением наилучших экономических и качественных показателей, и удовлетворения государственных и гражданских нужд потребителей результатов государственных, муниципальных и корпоративных закупок.

Ключевые слова: контрактная система, государственные и муниципальные закупки, противодействие коррупции.

Законодательное понятие коррупции закреплено в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции). Согласно данному нормативному акту под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение данных деяний от имени или в интересах юридического лица. Понятие коррупции, представленное в законе, находит свое отражение в таких составах преступлений как дача взятки (ст. 290 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Однако коррупция в широком понимании сводится не только к уголовно наказуемым преступлениям, но имеет и ряд иных проявлений, который также нельзя недооценивать. Коррупция может выражаться в форме мелкого хищения материальных и денежных средств с использованием служебного положения или нецелевого использование бюджетных средств, что выступает составом административных правонарушений установленных КоАП РФ. Или, например, коррупция может выражаться в форме принятия в дар или дарения подарков, оказания услуг госслужащему третьими лицами, что выступает в свою очередь запрещёнными ГК РФ сделками.

В современном обществе можно видеть резкое расширение границ данного явления: оно превратилось в неотъемлемую часть социально-экономической жизнедеятельности всего общества [2]. Анализ научной литературы и закупочных практик позволяет говорить о том, что в настоящее время коррупция – оформленный самостоятельный социальный институт: она имеет определенную устойчивую форму, структурную развитость, данный феномен объединяет большое количество субъектов: как должностных лиц, так и субъектов бизнеса, которые активно используют коррупционные инструменты в своей деятельности с целью решения определенных проблем, вопросов [4].

Негативные последствия коррупции не требуют дополнительного освещения, так как очевидно, что помимо точечного ущерба коррупция наносит огромный ущерб государственному строю, кото-

рый выражается как в репутационных, организационных, так и в финансовых потерях со стороны государственной системы.

Поэтому противодействие коррупции одно из важнейших направлений деятельности государства и общества в целом. Предметом исследований данной тематики является анализ трех основных аспектов противодействия коррупции, которые принято выделять в научной литературе:

- профилактика коррупционных проявлений,
- противодействие коррупционным деяниям,
- минимизация последствий коррупционных правонарушений [3].

Закон о противодействии коррупции раскрывает сущность понятия «противодействия коррупции», в содержание которого входят следующие элементы:

- предупреждение,
- выявление и пресечение,
- минимизация последствий.

В Российской Федерации первый план по борьбе с коррупцией утверждён в 2008 году. В настоящий момент действует новый план по борьбе с коррупцией на 2021–2024 годы, который утверждён приказом Президента РФ и содержит ряд поручений различным ведомствам по повышению эффективности борьбы с коррупцией. План по борьбе с коррупцией содержит 16 направлений деятельности по борьбе с коррупцией, среди которых подтверждение достоверности сведений о доходах и расходах, совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, в различных сферах деятельности, выявление конфликта интересов и его предотвращение, применение мер административного и уголовного воздействия в целях противодействия коррупции. Одним из новых поручений, закрепленных в плане, является поручение проанализировать коррупционные риски при принятии решений о выделении субсидий из бюджетов, а также предложения по пресечению коррупции с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой.

Государственные закупки выступают значимым экономическим механизмом, используемым государством для распределения бюджетных средств. Многие закупки проводятся в рамках реализации национальных проектов, а также закупки выступают отдельным инструментом представления ряда льгот (например, субъектам малого предпринимательства или товарам российского производства), что в свою очередь выступает частью национальной политики. Таким образом, противодействие коррупции в сфере закупок одно из важных направлений в общей политике по противодействию коррупции. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) уже содержит ряд управленческих механизмов, в частности – это требование к участникам закупок об отсутствии конфликта интересов, наличие которого в свою очередь делает

невозможным дальнейшее участие лица в закупке, внедрение общественного контроля как способа противодействия коррупции, а также введение электронных закупок.

Факторами коррупционных рисков в сфере государственных закупок являются:

- возможности «обхода» правовых норм при реализации закупок;
- ограниченные ресурсы (количественные, технические, правовые, компетентностные) контролирующих органов для выявления коррупции в рамках контрольных мероприятий;
- выгодность коррупции для участников коррупционных сделок, повышающая латентность совершаемых коррупционных преступлений [1].

Коррупционные проявления могут возникать на всех стадиях закупочного процесса. Опрос специалистов в сфере закупок позволили обобщить информацию и определить наиболее часто встречающиеся зоны коррупционных рисков, которые представлены ниже.

На стадии планирования закупки проявления коррупции могут иметь следующие формы:

- включение в описание объекта закупки характеристик, исключающих конкуренцию при дальнейших торгах. Зачастую, потенциальные победители разрабатывают ТЗ или критерии оценки для ограничения количества участников и гарантированной победы.
- намеренное завышение или занижение цены при расчете НМЦК для обеспечения участия конкретного лица. Согласно Закону о контрактной системе приоритетным выступает метод анализа цен, он же является наиболее часто применяемым заказчиками для расчета НМЦК. О наличии недобросовестности при расчете цены может свидетельствовать запрос ценовой информации у организаций, профиль деятельности которой не соответствует предмету закупки. Или, например, неоднократное получение заказчиком ценовой информации у одних и тех же поставщиков независимо от предмета закупки.
- установление заведомо неисполнимых сроков (слишком коротких или не позволяющих исполнить работы из-за сезонности).

На стадии определения поставщика проявления коррупции связаны с работой комиссии, а именно могут быть выражены в предвзятой оценке заявок участников.

На стадии исполнения контракта проявления коррупции могут иметь следующие формы:

- приемка товара, услуги, работы, при отсутствии фактического исполнения;
- замена при исполнении контракта товара на товар с «улучшенными характеристиками», стоимость которого ниже, чем товар, изначально предусмотренный к поставке;
- приемка работ, в объеме несоответствующем требованиям контракта. Например, согласование заказчиком замены материалов подрядчиком на более дешевые, или согласование из-

менения технологии работ, выполнения объема работ отличного от объема, предусмотренного сметой, что привело к ухудшению качества выполненных работ и др.

Опрошенные специалисты в сфере закупок едины в понимании того, что коррупционных рисков можно избежать развивая прозрачность процедуры на всех этапах закупки, стандартизацию закупок, дополнительный контроль, в том числе внешний и др.

На уровне города Москвы реализован ряд дополнительных управленческих подходов, направленных на минимизацию совершения коррупционных правонарушений. К примеру, согласование закупок разными органами, исходя из их стоимости, и экспертиза достоверности обоснования НМЦК, размещение извещений и формирование комиссии Департаментом по конкурентной политике города Москвы по закупкам свыше определённого ценового порога. Также, стандартизация закупок, которая закрепляет единые условия проведения закупок и ПЦП на отдельные виды товаров, работ, услуг.

Анализ закупочных практик позволяет сделать вывод, что на уровне заказчика могут быть применены управленческие инструменты в целях минимизации коррупционных рисков:

- регламентация процесса сбора ценовой информации от поставщиков. При этом, целесообразно установить требования к организациям, которым направляются запросы. Например, о соответствии профиля деятельности данной организации предмету закупки, отсутствия аффилированности между организациями, которым направляется запрос, а также о наличии опыта исполнения договоров, аналогичных предмету закупки. При этом, дополнительно у заказчика должно быть определено подразделение, не участвующее в общей процедуре закупки, которое будет проверять соответствие организаций требованиям регламента;
- информирование участников процесса о том, что является конфликтом интересов, в каких ситуациях он может проявиться;
- стандартизация в части характеристик и предельных ценовых показателей по предметам не стандартизированным на уровне города,
- привлечение к согласованию пакета документов, формируемого при осуществлении закупки, различных подразделений заказчика. При этом, целесообразно проводить указанное согласование в автоматизированном режиме, для сохранения информации о внесенных изменениях, выданных замечаниях и невозможности корректировки документов без сохранения следов;
- ротация инициаторов закупки. При проведении закупки по одним и тем же предметам на регулярной основе целесообразно с определенной периодичностью изменять инициатора закупки в целях исключения у инициатора устоявшихся

взаимоотношений в определёнными поставщиками;

- включение в закупочную комиссию сотрудников различных подразделений, незаинтересованных в результатах определения поставщика, не участвовавших в подготовке документации о закупке для обеспечения непредвзятой оценки заявок. Или включение в комиссию внешних экспертов, что обусловлено при сложности предмета закупки;
- регламентация процесса приемки по контракту, в том числе формирование приемочной комиссии из работников различных структурных подразделений;
- комиссионное рассмотрение возможности замены товара на товар с улучшенными характеристиками, а также определение четких критериев того, что для заказчика является такими улучшенными характеристиками;
- периодическое привлечение внешних аудиторов для осуществления проверки результатов исполнения по контракту, а также проведения закупок.

Указанные управленческие подходы и инструменты могут оказать существенный вклад в деятельность по минимизации проявлений коррупции в сфере закупок, что в свою очередь выступает вкладом в общую систему противодействия коррупции, а также направлено на недопущения растраты бюджетных средств.

Литература

1. Грачев А.В, Сикорская Л.В. Классификация инструментов снижения коррупционных рисков в системе государственных закупок в зависимости от их воздействия на факторы коррупции Р. Клитгаарда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022 – № 4. С. 93–102.
2. Попова Н.А. Противодействие коррупции: современное состояние // Актуальные проблемы государства и права – 2022 – № 24.- С.591–600
3. Федулов И.Н., Квач С.С. Противодействие коррупции в Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Вестник Югорского государственного университета – 2019 – № 3 (54) – С. 26–31.
4. Ягодин Р.С., Волкова П.А. Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал – 2017 – № 2. – С. 259–264.

MANAGEMENT TOOLS FOR COMBATING CORRUPTION IN THE FIELD OF PROCUREMENT

Degtev G.V., Anoshkina O.O.

MSUU of the Moscow Government

Corruption is a dangerous phenomenon. Statistical data on the state of corruption in the Russian Federation requires constant updating and the introduction of effective legal, organizational, economic and social measures to prevent any manifestations of corruption. Since state and municipal procurement are one of the most important areas of government activity, the introduction of measures to combat corruption in the field of procurement will improve the efficiency of

procurement activities. The importance of developing legal literacy in terms of combating corruption, applying modern management approaches and tools within the framework of regulatory support for the procurement of goods, works, services to prevent corruption risks in the field of procurement is unconditional – it plays a critical role in strengthening confidence in public procurement activities and the system in general, promotes the development of openness, transparency, honesty and fairness, and also ensures the effective use of public funds in the interests of society with the achievement of the best economic and quality indicators, and meeting the state and civil needs of consumers of the results of state, municipal and corporate procurement.

Keywords: contract system, state and municipal procurement, anti-corruption.

References

1. Grachev A.V., Sikorskaya L.V. Classification of tools for reducing corruption risks in the public procurement system depending on their impact on corruption factors by R. Klitgaard // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and management. – 2022 – no. 4- pp. 93–102.
2. Popova N.A. Anti-corruption: current state // Current problems of state and law – 2022 – No. 24.- P. 591–600
3. Fedulov I.N., Kvach S.S. Anti-corruption in the Russian Federation: current state and prospects // Bulletin of Ugra State University – 2019 – No. 3 (54) – pp. 26–31.
4. Yagodin R.S., Volkova P.A. Anti-corruption // Leningrad Law Journal – 2017 – No. 2. – P. 259–264.

Содержание принципа правовой определенности в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина

Исаев Данила Антонович,

студент 3-го курса, кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: 1isaevdaniila0@gmail.com

Бояндина Валерия Вячеславовна,

студент 3-го курса, кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: v.boyandina@g.nsu.ru

В работе принцип правовой определенности исследуется в трех наиболее распространенных значениях, придаваемых ему в доктрине и практике. Проводится анализ конкретных общественных отношений, урегулированных конституционным правом России; формулируются предложения по совершенствованию законодательства; обобщается практика Конституционного Суда РФ. **Целью** исследования является выявление проблем, связанных с реализацией принципа правовой определенности, а также предложение путей их решения. **Структура** работы включает в себя четыре раздела (введение, подходы к понятию принципа правовой определенности, проблемы его реализации, выводы). Формулируется **вывод**, согласно которому принцип правовой определенности находится лишь на этапе своего становления; его несоблюдение выступает причиной нарушения прав и свобод человека и гражданина и является самостоятельным основанием для признания нормы не соответствующей Конституции РФ, а также для признания нормативного акта полностью или частично недействующим. Проблемы реализации принципа наличествуют в таких институтах конституционного права, как гражданство, парламентский контроль, ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: принцип правовой определенности, конституционное право, ограничение прав и свобод человека и гражданина, статья 55 Конституции РФ, гражданство.

Введение

Тема настоящей работы задает пределы, в которых будет исследован принцип правовой определенности. Эти границы очерчены понятием «защиты прав и свобод человека и гражданина». В этой связи мы будем исходить из тождественности понятий «право» и «свобода», и рассматривать их как «подлежащие защите и приобретающие правовой характер в результате закрепления в нормативном правовом акте возможности, воспринимаемые не только отдельными индивидами, но и на уровне общества в целом» [1, С. 67]. Защита прав и свобод рассматривается в работе как тождественная их охране [2, С. 280].

Понятие принципа права. О подходах к пониманию «правовой неопределенности»

В настоящей работе понятие «принцип права» рассматривается не как отвлеченная идея о праве, что было характерным для советского периода [3, С. 17], а как первичная по отношению к другим *правовая норма*, что признается как в современной доктрине [4, С. 3–4], так и в практике (Из особого мнения судьи К.Л. Кононова следует, что общий принцип права представляет собой критерий и меру правомерности всех нормативных актов, а также что эти критерии обеспечены правосудием, в том числе конституционным (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 N 1-П). Также мы будем исходить из того, что для применения принципов права легальное их закрепление не является обязательным условием для применения [5, С. 167].

Будучи провозглашенным впервые во второй половине XX века, сегодня принцип правовой определенности чаще всего понимается в доктрине и практике в трех возможных значениях: 1) как точность формулировки правовой нормы; 2) как урегулированность общественного отношения правом; 3) как предсказуемость в вопросе окончательности правоприменительного акта. Существуют также и менее распространенные подходы [6].

Определенность как точность формулировки правовой нормы (отсутствие ошибок законодательной техники). В таком ключе об определенности пишет французский классик Ш. Монтескье в работе «О духе законов». В частности, он крайне критикует законодателя за следующие ошибки: 1) использование оценочных суждений, поскольку «слова закона должны вызывать у всех людей одни и те же понятия», а также 2) использование открытых перечней при формулировке норм

[7, С. 500]. Следует остановиться на том, какую ценность имеет принцип правовой определенности (в значении точности нормы) для российского правопорядка: особенно это заметно в случаях его несоблюдения. Будучи основанным на конституционных принципах справедливости, равенства, правового государства (Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2008 N 2-П), несоблюдение принципа «создает возможность злоупотребления исполнительной властью своими полномочиями, порождает противоречивую правоприменительную практику, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к произволу и, следовательно, к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона». В российском правопорядке произвольное толкование нормы в связи с ее неопределенностью является самостоятельным основанием для признания нормы не соответствующей Конституции РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 N 7-П), а также признания нормативного акта полностью или частично недействующим (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50).

Определенность как устойчивость (стабильность) правоприменительного акта. Впервые таким содержанием принцип был наполнен ЕСПЧ в 1999 году: «Принцип требует, – подчеркнул ЕСПЧ, – чтобы однажды решенное дело не могло быть пересмотрено». Имплементация этого принципа в российский правопорядок означала прекращение советской традиции произвольной и не ограниченной сроком возможности вышестоящих инстанций вмешаться в разрешенное дело вплоть до принятия нового решения (см. ст. 319, 320, 329 ГПК РСФСР от 11 июня 1964 года), что фрагментарно сохранялось вплоть до 2007 года в новом ГПК РФ и было упразднено с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 N 2-П, когда в ст. 389 ГПК РФ был установлен предельный срок для обжалования решения в надзоре, а также из числа субъектов, уполномоченных на внесение представления, исключены судьи.

В литературе воспринятый из практики ЕСПЧ принцип почти единогласно одобряется [8, 9], а советская практика отдельными авторами и вовсе «демонизируется» как черта феодального строя [10]. Лишь немногочисленные ученые аргументируют отказ от использования имплементированного принципа *res judicata* [11].

По наблюдениям самого автора, приобретенным в ходе учебной практики в судах общей юрисдикции, имплементация принципа скорее благосклонно сказывается на защите прав и свобод, однако была воспринята в некоторой степени резко, без достаточных организационных мер для подготовки к этому судей первых инстанций. Так, проверка высшими инстанциями решений нижестоящих судов отнюдь не всегда устраняет допущенные нижестоящими судами ошибки, а зачастую является воспроизведением собственных ранее устоявшихся заблуждений (например, в части отсут-

ствия необходимости обосновывать юридический состав морального вреда) [12]. В таких условиях нижестоящие суды не имеют стимула ни формулировать собственной уникальной правовой позиции, ни исчерпывающим образом давать юридическую оценку фактическим обстоятельствам: они просто перекладывают окончательное решение на судью вышестоящего суда. Подкрепляется это тем, что судьи чрезвычайно загружены, чтобы обременять себя такими изысканиями, а также не несут ответственности за ошибки в решениях (кроме случаев, предусмотренных ст. 305 УК РФ).

В этой связи видится необходимым вводить организационные меры, которые все еще не были осуществлены: проводить обучение и снижать нагрузку на судей первых инстанций посредством исключения из их подсудности малозначительных типовых дел. Помимо того, что это обеспечит устойчивость решений судов первой инстанции, это также снизит нагрузку на суды и уменьшит «кадровый голод».

Определенность как непротиворечивая урегулированность общественного отношения правом. Как пишет римский юрист Юлиан, «законы не могут быть написаны таким образом, чтобы они обнимали все случаи, которые когда-либо произойдут, но достаточно, чтобы они распространялись на то, что большей частью случается» [13, С. 17]. Иными словами, в таком значении определенность требует отсутствия пробелов (наличие урегулированности) и коллизий (при наличии урегулированности должны отсутствовать коллизии), разрешать которые при их наличии в конкретном случае будет судья. Неопределенность (“vagueness”) в целом характерна для языка, поэтому возникновение «сложных случаев» неизбежно, а такие случаи носят пограничный, а не «усредненный» характер [14, Р. 8–9]. С тем, чтобы такие случаи исключить, можно использовать специальную юридическую терминологию и включать в текст закона всевозможные оговорки, однако это приведет к снижению критерия *понятности* закона. Следовательно, перед законодателем стоит сложная задача по соблюдению баланса между двумя этими требованиями [15, С. 296–297; С. 303–304].

Определенность же на этапе выбора судьей одного из возможных решений (*determinacy*) требует не столько от судьи, сколько от правопорядка в целом, чтобы у лица, в отношении которого применяется (или должна применяться) та или иная норма, имелась возможность с определенной долей вероятности предполагать наступление конкретных правовых последствий [16, С. 16, 19, 26]. В этих целях законодатель, когда сочтет это необходимым, *санкционированно* делегирует судье свою власть выступать от имени всего правопорядка по конкретному делу (посредством введения открытых перечней, оценочных суждений и др.). В тех же случаях, когда имеет место пробел либо коллизия – возникает *несанкционированная* законодателем потребность судьи решить дело по своему усмотрению. Именно в таких случаях, зачастую, исход

и не будет определен в нарушение принципа правовой определенности, предъявляемого к правопорядку.

Конституционным Судом РФ применительно к таким случаям было указано (Постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П), что суд не может принимать самостоятельных решений на основе Конституции РФ, а при выявлении неконституционности какого-либо положения он обязан обращаться в Конституционный Суд РФ с соответствующим запросом. Несмотря на то что в дальнейших своих решениях Суд не был последователен в данном вопросе, в процессуальном законодательстве устоялась именно эта позиция.

Рассмотрим, каким образом законодатель и Конституционный Суд РФ предлагают судье разрешать ситуации с пробелами и коллизиями:

1. не усмотреть пробела или коллизии (подход судов общей юрисдикции поддержан Конституционным Судом РФ в Определении от 27.12.2023 N 3554-О);
2. обосновать позицию через принципы данной отрасли или аналогию закона (только если этим не ограничиваются права, свободы граждан и организаций) (абзац 4 пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21);
3. вынести решение на основании норм Конституции РФ, обосновав неконституционность закона, и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о его конституционности (статьи 101–104 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2004 N 134-О);
4. обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона, приостановив рассмотрение дела, и вынести решение в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ (статьи 101–104 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

В приведенном выше Определении Конституционного Суда РФ от 05.02.2004 N 134, следовательно, транслируется позиция, отличная от подхода, изложенного в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П: «...отказываясь от применения федерального закона по мотивам его неконституционности и принимая решение на основе норм Конституции Российской Федерации, [суд] обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ с целью признания положений федерального закона не соответствующими Конституции Российской Федерации и лишения их юридической силы...» Далее Конституционный Суд РФ отмечает, ссылаясь на статью 102 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», что «запрос суда допустим, если закон применен или подлежит, по мнению суда, применению в рассматриваемом им конкретном деле», и затем приводит дефиницию «рассматриваемого дела» – это «такое дело, которое принято к производству, по которому проводятся процессуальные действия, причем возможность их проведения не утрачена и не блокируется процедурными нормами. Любое иное де-

ло, находящееся в производстве суда, в том числе приостановленное производством, не может быть расценено как «рассматриваемое». Следовательно, Конституционный Суд РФ в данном Определении признал за судами право выносить решение, руководствуясь нормами Конституции РФ с последующим запросом, но заблокировал процедуру подачи запроса, поскольку, будучи поданным после рассмотрения дела, он уже не будет являться допустимым, как поданный за рамками рассматриваемого дела. Нами предлагается устранить указанный пробел посредством дополнения части 2 статьи 102, которой конкретным делом признавалось бы не только рассматриваемое и подлежащее рассмотрению дело, но и дело, по которому судом уже принято решение на основании Конституции РФ. Соответствующие изменения потребуются внести и в процессуальные кодексы.

Авторами предлагается дополнить статью 102 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» частью 2, в которой бы было указано, что «допустимым также признается запрос, с которым суд обращается после принятия в связи с отказом от применения федерального закона по мотивам его неконституционности решения на основе норм Конституции Российской Федерации. Период обращения с запросом в таком случае не может превышать десяти дней». Соответствующие изменения следует определить и в процессуальном законодательстве.

Проблемы реализации принципа правовой определенности при возникновении общественных отношений, урегулированных конституционным правом России

На примере общественных правоотношений, составляющих предмет конституционного права, далее будут продемонстрированы как общие, так и обусловленные спецификой конституционного права проявления принципа правовой определенности.

Принцип правовой определенности и прекращение гражданства помимо воли гражданина

Институт прекращения гражданства «вследствие установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений» значительно эволюционировал в контексте его соответствия принципу правовой определенности (в значении и точности формулировки, и устойчивости правоприменительного решения). Если раньше для прекращения гражданства отсутствовали пресекательные сроки, категория «заведомо ложных сведений» была не конкретизирована, и нормативно не предписывалось устанавливать устойчивость правовой связи, что в совокупности порождало чрезвычайно произвольную практику (Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 N 2-О; Определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 г. № 267-О), то сегодня все эти дефекты устранены (ст. 25 Федерального

закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 года, п. 117 Положения, утвержденного Указом Президента РФ от 22.11.2023 N 889).

Вместе с тем, нельзя констатировать, что закон обеспечивает такую же устойчивость, какой бы она была для гражданства, приобретенного по рождению. Так, даже по истечении этого срока гражданство любого натурализованного лица может быть прекращено по согласованию с Президентом РФ или по его решению в исключительных случаях (ч. 6 ст. 25). Системное толкование закона позволяет сделать вывод, что, если гражданство является собой связь именно правовую (ст. 4), без политического компонента, как это было в советский период, то закон не может содержать конструкций, позволяющих руководствоваться неправовыми основаниями при решении вопроса о его прекращении [17]. В этой связи предлагается признать указанное положение утратившим силу.

Принцип правовой определенности и формулировки норм конституционного права

Права и свободы человека ограничены *естественными пределами* [18, С. 107], что подтверждается ч. 2 ст. 17 Конституции РФ. Из этого следует важный вывод о том, что государство не может ни сужать, ни расширять пределы содержания прав и свобод человека, что так же следует из ч. 1 ст. 17: государством права и свободы человека *признаются и гарантируются*. В этой связи перед законодателем предстает задача формализовать эти признаваемые и гарантируемые естественные права и свободы человека в соответствии с принципом правовой определенности, который, с учетом специфики норм конституционного права, требует избегать оговорок и уточнений всякий раз, когда в этом нет необходимости [5, С. 192–193]. Представляется, что оправданно применение таких оговорок для предупреждения злоупотреблений правом (ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 29, ст. 31, ч. 3 ст. 35 и др.), и вовсе неоправданно для прояснений каких-либо частных при определении статуса должностных лиц (ч. 3 и 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 4 ст. 95 и др.).

На данный момент существует, на первый взгляд, катастрофическая неопределенность в таком важном вопросе, как ограничение прав и свобод (статьи 55 и 56 Конституции РФ): 1) ч. 3 ст. 55 вступает в противоречие с ч. 2 ст. 17, поскольку допускает саму возможность ограничения естественных прав и свобод (иметь место может только снижение гарантий защиты); 2) *любое* право может быть ограничено, хотя принцип правовой определенности требует здесь закрытого перечня; 3) мера ограничения не определена; 4) форм ограничений фактически больше, чем только федеральный закон; 5) шесть названных целей слишком абстрактны. Проанализируем практику Конституционного Суда РФ по вопросу ограничения прав и свобод человека и гражданина, чтобы выяснить, действительно ли правовая неопределенность имеет место в данном случае.

«Только федеральным законом»

Как предписывает Конституционный Суд РФ, лишь в федеральном законе (в отличие от законов субъектов РФ) могут устанавливаться 1) порядок вселения в жилое помещение (Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 N 3-П), 2) перечень организаций, обязанных рассматривать обращения граждан (Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 N 19-П), 3) ограничения права на выбор места жительства (Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 N 9-П), 4) ограничения вещных прав граждан (Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2001 N 16-П). Даже соответствие вводимых ограничений определенных в Конституции РФ целям (например, введение разрешительного порядка для ограничения деятельности такси) при несоблюдении формы ограничения ведет к признанию закона субъекта РФ не соответствующим Конституции РФ (Постановление Конституционного суда РФ от 13.07.2010 № 16-П).

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ, вместе с тем, признает как за федеральными органами исполнительной власти (Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2006 N 378-О), так и за законодательными органами власти субъектов РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 N 13-П) полномочия по ограничению прав и свобод, если принятые ими акты принимаются во исполнение нормы федерального закона. При этом федеральный закон должен обосновывать вводимое ограничение и определять границы усмотрения (Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 N 7-П). Немаловажной является и позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой экстренное реагирование высших должностных лиц субъектов, соответствующее конституционным целям ограничения прав и признанное затем в федеральном законе, также не противоречит Конституции РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 N 49-П).

Таким образом, неопределенность в вопросе о формах ограничения прав и свобод человека и гражданина в действительности отсутствует. Конституционный Суд РФ строго придерживается конституционного положения, обоснованно допускает исключения лишь в двух случаях: 1) когда акт, отличный от федерального закона, принят на основании и во исполнение федерального закона, а в федеральном законе обосновано вводимое ограничение и определены границы усмотрения, а также 2) когда установленное актом ограничение было признано в федеральном законе в последующем порядке.

«В той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Мера и цель ограничения неслучайно рассмотрены нами в неразрывном единстве: ведь именно цель определяет меру ограничения. Приведем

в качестве отправного суждения по вопросу целей ограничения позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой «цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения – адекватными этим целям и отвечающими требованиям справедливости» (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 N 14-П).

Анализ практики Конституционного Суда РФ приводит к выводам, что ограничения не соответствуют конституционным целям, в частности, в следующих случаях: 1) когда право выезда за границу невозможно реализовать ввиду отсутствия регистрации по месту жительства («цель одной только рациональной организации деятельности органов власти не может служить основанием для ограничения прав и свобод») (Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 N 2-П), 2) когда, по общему правилу, органы прокуратуры не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов вопреки содержанию права свободно искать и получать информацию (Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 N 3-П), 3) когда закон делегирует Правительству РФ полномочие по установлению разрешительного порядка для осуществления экономической деятельности субъектами, правовой статус которых не отличается от статуса аналогичных субъектов (и тем самым ограничивает свободу экономической деятельности первых), 4) когда гражданин, получивший вид на жительство на территории иностранного государства, лишается возможности быть членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 N 14-П) и др.

Напротив, соответствующими конституционным целям признаются следующие ограничения: 1) отсутствие у военнослужащих права на отпуск по уходу за ребенком, поскольку военная служба исключает возможность массового неисполнения военнослужащими своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов (Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О), 2) запрет забастовки работникам отдельных категорий (например, в сфере гражданской авиации), но только в той мере, в какой законом проводится дифференциация по характеру выполняемой работы (Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 № 5-П), 3) проведение проверок для допуска к государственной тайне является обоснованным, поскольку обеспечивает защиту суверенитета России, ее оборону и безопасность, но не исключает этим участие защитника по уголовному делу, не имеющего такого допуска (Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 N 8-П).

Относительно цели ограничения, таким образом, можно подвести следующие выводы. Во-первых, довольно сложно выявить достаточно общую закономерность, охватывающую все частности, чем объясняется имеющая место неопределен-

ность в этом вопросе. Несмотря на это, для цели ограничений Конституционный Суд РФ сумел вывести критерии юридической и социальной оправданности, а для самих ограничений – справедливости и адекватности целям. Во-вторых, за редкими исключениями, авторами не было выявлено отступлений Конституционного Суда РФ от целей ограничений, закрепленных в Конституции РФ, что в целом говорит о последовательности Суда в данном вопросе. В-третьих, допуская ограничивая права и свободы человека и гражданина, Конституционный Суд РФ исходит из принципа, согласно которому мера ограничения предопределяется его целью. Благодаря этому принципу Конституционный Суд РФ неоднократно предусматривал исключения из установленных ограничений, устраняя ту их часть, которая конституционно-значимым целям не отвечает.

Для обеспечения определенности в вопросе прав и свобод человека и гражданина, и повышения степени их защиты помимо средств конституционно-правовой защиты видится также необходимым использовать и превентивные меры. Так, видится целесообразным закрепить для законодателя такую процедуру, ядром которой была бы следующая мысль: «Если цель – защита публичного интереса, то ограничение прав является последним из возможных средств». В соответствии с этой методологической установкой авторами разработано «Руководство по защите публичного интереса», в котором можно условно выделить несколько стадий процесса защиты публичного интереса нормативно-регулирующими методами, а именно вопросы, на которые должны ответить законодатель: какой(–ие) публичный(–ые) интерес(–ы) предполагается защитить; что свидетельствует о незащищенности данного публичного интереса; что явилось причиной(–ами) незащищенности данного публичного интереса и как давно эта(–и) причина(–ы) возникла(–и); к каким наиболее опасным последствиям ведет незащищенность данного публичного интереса в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах в социальной, политической, экономической и духовной сферах жизни общества; в какой степени данный публичный интерес должен быть защищен; в какие сроки ожидается достигнуть указанной степени защищенности публичного интереса и чем такие сроки обоснованы; указанную степень защищенности в данные сроки возможно достигнуть только через устранение последствий либо же возможно устранить саму причину(–ы) незащищенности; с учетом объекта мер защиты, какие конкретные меры защиты публичного интереса должны быть использованы; не ведет ли данная мера к незащищенности иного(–ых) публичного(–ых) интереса(–ов); чьи интересы будут затронуты данными мерами; какие конкретные меры принуждения могут быть использованы для достижения целей защиты публичного интереса; если мерой принуждения выступает ограничение права, то какую из форм следует использовать.

Подводя итог сказанному относительно принципа правовой определенности на примерах конституционного права России, отметим, что неопределенность норм конституционного права объективно продиктована требованиями доступности языка и емкости выражений, а устранить этот недостаток возможно посредством официального толкования. Вопрос ограничения прав и свобод в достаточной степени разработан Конституционным Судом РФ, чтобы утверждать о наличии правовой определенности в данном вопросе.

Литература

1. Троицкая А.А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 1 (92). С. 65–81.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. / С.С. Алексеев // Москва, 1981. Т. 1. – 361 с.
3. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права. / Н.Г. Александров // Советское государство и право. – 1957. – № 11.
4. Сидоркин, А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. – 26 с.
5. Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации: дисс ... доктора юрид. наук. Москва, 2019. – 549 с.
6. Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII международной научно-практической конференции. В 3-х частях. – М., РГУП, 2018. Ч. I.
7. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.
8. Материалы краткосрочных курсов «Европейская система защиты прав человека. Деятельность Европейского суда по правам человека и исполнение его решений» / под ред. М.Л. Энтина, М.М. Бирюкова. – Москва: МГИМО-Университет, 2012. – 229 с.
9. Бурков, А.Л. Конвенция о защите прав человека в судах России / А.Л. Бурков; предисл. – А.И. Ковлер. – Москва: Волтерс Клувер, 2010. – 448 с.
10. Вольфсон, В.Л. Непринужденная неустойчивость. О судьбах публичного интереса в пересмотре вступивших в законную силу судебных актов. / В.Л. Вольфсон // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – С. 5–23.
11. Князькин, С. И. 2020. «Проблемы реализации принципа правовой определенности в рамках проверочной судебной деятельности в гражданском процессе». / С.И. Князькин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – С. 319–341.
12. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.02.2023 по делу 33–3793/2023 [33–30031/2022].
13. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского. М.: Наука, 1984. – 455 с.
14. Endicott, Timothy A.O., *Vagueness in Law* (Oxford, 2000).
15. Белов С.А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов / С.А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Выпуск 2., 2022. – С. 293–308.
16. Малютин Н. С. / Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации. // Н.С. Малютин. Москва: Юрлитинформ, 2018. – 200 с.
17. О гражданстве СССР: закон СССР от 23 мая 1990 г. № 1518–1 // Свод законов СССР, т. 1, с. 47, 1990 г.
18. Краснов М.А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? / М.А. Краснов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – № 2. – С. 103–115.

THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY IN THE CONTEXT OF THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Isaev D.A., Boyandina V.V.
Novosibirsk State University

In this paper the principle of legal certainty is studied in the three most common meanings given to it in doctrine and practice. The analysis of specific public relations regulated by the constitutional law of Russia is carried out; proposals for improving the legislation are formulated; the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is generalized. The purpose of the study is to identify problems associated with the realization of the principle of legal certainty, as well as to propose ways to solve them. The structure of the work includes four sections (introduction, approaches to the concept of the principle of legal certainty, problems of its realization, conclusions). The conclusion is formulated, according to which the principle of legal certainty is only at the stage of its formation; its non-compliance is the cause of violation of human and civil rights and freedoms and is an independent basis for recognizing a norm as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation, as well as for recognizing a normative act fully or partially invalid. Problems of realization of the principle are present in such institutes of constitutional law as citizenship, parliamentary control, restriction of rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: principle of legal certainty, constitutional law, restriction of rights and freedoms of man and citizen, article 55 of the Constitution of the Russian Federation, citizenship.

References

1. Troitskaya A.A. Fundamental rights: origin, legal nature and limits of protection / A.A. Troitskaya // Comparative constitutional review. – 2013. – No. 1 (92). pp. 65–81.
2. Alekseev S.S. General theory of law. / S.S. Alekseev // Moscow, 1981. T. 1. – 361 p.
3. Aleksandrov N.G. Socialist principles of Soviet law. / N.G. Aleksandrov // Soviet state and law. – 1957. – No. 11.
4. Sidorkin, A.S. Principles of law: concept and implementation in Russian legislation and judicial practice: abstract. ...cand. legal Sci. Moscow, 2010. – 26 p.
5. Taeva N.E. Norms of constitutional law in the system of legal regulation of the Russian Federation: dissertation ... Doctor of Law. Sci. Moscow, 2019. – 549 p.
6. Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: Proceedings of the XII international scientific and practical conference. In 3 parts. – М., RGUP, 2018. Part I.
7. Montesquieu S.L. On the spirit of laws. – М.: Mysl, 1999. – 674 p.

8. Materials of short-term courses "European system for the protection of human rights. Activities of the European Court of Human Rights and the execution of its decisions" / ed. M.L. Entina, M.M. Biryukova. – Moscow: MGIMO-University, 2012. – 229 p.
9. Burkov, A.L. Convention on the Protection of Human Rights in the Courts of Russia / A.L. Burkov; preface – A.I. Kovler. – Moscow: Wolters Kluwer, 2010. – 448 p.
10. Wolfson, V.L. Unforced instability. On the fate of public interest in the revision of judicial acts that have entered into legal force. / V.L. Wolfson // Bulletin of St. Petersburg University. Right. – P. 5–23.
11. Knyazkin, S. I. 2020. "Problems of implementing the principle of legal certainty within the framework of verification judicial activities in the civil process." / S.I. Knyazkin // Bulletin of St. Petersburg University. Right. – pp. 319–341.
12. Ruling of the St. Petersburg City Court dated 02/07/2023 in case 33–3793/2023 [33–30031/2022].
13. Justinian's Digests. Selected fragments translated and with notes by I.S. Peretersky. M.: Nauka, 1984. – 455 p.
14. Endicott, Timothy A.O., Vagueness in Law (Oxford, 2000).
15. Belov S.A. The role of language in ensuring the understandability and certainty of normative legal acts / S.A. Belov // Bulletin of St. Petersburg University. Right. Issue 2., 2022. – pp. 293–308.
16. Malyutin N. S. / Judicial interpretation of normative legal acts in the Russian Federation. // N.S. Malyutin. Moscow: Yurlitinform, 2018. – 200 p.
17. On citizenship of the USSR: USSR Law of May 23, 1990 No. 1518–1 // Code of Laws of the USSR, vol. 1, p. 47, 1990
18. Krasnov M.A. Restriction of human rights or search for their natural limits? / M.A. Krasnov // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2009. – No. 2. – P. 103–115.

Кузякин Юрий Петрович,

доктор юридических наук, профессор Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kuziak49@mail.ru

Мухин Алексей Игоревич,

студент магистратуры кафедры экономических и финансовых исследований ВШГА МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: mlesha333@gmail.com

Основная цель данной статьи проанализировать проблемные теоретико-правовые вопросы регулирования и использования современных технологий, используемых в публичных сферах государственного управления.

Материалы и методы научного исследования. Материалами исследования является действующее нормативно-правовые акты в исследуемой сфере. В данной работе использовались различные методы научного познания, в том числе: исторический, сравнительно-правовой, анализ, синтез, логический, индукции, дедукции и другие.

Обсуждение результатов. На данный момент в нормативно-правовых актах, к сожалению отсутствует четко структурированная терминологическая база цифровизации как социального феномена, образовавшегося в начале 2020 года. В действующих законодательных актах и официальных источниках не прослеживается разграничения смежных современных понятий. Юридическое научное сообщество, до сих пор ведет активные дискуссии и прения по данной проблематике. Преимущественно трактовка и использование осуществляется ситуативно, интуитивно не затрагивая их сущность и содержание.

Заключение (выводы). В виду большого влияния цифровой трансформации различных социальных сфер представляется необходимым принятие отдельного и целостного федерального закона, регламентирующего всю терминологическую базу с четкой диверсификацией в назначении ее употреблении, отражающего современные подходы к реализации поставленных национальных стратегических задач.

Ключевые слова: правовая характеристика терминологии, цифровизация, социальная сфера, правовое регулирование, анализ состояния, опасности цифровизации, современные тенденции, социальная сфера.

Острая необходимость быстрого решения поставленных задач, трактует необходимость полномасштабного внедрения и использования инновационных технологий в решении различного рода вопросов связанных со всеми сферами жизни человека и общества.

Для государства современные технологии позволяют результативно оказывать квалифицированную помощь гражданам в решении целого ряда комплексных вопросов в различных сферах. Особенно важными для государства являются сферы: труда, здравоохранения, образования, социальной защиты населения. Именно поэтому, внедряются различного рода инновационные системы и площадки, упрощающие жизнь граждан в решении любых вопросов.

В настоящий момент для регулирования инновационных систем, цифровых экосистем, государственных площадок существует целый ряд законодательных актов, который регламентирует процесс существования и появления, такого рода сервисов. Правовое регулирование данной деятельности обеспечивает развитие и бесперебойное функционирование цифровых технологий в государственной сфере, что позволяет своевременно решать комплекс задач в экономической, социальной и других сферах жизни.

Руководствуясь рейтингом GCI (Global Computing Index) в верхние строчки рейтинга технологического развития входит и наша страна, что касается внедрения технологических инновационных систем в государственное управление и регулирования деятельности цифровых экоплатформ существует решение высшего совета глав-государств Евразийского экономического сообщества до 2025 года, в котором содержатся сведения по реализации цифровой повестки Евразийского Экономического сообщества.

Активное развитие нормативно-правовой базы в сфере внедрения цифровых технологий прослеживается и в государственном правотворчестве где существуют: Указ Президента от 09.05.2017 года о стратегии развития информационного общества до 2030 года, постановление Правительства от 12.10.2020 года о проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем эти и другие нормативные акты направлены на оперативное реформирование сущностной роли государства в жизни социума.

Во исполнение данных актов существует тенденция развития и внедрения информационных систем для граждан, данный процесс в юридической науке иногда именуется цифровой трансформацией общества, существует целый ряд государственных

программ обеспечивающий реализацию указанного процесса, такие как «цифровое государственное управление» и «цифровая экономика».

Следует упомянуть инновационный механизм профилактики в пресечение коррупционных преступлений в сфере государственного управления, где в качестве одной из основных информационных систем выступает система «Посейдон», которая уже успела зарекомендовать себя как уникальный технологический инструмент в борьбе с коррупцией, в том числе и в государственном секторе.

Процесс цифровой трансформации является всеобъемлющим, в том числе затрагивает и сферу здравоохранения. Цифровая медицина является неотъемлемым элементом повышения эффективности предоставляемых социальных услуг, благодаря внедрению и применению современных технологий, связь между пациентом и врачом становится почти круглосуточной, что в свою очередь исключает возможности развития «запущенности» заболеваний и позволяет вовремя отреагировать на жалобы пациента. Также, нельзя не упомянуть про упрощения медицинской бюрократии, данный факт носит в себе исключительно положительный характер. В случае переезда пациента в другой регион или населенный пункт ему теперь не требуется забирать свою медицинскую книжку с собой, теперь она переезжает вместе с ним в электронном виде, что в свою очередь препятствует совершению ошибок в постановке новым врачом тех или иных диагнозов. Особую роль в цифровизации помимо всех вышеперечисленных фактов играет ускорение работы всех медицинских учреждений путем внедрения цифрового помощника в систему единой медицинской информационно-аналитической системы, данная система интегрировала в себя ряд функций упрощающих жизнь гражданам, теперь для записи на «офлайн» прием к врачу пациент может использовать данное техническое средство, что положительным образом влияет на всю систему здравоохранения.

Особого внимания заслуживает использования цифровых технологий в сфере образования в соответствии с федеральным законом об образовании дистанционные образовательные технологии – являются неотъемлемой частью классического образования, где подразумевается взаимодействие педагога и облучающегося на расстоянии. Для сферы просвещения также стало актуальным и важным, чтобы все участники образовательного процесса обладали достаточными компетенциями для работы с новыми цифровыми платформами, такими как «Зум», «Яндекс Телемост» и другие. Современные обучающиеся потеряли актуальность в ведении дневника, теперь для получения сведений о результативности и успеваемости на его смену пришел – «электронный дневник», в котором содержатся все необходимые сведения для участников образовательной процесса. При этом внедрение современных технологий в сферу образования пока еще далеко от завершения, трансформация

данной сферы является стратегически важной и актуальной для государства.

Перечисленное свидетельствует об активном внедрении и усовершенствовании уже действующих систем для реализации поставленных национальных стратегических задач. В качестве основных принципов функционирования данных цифровых систем правоприменитель декларирует: ориентацию на потребности и интересы гражданина, использование «бесшовного» пути предоставления услуг (включая государственные), использование импортозамещения в решении поставленных задач.

Государство нацелено на полную и всестороннюю цифровизацию и технологическую трансформацию, для реализации данной цели необходимо создать уникальную систему правового регулирования, которая не только могла бы учесть индивидуальные особенности применения ее в различных сферах жизни, но и постаралась бы соблюсти законные права и интересы отдельных слоев населения, групп населения.

Существует проект «нормативное регулирование цифровой среды», подразумевающий выработку и проведения целого ряда мероприятий, нацеленных на устранение правовых пробелов и разработку единой системы документооборота между федеральными органами исполнительной власти, министерствами и ведомствами, гражданами и государственными структурными подразделениями.

Цифровая трансформация как передовая государственная задача представляет собой качественное, революционное изменение, которое заключается в изменении не только цифровой среды, но и подавляющего числа общественных отношений. В части используемой терминологии при реализации технологической трансформации – вопрос по прежнему не имеет единого вектора и целостной номенклатуры понятийного аппарата.

Отсутствие единства в нормативно-правовых актах создает определенные риски для осуществления правоприменителями своих должностных обязанностей. Сформулированные определения содержащееся в различных нормативных актах и компетентных решениях, например как в решении Высшего Евразийского союза не в полной мере отражает всю сущность данного явления и является неполным.

Ключевой для реализации цифровых государственных услуг является государственная информационная система «Госуслуги». Данная система обеспечивает и предоставляет гражданам доступ в электронной форме, почти ко всем государственным и муниципальным услугам. Внедрение цифровой или виртуальной реальности во многом предопределяет и меняет сущность и природу существования человека, социума и это также может оказать негативное влияние на общество.

Все вышеизложенное, подчеркивает особую важность происходящих в социальной сфере технологических процессов. Государственное управление за последние годы стало значительно более

динамичное и изменчивое, что также законодатель старается и отобразить в правовых нормах. Возникновение новых социальных процессов, порождает трансформацию общества в информационное. Информационное общество это совершенно новый вид общества требующий своевременности в решении абсолютно новых сложившихся потребностей, для удовлетворения такого общественного запроса необходимо отсутствие правового вакуума, правовых пробелов которые осложняют и тормозят развитие государства в целом.

На сегодняшний день одну из основных проблем представляет использование смежных по пониманию терминов содержащихся в государственных актах, например таких как «информационный», «цифровой», «технологический». Эти и другие термины часто используются как синонимичные и однородные по смыслу, но при этом с технической и юридической точки зрения несут в себе совершенно разную смысловую нагрузку – все это создает определенные риски, которые необходимо решать путем законотворчества.

Сегодня цифровизация государственного управления находит отражения в огромном множестве разнообразных по своему правовому статусу документах и правовой природе документах, создание которых казалось бы способствует технологическому прогрессу, но фактически, в смысле этих документов содержатся серьезные риски по дестабилизации этого процесса, вследствие отсутствия чёткого закреплённого нормативно-правового регламента проведения определённых мероприятий по реализации целей и задач, определенных в преамбулах этих документов возникают определенные трудности, которые необходимо нивелировать.

В качестве яркой иллюстрации наличия проблемы и пробелов в правовом регулировании, можно отметить государственную программу «информационное общество» и федеральный проект «цифровое государственное управление» национальной программы «цифровая экономика», по своей сути данные проекты нацелены на обеспечение одного и того же процесса – цифровой трансформации, но при этом в них нет согласованности с планом мероприятий перечисленных в постановлении Правительства о цифровой трансформации. Таким образом, формально утверждённая программа данных проектов, во многом не соотносится со статьями и планом осуществления мероприятий по реализации данного постановления.

Исходя из рассмотренных нормативных правовых актов становится очевидно, что существующая правовая регламентация – не имеет четкой определенности, понятийного согласования и целевой определенности. Отдельные пункты и подпункты не соотносятся с содержаниями федеральных законов и постановлений Правительства. Недостаток проработки структуры и содержания накладывает отпечаток на всю нормативную базу связанную с цифровой трансформацией. В качестве примера недостатка проработки содержания норматив-

ной базы можно рассмотреть федеральный проект «цифровое государственное управление», в нем содержатся предложения и положений, которые не коррелируются с цифровой трансформацией в сфере государственно публичного управления.

Нельзя не упомянуть о значительном росте возможного риска увеличения неравенства между гражданами в цифровом пространстве при осуществлении государством задач по внедрению института цифрового управления в государственно публичной сфере, связанных с оказанием услуг и помощью информационных технологий в повседневной жизни человека и гражданина. В цифровой среде, как и в любой другой могут случаться проблемы связанные с доступом в нее. В данной связи проблемы с цифровым доступом к государственным платформам и площадкам, во многом может породить и определенные репутационные риски для государства, тем самым исключение «офлайн» способов получения гражданином услуг из числа доступных населению может неумышленно ограничить и конституционные права граждан, что во многом не допустимо.

Подводя итог всем обозначенным теоретико-правовым и практическим проблемам и пробелам, предлагается ряд мероприятий по минимизации возможных негативных последствий отсутствия единого нормативно-правового регулирования цифровой трансформации в сфере государственного управления.

Так, считаем важным и целесообразным принятие единого федерального акта регламентирующего терминологическую базу процесса цифровой трансформации в сфере государственного управления, утверждение единого нормативного подхода в реализации утвержденных национальных целей в сфере государственно публичного управления.

Необходима актуализация уже существующей законодательной базы, для этого необходимо создать профильную комиссию из теоретиков права и технических специалистов для выработки современной единой концепции и исключения ряда существующих противоречий из действующих нормативно-правовых актов.

Представляется важным, обсуждение и регламентация вопросов связанных с контролем состояния цифрового неравенства среди граждан. До сих пор, многие системы государственного цифрового управления работают с большими сложностями и сбоями, полный переход в цифровую среду с исключением возможности «офлайн» доступа граждан к государственным и муниципальным услугам будет весьма преждевременным и необдуманным.

Реализация всех вышеизложенных мероприятий, несмотря на существующие сложности и необходимость большого количества ресурсов во многом существенно улучшит жизнь граждан, упростит общение с компетентными органами, органами власти и структурирует разрозненную систему государственно-публичного управления, поможет избежать обозначенных рисков и в будущем сэко-

номит бюджетные средства для реализации процесса цифровой трансформации общества.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»
4. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 N 210-ФЗ

LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SPHERE

Kuzyakin Yu.P., Mukhin A.I.

Lomonosov Moscow State University

The main purpose of this article is to analyze the problematic theoretical and legal issues of regulation and use of modern technologies used in public spheres of public administration.

Materials and methods of scientific research. The materials of the research are the current normative-legal acts in the investigated sphere. This work used various methods of scientific cognition, in-

cluding: historical, comparative-legal, analysis, synthesis, logical, induction, deduction and others.

Discussion of results. To date, unfortunately, there is no clearly structured terminological base of digitalization as a social phenomenon formed in the early 2020 in normative legal acts. The current legislative acts and official sources do not distinguish between related modern concepts. The legal scientific community is still engaged in active discussions and debates on this issue. Predominantly the interpretation and use is made situationally, intuitively without affecting their essence and content.

Conclusion (conclusions). In view of the great impact of digital transformation of various social spheres, it seems necessary to adopt a separate and holistic federal law regulating the entire terminological base with a clear diversification in the purpose of its use, reflecting modern approaches to the realization of the set national strategic objectives.

Keywords: legal characteristic of terminology, digitalization, social sphere, legal regulation, analysis of the state, dangers of digitalization, modern trends, social sphere.

References

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 N 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030"
3. Federal Law of December 25, 2008 N 273-FZ "On Combating Corruption"
4. Federal Law "On the organization of the provision of state and municipal services" dated July 27, 2010 N 210-FZ

Административное регулирование мер профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ и их эффективность

Платонов Павел Сергеевич,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологии управления и экономики, магистр права, аспирант, адвокат Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга
E-mail: platonovps15@gmail.com

Административное регулирование мер профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (далее по тексту для сокращения будет использовано сочетание «наркотические вещества») представляет собой комплекс правовых, организационных и политических мер, направленных на предупреждение и пресечение нарушений законодательства в данной области.

Несмотря на то, что правонарушения в сфере оборота наркотических веществ являются одной из самых распространенных категорий правонарушений, на настоящий момент отсутствует единый список обязательных мероприятий, направленных на их предотвращение, который бы соответствовал критериям полноты и эффективности.

Регулирование мер по профилактике носит разрозненный, децентрализованный характер, что представляет необоснованным и требующим унификации по отдельным категориям правонарушений, в том числе в части незаконного оборота наркотических веществ.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, наркотические вещества, психотропные вещества, административное право, предупреждение правонарушений, противодействие незаконному обороту наркотических веществ.

Введение

Меры по профилактике правонарушений в сфере оборота наркотических веществ представляют собой комплекс мероприятий, проводимых компетентными органами, направленных на предупреждение правонарушений путем выявления и устранения причин их совершения.

О ценности профилактической работы как антагониста мер по ужесточению наказания нередко высказываются различные авторы, к примеру Пекарева Е.А. [8, с. 3], Куликов А.В., Шелег О.А. [7, с. 2] Также о необходимости проведения профилактических мероприятий, направленных на предупреждение незаконного оборота наркотических веществ, высказывался ректор АОЧУ ВПО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» А.Г. Забелин [9].

Актуальность исследования подтверждается непрерывающимся ростом совершаемых правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ [10], что свидетельствует о низкой эффективности законодательно установленных на настоящий момент профилактических мер.

Применяемые административные меры профилактики могут быть разнообразными: от пропаганды здорового образа жизни и осведомленности о вреде наркотиков до административных проверок субъектов, осуществляющих оборот контролируемых веществ. Одной из важных мер является разработка и внедрение системы мониторинга за ситуацией в сфере незаконного оборота наркотиков, вводится также практика проведения административных расследований возможных нарушений.

Представляется верным начать с постановки дефиниции предмета исследования, а именно такого термина как «профилактика правонарушений», а затем перейти к специфике профилактических мер, направленных на предупреждение правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и оценки эффективности их реализации.

Понятие профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим проведение мер, направленных на устранение правонарушений на стадии формирования умысла является Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики пра-

вонарушений в Российской Федерации» [2] (далее по тексту – Закон № 182-ФЗ).

Так, в статье 2 Закона № 182-ФЗ дано понятие профилактики правонарушений, под которым понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Более специальным является Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [3] (далее по тексту – Закон № 3-ФЗ), который также дает легальную дефиницию понятию «профилактика».

Однако в статье 1 Закона № 3-ФЗ указаны два понятия.

Первое понятия – профилактика наркомании, под которой понимается совокупность мероприятий политического, экономического, правового, социального, медицинского, педагогического, культурного, физкультурно-спортивного и иного характера, направленных на предупреждение возникновения и распространения наркомании. Указанные меры являются не мерой предупреждения правонарушений самих по себе, а действиями, которые означают своей ценностью здоровье населения.

Безусловно, профилактика наркомании должна включать в себя также противодействие незаконному обороту наркотических веществ и иных правонарушений в указанной области. Дефиниция понятия совершенно справедливо «профилактика наркомании» включает правовые механизмы, поскольку ограничение доступа граждан к «черному» рынку наркотических веществ приведет к невозможности употребления и, как следствие, к сокращению лиц с вышеобозначенным диагнозом.

Второе понятие сформулировано просто как «профилактические мероприятия» и включает в себя мероприятия, направленные на предупреждение потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача и укрепление психического здоровья лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача.

К дефиниции также есть множество вопросов, к примеру, по какой причине профилактика направлена только на предотвращение потребления, а не распространения, производство, культивирование, переработка и прочие.

Потребление наркотических веществ – это конечное действие, которое совершается с наркотическим веществом, и ему предшествует целая цепочка действий, связанная с процессами изобретения, производства, выпуска в оборот, приобретения. Из дефиниции неясно, имеется ли ввиду, что профилактика должна быть направлена на непосредственное потребление, или же они включают в себя меры пресечения правонарушения на всех стадиях цикла оборота наркотических веществ.

Из указанного следует, что понятие профилактических мер в Закона № 3-ФЗ также не является идеальным.

Необходимо отметить, что Кодексом об административных правонарушениях РФ (далее по тексту – КоАП РФ) установлена ответственность для лиц, которые уклоняются от прохождения профилактических мероприятий, которые были назначены лицу судом в связи с потреблением наркотических веществ без назначения врача. В примечании к данной норме указано, что уклонение от профилактических мероприятий понимается не посещение или самовольное покидание медицинского или реабилитационного учреждения.

Следовательно, КоАП РФ под профилактикой понимает тоже самое, что Закона № 182-ФЗ, то есть меры по лечению от наркомании.

Таким образом, Закона № 182-ФЗ, Закона № 3-ФЗ и КоАП РФ понимают под профилактикой правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ комплекс правовых, социальных, политических и медицинских мер, направленных на предупреждение потребления наркотических веществ и лечение наркомании.

В литературе выделяется шесть направлений профилактических мероприятий: влияние на материальную жизнь людей (экономическая сфера), улучшение социальных связей и взаимодействий, совершенствование законодательства (правовая сфера), медицинская сфера, культурно-досуговая сфера, раннее выявление употребления наркотических веществ [6, с. 3–17].

С указанным перечнем нельзя не согласиться, под сомнение разве что можно поставить такую сферу как раннее выявление потребления.

Раннее выявление незаконного потребления наркотических веществ в соответствии со статьей 53.4 Закона № 3-ФЗ является совокупностью социальных, психологических и медицинских мероприятий, включающих в себя тестирования и плановые осмотры в порядке, утвержденном Правительством Российской Федерации, к примеру, Приказом Минпросвещения России от 20.02.2020 N 59 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях». С одной стороны, указанные мероприятия включают в себя сразу несколько сфер, однако сам механизм выявления носит сугубо медицинский характер, поэтому автору представляется отдельное выделение данной сферы как необоснованное.

Также дополнительно можно выделить такую просветительскую сферу, в рамках которой проводятся мероприятия по профилактике как потребления наркотических веществ, так и совершения противоправных действий в сфере их незаконного оборота.

В просветительскую сферу могут быть включены мероприятия, проводимые в рамках общеобразовательных учреждений, направленные на повышение осведомленности о потенциальном вреде,

наносимого организму в результате потребления наркотических веществ, о высокой степени раскрываемости преступлений (применительно к случаям использования распространения наркотических веществ для целей наживы), а также о негативных последствиях развития болезни наркомании.

На основании изложенного, профилактика незаконного оборота наркотических веществ является сложной, многоступенчатой системой, всю полноту которой на данный момент не была отражена в нормативно-правовых актах.

Особенности профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ

Поскольку на данном этапе анализа понятие «профилактика» представляется более или менее ясной, имеет смысл перейти к более детальному исследованию конкретных нормативно установленных мер, направленных на предотвращение незаконного оборота наркотических веществ.

В статье 6 Закон № 182-ФЗ указано, что противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров является одним из основных направлений, по которым необходимо должна осуществляться профилактика.

Вместе с тем, закрепляя лишь общие положения, Закон № 182-ФЗ не устанавливает конкретный перечень мер, связанных с профилактикой правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ.

Лица, вовлеченные в совершение правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, в большинстве своем подвержены болезням наркомании, а потому и способы воздействия должны проводиться с учетом этого обстоятельства.

Вместе с тем, Закон № 182-ФЗ для названной категории устанавливает только меры социальной реабилитации, то есть собой совокупность мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, страдающим наркоманией и схожими болезнями.

Представляет, что указанная мера, в целом, может являться профилактической, однако она направлена на лиц, уже совершивших правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических веществ. Данная норма не направлена на первичную превенцию, то есть на пресечение правонарушения, совершаемого впервые, а только пытается оградить лицо, ранее подвергнутое наказанию, от рецидива.

На федеральном уровне законодательства, даже в Законе № 182-ФЗ, имеется возможность предусмотреть комплекс мер, связанных с пресечением правонарушений на стадии их подготовки, или, как минимум, до момента получения непосредственным потребителем наркотического вещества в целях избежания причинения вреда здоровью граждан.

Более того, профилактика правонарушений имеет более глубокие основания, нежели предотвращение готовящегося правонарушения. Профилактика должна быть направлена на выявление причин возникновения у граждан намерения участия в незаконном обороте наркотических веществ.

Как было указано ранее, воздействие должно предполагаться во всех сферах жизни населения, в результате которого гражданин будет осознавать отсутствие у него потребности в участии в какой бы то ни было стадии цикла незаконного оборота наркотических веществ. Закон № 182-ФЗ от такого регулирования уклоняется.

Таким образом, Закон № 182-ФЗ не удовлетворяет требованиям эффективной профилактической деятельности, направленной на предупреждение правонарушений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических веществ.

Попытка введения особых профилактических мер была предпринята в главе VI.1. Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», однако положения вновь носят обобщенный, не вполне конкретный характер. Глава состоит всего из четырех статей.

Статья 53.1 Закона № 3-ФЗ носит формальный характер, не несет в себе никакой непосредственной информации о необходимых мерах по профилактике, только устанавливая возможность органов власти всех уровней самостоятельно регулировать данный вопрос.

Статьи 53.2 и 53.3 Закона № 3-ФЗ устанавливают компетенцию органов федеральной власти и органов власти субъектов РФ, не давая им конкретных указаний. Так, установлено, что органы власти вправе разрабатывать и реализовывать политику, пропагандировать здоровый образ жизни, устанавливать причины употребления наркотических веществ, разрабатывать программы, направленные на осуществление мероприятий в сфере профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании.

Нормативно не установлено, какие это должны быть программы, каково их содержание, какие мероприятия они в себя включают, как часто они должны проходить и прочее. Вновь мы сталкиваемся с обобщенными формулировками, не способными обязать конкретные органы власти предпринимать активные действия по профилактике правонарушений.

Отдельно необходимо отметить, что положения статей устанавливают только компетенцию, то есть возможность осуществления полномочий, при этом не обязывая конкретные органы власти на принятие целенаправленных действий по профилактике правонарушений.

Статьей 53.4 установлены меры по выявлению факта употребления наркотических веществ, что аналогично со положениями Закон № 182-ФЗ не является мерой, направленной на первичной предотвращение правонарушения.

Таким образом, Закон № 3-ФЗ, даже будучи специальным нормативным актом, регулирующим оборот наркотических веществ на территории РФ, уклоняется от установления перечня мер, направленных на профилактику правонарушений в данной сфере.

Меры по профилактике правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ также упоминаются в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4] (далее по тексту – Закон № 120-ФЗ).

Единственным отличием от всех ранее поименованных актов, Закон № 120-ФЗ, который также содержит обобщенные положения, все же указывает, что лицом, который обязан обеспечить проведение мероприятий по раннему выявлению незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, являются органы, осуществляющие управление в сфере образования, но только в том случае, если указанные лица являются их учениками.

На основании изложенного можно заключить, что федеральное законодательство не содержит конкретных положений, регламентирующих содержание и периодичность мер по профилактике правонарушений в сфере оборота наркотических веществ, не устанавливает лиц, ответственных за проведение таких мероприятий, не утверждает формы отчетности.

Более того, несмотря на существование обширной нормативно-правовой базы, вопрос оценки эффективности принимаемых мер продолжает оставаться актуальным. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа случаев незаконного оборота наркотических средств, что ставит под сомнение эффективность действующего административного регулирования.

При определении мер профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Особое внимание в рамках административной деятельности уделяется работе с группами риска, для чего разрабатываются и реализуются специальные образовательные программы и курсы, ведется широкая просветительская работа среди населения о последствиях употребления наркотиков. Эти меры направлены не только на пресечение правонарушений, но и на формирование устойчивой мотивации к отказу от употребления наркотиков и ведению здорового образа жизни.

Важным аспектом является также контроль за исполнением законов и нормативных актов. Существует мнение, что одной из слабых сторон административного регулирования является недостаточная координация между различными органами власти и институциями, а также отсутствие эффективных механизмов контроля за выполнением установленных законодательством обязательств. Законодательство предусматривает ряд мер, на-

правленных на усиление контроля (например, ужесточение наказаний за нарушения, связанные с наркотиками), однако практика их применения показывает неоднозначность результатов.

Разработка и внедрение программ профилактики в сфере незаконного оборота наркотических средств, направленных на повышение осведомленности и формирование у населения негативного отношения к употреблению наркотиков, является одной из ключевых административных мер. Такие программы включают проведение образовательных кампаний, разработку информационных материалов и проведение социальных рекламных акций.

Представляется необходимым на уровне федерального законодательства установить следующие аспекты проведения профилактических мероприятий, в том числе:

1. Установление мер по выявлению причин совершения правонарушений;
2. Проведение обязательных просветительских мероприятий социального, правового и медицинского характера;
3. Выявление признаков, свидетельствующих о склонности к совершению правонарушений;
4. Организация кампаний, направленных на оповещение лиц, сообщивших о наличии признаков распространения наркотических веществ;
5. Установление компетентных органов, в чьи обязанности должно входить совершение указанных мероприятий;
6. Утверждение обязательной отчетности для компетентных органов о проделанной работе и форма оценки эффективности проделанной работы.

При анализе сети «Интернет» было установлено, что некоторые органы власти реализуют свои полномочия в рамках деятельности по противодействию незаконному обороту наркотических веществ.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что Указом президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [5] полномочия Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков были переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации.

Для бытового пользователя данные изменения обернулись затруднением при решении вопроса о том, в какой орган следует обращаться при необходимости сообщения значимых сведений или информации. Многие сайты дают ссылку на номера телефонов уже несуществующего ФСКН РФ [11].

Автору не удалось установить информацию о проводимых профилактических мероприятиях со стороны Министерства внутренних дел, к примеру, на сайте МВД по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области в разделе «борьба с наркопреступностью» содержится перечень новостей

[12], что едва ли можно отнести к деятельности, направленной на предупреждение правонарушений.

Аналогичный раздел «борьба с незаконным оборотом наркотиков» содержится на сайте МВД по городу Москве [13] и Главного управления МВД по Свердловской области [14].

На официальных сайтах подразделений МВД РФ отсутствует информация о проводимых мероприятиях, отсутствуют телефоны доверия или горячих линий.

Следовательно, нельзя признать, что МВД РФ в полной мере справляется с возложенными обязанностями ФСКН РФ в части осуществления действий по профилактике незаконного оборота наркотических веществ.

Таким образом, анализ существующих мер профилактики в сфере незаконного оборота наркотических веществ позволяет сделать вывод о значимом потенциале административного регулирования в данной области. Вместе с тем, для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств необходима дальнейшая корректировка нормативно-правовой базы, улучшение координации между органами власти и разработка новых методов контроля и мониторинга, а также активизация профилактической работы среди населения.

Заключение

Любое правонарушение имеет под собой причины его совершения и участие в процессе незаконного оборота наркотических веществ не является исключением из правила. Меры профилактики правонарушений должны быть направлены на устранение тех условий и обстоятельств, которые побуждают граждан, во-первых, употреблять наркотические вещества, во-вторых, участвовать в процессе их производства и реализации.

Существующее на сегодняшний день законодательство, хотя и идет в верном направлении, но все же переполнено общими фразами, что является препятствием для действительно эффективной реализацией мер, направленной на пресечение незаконного оборота наркотических веществ.

Наиболее верным автору представляется установление на федеральном уровне законодательства фиксированного и подробного перечня мероприятий, направленных на профилактику правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, с установлением конкретных полномоченных в данной сфере государственных органов власти с утверждением формой отчетности.

Литература

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

3. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».
4. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».
6. Анисифорова М.В. Меры административного предупреждения незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021;(6):80–88.
7. Куликов А.В., Шелег О.А. Особенности субъективной стороны незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: научная полемика и меры предупреждения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. N 3. С. 102–107.
8. Пекарева Е.А. Минимальный возраст применения уголовной ответственности // Международный журнал «Символ науки». 2018. N 3. С. 72–73. Пекарева Е.А. Минимальный возраст применения уголовной ответственности // Международный журнал «Символ науки». 2018. N 3. С. 72–73;
9. Доклад МВД РФ «Состояние преступности в РФ за период январь-декабрь 2023 года // официальный сайт МВД РФ. Интернет ресурс, адрес в сети «Интернет»: <https://мвд.рф/reports/items/47525142/>, дата обращения: 22.04.2024.;
10. Доклад МВД РФ «Состояние преступности в РФ за период январь 2024 года // официальный сайт МВД РФ. Интернет ресурс, адрес в сети «Интернет»: <https://мвд.рф/reports/items/47055751/>, дата обращения: 22.04.2024;
11. Интернет ресурс: адрес в сети «Интернет», дата обращения 17.04.2024;
12. Интернет ресурс: Адрес в сети «Интернет», <https://78.xn – b1aew.xn – p1ai/news/rubric/1277/>, дата обращения 17.04.2024;
13. Интернет ресурс: Адрес в сети «Интернет»: <https://77.xn – b1aew.xn – p1ai/news/rubric/2098/>, дата обращения 17.04.2024;
14. Интернет ресурс: Адрес в сети «Интернет»: <https://66.xn – b1aew.xn – p1ai/news/rubric/407/>, дата обращения 17.04.2024.

ADMINISTRATIVE REGULATION OF CRIME PREVENTION MEASURES IN THE FIELD OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING AND THEIR EFFECTIVENESS

Platonov P.S.

St. Petersburg University of Management Technology and Economics

Administrative regulation of measures to prevent offenses in the field of illicit drug trafficking is a set of legal, organizational and political measures aimed at preventing and suppressing violations of legislation in this area.

Despite the fact that offenses in the field of drug trafficking are one of the most common categories of offenses, at the moment there is no single list of mandatory measures aimed at preventing them that would meet the criteria of completeness and effectiveness.

The regulation of preventive measures is fragmented and decentralized, which is unreasonable and requires unification for certain categories of offenses, including illegal drug trafficking.

Keywords: crime prevention, narcotic substances, psychotropic substances, administrative law, crime prevention, countering the illicit trafficking of narcotic substances.

References

1. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.
2. Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ "On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation."
3. Federal Law of January 8, 1998 No. 3-FZ "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances."
4. Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ "On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency."
5. Decree of the President of the Russian Federation dated April 5, 2016 No. 156 "On improving public administration in the field of control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors and in the field of migration."
6. Anisiforova M.V. Administrative measures to prevent illicit trafficking in precursors of narcotic drugs and psychotropic substances. Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL). 2021;(6):80–88.
7. Kulikov A.V., Sheleg O.A. Features of the subjective side of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues: scientific debate and preventive measures // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. N 3. P. 102–107. 7.
8. Pekareva E.A. Minimum age for criminal liability // International journal "Symbol of Science". 2018. N 3. P. 72–73.
9. Report of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "State of crime in the Russian Federation for the period January-December 2023" // official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Internet address: <https://MVD.RF/reports/items/47525142/>, access date: 04/22/2024;
10. Report of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "The state of crime in the Russian Federation for the period January 2024" // official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Internet address: <https://MVD.RF/reports/items/47055751/>, access date: 04/22/2024;
11. Internet resource: Internet address: mo-saperniy.ru/info, access date 04/17/2024;
12. Internet resource: Internet address: <https://78.xn--p1ai/news/rubric/1277/>, access date 04/17/2024;
13. Internet resource: Internet address: <https://77.xn--p1ai/news/rubric/2098/>, access date 04/17/2024;
14. Internet resource: Internet address: <https://66.xn--p1ai/news/rubric/407/>, accessed 04/17/2024.

Влияние решений Конституционного суда на правовое регулирование предпринимательской деятельности

Самитов Даниил Александрович,
аспирант, 2 курс, Новосибирского государственного
университета экономики и управления
E-mail: Larmandier.bernier@gmail.com

В статье рассматриваются правовые тенденции Конституционного суда в отношении предпринимательской деятельности. Мы рассмотрим конкретные решения Конституционного суда, касающиеся предпринимательства, и проанализируем аргументы и принципы, которые лежат в их основе. Также будут выявлены положительные и отрицательные последствия данных тенденций для предпринимательской среды. На основе полученных результатов будут предложены рекомендации по совершенствованию роли и практики Конституционного суда в отношении предпринимательства с целью обеспечения более справедливого и предсказуемого правового окружения. Анализ правовой тенденции Конституционного суда при решении вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью, является важным шагом для понимания судебной практики и ее воздействия на предпринимательскую среду. Решения Конституционного суда имеют большую юридическую силу и создают прецеденты, которые оказывают влияние на другие судебные инстанции и законодательство.

Ключевые слова: Предпринимательская деятельность, правовые тенденции Конституционного суда, правовые проблемы предпринимательской деятельности.

Правовая тенденция Конституционного суда при решении вопросов, касающихся предпринимательской деятельности, является актуальной и важной темой в современном обществе. В условиях постоянных изменений в экономике и правовой сфере, защита прав и интересов предпринимателей становится особенно важной для обеспечения устойчивого развития и процветания бизнес-сектора.

Предпринимательская деятельность играет существенную роль в экономическом развитии страны, способствуя созданию новых рабочих мест, привлечению инвестиций и стимулированию инноваций. Однако предприниматели часто сталкиваются с различными правовыми вопросами и ограничениями, которые могут затруднять их деятельность, ограничивать свободу предпринимательства и угрожать экономическому росту. [7 с.121–138]

В этом контексте Конституционный суд занимает особое положение, поскольку он является высшим органом конституционного контроля и имеет полномочия по защите конституционных прав и свобод граждан. Правовые тенденции, проявляемые Конституционным судом при рассмотрении дел, связанных с предпринимательской деятельностью, имеют значительное влияние на предпринимательскую среду и определяют границы прав и обязанностей предпринимателей. [9 с.481–500]

Цель данной статьи заключается в анализе правовой тенденции Конституционного суда в отношении предпринимательской деятельности.

Определение положительных и отрицательных последствий правовой тенденции Конституционного суда поможет выявить сильные и слабые стороны правовой защиты предпринимателей. Положительные аспекты могут включать укрепление правовой стабильности, защиту собственности, обеспечение равноправия и справедливости в деловом сообществе. Однако, негативные аспекты могут выражаться в неоднозначности судебных решений, недостаточной защите предпринимательских интересов или излишнем вмешательстве государства в бизнес-сферу.

В результате анализа правовой тенденции Конституционного суда и ее влияния на предпринимательскую среду, статья предложит рекомендации для улучшения роли и практики Конституционного суда в отношении предпринимательства. Эти рекомендации могут включать усовершенствование правовой основы, обеспечение большей предсказуемости и consistency судебных решений, а также усиление защиты предпринимательских прав.

Предпринимательская деятельность играет значительную роль в современной экономике, способствуя росту, инновациям и созданию рабочих мест. В данном пункте статьи мы проведем обзор предпринимательской деятельности, выделим ее ключевые аспекты и рассмотрим ее роль в экономическом развитии. [4 С. 74–79]

Предпринимательская деятельность – это процесс осуществления коммерческой деятельности, связанный с созданием и управлением предприятием, предпринимательскими рисками, поиском новых возможностей и использованием ресурсов с целью получения прибыли. Это активная и ответственная форма предпринимательства, которая требует инновационного мышления, принятия рисков и организационных навыков. [3]

Предпринимательство, несмотря на свою значимость, сталкивается с рядом проблем и вызовов, которые могут затруднять его развитие и успех. Вот некоторые из ключевых проблем, с которыми сталкиваются предприниматели:

Финансирование: Одной из наиболее распространенных проблем для предпринимателей является доступ к финансированию. Запуск и развитие бизнеса требуют значительных инвестиций, а предприниматели могут столкнуться с трудностями в получении кредитов или привлечении инвесторов. Ограниченный доступ к финансовым ресурсам может ограничивать возможности роста и развития предприятия.

Юридические и регуляторные аспекты: Сложность юридических процедур, высокая налоговая нагрузка, бюрократические преграды и непредсказуемость законодательной среды могут создавать трудности для предпринимателей. Неправильное или несвоевременное выполнение требований и норм может привести к штрафам или даже закрытию предприятия. [8 с.165–182]

Конкуренция: Конкуренция на рынке может быть жесткой и представлять вызов для предпринимателей. Необходимо разработать эффективные стратегии маркетинга, уникальные преимущества и предложения, чтобы выделиться среди конкурентов. Стабильное присутствие на рынке и поддержка клиентов также являются важными факторами в преодолении конкуренции.

Нехватка ресурсов и управление: Ограниченность ресурсов, таких как время, трудовые ресурсы и знания, может быть вызовом для предпринимателей. Они часто должны управлять различными аспектами бизнеса самостоятельно или с ограниченным штатом сотрудников. Оптимальное управление ресурсами и эффективное планирование становятся критическими для успеха. [5 с.188–198]

Инновации и изменения: Быстрое технологическое развитие и изменения в быстро меняющейся рыночной среде представляют вызов для предпринимателей. Необходимость инноваций и адаптации к новым тенденциям может быть сложной задачей. Предприниматели должны быть готовы к постоянному обучению, развитию новых навыков

и гибкому подходу к изменениям, чтобы успешно конкурировать на рынке.

Риск и неуверенность: Предпринимательская деятельность сопряжена с риском и неопределенностью. Предприниматели часто сталкиваются с финансовыми, операционными и рыночными рисками. Неопределенность относительно будущих результатов и успеха бизнеса может создавать стресс и требовать принятия смелых решений.

Управление ростом: Успех и рост бизнеса могут представлять собой новые вызовы для предпринимателей. Необходимость эффективного управления расширением, масштабированием производства, управлением персоналом и поддержанием высокого уровня качества товаров и услуг может стать сложной задачей. [2 С. 11–15]

Однако несмотря на эти проблемы и вызовы, предприниматели продолжают играть важную роль в экономике и обществе. Решительность, творческий подход, умение адаптироваться и непрерывно учиться позволяют предпринимателям преодолевать трудности и добиваться успеха в своей деятельности.

Контроль конституционности законов: Конституционный суд осуществляет контроль за соответствием законов конституции. Это позволяет предпринимателям обращаться в суд в случае нарушения их конституционных прав законодательством или действиями государственных органов. Решения Конституционного суда по отмене неконституционных законов защищают права и интересы предпринимателей, предотвращая негативные последствия для их деятельности.

Обеспечение стабильности правовой системы: Конституционный суд способствует стабильности правовой системы, что является важным фактором для предпринимателей. Решения суда создают предсказуемость и уверенность в правовой среде, что способствует развитию предпринимательства и привлечению инвестиций. [6 с. 121–138]

Защита экономической свободы и конкуренции: Конституционный суд защищает экономическую свободу и принципы конкуренции, которые являются важными основами предпринимательской деятельности. Судебные решения могут пресекать монополистические практики, противодействовать коррупции и обеспечивать равные условия для всех предпринимателей.

Установление правовых прецедентов: Решения Конституционного суда могут стать правовыми прецедентами, которые влияют на рассмотрение аналогичных дел в будущем. Это создает позитивные эффекты для предпринимателей, так как их права и интересы могут быть защищены на основе установленных прецедентов.

В целом, Конституционный суд играет значимую роль в защите прав предпринимателей и обеспечении благоприятной правовой среды для их деятельности. Его компетенция по контролю конституционности, интерпретации конституции и разрешению споров способствует защите прав предпринимателей, обеспечивает стабильность право-

вой системы и способствует развитию предпринимательства в стране. [1]

Конституционный суд России рассматривал множество дел, связанных с защитой прав предпринимателей. Некоторые из них вызывали большой интерес и являлись спорными. Ниже представлены несколько примеров таких дел:

«Дело Лащанина» (от 31.01.2012 № 2-П/2012). Основным вопросом дела было право обвиняемого на занятие прежней деятельностью, связанной с предпринимательством. Конкретно, обвиняемый Лащанин был арестован за участие в финансовых махинациях, но продолжал работать в качестве владельца строительной компании и пытался продолжать деловую деятельность, несмотря на наличие уголовного преследования.

В этой связи Конституционный суд пришел к выводу, что в рамках уголовного преследования обвиняемый не может быть полностью лишен права на свободу предпринимательства. Суд счел, что право на занятие предпринимательской деятельностью является одним из базовых прав гражданина и не может быть ограничено в силу только подозрений в совершении уголовного преступления.

Конституционный суд России также отметил, что в случае решения вопроса об ограничении права на бизнес, необходимо учитывать не только наличие уголовного дела, но и общую характеристику обвиняемого, такую как степень опасности, необходимость применения мер по предотвращению скрытия от ответственности и т.д. [6 с.1086–1093]

Анализ «Дела Лащанина» показывает, что Конституционный суд России стал на путь защиты прав предпринимателей и установил важный принцип – право на занятие предпринимательской деятельностью не может быть ограничено, если обвиняемый не представляет опасности для общества и правопорядка. Этот случай также свидетельствует о том, что в России все еще остаются проблемы с правотворчеством и правосудием, связанные с защитой прав и интересов предпринимателей и бизнеса в целом.

Дело «Гутников» (№ 1-П/2017) – это решение Конституционного суда РФ от 27 июля 2017 года, которое коснулось вопросов о том, может ли контролирующий орган повторно проверить предприятие или организацию, если ранее была проведена аналогичная проверка, но нарушений не выявлено.

В этом деле конституционный суд разрешил повторную проверку, но с учетом особых условий:

- правомерность и обоснованность приказа о проведении контрольной мероприятия должна быть подтверждена в установленном законом порядке;
- повторная проверка должна быть не чаще, чем раз в год, за исключением случаев, когда выявлены нарушения требований законодательства;
- предприниматель должен быть оповещен о повторной проверке заранее;

- недостатки в деятельности, связанные с предметом повторной проверки, не могут привести к ущемлению других прав и свобод предпринимателя.

Такое решение Конституционного суда стало своего рода компромиссом между необходимостью государственного контроля и защитой прав предпринимателей на ненавязчивое и беспрепятственное осуществление своей деятельности.

Анализ данного решения показал, что Конституционный суд РФ придает большое значение балансу между интересами государства и предпринимателей, а также соблюдению конституционных прав граждан. Повторная проверка предприятий и организаций должна быть аргументированной и разрешаться исключительно в соответствии с условиями, указанными в решении суда.

Кроме того, решение Конституционного суда подчеркивает важность защиты прав и свобод предпринимателей в контексте развития экономики и создания условий для бизнеса в России.

Дело «Налог на профессиональный доход» (решение № 21-П от 16 декабря 2014 года) – это решение Конституционного суда РФ, которое касается обязательного внесения налога на профессиональный доход для некоторых категорий граждан.

Конституционный суд РФ пришел к выводу, что обложение налогом на доход физических лиц, полученный от осуществления трудовой деятельности, находится в рамках конституционной правомочности органов государственной власти и не противоречит Конституции РФ.

Однако суд признал, что налог на профессиональный доход не может взиматься с определенных категорий граждан, таких как инвалиды войны, ветераны, дети-инвалиды и другие социально незащищенные группы. Эти категории граждан экономически уязвимы и нуждаются в дополнительной поддержке государства. Введение налога на доход трудовых пенсионеров, получающих небольшие выплаты, также признано конституционно недопустимым.

Таким образом, решение Конституционного суда продемонстрировало баланс между интересами государства в обеспечении бюджетных доходов и защитой социально незащищенных слоев населения. Решение подчеркнуло важность соблюдения конституционных прав и свобод граждан в области налоговой политики и укрепления социального государства.

Можно выделить несколько общих тенденций и принципов, которые прослеживаются в решениях Конституционного суда России по вопросам защиты прав предпринимателей:

1. Важность установления равенства всех участников предпринимательской деятельности перед законом и защиты прав граждан, занятых в предпринимательстве. Конституционный суд подчеркивает, что предприниматели должны иметь равные возможности для осуществления своей деятельности и не подвергаться дискриминации.

2. Свобода предпринимательской деятельности, которая закреплена в Конституции РФ. Конституционный суд подчеркивает, что государство должно создавать условия для свободного развития предпринимательства и не препятствовать его законной деятельности.

3. Защита частной собственности и прав собственников. Конституционный суд подчеркивает, что государство должно гарантировать защиту прав собственности предпринимателей и не нарушать их права на свободное распоряжение имуществом.

4. Нужность и эффективность государственного регулирования предпринимательской деятельности. Конституционный суд признает, что государство имеет право регулировать предпринимательскую деятельность, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты прав потребителей, экологии и других общественных интересов.

5. Необходимость соблюдения правил правового регулирования и справедливости. Конституционный суд подчеркивает, что государственное регулирование должно соответствовать Конституции РФ и законодательству, а действия государственных органов должны быть обоснованными, пропорциональными и действительно необходимыми.

6. Защита прав предпринимателей от незаконных действий государственных органов. Конституционный суд признает, что предприниматели могут стать объектами незаконного вмешательства государственных органов и подчеркивает необходимость защиты прав предпринимателей от таких действий.

Таким образом, можно сделать вывод, что Конституционный суд России придает большое значение защите прав предпринимателей и подчеркивает важность создания условий для свободного и законного развития предпринимательства в России.

Для улучшения роли и практики Конституционного суда в отношении предпринимательства можно предложить следующие рекомендации:

1. Укрепление защиты прав предпринимателей. Конституционный суд должен активнее защищать права предпринимателей и выступать против незаконных действий государственных органов и чиновников.

2. Развитие судебной практики. Конституционный суд должен развивать судебную практику по вопросам предпринимательства и выносить решения, которые будут стимулировать развитие бизнеса в России.

3. Продвижение свободы предпринимательства. Конституционный суд должен активно продвигать свободу предпринимательства и направлять государственные органы на создание условий для развития бизнеса в России.

4. Взаимодействие с бизнес-сообществом. Конституционный суд должен активно взаимодействовать с представителями бизнес-сообщества, учитывать их мнения и интересы при принятии решений.

5. Регулярный мониторинг ситуации в сфере предпринимательства. Конституционный суд должен регулярно проводить мониторинг ситуации в сфере предпринимательства, выявлять проблемы и принимать меры по их решению.

6. Обучение представителей правоприменительных органов. Конституционный суд должен проводить обучение представителей правоприменительных органов по вопросам предпринимательства, чтобы повысить качество правового регулирования в данной сфере. [10 с.176–184]

7. Участие в разработке законодательных инициатив. Конституционный суд должен принимать участие в разработке законодательных инициатив, касающихся предпринимательства, чтобы гарантировать их соответствие Конституции и защиту прав предпринимателей.

Реализация этих рекомендаций должна привести к улучшению практики защиты прав предпринимателей и созданию условий для свободного и успешного развития предпринимательства в России.

Правовая тенденция Конституционного суда по вопросам, связанным с предпринимательской деятельностью, свидетельствует о том, что Конституционный суд активно защищает права и интересы предпринимателей и поддерживает свободу предпринимательства в России.

Анализ решений Конституционного суда показал, что он выступает за отмену ограничений на свободу предпринимательской деятельности, защиту прав собственности, права на участие в торгах и конкуренции, а также признает недопустимыми вмешательства государства в экономику.

Однако важно отметить, что в некоторых случаях Конституционный суд оставляет ограничения на предпринимательскую деятельность, если это необходимо для общественной безопасности, охраны здоровья и морали населения, защиты окружающей среды и других общественных интересов.

Таким образом, Правовая тенденция Конституционного суда при решении вопросов, касающихся предпринимательской деятельности, является позитивной, и способствует развитию бизнеса в России при соблюдении интересов общества и государства.

Литература

1. Архипов В.Г. Конституционный суд и решение конституционных споров в экономических отношениях. – М.: Инфра-М, 2013.
2. Гаджиев С.Г. Конституционный суд России и проблемы регулирования предпринимательской деятельности // Экономический вестник ЮФУ. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 11–15.
3. Герценком А.А. Правовые аспекты развития малого и среднего бизнеса в России: монография. – СПб.: Финансы и статистика, 2015.
4. Колотовкин А. К., Красавец О.А. Конституционный суд России и предпринимательская дея-

тельность // Право и политика. – 2015. – № 4. – С. 74–79.

5. Kuznetsov D. Constitutional Court of the Russian Federation and the Development of Entrepreneurs' Rights // Journal of Public Administration and Governance. – 2016. – Vol. 6, No. 2. – P. 188–198.
6. Mirzoev N.I. Constitutional Court of the Russian Federation and the Development of Entrepreneurship // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2018. – Vol. 9, No. 4(34). – P. 1086–1093.
7. Troshkov I.L. The Constitutional Court of the Russian Federation and the Protection of Individual Entrepreneurship // Russian Law Journal. – 2018. – Vol. 6, No. 4. – P. 121–138.
8. Zhirnov A. The Constitutional Court and the Guarantee of Property Rights in Russia: The Case of Bankruptcy Proceedings // Review of Central and East European Law. – 2017. – Vol. 42, No. 1–2. – P. 165–182.
9. Kollmann T., Stöckmann C. Legal Challenges for Entrepreneurial Ventures in Russia // International Journal of Entrepreneurial Venturing. – 2019. – Vol. 11, No. 5. – P. 481–500.
10. Meshcheryakova N. Yu. The Constitutional Court of Russia and Legal Regulation of Entrepreneurship // International Journal of Economics, Commerce and Management. – 2019. – Vol. 7, No. 9. – P. 176–184.

THE INFLUENCE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT ON THE LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITIES

Samitov D.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

This article examines the legal trends of the Constitutional Court in relation to business activities. We will look at specific decisions of the Constitutional Court regarding entrepreneurship and analyze the arguments and principles that underlie them. The positive and negative consequences of these trends for the business environment will

also be identified. Based on the results obtained, recommendations will be made to improve the role and practice of the Constitutional Court in relation to entrepreneurship in order to ensure a fairer and more predictable legal environment.

Analyzing the legal trend of the Constitutional Court when deciding issues related to business activities is an important step for understanding judicial practice and its impact on the business environment. Decisions of the Constitutional Court have great legal force and create precedents that influence other courts and legislation.

Keywords: Entrepreneurial activity, legal trends of the Constitutional Court, legal problems of entrepreneurial activity.

References

1. Arkhipov V.G. Constitutional Court and the resolution of constitutional disputes in economic relations. – M.: Infra-M, 2013.
2. Gadzhiev S.G. The Constitutional Court of Russia and the problems of regulating entrepreneurial activity // Economic Bulletin of the Southern Federal University. – 2017. – Т. 7, No. 4. – P. 11–15.
3. Gertsenkom A.A. Legal aspects of the development of small and medium-sized businesses in Russia: monograph. – St. Petersburg: Finance and Statistics, 2015.
4. Kolotovkin A.K., Krasavets O.A. The Constitutional Court of Russia and entrepreneurial activity // Law and Politics. – 2015. – No. 4. – P. 74–79.
5. Kuznetsov D. Constitutional Court of the Russian Federation and the Development of Entrepreneurs' Rights // Journal of Public Administration and Governance. – 2016. – Vol. 6, No. 2. – P. 188–198.
6. Mirzoev N.I. Constitutional Court of the Russian Federation and the Development of Entrepreneurship // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2018. – Vol. 9, No. 4(34). – P. 1086–1093.
7. Troshkov I.L. The Constitutional Court of the Russian Federation and the Protection of Individual Entrepreneurship // Russian Law Journal. – 2018. – Vol. 6, No. 4. – P. 121–138.
8. Zhirnov A. The Constitutional Court and the Guarantee of Property Rights in Russia: The Case of Bankruptcy Proceedings // Review of Central and East European Law. – 2017. – Vol. 42, No. 1–2. – P. 165–182.
9. Kollmann T., Stöckmann C. Legal Challenges for Entrepreneurial Ventures in Russia // International Journal of Entrepreneurial Venturing. – 2019. – Vol. 11, No. 5. – P. 481–500.
10. Meshcheryakova N. Yu. The Constitutional Court of Russia and Legal Regulation of Entrepreneurship // International Journal of Economics, Commerce and Management. – 2019. – Vol. 7, No. 9. – P. 176–184.

Нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации

Васильева Светлана Валерьевна,

к.ю.н., доцент кафедры юридических дисциплин Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Купченко Константин Владимирович,

к.и.н., доцент кафедры юридических дисциплин Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Королёва Елена Леонидовна,

ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Шерашенкова Екатерина Алексеевна,

к.п.н., доцент кафедры юридических дисциплин Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

В статье анализируются вопросы нарушения законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации. Исследование всех аспектов избирательного права в контексте гражданского права в публичной его форме является необходимой составляющей правовой системы государства. Избирательные правонарушения, связанные с нарушением авторских, интеллектуальных прав, совершенные в период предвыборной агитации, зачастую становятся основанием и инструментом политической борьбы, особенно в тех случаях, когда появляется возможность обвинить оппонента в нарушении и добиться его отстранения от выборов путем обращения в суд и соответствующего судебного решения. В последнее время защита интеллектуальной собственности в период проведения выборов приобрела особую актуальность, в связи с использованием различных механизмов и технологий нечестной конкурентной борьбы. Теоретическая и практическая значимость исследований в данной области заключается в возможности применения результатов исследования в практической деятельности органов государственного управления при проведении предвыборной кампании, а также в деятельности органов власти при формировании механизмов и способов защиты от правонарушений в сфере интеллектуальной собственности. Авторы приходят к выводу, что своевременное решение и анализ проблем позволит внести соответствующие поправки в законодательство о защите интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, гражданское право, гражданские права, выборы.

В современных реалиях избирательные правонарушения, связанные с нарушением авторских, интеллектуальных прав, становятся основанием и инструментом острой политической борьбы. При анализе избирательных правонарушений, включая нарушение интеллектуальной собственности, предвыборной агитацией будем считать информационное обеспечение выборов в соответствии с правовыми нормами РФ в период избирательной кампании, а также отдельные стадии избирательного процесса.

В.В. Игнатенко предлагает рассматривать предвыборную агитацию в нескольких аспектах: она «является самостоятельной формой информационного обеспечения выборов и может рассматриваться в нескольких аспектах: 1) как субинститут правового института информационного обеспечения выборов, представляющий собой совокупность правовых норм, регламентирующих порядок агитационной деятельности в период избирательной кампании; 2) в качестве отдельной стадии избирательного процесса; 3) как специфическая разновидность информационной деятельности отдельных субъектов избирательного процесса» [1, с. 5].

Избирательные правонарушения в период предвыборной агитации в реальной практике получают самые разнообразные воплощения.

Значительное количество избирательных правонарушений касаются создания положительного/отрицательного имиджа кандидата либо избирательного объединения или партии.

При этом, отметим, что в ст. 52 Федерального закона от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» разрешена деятельность, способствующая созданию положительного/отрицательного имиджа [2].

Обращает внимание на себя тот факт, что в данном законе нет требования проверки на достоверность информации, формирующей имидж кандидатов, поэтому возможны публикации, в которых, хотя и нет клеветы, оскорблений, речевой агрессии, однако содержатся информация, о каких-либо действиях, идущих вразрез со стереотипами, связанными с морально-нравственными характеристиками. Здесь уместно вспомнить, что по закону о СМИ (Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации») [3], если журналист, либо конкретное средство массовой информации распространяет даже в период предвыборной агитации порочащие кандидата, но правдивые сведения, то СМИ (журналист) ответственности не несет.

Журналисты и СМИ могут даже освобождаться от ответственности за порочащие сведения, если это прямая цитата или если это прямая передача текста официального заявления и пр.

Вопрос об остроте информационного текста, о том, была ли необходимой публикация с негативной информацией о конкретном кандидате именно в период предвыборной агитации остается открытым и никак не регламентируется законодательством, что влечет за собой многочисленные судебные тяжбы.

Необходимо уточнить, что, несмотря на ст. 69 «Ограничения при проведении предвыборной агитации» Федерального закона от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [4], в которой указано, что даже при распространении достоверной порочащей информации необходимо дать опровержение, это требование не всегда выполняется.

В законодательстве существует некоторая неопределенность по поводу информационных материалов в предвыборной агитации, касающихся личности/либо деятельности как самого кандидата в депутаты, так и его окружения.

При использовании технологий черного пиара часто применяются приемы «неполная информация» и «подмена понятий». При этом распространяется информация даже не через непосредственно в СМИ, а через социальные сети. Зачастую вбросы недостоверной информации происходят с аккаунтов, которые после совершения информационной диверсии, закрываются, чтобы не было возможности отследить автора, его IP адрес.

В период предвыборной агитации избирательные правонарушения могут быть явными и неявными.

Неявные избирательные правонарушения могут, например, состоять в распространении поддельных агитационных материалов, когда целенаправленно, чтобы распространить негативную отрицательную информацию от имени кандидата или партии, создаются, например, листовки, в которых содержится недостоверная информация и делается акцент на то, от имени какого избирательного объединения (партии) эта информация распространяется.

Избирательные правонарушения, связанные с нарушением авторских прав, совершенные в период предвыборной агитации, зачастую становятся основанием и инструментом политической борьбы, особенно в тех случаях, когда появляется возможность обвинить оппонента в нарушении и добиться его отстранения от выборов путем обращения в суд и соответствующего судебного решения.

Необходимо уточнить какие положения законов дают основания для судебного преследования за нарушения авторских прав в период предвыборной агитации. Прежде всего необходимо указать ч. 1 ст. 44 Конституции РФ «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества,

преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом» [5].

Так же следует учесть Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в котором в ст. 56. «Ограничения при проведении предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума» указано, что «не допускается злоупотребление свободой массовой информации, запрещается агитация, нарушающая законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности».

В ГК РФ глава 70 посвящена защите авторских и смежных прав, в ней рассматриваются практически все аспекты авторского права, определено понятие авторского права.

Ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» [6] устанавливает ответственность за нарушение данных прав. В настоящей статье предусматривается довольно строгое наказание с крупным штрафом, принудительными работами, исправительными работами, обязательными работами и/или лишением свободы. В «Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024)[7] содержится ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав», положения которой охраняют права авторов от изготовления и сбыта контрафактной продукции интеллектуальной собственности, произведенной и распространяемой для извлечения прибыли. Таким образом, авторское право на произведение науки, искусства, литературы охраняется законодательно на различных уровнях. В период предвыборной агитации при распространении текстов информационно-агитационного и рекламного характера с призывами в поддержку того или иного кандидата (избирательной группы, партии) либо в противодействие этому, на все объекты интеллектуальной собственности распространяются общие правила по их охране.

Д.В. Коваль в статье «Применение конституционно-правовых санкций за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации» справедливо указывает: «Судебный порядок привлечения кандидатов и избирательных объединений к конституционно-правовой ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности установлен весьма обоснованно, так как избирательная комиссия не имеет соответствующей квалификации для полного и всестороннего исследования обстоятельств, квалификации деяния в качестве соответствующего правонарушения, изучения доказательств. Поэтому только суд как орган государственной власти, осуществляющий правосудие и имеющий возможность разрешить спор по существу, может оценивать все обстоятельства конкретного дела, определять характер общественной вредности, соразмерность

применения конституционно-правовых санкций и, соответственно, принимать решение о привлечении кандидата (избирательного объединения) к конституционно-правовой ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации» [8].

Однако в период предвыборной агитации авторское право становится инструментом острой политической борьбы. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда собственно правообладатели не пытаются отстаивать собственные права, не подают иски в суд, зачастую даже и не догадываются о нарушении своих прав, но политические оппоненты, пользуясь «буквой закона» требуют отстранить конкурента, добившись отмены регистрации кандидата или даже партии от выборов.

Д.В. Прохоренко в статье «Вопросы защиты интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации» обращает внимание исследователей на дискуссию по поводу того, следует ли привлекать к ответственности субъектов предвыборной агитации за нарушение авторских прав, если автор интеллектуальной собственности не обращался за защитой: «...дискуссионным предстает вопрос, насколько целесообразно привлекать субъекта агитационной деятельности к ответственности за нарушение прав и законных интересов других лиц, притом, что последние не обращались с требованием о защите их прав (авторских)» [9].

Для предвыборных информационно-агитационных текстов и визуального их сопровождения важными оказываются различные произведения интеллектуальной собственности. Это могут быть различные изображения, отрывки музыкальных произведений, цитаты из различных текстов, аудио- и видео-, отрывки из телепередач, спектаклей и пр., из которых возможно составить некую компиляцию. Сразу же возникает вопрос, если используются несколько объектов авторского права и из них составляется принципиально новое произведение, то как нужно трактовать его? Как объект авторского права (в отдельных элементах) или как принципиально новое произведение? Хотя ответ очевиден: использование даже частей произведений без согласия автора запрещено.

В период предвыборной агитации кандидаты или партии, избирательные группы часто используют изображения и/или отрывки из значимых для российской культуры произведений искусства. В ряде случаев это не нарушает законодательство, так как произведения искусства уже утратили авторское право в связи с тем, что признаны общественным достоянием. Общественным достоянием считаются произведения искусства, науки, литературы, которые были опубликованы до 1917 года, произведения народного творчества, а также произведения, авторы которых умерли, не оставив наследников. Особо следует отметить, что исключительное авторское право на произведение российских авторов перестает распространяться через 70 лет после его кончины (ст. 1281 ГК РФ «Срок

действия исключительного права на произведение»).

Судебная практика по делам о нарушении авторского права в период предвыборной агитации довольно обширна и разнопланова. Суды часто становятся на сторону истцов, которые требуют отмены регистрации кандидата в депутаты, или даже партийного списка в целом.

Судебная практика РФ фиксирует многочисленные случаи, когда в центре внимания оказывается визуальный ряд из текстов информационно-агитационного характера. Это касается, например, знаковых для регионов изображений известных архитектурных памятников или зданий.

Так, например, в 2013 году Верховный Суд РФ рассмотрел апелляционную жалобу на решение Иркутского областного суда о регистрации в качестве кандидата в депутата гражданина Ш. Суд установил, что самовыдвиженец Ш. использовал в информационно-агитационных материалах эмблему партии «Единая Россия», символику цвета, а также фотографии стадиона в г. Саянске.

Истец Б. (в лице представителя А.) утверждал, что Ш. нарушил авторские права партии «Единая Россия», так как эмблема является объектом авторских прав, а также нарушил авторские права фотографа.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия Верховного Суда РФ по гражданским делам установила, что региональное отделение партии «Единая Россия» в соответствии с законодательством дало разрешение Ш. на безвозмездное использование эмблемы партии в агитационных целях (заключено соответствующее соглашение). Ш. предоставил суду договор на изготовление авторского произведения (фотографии стадиона в г. Саянске). Хотя автор не давал непосредственно разрешения на использование конкретной фотографии, однако договор был подписан с исполнителем на все его фото, созданные по заказу Ш. для агитационной кампании. Поэтому Верховный Суд пришел к выводу, что авторские права не были нарушены и апелляционную жалобу оставил без удовлетворения [10].

Но в некоторых случаях суд становится на сторону истцов и отменяет регистрацию кандидатов.

Так, например, Щелковский городской суд в 2006 году отменил регистрацию кандидата на должность главы Щелково в связи с нарушением авторских прав. В информационно-агитационных материалах, распространенных в период предвыборной агитации, содержались фотографии архитектурных комплексов «Отдавшим жизнь за нашу советскую Родину» и Комплекса статокинетических исследований (Спортивного комплекса), стелы-символа «Щелково» и пр. [11].

Суд посчитал, что несмотря на то, что эти объекты находятся в свободном доступе, авторские права все же нарушены. Апелляционная инстанция оставила решение суда первой инстанции в силе.

В целом, следует указать, что виды и способы нарушения законодательства об интеллектуаль-

ной собственности в период предвыборной агитации разнообразны. Чаще всего это использование музыкальных произведений (их отрывков) без согласия авторов, использование фото и видеоматериалов без согласия авторов или правообладателей, использование графических символов и эмблем без согласия авторов произведений, использование отрывков или целых текстов современных авторов без их согласия. Действительно, вопрос нарушения законодательства по интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации является сложным, поскольку сама интеллектуальная собственность, согласно ГК РФ, бывает различных видов. Это может быть исключительное право, являющееся имущественным (Ст. 1229 ГК РФ, может быть и личным неимущественным (право доступа, право следования и пр.).

Сложность судебных процессов по избирательным правонарушениям авторского права в период предвыборной агитации состоит еще и в том, что они могут проходить в период после подведения итогов голосования [12, с. 190].

И возникает коллизия, если кандидат будет признан виновным в нарушении интеллектуальных прав, то следует отменить итоги выборов, поскольку он должен был быть исключен из списка кандидатов и не имел права участвовать в выборах. И по этому избирательному участку следует проводить выборы заново (что вызывает излишние траты бюджета государства и не добавляет стабильности в общественную жизнь; зачастую избиратели игнорируют повторные выборы).

Таким образом, предвыборная агитация является обязательной частью избирательной кампании, информационное обеспечение выборов – элемент обязательных демократических процедур. Использование чужой интеллектуальной собственности дискредитирует правовое государство, нарушает гражданские права человека. Необходимо повышать правовую грамотность всех участников избирательного процесса с целью недопущения нарушения законодательства РФ в области избирательного права и права интеллектуальной собственности.

Литература

1. Игнатенко В.В. «Предвыборная агитация: особенности законодательного регулирования и судебной практики разрешения избирательных споров // Избирательное право. М., – 2012. – № 1. С. 5–25.
2. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Гарант».
3. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124–1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации»// СПС «Гарант».
4. Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «О выборах депутатов Го-

сударственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»// СПС «Гарант».

5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.11.2023.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2023. – № 14. – Ст. 2388.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 1. – Ст. 1; 2023. – № 15. – Ст. 2830.
8. Коваль Д.В. Применение конституционно-правовых санкций за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации // Интернет-портал ЧелПраво [Электронный ресурс] Режим доступа: // URL: <https://право.челсити.рф/применение-конституционно-правовых/> (дата обращения: 04.04.2024)
9. Прохоренко Д.В. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации // Трибуна молодых ученых. № 1. 2018. С. 51–58 // [Электронный ресурс] Режим доступа: // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti-pri-provedenii-predvybornoy-agitatsii/viewer> (дата обращения: 21.12.2023)
10. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан российской федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71251696/> (дата обращения: 04.12.2023)
11. Хамовнический районный суд г. Москвы [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij> (дата обращения: 29.11.2023)
12. Федоскин, Н.Н. История отечественного государства и права / Н.Н. Федоскин. Том Часть 2. – Смоленск: Смоленская городская типография, 2011. – 224 с.

VIOLATION OF INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION DURING THE ELECTION CAMPAIGN

Vasilyeva S.V., Kupchenko K.V., Koroleva E.L., Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the issues of violation of intellectual property legislation during the pre-election campaign. The study of all aspects of electoral law in the context of civil law in its public form is a necessary component of the legal system of the state. Electoral offenses related to copyright and intellectual property violations committed during the pre-election campaign often become the basis

and instrument of political struggle, especially in cases where it becomes possible to accuse an opponent of violation and get him removed from the elections by applying to the court and a corresponding court decision. Recently, the protection of intellectual property during the election period has become particularly relevant, due to the use of various mechanisms and technologies of unfair competition. The theoretical and practical significance of research in this area lies in the possibility of applying the results of the research in the practical activities of public administration bodies during the election campaign, as well as in the activities of authorities in the formation of mechanisms and methods of protection against offenses in the field of intellectual property. The authors conclude that timely resolution and analysis of the problems will make it possible to make appropriate amendments to the legislation on the protection of intellectual property.

Keywords: copyright, intellectual property, civil law, civil rights, elections.

References

1. Ignatenko V.V. "Pre-election campaigning: features of legislative regulation and judicial practice of resolving electoral disputes // Electoral law. M., – 2012. – No. 1. pp. 5–25.
2. Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" dated 06/12/2002 N 67-FZ (latest edition) // SPS "Garant".
3. The Law of the Russian Federation dated 12/27/1991 N 2124–1 (ed. dated 06/13/2023) "On mass media" // SPS "Garant".
4. Federal Law No. 20-FZ dated 02/22/2014 (as amended on 05/29/2023) "On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // SPS "Garant".
5. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of legal Information <http://pravo.gov.ru> 06.11.2023.
6. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on 04/14/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – St. 2954; 2023. – № 14. – Article 2388.
7. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on 04/28/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 1. – St. 1; 2023. – № 15. – Article 2830.8. Koval
8. D.V. Application of constitutional and legal sanctions for violation of intellectual property legislation during the pre-election campaign // Chelpravo Internet portal [Electronic resource] Access mode: // URL: <https://pravo.chelsea.rf/application-constitutional-and-legal/> (date of application: 04.04.2024)
9. Prokhorenko D.V. Issues of intellectual property protection during the pre-election campaign // Tribune of young scientists. No. 1. 2018. p. 51–58 // [Electronic resource] Access mode: // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti-pri-provedenii-predvybornoy-agitatsii/viewer> (date of application: 12/21/2023)
10. Review of judicial practice on issues arising during the consideration of cases on the protection of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016) // [Electronic resource] Access mode: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71251696/> (date of application: 04.12.2023)
11. Khamovnichesky District Court of Moscow [Electronic resource] Access mode: URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij> (date of application: 11/29/2023)
12. Fedoskin, N.N. The history of the national state and law / N.N. Fedoskin. Volume Part 2. – Smolensk: Smolensk city printing House, 2011. – 224 p.

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в РФ: проблемы и перспективы развития

Фирсанова Полина Павловна,

студент, юридический факультет, профиль: Гражданское и предпринимательское право, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Firsanova02@yandex.ru

Настоящая научная статья исследует перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. В статье проанализированы текущие нормативные акты, а также проведен анализ зарубежного опыта. Выявлены отличия и проблемы в правовом регулировании цифровых финансовых активов. Анализируются современные проблемы и вызовы, связанные с использованием цифровых финансовых активов, а также возможные пути их решения через развитие соответствующего правового регулирования. Основной акцент делается на выработке эффективного и безопасного правового статуса для цифровых финансовых активов, а также на установлении прозрачных и надежных механизмов контроля и регулирования. В итоге представлены рекомендации по улучшению существующего законодательства и созданию эффективной системы правового регулирования в сфере цифровых финансовых активов в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые финансовые активы, перспективы развития, Российская Федерация, нормативные акты, зарубежный опыт, цифровое право, пробелы в законодательстве, криптовалюта, блокчейн, цифровая валюта.

Введение

В современном мире цифровые финансовые активы играют все более значимую роль в мировой экономике. Их использование в различных сферах деятельности, таких как финансовые транзакции, виртуальные валюты и инвестиционные платформы, привлекает все большее количество участников и влияет на формирование новых правовых норм и стандартов. В Российской Федерации отсутствует полноценное и четкое правовое регулирование цифровых финансовых активов, что вызывает ряд проблем и неопределенности для участников данного рынка.

Целью данного исследования является изучение и анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. Исследование будет направлено на выявление генезиса правового регулирования данной сферы, а также выявление пробелов и недостатков в российском законодательстве по цифровым финансовым активам.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно представляет собой комплексный анализ и синтез имеющихся материалов по данной теме. Предыдущие исследования в этой области фокусировались на отдельных аспектах или анализировали только отдельные аспекты правового регулирования цифровых финансовых активов. В нашей статье мы рассчитываемся выполнить всеобъемлющий обзор данной проблематики, а также предложить практические рекомендации по усовершенствованию правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели будут использованы различные методы исследования, включая анализ законодательства и нормативных актов, сравнительный анализ зарубежного опыта в регулировании цифровых финансовых активов, а также интервьюирование экспертов и участников рынка. Такой подход позволит учесть множество точек зрения и нюансов, связанных с данной проблематикой, и обеспечит достоверность получаемых результатов.

Анализ проблем и перспектив правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации станет важной основой для разработки более эффективных и современных нормативных актов, которые бы учитывали осо-

бенности данной сферы и обеспечивали достаточную защиту интересов участников рынка.

Результаты и обсуждения

Становление законодательства в области регулирования цифровых финансовых активов в РФ

В настоящее время, развитие цифровых финансовых активов, таких как криптовалюта, стало активным предметом интереса для правительств различных стран, включая Российскую Федерацию. По мнению, Андрушина С.В., это вызвано не только повышенным интересом общества, но и необходимостью создания эффективного законодательно-регулирующего в данной области, с чем сложно не согласиться [2].

История правового регулирования цифровых финансовых активов в России начинается с самого появления таких активов. В начале 2010-х годов стали популярными криптовалюты, в частности, самая известная из них – биткойн. Как отмечает Перетолчин А.П., это привело к необходимости создания правовой базы для регулирования цифровых финансовых активов, ведь они отличаются от традиционных активов, таких как наличные деньги или акции, как в своем характере, так и в технологическом аспекте [6].

В 2013 году Центральный банк Российской Федерации предупредил о рисках, связанных с использованием цифровых финансовых активов, и запретил их использование в качестве альтернативной платежной системы [10]. Однако в настоящее время в России действует законодательство, признающее цифровые финансовые активы, такие как криптовалюты, социальные медиа токены и токены учетных единиц, легальными [3].

В свете постоянно меняющейся криптовалютной среды, где новые технические решения и инновации постоянно появляются, установление законодательства в области регулирования цифровых финансовых активов является сложным и требует учета различных факторов.

С начала 2021 года, в России вступил в силу новый закон о цифровых финансовых активах (ЦФА), который определяет правовой статус и законодательную базу для использования и оборота таких активов [9]. Данный закон был разработан с учетом международного опыта, нормативных актов других стран и рекомендаций международных организаций, таких как Финансовая стабильность и развитие (Financial Stability Board, FSB) и Группа действий по финансовым преступлениям (Financial Action Task Force, FATF).

Одним из основных принципов законодательства о цифровых финансовых активах является введение понятия «цифровая валюта» и ее официального определения. Так, в соответствии с новыми законодательными нормами, цифровая валюта признается специальным видом цифровых финансовых активов, обладающими функциями средства платежа, единицы учета, средства накопления. Выражена она в совокупности электронных

данных в информационной система. Справедливо будет отметить, что определения некоторых смежных понятий, как, например, криптовалюта, в законодательстве на данный момент отсутствуют.

Важным фактом является то, что новое законодательство в области цифровых финансовых активов в России предусматривает установление и регулирование понятия «эмиссия цифровых финансовых активов». Это обеспечивает полную прозрачность и контроль за выпуском новых цифровых активов, что способствует предотвращению финансовых мошенничеств и отмыванию денег.

Кроме того, закон «О цифровых финансовых активах» включает в себя нормы, регулирующие операции с цифровыми активами, такие как продажи, обмен, хранение и учет. Законодательство также предусматривает правила для организаций, осуществляющих деятельность по обслуживанию цифровых финансовых активов, включая вопросы лицензирования и регулирования их деятельности.

Другим важным аспектом в новом законе является установление правил для проведения ICO (Initial Coin Offering) и IEO (Initial Exchange Offering). Это позволяет предоставлять юридическую защиту для инвесторов и предупреждает возможные случаи мошенничества или необоснованного привлечения средств.

Российское законодательство также учитывает необходимость борьбы с финансированием терроризма и отмыванием денег при операциях с цифровыми финансовыми активами. Это достигается путем установления строгих контрольных мер и требований к участникам рынка, включая лицензирование их деятельности и осуществление дополнительной верификации клиентов.

Таким образом, законодательство в области регулирования цифровых финансовых активов в России становится более комплексным и современным. Оно учитывает международный опыт, современные технологии и предоставляет законодательный базис для развития и использования цифровых активов в стране. Установление эффективного законодательства играет важную роль в содействии развитию цифровой экономики и обеспечении финансовой безопасности и стабильности.

Проблемы в российском законодательстве о цифровых финансовых активах

Цифровые финансовые активы (ЦФА) представляют собой новую форму активов, основанных на технологии блокчейн, которые имеют значительный потенциал для трансформации финансовой системы. Рост популярности ЦФА ведет к необходимости разработки и принятия соответствующего законодательства для обеспечения правовой защиты участников цифрового финансового рынка. Однако, российское законодательство на данный момент содержит несколько пробелов, которые могут препятствовать развитию и регулированию ЦФА.

Первой из проблем хотелось бы отметить правовую неопределенность в этой области. Дело в том, что в российском законодательстве отсут-

ствует четкое определение цифровых финансовых активов и связанных с ними понятий, таких как криптовалюта или токены. Этот пробел приводит к неопределенности в правовом статусе ЦФА, что усложняет их использование и регулирование [7]. Например, криптовалюты не признаются законным платежным средством в России, что может создавать проблемы при их использовании в коммерческих сделках.

Далее целесообразно выделить такой вопрос, как недостаточное регулирование бирж и платформ. Российское законодательство не предусматривает ясной и подробной регулировки деятельности криптовалютных бирж и платформ обмена ЦФА. Это создает проблемы с контролем за ними, их безопасностью и защитой интересов инвесторов. Например, случаи хакерских атак и краж с криптовалютных бирж, таких как случай с биржей WEX в 2018 году, указывают на необходимость разработки соответствующих правовых механизмов для защиты пользователей и инвесторов.

На данный момент в России нет четких правил и нормативов, касающихся проведения Initial Coin Offerings (ICO) – схемы привлечения средств на основе эмиссии токенов, что тоже можно с уверенностью отнести к тому, что требует пересмотра и усовершенствования. Это приводит к высокому риску мошенничества и недобросовестности в данной сфере. Например, в 2017 году мошеннические ICO претендовали на сумму в 50 миллиардов рублей, что без должного регулирования подрывает доверие в инвестиционных возможностях ЦФА.

Еще одним пробелом в законодательстве о ЦФА является отсутствие четких правил налогообложения в отношении операций с криптовалютами и токенами. Это затрудняет учет и уплату налогов и создает неопределенность для инвесторов и бизнеса. Например, некоторые страны внедряют специальные налоговые ставки на операции с ЦФА, что позволяет более ясно определить ожидаемую налоговую нагрузку и упростить процесс налоговой регистрации.

Так, пробелы в российском законодательстве о ЦФА представляют серьезные вызовы для развития цифрового финансового рынка и правовой защиты его участников. К решению этих проблем необходимо приступить путем разработки и принятия соответствующих нормативных актов. Это позволит установить ясные правила игры, обеспечить безопасность и защиту интересов участников рынка ЦФА, а также стимулировать инновационное развитие финансовой системы России.

Возможные перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации на ближайшие годы

На сегодняшний день, Россия еще не имеет четких и всеохватывающих правовых норм, касающихся цифровых финансовых активов. Вместе с тем, недавние инициативы правительства поставили перед собой задачу создания регулирующей инфраструктуры для данного сектора экономики [8].

Так, сейчас предлагается анализировать различные аспекты, такие как:

- право собственности на цифровые активы,
- контроль за использованием активов в незаконных целях,
- защита прав потребителей и обеспечение финансовой стабильности.

При этом Цифровые финансовые активы имеют большой потенциал для развития и становления одним из важнейших инструментов экономического обмена. Они предлагают гибкость и низкие комиссии за операции, а также способствуют улучшению ликвидности и глобализации финансового рынка. Как упоминает Мурадян С.В. в своей научной работе, правовое регулирование в этой сфере поможет создать условия для модернизации финансовой системы и развития инновационных решений [5].

Так, на данный момент в России активно ведется работа по разработке нового законодательства, которое должно устранить пробелы в регулировании цифровых финансовых активов. Говоря конкретнее, отметим, что в июле 2020 года был принят федеральный закон «О цифровых финансовых активах», в котором предусмотрены основные нормы и правила в отношении таких активов.

Указанный закон предоставляет основы правового регулирования в сфере цифровых финансовых активов, включая криптовалюты и токены. Он определяет правила выпуска, оборота и защиты прав собственности на такие активы. Также в рассматриваемом нами нормативно-правовом акте закреплены требования к организациям, осуществляющим деятельность с цифровыми финансовыми активами, включая платформы для их обмена или торговли [4].

Помимо этого, правительство Российской Федерации активно сотрудничает с международными организациями и другими странами для разработки и внедрения международных стандартов и практик в сфере цифровых финансовых активов [1]. Это позволяет создать единую систему правового регулирования, которая будет соответствовать мировым стандартам и способствовать развитию цифровой экономики в России.

В заключение, правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации проходит через стадию становления и развития. Несмотря на некоторые пробелы в законодательстве, работа ведется по устранению этих проблем и созданию эффективной системы правового регулирования. Это, безусловно, открывает вполне реальные и действующие перспективы для последовательного и заметного развития инновационных финансовых решений и способствует развитию цифровой экономики в стране.

Выводы

В заключение, в данной статье мы рассмотрели генезис правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации, выя-

вив пробелы в существующем законодательстве по данному вопросу. Отмечено, что российское законодательство в настоящее время не в полной мере адаптировано для урегулирования цифровых финансовых активов, что создает значительные препятствия для их развития в стране.

Однако, несмотря на имеющиеся сложности, отмечены перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в России. С учетом нарастающего интереса к этой области, как со стороны граждан, так и со стороны бизнеса, политические и правительственные структуры начинают осознавать необходимость принятия регулирующих мер для обеспечения защиты интересов участников рынка и сбалансированного развития данного сектора.

Важно отметить, что разработка эффективного правового регулирования цифровых финансовых активов требует не только учета современных технологических достижений, но и внимания к международным опытом, применяемым ведущими странами. Развитие координационных механизмов и сотрудничество с международными организациями позволит России активно участвовать в формировании международных стандартов и правил в данной области.

В качестве итога проведенного исследования добавим, что правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации находится на начальной стадии своего развития, но имеет значительные перспективы для усиления и совершенствования. Это потребует активного взаимодействия между государственными органами, бизнесом и академическим сообществом, а также принятия мер для обеспечения стабильного и прозрачного функционирования рынка цифровых финансовых активов в интересах всех его участников и развития цифровой экономики в целом.

Литература

1. Агеев В.Н., Власов А.В. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал, 2020 г;
2. Андрияшин С.А. Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Сам Полиграфист». Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42986309> (свободный, дата обращения: 10.04.2024);
3. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2022 г;
4. Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права, 2021 г;
5. Мурадян С.В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law, 2023 г;
6. Перетолчин А.П. Генезис и перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Journal of Digital Technologies and Law, 2023 г;
7. Смирнов Д.А., Первышов Е.А. О понятии цифровых финансовых активов в условиях современных реалий: финансово-правовые аспекты // Гуманитарные и юридические исследования, 2022 г;
8. Теткин М. Мишустин оценил сумму в криптокошельках 10 млн россиян в 10 трлн руб. // РБК-Крипто [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/crypto/news/624ecfb89a7947bef4183352> (дата обращения: 09.04.2024).
9. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/, (свободный, дата обращения: 09.04.2024).
10. Указание Банка России от 26.12.2022 N 6336-У «О порядке реализации Банком России полномочий, предусмотренных частью 18 статьи 5 и частью 17 статьи 10 Федерального закона от 31 июля 2020 года N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.04.2023 N 72935) [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444822/, (свободный, дата обращения: 08.04.2024).

LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Firsanova P.P.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This scientific article explores the prospects for the development of legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation. The analysis focuses on the current problems and challenges associated with the use of digital financial assets, as well as possible ways to address them through the development of appropriate legal regulation. The main emphasis is placed on the establishment of an effective and secure legal status for digital financial assets, as well as the establishment of transparent and reliable mechanisms for control and regulation. The article analyzes current regulatory acts and examines international experience. Differences and issues in the legal regulation of digital financial assets are identified. As a result, recommendations for improving existing legislation and creating an effective system of legal regulation in the field of digital financial assets in the Russian Federation are presented.

Keywords: legal regulation, digital financial assets, development prospects, Russian Federation, regulatory acts, foreign experience, digital law, gaps in legislation, cryptocurrency, blockchain, digital currency.

References

1. Ageev, V. N., Vlasov, A. V. "Potential Application of Digital Financial Assets", Financial Journal, 2020.
2. Andryushin, S. A. "Monetary and Credit Systems: From Origins to Cryptocurrency", Moscow: LLC "Sam Poligrafist", Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42986309> (дата обращения: 10.04.2024).

3. Kochergin, D. A. "Cryptocurrencies: Economic Nature, Classification and Regulation of Circulation", Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy, 2022.
4. Kuzmenkov, M. Yu. "Collision Regulation of the Circulation of Digital Rights", Actual Problems of Russian Law, 2021.
5. Muradyan, S. V. "Digital Assets: Legal Regulation and Risk Assessment", Journal of Digital Technologies and Law, 2023.
6. Peretcholtin, A. P. "Genesis and Prospects of Development of Legal Regulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation", Journal of Digital Technologies and Law, 2023.
7. Smirnov, D. A., Pervyshov, E. A. "On the Concept of Digital Financial Assets in the Conditions of Modern Realities: Financial and Legal Aspects", Humanities and Legal Research, 2022.
8. Tetkin, M. "Mishustin Assessed the Amount in Cryptowallets of 10 Million Russians at 10 Trillion Rubles", RBC–Crypto, Available at: <https://www.rbc.ru/crypto/news/624ecf-b89a7947bef4183352> (дата обращения: 09.04.2024).
9. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 31, 2020 No. 259-FZ, Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_358753/ (дата обращения: 09.04.2024).
10. Bank of Russia Directive No. 6336-U of December 26, 2022 "On the Procedure for the Implementation by the Bank of Russia of the Powers provided for by Part 18 of Article 5 and Part 17 of Article 10 of the Federal Law dated July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice of Russia No. 72935 on 07.04.2023), Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_444822/ (дата обращения: 08.04.2024).

Влияние принципов налогового права на финансовую безопасность государства

Эдилев Магомед-Салех Асланович,

студент магистратуры, кафедра правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: Magomededilov@hotmail.com

Вопрос влияния принципов налогового права на финансовую безопасность государства остается актуальным и значимым в современном мире. Налоговая политика, опирающаяся на эти принципы и направленная на регулирование доходов государства и стимулирование экономического роста, играет ключевую роль в экономической системе страны. Принципы налогового права, такие как принцип законности, равенства налогоплательщиков и др., влияют на характер налогообложения, а также на поведение налогоплательщиков и инвесторов. Однако, несмотря на значимость принципов налогового права, вопрос их реального влияния на финансовую безопасность государства остается открытым и требует дальнейших исследований. Анализ взаимосвязи принципов налогового права и финансовой безопасности позволяет оценить состояние современной экономики и выявить потенциальные проблемы или уязвимости в налоговой системе. Неправильное применение принципов налогового права может привести к снижению инвестиционной активности, а также к ухудшению финансовой устойчивости государства. Следовательно, для обеспечения финансовой безопасности государства необходимо не только соблюдать принципы налогового права, но и проводить их эффективную реализацию в соответствии с конкретными экономическими и социальными условиями.

Ключевые слова: налоговое право, налоговая политика, финансовая безопасность, государство, экономическая устойчивость, налоговая безопасность.

Подробное рассмотрение принципов налогового права необходимо для обеспечения финансовой безопасности страны, а также для понимания сущности и роли налогообложения и налоговой политики. Налогообложение является одним из основных источников дохода любого государства. Налоговые и неналоговые доходы государства позволяют финансировать различные статьи затрат государства, такие как инфраструктура, социальное обеспечение и здравоохранение. Налоговая политика, основанная на принципах налогового права, позволяет не только стимулировать экономический рост, но и поддерживать финансовую стабильность государства.

Принципы налогового права представляют собой основополагающие нормативные установки, регулирующие социальное взаимодействие в рамках налогообложения¹.

Д.В. Винницкий в своей работе на тему налогового права вводит термин «идеи». Автор считает, что «идеи» (принципы) выполняют двойную функцию:

Во-первых, они выступают в качестве движущих сил внутренней эволюции налогового права, направляя его развитие и адаптацию к изменяющимся общественным и экономическим условиям.

Во-вторых, принципы служат инструментами для разрешения внутренних конфликтов и противоречий, которые могут возникнуть в сфере налогового права².

Аналогичным образом И.И. Кучеров характеризует принципы налогового права как стержневые руководящие идеи, направляющие налоговое регулирование и правоприменение³.

С другой стороны, Е.А. Лопатникова предлагает точку зрения, согласно которой принципы налогового права объективно определены и кодифицированы в правовых нормах. Также принципы рассматриваются как основополагающие начала, отражающие отличительные особенности их влияния на налоговые отношения⁴.

Несмотря на различия в терминологии и акцентах, вышеперечисленные точки зрения сходятся в признании принципов налогового права в каче-

¹ Ловчикова Юлия Владимировна. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-znachenie-printsipov-nalogovogo-prava> (дата обращения: 23.03.2024).

² Винницкий Д.В. Основные проблемы теории российского налогового права. Дисс.д.ю.н. Екатеринбург, 2003. С. 112.

³ Кучеров И.И. Налоговое право России: Курс лекций. М., 2006. С. 87.

⁴ Лопатникова Е.А. Реализация принципов налогового права / под ред. И.И. Кучерова. М., 2012. С. 31.

стве важнейших руководящих концепций, лежащих в основе разработки и применения налогового права. Они служат основополагающими столпами, на которых строятся налоговые системы, обеспечивая направление, согласованность и решение проблем, связанных со сложностями налогового регулирования и администрирования.

В зависимости от целей, которыми руководствуются при их разработке, принципы налогового права можно разделить на два основных типа: общие принципы, относящиеся к общей системе налогового права в целом, и специальные принципы, характерные для отдельных правовых институтов налогового права.

Кроме того, принципы различаются по степени официального признания в правовых документах. Так, например, конституционные принципы непосредственно закреплены в конституции страны. Например, в Российской Федерации принципы закреплены в ч. 3 ст. 75 Конституции¹.

Кроме того, принципы, кодифицированные в конкретных правовых документах, таких как Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ), обеспечивают дальнейшую детализацию и руководство для налогового администрирования и правоприменения. Данные кодифицированные принципы определяют конкретные процедуры и правила, которым необходимо следовать в вопросах, связанных с налогообложением, тем самым создавая более подробную основу для применения налогового законодательства.

Конституционные принципы налогового права, которые являются необходимыми для формирования правовой базы налогообложения представляют собой:

1. Принцип законности, обеспечивающий соответствие налоговых законов и нормативных актов конституции и другим применимым правовым нормам;
2. Принцип федерализма, признающий распределение налоговых полномочий между центральным правительством и региональными властями в рамках федеративного государства;
3. Принцип равенства граждан перед законом, обеспечивающий справедливое и беспристрастное отношение ко всем лицам в вопросах налогообложения;
4. Принцип гуманизма, подчеркивающий сострадание и заботу о благополучии людей при разработке и реализации налоговой политики;
5. Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, подчеркивающий защиту и поощрение основных прав в вопросах, связанных с налогообложением;
6. Принцип установления общих принципов налогообложения и сборов федеральным законом, подчеркивающий авторитет федерального за-

¹ Ловчикова Юлия Владимировна. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-znachenie-printsipov-nalogovogo-prava> (дата обращения: 23.03.2024).

конодательства в определении основополагающих принципов и структур налогообложения.

В дополнение к вышеперечисленным конституционным принципам Е.М. Ашмарина дополняет данную категорию другими принципами, в том числе:²

1. Принцип разделения властей, обеспечивающий четкое разграничение полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в налоговых вопросах;
2. Принцип плановости, подчеркивающий важность стратегического планирования и предвидения при разработке налоговой политики для достижения долгосрочных экономических целей;
3. Принцип защиты гарантий прав налогоплательщика, подчеркивающий важность обеспечения законных прав и интересов налогоплательщиков на протяжении всего процесса налогообложения.

Вышеупомянутые принципы налогового права служат основой для разработки эффективной налоговой политики, имеющей решающее значение для обеспечения финансовой безопасности государства. Финансовая безопасность – это не просто защита интересов государства, а приверженность и способность государственных институтов создавать механизмы для экономического развития и поддержания социально-политической стабильности в обществе³.

Термин «финансовая безопасность» представляет собой совокупность различных типов, среди которых важное значение имеет налоговая безопасность. Важным аспектом является то, что финансовая безопасность подразделяется на несколько видов, в том числе и налоговую безопасность. Компонентом налоговой безопасности является бюджетный мультипликатор, выполняющий роль катализатора, обеспечивающего прирост числа налогоплательщиков, тем самым прирост налоговой базы и количества налоговых поступлений⁴. Также сущность мультипликатора состоит в удвоении всех видов налоговых поступлений и носит инвестиционный характер.

Основными ключевыми элементами обеспечения налоговой безопасности, как составляющей финансовой безопасности, являются как соблюдение налогового законодательства, так и следование налоговой политики, базирующейся на принципах налогового права. Несоблюдение принципов налогового права, а также неуплата налогов

² Налоговое право: Учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Е.М. Ашариной. – Москва: КНОРУС, 2017. – 294 с.

³ Товкун Л.В. Особенности принципов налогового права и их виды // Проблемы законности. 2012. № 120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-printsipov-nalogovogo-prava-i-ih-vidy-1> (дата обращения: 23.03.2024).

⁴ Крохичева Галина Егоровна, Архипов Эдуард Леонидович, Зенцова Кристина Сергеевна, Новикова Екатерина Игоревна Финансовая безопасность в системе экономической безопасности // Kant. 2016. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-bezopasnost-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 23.03.2024).

воспринимается государством не только как нарушение собственных прав, но и как ущемление интересов других физических и юридических лиц в обществе. Следовательно, государство обладает как правом, так и обязанностью осуществлять меры по принудительному взысканию налоговых обязательств.

Развивающиеся страны сталкиваются с серьезными проблемами при создании эффективной налоговой политики. Одна из основных проблем связана с преобладанием сельскохозяйственных работ и малых неформальных предприятий в качестве основных источников занятости. В таких секторах работники часто получают нерегулярные и наличные денежные средства, что затрудняет эффективное применение современных методов налогообложения, таких как подоходный налог. Таким образом, достижение высокого уровня налогообложения становится практически недостижимым для правительств этих стран¹.

Второе препятствие связано с созданием надежных систем налогового администрирования. Без хорошо обученного и должным образом подготовленного персонала, а также при ограниченных финансовых ресурсах, необходимых для обеспечения конкурентоспособной заработной платы или инвестиций в технологическую инфраструктуру, создание эффективной налоговой службы становится сложной задачей. Кроме того, налогоплательщики в этих странах часто не имеют возможности вести подробный финансовый учет, что еще больше затрудняет сбор налогов².

Еще одна существенная проблема связана с неформальным характером экономики многих развивающихся стран, что затрудняет получение точных и надежных данных статистическими и налоговыми органами. Отсутствие достоверных статистических данных затрудняет налоговое планирование и разработку политики, подрывая эффективность налоговых систем.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, развивающиеся страны, как правило, придерживаются принципа законности налогового права, обеспечивая соответствие налогового регулирования правовым нормам и стандартам. Однако не все развивающиеся страны проводят налоговую политику в соответствии с политикой более развитых стран, таких как Российская Федерация. Существенное отличие – отсутствие крайне важных принципов налогового права, на которых основана налоговая политика России.

Налоговая политика Российской Федерации направлена на решение нескольких ключевых задач, отражающих экономические приоритеты, социальные потребности и бюджетную устойчивость страны. Характеристика налоговой политики РФ пред-

полагает понимание ее принципов, целей и ключевых особенностей³.

Налоговая политика РФ ориентирована на простоту и прозрачность процедур налогового администрирования и соблюдения налогового законодательства. Прилагаются усилия по оптимизации налоговых процессов, снижению бюрократизма и повышению ясности налогового законодательства для облегчения соблюдения налогоплательщиками налоговых требований.

Справедливость – основополагающий принцип налоговой политики РФ, направленный на справедливое распределение налогового бремени между физическими и юридическими лицами в зависимости от их платежеспособности. Для обеспечения справедливости налогообложения используются прогрессивные ставки подоходного налога, а также различные вычеты и льготы⁴.

Налоговая политика РФ включает в свою структуру положения, направленные на стимулирование экономического роста и инвестиций. Налоговые льготы, освобождения и преференциальные режимы применяются для стимулирования предпринимательства, инноваций и накопления капитала, создавая благоприятные условия для ведения бизнеса.

Эффективность действующей налоговой политики, проводимой Правительством Российской Федерации, играет важнейшую роль в стимулировании экономического роста. В последние годы эта политика сыграла важную роль в достижении целей национального развития, обеспечив стабильность в условиях внешнего санкционного давления.

В 2023 году налоговая политика продемонстрировала свою значимость, способствуя повышению устойчивости отечественной экономики. Поправки, внесенные в законодательство в 2022 году, были направлены на предоставление мер поддержки гражданам и малому и среднему бизнесу, содействие скорейшему возврату средств в экономику и активное администрирование. В перспективе до 2025 года приоритетом налоговой политики остается создание благоприятных условий для экономического роста при минимизации сбоев в развитии потенциала Российской Федерации. Усилия сосредоточены на улучшение качества администрирования, а также на снижение бремени налогоплательщиков. В рамках реформы налогового администрирования Федеральная налоговая служба (ФНС России) реализует инициативы по упрощению налоговых процедур, клиентоориентированному подходу, расширению бесконтактного взаимодействия с налогоплательщиками и созданию комфортных условий для уплаты на-

³ Доштаева Е.Д. Налоговая политика РФ // Вестник ИКИАТ. 2024. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-rf> (дата обращения: 23.03.2024).

⁴ Глоян Р.Р., Мартиросян А.А., Кусиди А.Н. Реализация принципа справедливости в российском налоговом праве // Управление и экономика в XXI веке. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-spravedlivosti-v-rossijskom-nalogovom-prave> (дата обращения: 23.03.2024).

¹ Агирбова, А.А. Налоговая система как правовая категория и институт финансовой системы государства [Текст] // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 15. С. 565–569.

² Бочарова, О.Ф., Волошина, Е.Ю. Налоги как инструмент инновационного развития [Текст] // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 5 (13). С. 69–70.

логов. Эти реформы направлены на оптимизацию процессов, повышение качества работы с налогоплательщиками и обеспечение более полного соблюдения налогового законодательства¹.

Согласовывая налоговую политику с целями экономического роста и проводя реформы по совершенствованию налогового администрирования, Правительство Российской Федерации стремится создать благоприятные условия для устойчивого экономического развития. Эффективная налоговая политика не только поддерживает предпринимателей и физических лиц, но и способствует повышению устойчивости и процветанию российской экономики перед лицом внешних вызовов. Таким образом, по данным Росстата ВВП за 2022 год составил 155 триллионов 350,4 миллиарда рублей, индекс физического объема по отношению к 2021 году – 98,8%, индекс-дефлятор – 115,8%. При этом ВВП за 2021 год составил 135 триллионов 773,8 миллиарда рублей.

В 2023 году ВВП России заметно увеличился на 3,6%, что стало самым высоким показателем роста с 2021 года. Примечательно, что в 2021 году ВВП значительно вырос на 5,9% на фоне антиинфляционных мер, введенных в ответ на экономические проблемы 2020 года.

По прогнозам «Тинькофф Журнал», в 2024 году ВВП России продолжит расти, хотя и более медленными темпами по сравнению с 2023 годом. Несмотря на то, что темпы роста не определены, статистические данные указывают на дальнейшее развитие и экономический рост страны.

Экономический рост способствует увеличению налоговой базы и налоговых поступлений путем увеличения национального дохода, который предполагает высокий уровень производства, потребления и инвестиций (ПИИ в том числе). Рост налоговых поступлений в бюджет позволяет обеспечить выполнение расходных обязательств, а также укрепляются финансовые ресурсы государства и повышается финансовая безопасность².

Устойчивый экономический рост государства характеризуется эффективностью и инвестиционной привлекательностью деловой среды, создавая благоприятные условия как для предпринимателей, так и для инвесторов. Стабильная экономика способствует притоку внутренних и иностранных инвестиций, которые способствуют финансовой безопасности государства, стимулируя снижение уровня инфляции путем создания новых рабочих мест, повышая производительность труда, а также диверсифицируя экономику. Кроме того, стабильная экономическая среда страны способствует повышению доверия к финансовой системе государства, а также ее кредитоспособности.

¹ Доштаева Е. Д. Налоговая политика РФ // Вестник ИКИАТ. 2024. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-rf> (дата обращения: 23.03.2024).

² Савченко Ирина Петровна НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РФ // Современные технологии управления. 2015. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-ustoychivogo-ekonomicheskogo-rosta-rf> (дата обращения: 23.03.2024).

Уровень государственного долга и обслуживание долговых обязательств напрямую зависит от экономического роста, поскольку эффективная экономика генерирует высокие налоговые поступления, одновременно снижая бремя долга в процентном соотношении от ВВП, что позволяет государству поддерживать фискальную дисциплину и управлять государственным долгом. При этом устойчивый уровень государственного долга позволяет поддерживать финансовую безопасность государства, минимизируя уязвимость к экономическим и политическим факторам, снижая зависимость от внешних источников финансирования дефицита бюджета.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что налоговая политика Российской Федерации является эффективной, что подтверждают статистические данные. Придерживаясь принципов налогового права, налоговая политика РФ создает основу справедливости, равенства и прозрачности налогообложения, стимулируя приток денежных средств и поддержание экономического роста.

Принципы налогового права являются не только основой налоговой политики РФ, но и лежат в основе финансовой устойчивости и безопасности всей финансовой системы государства. Соблюдение принципов позволяет не только повышать эффективность функционирования институтов экономики, но и преодолевать внешние и внутренние угрозы.

В заключение следует отметить, что взаимосвязь налоговой политики государства и принципов налогового права является важным условием для поддержания финансовой безопасности и увеличению экономического роста. Придерживаясь этих принципов, государство укрепляет доверие к налоговой системе, способствует экономическому процветанию и укрепляет финансовую безопасность в интересах всех заинтересованных сторон.

Литература

1. Агирбова, А.А. Налоговая система как правовая категория и институт финансовой системы государства [Текст] // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 15. С. 565–569.
2. Бочарова, О.Ф., Волошина, Е.Ю. Налоги как инструмент инновационного развития [Текст] // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 5 (13). С. 69–70.
3. Винницкий Д.В. Основные проблемы теории российского налогового права. Дисс.д.ю.н. Екатеринбург, 2003. С. 112.
4. Кучеров И.И. Налоговое право России: Курс лекций. М., 2006. С. 87.
5. Лопатникова Е.А. Реализация принципов налогового права / под ред. И.И. Кучерова. М., 2012. С. 31.
6. Налоговое право: Учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Е.М. Ашмариной. – Москва: КНОРУС, 2017. – 294 с.

7. Глоян Р.Р., Мартиросян А.А., Кусиди А.Н. Реализация принципа справедливости в российском налоговом праве // Управление и экономика в XXI веке. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-spravedlivosti-v-rossiyskom-nalogovom-prave> (дата обращения: 23.03.2024).
8. Доштаева Е.Д. Налоговая политика РФ // Вестник ИКИАТ. 2024. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-rf> (дата обращения: 23.03.2024).
9. Крохичева Галина Егоровна, Архипов Эдуард Леонидович, Зенцова Кристина Сергеевна, Новикова Екатерина Игоревна Финансовая безопасность в системе экономической безопасности // Kant. 2016. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-bezopasnost-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 23.03.2024).
10. Ловчикова Юлия Владимировна. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-znachenie-printsipov-nalogovogo-prava> (дата обращения: 23.03.2024).
11. Савченко Ирина Петровна. Направления устойчивого экономического роста РФ // Современные технологии управления. 2015. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-ustoychivogo-ekonomicheskogo-rosta-rf> (дата обращения: 23.03.2024).
12. Товкун Л.В. Особенности принципов налогового права и их виды // Проблемы законности. 2012. № 120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-printsipov-nalogovogo-prava-i-ih-vidy-1> (дата обращения: 23.03.2024).

IMPACT OF TAX LAW PRINCIPLES ON THE FINANCIAL SECURITY OF THE STATE

Edilov M.-S.A.

Lomonosov Moscow State University

The issue of the influence of the principles of tax law on the financial security of the state remains relevant and significant in the modern world. Tax policy based on these principles and aimed at regulating state revenues and stimulating economic growth plays a key role in the country's economic system. The principles of tax law, such as the principle of legality, equality of taxpayers, etc., affect the nature of taxation, as well as the behavior of taxpayers and investors. How-

ever, despite the importance of the principles of tax law, the question of their real impact on the financial security of the state remains open and requires further research. The analysis of the relationship between the principles of tax law and financial security makes it possible to assess the state of the modern economy and identify potential problems or vulnerabilities in the tax system. Improper application of the principles of tax law can lead to a decrease in investment activity, as well as to a deterioration in the financial stability of the state. Therefore, in order to ensure the financial security of the state, it is necessary not only to comply with the principles of tax law, but also to carry out their effective implementation in accordance with specific economic and social conditions.

Keywords: tax law, tax policy, financial security, state, economic sustainability, tax security.

References

1. Agirbova, A.A. The tax system as a legal category and the institution of the financial system of the state [Text] // Alley of Science. 2017. Vol. 2. No. 15. pp. 565–569.
2. Bocharova, O.F., Voloshina, E. Yu. Taxes as an instrument of innovative development [Text] // Modern scientific research and development. 2017. No. 5 (13). pp. 69–70.
3. Vinnitskiy D.V. The main problems of the theory of Russian tax law. Diss. D.yu.n. Yekaterinburg, 2003. p. 112.
4. Kucherov I.I. Tax law of Russia: Course of lectures. M., 2006. p. 87.
5. Lopatnikova E.A. Implementation of the principles of tax law / edited by I.I. Kucherov. M., 2012. p. 31.
6. Tax law: A textbook / collective of authors; edited by E.M. Ashmarina. – Moscow: KNORUS, 2017. – 294 p.
7. Gloyan R.R., Martirosyan A.A., Kusidi A.N. Implementation of the principle of justice in Russian tax law // Management and economics in the XXI century. 2015. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-spravedlivosti-v-rossiyskom-nalogovom-prave> (date of application: 03/23/2024).
8. Doshtaeva E.D. Tax policy of the Russian Federation // Bulletin of IKIAT. 2024. No.2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-rf> (date of application: 03/23/2024).
9. Kroklicheva Galina Egorovna, Arkhipov Eduard Leonidovich, Zentsova Kristina Sergeevna, Novikova Ekaterina Igorevna Financial security in the economic security system // Kant. 2016. No.3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-bezopasnost-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (date of application: 03/23/2024).
10. Lovchikova Yulia Vladimirovna. Constitutional and legal significance of the principles of tax law // Issues of Russian justice. 2023. No.26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-znachenie-printsipov-nalogovogo-prava> (date of reference: 03/23/2024).
11. Savchenko Irina Petrovna. Directions of sustainable economic growth of the Russian Federation // Modern management technologies. 2015. No.4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-ustoychivogo-ekonomicheskogo-rosta-rf> (date of application: 03/23/2024).
12. Tovkun L.V. Features of the principles of tax law and their types // Problems of legality. 2012. No.120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-printsipov-nalogovogo-prava-i-ih-vidy-1> (date of application: 03/23/2024).

Определение правовой природы договора финансовой аренды (лизинга) в условиях развития процесса цифровизации в гражданском законодательстве

Авяев Баир Александрович,

студент Саратовской государственной юридической академии
E-mail: 89374689605z@gmail.com

В статье рассматривается юридическая природа договора финансовой аренды (лизинга) и современные тенденции развития данного вида договора. Автор анализирует основные правовые аспекты финансовой аренды, включая ее особенности, права и обязанности сторон, а также возможные спорные моменты. Статья исследует юридическую природу договора финансовой аренды (лизинга) и современные тенденции в данной области. Авторы анализируют ключевые юридические аспекты договора финансовой аренды, включая правовой статус сторон, обязанности и ответственность каждой из них, а также особенности заключения, изменения и расторжения таких договоров. Особое внимание уделяется актуальным изменениям в законодательстве и практике применения договоров финансовой аренды, которые существенно влияют на правовой статус и защиту интересов участников данного вида сделки. В итоге статья представляет современное понимание юридической природы договора финансовой аренды и рекомендации по его использованию в условиях современной экономики.

Ключевые слова: финансовая аренда, лизинг, юридическая природа, современные тенденции, правовые аспекты, спорные моменты, стороны договора.

Заключение договора финансовой аренды, известного также как лизинг, опирается на специфические правовые основания, учитывая его многоаспектность. В рамках такой сделки арендодатель предоставляет получателю (лизингополучателю) определенное имущество для временного пользования в коммерческих целях. Однако, отличительной особенностью является то, что, со временем, получатель данного имущества имеет возможность его приобретения. Современные динамические течения в области лизинга отображают эволюцию этого финансового инструмента, который становится все более гибким и вариативным. Это направлено на удовлетворение возрастающих потребностей рынка, а также запросов лизинговых участников. Появление новых форм лизинга, наподобие обратного и операционного, а также внедрения инновационных технологических решений, например, внедрение цифровых платформ для управления договорами, способствует росту его популярности. Кроме того, стоит отметить законодательные инициативы в сфере лизинга, которые направлены на усиление правовой защищенности и прозрачности таких сделок, упрощение налогового регулирования и уменьшение административных барьеров для участников лизингового рынка. Итак, юридическая природа договора финансовой аренды представляет собой сложное сочетание права собственности, обязательственных и финансовых отношений, которое в текущее время претерпевает постоянные преобразования, управляемые как рыночными тенденциями, так и законодательной регуляцией.

В российском национальном праве не так давно стали популярны особые соглашения о временной передаче имущества, носящие наименование лизинговых договоров, давно утвердившиеся в международной практике. Становление и юридическое обоснование лизинговых связей стали очевидными первыми шагами для России, несмотря на относительно скорое появление и ограниченную распространенность таких отношений в стране, что дало путеводительство к разработке концепции финансовой аренды. Активность в экономической среде требовала введения правового регулирования отношений лизинга, и предсказуемо это нашло отражение в законодательстве. Необходимо отметить, что стремительный прогресс лизинга в бизнес-среде обуславливается его выгодностью для экономики, а также поддержкой государства, видящего в лизинге инструмент для подстегивания научных и технологических инноваций и общего экономического роста.

В течение последних декад замечена тенденция создания благоприятных условий для лизинговых отношений в странах с развитой экономикой, которые стимулируются налоговыми скидками и амортизационными преимуществами. Развиваются лизинговые компании, оказывающиеся выгодными для поставщиков – получение экстра-каналов реализации продукции и её маркетинг – и для пользователей, которым предлагается некий аналог кредитования. В России лизинг является новшеством гражданского направления права, отсутствием устоявшихся нормативов или практики в его регламентации – факт, находящий отражение в ограниченном числе соответствующих исков, поступающих в судебные инстанции арбитражного профиля. Вероятно, впредь данный вид правовых взаимоотношений приобретёт большую популярность. Посему, формирование нормативно-правовой базы для этого сектора приобретает ключевое значение не только для практики применения законов, но и для правоповедения гражданской сферы [1].

Краеугольным камнем в структуре лизинговых связей служит договор, называемый финансовой арендой; он задаёт, а также может модифицировать либо аннулировать различные права и задачи участников, занятых в операциях с лизингом.

Согласно российскому гражданскому законодательству, лизинговая сделка представляет собой вид договора, при котором лицо, выступающее в роли арендодателя, совершает покупку имущества, выбранного арендатором (лицом, получающим лизинг), у продавца, также определенного последним, с целью дальнейшей передачи этого имущества арендатору для временного владения и пользования, чему дано подтверждение в 665-й статье Гражданского кодекса РФ. В дополнение, Федеральный закон о лизинге (ст. 2) расширяет определение, допуская возможность, что по договору лизинга выбор имущества и продавца может осуществлять сам лизингодатель [2].

В соответствии с законодательством, финансовая аренда (лизинг) определяется как особый вид договорных обязательств, связанных с арендой. Однако среди юридических специалистов имеется и другая перспектива, утверждающая, что договор лизинга представляет собой независимый тип договорных связей, который не следует классифицировать как подкатегорию арендного соглашения.

Сфера финансовой аренды (лизинга) характеризуется различными направлениями развития. Возможно, лизинг утвердится как автономная форма договора аренды или может обрести статус независимого института в гражданском праве, что примет на себя название института финансовой аренды. Такой институт будет подпадать под действие специфических разделов Гражданского кодекса.

Основу для прогрессирования лизинга на российском рынке составляет постоянный экономический подъем, сопровождающийся макроэкономической устойчивостью. В то же время, интерес банков к субъектам реального сектора экономической деятельности усиливается, в результате чего на-

блюдается устойчивый рост их инвестиций в производственную сферу, многие эксперты сходятся во мнении о перспективе их дальнейшего увеличения. Кроме того, наблюдается повышение внимания банковских структур к возможностям в области лизинга.

Таким образом, при выявлении направлений прогресса необходимо принимать во внимание инновационный аспект работы корпоративных структур во множестве экономических областей. Изучение этих тенденций неразрывно связано с потребностью в авангардных высокотехнологичных установках, обладающих значительной стоимостной оценкой.

Процесс инновации означает серию преобразований: начиная с научных знаний, идей, открытий и изобретений, он приводит к созданию коммерчески эффективного нового продукта либо усовершенствованной технологии.

Развитие лизинга может идти по двум направлениям: инновационному и поддерживающему. Выбор траектории зависит от уровня техники, предоставляемой в лизинг, и её воздействия на усиление конкурентных позиций компании и качества её продукции.

Инновационная модель развития основывается на использовании финансовой аренды, открывающей доступ к полному потенциалу организации. Этот подход, в свою очередь, способствует созданию устойчивых конкурентных преимуществ компании, позволяя ей долгосрочно утверждаться на рынке [3].

Суть поддерживающего пути связана с использованием финансовой аренды в рамках осуществления текущей деятельности компании и ведётся она в соответствии с привычными для развития бизнеса принципами.

В перспективе предстоит четко определить ключевые аспекты использования финансовой аренды, которые, в свою очередь, дадут возможность выявить обещающие секторы для развития указанного вида аренды на территории нашего государства, при этом особое внимание уделяется стратегии наращивания долговременной конкурентоспособности на международной арене.

– Применение финансовой аренды, действующей в качестве дополнения к различным инструментам мобилизации денежных активов;

При модернизации сложных устройств, введение финансирования аренды выступает ключевым аспектом.

– использование финансовой аренды служит одним из способов мобилизации капитала, что обычно является актуальным для предприятий малого и среднего бизнеса;

С целью повышения стандартов качества нашей продукции потребуются внедрение передовых финансовых моделей арендных отношений в виде лизинга на заключительных этапах производственного процесса [4].

Дополнительно следует осветить ряд негативных факторов, влияющих на прогресс лизингового сектора в России. Для начала, проблемы с кредито-

нием имеют место быть из-за его крайних ограничений, причем улучшения ожидаются от общего укрепления экономики страны и более целенаправленного развития финансово-банковской сферы. Также, процесс становления лизинговых компаний тормозится недоступностью к обширным и экономически выгодным инвестиционным ресурсам, что требует создания эффективной системы для распределения рисков лизинговой деятельности и заключения «бэк-ап» соглашений. Еще одним камнем преткновения является сложность в возвращении оборудования от лизингополучателей при нарушении условий договора, что связано с неуверенностью лизингодателей в эффективной защите своих прав в суде. Наконец, третье замечание касается узости рынка лизинга оборудования, ограниченной недостаточной развитостью вторичных рынков такого [5].

Принимая во внимание как благоприятные, так и противоположные условия для прогресса лизинга, следует осознавать важность его развития и поощрения технологической модернизации каждой сферы хозяйственной деятельности в России в рамках усиления её конкурентных позиций на международной арене в условиях глобализации. Важным аспектом является то, что технологическое развитие ведет к изменению приоритетов в укреплении конкурентоспособности организаций на как национальном, так и мировом уровне. Следовательно, при формировании стратегии комплексного повышения конкурентоспособности страны на перспективу важно принять в расчет новые факторы. А вследствие этого возникает потребность в привлечении финансовых ресурсов в отрасли экономики с использованием гибких механизмов рынка, среди которых финансовая аренда (лизинг) выступает как перспективный, но недостаточно используемый на данный момент, инструмент в российской экономической системе [6].

На данный момент в Российской Федерации сформированы надлежащая правовая основа и предпосылки экономического характера, способствующие развитию отношений в сфере лизинга. Возможность занять лизингу заслуженное положение в экономических секторах России существует, хотя и присутствует ряд проблематичных моментов, среди которых ключевым является недостаток стабильности в экономической обстановке страны.

В сфере договоров лизинга применим целый спектр нормативно-правовых актов. Фундаментом служит Конституция РФ, задающая основные тренды в правовом упорядочении. Конкретизацией занимаются такие документы, как Гражданский кодекс РФ и специализированный Федеральный закон, носящий название «О финансовой аренде (лизинге)». Кроме того, на основании данных законов, федеральные исполнительные органы вместе с Президентом Российской Федерации обладают полномочиями для выпуска нормативных актов с целью уточнения регулирования отношений, связанных с лизингом.

Причины активного распространения лизинга среди агентов экономической активности кроются в его преимуществах по сравнению с другими до-

говорными практиками, а также в усиленной государственной поддержке. В свою очередь, государство видит в лизинге выгодный инструмент, стимулирующий научно-техническое развитие и инновационное обновление отечественной экономики.

Таким образом, не вызывает удивления тот факт, что для предприятий промышленной и финансовой сфер финансовая аренда выступает в качестве экономически обоснованного и выгодного способа аренды имущества. Причиной служат возможности повышения доходности, покрытия затрат на эксплуатацию активов и реализации их потенциала на полную мощь.

Таким образом, учитывая активную поддержку государства в области финансовой аренды, лизинг обладает всеми перспективами занять значительное место в экономических отношениях. Ввиду его эластичности, он становится обещающим инструментом для привлечения инвестиций, что в свою очередь содействует поднятию уровня национального производства, наполнению капиталом важнейших сфер экономики, а также предоставляет реальную поддержку малому предпринимательству, способствуя общему экономическому росту.

Совершение сделок лизингового характера представляет собой ключевой элемент экономической и бизнес-действенности, открывающий для компаний и учреждений пути к обладанию важнейшим оборудованием, механизмами и прочими важными ресурсами без обязательности их непосредственной покупки. Нормативное урегулирование в сфере лизинга нацелено на поддержку законодательных рамок, охрану прав и интересов всех участников и способствует улучшению климата для инвестиций.

Основные аспекты правового регулирования лизинга затрагивают определение полномочий и ответственности участников лизингового соглашения. Нормативные акты устанавливают критерии и процедуры для создания, реализации и аннулирования таких договоров, выделяя при этом задачи как лизингодателя, так и лизингополучателя.

Защита прав собственности на объекты, предметы лизинговых сделок, выступает ключевым аспектом в законодательной регулировке подобных операций. В рамках законодательства предусмотрены специфические механизмы, позволяющие зарегистрировать права владения для лизингодателя, кроме того, оно включает набор правовых инструментов, предназначенных для защиты этих прав в случае возникновения конфликтных ситуаций или претензий со стороны третьих лиц.

Кроме того, нельзя игнорировать регулирование финансовой стороны лизинга, что включает проработку механизмов установления размеров арендных платежей, предусматривает утверждение процедур, касающихся финансирования операций лизинга, и обрисовывает архитектуру ответственности участников вследствие невыполнения финансовых обязательств.

В дополнение к этому, регламентация в области лизинга включает в себя вопросы, затрагива-

ющие налогообложение операций типа лизинга, процесс страхования лизинговых активов, а также механизмы разрешения конфликтов и несогласий, возникших меж сторонами соглашения. Подобным образом, законодательная настройка процедур лизинга имеет цель способствовать устойчивости и прозрачности в соответствующей сфере, оберегать права и интересы участников сделок, а также оказывать поддержку в увеличении объемов инвестиционных начинаний.

Служа ключевым элементом в механизме современной экономической системы, лизинговые операции обеспечивают компаниям и различным учреждениям возможность доступа к необходимым активам, исключая при этом нужду в крупных финансовых издержках. Правовая структура лизинга строится на основе законодательства и нормативных документов, задающих контуры прав и ответственности участников, регламентирующих процессы заключения и выполнения контрактов, а равно устанавливающих процедуры урегулирования спорных моментов.

Осуществление защиты интересов как лизингодателя, так и лизингополучателя выступает краеугольным элементом в системе правового регулирования лизинговой деятельности. Чтобы обеспечить урегулирование спорных вопросов и конфликтов, возникающих в ходе лизинговых операций, законодательство регламентирует определенные правила, включая механизмы защиты прав сторон в обстановке нарушений условий проведенных договоренностей.

Дополнительно, в процессе юридического урегулирования устанавливаются нормы, касающиеся финансовой поддержки операций лизинга. К ним относится выработка критериев и условий, на которых предоставляется финансирование лизинга, определение объема платежей по аренде и гарантирование финансовой устойчивости, а также высокого уровня доверительности компаний, предоставляющих лизинг.

Важность налогообложения лизинговых операций не подлежит сомнению. Установленные законодательством налоговые ставки и процедуры, обязательные к уплате налогам обеими сторонами – лизингодателями и лизингополучателями, включают в себя не только основные аспекты, но и предусматривают налоговые льготы. Такие меры предназначены для активизации роста и прогресса в сфере лизингового бизнеса.

Следовательно, регулирование правового характера в отношении лизинговых операций занимает центральное место для поддержания устойчивости и прогресса на рынке лизинга, а также для защиты прав сторон сделки и гарантии законности в рамках данной области.

Литература

1. Шабашев В.А. Лизинг: основы теории и практики: учебное пособие / В.А. Шабашев, Е.А. Федулова, А.В. Кошкин; под ред. проф. Г.П. Под-

шиваленко. – 2-е изд. – М.: КНОРУС, 2020. – 184 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) (с изм. и доп. от 9 марта 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2003 г., № 52 (часть I), ст. 5034.
3. «Лизинг», Т.Г. Филоsofova – профессор, доктор экономических наук, ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»// Москва 2021, N 5.
4. Филоsofova Т.Г. На пути в мировое хозяйство: инновации, инвестиции, конкурентоспособность. – М.: Научная книга, 2021.
5. Expert / Тенденции развития лизинга России [Электронный ресурс] URL: https://raexpert.ru/researches/leasing/1h_2023: (дата обращения 01.04.2024)
6. Газман В.Д. Преодоление стереотипов в лизинге // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 136–151.

DETERMINATION OF THE LEGAL NATURE OF A FINANCIAL LEASE (LEASING) AGREEMENT IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITALIZATION PROCESS IN CIVIL LEGISLATION

Avyayev B.A.

Saratov State Law Academy

The article examines the legal nature of a financial lease agreement and current trends in the development of this type of agreement. The author analyzes the main legal aspects of a financial lease, including its features, the rights and obligations of the parties, as well as possible controversial issues.

The article explores the legal nature of the financial lease agreement and current trends in this area. The authors analyze the key legal aspects of a financial lease agreement, including the legal status of the parties, the duties and responsibilities of each of them, as well as the specifics of concluding, amending and terminating such agreements. Particular attention is paid to current changes in legislation and practice of financial lease agreements, which significantly affect the legal status and protection of the interests of participants in this type of transaction. As a result, the article presents a modern understanding of the legal nature of the financial lease agreement and recommendations for its use in the modern economy.

Keywords: financial lease, leasing, legal nature, current trends, legal aspects, controversial issues, parties to the contract.

References

1. Shabashev V.A. Leasing: fundamentals of theory and practice: a textbook/ V.A. Shabashev, E.A. Fedulova, A.V. Koshkin; edited by Prof. G.P. Podshivalenko. – 2nd ed. – М.: KNORUS, 2020. – 184 p.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Parts one, two, three and four) (with amendments and additions dated March 9, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated December 29, 2003, No. 52 (part I), Article 5034.
3. Leasing, T.G. Filosofova – Professor, Doctor of Economics, Federal State Educational Institution of Higher Education “National Research University “Higher School of Economics”// Moscow 2021, N 5.
4. Filosofova T.G. On the way to the world economy: innovations, investments, competitiveness. – М.: Scientific book, 2021.
5. Expert / Tendencies of leasing development in Russia [Electronic resource] URL: https://raexpert.ru/researches/leasing/1h_2023: (date of reference 01.04.2024)
6. Gazman V.D. Overcoming stereotypes in leasing // Questions of economics. 2022. No. 2. pp. 136–151.

Особенности возмещения ущерба сотрудникам в связи с невыплатой заработной платы: анализ правоприменительной практики

Винярский Александр Юрьевич,

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: avin_sledkom@mail.ru

Конституционно закреплены права каждого человека на получение денежного вознаграждения за осуществление трудовой деятельности, определены основы социального обеспечения граждан в связи с временной нетрудоспособностью, потерей кормильца, инвалидностью, рождением и воспитанием детей. Тем не менее, актуальной проблемой остаётся несвоевременная либо неполная выплата заработной платы сотрудникам, что приводит к общественной напряженности и протестам. Компания-работодатель несёт административную, материальную, дисциплинарную и уголовную ответственность за совершение действий либо бездействия при невыплате заработной платы, положенной согласно заключенному трудовому договору. В данном случае объектом исследования и анализа выступают общественные отношения, которые обеспечивают конституционное право людей на осуществление трудовой деятельности за вознаграждение, а предметом – объекты материального мира, включая зарплату, пенсию, социальные пособия и компенсации, а также возмещение материального ущерба в связи с тем, что компания-работодатель нарушила основы развития трудовых взаимоотношений с сотрудником, исходя из трудового договора. В статье обозначена актуальность выбранной темы для исследования, нарушения условий трудовых взаимоотношений, наиболее распространёнными из них являются несвоевременная выплата или невыплата заработной платы (длительностью более двух месяцев); увольнение сотрудника, сопровождавшееся невыплатой полученной заработной платы и расчёта; увольнение работника, противоречащее трудовому законодательству. Представлены случаи из ТК РФ, в соответствии с чем компания-работодатель обязана возместить сотруднику материальный ущерб, рассмотрены примеры из правоприменительной практики, затрагивающие вопрос возмещения ущерба сотрудникам в связи с невыплатой заработной платы, отражены виды ответственности компании-работодателя в связи с нарушением условий, обозначенных в трудовом договоре. Было отмечено, что с учётом того, что сотрудник имеет право на получение своевременной оплаты труда в полном объёме, необходимо на практике реализовать направления совершенствования нормативно-правового механизма обеспечения указанного права, внести соответствующие изменения в содержание действующих норм трудового законодательства.

Ключевые слова: невыплата заработной платы, материальный ущерб, правоприменительная практика, компания-работодатель и сотрудник, трудовой договор, трудовые взаимоотношения, нарушения условий трудового договора.

Введение

Согласно ст. 37 Конституции РФ [1] у каждого человека существуют основные права при осуществлении трудовой деятельности. В РФ соблюдение трудовых прав строго контролируется со стороны государства. При несоблюдении норм ТК РФ [2] виновные лица привлекаются к ответственности, предусмотренной действующим законодательством. Могут использоваться различные меры привлечения к ответственности. Весьма актуальным вопросом в настоящее время является то, какую ответственность должен понести нарушивший действующее трудовое законодательство руководитель, а также какие нарушения допускает коммерческая организация-работодатель в условиях существования трудового договора с сотрудником. Данному вопросу посвящено предлагаемое в статье исследование.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь, необходимо отметить, что достаточно распространённой практикой выступает допущение организацией-работодателем нарушений условий, обозначенных в трудовом договоре. Можно встретить многообразие подобных нарушений, однако, как правило, наиболее актуальными в современных условиях являются такие, как:

1. Несвоевременная выплата или невыплата заработной платы (длительностью более двух месяцев);
2. Грубое нарушение работодателем условий, обозначенных в трудовом договоре;
3. Привлечение сотрудников к работе, которую необходимо выполнить сверхурочно;
4. Непредоставление сотруднику положенного оплачиваемого отпуска в соответствии с условиями, обозначенными в ТК РФ и соответственно в трудовом договоре;
5. Увольнение сотрудника работодателем без существенной причины;
6. Наложение на сотрудников дисциплинарных взысканий в связи с тем, что они отказываются осуществлять работу, которая не обозначена в содержании трудового договора;
7. Рабочий день сотрудника не нормирован;
8. Производственно-бытовые условия трудовой деятельности нарушены;
9. Обязательства работодателем по предоставлению компенсаций и социальных гарантий не соблюдены.

В рамках отечественного трудового законодательства выявлены виды ответственности сотруд-

ников и компаний-работодателей, если условия, обозначенные в трудовом договоре, будут нарушены. В соответствии со ст. 419 ТК РФ можно отметить, что виновные лица, которые своими действиями нарушили действующие нормы трудового законодательства, других правовых актов, которые затрагивают нормы труда. Компании-работодатели привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности согласно порядку, отраженному в ТК РФ и не противоречащему федеральному законодательству, административной, гражданской и уголовной ответственности. Следовательно, целесообразно предусматривать разновидности ответственности компании-работодателя, что обусловлено содержанием нарушения, степенью тяжести правовых последствий, прочих наставших обстоятельств.

Наиболее распространёнными из вышеперечисленных условий выступают нарушения:

1. Несвоевременная выплата или невыплата заработной платы (длительностью более двух месяцев);
2. Увольнение сотрудника, сопровождавшееся невыплатой полученной заработной платы и расчёта;
3. Увольнение работника, противоречащее трудовому законодательству [3, с. 149].

Если выплата заработной платы работнику была задержана либо не выплачена, то компания-работодатель может быть привлечена к материальной ответственности, что регулируется ст. 236 ТК РФ, уголовной ответственности в рамках ст. 145 УК РФ [4], административной ответственности в соответствии со ст. 5 КоАП РФ [5].

Следовательно, в первую очередь, нормы действующего законодательства определяют обязанности компании-работодателя при невыплате заработной платы, в частности, к ним относится возмещение ущерба сотрудникам, которые не получили вовремя оплату труда, иначе говоря, работодатель причинил данный ущерб в связи с нарушениями условий, обозначенных в содержании трудового договора. При этом возмещается невыплаченная зарплата в полном объёме, а также оплата труда во всех возможных случаях принуждения работника к труду, что противоречит существующему трудовому законодательству.

В ст. 234 ТК РФ приведены случаи, когда компания-работодатель должна возместить сотруднику ущерб. Например, к таким случаям относятся следующие ситуации:

1. Отстранение сотрудника от выполнения работы, противоречащее существующему трудовому законодательству;
2. Незаконное увольнение сотрудника;
3. Перевод на другое рабочее место;
4. Компания-работодатель отказалась выполнить либо исполнила несвоевременно решение о восстановлении сотрудника на занимаемом рабочем месте, вынесенное инспектором трудовой инспекции либо органом государственной власти, деятельность которого связана с регулированием трудовых конфликтов и споров;

5. Задержка выдачи сотруднику трудовой книжки компанией-работодателем;

6. Предоставление недостоверных данных о трудовой деятельности сотрудника согласно ст. 66 ТК РФ;

7. Внесение в трудовое дело (или в трудовую книжку) неправильных информационных сведений;

8. Внесение в трудовое дело (или в трудовую книжку) трактовок причин увольнения сотрудника, которые не соответствуют существующему трудовому законодательству.

Наиболее интересным случаем из правоприменительной практики является противоречащее законодательным нормам увольнение сотрудника с невыплатой ему положенной заработной платы и компенсации по причине временной нетрудоспособности. Теперь рассмотрим пример подобного судебного разбирательства.

Истец М. Беляков предъявил требования ООО «ДОСААФ» (ответчиком выступало Региональное отделение ООО «ДОСААФ РФ» по Республике Дагестан) о признании совершенного работодателем увольнения незаконным, выплате положенной по законодательству заработной платы, восстановлении на занимаемой ранее должности, а также возмещении понесенного ущерба. При этом сторона ответчика не признала выдвинутых исковых требований.

В процессе судебного разбирательства выяснилось, что в момент незаконного увольнения истца он был временно нетрудоспособным, соответственно работодатель также обязан выплатить положенную компенсацию, чего сделано не было. Однако к делу был приложен приказ об увольнении М. Белякова, предоставленный ответчиком, в соответствии с которым увольнение было мотивировано осуществлением истцом виновных действий, которые привели к недостатке имущества организации, обнаружившейся в ходе проводимой инвентаризации активов. По мнению истца, действия, осуществленные организацией-работодателем в целях его увольнения, можно считать явлением трудовой дискриминации, работодатель злоупотребил имеющимися у него правами, поскольку в мае 2020 года М. Беляков обратился к участковому врачу с подозрением на наличие у него коронавирусной инфекции. Доказательством этого служит предоставленный истцом документ о временной нетрудоспособности.

Исследование материалов судебного дела включало принятие во внимание точки зрения помощника прокурора, заключение которого по данному разбирательству было представлено суду. В этом акте было обозначено, что исковые требования целесообразно удовлетворить по причине установленных нарушений, совершенных работодателем, в частности, совершенной процедуры незаконного увольнения, невыплаты М. Белякову положенной заработной платы, компенсации по причине временной нетрудоспособности истца. Трудовой договор с ним был прекращен организацией-

работодателем в соответствии с инициативой стороны ответчика. Тем не менее, обращая внимание на ст. 81 ТК РФ, если сотрудник пребывает в отпуске либо временно не трудоспособен, то увольнение по инициативе организации-работодателя является незаконным. Однако подобную процедуру можно осуществить при условии, что организация ликвидируется (однако информационные сведения об этом у суда отсутствовали).

Оценка приведенных в процессе судебного разбирательства доказательств и аргументов в сочетании с действующими нормами трудового законодательства способствовала тому, что исковые требования М. Белякова судом были удовлетворены. В данном случае истец своевременно сообщил коллегам (включая собственного заместителя) о том, что заболел. Следовательно, информационные данные о временной нетрудоспособности М. Белякова не были скрыты. Ответчиком в ходе судебного разбирательства не были представлены подтвержденные аргументы того, что все нормы трудового законодательства при совершении действий увольнения М. Белякова были соблюдены. В соответствии с вышесказанным приказ об увольнении М. Белякова организацией-работодателем был признан незаконным, суд обязал работодателя восстановить истца на занимаемой им ранее должности, выплатить положенную истцу зарплату и компенсацию в период его временной нетрудоспособности (отсутствия на рабочем месте), а также возместить понесенный моральный ущерб [6].

Исходя из проанализированного примера правоприменительной практики, следует заметить, что в судебном процессе, где затрагиваются вопросы незаконного увольнения работника с невыплатой положенной зарплаты, как правило, исковые требования удовлетворяются в пользу истца. При этом в судебном решении обозначается необходимость восстановления данного сотрудника на занимаемой им ранее должности, а компания-работодатель обязана выплатить зарплату в полном объеме, а также возместить причиненный ущерб в связи с совершенными действиями, противоречащими нормам российского трудового законодательства.

При внесении в трудовую книжку сотрудника трактовок причин увольнения сотрудника, которые не соответствуют существующему трудовому законодательству, либо неправильных информационных сведений также появляется правовое основание для привлечения компании-работодателя к материальной ответственности, однако новый работодатель в судебном заседании может аргументировать момент того, что именно такая трактовка причины увольнения сотрудника стала препятствием при заключении с ним нового трудового договора. Можно согласиться со взглядом Н.Е. Вонтовой о том, что необходимо дополнить содержание ст. 234 ТК РФ нормативным положением о том, что компания-работодатель обязана возместить сотруднику не выплаченную ему зарплату, когда выдача трудовой книжки была задержана либо ког-

да в содержание трудовой книжки была внесена трактовка причины увольнения сотрудника, которая не соответствует существующему трудовому законодательству [7, с. 20]. В данном случае возникает отдельное правовое основание для привлечения организации-работодателя к материальной ответственности.

Достаточно длительное время в отечественном правовом поле существует проблема несвоевременной выплаты зарплаты либо выплаты её не в полном объеме. Особенность данной проблемы состоит в том, что зачастую при невыплате организацией-работодателем зарплаты в конкретную дату, установленную заранее, то подобное нарушение уже затрагивает весь трудовой коллектив организации, а не отдельного сотрудника [8, с. 112].

В первую очередь, стоит перечислить весьма распространенные нарушения норм действующего трудового законодательства, связанные со своевременной выплатой зарплаты сотрудникам либо её выплатой не в полном объеме:

1. Несоблюдение организацией-работодателем установленного срока и порядка выплаты зарплаты сотрудникам, представленного в ТК РФ;
2. Выплата сотруднику оплаты труда, величина которой меньше установленного в субъекте РФ МРОТ;
3. Организация-работодатель нарушила нормативные требования, касающиеся введения ограничений по удержанию материальных средств в связи с виной сотрудника из зарплаты;
4. Выплата зарплаты в нематериальной форме, которая занимает свыше 20% от объема оплаты труда;
5. Компания не соблюдала нормативные требования по выплате зарплаты, что отклоняется от нормальных условий развития трудовых отношений [9, с. 33].

Необходимо подчеркнуть, что несвоевременная выплата зарплаты сотруднику как нарушение условий, обозначенных в трудовом договоре, способствует некачественному исполнению персоналом рабочих обязанностей, так как заинтересованность и мотивация к работе уменьшается, что отрицательно воздействует на трудовую дисциплину. Тогда можно говорить о том, что особую актуальность и практическую значимость в современных условиях приобретают вопросы нормативного регулирования аспектов выплаты сотруднику положенной зарплаты своевременно и в полном объеме [10, с. 125].

Рассмотрим пример из правоприменительной практики, раскрывающий особенности возмещения материального ущерба сотруднику, если зарплата была не выплачена. М. Курбанова подала исковое заявление в суд к администрации муниципального образования ГП «Посёлок Дубки», которая, по мнению истца, не выплатила трудовое вознаграждение, в связи с чем образовалась задолженность.

В судебном разбирательстве выяснились следующие моменты, отражающие особенности тру-

довых взаимоотношений между истцом и ответчиком. М. Курбанова занимала должность оператора в соответствии с заключенным трудовым договором, другими словами, между истцом и ответчиком были трудовые отношения. Эксперты комиссии, созданной администрацией для принятия работы М. Курбановой, подтвердили, что истец исполнил возложенные на него рабочие обязанности в полном объеме и своевременно выполнял распоряжения непосредственного руководителя, замечаний и дисциплинарных взысканий не имел. Администрация не выплатила истцу денежное вознаграждение за выполненную работу, поэтому образовалась задолженность. Сторона ответчика не оспаривает данный факт. М. Курбанова обратилась в суд для того, чтобы взыскать зарплату с администрации муниципального образования.

В соответствии с установленными обстоятельствами дела судом было вынесено решение об удовлетворении в полном объеме исковых требований М. Курбановой, а также о возмещении материального ущерба в пользу сотрудника [11].

Стоит обратить внимание на то, что при невыплате компанией-работодателем зарплаты сотруднику суд взыскивает всю денежную сумму, которая не была уплачена в установленный срок. Как уже отмечалось в исследовании выше, при установлении нарушений труда работников, в частности, по причине невыплаты зарплаты, в существующем законодательстве отражена возможность привлечения компании-работодателя к дисциплинарной ответственности согласно ст. 192 ТК РФ. Тогда дисциплинарное взыскание накладывается на того сотрудника, который виновен в невыплате другому работнику положенной зарплаты.

Кроме того, ответственность компании-работодателя заключается в обеспечении трудовых условий для сотрудников, что не противоречит действующим законодательным нормам и должно соответствовать содержанию трудового договора, поскольку в этом документе отражаются все особенности, характерные для трудовых взаимоотношений между компанией-работодателем и конкретным сотрудником. Любые дополнительные трудовые условия, возникшие между компанией-работодателем и данным сотрудником, фиксируются в трудовом договоре. Вместе с тем после подписания компанией-работодателем и конкретным сотрудником трудового договора, его регистрации в кадровом делопроизводстве все отраженные в нём положения обязательны для выполнения [12, с. 207].

В соответствии со ст. 22 ТК РФ все компании-работодатели обязаны соблюдать нормативные положения, обозначенные в действующем трудовом законодательстве, а также нормы по охране труда. Тем не менее, не все организации соблюдают изложенный в законодательстве порядок трудовых отношений. Зачастую требования ТК РФ нарушаются по различным правовым основаниям, ненадлежащим образом осуществляется кадровое делопроизводство, при этом имеющиеся пра-

ва у наёмных сотрудников не всегда учитываются работодателем [13, с. 54]. За ненадлежащее выполнение законодательных положений и их игнорирование компания-работодатель может быть привлечена к определённому виду ответственности. В ст. 362 ТК РФ приведены меры ответственности для компании-работодателя в связи с нарушением трудовых норм, где указано, что ответственные должностные лица либо руководители компании, которые виновны в том, что трудовые нормы были нарушены, привлекаются к ответственности в установленном в федеральном и трудовом законодательстве порядке.

К административной ответственности привлекается не только руководитель, но и вся организация в целом, по сравнению с материальной ответственностью. Административное наказание возникает при совершении виновных действий либо бездействии ответственного должностного лица, компании в целом в соответствии со ст. 5.27 КоАП РФ. При этом административным наказанием является штраф либо предупреждение. Нужно обратить внимание на то, что нарушение условий, обозначенных в трудовом договоре, в том числе невыплату сотруднику зарплаты, способствует ослаблению деловой репутации компании-работодателя на национальном рынке труда, уплате существенного объема средств либо заключению под стражу руководителей компаний. Большинство из них считает, что при нарушении условий, обозначенных в трудовом договоре, административного наказания можно избежать. Также следует заметить, что взыскание административного характера накладывается именно на компанию-работодателя, поэтому материальное положение сотрудника в данном случае не восстанавливается при невыплате зарплаты. Помимо этого, обращение сотрудника в органы правоохранительного порядка отрицательно влияет на трудовые взаимоотношения между сотрудником и компанией-работодателем в будущем. Поэтому привлечение компании-работодателя к административной ответственности является крайне редким явлением [14, с. 240].

Кроме взаимных прав и обязанностей сотрудника и компании-работодателя, согласно действующей версии ТК РФ также предусматривается ответственность за нарушения при ненадлежащем оформлении и регистрации трудовых взаимоотношений между сотрудником и компанией-работодателем. Например, существенным нарушением выступает отсутствие трудового договора, оформленного в письменном виде. В соответствии со ст. 67 ТК РФ трудовой договор может считаться оформленным между компанией-работодателем и сотрудником, если сотрудник стал исполнять непосредственные трудовые обязанности при том, что руководитель был осведомлен об этом. Вместе с тем компания-работодатель обязана в течение следующих трёх дней после начала исполнения сотрудником трудовых обязанностей подписать соответствующий договор с конкретным сотрудником. Если он будет отсутствовать, то компания-

работодатель привлекается к административной ответственности.

Как правило, компания-работодатель нарушает нормы, обозначенные в ст. 137 ТК РФ, в особенности при назначении пени и штрафов. Здесь представлен существенный перечень правовых оснований, в соответствии с которыми возможно удержание определённой суммы из заработной платы, при этом ст. 137 ТК РФ невозможно трактовать по-другому, например, расширять приведенный перечень правовых оснований.

Помимо административной, материальной и дисциплинарной ответственности, может возникнуть уголовная ответственность. Как правило, компания-работодатель привлекается к уголовной ответственности, если сотруднику не были выплачены положенные компенсации к заработной плате в рамках ст. 145 УК РФ. Для того чтобы сформировался состав преступления, нужно на протяжении более 90 дней наблюдать виновное бездействие компании-работодателя в вопросе выплаты положенных компенсаций к заработной плате.

Так, в правоприменительной практике можно встретить случай, когда руководителя компании-работодателя оштрафовали на более чем 3,5 млн руб. по причине невыплаты зарплаты 27 работникам. Зарплата не выплачивалась 3 месяца. В соответствии со ст. 145 УК РФ руководителя компании-работодателя суд признал виновным. Так как к моменту судебного заседания по рассматриваемому уголовному делу руководитель компании-работодателя погасил образовавшуюся задолженность по невыплаченной зарплате, суд назначил дополнительно только штраф на 40 тыс. руб. Поскольку сотрудники обладают правом требовать возмещение материального ущерба в связи с невыплатой зарплаты, то, кроме штрафов, руководитель компании-работодателя будет обязан сотруднику выплатить денежную компенсацию по причине нанесения вреда своими действиями.

Тем не менее, сотрудник может потребовать возмещение материального ущерба в досудебном порядке при условии, что подобная мера была отражена в содержании трудового договора, или если руководитель компании-работодателя согласен возместить установленный сотрудником размер материального ущерба. Тогда возникший трудовой конфликт может быть урегулирован без подачи исковых требований в суд.

Когда развитие ситуации трудового спора приобретает масштаб судебного регулирования вопроса, то следует заметить, что бремя доказывания возмещения материального ущерба лежит на компании-работодателе.

В современных условиях правоприменительная практика по разрешению конфликта о несвоевременной выплате зарплаты отходит от принятого формального подхода к вынесению судебных решений, в частности, в установлении суммы возмещения материального ущерба. В данном случае ВС РФ в своей деятельности по данному вопросу отталкивается от принципа приемлемости размера

возмещения вреда сотруднику, исходя из сложившихся обстоятельств и развития событий [15].

Выводы

В действующем отечественном законодательстве выявлено несколько видов ответственности, к которым может быть привлечена компания-работодатель, если условия, обозначенные в трудовом договоре, были нарушены. Зачастую выделяется пять видов ответственности:

1. Материальная (возмещение материального ущерба при невыплате зарплаты);

2. Дисциплинарная (ответственность компании-работодателя заключается в обеспечении трудовых условий для сотрудников, что не противоречит действующим законодательным нормам и должно соответствовать содержанию трудового договора, поскольку в этом документе отражаются все особенности, характерные для трудовых взаимоотношений между компанией-работодателем и конкретным сотрудником; любые дополнительные трудовые условия, возникшие между компанией-работодателем и данным сотрудником, фиксируются в трудовом договоре);

3. Административная (возникает при совершении виновных действий либо бездействии ответственного должностного лица; при этом материальное положение сотрудника не увеличивается, материальный ущерб возмещается в редких случаях);

4. Гражданско-правовая (не применяется к вопросу невыплаты зарплаты, так как в наибольшей степени раскрывает нарушения нематериальных прав сотрудника, например, достоинства, чести);

5. Уголовная (компания-работодатель привлекается к уголовной ответственности, если сотруднику не были выплачены положенные компенсации к заработной плате).

В соответствии со ст. 362 ТК РФ компании-работодатели, которые виновны в допущенных нарушениях действующего российского законодательства, в частности, ТК РФ и нормативных актов, где отражены положения, регламентирующие трудовое право, привлекаются к ответственности в порядке, предусмотренном ТК РФ и федеральным законодательством.

С учётом того, что сотрудник имеет право на получение своевременной оплаты труда в полном объёме, нужно представить направления совершенствования нормативно-правового механизма обеспечения указанного права, а затем внести соответствующие изменения в содержание действующих норм трудового законодательства:

1. Необходимо дополнить содержание ст. 234 ТК РФ нормативным положением о том, что компания-работодатель обязана возместить сотруднику не выплаченную ему зарплату, когда выдача трудовой книжки была задержана либо когда в содержание трудовой книжки была внесена трактовка причины увольнения сотрудника, кото-

рая не соответствует существующему трудовому законодательству;

2. Внести в содержание ст. 234 ТК РФ дополнительную обязанность компании-работодателю по возмещению материального ущерба сотруднику в размере денежного дохода за два месяца в случае незаконного увольнения либо лишения права осуществлять трудовую деятельность.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2024).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.02.2024).
3. Савенков Д.И. Материальная ответственность работодателя и основные правонарушения, за которые она наступает // Инновационное развитие современной науки. – 2019. – № 1. – С. 148–151.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.02.2024).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 25.02.2024).
6. Решение Буйнакского районного суда Республики Дагестан по делу № 2–576/2020 от 08.09.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Qe2CPH-qmFWUP/> (дата обращения: 25.02.2024).
7. Вонтова Н.Е. Материальная ответственность работодателя за незаконное лишение работника возможности трудиться // *Ius Publicum et Privatum*. – 2020. – № 2 (7). – С. 17–21.
8. Князева Н.А. Защита прав работников на своевременную и в полном объёме выплату заработной платы // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 111–118.
9. Мацкевич О.В. Модернизация системы гарантий своевременной выплаты заработной платы // Юридическое образование и наука. – 2017. – № 5. – С. 31–35.
10. Магомедова А.Г. Особенности защиты прав работников на своевременную и в полном объёме оплату труда // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – Т. 32. – № 4. – С. 124–128.
11. Решение Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан по делу № 2–917/2020

от 27.10.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/pVR1Zlu-VgcHO/> (дата обращения: 25.02.2024).

12. Рубанова Н.А. Трудовые отношения: соотношение прав и обязанностей работника и работодателя // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 10А. – С. 202–210.
13. Савин В.Т., Савин С.В. Некоторые проблемы принципов института материальной ответственности сторон трудового договора // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2020. – № 2. – С. 53–59.
14. Панфилов Н.А., Шишкина А.Д. Ответственность работодателя за задержку выплаты заработной платы (сравнительно-правовой анализ) // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 238–248.
15. Верховный суд разрешил взыскивать моральный вред с работодателей за задержки зарплаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/11/28/verhovnyj-sud-razreshil-vzyskivat-moralnyj-vred-s-rabotodatelej-za-zaderzhki-zarplaty.html> (дата обращения: 25.02.2024).

FEATURES OF COMPENSATION FOR DAMAGES TO EMPLOYEES DUE TO NON-PAYMENT OF WAGES: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Vinyarsky A.Yu.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The rights of every person to receive monetary remuneration for carrying out work are constitutionally enshrined; the basics of social security for citizens in connection with temporary incapacity for work, loss of a breadwinner, disability, and the birth and upbringing of children are determined. However, untimely or incomplete payment of salaries to employees remains an urgent problem, which leads to public tension and protests. The employing company bears administrative, material, disciplinary and criminal liability for actions or inaction in the event of non-payment of wages due in accordance with the concluded employment contract. In this case, the object of research and analysis is social relations that ensure the constitutional right of people to work for remuneration, and the subject is objects of the material world, including wages, pensions, social benefits and compensation, as well as compensation for material damage due to that the employing company violated the principles of developing labor relations with the employee, based on the employment contract. The article indicates the relevance of the chosen topic for research, violations of the terms of labor relations, the most common of which are late payment or non-payment of wages (lasting more than two months); dismissal of an employee, accompanied by non-payment of wages and salaries received; dismissal of an employee contrary to labor legislation. Cases from the Labor Code of the Russian Federation are presented, according to which the employing company is obliged to compensate an employee for material damage, examples from law enforcement practice are considered that touch on the issue of compensation for damage to employees in connection with non-payment of wages, types of liability of the employing company in connection with violation of the conditions outlined in the employment contract. It was noted that taking into account the fact that an employee has the right to receive timely payment in full, it is necessary to implement in practice the directions for improving the regulatory mechanism for ensuring this right, and to make appropriate changes to the content of current labor legislation.

Keywords: non-payment of wages, material damage, law enforcement practice, employer company and employee, employment contract, labor relations, violation of the terms of the employment contract.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 25.02.2024).
2. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 25.02.2024).
3. Savenkov D.I. Material liability of the employer and the main offenses for which it occurs // Innovative development of modern science. – 2019. – No. 1. – P. 148–151.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 25.02.2024).
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on December 25, 2023) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 25.02.2024).
6. Decision of the Buinaksky District Court of the Republic of Dagestan in case No. 2–576/2020 dated 09/08/2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/Qe2CPH-qmFWUP/> (date of access: 25.02.2024).
7. Vontova N.E. Financial liability of the employer for illegal deprivation of the employee's opportunity to work // *Ius Publicum et Privatum*. – 2020. – No. 2 (7). – P. 17–21.
8. Knyazeva N.A. Protecting the rights of workers to timely and full payment of wages // Current problems of Russian law. – 2019. – No. 1 (98). – P. 111–118.
9. Matskevich O.V. Modernization of the system of guarantees of timely payment of wages // Legal education and science. – 2017. – No. 5. – P. 31–35.
10. Magomedova A.G. Features of protecting the rights of workers to timely and full payment // Legal Bulletin of the DSU. – 2019. – T. 32. – No. 4. – P. 124–128.
11. Decision of the Karabudakhkent District Court of the Republic of Dagestan in case No. 2–917/2020 dated October 27, 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/pVR1ZluVgcHO/> (date of access: 25.02.2024).
12. Rubanova N.A. Labor relations: the relationship between the rights and obligations of the employee and the employer // Issues of Russian and international law. – 2019. – T. 9. – No. 10A. – P. 202–210.
13. Savin V.T., Savin S.V. Some problems of the principles of the institution of material liability of the parties to an employment contract // Gaps in Russian legislation. Legal journal. – 2020. – No. 2. – P. 53–59.
14. Panfilov N.A., Shishkina A.D. Responsibility of the employer for delay in payment of wages (comparative legal analysis) // Issues of Russian justice. – 2021. – No. 12. – P. 238–248.
15. The Supreme Court allowed the recovery of moral damages from employers for wage delays [Electronic resource]. – Access mode: <https://rg.ru/2022/11/28/verhovnyj-sud-razreshil-vzyskivat-moralnyj-vred-s-rabotodatelej-za-zaderzhki-zarplaty.html> (access date: 25.02.2024).

Особенности бездействия как процессуального юридического факта в цивилистическом процессе России

Гаврюсов Александр Владимирович,

аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: gavryusov@mail.ru

Введение. В статье описываются особенности бездействия лиц, участвующих в деле, как процессуального юридического факта в цивилистическом процессе России. *Цель и методология.* Особенности раскрываются путем выявления слабых точек разработанных В.В. Ярковым, М.А. Рожковой и иными процессуалистами теорий процессуальных юридических фактов в части приравнивая действия сторон в процессе к их бездействию. Сначала приводятся признаки процессуальных фактов, выявленные авторами в своих теориях, далее процессуальное бездействие накладывается на эти признаки, в силу чего возникает возможность выявления особенностей процессуального бездействия. *Результаты.* В результате исследования сделан вывод о двух особенностях процессуального бездействия как юридического факта в цивилистическом процессе России, а именно: 1) объективизация процессуального бездействия происходит в момент, когда соответствующее бездействию действие могло быть совершено как часть реализации права на судебную защиту; 2) любое процессуальное бездействие как антипод известного действия, модель которого закреплена в законе, или потенциального может стать юридическим фактом в цивилистическом процессе. *Заключение.* Исследование позволило выявить особенности процессуального бездействия как юридического факта в цивилистическом процессе России, что, в целом, способствует дальнейшему концептуальному углублению теории процессуальных фактов, путем достраивания отдельных ее элементов.

Ключевые слова: процессуальное бездействие, юридический факт, особенности процессуальных фактов, ГПК РФ, АПК РФ.

Введение

Если начало общей теории юридических фактов, согласно историко-правовым исследованиям, следует отсчитывать от середины XIX века, что связано с трудами К.Ф. Савиньи, а активное развитие и становление как общей теории, так и отраслевого знания (по большей части, частно-правового) происходило в России до революции 1917 года и в советское время [16], то создание теории процессуальных юридических фактов следует связывать уже с историей современного российского права. Два основополагающих исследования процессуалистов составляют опору для более новых исследований в сфере процессуальных юридических фактов (см., например [2,4,9,11]) – это исследования В.В. Яркова 1992 года [17] и М.А. Рожковой 2010 года [15].

В.В. Ярковым и М.А. Рожковой в своих исследованиях, а также в учебниках по гражданскому процессу [8], процессуальное бездействие вполне очевидно представляется процессуальным юридическим фактом. В некоторых судебных актах прямо указывается на то, что процессуальным фактом является также и процессуальное бездействие (см., например, Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.05.2022 по делу № 66а-1610/2022).

Постановка исследовательских вопросов

Выделим критерии процессуального юридического факта и соотнесем их с процессуальным бездействием, чтобы выявить особенности последнего.

Профессор В.В. Ярков выделяет следующие критерии (признаки): реальное жизненное обстоятельство; закрепление в нормах права; достоверность либо дефектность; способность повлечь конкретные правовые последствия с учетом диспозитивного характера процессуальных прав; познание и фиксация произведены в соответствующей форме [17, с. 44].

Профессор М.А. Рожкова выделяет следующие критерии (признаки) процессуальных фактов: реальное (совершенное) действие либо бездействие; закрепление в норме процессуального права в виде абстрактной модели этого действия или бездействия; фактическое совершение; способность самостоятельно породить процедурные последствия [15].

Изложенное свидетельствует о том, что два подхода к вопросу о самой общей характеристике процессуального юридического факта похожи, но не идентичны. Но то, что в реальное жизненное обстоятельство, согласно теории профессора

В.В. Яркова, включается бездействие, а М.А. Рожкова прямо выделяет его как родовое понятие, не вызывает сомнения.

То же самое можно отметить и в отношении закрепления такого признака юридического факта, как его указание на факт-модель [17, с. 34] в законе (М.А. Рожкова в этом плане предлагает отойти от признака конкретности указания в законе юридического факта, предложенного В.В. Ярковым, к абстрактным моделям – составам юридического факта [15], что обоснованной критики не вызывает). Этот признак является устойчивым также и в исследованиях иных ученых [3, с. 57].

Рассматривая указанные два признака (реальное жизненное обстоятельство и закрепление в нормах процессуального права) по отношению к процессуальному бездействию, в целях достижения поставленной цели, представляется необходимым ответить на два вопроса: 1. В какой момент движения гражданского процессуального правоотношения происходит объективизация процессуального бездействия как процессуального факта? и 2. Все ли модели юридически значимого процессуального бездействия закреплены в процессуальном законе?

Проблема объективизации процессуального бездействия как юридического факта и ее решение

При ответе на первый вопрос требуется использование теории о разворачивании типичного гражданского процессуального правоотношения на элементарные гражданские процессуальные правоотношения между лицами, участвующими в деле, и судом, а также теории об элементарном последствии объективизации юридического факта в гражданском процессуальном правоотношении в виде возникновения обязанности суда оценить такой юридический факт [6, с. 48, 51].

Объективизация процессуального бездействия как юридического факта происходит в следующих случаях.

1) Действия и бездействия в процессе могут повлечь дальнейшее разворачивание гражданского процессуального правоотношения. Такое бывает, например, при предоставлении одной из сторон новых доказательств, ранее не раскрывавшихся или, например, при совершении истцом распорядительных действий, если при этом ответчику требуется время для представления обновленной позиции по делу (см., например, Определение Верховного суда РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20–19914). По отношению к бездействию это может проявляться в удержании одной из сторон доказательств по делу (в одном из дел суды установили, что истец, являющийся владельцем объекта экспертизы по делу, квартиры, не допускал экспертов до объекта для проведения натурного осмотра; установленное судом бездействие явилось основанием для обоснования выводов об отказе в иске объяснениями

другой стороны (Апелляционное определение Московского городского суда от 24.08.2021 по делу № 33–32874/2021)).

2) Действия и бездействия могут влечь непосредственную оценку судом этих фактов в решении суда. Например, действием будет являться заявление об истребовании документов в порядке статей 57 ГПК РФ и 66 АПК РФ, что влечет соответствующее его разрешение судом. Примером бездействия, которое получает оценку от другой стороны элементарного гражданского процессуального правоотношения, то есть суда, является отсутствие заявления лица, участвующего в деле, о фальсификации / подложности доказательства в суде первой инстанции (161 АПК РФ и 186 ГПК РФ) (например, в одном из дел вышестоящие суды отметили, что ссылки истца на фальсификацию доказательства, представленного ответчиком в суд первой инстанции, несостоятельны в условиях, когда процессуального факта в виде заявления о фальсификации в принципе не было при рассмотрении дела в суде первой инстанции (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2021 по делу № А40–147128/2020)).

3) Действия и бездействия со стороны суда первой инстанции оценки могут не получить вовсе. Примером действия является заявление стороной по делу какого-либо ходатайства и его игнорирование в дальнейшем судом первой инстанции. По одному из дел, суды вышестоящих инстанций признали, что нерассмотрение судом первой инстанции ходатайства стороны о вызове свидетеля не повлияло на правильность рассмотрения дела, поскольку, сведения, которые данный свидетель мог сообщить суду, не касались существа рассматриваемого спора (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.06.2021 по делу № А66–5115/2018).

Не вполне очевидно, является ли процессуальным фактом бездействие, не получившее никакой оценки со стороны суда. Всегда ли суд первой инстанции должен в итоговом судебном акте указывать, например, что от стороны не поступило соответствующее заявление о фальсификации / подложности доказательства по делу, даже если такая сторона не ссылалась на подделку формы такого доказательства?

В судебной практике также можно обнаружить дела, в которых суды отмечают, что неисследование судом первой инстанции каких-либо обстоятельств дела из-за иррелевантности их для разрешения материально-правового спора (например, когда соответствующие обстоятельства не были представлены сторонами в суде первой инстанции, но о которых стороны заявляют в вышестоящих судах) не является процессуальной ошибкой (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.02.2019 по делу № А60–55557/2016).

По мнению М.А. Рожковой, если жизненное обстоятельство, подпадающее под конкретную норму права, имело место в объективной реальности, оно

не может и не должно остаться без юридических последствий [15].

По замечаниям И.А. Есиповой, исследовавшей правовое бездействие в целом, бездействие приобретает юридически значимый характер с момента включения лица в определенную систему общественных отношений посредством наделения его правами и обязанностями [10, с. 42].

Параллельно с описанным выше в качестве примера случаем бездействия в виде незаявления о фальсификации / подложности доказательств проистекают еще много элементарных «неосуществлений» процессуальных действий (незаявление отвода экспертам при отсутствии экспертизы; незаявление об истребовании доказательств при рассмотрении вопроса о праве, а не о факте и многие другие случаи).

Признавать все описанные случаи процессуальными фактами нельзя, так как никаких последствий в динамике правоотношения, никаких последствий в виде нормального функционирования правоотношения или в виде последствий защиты нарушенного права [15] «наступление» таких видов бездействия не производит.

В связи с этим, можно сделать вывод о том, что процессуальное бездействие должно быть объективизировано каким-либо образом в конкретном гражданском процессуальном правоотношении, чтобы являться процессуальным фактом.

Один из видов объективизации процессуальных фактов был предложен П.Ф. Елисейкиным, который утверждал, что процессуальным фактам для своей завершенности необходима санкция суда [17, с. 49]. Первоначально с этим утверждением не согласился В.В. Ярков, указывая, что не все процессуальные действия участников дела требуют обязательной санкции со стороны суда [17, с. 49], далее М.А. Рожкова, также не соглашаясь с П.Ф. Елисейкиным, корректирует уже В.В. Яркова (который далее делит процессуальные факты на нуждающиеся в санкции суда и на односторонние факты волеизъявления [17, с. 50]) в том, что его аргумента недостаточно для преодоления поставленной проблемы. М.А. Рожкова полагает, что неверно считать процедурным последствием действия лица, участвующего в деле, действие суда, так как они являются автономными процессуальными фактами [15]. Поэтому рассматриваемый вид объективизации процессуального бездействия неверен. Отметим, однако, что, по мнению автора, возникновение обязанности суда отреагировать на процессуальный факт лица, участвующего в деле, является самостоятельным процессуальным фактом, но также одновременно это может быть процедурным последствием совершенных сторонами процессуальных фактов, так как последнее связано с теорией корреспонденции прав и обязанностей субъектов любого правоотношения [7].

Профессор М.А. Рожкова для объяснения того, как процессуальный факт объективируется, использует юридическую конструкцию состава процессуального факта [4]. По ее убеждению: «Про-

цессуальный факт представляет собой не только реальное действие (в работе М.А. Рожковой красной нитью проходит идея того, что процессуальным фактом является не только действия участников процесса, но и бездействия (в выводах это выглядит так: «действия (бездействия)», но многие общетеоретические положения посвящены только действиям; полагаем, что идея профессора М.А. Рожковой была не только показать особенности действий, но транслировать это на все процессуальные факты) участника судебного процесса, но действие, отвечающее установленным в норме процессуального права требованиям, условиям, признакам и в силу этого подпадающее под действие этой нормы» [15].

Полагаем, однако, что процессуальное бездействие, во многом, не может быть объективизировано путем указания на норму процессуального права. Сравним два случая:

1. Часть 3 статьи 120 АПК РФ содержит правило о том, что неявка надлежащим образом извещенного лица не является препятствием к рассмотрению вопроса о наложении судебного штрафа. Суд на дату проведения заседания устанавливает, явилось ли лицо, а также извещено ли оно о вопросе наложения судебного штрафа. Так, установление судом такого факта с учетом наличия всех условий будет означать, что процессуальный факт неявки (скорее всего, зафиксированный в сознании судьи, участников процесса, а также в судебном акте) был реален.

2. Согласно статье 231 ГПК РФ лица, участвующие в деле, вправе ознакомиться с протоколами и в течение пяти дней со дня подписания протокола подать в письменной форме замечания. В данном случае из нормы процессуального закона не видно, в чем заключается состав процессуального факта в виде бездействия по неознакомлению с протоколом или неподаче замечаний на протокол.

Подвергаем сомнению, что каждое абстрактное процессуальное бездействие имеет значение в конкретном процессуальном правоотношении. Процессуальное бездействие объективируется иным образом, чем действие. Представляется, что это происходит путем связи конкретного процессуального бездействия с существом гражданского процессуального правоотношения, то есть с разрешением гражданско-правового спора.

Можно утверждать, что действия являются связанными с конкретным гражданским процессуальным правоотношением, так как совершаются сторонами исключительно в нем и в связи с ним, даже если какие-либо действия совершены с ошибкой (например, если доказательства случайно представлены в иное дело, то, согласно процессуальному закону, суд должен отказать в приобщении доказательств из-за их неотносимости к делу).

В представлении автора, процессуальное бездействие процессуальным фактом до определенного момента не является. Моментом его объективизации следует считать момент, когда бездействие становится связанным с движением кон-

кретного гражданского процессуального правоотношения. Если, например, в одном деле не имеет значения бездействие лица в виде незаявления о вызове свидетеля, то в другом это может иметь решающее значение. Процессуальный факт в виде бездействия, независимо от того, был ли он воспринят судом в судебном акте и /или в сознании, будет считаться совершенным лицом, если соответствующее действие могло быть заявлено как часть реализации права на судебную защиту.

Процедурные последствия процессуального бездействия также наступят независимо от того, «применит» ли их суд в судебном акте или же только учтет в сознании. Например, в вышеописанном примере про незаявление о фальсификации доказательств при формулировании позиции защиты, основываясь на подложности документов, суд *должен* будет воспринять этот процессуальный факт в виде бездействия, так как он объективизирован. Независимо от того, будет ли суд основывать свое решение на этом факте или нет, он будет иметь место в конкретном деле, а его последствием будет обязанность суда учесть его в совокупности с иными доказательствами при проверке выполнения сторонами бремени доказывания.

Проиллюстрируем этот вывод. В одном из дел суд кассационной инстанции рассматривал жалобу, одним из доводов которой была неверная оценка судом первой инстанции договора (заявитель ссылался на то, что одна из подписей на нем подделана). Суд кассационной инстанции указал, что поскольку истец в порядке статьи 161 АПК РФ не заявлял о фальсификации доказательств, оснований сомневаться в достоверности документов у суда первой инстанции не имелось (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.04.2021 по делу № А79–7214/2019). Процессуальное бездействие в виде незаявления о фальсификации доказательств в суде первой инстанции являлось процессуальным фактом, так как активное действие могло быть совершено как часть процессуальной защиты лица, участвующего в конкретном деле. Последствием такого процессуального факта должна была быть обязанность суда учесть его при разрешении материально-правового вопроса по существу, поэтому суд кассационной инстанции и указал, что при отсутствии заявления о фальсификации доказательств у суда первой инстанции нет оснований сомневаться в достоверности представленных документов.

Таким образом, раскрывая сущность первого вопроса «В какой момент движения гражданского процессуального правоотношения происходит объективизация процессуального бездействия как процессуального факта?», следует ответить, что в момент, когда соответствующее бездействию действие могло быть совершено как часть реализации права на судебную защиту. В иных случаях процессуальное бездействие, не связанное с конкретным процессуальным правоотношением, процессуальным фактом не является, так как право не придает ему никакого значения. Это

первая особенность процессуального бездействия как процессуального факта.

Видится верным также отметить, что предпосылки объективизации бездействия как процессуального факта начинают формироваться тогда, когда у лица, участвующего в деле, появляется возможность действовать. Все это соотносится с общей теорией права, развиваемой учеными [14].

Проблема ограниченности процессуального закона в отношении парных категорий «действие и бездействие» и ее решение

Отвечая на второй поставленный вопрос, следует обратиться к процессуальному закону и судебной практике.

Сравним два случая возможного процессуального бездействия на примере ГПК РФ:

1. Решения суда вступают в законную силу по истечении срока на апелляционное обжалование, если они не были обжалованы (часть 1 статьи 209);
2. Суд передает дело на рассмотрение другого суда общей юрисдикции, если при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности (подпункт 3 части 2 статьи 33).

В первом случае, модель бездействия в виде необжалования решения суда первой инстанции закреплена в законе, последствия наступают в результате такого процессуального бездействия и последствия описаны в процессуальном кодексе.

Отрицать то, что во втором случае также возможно бездействие лица, участвующего в деле, в виде незаявления в суде первой инстанции о неподсудности дела суду, было бы неверным. Но в процессуальном законе не только не описаны процедурные последствия такого бездействия, но и само бездействие не описано как таковое (как модель поведения). Достроила конструкцию последствиями уже судебная практика, в том числе, путем развития теории блокирования права на возражения при несвоевременном заявлении возражений (Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2012 № 1649/13 по делу № А54–5995/2009).

Ограниченность процессуального закона своеобразным образом пытался преодолеть Кукуев С.Ю. с помощью поиска иного источника процессуальных фактов, нежели чем процессуальный закон. Автор предлагает включать в перечень источников юридических гражданских процессуальных фактов, помимо закона, правовую доктрину, нормативный договор, судебную практику [11, с. 34]. С нашей точки зрения, источником процессуальных фактов может быть лишь сама жизнь и ее течение, так как ставить в источники реальных жизненных обстоятельств форму закрепления норм права видится неверным. Судебная практика, доктрина и прочие «источники» являются не источниками процессуальных фактов, а источником зна-

ния о них или источником фактов-моделей (в теории В.В. Яркова [17, с. 34]).

Полагаем, что «источником» фактов-моделей процессуального бездействия все также является процессуальный закон в связи со следующим.

А.Д. Прусаков пишет о том, что юридически значимое бездействие и действие являются парными юридическими категориями, так как они, в том числе, внутренне диалектически связаны и взаимобеспечивают друг друга [14, с. 10–11].

Диалектику действия и бездействия рассматривает в гражданском праве А.А. Шафалович. Автор, распространяя теорию гражданского права на общую теорию права, одновременно обращаясь к работе А.Д. Прусакова [14], однако приходит к выводу о том, что невозможно четко противопоставить действие бездействию, так как бездействие всегда носит континуальный характер [1, с. 244]. Бездействие – относительно, поэтому способно трансформироваться в иное поведение, пишет А.А. Шафалович со ссылкой на Ю.В. Истомину [1, с. 242].

Настоящее исследование в своем теоретическом базисе складывается из воззрений на парность действия и бездействия А.Д. Прусакова.

Из указанных положений, применительно к динамике гражданского процесса, выводится следующий вывод. Можно утверждать, что любое действие, предусмотренное процессуальным законом, исходя из диалектики действия и бездействия [12, с. 166], включает в себя моменты бездействия (покоя). Это означает, что действие, предусмотренное процессуальным законом, может быть не исполнено. Соответственно, любое процессуальное бездействие как антипод *известного* действия, модель которого закреплена в законе, может стать юридическим фактом в гражданском процессе.

Проиллюстрируем этот вывод примерами с градацией от известного процессуального бездействия до неочевидного.

Часть 2 статьи 112 АПК РФ предусматривает срок, в течение которого лицо может заявить о распределении судебных расходов по делу. Последствие пропуска срока (процессуальное бездействие) закреплено в статье 115 АПК РФ – это утрата права на совершение процессуальных действий. В данном случае видно, где находится процессуальное бездействие в системе юридических фактов-моделей процессуального закона.

Теперь обратимся к бездействию в виде заявления ответчика об оставлении иска без рассмотрения из-за несоблюдения претензионного порядка урегулирования спора (пункт 2 части 1 статьи 148 АПК РФ). Верховный Суд РФ, в свое время, используя телеологическое толкование (выявление цели правила в пункте 2 части 1 статьи 148 АПК РФ), сформулировал правило о том, что если из поведения ответчика не усматривается намерения добровольно и оперативно урегулировать возникший спор во внесудебном порядке, то оставление иска без рассмотрения приводит к необоснованному затягиванию разрешения возникшего спора и ущемлению прав одной из его

сторон (Определение Верховного суда РФ № 306-ЭС15–1364 от 23.07.2015). Далее в Постановлении Пленума Верховного суда России от 22.06.2021 № 18 (пункт 28) по аналогии закона (с правилом об оставлении иска без рассмотрения на основе имеющегося между сторонами третейского соглашения) конкретизировано, что заявление ответчиком должно быть сделано не позднее дня представления ответчиком первого заявления по существу спора. Развитие этого правила привело к тому, что в настоящее время суды, если процессуальное бездействие является объектом исследования в деле (см. первую выявленную особенность этого процессуального факта), выявляют, носило ли поведение ответчика активный характер или пассивный по отношению к намерению урегулировать спор внесудебным путем (см. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2022 по делу № А40–76785/2022).

На основании указанных положений выводим алгоритм выявления в процессуальном действии, то есть в заявлении об оставлении иска без рассмотрения по указанному основанию, процессуального бездействия и обнаружения его процедурных последствий. Активное действие должно было быть совершено для достижения правового результата, но лицо, участвующее в деле, его не совершило. В связи с этим уместно критиковать следующую позицию ученых, которая сводится к тому, что рассматриваемое правило об оставлении иска без рассмотрения должно применяться при фактическом неучастии ответчика в процессе, так как его позиция относительно несоблюдения истцом досудебного порядка неизвестна суду [13, с. 29]. Она, во-первых, противоречит разъяснениям Верховного суда России, а во-вторых, в ней процессуальный факт в виде бездействия имеет процедурными последствиями то, что предусмотрено процессуальным законом для действия.

Наконец, обратимся к неочевидному примеру бездействия. Статьей 46 АПК РФ предусмотрена возможность участия в деле соответчиков. Процессуальное бездействие ответчика по незаявлению о привлечению к участию в деле иного ответчика может иметь место быть. Так, в одном из дел о взыскании убытков, возникших в результате наезда автомобиля потерпевшего на яму на муниципальной дороге, суд констатировал, что ответчик-администрация муниципального образования (собственник имущества в лице уполномоченного органа) бездействовала в суде первой инстанции и не заявляла ходатайства о привлечении лица, обслуживающего дорогу, в качестве соответчика по делу. Все риски такого бездействия суд возложил на ответчика (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2018 по делу № А07–28240/2017). Процессуальное бездействие, модель которого не была закреплена в процессуальном законе, было заложено в модель действия; процедурные последствия судами дедуцированы.

Поэтому на второй поставленный вопрос («Все ли модели юридически значимого процессуального бездействия закреплены в процессуальном законе?») следует ответить отрицательно.

Стоит отметить, что вторая особенность процессуального бездействия как процессуального факта (включенность моделей бездействия в известные модели действий) напрямую связана с регламентированностью процессуального закона или с принципом формализма гражданского процесса. Профессор Е.В. Васьковский в Курсе гражданского процесса писал о том, что «стороны могут сражаться только тем оружием, которое означено в законном инвентаре» [5, с. 350–351], при этом формальности процесса «вводятся для того, чтобы упорядочить производство, а не с целью ставить сторонам ловушки и затруднять суду распознавание и защиту права» [5, с. 352].

Когда стороны совершают экстраординарные действия, не предусмотренные процессуальным законом, суд сталкивается с необходимостью их разрешить на основе имеющегося процессуального закона. В одном из дел Верховный суд России допустил выдачу исполнительного листа для исполнения определения о включении требований кредитора в реестр требований кредиторов должника, тогда как нижестоящие суды исходили из того, что имеет место квалифицированное молчание законодателя о невозможности выдать подобного рода исполнительный лист (Определение Верховного суда РФ от 30.09.2019 № 307-ЭС16–12310(4)). В другом деле Конституционный суд России, проверяя норму ГПК РФ об индексации присужденных сумм, указал, что, в свое время, суды при отсутствии урегулированного механизма индексации присужденных денежных средств, ссылаясь на пробел в правовом регулировании, отказывали в индексации, уклоняясь при этом от исследования вопроса о наличии применимых ее критериев (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 № 35-П).

Из указанного выводится, что действие в цивилистическом процессе может быть и не предусмотрено процессуальным законом напрямую, но может быть заложено в нем на уровне, например, основного закона (Конституционный суд России в деле об индексации, например, основывался на конституционном праве лица на судебную защиту, которое, помимо прочего, включает необходимость обеспечить вынесение эффективного судебного решения, которое позволит восстановить права заинтересованных лиц). Поэтому надлежит заключить, что действие, изначально отсутствовавшее в процессуальном законе, может находиться в потенциальном состоянии им стать с помощью судебного контроля.

Таким образом, была выявлена вторая особенность процессуального бездействия как процессуального факта по сравнению с теориями, предложенными В.В. Ярковым и М.А. Рожковой – любое процессуальное бездействие как антипод известного действия, модель которого закреплена в за-

коне, или *потенциального* действия может стать юридическим фактом в гражданском процессе.

Литература

1. Šafalovič A. Inaction as a Legal Fact in Civil Law (on the Example of the Republic of Belarus // Teisė. – 2019. – No. 112. – Pp. 237–246.
2. Агеева В.В. Процессуальные юридические факты и юридические факты: общее и особенное // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 94. – С. 7–10.
3. Агеева В.В. Процессуальные юридические факты как разновидность юридических фактов // Актуальные проблемы правоведения. – 2015. – № 4. – С. 57–60.
4. Болтуев С.Ш. Еще раз о юридических фактах в гражданских процессуальных отношениях // Вестник ТГУПБП. – 2016. – № 2. – С. 69–75.
5. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
6. Воложанин В.П., Ковин П.Ф. Динамика гражданских процессуальных правоотношений // Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 48–52.
7. Глухарева Л.И. О диалектике обязанностей и прав человека // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 4. – URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.4.14> (дата обращения: 16.11.2022).
8. Гражданский процесс: Учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова; Под ред. М.К. Треушниковой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с.
9. Гречкина Е.С., Зенкина А.В. Процессуальный юридический факт как общетеоретическое понятие: сопоставление позиций и необходимость продолжения разработки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 6. – С. 53–58. – DOI: 10.24412/2227-7315-2022-6-53-58.
10. Есипова И.А. Правовое бездействие: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Есипова Ирина Анатольевна. – Волгоград. 1998. – 159 с.
11. Кукуев С.Ю. Юридические процессуальные факты в базовых гражданских процессуальных отношениях «суд – истец» и «суд – ответчик» // Вестник Российской правовой академии. – 2015. – № 3. – С. 33–36.
12. Орлов В.В. Основы философии. Общая философия: Учебное пособие. Пермский университет. – Пермь, 2006. – 377 с.
13. Потапенко Е.Г. Процессуально-правовые последствия несоблюдения обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 5. – С. 27–30.
14. Прусаков А.Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Пруса-

- ков Александр Дмитриевич. – Саратов, 2008. – 32 с.
15. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – Статут, 2009. – 332 с. – URL: https://rozhkova.com/books_text/UFISOGLASH.pdf (дата обращения: 20.11.2022).
 16. Шевчук С.С. Становление и развитие теории юридических фактов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 98–105.
 17. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.

CHARACTERISTIC OF FAILURES TO ACT AS A PROCEDURAL JURIDICAL FACT IN THE CIVIL TRIALS OF RUSSIA

Gavryusov A.V.

Perm State National Research University, Perm, Russia

Introduction. The article reveals the author's understanding of the characteristics of the failure to act of parties in trials, as a procedural juridical fact in the civil process in Russia. *Purpose and methodology.* The characteristic is revealed by identifying weaknesses of theories by V.V. Yarkov, M.A. Rozhkova and other researchers related to the procedural juridical facts in terms of comparing the actions of the parties in the process to their failures to do so. *Results.* As a result of the study, a conclusion is made about two special characteristics of procedural failure to act as a juridical fact in the civil process in Russia, namely: 1) the objectification of procedural failure to act occurs at the moment when the action corresponding to failure to act could be committed as part of the realization of the right to judicial protection; 2) any procedural failure to act as an antipode of a known action, the model of which is enshrined in law, can become a juridical fact in civil proceedings. *Conclusion.* The research revealed the characteristics of procedural failure to act as a juridical fact in the civil process in Russia, which, in general, stimulating to the further conceptual deepening of the theory of procedural facts by completing its individual elements.

Keywords: failures to act, juridical fact, characteristic of procedural juridical facts, CPC of RF, A(E)PC of RF.

References

1. Shafalovich A. Inaction as a Legal Fact in Civil Law (on the Example of the Republic of Belarus). *Teisé*, 2019, vol. 112, pp. 237–246. (In Russ.).
2. Ageeva V.V. Procedural legal facts and legal facts: general and special. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal problems*, 2016, no. 94, pp. 7–10. (In Russ.).
3. Ageeva V.V. Procedural legal facts as a type of legal facts. *Aktual'nye problemy pravovedeniya = Recent problems of jurisprudence*, 2015, no. 4, pp. 57–60. (In Russ.).
4. Boltuev S. Sh. Once again about legal facts in civil procedural relations. *Vestnik TGUPBP = TSULBP's Herald*, 2016, no. 2, pp. 69–75. (In Russ.).
5. Vaskovsky E.V. Course of civil procedure: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. Moscow, Statute, 2016. 624 p. (In Russ.).
6. Volozhanin V.P., Kovin P.F. Dynamics of civil procedural legal relations. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1980, no. 5, pp. 48–52. (In Russ.).
7. Glukhareva L.I. On the dialectic of duties and rights. *Theorya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2019, no. 4. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.4.14> (accessed 16 November 2022). (In Russ.).
8. Treushnikov M.K. (ed.). *Civil procedure: Textbook*. Moscow, Statute, 2014, 960 p. (In Russ.).
9. Grechkina E.S., Zenkina A.V. Procedural legal fact as a general theoretical concept: comparison of positions and the need to continue researches. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Herald of Saratov State Law Academy*, 2022, no. 6, pp. 53–58. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-6-53-58. (In Russ.).
10. Esipova I.A. *Pravovoe bezdejstvie*. Dis. kand. jur. Nauk [Legal Inaction. Ph.D. Thesis]. Volgograd, 1998. 159 p. (In Russ.).
11. Kukuev S. Yu. Legal procedural facts in the basic civil procedural relations “court – plaintiff” and “court – defendant”. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of Russian Law Academy*, 2015, no.3, pp. 33–36. (In Russ.).
12. Orlov V.V. *Fundamentals of philosophy. General Philosophy: Textbook*. Perm, Perm University, 2006. 377 p. (In Russ.).
13. Potapenko E.G. Procedural and legal consequences of non-compliance with the mandatory claim procedure when applying to the arbitration court. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, 2021, no. 5, pp. 27–30. (In Russ.).
14. Prusakov A.D. *Dejstvie i bezdejstvie kak formy yuridicheski znachimogo povedeniya [Actions and Inactions as the Forms of Legal Behavior. Extended Abstract of Ph.D. Thesis]*. Saratov, 2008. 32 p. (In Russ.).
15. Rozhkova M.A. Legal facts of civil and procedural law: agreements on protection of rights and procedural agreements. Moscow, Statute, 2009. 332 p. Available at: https://rozhkova.com/books_text/UFISOGLASH.pdf (accessed 20 November 2022). (In Russ.).
16. Shevchuk S.S. Formation and development of the theory of legal facts. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2018, no. 4, pp. 98–105. (In Russ.).
17. Yarkov V.V. Legal facts in the civil process. Moscow, Infotropik Media, 2012, 608 p. (In Russ.).

Подходы к разрешению договорных вопросов в англосаксонской и романо-германской правовых системах

Глазов Дмитрий Владимирович,

доктор юридических наук, преподаватель, ФГАОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: gdv@rusadvokat.ru

Вопрос о применимом праве в отношении заключения тех или иных договоров часто упускается российскими гражданами, в то время как в зарубежной практике прежде чем обращаться за решением по делу в суд, стороны стремятся урегулировать вопрос о выборе права той или иной страны – представляющей интересы спорщиков. Особенно данный вопрос актуален для соглашений, заключенных между заинтересованными лицами из Великобритании и Германии, которые являются представителями стран с разными правовыми системами. Цель данной работы рассмотреть разницу между подходами к разрешению договорных вопросов в англосаксонской и романо-германской правовых системах. Ключевые методы – анализ и синтез материала о развитии и реализации договорных отношений в Великобритании и в Германии.

Ключевые слова: правовая семья, договор, применимое право, иностранный элемент, судебные споры

Введение

В современном мире англо-саксонская (АС) и романо-германские (РГ) правовые семьи сосуществуют и опираются на равнозначные цели и ценности, которые регламентируются международным правом и многолетним процессом взаимодействия. Но, обе указанные системы правовых норм и отношений имеют свои отличительные черты, которые создают необходимость искать консенсус, когда вопрос затрагивает договорные отношения [6. С. 137–145].

Так, важным отличием является обращение к прецеденту в АС и наоборот, к нормативному праву в рамках РГ правовой системы. Именно данное отличие приводит к спорам, так как в странах представляющих данные системы сложились свои опорные системы, к которым обращаются в случаях разбирательства тех или иных споров по вопросу заключения, реализации или расторжения договора. Это играет особенное значение в тех случаях, когда одной из сторон договора является иностранный агент.

Рассматривая особенности законодательных баз Германии и Великобритании в отношении договоров, важно отметить, что выбор, какое право будет применяться не всегда зависит от сторон, иногда его делает суд, особенно в тех случаях, когда данный вопрос не был урегулирован заранее [7. С. 55–83]. И если в нашей стране данное решение часто становится объектом судебного рассмотрения, то вопросы обращения в высшие инстанции представителей Великобритании и Германии изучается различными исследователями, как в России, так и за рубежом [1. С. 57–70]. Все это актуализирует выбранную тему.

Цель работы рассмотреть разницу между подходами к разрешению договорных вопросов в англосаксонской и романо-германской правовых системах.

Для достижения поставленной цели, необходимо обратиться к следующим методам:

анализ материала о развитии и реализации договорных отношений в Великобритании и в Германии;

синтез накопленной информации с целью изучить ключевые моменты и выявить спорные вопросы.

Применимое право в договорах

Договорное право в Германии, является сложным и включает в себя множество различных законов и постановлений. В частности, это относится к об-

щей части Гражданского кодекса Германии (BGB), включая разделы 104 и далее (правоспособность), разделы 116 и 117 (договор). Сюда входят основные условия, содержащиеся в BGB (например, образование договорных обязательств и т.д.), а также специальные законы BGB об обязательном праве, такие как § § 305 и 306 [9. С. 9–18].

В то же время, в Великобритании, в рамках самой правовой системы, договорное право включает в себя очень большой перечень прецедентов, которые легли в основу тех норм и правил, которые регулируют вопросы заключения различных рода соглашений. Что касается вопросов право применения в отношении разрешения спорных моментов по договорным отношениям, то, на сегодняшний день договорные отношения регулируются английским общим правом, касающемся коллизионных норм относительно применимого права договора, а также Регламентом Рима I и/или Конвенцией 1980 года, которые также учитываются германской правовой системой [10. С. 1–16].

В Германии, договорное право является основой для всех других областей права, включая многосторонние юридические сделки. Договор состоит как минимум из двух деклараций о намерениях, целью которых является достижение юридического результата. Частные лица, компании, учреждения и государственные органы являются примерами договаривающихся сторон. С другой стороны, для того чтобы договор был действительным, не обязательно его заключать в письменной форме. Устные договоренности так же юридически легитимны, как, например, покупка в Интернете. И важно отметить, что вопросы договорного права по существу распределены по двум томам кодекса и весьма абстрактны в своих формулировках. Первая книга общей части BGB (BGB I) посвящена договору как правовой основе договорного права. Вторая книга Гражданского кодекса (BGB II) посвящена этой теме под названием «Обязательственное право» [9. С. 9–18].

В то время, как в Великобритании вопрос заключения устного соглашения весьма спорный и может привести стороны к серьезным спорам и разбирательствам, так как трактовка такого соглашения может осуществляться сторонами по-разному.

Но, и для РФ и для АС правовых систем свойственно учитывать три ключевых составляющих, обязательных для заключения договора:

1. Свобода договора

Благодаря концепции частной автономии любой человек и в Германии, и в Великобритании, может заключать в соответствии с законодательством, обеспечивающим гражданину ряд свобод и накладывающим обязательства. Однако юридическая сделка, такая как договоры по собственному желанию, не может нарушать действующее законодательство или мораль, а также игнорировать правовые ограничения.

2. Дееспособность

Заключить договор могут только лица, обладающие дееспособностью. Это означает, что дого-

варивающаяся сторона способна заключать юридические сделки и осведомлена о юридических последствиях. Возраст (слишком молодой) или серьезное заболевание, такое как запущенная и диагностированная с медицинской точки зрения деменция, могут привести к ограничению дееспособности или даже недееспособности. Если будет доказано, что человек подписавший договор был на этот момент недееспособен, такая сделка расторгается (признается недействительной/ничтожной).

3. Заключение договоров

Договор считается заключенным имеющим юридическую силу, если оферта и акцепт находятся в согласованной форме, то есть соответствуют друг другу [4].

Данные составляющие позволяют заинтересованным лицам реализовывать свои непосредственные интересы как в рамках собственного государства, так и за его пределами.

При этом, как уже отмечалось, право применять те или иные нормы в отношении споров по заключенным сделкам, в Великобритании определяется Общим английским правом. В соответствии с договорным правом суды будут стремиться определить надлежащее право. Применимое право может быть определено на основе явного выбора сторон, подразумеваемого выбора или объективной оценки фактов и обстоятельств дела. И нужно отметить, что в английских судах сложилась давняя традиция полагаться на явный выбор права. Если же такой выбор не сделан, суды будут искать доказательства намерения стороны со ссылкой на факты и обстоятельства дела. Намерение будет подразумеваться из таких фактов, как национальность сторон, место заключения договора, денежная валюта сделки по договору, место платежа и реализации условий, а также другие обстоятельства, которые будут учитываться в зависимости от предпочтения суда. Только когда оба метода определения права, применимого к договору, оказались безуспешными, английские суды по общему праву попытаются определить право, применимое к договору, ссылаясь на объективный взгляд на факты и обстоятельства. По сути, суды будут стремиться определить закон, который наиболее тесно связан с контрактом. В любом случае, с выбирает применимое право не по своим мотивам, а исходя из фактов и обстоятельств самого дела. Единственное предостережение заключается в том, что выбор закона является добросовестным и законным и не противоречит государственной политике [2. С. 16–26].

Но, когда обязательные правила другого суда имеют отношение к действительности выбора права сторонами вопрос правоприменения регламентируется Римской Конвенцией 1980 года (Рим I). Так, существует три обстоятельства, которые обязывают выбирать иностранное право:

1. Когда договор составлен в рамках правовой системы другой страны и полностью связан с последовательной реализацией данной правовой системы;

2. Под действие обязательных правил другого суда попадают сделки, заключенные в рамках некоторых потребительских дел;
3. Положение о выборе сторонами права будет регулироваться обязательными правилами другого суда, если договор является трудовым [5].

Данные коллизии особенно актуальны, когда сталкиваются стороны из разных правовых систем. Тогда английское общее право уступает Конвенции и вопросы решаются судом другого государства.

Рассматривая Германию, как государство, в котором вопрос правоприменения регламентируется Гражданским правом, можно отметить, что возникновение коллизии – спора о выборе права, которое будет регулировать вопросы, связанные с разрешением трудных моментов в реализации договорных отношений – ключевым является вопрос о том, право какой юрисдикции применимо к конкретному договорному спору. В таких обстоятельствах суды Германии рассматривают следующие вопросы:

является ли место заключения контракта, исполнения контракта или другого места, связанного с контрактом, наиболее важным/существенным при определении применимого законодательства юрисдикции;

существует ли разница или «настоящий конфликт» в результатах применения законов двух юрисдикций. Если законы двух применимых юрисдикций приведут к одному и тому же результату по вопросу, присутствующему в деле, то возникает «ложный конфликт», и суд должен применить местное право (то есть не имеет значения, какой закон они применяют). Если существует «настоящий конфликт» законов необходимо определить какая из сторон имеет больший интерес в применении своего закона. Согласно традиционным коллизионным нормам, толкование и действительность договора регулируются правом юрисдикции, в которой договор был заключен;

в рамках «Теории взвешивания процентов», по мимо места и уровня заинтересованности сторон, суды обращают внимание на следующие факторы: где сосредоточены/были сосредоточены отношения сторон, государство регистрации, сам факт реализации действий, установленных соглашением, срок реализации в той или иной стране [8. С. 82–127].

Безусловно, как и в английской системе, вопрос применения того или иного права регулируется судом только в том случае, если в договоре не указан выбор права, регламентирующего его действие. Если же контракт включает это положение, то суды, если возможно, будут применять этот закон к спору по договору. Суд будет соблюдать закон, согласованный и заключенный сторонами. Стороны контракта имеют право вести переговоры и заключать договор относительно того, какой закон, какого государства, будет регулировать реализацию соглашения в целом.

С другой стороны, в немецкой системе принято считать, что при заключении сделки между агентами разных стран или странами логически могут применяться законы нескольких юрисдикций. Стороны, заключающие международную сделку, должны определиться с правом, которое будет применяться к договору, и включить это решение в положение письменного соглашения, чтобы избежать решения суда по этому вопросу. Арбитражные трибуналы и международные суды будут уважать автономию сторон в принятии такого решения. Кроме того, в рамках международных соглашений могут быть выбраны для применения и другие наборы правил, такие как транснациональное право, публичное международное право, общие принципы права или принципы справедливости. При этом, различные части договора будут регулироваться разными сводами законов или принципов, если они того пожелают. И это решение может быть принято в любой момент, даже если оно не было принято во время заключения договора [3. С. 142–171].

Следовательно, применимое право может иметь важное значение, поскольку спор может зависеть от различий в местных законах. Однако стороны контракта не обязательно привязаны к тому месту, где они живут или где контракт подписан. Положение регулирующего права позволяет сторонам договориться использовать законы конкретного законодательства для толкования соглашения. И что бы избежать наступление коллизии, чаще всего стороны нанимают юриста, который помогает в грамотном составлении договора.

Заключение

Разные правовые системы не позволяют создать единую модификацию правовых отношений и это относится не только к Великобритании и Германии, но и в целом, к мировой практике применения тех или иных норм.

Рассматривая романо-германскую и англосаксонскую системы справедливым будет отметить, что их возможности в реализации правовых норм отличаются, так как РГ действует на основе фиксированных законов, а АС может опираться на различного рода прецеденты. Данное отличие часто сопоставляют с логично выстроенной системой и хаотично разбитым ячейкам судебных разбирательств. Но, на примере немецкого и английского права в отношении договорных соглашений выявлено и то, что данное взаимодействие в немецком праве имеет размытую интерпретацию и требует участия грамотного специалиста в случаях заключения соглашений. В то время, как английское право регламентируя договорные отношения опирается на идеи свободы выбора и справедливости. И нужно отметить, что ряд свобод частично ограничиваются Римской Конвенцией 1980 года, на которую опираются европейские страны.

Общими чертами в отношении заключения договоров, характерными и для Германии, и для Великобритании (как и в целом для правовых систем,

которые они представляют), являются: признание свобод сторон, их дееспособности и самостоятельного определения формы договора (устный/письменный, его наполнение, выходящее за рамки описания обязанностей сторон). В отношении выбора применения права, в случаях наступления коллизии, так же прослеживаются общие черты: предоставление сторонам права договориться, определить приоритетность той или иной правовой системы, в случае отсутствия договоренности сторон, опираясь на объективные факты и закон. Но, немецкая практика показывает, что при заключении трансграничных договоров международное право может оказаться более действенным и при консультации с юристом можно услышать рекомендацию по опоре не только на национальное законодательство, но и другие нормативные акты.

Следовательно, вопросы применимого права в британской и немецкой юридической практике регламентируются судами, но в целом, оба государства придерживаются идеи превосходства закона над личной выгодой сторон и стремятся к достижению оптимального решения по самым спорным моментам.

И необходимо отметить, что современная Россия, как страна, в которой действует романо-германская правовая система, так же стремится к решению спорных вопросов с опорой на общепризнанные нормы и предоставляет спорщикам оптимальные варианты решения конфликтных ситуаций. Это говорит о том, что наше государство поддерживает идеи свободы выбора и независимости, что лишней раз указывает на ее демократическое устройство. Но, частота обращения к юристам за помощью по составлению того или иного договора довольно мала, в то время, как в стране, помимо ГК и ФЗ действуют местные локальные акты, которые так же могут регулировать условия сделок, а стороны не указывают в тексте договора пункт о применении того или иного права при разрешении возможных конфликтов. Что говорит о недостаточной правовой грамотности населения и предполагает необходимость оптимизации данного вопроса, что может стать опорой для дальнейших исследований.

Литература

1. Баринов А.А. Определение судом применимого права к договору с иностранным элементом при отсутствии прямо выраженной воли сторон // *Международное право*. – 2021. – № 30 (3). – С. 57–70
2. Коновалов И.А., Шугулбаева А.А. Определение применимого к Арбитражному соглашению права, подход английских судов // *Вестник ОмГ У. Серия. Право*. – 2023. – № 2. – С. 16–26. DOI 10.24147/1990–5173.2023.20(2).16–26
3. Кузьмин М.Д. Право, применимое к арбитражному соглашению: современные тенденции и вызовы // *Новые горизонты международного арбитража*. – 2022. – № 6. – С. 142–171
4. Лексина В. А. О практическом значении определения применимого права во внешнеэкономическом контракте // https://www.ascon-spb.ru/navigator/stati/o_prakticheskom_znachenii_opredeleniya_primenimogo_prava_vo_vneshneekonomicheskom_kontrakte/
5. Регламент ЕС № 593/2008 «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I) (Страсбург, 17.06.2008) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW
6. Asoskov A.V. The theory of the characteristic performance as the main approach to conflict management of contractual obligations in the absence of agreement on choice of law between the parties // *Private law issues: collection of articles for the anniversary of V.S. Em.* – 2021. – № 3. – P.137–145
7. Moses M. Applicable Laws and Rules // *Moses M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2022. Vol. 45. – P. 55–83.
8. Plavec K. The Law Applicable to the Interpretation of Arbitration Agreements Revisited // *University of Vienna Law Review*. – 2020. – Vol. 4, № 2. – P. 82–127. – DOI: 10.25365/vlr-2020-4-2-82.
9. Rosenberg M.G. Contract for International Sale. The modern practice of concluding // *Dispute resolution*. – 2023. – № 4. – P.9–18
10. Scherer M., Jensen O. Towards a Harmonized Theory of the Law Governing the Arbitration Agreement // *Indian Journal of Arbitration Law; Centre for Advanced Research and Training in Arbitration Law, National Law University*. – 2021. – Vol. X, iss. 1. – P. 1–16. – DOI: 10.2139/ssrn.4015769.

APPROACHES TO RESOLVING CONTRACTUAL ISSUES IN THE ANGLO-SAXON AND ROMANO-GERMANIC LEGAL SYSTEMS

Glazov D.V.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)

The question of the applicable law in relation to the conclusion of certain contracts is often overlooked by Russian citizens, while in foreign practice, before applying to the court for a decision on the case, the parties seek to resolve the issue of choosing the law of a particular country representing the interests of the disputants. This issue is especially relevant for agreements concluded between interested parties from the UK and Germany, who are representatives of countries with different legal systems. The purpose of this work is to examine the difference between approaches to resolving contractual issues in the Anglo-Saxon and Romano-German legal systems. The key methods are the analysis and synthesis of material on the development and implementation of contractual relations in the UK and Germany.

Keywords: legal family, contract, applicable law, foreign element, litigation.

References

1. Barinov A.A. Determination by the court of the applicable law to a contract with a foreign element in the absence of the express will of the parties // *International law*. – 2021. – № 30 (3). – Pp.57–70
2. Konovalov I.A., Shugulbaeva A.A. Definition of the law applicable to an arbitration agreement, the approach of English courts // *Bulletin of the Omsk State University. Series. Right*. – 2023. – No.2. – pp.16–26. DOI 10.24147/1990–5173.2023.20(2).16–26

3. Kuzmin M.D. The law applicable to the arbitration agreement: modern trends and challenges // *New horizons of international arbitration*. – 2022. – No. 6. – pp. 142–171
4. Leksina V.A. On the practical significance of determining the applicable law in a foreign economic contract// https://www.ascon-spb.ru/navigator/stati/o_prakticheskom_znachenii_opredeleniya_primenimogo_prava_vo_vneshneekonomicheskom_kontrakte/
5. Regulation EC No. 593/2008 “On the law applicable to contractual obligations” (Rome I) (Strasbourg, 06/17/2008) // [http://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW)
6. Asoskov A.V. The theory of the characteristic performance as the main approach to conflict management of contractual obligations in the absence of agreement on choice of law between the parties // *Private law issues: collection of articles for the anniversary of V.S. Em.* – 2021. – No.3. – p.137–145
7. Moses M. *Applicable Laws and Rules* // Moses M. *The Principles and Practice of International Commercial Arbitration*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2022. Vol. 45. – P. 55–83.
8. Plavec K. The Law Applicable to the Interpretation of Arbitration Agreements Revisited // *University of Vienna Law Review*. – 2020. – Vol. 4, № 2. – P. 82–127. – DOI: 10.25365/vlr-2020-4-2-82.
9. Rosenberg M.G. *Contract for International Sale. The modern practice of concluding/Dispute resolution*. – 2023. – No.4. – p. 9–18
10. Scherer M., Jensen O. Towards a Harmonized Theory of the Law Governing the Arbitration Agreement // *Indian Journal of Arbitration Law; Centre for Advanced Research and Training in Arbitration Law, National Law University*. – 2021. – Vol. X, iss. 1. – P. 1–16. – DOI: 10.2139/ssrn.4015769.

Споры вызванные развитием правового регулирования электронного активирования выполненных работ (оказанных услуг) в системе государственных (муниципальных) закупок

Драчев Артем Валерьевич,

Аспирант кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов
E-mail: drachev.av1@gmail.com

Приемка товара, выполненных работ и оказанных услуг в рамках закупки для государственных и муниципальных нужд с 2022 года осуществляется в Единой информационной системе (далее – ЕИС) в порядке, предусмотренном законом о контрактной системе (далее – Закон № 44-ФЗ).

Автор в качестве *целей* статьи выделяет анализ нововведений, внесенных в Закон № 44-ФЗ в части электронного активирования и осмысление перспектив преодоления существующих проблем на практике.

Методология: при исследовании использовались общенаучные и специально-юридические методы.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при приемке товара, выполненных работ (оказанных услуг) (далее – Работы) по контракту, заключенному в соответствии с Законом № 44-ФЗ.

Результаты: принятые изменения являются серьезным шагом в сторону цифровизации. Для государства и участников закупок изменения, которые были внесены в Закон № 44-ФЗ, являются своевременными и эффективными.

На сегодняшний день существует неопределенность в установлении единых критериев *мотивированности* отказа от Работ, что предоставляет возможность злоупотребления правом со стороны Заказчика, поскольку фактически Заказчик вправе немотивированно отказаться от приемки.

Ключевые слова: государственный контракт, муниципальный контракт, приемка работ, мотивированный отказ, цифровизация.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать о том, что цифровизация охватила почти все сферы жизни общества. Появление новых видов правоотношений, новых видов объектов права, новых субъектов права – только несколько аспектов влияния цифровизации на правовое регулирование.

Уже сейчас стало очевидным, что в связи с развитием цифровых технологий перед правом и государством поставлена сложная задача – эффективная интеграция новых технологий в правовое регулирование.

Здесь необходимо отметить, что цифровые технологии повлияли и на гражданские правоотношения. И речь не только о появлении цифровых прав, цифровых активов и прочих объектов гражданских прав, по поводу которых складываются правоотношения.

Речь идет, в том числе, о появлении новых цифровых (информационных и пр.) платформ, с помощью которых заключаются и исполняются сделки, а также появлении новых информационных систем, баз данных, которые существенно упрощают документооборот между субъектами правоотношений.

Такая система была создана и в сфере закупок для повышения качества (эффективности) обеспечения государственных и муниципальных нужд, в частности, для приемки товара, выполненных работ и оказанных услуг.

Далее по тексту исследования анализируются проблемы, возникающие при приемке товаров, выполненных работ и оказанных услуг в рамках ЕИС.

В Закон № 44-ФЗ были внесены изменения, помимо прочего, в результате принятых изменений статьи 94 на законодательном уровне было установлено, что приемка Работ осуществляется посредством системы – ЕИС, путем размещения на ней закрывающих документов, которые должны быть рассмотрены Заказчиком в течение двадцати рабочих дней. В этот срок заказчик должен разместить в ЕИС мотивированный отказ от приемки.

Законопроект вносился по инициативе Правительства Российской Федерации и был принят подавляющим большинством депутатов Государственной Думы и сенаторов Совета Федерации. Указанные изменения вступили в силу 01.01.2022.

Целью законопроекта было совершенствование контрактной системы путем перевода документооборота в ЕИС. Необходимо отметить, что без авторизации в ЕИС принять участие в закупках невозможно.

По результатам введения электронной приемки через ЕИС следует отметить, что, во-первых, электронная приемка позволила существенно сократить срок обработки и передачи документации. Вся информация о приемке и исполнении контракта размещена в ЕИС и стороны имеют к ней доступ.

Цифровизация, безусловно, позволяет упростить документооборот, а также в случае с Законом № 44-ФЗ – повысить прозрачность и обеспечить контроль за каждым этапом исполнения контракта.

Вместе с тем, как и любое нововведение, электронная приемка на практике вызвала некоторые сложности, которые не являются критичными и могут быть устранены, тем более с учетом имеющихся достоинств.

Так, одной из таких проблем стало отсутствие конкретных единых критериев для признания отказа заказчика от принятия выполненных Работ мотивированным.

Изложенное привело к тому, что заказчик вправе предоставить краткий мотивированный отказ от приемки, который не раскрывает в полной мере недостатки Работ, что является нарушением прав победителя торгов и не позволяет ему устранить выявленные недостатки в кратчайшие сроки.

При системном толковании ч. 14 ст. 95 Закона № 44-ФЗ в совокупности с пп. «б» п. 4 ч. 13 ст. 94 Закона № 44-ФЗ, устанавливающей обязательное указание причин мотивированного отказа от принятия исполненного, не в полной мере отражает содержание, которое должно быть включено в мотивированный отказ.

При этом, до 2022 года отказ от приемки исполненного упоминался только в ч. 7 ст. 94 Закон № 44-ФЗ, которая предусматривала направление письменного отказа от подписания акта приемки.

Таким образом, в результате принятых изменений в Закон № 44-ФЗ содержание понятия «*мотивированный отказ*» было расширено, так как появилась норма, обязывающая заказчика указывать причины направления такого отказа.

Вместе с тем, этого явно недостаточно для надлежащего правового регулирования заявления заказчиком мотивированного отказа в процессе электронной приемки, поскольку конкретных и однозначных критериев мотивированности отказа не установлено до сих пор.

Отсутствие легального определения понятия мотивированного отказа, равно как и отсутствие единых критериев мотивированности такого отказа привело к возникновению некоторых сложностей и в правоприменении [3].

В частности, правоприменитель вынужден самостоятельно определять такие критерии, что, безусловно, предоставляет правоприменителю широкую дискрецию по данному вопросу.

Так, следует обратиться к решению Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.11.2023 по делу № А27–1022/2023, по тексту которого суд

дал оценку мотивированности отказа заказчика от приемки работ по ряду критериев.

Суд указывает, что в мотивированном отказе должны быть указаны замечания по качеству и объему выполненных работ, и/или возражения по стоимости; заказчику необходимо представить обоснование, что препятствует использованию результата Работ по целевому назначению.

Считаем, что, если бы критерии мотивированности отказа были закреплены на легальном уровне, изложенное бы устранило существующую неопределенность по этому вопросу, а также уменьшило бы количество противоречивой судебной практики, что, безусловно бы отразилось на качестве судебных актов.

В связи с чем настоящим предлагаем на легальном уровне закрепить критерии мотивированности отказа от приемки Работ в рамках Закона № 44-ФЗ. Для чего необходимо дополнить статью 94 Закон № 44-ФЗ новой частью со следующим содержанием:

«Мотивированным отказом признается отказ, содержащий замечания по объему, стоимости и качеству выполненных работ (оказанных услуг, поставленных товаров) свидетельствующих о наличии недостатков в работах (оказанных услугах, поставленных товарах) влияющих на потребительскую ценность выполненных работ (оказанных услуг, поставленных товаров) для заказчика».

Изложенное позволит устранить существующую неопределенность и защитить права подрядчика от возможных злоупотреблений со стороны заказчика в процессе электронной приемки.

Несмотря на то, в настоящее время государство и право справляются с вызовами цифровизации, которых с каждым днем становится все больше и больше, однако еще не в достаточной мере.

В связи с новизной правового регулирования и еще складывающихся отношений критиковать правовое регулирование на сегодняшний день еще преждевременно.

При этом, настоящая статья может стать теоретической базой для дальнейшего совершенствования действующего законодательства в целях обеспечения надлежащего правового регулирования таких значимых для государства правоотношений, складывающихся по закупке товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Для государства изменения, которые были внесены в Закон № 44-ФЗ, являются своевременными и эффективными, позволяющие более успешно реализовывать государственные задачи за счёт своевременного исполнения государственных контрактов.
2. Для участников закупок данные изменения также являются положительными, так как фактически процедура приемки и оплаты выполненных работ, оказанных услуг, поставленных товаров стала более прозрачна.

3. На сегодняшний день отсутствуют конкретные единые критерии для признания отказа заказчика от принятия выполненных Работ мотивированным. Автором предложено закрепить данные критерии на легальном уровне.

Литература

1. Бросалина А.А. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики // Вопросы российской юстиции. 2021. С. 141–157.
2. Карпычева М.В., Хужина А.М., Демичев А.А. и др. Гражданское право: Учебник: В 2 томах Том 2. М.: ИД ФОРУМ, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 560 с.
3. Карпетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

DISPUTES CAUSED BY THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC ACTUATION OF COMPLETED WORKS (RENDERED SERVICES) IN THE SYSTEM OF STATE (MUNICIPAL) PROCUREMENT

Drachev A.V.

Peoples' Friendship University of Russia

Acceptance of goods, work performed and services provided as part of procurement for state and municipal needs since 2022 is carried out in the Unified Information System in the manner prescribed by the law on the contract system (hereinafter referred to as Law No. 44-FZ).

The author highlights as *the objectives* of the article the analysis of innovations introduced into Law No. 44-FZ in terms of electronic registration and understanding the prospects for overcoming existing problems in practice.

Methodology: general scientific and special legal methods were used in the study.

The object of the study is the social relations that develop during the acceptance of goods, work performed (services rendered) (hereinafter referred to as Work) under a contract concluded in accordance with Law No. 44-FZ.

Results: the adopted changes are a serious step towards digitalization. For the State and procurement participants, the changes that have been made to Law No. 44-FZ are timely and effective.

To date, there is uncertainty in establishing uniform criteria for the motivation of refusal of Work, which provides the possibility of abuse of the right on the part of the Customer, since in fact the Customer has the right to refuse acceptance without motivation.

Keywords: government contract, municipal contract, acceptance of works, motivated refusal, digitalization.

References

1. Brosalina A.A. Construction contract: issues of theory and practice // Issues of Russian justice. 2021. pp. 141–157.
2. Karpycheva M.V., Khuzhina A.M., Demichev A.A. et al. Civil law: Textbook: In 2 volumes Volume 2. Moscow: ID FORUM, SIC INFRA-M, 2016. 560 p.
3. Karapetov A.G., Bevzenko R.S. Commentary on the norms of the Civil Code on certain types of contracts in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation «On Freedom of contract and its limits» // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2014. № 9.

Законный и договорный режимы имущества супругов в правовом дискурсе: выявление возможностей и ограничений

Жижин Павел Александрович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

E-mail: pavelzhizhin@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению существующих режимов имущества супругов и их сравнительному анализу. В виду того, что российское законодательство предусматривает два режима имущества супругов (главы 7 и 8 СК РФ), как законный, так и договорный, данные режимы выступают, как правило, формой отношений между супругами в части разрешения имущественных споров, установления прав и обязанностей сторон.

В статье приведена характеристика каждого из вышеуказанных режимов имущества супругов на основании как норм законодательства, так и позиций некоторых авторов. В результате анализа законного и договорного режимов, автором выявлены как преимущества, так и недостатки каждого режима имущества супругов.

В заключении статьи автор приходит к выводу о том, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в области имущественных отношений супругов в Российской Федерации.

Ключевые слова: общее имущество супругов, режим имущества супругов, имущественные отношения супругов; законный режим; договорный режим; брачный договор; раздел имущества.

Юридическим началом семейных отношений между мужчиной и женщиной выступает государственная регистрация их брака, что придает каждой из сторон права и обязанности. Именно с момента вступления в брак обеспечивается ведение общего бюджета, хозяйства, а приобретаемое имущество в случае отсутствия брачного договора – становится общим. В свою очередь, при соблюдении требований законодательства, государство не участвует в отношениях между супругами в части ведения общего имущества, что лежит в основе принципов построения семейных правоотношений.

Между тем согласно положению ст. 38 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) раздел общего имущества супругов может быть произведен, как в период брака, так и после его расторжения. В свою очередь процесс разделения имущества супругов, нажитого в период брака, происходит по их соглашению нотариальным способом. В случае наличия споров супруги вправе обратиться в суд. Все это указывает, что раздел имущества как институт семейного права может быть реализован независимо от нахождения супругов в браке или его расторжения, а также судебным и внесудебным образом.

Несмотря на наличие указанной диспозиции в семейном законодательстве в практическом аспекте раздел имущества супругов приобретает целый ряд сложностей, которые обусловлены спецификой имущественных отношений с одной стороны и семейными отношениями с другой.

Режимы имущества супругов представляют собой совокупность прав и обязанностей супругов в части использования и распоряжения их совместным имуществом. Такие режимы исходят из сущности семейных отношений и регулируются гражданско-правовыми нормами особенностей имущественных отношений супругов. Имущественные отношения, как правило, представляют собой экономические по своей природе отношения, складывающиеся по поводу имущества, а именно: производство (приобретение), владение (пользование), отчуждение, исполнение имущественных обязательств и в отдельных случаях – раздел. Необходимо отметить, что в настоящей работе изучается правовое регулирование исключительно общего, совместного имущества супругов. Имущество каждого из супругов (по смыслу статьи 36 СК РФ) в исследование не включается, однако, оно также может быть предметом имущественных отношений между супругами в определенных случаях. Так, в случае возникновения спо-

ров в сфере имущественных отношений между супругами, в силу положений статьи 37 СК РФ, суд может признать имущество одного из супругов их совместной собственностью.

Само содержание термина «режим имущества» применительно к совместному имуществу супругов раскрывается в работах ряда авторов, например, М.Н. Пронин считает, что режимы имущества представляют собой возможные обстоятельства разрешения содержания отношений, которые при этом складываются между супругами [1, с. 213]. Изучая договорный режим имущества супругов, необходимо отметить, что, как договорный, так и законный режимы выступают формой отношений между супругами (будущими, действующими или бывшим) в части разрешения имущественных споров, установления прав и обязанностей сторон, в том числе третьей стороны. Также необходимо дополнить то, что в данном случае имущество понимается в широком смысле, а именно: движимое и недвижимое имущество, денежные средства, ценные бумаги и др.

Понимая сущность и специфику имущественных отношений, законодателем предусмотрено два вида режима имущества между супругами, которые раскрываются в Семейном кодексе РФ.

Так, главой 7 определяются особенности законного режима имущества супругов. В свою очередь, глава 8 предусматривает регулирование отношений при договорном режиме имущества супругов. Данные режимы имущества являются основными и предусматривают возможность, как самостоятельного регулирования имущественных отношений супругами, так и обращения к нормам законодательства, устанавливающим общие правила.

В ст. 33 СК РФ закрепляется понятие законного режима имущества супругов, под которым понимается режим их совместной собственности. Такой режим устанавливается по умолчанию в случае отсутствия заключенного брачного договора – специально предусмотренного соглашения лиц, вступающих в брак или состоящих в нем, которым регламентирован иной режим имущества.

С одной стороны, законодателем достаточно отчетливо регламентированы имущественные отношения касательно определения совместно нажитого имущества (ст. 33 СК РФ) и ряда исключений, которые при этом имеются (ст. 256 ГК РФ). Вместе с тем в практике могут возникать случаи, связанные со сложностью процесса доказывания.

В этой связи Г.А. Боева указывает, что законный режим имущества супругов является наиболее распространенным режимом в рамках имущественных отношений. Вместе с тем такой режим имущества не может регламентировать весь спектр возникающих ситуаций. Так семейным и гражданским законодательством не рассматриваются вопросы особенностей режима имущества при наличии причинно-следственных связей, которые, в одних случаях, не позволяют говорить о совместном имуществе, а в других – наоборот, распространяются в том случае, если режима совместной собственности не имеется уже [2, с. 79].

Статья 35 СК РФ раскрывает вопросы владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов. Данные действия исходят из сущности гражданско-правовых отношений, формирующихся в случае наличия имущества в целом.

Как пишет А.В. Ясюкович, обеспечивается баланс интересов обоих супругов, а также ограничение воздействия со стороны государства на их имущественные отношения. Потребность самостоятельного разрешения споров, которые возникают между супругами, является первостепенной, а задача государства в лице суда – обеспечить восстановление явно выраженных фактов нарушений правил и норм семейного и гражданского законодательства [3, с. 334]. Для справедливости отметим, что законодателем также предусмотрено, что в тех случаях, когда необходимо нотариальное заверение сделок, или сделки совершается в отношении имущества, права на которое подлежат обязательной государственной регистрации, письменное и подтвержденное у нотариуса согласие второго супруга, в таких случаях, определено законом как обязательное. Помимо этого, при возложении на себя имущественных обязательств одним из супругов, которые также регулируются законным режимом имущества супругом, требуется согласие второго супруга.

Отметим, что в случае рассмотрения вопроса о разделе совместно нажитого (общего) имущества супругов, в отношении которого применяется законный режим, законодательно обеспечивается отсылка к нормам об определении равных частей от общего имущества в пользу каждого из супругов, независимо от непосредственной роли каждого из супругов и степени их участия в создании спорного имущества, что исходит из сущности имущественных отношений супругов в целом.

Данный режим наиболее распространен в России, но при этом имеет ряд сложностей, которые проявляются, как правило, при разделе имуществе или иных спорах, предметом которых выступает общее имущество супругов. Несмотря на констатацию понятия общего имущества супругов, присутствует ряд исключений, которые обусловлены такими признаками, как: индивидуальный характер; отсутствие притязаний на имущество супруга, полученного до вступления в брак; получение имущества одним из супругов в браке в дар и по наследованию; исключительность интеллектуальной собственности.

Вторым режимом имущества супругов является договорный. В настоящее время все больше граждан, вступающих в брак, прибегают к применению договорного режима имущества, что свидетельствует об актуальности института брачного договора в России [4, с. 74]. Данный вид режима имущества супругов имеет непродолжительную историю в России и был распространен уже в 90-е годы прошлого века, после кардинальных изменений в политической и правовой системе страны. Кроме того, тенденция на заключение брачных договоров растет с каждым годом. Так, по данным Феде-

ральной нотариальной палаты, в первом полугодии 2023 года пары в России заключили на 7,4% больше договоров, чем за аналогичный период 2022 года [5].

Договорный режим имущества супругов обусловлен наличием основного документа – брачного договора, который обеспечивает регулирование всей сущности имущественных отношений между супругами. В статье 40 СК РФ определено, что брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Обязательным условием брачного договора выступает ее письменный и нотариальный характер (ст. 41 СК РФ). Брачный договор может быть заключен, как до вступления в брак, так и в его период. Брачный договор выступает одним из видов гражданско-правовых договоров, которые основаны на принципах гражданско-правового и семейного законодательства.

Предметом таких договоров могут выступать исключительно имущественные отношения, а именно права и обязанности сторон и непосредственное имущество сторон договора (супругов).

Стоит отметить, что на сегодняшний день отсутствует признанная и объективная практика, в соответствии с которой может быть дана оценка правильного поведения супругов, что предусматривается в качестве юридического факта для расторжения брака и раздела общего имущества. Считается, что данные вопросы лежат не в плоскости регулирования даже семейного законодательства и должны быть учтены лишь в разрезе значимых событий, которые с этим связаны или неблагоприятными последствиями, которые при этом наступили.

В соответствии со ст. 42 СК РФ брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. Брачный договор может быть заключен как в отношении имеющегося, так и в отношении будущего имущества супругов.

Так, например, судом было принято решение о признании брачного договора недействительным между супругами С., которые заключили его в период брака. Из содержания судебного решения следует, что по брачному договору супруг в случае развода приобретал личное право на распоряжение, пользование и владение всем совместным имуществом. Между тем договором не предусматривалась компенсация за такой раздел имущества, что нарушает общеправовые принципы равенства всех и уважения прав и свобод человека и гражданина [6].

Брачный договор и соответственно договорный режим имущества супругов выступает одной из прогрессирующих форм имущественных отношений супругов, обеспечивает поиск оптимально-

го решения по совместному имуществу супругов исходя из их интересов, а также на основании общих правил распоряжения, пользования и владения имуществом. Содержание брачного договора позволяет распределить весь спектр прав и обязанностей в сфере имущественных отношений супругов, а также определить вклад каждого из супругов в вопросы приобретения и поддержания имущества в надлежащем виде.

Посредством договорного режима имущества обеспечивается регламентирование обязанностей сторон в случае наличия долговых и кредитных обязательств супругов. Указывается также на ответственность сторон в случае нарушения условий договора. Кроме того, брачным договором устанавливаются условия раздела имущества, как в период брака, так и в случае его расторжения. Все это позволяет минимизировать длительные судебные тяжбы, а также обеспечить учет интересов, как самих супругов, так и третьих лиц (близких родственников, кредиторов и др.).

В качестве негативных аспектов брачного договора и в целом договорного режима имущества супругов необходимо выделить следующее:

1. Отсутствие выработанной судебной и правоприменительной практики в части содержания, оснований расторжения и признания недействительным брачного договора.
2. Возможность оспаривания в судебном порядке отдельных пунктов брачного договора в случае их внеправового оформления, что снижает эффективность рассматриваемого вида режима имущества.
3. Отсутствие массового применения, что обусловлено, с одной стороны, правосознанием граждан, отношением к брачным договорам в целом, а с другой стороны, значительностью финансового аспекта оплаты услуг нотариуса по заключению брачного договора.

Резюмируя, отметим также, что в качестве подтверждения приведенных негативных и положительных доводов использования законного и договорного режима имущественных отношений между супругами, выступает судебная практика. Так, судебные решения принимаются, как при разделе имущества при наличии законного, так и при договорном режиме.

Таким образом, можно сказать, что имущественные отношения супругов могут быть выражены в двух основных режимах, а именно: законном и договорном. Каждый из данных режимов регламентирован нормами семейного и гражданского законодательства и предусматривает возможность распределения прав и обязанностей супругов в сфере реализации совместного имущества.

Законный режим имущества супругов представляет собой состояние имущественных отношений супругов по факту распоряжения, владения и пользования имуществом. К общему имуществу относится движимое и недвижимое имущество, ценные вещи, денежные средства, акции и др., которые были приобретены супругами с момента го-

сударственной регистрации брака и до его расторжения. Имущество принадлежит супругам в равных долях, сделки с ним может осуществлять один из супругов при наличии устного или письменного (нотариального) согласия. В свою очередь, в сферу имущественных отношений при законном режиме входит и распределение обязанностей имущественного характера.

Данный режим наиболее распространен в России, но при этом имеет ряд сложностей, которые проявляются, как правило, при разделе имуществе или иных спорах, предметом которых выступает общее имущество супругов. Несмотря на констатацию понятия общего имущества супругов, присутствует ряд исключений, которые обусловлены такими признаками, как: индивидуальный характер; отсутствие притязаний на имущество супруга, полученного до вступления в брак; получено в браке в дар или по наследству; исключительность интеллектуальной собственности.

Посредством договорного режима имущества обеспечивается регламентирование обязанностей сторон в случае наличия долговых и кредитных обязательств одного из супругов. Указывается также на ответственность сторон в случае нарушения условий договора. Брачным договором устанавливаются условия раздела имущества, как в период брака, так и в случае его расторжения. Все это позволяет минимизировать длительные судебные тяжбы, а также обеспечить учет интересов, как самих супругов, так и третьих лиц (близких родственников, кредиторов и др.).

В качестве негативных аспектов брачного договора и в целом договорного режима имущества супругов необходимо указать на: отсутствие выработанной судебной и правоприменительной практики в части содержания, оснований расторжения и признания недействительным брачного договора; возможность оспаривания в судебной порядке отдельных пунктов брачного договора в случае их внеправового оформления, что снижает эффективность рассматриваемого вида режима имущества; отсутствие массового применения, что обусловлено, с одной стороны, правосознанием граждан, отношением к брачным договорам в целом, а с другой стороны, значительностью финансового аспекта оплаты.

Стоит отметить, что судебная практика в вопросе имущественных отношений супругов не всегда позволяет дать объективную оценку того или иного правового режима имущественных отношений между супругами, в том числе избежать судебных исков в случае договорного режима и заключенного брачного договора.

При необходимости учитывания конкретных обстоятельств каждого дела, связанного с разделом имущества супругов, должна быть выработана соответствующая практика принятия решения судами в тех или иных обстоятельствах. При этом речь должна идти не о прецедентном праве, когда решения принимаются в строгом соответствии с имеющимися ранее принятыми решениями, а ис-

ходя из алгоритма, базовых ситуаций. Что обеспечивало бы единообразие формируемой правоприменительной практики, которая, в свою очередь, гарантировала бы соблюдение предусмотренного статьей 19 Конституции РФ принципа равенства всех перед законом и судом.

Потребность дальнейшего совершенствования законодательства в области имущественных отношений супругов в этой связи не вызывает сомнений.

Литература

1. Пронин, М.П. Законный режим имущества супругов в семейном праве стран евразийского экономического союза / М.П. Пронин // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 12. – С. 213–220.
2. Боева, Г.А. Понятие и виды режимов имущества супругов / Г.А. Боева // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2015. – № 2(7). – С. 77–80.
3. Ясюкович, А.В. Имущественные права и обязанности супругов / А.В. Ясюкович // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2013. – Т. 2, № 71. – С. 334–337.
4. Воскресенская Е.В., Жильский, Н.Н., Колмогоров М.В. Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации // Социология и право. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 73–78.
5. Свадебный сезон: зачем парам брачный договор // Федеральная нотариальная палата. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/news/svadebnyj-sezon-zachem-param-brachnyj-dogovor-2308> (Дата обращения: 01.04.2024)
6. Решение Шилкинского районного суда Забайкальского края № 2–1/2022 2–1/2022(2–368/2021);~М-343/2021 2–368/2021 М-343/2021 от 22 февраля 2022 г. по делу № 2–1/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ctaOonjYm1xP/> (Дата обращения: 02.04.2024)

LEGAL AND CONTRACTUAL REGIMES OF MARITAL PROPERTY IN LEGAL DISCOURSE: IDENTIFYING OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Zhizhin P.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article is devoted to the consideration of existing matrimonial property regimes and their comparative analysis. In view of the fact that Russian legislation provides for two regimes for the property of spouses (Chapters 7 and 8 of the RF IC), both legal and contractual, these regimes act, as a rule, as a form of relations between spouses in terms of resolving property disputes, establishing the rights and obligations of the parties.

The article provides a description of each of the above regimes of marital property based on both legal norms and the positions of some authors. As a result of the analysis of the legal and contractual regimes, the author identified both the advantages and disadvantages of each regime of marital property.

In conclusion of the article, the author concludes that further improvement of legislation in the field of property relations between spouses in the Russian Federation is necessary.

Keywords: common property of spouses, regime of property of spouses, property relations of spouses; legal regime; contractual regime; marriage contract; property division.

References

1. Pronin, M.P. Legal regime of property of spouses in family law of the countries of the Eurasian Economic Union / M.P. Pronin // Rostov Scientific Journal. – 2017. – No. 12. – P. 213–220.
2. Boeva, G.A. The concept and types of property regimes of spouses / G.A. Boeva // Bulletin of the Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute. – 2015. – No. 2(7). – P. 77–80.
3. Yasyukovich, A.V. Property rights and obligations of spouses / A.V. Yasyukovich // Current problems of modern science, technology and education. – 2013. – T. 2, No. 71. – P. 334–337.
4. Voskresenskaya E.V., Zhilsky N.N., Kolmogorov M.V. Problems of legal regulation of marriage contracts in the Russian Federation // Sociology and Law. – 2021. – T. 13. – No. 4. – P. 73–78.
5. Wedding season: why couples need a prenuptial agreement // Federal Notary Chamber. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://notariat.ru/ru-ru/news/svadebnyj-sezon-zachem-param-brachnyj-dogovor-2308> (Date of application: 04/01/2024)
6. Decision of the Shilkinsky District Court of the Transbaikal Territory No. 2–1/2022 2–1/2022(2–368/2021;)-M-343/2021 2–368/2021 M-343/2021 dated February 22, 2022 to case No. 2–1/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/ctaOonjYm1xP/> (Date of application: 04/02/2024)

Эволюция правового регулирования защиты интеллектуальной собственности: на примере топологии интегральной микросхемы

Земсков Дмитрий Олегович,

аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: dmitriy.zemskov99@gmail.com

В статье рассматривается вопрос содержания дефиниции топологии интегральной микросхемы (далее ТИМС), являющуюся одним из наиболее значимых объектов интеллектуальной собственности в современном мире. В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р, утверждающем Концепцию технологического развития до 2030 года, перед нашим государством была поставлена крайне важная задача – достижение и последующее обеспечение технологического суверенитета России. Указанное положение обусловило цель данного исследования, которой является установление наиболее полного и объективного содержания легального понятия ТИМС. Предметом анализа выступают положения отечественного и зарубежного законодательства, а также труды ученых. Основу методологии исследования составили историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, присущие циклу юридических наук, а также общенаучные диалектический и логический методы. В результате исследования были установлены недостатки формулировки определения ТИМС, закрепленной в ст. 1448 Гражданского Кодекса РФ по сравнению с аналогичными дефинициями, которые содержатся в зарубежных нормативно-правовых актах. В качестве вывода исследования выступает авторская дефиниция ТИМС.

Ключевые слова: топология интегральной микросхемы; интегральная микросхема; интеллектуальная собственность; авторские права; легальное понятие.

Поскольку право призвано регулировать общественные отношения, оно неотъемлемо от материальной действительности и существует с ним в тесной взаимосвязи, ввиду чего для установления наиболее обоснованного содержания понятия ТИМС необходимо рассмотреть историю возникновения и развития данных сложных технических объектов.

В ответ на увеличение потребности в вычислительных операциях на фоне колоссального технического прогресса в середине XX века были созданы первые электронные вычислительные машины (далее ЭВМ) – устройства, предназначенные для автоматической обработки информации в процессе решения вычислительных и информационных задач, основные функциональные узлы (логические, запоминающие, индикационные и др.) которых выполнены на таких электронных элементах, как вакуумные электронные приборы (радиолампы), диоды или транзисторы (полупроводники). В нынешних условиях аббревиатура ЭВМ фактически стала синонимична слову «компьютер» и применяется редко.

Первым устройством данного типа можно считать ENIAC (сокр. от Electronic Numerical Integrator and Computer – в пер. с англ. «электронный числовой интегратор и вычислитель»), разработанный группой ученых Университета Штата Пенсильвания, которую возглавили Джон Преспер Эккерт и Джон Уильям Мокли в целях осуществления арифметических расчетов и построения на их основе таблиц для Лаборатории баллистических исследований США [11; с. 21–22]. Эффективность таких машин для осуществления сложных расчетов можно легко проследить на примере применения советской ЭВМ «Стрела»: в процессе проектирования Ту-104, первого советского пассажирского реактивного самолета, при помощи данного устройства за 17 часов было осуществлено порядка ста миллионов операций, что позволило сэкономить несколько месяцев труда ученых [5; с. 60].

Несмотря на столь поразительные показатели, данные ЭВМ обладали значительным недостатком: они занимали значительное пространство и обладали огромной массой (так, упомянутый ранее ENIAC весил 30 тонн и занимал пространство площадью 75 м²), а также потребляли большое количество электроэнергии (80–150 кВт) [11; с. 24]. Причиной тому служило то, что данные ЭВМ были построены на основе вакуумных электронных ламп, размеры, масса и низкая энергоэффективность которых как раз и определяли физические характеристики устройств в целом.

На данном этапе развития ЭВМ вопросы охраны интеллектуальной собственности их разработчиков за рубежом решались преимущественно выдачей патентов на изобретение тех или иных компонентов и узлов, из которых состояла вычислительная техника. В качестве примера можно привести патенты US2524034, поданный Уолтером Браттэйном и Робертом Джибни [17], и US2524035, поданный Джоном Бардиным и Уолтером Браттэйном [18], описывавшие созданные на замену электронным лампам электролитический полевой транзистор и точечный транзистор соответственно. Аналогична и форма правовой защиты, предоставляемой создателям вычислительной техники, в советском союзе. В работах историков встречается упоминание патентов, якобы выдаваемых советским ученым, например, Б.И. Рамееву [13; с. 142]. Данное утверждение, однако, нельзя признать достоверным. Впервые возможность патентования результатов интеллектуальной деятельности в советском праве была предусмотрена в Постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 12.09.1924 «О патентах на изобретения», которое во многом соотносилось с зарубежной концепцией патентного права и предоставляло авторам изобретений широкий перечень правомочий, однако данный нормативный правовой акт утратил свою силу уже в 1932 году [4], тогда как описываемое выше событие приходится на 1948 год. На замену указанному нормативному правовому акту пришло Постановление СНК СССР [3], в соответствии с которым устанавливалась возможность регистрации результатов изобретательских изысканий в специализированном государственном органе, в результате которой выдавалось авторское свидетельство. Данный документ подтверждал факт авторства того или иного изобретателя по отношению к его творению, в то время как остальные элементы его правового статуса (такие как, к примеру, исключительное право или право пользования изобретением) передавались государству и использовались им без учета пожеланий ученого. Собственно, ровно такое авторское свидетельство под номером 10475 было выдано Б.И. Рамееву и И.С. Брук (работавшим в Лаборатории электросистем Энергетического института АН СССР) с приоритетом от 4 декабря 1948 года (дата впоследствии стала днём информатики в России) [10; с. 128]. Иными словами, как в СССР, так и в странах запада, на тот момент отсутствовало какое-либо специализированное законодательство, а защита прав создателей вычислительной техники осуществлялась в форме применения выдачи авторского свидетельства или патента соответственно.

Прорывом на пути к миниатюризации вычислительной техники стала разработка Жаном Эрни так называемой планарной (от англ. plane – плоскость) технологии изготовления полупроводниковых структур, применение которого позволило заменить громоздкие и объемные конструкции на компактные плоские микросхемы, получаемые при помощи литографической обработки очищенных

кристаллов кремния [15; с. 213]. Именно получаемые при помощи данного метода полупроводниковые изделия стали именоваться интегральными (от лат. integratio – соединение) микросхемами. Перефразируя вышесказанное, можно сказать, что с технической точки зрения, интегральные микросхемы – это неделимые микроэлектронные устройства, сложную структуру которых составляют разнообразные активные элементы (полупроводники, диоды), пассивные элементы (сопротивления, конденсаторы и др.) а также разнообразные связующие компоненты, изготавливаемые при помощи единого техпроцесса в пределах единого корпуса, например, на площади специально подготовленного кремниевого кристалла (в зарубежном законодательстве и литературе преимущественно используется термин «semiconductor chip» – в пер. с англ. полупроводниковый/ая чип/пластинка).

С появлением интегральных микросхем произошла смена парадигм как в производстве вычислительной техники, так и в отношении защиты прав создателей таких изделий. Все дело в том, что как в шестидесятые годы прошлого столетия, так и в настоящее время микросхемы производятся из тех же составляющих (транзисторов, сопротивлений, конденсаторов и так далее) и по тем же принципам, описанным в планарной технологии Жана Эрни. Прогресс в развитии вычислительной техники достигается при помощи все большей и большей миниатюризации базовых компонентов микросхем, что позволяет разместить на той же площади кристалла кремния все больше элементов, непосредственно задействованных в его работе. Так при производстве процессора Intel 8086, разработанного в 1978 году, применялся технологический процесс позволяющий изготавливать транзисторы размером 3 микрометра, в то время как Стратегией развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрена цель разработать и промышленно освоить технологию выпуска изделий с величиной транзисторов до 5 нанометров [2] (на данный момент уже освоенную TSMC и иными зарубежными производителями), иными словами, за сорок лет человечество смогло уменьшить базовые компоненты интегральных микросхем в 600 раз. Ввиду данной особенности проектирования и разработки интегральных микросхем, новые изделия фактически перестали соответствовать требованиям, предъявляемым к изобретениям.

В действующем на данный момент Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее ГК РФ) законодателем были закреплены следующие условия патентоспособности изобретений: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость [1]. Первым условием патентоспособности выступает свойство новизны, наличие которого может быть признано в тех случаях, когда то или иное устройство или техническое решение не соответствует всей совокупности сведений, доступных специалистам соответствующей отрасли на момент подачи заявки о регистрации

патента. Как уже было сказано, планарная технология, лежащая в основе исследуемых микросхем, возникла больше шестидесяти лет тому назад, что не позволяет говорить о новизне устройства, произведенного по такой технологии. То же обстоятельство лишает интегральную микроэлектронику и второго условия патентоспособности, именуемого изобретательским уровнем и заключающегося в том, что изделие или техническое решение, претендующее на признание в качестве изобретения, не должно на прямую следовать из общедоступных на момент подачи заявки о регистрации патента сведений, техпроцессов и технических решений (иначе говоря, способ создания подобного изделия должен быть неочевиден для специалистов соответствующей отрасли, предполагать нестандартное, творческое мышление изобретателя). К примеру, устройство, состоящее из соединенных в едином корпусе наручных часов и электрохимического глюкометра может и можно назвать новым, однако изобретательским уровнем такое изделие почти гарантированно обладать не будет, тогда как, скажем, качественно новое технологическое решение, позволяющее измерять количество сахара в крови неинвазивным путем (то есть без необходимости взятия образца крови) и достаточно компактное, чтобы его можно было разместить в корпусе все тех же наручных часов, уже вероятно будет обладать сразу двумя указанными условиями патентоспособности. Единственный критерий патентоспособности, которому могут отвечать новые микросхемные изделия – промышленная применимость, поскольку, очевидно, интегральные микросхемы повсеместно применяются в самых различных отраслях промышленности, сельского хозяйства и т.д. Данные условия соотносятся с аналогичными требованиями, предусмотренными по отношению к патентуемым объектам и в зарубежных правовых системах, например, параграфы 101–103 раздела 35 Свода законов Соединенных Штатов Америки предусматривают такие условия патентоспособности как: новизна, полезность и неочевидность (аналог изобретательского уровня) [19]. Такую же ситуацию можно наблюдать и в Английском Законе о Патентах 1977 г., действующем и по сей день, в ст. 1 которого также предусмотрены три условия патентоспособности изобретений – новизна, изобретательский уровень (в англ. тексте используется выражение «inventive step» – изобретательский шаг, однако содержание указанного требования равносильно описанному выше) и возможность промышленного применения [20].

Впервые особый правовой режим защиты прав создателей новых интегральных микросхем был введен в США с принятием в 1984 году Закона о защите полупроводниковых чипов (англ. «Semiconductor Chip Protection Act»), который в последствии послужил основой для принятых позднее Закона Японии «О регистрации топологий интегральных полупроводниковых микросхем» (1985 г.), Директивы Европейского Союза 87/54/ЕЕС (1986 г.),

а также Закона РФ «О правовой охране ТИМС» (1992 г.) [6; с. 322], положения которого, в свою очередь, были воспроизведены в гл. 74 ГК РФ. Важно отметить, что объектом правовой защиты в соответствии с данными законодательными актами стали не сами интегральные микросхемы, а их топологии. Наиболее часто термин «топология», происходящий от двух древнегреческих слов τόπος «место» и λόγος «учение» [9; с. 5–7], используется для обозначения раздела математики и, по совместительству, разновидности геометрии, которая возникла в XIX веке и основным объектом исследования которой выступают качественные свойства геометрических фигур, не зависящих от расстояний, величин углов, площадей и объемов [7; с. 6–7], однако предусмотренное нынешним законодательством понятие намного ближе к понятию топологии сети в информатике (нередко в технической и учебной литературе встречается также и формулировка «компоновка/конфигурация/структура сети»), под которым понимается физическое расположение входящих в единую сеть компьютеров или иной техники относительно друг друга и способ их соединения между собой линиями связи [14; с. 4]. Так в ч. 1 ст. 1448 ГК РФ ТИМС определяется как зафиксированное на материальном носителе пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов интегральной микросхемы и связей между ними [1].

Довольно точной представляется позиция А.Ю. Чурилова и А.В. Мостовщикова, отмечавших, что представленная в ГК РФ формулировка определения ТИМС создает двойственность трактовки [15; с. 214–215]. С одной стороны, законодатель однозначно понятно закрепляет, что непосредственным объектом правовой защиты является порядок или схема расположения выполняющих активную или пассивную роль компонентов микросхемного изделия (под которыми понимаются многократно упомянутые транзисторы, сопротивления, конденсаторы и т.д.), а также контактные и механические соединения таких компонентов друг с другом, с чем поспорить фактически невозможно. С другой же стороны указанная схема расположения составляющих, исходя из формулировки, примененной законодателем, должна быть зафиксирована на так называемом «материальном носителе», конкретная форма и природа которого в тексте нормы не указываются. Ввиду этого ТИМС, по данному определению, можно считать в равной степени как уже изготовленное микросхемное устройство, то есть непосредственно саму микросхему, ведь в ней неизбежно будет закреплена та самая пространственно-геометрическая характеристика взаимного расположения составляющих его элементов и связей между ними, так и проектную документацию в виде чертежей изделия, которые в свою очередь могут быть представлены и в настоящее время зачастую представляются в виде электронных файлов [12; с. 23–24]. Несомненно, получить сведения о структуре составляющих микросхемное изделие блоков и проводок

можно и по итоговому устройству, что однако требует крайне тщательного исследования указанной микросхемы специалистами в области конструирования интегральных схем и использования соответствующей аппаратуры, поскольку непосредственно кристалл кремния, на котором и выполняется микросхема, редко превышает несколько квадратных сантиметров, что уж говорить о миллионах, а в некоторых случаях и миллиардах транзисторов, входящих в его состав.

Так, американское законодательство использует термин *semiconductor chip's mask* (в переводе с англ. маска/шаблон полупроводникового чипа), под которым понимает окончательную или промежуточную форму продукта, состоящего из двух или более слоев металлического, изолирующего или полупроводникового материала, нанесенных или иным образом помещенных на другой полупроводниковый материал в соответствии с заранее заданным рисунком, функционирующая в качестве специализированной электросхемы. В качестве непосредственного предмета правовой защиты выступает схема или чертеж, отражающий эту самую форму итогового изделия, нередко представленный в виде этой производственной маски или шаблона, именуемых так в связи со сходством процесса производства или, точнее будет сказать, нанесения элементов микросхемы на кристалл кремния, именуемого фотолитографией, с процессом создания фотографии [16; с. 83–84]. Испанский законодатель в Законе 11/1988 от 03.05.1988 г. «О правовой охране топологий полупроводниковых изделий» определил топологию как схему различных слоев и элементов, составляющих интегральную микросхему, их трехмерное расположение и связь между ними, позволяющее получить представление об окончательном изделии [8; с. 46]. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (англ. «Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights»), входящее в перечень нормативно-правовых актов, принятых в процессе учреждения Всемирной торговой организации в 1994 году, и Вашингтонский договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем (англ. «Washington Treaty on Intellectual Property in Respects of Integrated Circuits»); принят в 1989 году, но так и не вступил в юридическую силу ввиду недостаточного количества стран, его подписавших) содержат идентичные положения, в соответствии с которыми ТИМС признается выраженное в различных формах расположение в трехмерном пространстве компонентов микроэлектронного изделия, по меньшей мере один из которых выполняет роль активного элемента, а некоторые или все остальные выполняют роль взаимосвязей планарной схемы, а также трехмерный шаблон, подготовленный для производства интегральной микросхемы [15; с. 214]. Все указанные нормативные правовые акты исходят из позиции, в соответствии с которой сведения о топологии излагаются в изобразительной форме, посредством чертежей, промышленных шаблонов

или простой системы схематических изображений, что представляется объективно более точным и однозначным решением с точки зрения правового регулирования.

Исходя из этого, представляется необходимым внесение поправки в текст ч. 1 ст. 1448 ГК РФ, с заменой нынешней формулировки определения на следующую: ТИМС – это пространственно-геометрическое расположение по отношению друг к другу элементов, лежащих в основе интегральной микросхемы, и связей между ними, выражающееся в форме чертежей, технической документации или производственных шаблонов на бумажном или электронном носителе, содержащих исчерпывающие сведения о строении итогового изделия, производимого на их основе или по их образцу. Указанная норма также содержит и определение непосредственно интегральной микросхемы, которое во многом соответствует приведенной ранее технической дефиниции и довольно точно отражает суть обозначаемого объекта, ввиду чего какая-либо доработка данного легального понятия не представляется необходимой.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 29.06.2023, с изм. и доп. от 13.06.2023) // Российская газета. 2006. 22 дек.; 2023. 13 июня.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17 января 2020 г. № 20-п «О Стратегии развития электронной промышленности РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий по ее реализации» // Собрание законодательства РФ. 2020. 27 янв.
3. Постановление СНК СССР от 05.03.1941 № 448 «Об утверждении положения об изобретениях и технических усовершенствованиях и о порядке финансирования затрат по изобретательству, техническим усовершенствованиям и рационализаторским предложениям» // СП СССР. – 1941. – № 9.
4. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 «О введении в действие Постановления о патентах на изобретения» // СЗ СССР. 1924. 19 сен.; Постановление СНК СССР от 28.03.1932 № 458 «Об изменениях в законодательстве Союза ССР в связи с изданием положения от 9 апреля 1931 г. об изобретениях и технических усовершенствованиях» // СЗ СССР. – 1932. – № 24.
5. Бусленко Н.П., Бусленко В.Н. Беседы о поколениях ЭВМ. М.: Молодая гвардия, 1977. 240 с.
6. Верхотуров, М.Е. Проблемы правового регулирования топологии интегральных микросхем // Бизнес, менеджмент и право: Digital reality: материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 октября 2021 года. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Ураль-

ский государственный юридический университет», 2021. с. 321–327.

7. Глицких Ю.Е. Топология и дифференциальная геометрия: учебное пособие. Воронеж: ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет», 2007. 76 с.
8. Дмитриева Е.О., Дмитриев О.В. Объекты права промышленной собственности в испанском законодательстве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, No 2. с. 40–49.
9. Игнаточкина Л.А. Топология для бакалавров математики: учебное пособие. М.: Прометей, 2016. 88 с.
10. Казакова, И.А. Пути развития отечественного компьютеростроения // Прикладная информатика. – 2013. – № 2(44). с. 127–132.
11. Королева Л.В. Основы микроэлектроники: Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Л.В. Королева, Е.Б. Петрова. М.: Карпов Е.В., 2016. 148 с.
12. Мостовщиков, А. В., Чурилов А.Ю. О моменте возникновения исключительного права на топологию интегральных микросхем // Законодательство. – 2023. – № 6. с. 21–26.
13. Новинская, Т.Ю. Судьба ученого: Башир Искандарович Рамеев // Историческая этнология. – 2023. – Т. 8, № 1. с. 141–149.
14. Романенко Д.М., Пацей Н.В., Кудлацкая М.Ф. Компьютерные сети: учебно-методическое пособие. Минск: БГТУ, 2016. 163 с.
15. Чурилов, А. Ю., Мостовщиков А.В. Проблемы правовой охраны топологии интегральных микросхем // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 490. с. 212–219.
16. Штоляков В.И., Яганова М.В. Об охране интеллектуальных прав на топологию интегральных микросхем // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. No 6. с. 83–84.
17. Patent US 2524034 Walter H Brattain, Robert B Gibney: “Three-electrode circuit element utilizing semiconductor materials”, patented in USA on 03.10.1950 // Google Patents. URL: <https://patents.google.com/patent/US2524034A/en> (Дата обращения: 30.03.2024).
18. Patent US 2524035 Bardeen John, Walter H Brattain: “Three-electrode circuit element utilizing semiconductive materials”, patented in USA on 03.10.1950 // Google Patents. URL: <https://patents.google.com/patent/US2524034A/en> (Дата обращения 30.03.2024).
19. The United States Code, Title 35, Part II, Chapter 10 // Office of the Law Revision Counsel. URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title35/part2/chapter10&edition=prelim> (Дата обращения: 30.03.2024).
20. The Patents Act 1977, The United Kingdom Domestic Law // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной соб-

ственности), URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/499598> (Дата обращения 30.03.2023).

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION: THE EXAMPLE OF INTEGRATED CIRCUIT TOPOLOGY

Zemskov D.O.

Saratov State Academy of Law

The article examines the issue of the content of the definition of the topology of an integrated circuit (hereinafter referred to as TIMS), which is one of the most significant objects of intellectual property in the modern world. In Order of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-r, approving the Concept of Technological Development until 2030, our state was given an extremely important task – achieving and subsequently ensuring the technological sovereignty of Russia. This provision determined the purpose of this study, which is to establish the most complete and objective content of the legal concept of TIMS. The subject of the analysis is the provisions of domestic and foreign legislation, as well as the works of scientists. The basis of the research methodology was the historical-legal method, the comparative-legal method inherent in the cycle of legal sciences, as well as general scientific dialectical and logical methods. As a result of the study, shortcomings in the wording of the definition of TIMS, enshrined in Art. 1448 of the Civil Code of the Russian Federation in comparison with similar definitions contained in foreign regulations. The conclusion of the study is the author's definition of TIMS.

Keywords: integrated circuit topology; integrated circuit; intellectual property; copyright; legal concept.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part 4) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on June 29, 2023, as amended and supplemented on June 13, 2023) // Russian newspaper. 2006. Dec 22; 2023. June 13.
2. Order of the Government of the Russian Federation of January 17, 2020 No. 20-r “On the Strategy for the development of the electronic industry of the Russian Federation for the period until 2030 and the action plan for its implementation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. 27 Jan.
3. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated 03/05/1941 No. 448 “On approval of the regulations on inventions and technical improvements and on the procedure for financing the costs of invention, technical improvements and rationalization proposals” // SP USSR. – 1941. – No. 9.
4. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR dated September 12, 1924 “On the implementation of the Resolution on Patents for Inventions” // SZ USSR. 1924. 19 Sep.; Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated March 28, 1932 No. 458 “On changes in the legislation of the USSR in connection with the publication of the regulation of April 9, 1931 on inventions and technical improvements” // SZ USSR. – 1932. – No. 24.
5. Buslenko N.P., Buslenko V.N. Conversations about computer generations. M.: Young Guard, 1977. 240 p.
6. Verkhoturov, M.E. Problems of legal regulation of the topology of integrated circuits // Business, management and law: Digital reality: materials of the international scientific and practical conference, Yekaterinburg, October 29, 2021. Ekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State Law University”, 2021. p. 321–327.
7. Glitskikh Yu.E. Topology and differential geometry: textbook. Voronezh: State Educational Institution of Higher Professional Education “Voronezh State University”, 2007. 76 p.
8. Dmitrieva E.O., Dmitriev O.V. Objects of industrial property rights in Spanish legislation // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2019. T. 16, No. 2. p. 40–49.
9. Ignatochkina L.A. Topology for bachelors of mathematics: textbook. M.: Prometheus, 2016. 88 p.
10. Kazakova, I.A. Ways of development of domestic computer engineering // Applied informatics. – 2013. – No. 2(44). With. 127–132.

11. Koroleva L.V. Fundamentals of microelectronics: A textbook for students of pedagogical universities / L.V. Koroleva, E.B. Petrova. M.: Karpov E.V., 2016. 148 p.
12. Mostovshchikov, A.V., Churilov A. Yu. On the moment of emergence of the exclusive right to the topology of integrated circuits // Legislation. – 2023. – No. 6. p. 21–26.
13. Novinskaya, T. Yu. The fate of a scientist: Bashir Iskandarovich Rameev // Historical ethnology. – 2023. – T. 8, No. 1. p. 141–149.
14. Romanenko D.M., Patsey N.V., Kudlatskaya M.F. Computer networks: educational and methodological manual. Minsk: BS-TU, 2016. 163 p.
15. Churilov, A. Yu., Mostovshchikov A.V. Problems of legal protection of the topology of integrated circuits // Bulletin of Tomsk State University. – 2023. – No. 490. p. 212–219.
16. Shtolyakov V.I., Yaganova M.V. On the protection of intellectual rights on the topology of integrated circuits // Bulletin of the Moscow State Unitary Enterprise named after Ivan Fedorov. 2015. No. 6. p. 83–84.
17. Patent US 2524034 Walter H Brattain, Robert B Gibney: “Three-electrode circuit element utilizing semiconductor materials”, patented in USA on 10/03/1950 // Google Patents. URL: <https://patents.google.com/patent/US2524034A/en> (Date of access: 03/30/2024).
18. Patent US 2524035 Bardeen John, Walter H Brattain: “Three-electrode circuit element utilizing semiconductive materials”, patented in USA on 10/03/1950 // Google Patents. URL: <https://patents.google.com/patent/US2524034A/en> (Accessed 03/30/2024).
19. The United States Code, Title 35, Part II, Chapter 10 // Office of the Law Revision Counsel. URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title35/part2/chapter10&edition=prelim> (Accessed: 03/30/2024).
20. The Patents Act 1977, The United Kingdom Domestic Law // Official portal of the World Intellectual Property Organization – WIPO Lex (Worldwide Foundation for Legal Information in the Field of Intellectual Property), URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/499598> (Date of access: 03/30/2023).

Сравнительная характеристика законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь

Калинин Алексей Владимирович,
Старший юрист ООО «Мегаполис-Консалтинг»
E-mail: alexkspblaw@gmail.com

В статье представлена и реализована методология формирования сравнительной характеристики законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь, которая включает методы целевого, принципиального, структурного, формального, источникового и пр. сравнительно-правового анализа. В частности, применение сравнительно-правового метода целевого анализа показало, что главное отличие исследуемых законодательных актов в целях регулирования сферы банкротства определяется отсутствием в нормах российского закона политических целей.

Ключевые слова: сравнительная характеристика, законодательство о банкротстве, целевой сравнительный анализ, структурный сравнительный анализ.

Активное развитие межгосударственных связей Российской Федерации и Республики Беларусь способствует расширению прямых экономических связей, росту числа договорных отношений между предприятиями наших стран. Товарооборот между РФ и РБ в 2023 году превысил 4,5 трлн руб. [6] Стоимость кооперационных российско-белорусских проектов, утвержденных только в первом полугодии 2023 года составила 243,7 млрд руб. [9] Общая сумма российских инвестиций в экономику Республики Беларусь в 2023 году, как отметил Президент России, достигла 374,9 млрд руб. [13]

Обозначенные показатели и системная интеграция Союзного государства в рамках соответствующего Договора РФ и РБ [2] по различным экономическим отраслям обуславливают важность и актуальность проведения сравнительных правовых исследований действующего законодательства РФ и РБ во всех сферах отношений, включая область регулирования банкротства предприятий.

Отношения в сфере несостоятельности регламентируются в России базовыми нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон РФ [3]), в Республике Беларусь – положениями Закона РБ «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон РБ [4]).

Сравнительное правовое исследование российского и белорусского законодательства в сфере несостоятельности для формирования соответствующей характеристики целесообразно проводить с применением методов целевого, принципиального, структурного, формального и пр. юридического анализа.

Использование метода целевого сравнительного правового анализа позволит установить сходства и различия в целях, задачах анализируемых законодательных актов.

Применение в рамках исследования метода принципиального сравнительного правового анализа способствует систематизации актуальных аспектов норм-принципов законодательных актов РФ и РБ в сфере банкротства.

Реализация метода структурного сравнительного правового анализа поможет выделить схожие и характерные свойства элементов исследуемых законодательных актов.

Использование сравнительного метода формального анализа включает сравнение схожего содержания отдельных норм, статей различных актов законодательства.

Следовательно, методология формирования сравнительной характеристики законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республи-

ки Беларусь в рамках предлагаемого исследования формируется методами целевого, принципиального, структурного, формального, источникового и пр. сравнительного юридического анализа.

В начале сравнительного анализа российского и белорусского законодательства в сфере несостоятельности следует обобщить тезисы соответствующих исследований правоведов России и Беларуси, которые также применяли указанные правовые методы сравнительного анализа.

В частности, Ю.Е. Трубина при исследовании белорусского законодательства в сфере неплатежеспособности с применением формального метода сравнения норм отмечает лаконичный, социальный характер очередности удовлетворения в РБ требований кредиторов к несостоятельным должникам. При этом автор логично обосновала рекомендации по коррекции норм об очередности удовлетворения кредиторских и пр. требований:

1) внеочередная группа реализуемых требований включает покрытие расходов по открытию конкурсного производства;

2) первую группу кредиторских требований составляют выплаты: физическим лицам в рамках ответственности должника за причинение вреда жизни, здоровью с помощью капитализации временных платежей должника; работникам по условиям трудовых и гражданско-правовых договоров;

3) вторую группу формируют выплаты по обязательным требованиям закона (обязательным платежам); и т.д. [14]

Указанные рекомендации с определенными улучшениями реализованы в нормах ст. 119 Закона РБ, предусматривающей внесение всех социальных, обязательных, судебных, банковских выплат в группу внеочередных платежей, осуществляемых в специальном порядке согласно ст. 120 Закона РБ.

В результате сравнительного исследования с применением структурного анализа Н.П. Мыцких выделила в положениях Закона РБ три вида неплатежеспособности должника: временная неплатежеспособность должника, которая ограничена периодом исполнения мероприятий предупреждения банкротства, позволяющим урегулировать задолженность по действующему законодательству; хроническая неплатежеспособность, которая отличается невозможностью устранения превентивными мерами признаков несостоятельности; абсолютная неплатежеспособность, характеризующаяся признаком неоплатности, который формирует основания для признания банкротства должника [10].

Указанные три вида неплатежеспособности должника, установленные Законом РБ, по своим имущественным и временным признакам схожи с тремя видами несостоятельности организации-должника, которые предусмотрены Законом РФ и включают, как обосновал К..Б. Кораев, относительную, абсолютную и формальную стадии несостоятельности [8].

В ряде совместных исследований С.М. Оганесяна обобщены сравнительные признаки банкротно-

го законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь. В частности, ученые отметили схожую реализацию системы законодательного регулирования банкротных правоотношений в обеих странах по одной схеме: положения гражданского законодательства – нормы процессуального кодекса – предписания специального закона в сфере несостоятельности (неплатежеспособности). При этом, правовое регулирование в России представляется более детализированным, а законодательство Беларуси отличается большей стабильностью [7].

В рамках сравнительного исследования российских и белорусских правовых источников сферы банкротных правоотношений С.М. Оганесян обозначил определенную роль актов Президента России, Президента Республики Беларусь в формировании системы законодательства о несостоятельности. Указанная правотворческая роль главы Республики Беларусь более заметна в силу характерной эволюции правового развития РБ. При этом обоснована общая тенденция постепенного снижения в обеих странах участия Президента в регулировании системы конкурсного права в актуальных условиях усиления роли закона с подзаконными актами Правительства [12].

Кроме этого правововедами Государственного института экономики, финансов, права и технологий обобщены новеллы российского банкротного законодательства [13], инициатором которых выступает Конституционный Суд РФ, установивший, например [5], определенные несоответствия норм Закона РФ базовым нормам Конституции РФ [1] в части разрешения проблем в очередности удовлетворения должником требования о налоговых платежах в случае реализации имущества в составе конкурсной массы.

Обозначенные тезисы публикаций российских и белорусских исследователей подтверждают возможность применения представленной выше методологии формирования сравнительной характеристики законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках предлагаемого исследования с помощью методов целевого, принципиального, структурного, формального, источникового и пр. сравнительного юридического анализа.

В рамках применения метода целевого сравнительно-правового анализа стоит отметить, что в нормах Закона РБ и Закона РФ нет обособленных, специальных норм, обобщающих перечень целей, задач регулирования отношений в сфере несостоятельности, что представляется некорректным, поскольку у правоприменителя отсутствуют четко обозначенные базовые направления реализации банкротного законодательства, применение которых важно в случае неопределенности регулирования тех или иных аспектов несостоятельности.

Положения Закона РБ [4] и Закона РФ [3] о целях регулирования приводятся фрагментировано в разных статьях сравниваемых законодательных актов.

В терминологии ст. 1 Закона РБ приводится ряд предписаний о целях регламентации соответствующих норм.

Положения п. 17 ст. 1 Закона РБ определяют контрольно-аналитические цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности, которые заключаются в осуществлении анализа достоверности данных, отраженных в заявлении о признании банкротства или несостоятельности, а также в проведении проверки наличия либо отсутствия оснований, предусмотренных Законом РБ, для подачи такого заявления и оснований для инициирования конкурсного производства в рамках защитного периода.

Формальный сравнительный анализ положений п. 17 ст. 1 Закона РБ одновременно показывает на отсутствие в нормах Закона РФ схожих правил о контрольно-аналитической цели банкротного регулирования и соответствующих правовых механизмов защитного периода в части проверки правовых оснований для подачи заявления о несостоятельности. Но в положениях п. 6 ст. 42 Закона РФ о порядке принятия арбитражным судом такого заявления предусмотрен специальный отрезок времени длительностью до 15 дней на проверку арбитражным судом обоснованности поданного заявления о признании несостоятельности должника.

В нормах п. 18 ст. 1 Закона РБ обозначены контрольно-аналитические, организационно-реестровые, исследовательские цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности.

В частности, указанные контрольно-аналитические цели, отраженные в п. 18 ст. 1 Закона РБ заключаются:

- в проверке наличия либо отсутствия правовых оснований для принятия судебного решения в части признания несостоятельности организации-должника несостоятельным с введением процедуры санации либо в части признания банкротства организации-должника с открытием процедуры ликвидации;
- в проверке наличия либо отсутствия правовых оснований для принятия судебного решения в части признания банкротства индивидуального предпринимателя – должника с условиями прекращения его предпринимательской деятельности в рамках процедуры ликвидации.

Установленные в п. 18 ст. 1 Закона РБ организационно-реестровые цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности определяются действиями по формированию реестра кредиторских требований.

Обозначенные в п. 18 ст. 1 Закона РБ исследовательские цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности связаны с установлением на стадии конкурсного производства признаков: совершения должником преднамеренного банкротства, сокрытия должником банкротства или препятствования им осуществления расчета по кредиторским требованиям.

Положения п. 21 ст. 1 Закона РБ [4] определяют ликвидационные цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности, которые заключаются:

1) в проведении мероприятий ликвидации организации-должника либо прекращения деятельности индивидуального предпринимателя-должника;

2) в осуществлении продажи установленного имущества должника;

3) в оптимальном удовлетворении кредиторских требований согласно установленной очередности.

В предписаниях п. 32 ст. 1 Закона РБ приводятся оздоровительные цели процедуры санации, которые включают: обеспечение эффективной экономическо-хозяйственной деятельности организации-должника; восстановление ее платежеспособности; погашение кредиторской задолженности согласно определенной очереди.

Нормы п. 32 ст. 1 Закона РБ предусматривают превентивные, обеспечительные, оздоровительные, ликвидационные цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности, которые реализуются мероприятиями, процедурами урегулирования неплатежеспособности.

В частности, превентивные цели Закона РБ связаны с комплексом процедур, мероприятий на стадии урегулирования неплатежеспособности организации-должника либо индивидуального предпринимателя-должника, которые направлены на профилактику их несостоятельности либо банкротства.

Обеспечительные цели регулирования правовых отношений в сфере неплатежеспособности, предусмотренные п. 32 ст. 1 Закона РБ, определяют задачи процедур, мероприятий на стадии урегулирования неплатежеспособности организации-должника либо индивидуального предпринимателя-должника по обеспечению их эффективной хозяйственно-экономической деятельности.

Вместе с этим, в п. 2 ст. 2 Закона РБ отмечены политические цели регламентации правовых отношений в сфере неплатежеспособности с применением актов Президента РБ, которая направлена на обеспечение:

1) национальной безопасности, национального суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь;

2) экономической, политической стабильности и общественного порядка в стране;

3) защиты жизни, здоровья белорусского населения, прав, свобод граждан;

4) взаимодействия и преемственности государственных органов.

На примере указанных норм можно обобщить перечень ключевых целей регулирования Законом РБ правовых отношений в сфере неплатежеспособности, включающий цели контрольно-аналитического, организационного, исследовательского, ликвидационного, оздоровительного,

превентивного, обеспечительного, политического и пр. содержания.

Содержание Закона РФ [3] также фрагментарно отражает перечень схожих целей регламентации банкротных отношений.

В частности, анализ терминологии ст. 2 Закона РФ позволяет выделить цели профилактического, оздоровительного, обеспечительного, аналитического, организационного, примирительного и пр. содержания.

Таким образом, можно говорить, что главное отличие сравниваемых законодательных актов в целях регулирования сферы банкротства определяется отсутствием в нормах Закона РФ политических целей обеспечения национальной безопасности, национального суверенитета с соответствующими полномочиями Президента РФ в сфере регулирования несостоятельности, хотя Конституция РФ определяет подобные политические полномочия Президента РФ в различных сферах социально-экономического развития.

Рассматривая структуру Закона РБ и Закона РФ, можно отметить их схожесть по основным аспектам и различия по отдельным особенностям. Содержание Закона РБ [4] включает 6 разделов, 25 глав, 228 статей.

Указанные положения разделов, глав, статей Закона РБ определяют следующие ключевые институты белорусского права в сфере неплатежеспособности: институт досудебного оздоровления, профилактики несостоятельности, банкротства; институт банкротного судопроизводства; институт управляющего; институт кредиторов и кредиторских требований; институт имущества должника и его реализации; институт защитного периода; институт конкурсного производства; институт санации; институт мирового соглашения; институт ликвидационного производства; институт неплатежеспособности отдельных категорий должников (градообразующих организации, сельскохозяйственных организаций, банков и пр.); институт банкротства ликвидируемого должника и отсутствующего должника.

Подобные институты сферы банкротства отражены и в содержании Закона РФ [3], которое состоит из 12 глав, 233 статей. Например, в главах Закона РФ систематизированы нормы следующих институтов: институт профилактики банкротства; институт банкротного судопроизводства; институт конкурсного производства; институт санации; институт мирового соглашения и др. схожие институты.

Ключевые различия в структуре сравниваемых законов определяются выделением в Законе РБ института управляющего (глава 4 Закона РБ); института кредиторов и кредиторских требований (главы 5, 6 Закона РБ); института имущества должника и его реализации (главы 7, 8 Закона РБ), которые отражены в Законе РФ отдельными нормами, формирующими другие правовые институты. Например, положения о полномочиях управляющего организацией-должником входят в нормы институ-

та внешнего управления (глава 6 Закона РФ), отсутствующий в Законе РБ, и института конкурсного производства (глава 7 Закона РФ).

Вместе с этим, в Законе РФ обособлен правовой институт оспаривания сделок, схожие белорусские нормы которого обозначены в институте имущества должника и его реализации (главы 7, 8 Закона РБ). Также в Законе РФ выделен институт ответственности руководителя организации-должника и других лиц в банкротном деле, отдельные нормы которого об ответственности заинтересованных лиц на стороне организации-должника отражены в институте конкурсного производства (глава 10 Закона РБ).

Таким образом, проведенный сравнительный структурный анализ содержания Закона РБ и Закона РФ показал на схожесть ключевых правовых институтов, отраженных в их нормах, и на отдельные различия, связанные с обособлением в Законе РБ института досудебного оздоровления, института управляющего, института кредиторов и кредиторских требований, института имущества должника и его реализации, и с выделением в Законе РФ института оспаривания сделок, института ответственности руководителя организации-должника и других лиц в банкротном деле.

Обобщая результаты предлагаемого исследования, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в рамках исследования доказана практическая значимость применения представленной методологии формирования сравнительной характеристики законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь, которая включает методы целевого, принципиального, структурного, формального, источникового и пр. сравнительно-правового анализа.

Во-вторых, применение сравнительно-правового метода целевого анализа показало, что главное отличие исследуемых законодательных актов в целях регулирования сферы банкротства определяется отсутствием в нормах Закона РФ политических целей обеспечения национальной безопасности, национального суверенитета с соответствующими полномочиями Президента РФ в сфере регулирования несостоятельности, хотя в Конституции РФ предусмотрены соответствующие политические полномочия Президента РФ в различных сферах социально-экономического развития.

В-третьих, использование сравнительно-правового метода структурного анализа позволило аргументировать схожесть ключевых правовых институтов, отраженных в нормах Закона РФ [3] и Закона РБ [4], и отдельные различия, связанные с обособлением в Законе РБ трех правовых институтов и с выделением в Законе РФ двух правовых институтов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийско-

- го голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс], Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения 14.04.2024).
2. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 7. Ст. 786.
 3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 19.03.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
 4. Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности». [Электронный ресурс], URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227> (дата обращения 14.04.2024).
 5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2023 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой общества с ограниченной ответственностью «Предприятие строительных работ энергетики». [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448644/?ysclid=lq9p-46gldf389569906 (дата обращения 14.04.2024).
 6. Головченко Р.А. Товарооборот между Беларусией и Россией в 2023 достиг \$53 млрд. [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (дата обращения 14.04.2024)
 7. Калинин А.В. Место норм о несостоятельности (банкротстве) в системе законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь / А.В. Калинин, С.М. Оганесян // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Сост. Е.В. Воскресенская, М.В. Минаева. Санкт-Петербург, 2023. С. 314–322.
 8. Кораев К.Б. Правовое положение неплатежеспособного должника: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Кораев Константин Борисович. Санкт-Петербург, 2015. С. 12.
 9. Максим Решетников: Россия и Белоруссия в 2023 г. могут превзойти рекорд по взаимному товарообороту. [Электронный ресурс], URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_rossiya_i_belorussiya_v_2023_g_mogut_prevzoyti_rekord_po_vzaimnomu_tovarooborotu.html (дата обращения 14.04.2024).
 10. Мыцких Н.П. Неплатежеспособность, несостоятельность, банкротство в новом Законе о банкротстве: сравнительный анализ // Банкаўскі веснік. № 2 (715) люты 2023. С. 43–51.
 11. Оганесян С.М. Новеллы 2023 года в российском законодательстве о текущих платежах в процедурах несостоятельности (банкротства) / С.М. Оганесян, А.В. Калинин // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2024. С. 75–78.
 12. Оганесян С.М. Нормативные акты главы государства в системе законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь / С.М. Оганесян, А.В. Калинин // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2023. сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции. 2023. С. 210–214.
 13. Путин: Россия инвестировала в экономику Беларуси свыше \$4 млрд в 2023 году. [Электронный ресурс], URL: <https://sputnik.by/20240129/putin-rossiya-investirovala-v-ekonomiku-belarusi-svyshe-4-mlrd-v-2023-godu-1083201428.html> (дата обращения 14.04.2024).
 14. Трубина, Ю.Е. Совершенствование института несостоятельности (банкротства) в Республике Беларусь / Ю.Е. Трубина // Наука и техника. 2016. Т. 15, № 6. С. 521–527.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE BANKRUPTCY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Kalinin A.V.
Megapolis-Consulting Ltd.

The article presents and implements a methodology for the formation of comparative characteristics of bankruptcy legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus, which includes methods of targeted, principled, structural, formal, source, etc. comparative legal analysis. In particular, the application of the comparative legal method of targeted analysis showed that the main difference between the studied legislative acts in order to regulate the sphere of bankruptcy is determined by the absence of political goals in the norms of Russian law.

Keywords: comparative characteristics, bankruptcy legislation, targeted comparative analysis, structural comparative analysis.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). [Electronic resource], The official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (date of appeal 04/14/2024).
2. The Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 08.12.1999 “On the creation of the Union State” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2000. No. 7. St. 786.
3. Federal Law No. 127-FZ dated 10/26/2002 (as amended on 03/19/2024) “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. St. 4190.
4. Law of the Republic of Belarus dated December 13, 2022 No. 227-Z “On settlement of insolvency”. [Electronic resource], URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227> (accessed 04/14/2024).
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 31, 2023 No. 28-P “On the case of checking the constitutionality of Articles 248 and 249, paragraph 1 of Article 251 and Article 271 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 1 and 3 of Article 5 and paragraph 2 of Article 134 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the request of the Supreme Court of

- the Russian Federation and the complaint of the limited liability company "Enterprise of Energy Construction Works". [Electronic resource], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448644/?ysclid=lq9p46gldf389569906 (accessed 04/14/2024).
6. Golovchenko R.A. The trade turnover between Belarus and Russia in 2023 reached \$53 billion. [Electronic resource], URL: <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (accessed 04/14/2024)
 7. Kalinin A.V. The place of insolvency (bankruptcy) rules in the system of legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus / A.V. Kalinin, S.M. Oganessian // Human rights activities in modern Russia: problems and their solution. Collection of scientific papers of the IX International Scientific and Practical Conference. Comp. E.V. Voskresenskaya, M.V. Minaeva. St. Petersburg, 2023. pp. 314–322.
 8. Koraev K.B. The legal status of an insolvent debtor: dis. ... doct. Jurid. sciences': 12.00.03 / Konstantin Borisovich Koraev. St. Petersburg, 2015. p. 12.
 9. Maxim Reshetnikov: Russia and Belarus may surpass the record for mutual trade turnover in 2023. [Electronic resource], URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_rossiya_i_belorussiya_v_2023_g_mogut_prevzoyti_rekord_po_vzaimnomu_tovaroobrotu.html (accessed 04/14/2024).
 10. Mytskikh N.P. Insolvency, insolvency, bankruptcy in the new Bankruptcy Law: a comparative analysis // Bankayski vesnik.
 11. Oganessian S.M. Oganessian Novellas of 2023 in the Russian legislation on current payments in insolvency (bankruptcy) procedures / S.M. Oganessian, A.V. Kalinin // Novellas of law, education, Economics and Management 2023. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Gatchina, 2024. pp. 75–78.
 12. Oganessian S.M. Oganessian, A.V. Kalinin, Normative acts of the head of state in the system of bankruptcy legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Actual problems of science and practice: Gatchina Readings – 2023. collection of scientific papers based on the materials of the X International Scientific and practical Conference. 2023. pp. 210–214.
 13. Putin: Russia invested over \$4 billion in the Belarusian economy in 2023. [Electronic resource], URL: <https://sputnik.by/20240129/putin-rossiya-investirovala-v-ekonomiku-belarusi-svyshe-4-mlrd-v-2023-godu-1083201428.html> (accessed 04/14/2024).
 14. Trubina, Yu.E. Improvement of the institute of insolvency (bankruptcy) in the Republic of Belarus / Yu.E. Trubina // Science and Technology. 2016. Vol. 15, No. 6. pp. 521–527.

Касимова Олеся Алексеевна,

Аспирант Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: olesyatravy2010@mail.ru

В нынешней юридической практике в России вопрос охраны репутации компаний становится особенно важным на фоне прогресса в области цифровых технологий и активного использования социальных платформ. Репутация предприятия, представляющая собой ценный нематериальный ресурс, требует разработки эффективного механизма защиты на уровне законодательства. В данной статье поднимаются ключевые вопросы и трудности, связанные с охраной репутации организаций в рамках гражданского законодательства России. Выделяется важность исследования действующих законов, анализа судебных дел и исследования методов разрешения конфликтов, касающихся защиты репутации. Статья содержит предложения по улучшению законодательной базы в сфере защиты репутации с учетом требований цифрового века и необходимости нахождения компромисса между интересами всех сторон правовых отношений.

Ключевые слова: деловая репутация, гражданское право, защита репутации, юридические лица, информационные технологии, судебная практика.

Введение

Защита деловой репутации в современном обществе становится одной из ключевых задач гражданского права, особенно в условиях быстрого развития информационных технологий и социальных сетей. С одной стороны, деловая репутация юридических лиц выступает важным активом, влияющим на их конкурентоспособность и экономическое положение на рынке. С другой стороны, возможности для незаконного ущерба репутации значительно расширяются в цифровую эпоху, когда информация о компании может распространяться с невероятной скоростью.

Российское законодательство предусматривает ряд норм, направленных на защиту деловой репутации, однако практика применения этих норм демонстрирует ряд проблем и вызовов. Среди них – сложности в доказывании факта распространения недостоверной информации, определении размеров компенсации ущерба, а также необходимость адаптации законодательства к условиям цифровой экономики.

Цель данной статьи – проанализировать существующее законодательство и судебную практику по вопросам защиты деловой репутации в Российской Федерации, выявить основные проблемы и предложить возможные пути их решения. Особое внимание будет уделено анализу того, как информационные технологии влияют на процесс защиты деловой репутации и какие механизмы правовой защиты могут быть наиболее эффективными в современных условиях.

Исследование опирается на анализ законодательных актов, судебных решений, научных работ в области гражданского права, а также международного опыта защиты деловой репутации. В работе используются общенаучные методы анализа, сравнения и обобщения, что позволяет систематизировать существующие подходы к защите деловой репутации и выработать предложения по совершенствованию правового регулирования в данной области.

Репутация компании относится к важнейшим нематериальным ресурсам организаций, отражая общее восприятие их коммерческой надежности, уровня профессионализма и честности в деловой среде [1, с. 15]. От деловой репутации во многом зависит конкурентоспособность и экономическая успешность компании на рынке, доверие к ней со стороны потребителей, партнеров и инвесторов [2, с. 7]. Российское гражданское законодательство рассматривает деловую репутацию как одно из нематериальных благ, неотчуждаемых от личности носителя и защищаемых правом (ст. 150 ГК РФ) [3].

Основу правовой защиты деловой репутации в Российской Федерации формируют статьи Конституции РФ, касающиеся охраны чести и достоинства (ст. 23), положения Гражданского кодекса РФ, предусматривающие возмещение вреда моральному благополучию (ст. 151) и правила по опровержению информации, наносящей ущерб репутации (ст. 152). Дополнительно, защита регулируется рядом специфических законов, включая Закон РФ «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4, с. 85–86]. В то же время отсутствие легального определения деловой репутации и четких критериев ее оценки создает определенные сложности в правоприменении.

В доктрине гражданского права деловая репутация нередко рассматривается в соотношении с такими близкими понятиями как «честь» и «достоинство». При этом под честью понимается внешняя общественная оценка личности, а под достоинством – внутренняя самооценка [5, с. 10]. Деловая репутация, в свою очередь, отражает оценку деловых качеств субъекта и может относиться как к физическим, так и к юридическим лицам. В отличие от чести и достоинства, деловая репутация имеет более объективированный характер и может быть в большей степени подтверждена фактическими обстоятельствами (качество товаров и услуг, исполнение обязательств, отзывы контрагентов и т.п.).

В то же время разграничение данных понятий в правоприменительной практике не всегда является четким и последовательным. Суды нередко рассматривают дела о защите деловой репутации юридических лиц по аналогии с делами о защите чести и достоинства граждан, не всегда учитывая специфику правового положения организаций и особенности формирования их деловой репутации [6, с. 15]. Это приводит к смешению различных способов защиты репутационных прав (опровержение, компенсация морального вреда, возмещение убытков) и затрудняет выработку единообразных подходов к разрешению соответствующих споров.

Представляется, что дальнейшее развитие института защиты деловой репутации в российском праве должно идти по пути уточнения содержания данного понятия, определения четких критериев оценки деловой репутации юридических лиц и разграничения способов ее защиты с учетом специфики правового положения организаций. Это позволит повысить эффективность правовой защиты репутационных прав участников гражданского оборота и обеспечить баланс интересов всех заинтересованных лиц в условиях развития информационного общества.

В рамках российского законодательства предусмотрены различные методы защиты репутации организаций. Самым общепринятым способом является опровержение необоснованных утверждений, допускающееся осуществлять как по добровольному согласию, так и через судебные инстан-

ции (ст. 152 ГК РФ) [7, с. 20]. При этом юридическое лицо вправе требовать опровержения только сведений о фактах, но не оценочных суждений, что подтверждается сложившейся судебной практикой [8, с. 45].

Другим важным способом защиты является возмещение убытков, причиненных распространением порочащих сведений (п. 5 ст. 152 ГК РФ). Однако на практике взыскание таких убытков сопряжено со значительными сложностями доказывания причинно-следственной связи между распространением сведений и возникшими у юридического лица неблагоприятными последствиями. Что касается компенсации морального вреда, то данный способ защиты не применяется к юридическим лицам в силу отсутствия у них нематериальных страданий как таковых [9, с. 15].

Помимо этого, законодательство предусматривает возможность публикации ответа на порочащие сведения в тех же средствах массовой информации (п. 3 ст. 152 ГК РФ), а также удаления соответствующей информации из сети Интернет на основании судебного решения (п. 5 ст. 15.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Развитие информационных технологий и сети Интернет ставят новые вызовы перед институтом защиты деловой репутации. Особенности распространения сведений в цифровой среде (анонимность, трансграничность, высокая скорость и широта распространения) значительно усложняют процесс доказывания факта распространения недостоверной информации и установления ее источника [10, с. 58]. Проблемными остаются вопросы определения надлежащего ответчика по делам о диффамации в Интернете (владелец сайта, автор материала, интернет-провайдер), а также компетентного суда с учетом экстерриториальности распространения информации.

Анализ судебной практики показывает, что споры о защите деловой репутации составляют значительную долю дел, рассматриваемых арбитражными судами и судами общей юрисдикции. При этом основными категориями споров являются дела об опровержении недостоверных сведений в СМИ и сети Интернет, о защите репутации при рассмотрении обращений граждан государственными органами, о диффамации со стороны конкурентов в ходе рекламных кампаний и т.п. Высшие судебные инстанции сформировали ряд ключевых правовых позиций, касающихся разграничения фактических утверждений и оценочных суждений, распределения бремени доказывания, определения надлежащих ответчиков и т.д. [11, с. 18].

Вместе с тем в правоприменительной практике сохраняются определенные проблемы, связанные с неоднозначным толкованием понятия деловой репутации, сложностями доказывания размера причиненных убытков, необоснованным ограничением свободы слова и массовой информации под видом защиты репутации. Представляется, что преодоление указанных проблем требует дальнейшего

совершенствования законодательства с учетом новых технологических реалий, выработки единых подходов судебной практики, а также повышения правовой культуры участников информационного обмена.

Обращение к зарубежному опыту защиты деловой репутации позволяет выявить определенные особенности правового регулирования в данной сфере. Так, в странах общего права (США, Великобритания) дела о диффамации традиционно рассматриваются судами присяжных, что повышает непредсказуемость судебных решений. При этом ключевое значение имеет вопрос о добросовестности ответчика и наличии у него намерения причинить вред репутации истца [12, с. 33]. В странах континентального права (Германия, Франция) защита деловой репутации осуществляется преимущественно в рамках уголовного законодательства, а бремя доказывания достоверности распространенных сведений возлагается на ответчика.

Несмотря на различия правовых систем, можно выделить некоторые общие тенденции в развитии института диффамации за рубежом: повышение роли специализированных органов саморегулирования СМИ, внедрение альтернативных способов урегулирования споров, учет фактора добросовестности при распределении бремени доказывания и т.д. [13, с. 45]. Представляется, что использование отдельных зарубежных правовых механизмов (досудебное урегулирование споров, дифференциация ответственности в зависимости от статуса ответчика и характера распространенных сведений) может быть полезным и для совершенствования российского законодательства в данной области.

Основные направления развития правового регулирования защиты деловой репутации в России видятся в уточнении понятия деловой репутации и критериев ее оценки с учетом особенностей нематериального характера данного блага [14, с. 67]. Важной задачей является совершенствование процессуального порядка рассмотрения дел данной категории, в том числе внедрение упрощенных процедур для бесспорных требований, использование примирительных процедур, повышение роли специальных знаний в области лингвистики, психологии и т.п. Наконец, принципиальное значение имеет адаптация правовых норм к условиям цифровой среды, выработка специальных правил распределения ответственности за диффамацию в сети Интернет, процессуальных механизмов оперативной защиты репутации с использованием цифровых технологий.

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что деловая репутация является одним из ключевых нематериальных активов современной организации, а ее защита – необходимым условием стабильного развития бизнеса в условиях информационного общества. Действующее российское законодательство пред-

усматривает различные способы защиты деловой репутации юридических лиц, однако их практическое применение сопряжено с рядом проблем, особенно в контексте распространения сети Интернет и социальных медиа [15, с. 47]. Анализ зарубежного опыта и судебной практики позволяет наметить возможные пути совершенствования правового регулирования в данной сфере, связанные с уточнением базовых понятий, оптимизацией процессуальных механизмов и адаптацией правовых норм к вызовам цифровой эпохи.

Дальнейшее развитие института защиты деловой репутации юридических лиц в России должно быть направлено на обеспечение оптимального баланса между свободой слова и информации, с одной стороны, и охраняемыми законом репутационными интересами участников гражданского оборота, с другой. Это предполагает взвешенный подход законодателя и правоприменителя, опору на фундаментальные принципы юридической ответственности, учет технологических реалий и особенностей современной информационно-коммуникативной среды. Только на этом пути возможно формирование полноценного и эффективного правового механизма защиты репутации как важнейшего нематериального блага в условиях рыночной экономики и правового государства.

Литература

1. Гаврилов Е.В. Защита деловой репутации в арбитражном процессе // *Хозяйство и право*. 2018. № 8. С. 14–23.
2. Карайчева О.В. Деловая репутация как объект гражданских прав // *Юрист*. 2014. № 3. С. 6–10.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // *Российская газета*. N 238–239. 08.12.1994.
4. Быкова М.О. Правовое регулирование защиты деловой репутации юридических лиц в России // *Право и экономика*. 2020. № 4. С. 83–88.
5. Потапенко С.В., Кузнецов С.А. Судебная защита деловой репутации: теория и практика // *Юрист*. 2015. № 9. С. 8–14.
6. Шиткина И.С. Защита деловой репутации юридических лиц: вопросы теории и практики // *Хозяйство и право*. 2019. № 5. С. 13–25.
7. Гусалова А.Р. Опровержение сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица // *Юрист*. 2017. № 12. С. 19–23.
8. Смольский А.П. Оценочные суждения и фактические утверждения как предмет судебной защиты деловой репутации // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 5. С. 44–48.
9. Ерохина Ю.В. Компенсация морального вреда и защита деловой репутации юридических лиц // *Российская юстиция*. 2015. № 4. С. 14–17.
10. Тулупова Е.В. Проблемы защиты деловой репутации в сети Интернет // *Информационное право*. 2019. № 2. С. 57–60.

11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.
12. Пристанская Н.М. Доктрина добросовестности и разумности в делах о диффамации в США и Великобритании // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 32–39.
13. Кузнецова Ю.А. Тенденции развития института диффамации в зарубежных странах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 43–48.
14. Сергеев А.П. Проблемы правовой охраны деловой репутации // Закон. 2016. № 2. С. 64–71.
15. Волков А.В. Диффамация в социальных сетях: правовой аспект // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 46–50.

PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION IN RUSSIAN CIVIL LAW

Kasimova O.A.

Moscow financial and industrial university «Synergy»

In the current legal practice in Russia, the issue of protecting companies' reputation becomes particularly significant against the backdrop of advancements in digital technologies and the active use of social platforms. The reputation of a business, being a valuable intangible asset, requires the development of an effective legislative protection mechanism. This article addresses the key issues and challenges associated with protecting the reputation of organizations within the framework of Russian civil legislation. The importance of examining existing laws, analyzing court cases, and exploring dispute resolution methods related to reputation protection is highlighted. The article offers suggestions for improving the legislative framework in the area of reputation protection, taking into account the demands of the digital age and the necessity of finding a compromise between the interests of all parties involved in legal relationships.

Keywords: business reputation, civil law, reputation protection, legal entities, information technology, judicial practice.

References

1. Gavrilov E.V. Protection of business reputation in arbitration proceedings // *Economy and Law*. 2018. No. 8. P. 14–23.
2. Karaicheva O.V. Business reputation as an object of civil rights // *Lawyer*. 2014. No. 3. P. 6–10.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 9, 2021) // *Russian newspaper*. N 238–239. 12/08/1994.
4. Bykova M.O. Legal regulation of the protection of business reputation of legal entities in Russia // *Law and Economics*. 2020. No. 4. pp. 83–88.
5. Potapenko S.V., Kuznetsov S.A. Judicial protection of business reputation: theory and practice // *Lawyer*. 2015. No. 9. pp. 8–14.
6. Shitkina I.S. Protection of business reputation of legal entities: issues of theory and practice // *Economy and Law*. 2019. No. 5. P. 13–25.
7. Gusalova A.R. Refutation of information discrediting the business reputation of a legal entity // *Lawyer*. 2017. No. 12. pp. 19–23.
8. Smolsky A.P. Value judgments and factual statements as the subject of judicial protection of business reputation // *Arbitration and civil process*. 2016. No. 5. P. 44–48.
9. Erokhina Yu.V. Compensation for moral damage and protection of business reputation of legal entities // *Russian Justice*. 2015. No. 4. pp. 14–17.
10. Tulupova E.V. Problems of protecting business reputation on the Internet // *Information law*. 2019. No. 2. P. 57–60.
11. Review of the practice of courts considering cases on disputes regarding the protection of honor, dignity and business reputation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016) // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2016. No. 10.
12. Pristanskaya N.M. The doctrine of good faith and reasonableness in defamation cases in the USA and Great Britain // *Current problems of Russian law*. 2019. No. 2. P. 32–39.
13. Kuznetsova Yu.A. Trends in the development of the institution of defamation in foreign countries // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N.I. Lobachevsky. 2017. No. 1. P. 43–48.
14. Sergeev A.P. Problems of legal protection of business reputation // *Law*. 2016. No. 2. P. 64–71.
15. Volkov A.V. Defamation in social networks: legal aspect // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2019. No. 6. P. 46–50.

Специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица и свобода договора

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н; доцент; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

Статья посвящена вопросам обязательности применения участниками гражданско-правовых отношений договора в пользу третьего лица. Рассмотрены случаи, когда в силу специфики осуществления предпринимательской деятельности, либо в силу специфики правового статуса застрахованного лица заключение договора страхования в пользу третьего лица становится для страхователя обязательным. Также рассмотрены случаи обязательности заключения договора в пользу третьего лица для обязанной стороны в публичном договоре.

Ключевые слова: специальная договорная конструкция, договор в пользу третьего лица, публичный договор, свобода договора, обязательность заключения договора.

Договор в пользу третьего лица относится с специальным договорным конструкциям (СДК). Специальные договорные конструкции стоят вне классификации договоров второй части ГК РФ. Применение специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица не влечет за собой изменения правовой природы и целевой направленности основного договора. Так, договор страхования в пользу третьего лица остается договором страхования, договор банковского вклада в пользу третьего лица остается договором банковского вклада, договор купли-продажи в пользу третьего лица остается договором купли-продажи и т.д.

Вопрос обязательности заключения основного договора в форме той или иной специальной договорной конструкции нельзя рассматривать в отрыве от базового принципа гражданского права – принципа свободы договора. Принцип свободы договора закреплен статьей 1 ГК РФ [1] в качестве одного из основных начал гражданского законодательства и является единственным из начал, которому в Гражданском кодексе за рамками раздела «Общие положения» посвящена самостоятельная статья.

Из положений ст. 421 ГК РФ «Свобода договора» [2] следует, что принцип свободы договора реализуется участниками гражданско-правового оборота посредством:

- свободы выбора вида договора, в том числе посредством заключения смешанных, непоименованных и сложных договоров;
- свободы выбора контрагента – стороны договора;
- свободы определять договорные условия и применять или не применять в той или иной степени диспозитивные нормы;
- в целом свободы выбора вступления в договорные обязательства, свободы в решении заключать или не заключать договор.

Таким образом, принцип свободы договора подразумевает, что стороны договорного обязательства по своему усмотрению определяют в какой форме и в каком виде заключать договор и, вступая в договорные отношения, могут по своему усмотрению решать, соответствует ли их правовым и экономическим интересам применение какой-либо специальной договорной конструкции, или в таком применении нет необходимости. Вместе с тем, как следует из положений п. 2 ст. 1 ГК РФ и п. 4

ст. 421 ГК РФ, участники гражданско-правовых отношений свободны в определении и применении условий договора за тем исключением, «когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или иными правовыми актами (императивными нормами)» [16]. Таким образом, если закон или иные правовые акты предусматривают, что договор должен быть совершен в форме и по правилам определенной специальной договорной конструкции, то такая СДК является обязательной к применению.

Гражданское право базируется на диспозитивном начале. Это означает, что свобода договора ограничивается позитивным правом не произвольно, а обоснованно и рационально. Пленум ВАС РФ поясняет это тем, что целями такого ограничения является необходимость защиты «особо значимых охраняемых законом интересов» и обеспечение баланса интереса сторон [16]. В качестве «особо значимых, охраняемых законом интересов» в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» указаны: публичные интересы, защита слабой стороны и защита интересов третьих лиц. И именно эти три охраняемых интереса предопределяют обязательность применения определенных СДК.

Договор в пользу третьего лица с позиции обязательности применения данной специальной договорной конструкции реализуется как по свободному усмотрению сторон, так и в обязательном порядке. Положения ст. 430 ГК РФ сформулированы без указания на то, что договор в пользу третьего лица может быть обязательной формой договора. В общем случае стороны договорного обязательства не связаны нормативными требованиями, обязывающими их предусмотреть в обязательстве, что исполнение производится не кредитору, а третьему лицу – лишь в случае совпадения воли сторон на заключение договора в пользу третьего лица, стороны становятся связаны специальными нормами, регламентирующими данный вид договора. Вместе с тем, за рамками первой части ГК РФ законодатель установил обширный перечень договоров, которые не могут быть совершены в иной форме, чем договор в пользу третьего лица. Речь идет о договорах обязательного страхования в пользу третьих лиц. Согласно ст. 935 ГК РФ, обязательное страхование – это обязанность страховать «жизнь, здоровье или имущество других определенных в законе лиц на случай причинения вреда их жизни, здоровью или имуществу; риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц или нарушения договоров с другими лицами» [2]. Таким образом, как совершенно правильно резюмирует Ю.Б. Фогельсон, «договор обязательного страхования – это всегда договор в пользу третьего лица» [17, с. 137]. Если страхователь и страховщик заключают такие договоры обязательного страхования,

как, например, об обязательном государственном и не государственном страховании жизни и здоровья граждан определенных категорий (военнослужащих, сотрудников полиции [3], судей [4], сотрудников налоговых органов [5], сотрудников вневедомственной охраны [6], работников объектов космической инфраструктуры [7] и др.) – такой договор не может быть заключен в форме иной, чем договор в пользу третьего лица. Законодательно предусмотрены договоры обязательного страхования в пользу третьих лиц, которые связаны обусловлены спецификой предпринимательской деятельности страхователей – при осуществлении транспортной деятельности [8], деятельности в сфере туризма [9], оценочной деятельности [10], актуарной деятельности [11], деятельности ломбардов [12], и др.

Также укажем на то, что, в ряде публичных договоров, обязанная сторона не может отказать контрагенту-потребителю в его желании включить в договорное обязательство третье лицо, поскольку возможность исполнения публичного договора третьему лицу прямо установлена соответствующими нормативно-правовыми актами. В качестве примера приведем публичные договоры на оказание физкультурно-оздоровительных услуг [13], на оказание гостиничных услуг [14], на оказание платных медицинских услуг [15]. В постановлениях Правительства РФ, утвердивших указанные правила, прямо предусмотрена возможность того, что потребителем могут являться как сам заказчик, так и третье лицо, в пользу которого заказчик заказывает соответствующие услуги.

Следует сделать вывод, что спецификой публичного договора в пользу третьего лица-потребителя является то, что в определенных случаях такая конструкция может создаваться по требованию заказчика-потребителя и обязанная сторона не может отказаться от такого формата заключения и исполнения договора, т.е. заключение договора публичного договора именно в формате договора в пользу третьего лица становится для исполнителя обязательным.

На основании проведенного исследования следуют следующие выводы.

Безусловно обязательным является заключение договора в пользу третьего лица при обязательном страховании третьих лиц.

Эквивалентными обязательности применения договора обязательного страхования в пользу третьего лица являются либо сфера, в которой осуществляет деятельность страхователь либо правовой статус застрахованного лица.

Специальная договорная конструкция публичного договора также заключается в обязательном порядке в модели СДК в пользу третьего лица, если нормативными актами предусмотрено исполнение публичного договора третьим лицам. При этом заключение такого договора является обязательным для исполнителя, лица являющегося обязанной стороной в публичном договоре.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024)
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023)
3. Федеральный закон от 28.03.1998 N 52-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации»
4. Федеральный закон от 20.04.1995 N 45-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»
5. Закон РФ от 21.03.1991 N 943-1 (ред. от 28.12.2022) «О налоговых органах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2023)
6. Федеральный закон от 14.04.1999 N 77-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О ведомственной охране» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023)
7. Закон РФ от 20.08.1993 N 5663-1 (ред. от 13.06.2023) «О космической деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023)
8. Федеральный закон от 14.06.2012 N 67-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном»
9. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»
10. Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»
11. Федеральный закон от 02.11.2013 N 293-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об актуарной деятельности в Российской Федерации»
12. Федеральный закон от 19.07.2007 N 196-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О ломбардах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.07.2021)
13. Постановление Правительства РФ от 30.01.2023 N 129 «Об утверждении Правил оказания физкультурно-оздоровительных услуг»
14. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 N 1853 (ред. от 01.04.2021) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации»

15. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 N 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг»
16. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16.
17. Фогельсон Ю.Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 576 с.//с.137

SPECIAL CONTRACTUAL CONSTRUCTION OF AN AGREEMENT IN FAVOR OF A THIRD PARTY AND FREEDOM OF CONTRACT

Matveeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the issues of mandatory application by participants in civil law relations of an agreement in favor of a third party. Cases are considered when, due to the specifics of business activities, or due to the specifics of the legal status of the insured person, the conclusion of an insurance contract in favor of a third party becomes mandatory for the policyholder. Cases of mandatory conclusion of an agreement in favor of a third party for an obligated party in a public contract are also considered.

Keywords: special contractual structure, contract in favor of a third party, public contract, freedom of contract, mandatory conclusion of a contract.

References

1. “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 11, 2024)
2. “Civil Code of the Russian Federation (Part Two)” dated January 26, 1996 N 14-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on September 12, 2023)
3. Federal Law of March 28, 1998 N 52-FZ (as amended on April 14, 2023) “On compulsory state insurance of life and health of military personnel, citizens called up for military training, private and commanding personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the State Fire Department services, employees of institutions and bodies of the penal system, employees of the National Guard of the Russian Federation, employees of the compulsory enforcement authorities of the Russian Federation”
4. Federal Law of April 20, 1995 N 45-FZ (as amended on July 1, 2021) “On state protection of judges, officials of law enforcement and regulatory authorities”
5. Law of the Russian Federation of March 21, 1991 N 943-1 (as amended on December 28, 2022) “On the tax authorities of the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on May 18, 2023)
6. Federal Law of April 14, 1999 N 77-FZ (as amended on August 4, 2023) “On Departmental Security” (as amended and supplemented, entered into force on August 15, 2023)
7. Law of the Russian Federation of August 20, 1993 N 5663 1 (as amended on June 13, 2023) “On space activities” (as amended and supplemented, entered into force on October 12, 2023)
8. Federal Law of June 14, 2012 N 67-FZ (as amended on July 14, 2022) “On compulsory insurance of civil liability of the carrier for damage to life, health, property of passengers and on the procedure for compensation for such damage caused during the transportation of passengers by metro”
9. Federal Law of November 24, 1996 N 132-FZ (as amended on June 13, 2023) “On the fundamentals of tourism activities in the Russian Federation”
10. Federal Law of July 29, 1998 N 135-FZ (as amended on June 13, 2023) “On Valuation Activities in the Russian Federation”
11. Federal Law of November 2, 2013 N 293-FZ (as amended on June 11, 2021) “On actuarial activities in the Russian Federation”
12. Federal Law of July 19, 2007 N 196-FZ (as amended on July 13, 2020) “On Pawnshops” (as amended and supplemented, entered into force on July 10, 2021)

13. Decree of the Government of the Russian Federation of January 30, 2023 N 129 "On approval of the Rules for the provision of physical education and health services"
14. Decree of the Government of the Russian Federation of November 18, 2020 N 1853 (as amended on April 1, 2021) "On approval of the Rules for the provision of hotel services in the Russian Federation"
15. Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2012 N 1006 "On approval of the Rules for the provision of paid medical services by medical organizations"
16. On freedom of contract and its limits: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014 No. 16.
17. Fogelson Yu.B. Insurance law: theoretical foundations and practice of application: monograph. M.: Norma, Infra-M, 2012. 576 p.//p.137

Выявление оснований, применяемых в исках о признании завещаний недействительными: сравнительный анализ законодательства России и зарубежных стран

Наманюк Елизавета Александровна,

аспирант кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: ea.namanyuk@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса признания завещания недействительным, а именно: систематизированы основания применяемые в исках о признании завещания недействительным и выделено отдельное основание, наиболее часто применяемое в таких исках. Рассмотрены теоретические аспекты наиболее часто применяемого основания, его генезис и последующее развитие как в законодательстве, так и в доктрине права. Также, с целью формирования эмпирической базы данной статьи проведен анализ судебной практики за разные периоды времени. Сделан вывод о причинах возникновения именно такой статистики в судебной практике, а именно определены характеристики личности «типичного завещателя» в России. Проведен сравнительный анализ законодательства для установления различий характеристик личности завещателя в разных странах. А также сделан вывод о тенденции омоложения российского «типичного завещателя» и о причинах таких тенденций.

Ключевые слова: завещание, недействительность завещания, «типичный завещатель», наследование по завещанию, оспаривание завещания.

Наследственные правоотношения являются неотъемлемой частью жизни современного общества, почти каждый человек хоть раз в жизни обращается к нотариусу за оформлением своих наследственных прав. Наследование предусматривается по трем возможным основаниям: наследование по закону, по завещанию и по наследственному договору. Наследование по закону, является самым распространенным основанием для приобретения наследства, но такое основание имеет место, поскольку оно не изменено завещанием или наследственным договором. Каждый год, по данным Министерства юстиции Российской Федерации, удостоверяется около 600 тысяч завещаний. При этом ежегодно выдается около 5 миллионов свидетельств о праве на наследство, и пятая часть из них выдается на основании завещаний, что говорит о весомом значении наличия завещания при оформлении наследственных прав наследниками.

При открытии наследственного дела, для некоторых наследников, наличие завещания становится неприятным сюрпризом или же известным, но невыгодным обстоятельством и единственное, что может изменить существующее положение вещей, при наличии спора между наследниками, это обращение в суд за признанием такого завещания недействительным.

Гражданским законодательством предусмотрены положения о недействительности завещания, недействительность завещаний регулируется как общими нормами о недействительности сделок, так и специальной нормой, предусмотренной статьей 1131 Гражданского Кодекса РФ. Также стоит отметить, что отдельные вопросы недействительности завещания рассмотрены и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Основания признания завещания недействительным в существе, которых лежит нарушение порядка удостоверения завещания или формы такого завещания, так называемые формальные основания, например такие как присутствие лица указанного в завещании в качестве наследника при удостоверении такого завещания или отсутствие у нотариуса возможности проверить сведения об отмене или изменении завещания, достаточно редко служат поводом для обращения в суд, в то время как положения, предусмотренные пунктом 1 статьи 177 Гражданского Кодекса Российской Федерации «сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда

он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения» заслуживает особого внимания в контексте изучения оснований в исках о признании завещания недействительным в рамках российской реальности.

Массовое применение положений пункта 1 статьи 177 ГК РФ в качестве основания для оспаривания завещания неудивительно, так как применение данного основания в подобно контексте не является чем-то новым, в том или ином виде оно известно еще со времен римского права. В римском праве реализация завещательной дееспособности осуществлялась по правилам гражданского права (*juris civilis*), условием для совершения завещательного распоряжения или возможностью быть завещателем, было в том числе состояние завещателя, при котором он осознавал последствия совершаемого им действия и это состояние было частью «активной завещательной дееспособности» (*testamenti facio*). [3, с. 714]

Рассматривая нормы отечественного законодательства, следует отметить, что еще Свод Российской Империи ограничивал составление распоряжения на случай смерти лицами, хоть и достигшими возраста двадцати одного года, но при этом являющимися сумасшедшими или монахами, отошедшими от «мира», априори считая такие завещания недействительными, отдельным основанием для оспаривания завещания соответственно данные обстоятельства не являлись. Тогда же как нормы Гражданского Кодекса РСФСР 1964 года уже предусматривали возможность оспаривания завещания по причине того, что завещатель не осознавал значения своих действий в момент составления завещания.

Вопрос оспаривания завещания по причине дефекта воли завещателя не обделен вниманием и доктриной права. Значимость наличия дефекта воли завещателя подчёркивается многими авторами, которые анализируют случаи, когда завещания могут быть оспорены из-за состояния, не позволяющего завещателю полноценно осознавать последствия своих решений. Так М.В. Гордон в своих трудах, посвященных наследственному праву, отмечает то, что наиболее частым аргументом при оспаривании завещания являлся именно дефект воли лица в момент составления и удостоверения завещания. [2, с. 108–109]

Академик Ю.К. Толстой также отмечает в своих трудах, что наследники, желающие оспорить существующее завещание, чаще всего предъявляют требования основанные на состоянии лица в момент составления завещания, акцентируя внимание на том, что завещатель хоть и не был признан недееспособным, но при этом не отдавал себе отчет в своих действиях. [8, с. 67]

Другие авторы, говоря о недействительности завещания, отмечают, что, болезненное, хотя бы

и весьма тяжелое, предсмертное состояние завещателя само по себе не является основанием для признания такого лица недееспособным, если завещатель при этом в момент составления и подписания завещания находился в полном сознании, а также отдавал отчет своим действиям и поступкам. [7, с. 31]

А.Е. Казанцева допускает тот факт, что за составлением завещания может обратиться лицо, которое находится в состоянии, не позволяющем осознавать свои действия либо руководить ими и соответственно при последующем доказывание такого факта, завещание, как и любая иная сделка, может быть признано судом недействительным. При этом необходимо отметить, что, суд в силу специфики данной категории споров, оценивает способность завещателя руководить своими действиями и осознавать их уже после смерти такого лица и соответственно анализируя представленные доказательства по каждому конкретно делу может как признать такое завещание недействительным, так и посчитать его действительным. Целью заявителя, при оспаривании, завещания является доказывание того факта, что в момент совершения завещания завещатель не осознавал своих действий. Практика свидетельствует о том, что именно это основание (в подавляющем большинстве) потенциальные наследники по закону используют при подаче исковых заявлений с требованием признания завещания недействительным. [4, с. 141]

А также В.А. Белов, говоря о практике применения норм о недействительности завещания, не обходит своим вниманием положения статьи 177 ГК РФ, но в отличии от своих коллег Вадим Анатольевич рассматривает дефект воли, лишь в контексте совершения завещания в состоянии аффекта, обходя вниманием иные состояния влияющие на волеизъявление лица. [6, с. 1387]

Как уже обсуждалось выше и на сегодняшний день судебная практика все также показывает нам, что подавляющее большинство исков о признании завещаний недействительными в своих основаниях имеет порок воли наследодателя, предусмотренный пунктом 1 статьи 177 Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Анализируя Определения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ с требованием о признании завещания недействительным можно выделить следующие группы оснований, применяемых заявителями:

1. Положения пункта 1 статьи 177 ГК РФ «Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения».

Например в одном из дел, сын умершей в своем исковом заявлении ссылается на то, что в момент

составления завещания наследодатель не осознавала характер своих действий, в связи с тем, что на момент составления и удостоверения завещания его мать болела онкологическим заболеванием, в связи с чем принимала сильнодействующие обезболивающие лекарства, а также наследник указывает, что подпись на завещании наследодателя выполнена иным лицом. Для доказывания обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 177 ГК РФ была проведена посмертная медицинская экспертиза. Проведенная медицинская экспертиза пришла к выводу о невозможности установления факта могла ли его мать в момент составления завещания понимать свои действия и руководить ими. [9]

Также и в следующем деле при оспаривании завещания рамках первой судебной инстанции была проведена посмертная экспертиза, в заключении по которой эксперты указали на невозможность оценить психическое состояние завещателя в исследуемый юридически значимый период и дать на этот счет заключение. Суд же апелляционной инстанции сослался на показания свидетелей, по мнению которых наследодатель в период составления и подписания завещания не могла осознавать в полной мере своих действий и объективно оценивать окружающую реальность. При этом суд указал, что объективные доказательства подтверждают, что наследодатель страдала тяжелой болезнью, имела физические недостатки, в результате чего не могла осознавать в полной мере своих действий и объективно оценивать окружающую реальность, не могла осознанно совершить действия по составлению завещания. [10]

2. Нарушение порядка совершения завещания, предусмотренного положениями Гражданского Кодекса Российской Федерации и указанного в разъяснениях Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Например: в соответствии с материалами дела 14 января 2017 года наследодателем было составлено завещание, при оглашении и удостоверении которого присутствовало лицо, в пользу которого составлено завещание, а также мать этого лица. Наследник обратилась в суд с иском о признании вышеуказанного завещания недействительным в связи с нарушением требований о порядке составления и оформления завещания, а именно нарушением тайны завещания. [11]

3. Нарушение формы завещания, предусмотренной положениями Гражданского Кодекса Российской Федерации и указанной в разъяснениях Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Так примером может служить дело, в котором наследник обратилась в суд с иском о признании недействительным распоряжения об отмене завещания, признании права собственности на наследственное имущество. В обоснование заявленных требований указала, что в оспариваемом распоря-

жении об отмене завещания в сроке подпись написаны лишь фамилия и инициалы завещателя и при этом отсутствует личная подпись наследодателя в виде графического знака.

Ответчик – сын наследодателя, являющийся наследником по закону, возражал против заявленных требований и обратился со встречными искомными требованиями, указав, что в таком случае завещание в пользу истца также следует признать недействительным, поскольку оно тоже не содержит личной подписи наследодателя. в виде графического знака.

Также судом установлено, что в вышеуказанном распоряжении об отмене завещания, равно как и в самом завещании, шариковой ручкой завещателем собственноручно написаны фамилия и инициалы завещателя. При этом ни истцом, ни ответчиком не оспаривалось то, что данная подпись исполнена самим завещателем. [12]

4. Нарушение положений пункта 3 статьи 1125 ГК РФ «Завещание должно быть собственноручно подписано завещателем.

Если завещатель в силу физических недостатков, тяжелой болезни или неграмотности не может собственноручно подписать завещание, оно по его просьбе может быть подписано другим гражданином в присутствии нотариуса. В завещании должны быть указаны причины, по которым завещатель не мог подписать завещание собственноручно, а также фамилия, имя, отчество и место жительства гражданина, подписавшего завещание по просьбе завещателя, в соответствии с документом, удостоверяющим личность этого гражданина».

До рассмотрения в Верховном Суде РФ дошло дело, по материалам которого супруга наследодателя в обосновании исковых требований о признании завещания недействительными ссылается на то, что подпись на завещании была выполнена иным лицом, а не наследодателем. [13]

5. Иные частные основания.

Примером таким основаниям может послужить дело об обжаловании постановления об отказе в выдаче свидетельства о праве на наследство по завещанию, в связи с тем, что отсутствуют сведения, подтверждающие, что завещание на день смерти наследодателя не отменялось и не изменялось. Данные сведения отсутствовали по причине того, что нотариусом, удостоверившим завещание и впоследствии лишенным лицензии не был передан Архив. При этом Департамент городского имущества г. Москвы (ответчик) обратился в суд со встречным иском о признании завещания недействительным по причине удостоверения вышеуказанного завещания нотариусом, лишенным права занятия нотариальной деятельностью. [14]

В ходе проведенного эмпирического исследования подтвердились выводы о том, что подавляющее большинство исков о признании завещания недействительным в основаниях искомых требований ссылается на наличие обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 177 ГК РФ и при

этом основной задачей истцов является необходимость доказывания, что наследодатель в момент составления завещания не осознавал характер своих действий и соответственно подтвердить уже *post factum* его недееспособность на момент составления завещания, соответственно различаются лишь формы доказывания этого обстоятельства, как мы можем увидеть в вышеуказанных определениях и в иной существующей судебной практике.

Но почему судебная практика признания завещаний недействительными идет именно по этому пути?

Причиной формирования такой судебной практики прежде всего служит личность российского завещателя. Практика работы в нотариате позволяет выявить, что чаще всего завещателями являются две категории лиц, а именно: лица пожилого возраста, которые начинают задумываться о смерти в силу своего возраста или же используют завещание, как средство манипуляции предполагаемыми наследниками, а также лица, находящиеся в тяжелом состоянии из-за болезни или принесенных ими травм, которые точно также, как и пожилые люди задумываются о смерти. Для подавляющего большинства российских граждан составление завещания сопряжено с мыслями о смерти, а не о распоряжении своим имуществом и поэтому именно вышеуказанные категории лиц чаще всего обращаются к нотариусу за удостоверением завещаний от их имени.

Е.Ю. Петров в комментариях к статье 1131 Гражданского Кодекса, руководствуясь существующей ситуацией в отношении вышеназванных лиц употребляет отдельное понятие – «типичный завещатель», которое включает в себя все вышеуказанные характеристики лиц, обращающихся в нотариальные конторы за составлением завещания. [5, с. 198]

Стоит отметить, что такая практика присуща именно российскому законодательству, так как практика применения норм о признании завещания недействительным в зарубежных странах складывается совсем иным образом. Чаще всего иски о признании завещаний недействительными имеют в своих основаниях ссылку на нарушение формы или содержания завещания. Отличие судебной практики зарубежных стран от нашей кроется все также в личности завещателя. Краткий обзор зарубежного законодательства поможет в этом убедиться.

Итак, в Германии составить завещание вправе любой гражданин ФРГ, достигший возраста 16 лет – об этом прямо говорит текст ч. 1 ст. 229 ГГУ ФРГ при том, что совершеннолетие в Германии наступает также как и у нас в 18 лет, а соответственно завещательная дееспособность в Германии возникает раньше, чем общая дееспособность лица. [1, с. 38]

Во Франции законодательство также предусмотрена возможность составления завещания несовершеннолетним лицом, достигшим возраста

шестнадцати лет, но при этом законодательство Франции все же ограничивает завещательную дееспособность такого лица тем, что таким лицом может быть завещана лишь половина того имущества, которым закон позволяет распоряжаться лицу, достигшему совершеннолетнего возраста. [1, с. 54]

В Хорватском Законе о наследовании также предусмотрена возможность составления завещания лицом, достигшим возраста шестнадцати лет. [1, с. 96]

Вышеуказанные положения говорят лишь о том, что личность завещателя в этих странах гораздо моложе чем у нас и соответственно мотивацией для такой личности служит не угроза приближающейся смерти. Для такой личности необходимость составления завещания исходит совсем из иных побуждений.

Однако следует отметить, что тенденция настоящего времени направлена на омоложение личности «типичного завещателя». Причиной этому служит два фактора. Первый это повышение правовой грамотности у населения, а соответственно понимание в том числе того, что завещание, составленное в более молодом возрасте и при отсутствии каких-либо серьезных заболеваний гораздо сложнее признать недействительным, нежели завещание составленное непосредственно перед смертью. И вторым, но не менее важным фактором является то, что все больший объем имущества, которым стали обладать наши граждане, обязывает заранее задумываться о его распределении между наследниками.

С недавнего времени достаточно актуальным стало направление наследственного планирования, которое включает в себя не только составление завещания, но и подготовку наследников к принятию наследства и направлено непосредственно на уход от конфликтов при разделе наследственного имущества. Таким образом по прошествии десяти пятнадцати лет стоит ожидать, что судебная практика по делам о признании завещаний недействительными кардинально изменится.

Литература

1. Актуальные проблемы наследственного права зарубежных стран: монография / Гайдаенко Шер Н.И., Лещенков Ф.А., Радченко В.С. и др.; отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.М. Сакович, С.В. Соловьева – Инфотропик Медиа, 2021. – 272 с.
2. Гордон М.В. Наследование по закону и по завещанию, 1967
3. Древнеримское частное право и современное гражданское право: учебник / В.Н. Яковлев; предисл. – С.Д. Бунтов, Н.В. Кузнецова, А.А. Подопривога. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 960 с.
4. Казанцева А.Е. Наследственное право: учеб. пособие / А.Е. Казанцева. – М.: Норма, 2013. – 352 с.

5. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с.
6. Практика применения Гражданского Кодекса РФ частей второй и третьей / А.Б. Бабаев [и др.]; под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009.
7. Степаненко Г.М. Наследственное право РСФСР – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1965. – 67 с.
8. Толстой Ю.К. Наследственное право. – М.: «Проспект», 2000. – 224 с.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.07.2016 по делу № 18-КГ16–26
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.05.2018 по делу № 18-КГ18–62
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.09.2018 по делу № 14-КГ18–28
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.07.2014 по делу № 2–1554/2014
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.04.2017 по делу № 41-КГ17–2
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.09.2017 по делу № 5-КГ17–151

IDENTIFICATION OF THE GROUNDS USED IN CLAIMS FOR INVALIDATION OF WILLS: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Namanyuk E.A.

St. Petersburg State University

The article is devoted to the consideration of the issue of invalidating a will, namely: the grounds used in claims for invalidation of a will are systematized and a separate ground is highlighted, most often used in such claims. The theoretical aspects of the most frequently used basis, its genesis and subsequent development both in leg-

islation and in the doctrine of law are considered. Also, in order to form the empirical basis of this article, an analysis of judicial practice for different periods of time was carried out. A conclusion has been made about the reasons for the emergence of just such statistics in judicial practice, namely, the personality characteristics of a “typical testator” in Russia have been determined. A comparative analysis of legislation was carried out to establish differences in the personality characteristics of the testator in different countries. A conclusion was also made about the trend of rejuvenation of the Russian “typical testator” and the reasons for such trends.

Keywords: bequest, invalidity of the will, “typical testator”, inheritance by will, contesting a will.

References

1. Actual Problems of Inheritance Law in Foreign States: Monograph / N.I. Gaidayenko Sher, F.A. Leshhenkov, V.S. Radchenko. Executive editors N.G. Semilutina, O.M. Sakovich, S.V. Solovieva. – М.: Infotropic Media, 2021. – 272 p.
2. Gordon M.V. Inheritance by law and by will, 1967
3. Ancient Roman private law and modern civil law: textbook / V.N. Yakovlev; preface – S.D. Buntov, N.V. Kuznetsova, A.A. Podoprigora. – М.: Wolters Kluwer, 2010. – 960 p.
4. Kazantseva A.E. Inheritance Law: textbook / A.E. Kazantseva. – М.: Norma, 2013. – 352 p.
5. Inheritance law: article-by-article commentary to articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / Rep. ed. E. Yu. Petrov. – М.: М-Логос, 2018. – 656 p.
6. Practice of application of the Civil Code of the Russian Federation, parts two and three / A.B. Babaev [etc.]; under general ed. V.A. Belova. – М.: Yurayt-Izdat, 2009.
7. Stepanenko G.M. Inheritance law of the RSFSR – Saratov: Saratov University Publishing House, 1965. – 67 p.
8. Tolstoy Yu.K. Inheritance law. – М.: “Проспект”, 2000. – 224 p.
9. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/05/2016 in case No. 18-KG16–26
10. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/08/2018 in case No. 18-KG18–62
11. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18/09/2018 in case No. 14-KG18–28
12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22/07/2014 in case No. 2–1554/2014
13. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/04/2017 in case No. 41-KG17–2
14. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/05/2017 in case No. 5-KG17–151

Пределы осуществления исключительных прав на охраняемые патентом результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере

Карунная Яна Александровна,

к.ю.н. доцент, преподаватель Новосибирского национального исследовательского государственного университета
E-mail: advokat2631@bk.ru

Озманиян Юсуб Зограбович,

студент магистратуры, Институт философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: ozmanyany.u@mail.ru

В статье рассматривается проблема недобросовестных и антиконкурентных практик лицензиаров, которые могут навязывать лицензиатам условия, противоречащие Закону о защите конкуренции. Указывается на необходимость защиты лицензиатов от дискриминационных условий договора и предоставления им возможности реализовать свои интересы. Автор поддерживает предложение о введении механизма принудительного лицензирования для защиты от злоупотреблений доминирующих патентообладателей. В заключении, для защиты от злоупотреблений доминантов-патентообладателей предлагается дополнить ст. 1362 ГК РФ пунктом 2.1 следующего содержания: «В случае, если заинтересованное лицо, получило от правообладателя, занимающего доминирующее положение по смыслу Закона «О защите конкуренции», отказ в заключении лицензионного Договора в результате действий или бездействий правообладателя, указанных в ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции», и такой отказ повлек или может повлечь недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей, то такое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории Российской Федерации изобретения, полезной модели или промышленного образца».

Ключевые слова: исключительные права, патентное право, результаты интеллектуальной деятельности.

Эффективная разработка инновационных технологий, их успешное внедрение и реализация – это залог развития конкурентноспособной экономики индустриально развитой страны. Результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, иначе именуемые объектами патентных прав – это важные активы, охрана прав на которые имеет значение как с позиции частного-правового, так и с публично-правового регулирования. Монопольное исключительное право принадлежит патентообладателю, который вправе извлечь из него максимальную выгоду в допустимых пределах. Однако, как показывает практика, не всегда осуществление исключительного права соответствует принципу добросовестности.

То, что у каждого права есть предел осуществления, которым оно ограничено – это давно известная юридическая аксиома. Еще в 1789 году во французской декларации прав человека и гражданина закреплялось, что осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом.

В.П. Грибанов указывал, что каждое субъективное право имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления, и без таких границ право становится произволом и перестает быть правом [7]. Будучи одним из основоположников современной концепции злоупотребления правом, В.П. Грибанов проводил важную грань – он указывал, что содержание субъективного права составляет возможное поведение управомоченного лица, когда управомоченное лицо хотя бы и вольно поступать определенным образом, но не известно поступит так или нет, соответственно у такой субъективной возможности есть своего рода границы содержания субъективного права: лицо не может поступить определенным образом, поскольку это выходит за пределы его субъективного права. С другой стороны, данный автор выделял само осуществление субъективного права, как факт реальной действительности и не возможную модель поведения, а уже случившийся правореализационный акт, который в отличие от границ содержания имеет собственные границы, именуемые пределами осуществления субъективного права [7].

Стоит согласиться с тем, что понятие «пределы осуществления исключительного права» тесно связано с понятием «границы исключительного права». Эти два термина нередко подразумевают-

ся как синонимы, ибо таковыми они действительно являются во многих смыслах. Большинство исследователей отождествляют два этих термина и в общеправовом смысле, однако имеются и иные суждения, согласно которым такое отождествление является грубой ошибкой. Терминологическая дискуссия о том, как правильно употреблять и каким смыслом наделять термины, как граница субъективного права, предел субъективного права и ограничение субъективного права, характерна не только для права интеллектуальной собственности, но, пожалуй, для права вообще.

В нашем понимании необходимо различать между собой сферу возможного осуществления и сферу действительного осуществления права. Установление неких контуров, правомочий, сфер действия конкретного права позволяют его правообладателю оценить ту область, где его действия будут охватываться содержанием его субъективного права, но вне которой его действия не будут этим правом или их осуществление даже будет невозможно. Этот тезис можно проиллюстрировать следующим примером: гражданин А заключает лицензионный договор с гражданином Б, согласно которому предоставляет ему право использования, посредством хранения и продажи продукции, в которой используются признаки полезной модели, на территории Новосибирской области. Если гражданин Б будет использовать полезную модель иными способами или на иной территории, то это будет правонарушением, поскольку такие действия не охватывались содержанием прав, которые А предоставил Б.

Незначительно изменим пример выше. Гражданин Б регистрирует ООО «ПатентПлюс» на территории Томской области, и становится его единственным участником. Гражданин Б. продает с минимальной наценкой, а может и вовсе без таковой продукты, воплощающие техническую модель обществу «ПатентПлюс», а уже это общество реализует продукцию в Томской области. В этом случае Гражданин Б., казалось бы, формально реализует свое субъективное право в пределах его содержательных границ, однако в данном случае он злоупотребляет своим правом, выходит за пределы добросовестного осуществления субъективного права, т.к. обходит ограничения, обозначенные договором.

Полагается, что содержательные границы субъективного права и пределы осуществления субъективного права – должны быть разведены в два разных термина, не смешиваться между собой. Термином «предел» предлагается описывать те красные линии, переход которых будет демонстрировать противоречие поведения правореализующего лица назначению этого субъективного права и общим принципам осуществления прав. Предел – это мера, рубеж призванный ограничить недобросовестные формы осуществления права, а не само право.

Укажем, что данный подход к пониманию пределов осуществления прав разделяется многими авторами. Так, согласно И.В. Макеевой и Л.М. Зейна-

ловой, пределы осуществления прав служат сдерживающими обстоятельствами в поведении участников гражданских правоотношений. Предел, в их понимании, это осуществление права с соблюдением границ и правил, установленных законом, а равно общие правила, которыми определяется правомерное гражданско-правовое поведение субъектов права [10]. Говоря о пределах осуществления интеллектуальных прав, Н.В. Шереметьева пишет, что такие пределы представляют собой правовой инструмент, используемый законодателем и правоприменительными органами, чтобы воздействовать на поведение правообладателя и обеспечивать соответствие между назначением права и образом использования правообладателем своих прав [12]. Сходным образом пределы осуществления были описаны и А.С. Ворожевич, как правовой инструмент воздействия на поведение правообладателя, обеспечивающий соответствие конкретных правореализационных практик институциональному назначению исключительно права [10].

Понятие пределов осуществления гражданского права тесно связано с термином злоупотребление правом, поскольку последнее традиционно рассматривается, как поведение нарушающее первое. Злоупотребление правом есть выход за пределы осуществления права, поскольку представляет собой такое осуществление, что противоречит принципу добросовестности, справедливому и должному осуществлению прав. Именно анализ того, как отдельные правообладатели совершают злоупотребления использованием своих патентных прав, является важным ключом к раскрытию того, каковы пределы осуществления патентных прав.

Так, ряд авторов посвящали свои работы анализу возможных патентных злоупотреблений со стороны патентообладателей. С.А. Синицын выделял три типа основных патентных правонарушений: патентный троллинг, патентный эстоппель, как противоречивое поведение патентообладателя в отношении собственного объекта патентных прав и патентный флудинг, как стратегию, при которой конкурент патентообладателя обращается за выдачей патентов на всевозможные (пусть самые незначительные) вариации патентоохраняемого решения, чтобы исключить как возможность усовершенствования, так и возможность расширения сфер использования объекта патентных прав [11].

О.А. Городов добавляет перечень злоупотреблений патентообладателей субъективными правами, указывая на патентное «озеленение», называя так ситуации при которых патентообладатель, стремится продлить срок действия патента на основное изобретение, посредством регистрации вторичных, зависимых объектов патентных прав, представляющих собой новый способ применения указанной композиции или ее новое назначение, но в сущности охраняя все ту же самую формулу, что лежит в основе патента [6]. А.С. Ворожевич называет подобное нарушение формированием патентных зарослей, которые представляют собой

наличие сотней патентов на де-факто единственное изобретение, а запатентованными являются даже самые незначительные модификации. Таким образом, если рассматривать фарминдустрию, то даже по истечению срока на патентную защиту, конкуренты не смогут разработать дженерики и снизить цену на лекарственное средство [5].

Действительно, нельзя отрицать то, что указанные практики осуществления деятельности не способствуют благоприятному развитию рынка изобретений и иных объектов патентных прав, но стоит задать вопрос – злоупотреблением какого права являются такие нарушения и за пределы какого права выходит патентообладатель.

Нельзя не учитывать и то, что во многом правовой режим объектов патентных прав сходен с иными объектами т.н. промышленной собственности. В первую очередь речь идет о таких средствах индивидуализации как товарные знаки и знаки обслуживания. Так, например, патентный троллинг представляет собой явление, которое характерно для всего института промышленной собственности и в силу, возможно, большей простоты регистрации и большего количества активных субъектов рынка, получило широкое распространение на рынке товарных знаков. В связи с чем можно сказать, что, столкнувшись с недостатком законодательного регулирования в сфере патентных прав или отсутствием судебной практики, можно воспользоваться теми доктринальными положениями, что были выработаны высшими судебными инстанциями. Знаковым обстоятельством является то, что ближе к концу 2023 году Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ вынесли два прецедентных судебных акта относительно злоупотребления правом на объекты интеллектуальной собственности.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2023 по делу № А11–417/2019 рассмотрен случай предъявления иска А. Ибаддулиным, получившим широкую известность, как один из самых активных патентных троллей. Суд первой инстанции установил, что подача иска таким лицом, что осуществляет свои права исключительно с целью получения компенсации. Из этого акта Верховного Суда РФ можно вывести некое усредненное определение патентного троллинга, как совершение действий, направленных на приобретение права на объект интеллектуальных прав исключительно с целью предъявления исков к добросовестным хозяйствующим субъектам и взыскания с них соответствующей компенсации. Иначе Верховный Суд описывает это нарушение, как требование судебной защиты в отсутствие достойного интереса, что может подтверждаться отсутствием экономической деятельности с использованием принадлежащего ему объекта интеллектуальных прав [3].

Ситуация, послужившая предметом анализа Конституционного Суда РФ, также может быть предметом возможной рецепции подходов в патентное право. В Постановлении Конституционно-

го Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П рассмотрена следующая правовая проблема: аффилированные организации (производитель биологически активных добавок «Баю-Бай» «КурортМедСервис» и правообладатель тождественных ему товарных знаков «ФОРИАНЕЛЛИ ТРЭЙДИНГ ЛИМИТЕД»), с согласия друг друга зарегистрировали товарные знаки, сходные между собой до степени смешения. При использовании иным лицом еще одного сходного товарного знака обе компании предъявили судебные иски о взыскании компенсации в размере двухкратной стоимости одних и тех же товаров, на которых размещен товарный знак. Таким образом, Конституционный Суд РФ рассмотрел, по сути, аналог «патентного пула» – ситуации, когда две организации создают совместные «патентные заросли». Такая практика была признана Конституционным Судом РФ антиконституционной, а законодателю принять меры для изменения законодательства [1].

При этом в обоих обозначенных выше случаях злоупотребление правообладателя выражалось в недобросовестном осуществлении им права на защиту своего исключительного права. Не вдаваясь в широкую дискуссию о том, является ли право на защиту самостоятельным субъективным правом, либо лишь правомочием всякого субъективного права, отметим, что природа права на защиту, как правомочия исключительного права особенно проявляется в связи с негативным аспектом природы исключительного права, как абсолютного права на запрет третьим лицам использовать запатентованный объект. Злоупотребляя своим правом на защиту, правообладатель выходит за пределы субъективного права посредством совершения активного действия.

Такое активное действие, как патентных троллинг направлено на пресечение такого предела осуществления исключительного права, который предлагается сформировать следующим образом: извлечение выгод из исключительного права на объект патентного права, исключительно посредством его использования в хозяйственной деятельности. В случае, когда лицо начинает извлекать выгоды из своего исключительного права посредством получения компенсаций за его нарушение имеет место очевидное злоупотребление правом, т.е. нарушение вышеназванного предела. При этом мы считаем, что не важно имеет ли место в чистом виде патентный троллинг, как это имело место в деле А. Ибадуллина, либо это была попытка обхода закона, устанавливающего штрафную санкцию за нарушение исключительного права в размере двухкратной стоимости контрафактного товара – важно именно намерение использовать правомочие на защиту вопреки назначению мер защиты, вопреки их восстановительному характеру. В данном случае достаточной мерой для пресечения недобросовестных практик будет полный или частичный отказ в защите исключительного права.

Несколько иная ситуация складывается в ситуации патентного эстоппеля. В науке к таким дей-

ствиям относят отказ от заключения лицензионных соглашений на справедливых условиях, если такой отказ противоречит инновационному развитию и общественным интересам, а также установление таких конкурентных преимуществ, выгод, которые не связаны непосредственно с предоставлением права на использование [4]. При этом полагается, что отказ от заключения на справедливых условиях должен означать очевидную невыгодность условий, предлагаемых правообладателем лицензиату, в противном случае нам приходится говорить о том, что у лицензиара есть обязанность заключения лицензионных договоров с любым обратившимся к нему лицом, что в действительности не так. Подобная ситуация должна иметь место, когда имеют место дополнительные факторы, помимо прямого отказа от заключения договора, при этом возложение на лицензиара обязанности давать оценку тому, насколько его поведение влияет на общественные интересы и противоречит инновационному развитию – может выходить за простое возложение обязанности осуществлять свои права добросовестно и проявлять разумную степень заботы.

В отличие от предыдущего описанного случая патентных злоупотреблений, отказ в защите исключительного права в связи с тем, что правообладатель был несговорчив – это чрезмерная мера, направленная на то, чтобы вовсе лишить правообладателя части доходов, на которые он мог и должен был рассчитывать. Полагается, что единственным инструментом для пресечения недобросовестных лицензионных практик выступает механизм принудительного лицензирования.

Принудительная лицензия и ее правовая природа – это предмет научных дискуссий, и разнообразие взглядов верно отмечено А.В. Латынцевым – одни называют принудительную лицензию санкцией, другие называют ее обременением, третьи называют обязательным для заключения договором. При этом А.В. Латынцев склоняется именно к тому, что это своего рода понуждение к заключению договора [9]. Категорически не согласимся с таким подходом – обязанности заключить лицензионный договор у правообладателя нет никогда, поскольку наличие условий для предоставления принудительной лицензии определяет суд в каждом отдельно взятом случае. Более того, принудительная лицензия представляет собой установление существенных условий такой лицензии судом – это не сделка, это совершенно иной юридический факт. Назначение этих институтов также различно, поскольку принудительное лицензирование в отличие от понуждения к заключению договора применяется не для удовлетворения интересов отдельного частного субъекта, что прямо следует из ст. 1362 ГК РФ. В то же время нельзя не признать сходство института понуждения к заключению договора и принудительного лицензирования. Именно поэтому в п. 43 Постановлении № 10 от 23.04.2019 Пленум Верховного Суда РФ констатирует, что к принудительному лицензиро-

ванию нормы ст. 445 ГК РФ применяются по аналогии. Будь институты тождественными, Пленумом было бы подчеркнуто их соотношение как общего и частного.

В нашем понимании принудительное лицензирование представляет собой особый механизм восстановления нарушенного законного публичного интереса, используемый в случае выхода правообладателем за пределы осуществления своего исключительного права, реализуемый посредством предоставления заинтересованному лицу разрешения использовать результат интеллектуальной деятельности на условиях, определенных судом.

В настоящий момент отечественное законодательство выработало два различных случая, при которых возможна выдача принудительной лицензии, закрепив их в п. 1 и п. 2 ст. 1362 ГК РФ соответственно:

1. Правообладатель не использует объект более 4 лет без уважительных причин, что приводит к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке. Не реализуя объект самостоятельно, правообладатель отказывается заключать лицензионные договоры с заинтересованными лицами, которые предлагают лицензиару условия, соответствующие рыночным.

2. Патентообладатель зависимого патента не может использовать изобретение, на которое он имеет исключительное право, и которое представляет важное техническое достижение и имеет существенные экономические преимущества перед первичным, не нарушая при этом прав обладателя другого патента (первого патента) на изобретение или полезную модель, отказавшегося от заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике.

Полагается, что это частные случаи ситуаций, когда правообладатели используют свои полномочия и злоупотребляют свободой договора вопреки назначению права интеллектуальной собственности, как механизма, способствующего инновационному развитию (осуществление исключительного права в соответствии с публичным интересом по созданию возможностей для инновационного развития и есть тот предел, в рамках которого должно осуществляться исключительное право).

В то же время вторую группу злоупотреблений должно было бы охватывать антимонопольное законодательство, но законодатель специально предусмотрел антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности, освободив правообладателей из-под действия ст. 10 Закона «О защите конкуренции» о запрете злоупотребления доминирующим положением.

По этому вопросу высказывался Конституционный Суд, который ограничил патентную монополию патентообладателя, компании SONY, которая потребовала конфискации и уничтожения товара, ввезенного в РФ посредством параллельного импорта. Конституционный суд РФ тогда указал, что злоупотребление исключительным правом на то-

варный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться, поскольку осуществление субъективных прав в противоречии с их назначением или с публичными целями, охраняемыми гражданским правом, влечет отказ в правовой защите [2]. Иначе говоря, орган конституционного правосудия указал на то, что абсолютная правовая защита правообладателя вступает в противоречие с рядом конституционно-правовых гарантий, к числу которых в первую очередь относятся гарантии борьбы с монополиями и пресечение недобросовестной конкуренции.

В то же время существует великое множество недобросовестных и антиконкурентных практик, которые недобросовестные лицензиары навязывают своим лицензиатам, которые запрещены ст. 10 Законом «О защите конкуренции», но из-за антимонопольного иммунитета в патентных правоотношениях не применяются. Полагается, что в случае, если лицензиату помимо права использовать объект патентных прав, навязывается какое-то иное неконкурентное условие, например, о перекрестном лицензировании или об обязательной поставке устройств, воплощающих полезную модель, без которой использование лицензируемого изобретения невозможно, то подобная ситуация должна покрываться механизмом принудительного лицензирования. Лицензиат не должен соглашаться с явно дискриминационными условиями договора и должен иметь возможность реализации своего общественно-полезного интереса. Нельзя не согласиться с подходом В.Э. Дюминой о том, что если правообладатель стремится к монополизации рынка, то законодатель должен пресечь такое поведение в интересах общества. Заслуживает поддержки ее тезис о том, что исключение антимонопольного иммунитета ч. 4 ст. 10 Закона «О защите конкуренции» представляет собой избыточное решение [8].

Поэтому нами для защиты от злоупотреблений доминантов-патентообладателей предлагается дополнить ст. 1362 ГК РФ пунктом 2.1 следующего содержания: «В случае, если заинтересованное лицо, получило от правообладателя, занимающего доминирующее положение по смыслу Закона «О защите конкуренции», отказ в заключении лицензионного Договора в результате действий или бездействий правообладателя, указанных в ч. 1 ст. 10 Закона «О защите конкуренции», и такой отказ повлек или может повлечь недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей, то такое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории Российской Федерации изобретения, полезной модели или промышленного образца. В исковом требовании это лицо должно указать предлагаемые им ус-

ловия предоставления ему такой лицензии, в том числе объем использования изобретения, полезной модели или промышленного образца, размер, порядок и сроки платежей».

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 15.12.2023,
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.02.2018,
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2023 № 301-ЭС23–2808 по делу № А11–417/2019 // Справочная правовая система «Консультант плюс»
4. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис ... докт. юрид. наук, М., МГУ, 2021. 546 с.
5. Ворожевич А.С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты: монография. Москва: Статут, 2020. 179 с.
6. Городов О.А. О признаках злоупотребления патентными правами // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 46–51.
7. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во Моск. унта, 1972. 284 с.
8. Дюмина В.Э. Комплементарность конкурентного законодательства и права интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 30–33.
9. Латынцев А.В. Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 56–68.
10. Макеева И.В., Зейналова Л.М. Принципы и пределы осуществления гражданских прав // Право и экономика. 2022. № 8. С. 13–18.
11. Сеницын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 55–97.
12. Шереметьева Н.В. Недобросовестность в вещном праве: монография. Москва: Проспект, 2023. 136 с.

LIMITS FOR THE EXERCISE OF EXCLUSIVE RIGHTS TO PATENT-PROTECTED RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL FIELD

Karunnaya Ya.A., Ozmanyay Yu.Z.
Novosibirsk National Research State

This article examines the problem of unfair and anti-competitive practices of licensors, which can impose conditions on licensees that contradict the Law on Protection of Competition. It is pointed out the need to protect licensees from discriminatory terms of the

contract and provide them with the opportunity to realize their interests. The author supports the proposal to introduce a compulsory licensing mechanism to protect against abuse by dominant patent holders. In conclusion, in order to protect against abuse of dominant patent holders, it is proposed to supplement art. 1362 of the Civil Code of the Russian Federation by paragraph 2.1 of the following content: "If the interested person has received from the copyright holder, who occupies a dominant position within the meaning of the Law "On Protection of Competition", a refusal to conclude a license Agreement as a result of actions or omissions of the copyright holder specified in Part 1 of art. 10 of the Law "On Protection of Competition", and such a refusal has entailed or may entail the prevention, restriction, elimination of competition and (or) infringement of the interests of other persons (business entities) in the field of entrepreneurial activity or an indefinite circle of consumers, then such an interested person has the right to file a lawsuit against the patent holder for the provision of compulsory simple (non-exclusive) a license to use an invention, utility model or industrial design on the territory of the Russian Federation."

Keywords: exclusive rights, patent law, results of intellectual activity.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/14/2023 No. 57-P // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 12/15/2023,
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/13/2018 No. 8-P // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 02/15/2018,
3. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.06.2023 No. 301-ES23-2808 in case No. A11-417/2019 // Reference legal system "Consultant plus"
4. Vorozhevich A.S. The boundaries of exclusive rights, the limits of their exercise and protection: dis ... doct. Jurid. Sciences, M., Moscow State University, 2021. 546 p.
5. Vorozhevich A.S. Protection of exclusive rights to patent-protected objects: monograph. Moscow: Statute, 2020. 179 p.
6. Gorodov O.A. On the signs of abuse of patent rights // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2021. No. 1. pp. 46-51.
7. Gribanov V.P. Limits of the exercise and protection of civil rights. Moscow: Publishing House of Moscow. Unita, 1972. 284 p.
8. Dyumina V.E. Complementarity of competition legislation and intellectual property rights in the digital economy // Competition law. 2023. No. 2. pp. 30-33.
9. Latyntsev A.V. The difference between the legal nature of compulsory licensing and paid unlicensed use of patent protection objects // Journal of Russian Law. 2023. No. 3. pp. 56-68.
10. Makeeva I.V., Zeynalova L.M. Principles and limits of the exercise of civil rights // Law and Economics. 2022. No. 8. pp. 13-18.
11. Sinitsyn S.A. Abuse of law: from general to private (using the example of patent rights) // Bulletin of Civil Law. 2022. No. 6. pp. 55-97.
12. Sheremetyeva N.V. Dishonesty in property law: monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 136 p.

Привлечение к субсидиарной ответственности, связанной с сокрытием, утратой или искажением документации должника

Очиров Александр Владиленович,

аспирант кафедры юриспруденции Российского университета кооперации

E-mail: a636344942@gmail.com

В статье анализируются аспекты привлечения к субсидиарной ответственности, связанные с сокрытием, утратой или искажением документации должника. Автор анализирует юридические и практические аспекты этого процесса, основываясь на судебной практике и законодательстве, а также делает вывод о том, что нарушение обязанностей по хранению документов должника, а также их непередача арбитражному управлению затрудняет эффективность процедуры банкротства, затягивает ее проведение, что в конечном итоге препятствует защите интересов кредиторов. Ответственность за нарушение обязанностей по хранению и ведению документов играет важную роль для всей предпринимательской среды, способствует укреплению правопорядка, защите интересов кредиторов. Автор предлагает рекомендации по совершенствованию законодательства в данной области, с целью повышения эффективности привлечения к ответственности. В ходе исследования была выявлена нормативно-правовая база, регулирующая институт субсидиарной ответственности, изучена судебная практика арбитражных судов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); субсидиарная ответственность; контролирующие должника лица.

Субсидиарная ответственность в банкротстве выступает как процедура, позволяющая взыскивать задолженность с лиц, осуществляющих управление или контроль за деятельностью банкрота, таких как акционеры, учредители, директора. Эта мера применяется в случаях, когда сам должник не в состоянии самостоятельно рассчитаться по своим обязательствам.

Такая ответственность применяется в случаях, когда судом установлено, что лица, участвующие в управлении или контроле над деятельностью должника, совершили действия или бездействия, которые привели к банкротству предприятия. Примерами таких действий может быть нецелевое использование активов компании, распоряжение имуществом путем совершения/одобрения сделок, причинивших вред организации, сокрытие или искажение документов и другие виновные действия.

По способу привлечения к ответственности контролирующих должника лиц – это ответственность субсидиарная, дополнительная к ответственности юридического лица – банкрота, но за свои недобросовестные действия [3].

Несмотря на то, что российский институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц зачастую именуется «неудачным эквивалентом западной доктрины снятия корпоративного покрова» [2], применение данного вида ответственности повсеместно используется судами и становится источником пополнения конкурсной массы.

Применение субсидиарной ответственности осуществляется на основании судебного акта, при вынесении которого устанавливается факт наличия действий (бездействий), послуживших причиной банкротства.

Как утверждает О.В. Гутников, ответственность юридического лица и иных лиц перед кредиторами юридического лица играет важнейшую роль в корпоративных отношениях, поскольку направлена на достижение справедливого баланса интересов между различными субъектами корпоративных отношений, самими юридическими лицами и кредиторами юридического лица в связи с выступлением последнего в гражданском обороте [1].

Закон о банкротстве [9] закрепил самостоятельные основания для привлечения к субсидиарной ответственности, в том числе за невозможность полного погашения требований кредиторов. Данное основание включает в себя наличие причинно-следственной связи между невозможностью полного удовлетворения требований кредитора и действиями (или бездействиями) контролирующего лица, в частности, если первичные бухгалтерские

документы, отчетность, корпоративные документы отсутствуют либо не содержат информацию об объектах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, формирование которой является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо указанная информация искажена (подп. 2, 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Это означает, что за ненадлежащее хранение, ведение документации, которое привело к неспособности погасить задолженность, руководители должника могут быть привлечены к дополнительной ответственности своим личным имуществом.

Такое положение является обоснованным в условиях кризиса организации, поскольку отсутствие документации о деятельности должника осложняет проведение процедуры банкротства, в том числе препятствует выявлению активов и обязательств, подготовки планов реабилитации.

Помимо этого, данные нарушения способствуют сокрытию от арбитражного управляющего и кредиторов сведений о негативных действиях со стороны руководителей или других контролирующих лиц при исполнении своих обязанностей.

Полагаем, что данное нарушение законодательства со стороны руководителя должника является весьма значимым, затрудняющим проведение всей процедуры банкротства.

Прежде всего стоит отметить, что Законом о банкротстве предусмотрена обязанность руководителя должника передать арбитражному управляющему документацию о деятельности должника не позднее пятнадцати дней в наблюдении и в течение трех дней в конкурсном производстве (абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве).

Особенно важным в контексте рассмотрения привлечения к ответственности является то обстоятельство, что неисполнение руководителем должника указанной обязанности является основанием для его привлечения к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве [4].

Мы считаем важным рассмотреть действия руководителя должника по передаче документов, как основание для возможного привлечения к субсидиарной ответственности.

Субъектом привлечения к ответственности является именно исполнительный орган должника, а не его участник.

Так по одному из дел, суд кассационной инстанции указал, что Законом о банкротстве не возложена обязанность по ведению бухгалтерского учета и по передаче бухгалтерской документации на учредителя (участника) общества, а такая обязанность лежит именно на руководителе должника, участники должника, не могут являться субъектами привлечения к субсидиарной ответственности за передачу документации управляющему [5].

Определение вины в передаче документов может быть сложным, поскольку точно установить, была ли такая передача связана с недобросо-

вестными действиями или же стала следствием объективных обстоятельств затруднительно.

Между тем, наличие умысла на сокрытие документов, может преследовать цель утаить от других лиц источники формирования конкурсной массы должника, его доходы, а также сведения о противоправных и недобросовестных действиях.

Особо следует подчеркнуть, что наступление ответственности происходит тогда, когда отсутствующая документация затрудняет формирование конкурсной массы или проведению всей процедуры банкротства, тем самым оказывая негативное влияние.

В рамках рассмотрения одного из дел о банкротстве, судом кассационной инстанции установлено, что до настоящего времени генеральный директор не принял мер к передаче конкурсному управляющему документации должника, в результате чего дебиторская задолженность конкурсным управляющим должника не выявлена [7].

Для привлечения к субсидиарной ответственности по данному основанию требуется доказать факт непередачи документов.

Как уже было отмечено, обязанность по передаче документов лежит именно на руководителе должника и именно он должен представить суду доказательства выполнения данной обязанности.

Так по делу № А40–18715/2022 судом установлено, что обязанность по предоставлению документов должника, а также имущества генеральным директором исполнена. Факт передачи конкурсному управляющему должника документов подтверждается представленными в материалы дела актами приема-передачи [6].

Нельзя не отметить важность самой процедуры передачи документов. Для того, чтобы подтвердить исполнения руководителем должника обязанности по передаче документов необходимо удостоверить факт и перечень передаваемой документации арбитражному управляющему, зафиксировав дату, способ передачи, а также содержание переданных документов. Это позволит легче доказывать факт передачи документов и исполнение своих обязанностей.

Однако, положения Закона о банкротстве не содержат требований, предъявляемых к передаче документации должника конкурсному управляющему [8].

Как правило передача документов происходит путем составления описи или акта приема-передачи, отправки документации по почте, курьерской службой.

Между тем, упростить процесс передачи документов возможно путем закрепления в законе о банкротстве использования электронного документооборота и электронно цифровых подписей, которые помогут облегчить процесс передачи документов, ускорить его, уменьшить вероятность их утери, а также повысить прозрачность и надежность обмена документацией. Однако, данные правила не могут касаться документов, передача ко-

торых возможно в виде подлинных экземпляров, ценностей, имущества, печатей должника.

Возможность использования электронного документооборота при взаимодействии с арбитражным управляющим может положительно сказаться на процессе передачи документов.

Резюмируя, можно заключить следующее: субсидиарная ответственность является важным инструментом восстановления нарушенных прав кредиторов в рамках процедуры банкротства, направленным на защиту интересов кредиторов и обеспечение исполнения обязательств должника перед ними.

В соответствии с действующим законодательством, руководитель должника обязан вести и сохранять документацию, касающуюся деятельности должника.

Субсидиарная ответственность, предусмотренная подп. 2, 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве применяется в случаях, когда установлено, что руководитель должника, в частности, не исполнил обязанность по передаче документов, что затрудняет проведение процедуры банкротства, увеличивает текущие обязательства, препятствует выходу из кризисной ситуации, тем самым руководитель нарушает требования законодательства в части хранения бухгалтерской и иной документации.

При привлечении к ответственности по данному основанию необходимо проанализировать каким образом отсутствие документов повлияло на ведение процедуры несостоятельности (банкротства).

Однако, применение данного основания имеет ряд пробелов.

Например, учитывая, что положения Закона о банкротстве не содержат требований, предъявляемых к передаче документации должника арбитражному управляющему, предлагается упростить процесс передачи документов должника арбитражному управляющему путем внедрения современных технологий, таких как электронный документооборот и электронно цифровые подписи.

То есть, нельзя принижать значение ответственности за нарушение обязанностей по хранению и ведению документов, поскольку такая ответственность защищает интересы кредиторов, развивая благоприятную предпринимательскую среду в целом.

Литература

1. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. N 6. С. 51–117.
2. Егоров А. В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрыва // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.
3. Кирилова Н.А. Правовая природа субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц при банкротстве юридического лица / Н.А. Кирилова // Механизмы банкротства

и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Юстицинформ, 2022. – С. 103–121.

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2021 N Ф05–7471/2021 по делу N А41–53992/2017// СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2022 N Ф05–19880/2018 по делу N А40–157476/2017// СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.01.2023 N Ф05–34375/2022 по делу N А40–18715/2022// СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.06.2023 N Ф10–4121/2019 по делу N А09–14071/2014// СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2019 N 09АП-21376/2019 по делу N А40–193831/2017// СПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

BRINGING TO SUBSIDIARY LIABILITY RELATED TO CONCEALMENT, LOSS OR DISTORTION OF THE DEBTOR'S DOCUMENTATION.

Ochirov A.V.
Russian University of Cooperation

The article analyzes aspects of bringing to subsidiary liability related to concealment, loss or distortion of the debtor's documentation. The author analyzes the legal and practical aspects of this process, based on judicial practice and legislation, and also concludes that violation of obligations to store the debtor's documents, as well as their failure to transfer them to the insolvency administrator, complicates the effectiveness of the bankruptcy procedure, delays its implementation, which ultimately interferes with the protection of the interests of creditors and other interested parties. Responsibility for violation of obligations for storage and maintenance of documents plays an important role in the field of corporate governance, helps to strengthen the legal order, and protect the interests of creditors. The author offers recommendations for improving legislation in this area in order to increase the effectiveness of bringing to justice. During the study, the legal framework governing the institution of subsidiary liability was identified, and the judicial practice of arbitration courts was studied.

Keywords: insolvency (bankruptcy); subsidiary liability; persons controlling the debtor.

References

1. Gutnikov O.V. Legal liability in corporate relations // Bulletin of Civil Law. 2014. N 6. P. 51–117.
2. Egorov A.V., Usacheva K.A. Subsidiary liability for bringing to bankruptcy is an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of lifting the corporate veil // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 12. P. 6–61.
3. Kirilova N.A. Legal nature of subsidiary liability of the debtor's manager and other persons in the event of bankruptcy of a legal entity / N.A. Kirilova // Bankruptcy mechanisms and their role in ensuring human well-being: monograph / A.Z. Bobileva, D.E. Gorev, Yu.A. Zaitseva and others; resp. ed. S.A. Karelina,

- I.V. Frolov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow: Justitsinform, 2022. – P. 103–121.
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 06/02/2021 N F05–7471/2021 in case N A41–53992/2017 // ATP “Consultant Plus”.
 5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated November 14, 2022 N F05–19880/2018 in case N A40–157476/2017 // ATP “Consultant Plus”.
 6. Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated January 30, 2023 N F05–34375/2022 in case N A40–18715/2022 // ATP “Consultant Plus”.
 7. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated June 27, 2023 N F10–4121/2019 in case N A09–14071/2014 // ATP “Consultant Plus”.
 8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 07/09/2019 N 09AP-21376/2019 in case N A40–193831/2017 // ATP “Consultant Plus”.
 9. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

Гражданско-правовой режим автономных беспилотных летательных аппаратов, управляемых программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта

Полетыкин Дмитрий Алексеевич,

аспирант, кафедра гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: s0158599@msal.edu.ru

В статье предпринята попытка дать характеристику гражданско-правовому режиму автономных беспилотных летательных аппаратов, управляемых программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта. Автором рассмотрены вещно-правовой и гражданско-правовой режимы автономных беспилотных летательных аппаратов. Освещен вопрос о правосубъектности, в том числе о деликтоспособности автономных беспилотных летательных аппаратов под управлением искусственного интеллекта. Автором дана характеристика полетам автономных беспилотных летательных аппаратов как деятельности, отвечающей признакам источника повышенной опасности. Рассмотрен вопрос об установлении надлежащего субъекта возмещения вреда, причиненного автономным беспилотным летательным аппаратам. Кроме того, автором исследованы программы для ЭВМ и технологии искусственного интеллекта, под управлением которых находятся автономные беспилотные летательные аппараты, в качестве объектов авторского права. Высказаны предложения, направленные на совершенствование гражданско-правового режима указанных программ и технологий.

Ключевые слова: автономные беспилотные летательные аппараты, робототехнические устройства, программа для ЭВМ, технология искусственного интеллекта, гражданско-правовой режим.

В Российской Федерации задача построения целостной системы нормативной регламентации общественных отношений, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, обозначена как одна из задач, имеющих приоритетное значение. В подтверждение вышесказанного процитируем Президента Российской Федерации Путина Владимира Владимировича, выступившего перед Федеральным собранием 1 марта 2018 года: «В кратчайшие сроки нам необходимо создать передовую законодательную базу, снять все барьеры для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных. Причем такая нормативная база должна постоянно обновляться, строиться на гибком подходе к каждой сфере и технологии» [1]. 04 июня 2019 года президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утвержден паспорт национального проекта Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. В указанном акте ненормативного характера введено понятие «сквозных» цифровых технологий – нейротехнологий и искусственного интеллекта, компонентов робототехники и сенсорики. Подготовлены и опубликованы дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорики». Указом президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3] утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Таким образом, приоритетное значение технологий искусственного интеллекта, робототехники обуславливает в том числе актуальность исследования гражданско-правового режима автономных беспилотных летательных аппаратов (далее – БЛА), управляемых программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта.

Автономные БЛА, управляемые программой для ЭВМ или внедренной в него технологией искусственного интеллекта, в перспективе имеют ряд преимуществ перед БЛА, контролируемые или управляемые внешним пилотом. Заранее предусмотренные программой для ЭВМ алгоритмы, либо создаваемые искусственным интеллектом алгоритмы, выражающиеся впоследствии в соответствующих обстановке во внешней среде действиях

автономного БЛА, в большей степени исключают ошибки, являющиеся следствием реакции человека – внешнего пилота на внезапные события, могущие произойти в воздухе и на земле. Кроме того, факт нахождения автономного БЛА исключительно под управлением программы для ЭВМ или под управлением технологии искусственного интеллекта должен исключить ошибки, допускаемые пилотом в результате психологической и физической усталости, вследствие потери концентрации. Несмотря на указанные преимущества автономных БЛА перед БЛА, находящихся под управлением или контролем человека-внешнего пилота, рассматриваемые автономные БЛА подлежат многократным испытаниям в силу новизны и нестабильности на текущий момент технологий.

В том числе по указанным причинам правовой режим автономного БЛА, управляемого только программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта, не регулируется воздушным законодательством. Воздушный кодекс Российской Федерации [4] предусматривает только понятие БЛА, управляемого или контролируемого внешним пилотом (п. 5 ст. 32). Поэтому на такие автономные БЛА не распространяются публично-правовые требования о государственной регистрации и государственном учете (ст. 33 Воздушного кодекса Российской Федерации, Федеральный закон от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» [5]), сертификации с целью определения летной годности БЛА (ст. 8 Воздушного кодекса РФ, положения Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [6], Федеральные авиационные правила «Сертификация авиационной техники, организаций разработчиков и изготовителей. Часть 21» [7], лицензировании разработки, производства, испытания и ремонта БЛА (подп. 7 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [8], Постановление Правительства РФ от 28.03.2012 № 240 «О лицензировании разработки, производства, испытания и ремонта авиационной техники, за исключением беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее» [9], Федеральные авиационные правила «Требования к летной годности гражданских воздушных судов. Форма и порядок оформления сертификата летной годности гражданского воздушного судна. Порядок приостановления действия и аннулирования сертификата летной годности гражданского воздушного судна» [10]), разрешительном порядке использования воздушного пространства (п. 52 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 [11]). Таким образом, нераспространение на автономные БЛА вышеперечисленных публично-правовых требований, предусмотренных воздушным и техниче-

ским законодательством, обуславливают особый юридический состав для правомерного осуществления правомочия пользования собственниками и иными титульными владельцами на автономные БЛА, управляемые программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта.

В целом гражданско-правовой режим автономных БЛА, управляемых программой для ЭВМ или искусственным интеллектом, в том числе их вещно-правовой и обязательственно-правовой режим, можно охарактеризовать следующим образом. В силу того, что на указанные автономные БЛА не распространяются правила воздушного законодательства, автономные БЛА не могут быть отнесены к категории гражданских, экспериментальных, государственных, в том числе военного и специального назначения БЛА (ст.ст. 21, 22, 23 Воздушного кодекса Российской Федерации). В свою очередь то или иное назначение БЛА, предусмотренное воздушным законодательством, определяет характер их оборотоспособности. Соответственно предполагается, что автономные БЛА являются оборотоспособными объектами гражданских прав, каких-либо ограничений по субъектному составу собственников или иных титульных владельцев автономных БЛА не имеется. Следовательно, субъектами права собственности на БЛА, управляемые программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта, могут являться коммерческие организации корпоративного типа – хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, некоммерческие организации унитарного типа, образованные в организационно-правовой форме автономных некоммерческих организаций, граждане, в том числе зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Субъектами ограниченного вещного права – права оперативного управления на автономные БЛА, управляемые программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта, могут являться коммерческие организации унитарного типа, образованные в организационно-правовой форме казенных предприятий, а также некоммерческие унитарные организации, образованные в форме учреждений. Субъектами ограниченного вещного права – права хозяйственного ведения на указанные автономные БЛА являются коммерческие организации унитарного типа, образованные в форме государственных и муниципальных унитарных предприятий. Обязательственно-правовой режим автономных БЛА, управляемых программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта может быть охарактеризован следующим образом. Коммерческие организации корпоративного типа, являясь собственниками таких БЛА, вправе отчуждать и приобретать право собственности по договорам поставки и купли-продажи, передавать и получать во временное владение и пользование по договорам аренды и лизинга, отдавать в залог, держать в залоге, обменивать автономные БЛА, находящиеся под управлением программы для ЭВМ или искусственного интеллекта. Коммерческие орга-

низации унитарного типа, образованные в форме унитарных предприятий, являясь субъектами права хозяйственного ведения, вправе передавать и получать во временное владение и пользование по договорам аренды и лизинга такие автономные БЛА. Некоммерческие организации унитарного типа – автономные некоммерческие организации вправе, являясь собственниками таких БЛА, вправе заключать договоры купли-продажи, поставки, аренды, лизинга, залога, мены, а также договор дарения с другими некоммерческими организациями в отношении автономных БЛА. Некоммерческие организации унитарного типа, образованные в организационно-правовой форме учреждений, являясь субъектами права оперативного управления, вправе передавать и получать во временное владение и пользование по договорам аренды и лизинга БЛА, управляемые программой для ЭВМ или искусственным интеллектом. Граждане, в том числе зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, вправе отчуждать и приобретать право собственности по договорам поставки и купли-продажи, передавать и получать во временное владение и пользование по договорам аренды и лизинга, отдавать в залог, держать в залоге, обменивать, а также дарить или получать в дар автономные БЛА, находящиеся под управлением программы для ЭВМ или искусственного интеллекта.

Таким образом, факт нахождения автономных БЛА под управлением программы для ЭВМ или искусственного интеллекта, не является основанием для установления особого гражданско-правового режима указанного БЛА. В целом гражданско-правовой режим автономных БЛА можно охарактеризовать как гражданско-правовой режим оборотоспособных объектов гражданских прав. Впоследствии, в целях дальнейшей конкретизации вещно-правового и обязательственно-правового режима автономного БЛА необходимо устанавливать гражданско-правовой статус, в том числе объем правоспособности собственников, иных титульных владельцев, а также субъектов, участвующих в гражданско-правовых обязательствах, опосредующих имущественный оборот данных БЛА.

При рассмотрении гражданско-правового режима БЛА, оснащенного искусственным интеллектом, можно выделить ряд проблем.

Во-первых, можно ли утверждать о наличии правосубъектности у автономных БЛА, находящихся под управлением искусственного интеллекта. Постановка вопроса о правосубъектности автономных БЛА, оснащенных искусственным интеллектом, влечет за собой разрешение также вопроса об их деликтоспособности. С точки зрения гражданского права решение вопроса о деликтоспособности автономных БЛА под управлением искусственного интеллекта имеет значение для установления надлежащего субъекта гражданско-правовой ответственности в случае причинения такими БЛА ущерба жизни, здоровью, имуществу граждан, имуществу организаций и публично-

правовых образований. Разрешение проблемы деликтоспособности автономных БЛА, управляемых программой для ЭВМ или искусственным интеллектом способствует справедливому и соразмерному распределению обязанностей по возмещению вреда между субъектами гражданско-правовой ответственности.

Если обратиться к примеру юридического лица, являющего по сути юридической фикцией, допустимо распространение правосубъектности на нечеловеческих субъектов. Вместе с тем распространение правосубъектности, в том числе свойства деликтоспособности на автономные БЛА представляется нецелесообразным. Для признания деликтоспособности за автономными БЛА, необходимо законодательно обособить имущество, которое будет предполагаться находящимся в собственности у возможного субъекта гражданско-правовой ответственности – БЛА. Затруднительно представить закрепление какого-либо имущества за автономным БЛА по следующим соображениям. Автономное БЛА, управляемое искусственным интеллектом, прежде всего предназначено для выполнения определенного рода задач, связанных с функционированием в воздушном пространстве. В силу специфики поставленных перед автономными БЛА задач такие БЛА оснащаются инструментальным искусственным интеллектом [12, 65]. Инструментальный искусственный интеллект призван решать задачи в определенной прикладной области. В нашем случае инструментальный искусственный интеллект выполняет задачи обеспечения безопасного полета в воздушном пространстве, отвечает за обработку поступающей информации от окружающей среды для построения, изменения маршрута полета, выполнения необходимых маневров в воздушном пространстве, обеспечивает выполнение взлета и посадки автономного БЛА, а также отвечает за надлежащее применение целевой нагрузки аппарата. Таким образом, круг задач инструментального искусственного интеллекта, которым оснащен автономный БЛА, ограничен в соответствии с техническим назначением БЛА. С учетом изложенного будет разумным предположить, что технология искусственного интеллекта, внедренная в БЛА, не предназначена для участия в имущественном обороте. Автономные БЛА, управляемые искусственным интеллектом, как и другие роботехнические устройства, не могут приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности, в отличие от тех же юридических лиц. К тому же за действиями юридического лица в конечном итоге стоят дееспособные физические лица. Автономные БЛА как носители искусственного интеллекта не контролируются в полной мере своим владельцем или разработчиком технологии искусственного интеллекта, которым оснащен соответствующий БЛА. Искусственный интеллект, которым оснащаются автономные БЛА, в отличие программы ЭВМ в традиционном понимании, способен не следовать заранее написанным алгоритмам действий и совершать действия, которые не были предва-

рительно одобрены разработчиками технологии искусственного интеллекта или владельцами автономных БЛА. Непризнание правосубъектности за автономными БЛА, управляемыми искусственным интеллектом, в совокупности с автономностью таких БЛА при принятии решений в ходе их работы может породить ряд вопросов, которые подлежат разрешению правоприменителями и законодателями. Прежде всего, указанное противоречие может породить трудности при распределении обязанностей по возмещению причиненного такими автономными БЛА вреда между субъектами гражданско-правовой ответственности. На данный момент распределение обязанностей по возмещению вреда, причиненного автономным БЛА, производится в соответствии с правилами главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [13]. Полагаем, что в силу того, что рассматриваемые автономные БЛА управляются и контролируются искусственным интеллектом, который способен не следовать заранее написанному алгоритму и таким образом принимать самостоятельные решения о совершении тех или иных действий в воздушном пространстве, вследствие чего перемещение автономных БЛА в воздушном пространстве не может в полной мере контролироваться человеком, использование управляемых искусственным интеллектом автономных БЛА может быть признано источником повышенной опасности. По общему правилу, предусмотренному ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, надлежащим субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный автономным БЛА, находящимся под управлением искусственного интеллекта, является его владелец. Вместе с тем, владелец автономного БЛА – причинителя вреда может предъявить обратное требование в соответствии с правилами ст. 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации разработчику технологии искусственного интеллекта, если вред был причинен вследствие неправильной работы технологии либо принятия искусственным интеллектом решений, повлекших причинение вреда. Подобная модель распределения обязанностей по возмещению вреда, причиненного автономным БЛА, управляемым искусственным интеллектом, справедлива и для автономного БЛА, управляемого программой ЭВМ. Программа ЭВМ, под управлением которой может находиться автономный БЛА, следует заранее написанным алгоритмам, представляется затруднительным вмешательство в работу такого БЛА со стороны человека, когда того требует ситуация на земле или в воздухе, тем более данная категория автономных БЛА также не предусматривает фигуры внешнего пилота. С учетом вышесказанного использование автономных БЛА, управляемых программой для ЭВМ, также следует признать источником повышенной опасности.

Перемещение в воздухе автономных БЛА в соответствии с заранее предусмотренными в программе ЭВМ или самостоятельно построенными искусственным интеллектом алгоритмами,

а не в соответствии командами внешнего пилота, в чем выражается их автономность, а также вместе с тем неправосубъектность таких БЛА, в совокупности обуславливающие распространение на деятельность по использованию данной категории БЛА правового режима источника повышенной опасности, составляют одну из особенностей гражданско-правового режима автономных БЛА.

Для того, чтобы более полно охарактеризовать гражданско-правовой режим БЛА, управляемого искусственным интеллектом, необходимо уяснить правовую природу искусственного интеллекта. В Российской Федерации технологии искусственного интеллекта может быть предоставлена правовая охрана в качестве программы для ЭВМ. В соответствии со ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации программа для ЭВМ является выраженной в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата (включая подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки, и порождаемые ею аудиовизуальные произведения). В данном случае искусственный интеллект как программа ЭВМ предназначена для функционирования компьютерного устройства, которое, в свою очередь, управляет автономным БЛА в стадиях взлета, посадки и полета в воздушном пространстве. Отличительная особенность искусственного интеллекта от остальных программ ЭВМ состоит в том, что искусственный интеллект может не следовать заранее заданному алгоритму, ведь остальные программы ЭВМ действуют в строгом соответствии с алгоритмом. Искусственный интеллект может изменять алгоритмы функционирования компьютерного устройства и затем БЛА с учетом информации, поступающей в обработанном виде (например, в виде сигналов) из окружающей среды. Можно предположить, что искусственный интеллект как охраняемая институтом авторского права программа для ЭВМ должен включать в себя охраняемые литеральные элементы программ для ЭВМ. Литеральные элементы включают в себя исходный текст программы и объектный код. Литеральные элементы программ для ЭВМ свойственны и объективной форме выражения искусственного интеллекта. Правовой охране подлежат также нелитеральные компоненты программ для ЭВМ – аудиовизуальные отображения, которые включают всю последовательность, структуру и организацию программы, выводящейся на экран, или пользовательский интерфейс. Полагаем, что аудиовизуальные отображения в виде пользовательского интерфейса больше присущи программам для стационарных ЭВМ, которые подлежат эксплуатации физическими лицами. Предполагаем, что в условиях высокой степени автономности БЛА, при отсутствии необходимости постоянного контроля и управления со стороны внешнего пилота, допустимо отсутствие пользовательского интерфейса искусственного интеллекта, под управлением которого находится автономный БЛА.

Задача искусственного интеллекта как программы для ЭВМ, а также задача обычной программы ЭВМ, под управлением которых находится БЛА, состоит в обеспечении безопасного перемещения автономного БЛА в воздухе. Полеты в воздушном пространстве в большей степени могут повлечь наступление воздушных катастроф и причинения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан, имуществу организаций и публично-правовых образований. В этой связи целесообразно не применять ограничения авторских прав, установленные гражданским законодательством. Представляется недопустимым самостоятельное декомпилирование владельцами автономных БЛА программы ЭВМ или технологии искусственного интеллекта, под управлением которых находится БЛА, в целях достижения способности к взаимодействию с другими программами или независимо разработанной владельцем программой. Считаю недопустимым какое-либо вмешательство владельцев БЛА в программное обеспечение автономного БЛА, в том числе установление собственного программного обеспечения, что с высокой степенью вероятности может нарушить работу программы для ЭВМ или технологии искусственного интеллекта, под управлением которых может находиться автономный БЛА. В результате чего автономный БЛА может перемещаться в воздухе по неверно построенным маршрутам, выполнять маневры, не соответствующее обстановке в воздушном пространстве. Неправильная работа автономного БЛА может стать причиной воздушных и наземных катастроф, в ходе которых может быть причинен вред жизни, здоровью и имуществу граждан, а также имуществу организаций и публичных субъектов гражданского права. Высказанные соображения выступают основаниями для отмены законодательного ограничения авторских прав в отношении программ ЭВМ и технологий искусственного интеллекта, под управлением которых может находиться автономный БЛА.

Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав в том числе в отношении программ для ЭВМ не требуется их регистрации. Вместе с тем представляется целесообразным предоставлять правовую охрану технологиям искусственного интеллекта или программам для ЭВМ, внедренным в автономные БЛА, при условии их государственной регистрации. Предлагаемая инициатива применима в том числе в целях распределения имущественной ответственности между субъектами в случае причинения вреда автономными БЛА. Сведения о государственной регистрации технологии искусственного интеллекта или программы для ЭВМ, под управлением которых может находиться автономный БЛА, могут содержать указание на автора программы или технологии искусственного интеллекта или на иного правообладателя таких программы или технологии. В результате чего упрощается поиск надлежащего ответчика по регрессному требованию к автору или правообладателю некорректно работающей технологии искус-

ственного интеллекта в том случае, если ошибки в работе программы или искусственного интеллекта повлекли за собой причинение вреда.

Обобщая ранее сказанное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, на автономные БЛА, управляемые программой для ЭВМ или технологией искусственного интеллекта, не распространяется публично-правовой режим беспилотного воздушного судна, установленный воздушным законодательством. Нераспространение на автономные БЛА публично-правового режима беспилотного воздушного судна исключает в отношении таких автономных БЛА необходимость исполнения их владельцами требований об обязательной сертификации, лицензировании, государственной регистрации и учета, что образует особый юридический состав для правомерного осуществления правомочия пользования такими БЛА. Во-вторых, гражданско-правовой режим автономных БЛА, находящихся под управлением программы для ЭВМ или технологии искусственного интеллекта, в целом можно охарактеризовать как правовой режим оборотоспособного объекта гражданских прав. Для уточнения гражданско-правового режима, в том числе вещно-правового и обязательственно-правового режима таких автономных БЛА необходимо верно устанавливать гражданско-правовой статус их собственников, титульных владельцев, участников гражданско-правовых обязательств в отношении этих БЛА. В-третьих, в настоящее время можно утверждать об отсутствии правосубъектности, в том числе деликтоспособности автономных БЛА, управляемых искусственным интеллектом. В-четвертых, в силу того факта, что перемещение в воздухе автономных БЛА, управляемых программой ЭВМ или технологией искусственного интеллекта, осуществляется в соответствии с заранее написанными в программе алгоритмами или алгоритмами, создающимися искусственным интеллектом в реальном времени, а не в соответствии с командами человека – внешнего пилота, в результате чего перемещение автономного БЛА в воздух становится не контролируемым в полной мере человеком, использование таких автономных БЛА следует признать источником повышенной опасности. Следовательно, возмещение вреда, причиненного такими БЛА происходит по правилам, установленным ст.ст. 1064, 1079, 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации. В-пятых, допускается отсутствие пользовательского интерфейса в качестве охраняемого нелитерального компонента в технологии искусственного интеллекта в силу отсутствия необходимости во внешнем пилоте и соответственно в модуле управления. В-шестых, в силу высокой вероятности наступления катастроф в воздушном пространстве следует исключить ограничения авторских прав в отношении программ для ЭВМ, под управлением которых находятся автономные БЛА, в частности, исключить возможность их декомпилирования. В-седьмых, представляется целесообразным предоставлять правовую охрану программам для ЭВМ и тех-

нологиям искусственного интеллекта, под управлением которых находятся автономные БЛА, при условии их государственной регистрации в целях распределения имущественной ответственности между субъектами в случае причинения вреда автономными БЛА.

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // сайт <https://tass.ru/ekonomika/4998315>
2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 // сайт <https://digital.gov.ru>. 2019.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. № 41. Ст. 5700. 2019.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. N 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 12. Ст. 1383. 1997.
5. Федеральный закон от 14 марта 2009 N 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // Собрание законодательства РФ. № 11. Ст. 1260. 2009.
6. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. № 52. Ст. 5140. 2002.
7. Федеральные авиационные правила «Сертификация авиационной техники, организаций разработчиков и изготовителей. Часть 21», утв. Приказом Минтранса России от 17 июня 2019 г. № 184 // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 2019.
8. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. № 19. Ст. 2716. 2011.
9. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2012 г. N 240 «О лицензировании разработки, производства, испытания и ремонта авиационной техники, за исключением беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее» // Собрание законодательства РФ. № 14. Ст. 1643. 2012.
10. Федеральные авиационные правила «Требования к летной годности гражданских воздушных судов. Форма и порядок оформления сертификата летной годности гражданского воздушного судна. Порядок приостановления действия и аннулирования сертификата лет-

ной годности гражданского воздушного судна», утв. Приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 27 ноября 2020 г. № 519 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2021.

11. Федеральные авиационные правила использования воздушного пространства Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 // Собрание законодательства РФ. № 14. Ст. 1649. 2010.
12. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 5. Ст. 410. 1996.

CIVIL LAW REGIME FOR AUTONOMOUS UNMANNED AERIAL VEHICLES CONTROLLED BY A COMPUTER PROGRAM OR ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY

Poletykin D.A.

Moscow State Law O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

The article attempts to characterize the civil law regime of autonomous unmanned aerial vehicles controlled by a computer program or artificial intelligence technology. The author considers the real-law and civil-law regimes of autonomous drones. The question of legal personality, including the tortability of autonomous unmanned aerial vehicles under the control of artificial intelligence is highlighted. The author characterizes the flights of autonomous unmanned aerial vehicles as an activity that meets the characteristics of a source of increased danger. The question of establishing the proper subject of compensation for damage caused by autonomous drones is considered. In addition, the author investigated computer programs and artificial intelligence technologies, under the control of which are autonomous drones, as objects of copyright. Proposals aimed at improving the civil law regime of these programs and technologies are made.

Keywords: autonomous unmanned aerial vehicles, robotic devices, computer program, artificial intelligence technology, civil law regime.

References

1. The President's Message to the Federal Assembly dated March 1, 2018. <https://tass.ru/ekonomika/4998315>
2. Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation": approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes of 04.06.2019 № 7 // website <https://digital.gov.ru>. 2019.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030") // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 41. St. 5700. 2019.
4. Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 N 60-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 12. Art. 1383. 1997.
5. Federal Law of March 14, 2009 N 31-FZ on state registration of rights to aircraft and transactions with them // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 11. Art. 1260. 2009.
6. Federal Law of December 27, 2002 N 184-FZ on technical regulation // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 52. Art. 5140. 2002.
7. Federal Aviation Regulations «Certification of aviation equipment, organizations of developers and manufacturers. Part 21» approved by Order of the Ministry of Transport of Russia dated

June 17, 2019 № 184 // official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. 2019.

8. Federal Law of 04.05.2011 N 99-FZ on licensing of certain types of activities // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 19. Art. 2716. 2011.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 28, 2012 No. 240 on licensing the development, production, testing and repair of aviation equipment, except for unmanned aircraft systems and (or) their elements, including unmanned civil aircraft with a maximum takeoff weight of 30 kilograms and less // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 14. Art. 1643. 2012.
10. Federal Aviation Regulations «Requirements for the Airworthiness of Civil Aircraft. Form and procedure for issuing a civil aircraft airworthiness certificate. Procedure for suspension and revocation of a civil aircraft airworthiness certificate» approved by the Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated November 27, 2020 № 519 // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 2021.
11. Federal Aviation Rules for the Use of Airspace of the Russian Federation approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of March 11, 2010 № 138 // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 14. St. 1649. 2010.
12. Morkhat P.M. Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2018, no. 2, pp. 61–73
13. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ, adopted by the State Duma on October 21, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. № 32. Art. 3301. 1994.

Классификация договоров поставки газа на экспорт по критерию этапа развития договорных отношений

Поляков Георгий Юрьевич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: gpolyakov-21-01@edu.ranepa.ru

В статье разработан авторский подход к классификации договоров поставки газа на экспорт, а также формулируются предложения по совершенствованию отечественного законодательства для повышения эффективности правового регулирования и правовой определенности договорных конструкций поставки газа на экспорт. Цель статьи состоит в том, чтобы разработать подходы к классификации договоров поставки газа на экспорт, учитывающие особенности возникновения, развития и осуществления соответствующих договорных обязательств. Для достижения данной цели в статье последовательно формулируются подходы к классификации договоров поставки газа на экспорт по критерию этапа развития договорных отношений, а также по критерию агрегатного состояния газа (по критерию предмета договора). По итогам проведенного исследования формулируется вывод о том, что по критерию этапа развития договорных отношений можно выделить основные договоры и обеспечивающие договоры. В части классификации договоров поставки газа по критерию агрегатного состояния газа (по критерию предмета договора) выделяется договор поставки сжиженного природного и договор поставки газа магистральными трубопроводами.

Ключевые слова: поставка газа, экспорт газа, основной договор, рамочный договор, предварительный договор, природный газ, СПГ, транспортировка газа, GSA, LNG SPA, upstream contract, downstream contract, depletion contract.

Введение

Актуальность. Поставка газа на экспорт объединяет в себе сложную совокупность различных общественных отношений, которые находят свое регулирование как на уровне нормативного, так и на уровне договорного регулирования. Так, в рамках поставки газа на экспорт оказываются объединены общественные отношения, связанные с добычей газа, переходом права собственности на газ от поставщика покупателю, транспортировкой газа, доведением газа до потребителей (снабжение газом) и др. Кроме того, все отмеченные отношения оказываются осложнены иностранным элементом (поскольку речь идет о поставке газа на экспорт). В подобных условиях договорное оформление отношений между сторонами договоров поставки газа приобретает решающее значение, поскольку фактически именно на уровне договора определяются конкретные ключевые права и обязанности сторон, которые могут быть весьма разнообразны.

Все это не только предопределяет достаточное большое разнообразие договоров поставки газа (которые фактически составляют *ad hoc* для каждой системы отношений между конкретными контрагентами), но и порождает отсутствие единообразного подхода к пониманию правовой сущности и содержания самого договора поставки газа. Ввиду наличия в составе отношений в сфере поставки газа различных по своему содержанию прав и обязанностей, а также комплексности газового рынка каждый случай договорного регулирования поставки газа может предполагать (не)включение в договорные отношения различных аспектов (в зависимости от чего и будут выделяться отдельные виды договоров поставки газа).

Цель статьи состоит в том, чтобы разработать подходы к классификации договоров поставки газа на экспорт, учитывающие особенности возникновения, развития и осуществления соответствующих договорных обязательств. Для достижения данной цели в статье формулируется подход к классификации договоров поставки газа на экспорт по критерию этапа развития договорных отношений.

Методы исследования включают в себя общенаучные и специальные методы. Общенаучные методы, использованные в рамках настоящего исследования, представлены анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, системным методом и др. Специальные методы исследования включают в себя формально-юридический метод, метод анализа правоприменительной практики, сравнительно-правовой метод и др.

Основная часть

Наиболее универсальным критерием для классификации договоров поставки газа на экспорт в подобных условиях будет является их дифференциация *по признаку этапа развития договорных отношений*, в зависимости от которого представляется возможным выделить: основные договоры и обеспечивающие договоры.

Основные договоры поставки газа представляют собой соглашение двух или более лиц, в соответствии с которым устанавливают, изменяются или прекращаются прав и обязанности конкретных (индивидуализированных) сторон (поставщика, покупателя, потребителя, транспортной компании, добывающей компании, сервисной компании и др.) в отношении конкретизированного (определенного) предмета (природного газа, сжиженного природного газа и др.). В рамках основных договоров поставки газа *непосредственно* реализуются законные интересы одной стороны (покупателя) приобрести определенный объем конкретного газа и законные интересы другой стороны (поставщика) в виде получения платы за поставку данного объема газа конкретному покупателю.

В свою очередь, обеспечивающие договоры поставки газа не влекут за собой непосредственного возникновения, изменения или прекращения конкретных договорных правоотношений между индивидуализированными сторонами, направленных на осуществление поставки определенного объема газа. Обеспечивающие договоры реализуются и применяются на преддоговорной стадии поставки газа. Они призваны обеспечить реализацию законных интересов покупателя и поставщика газа *в будущем*.

Так, в частности, в качестве одного из наиболее распространенных видов обеспечивающих договоров в сфере поставки газа на экспорт можно выделить предварительный договор. В соответствии с положениями ст. 429 ГК РФ в рамках предварительного договора стороны обязуются заключить в будущем договор (основной договор) о передаче имущества (газа), выполнении работ (например, пусконаладочных работ газового оборудования) и оказании услуг (например, страховых услуг) на условиях, которые закрепляются в предварительном договоре.

Как можно заметить, заключение предварительного договора не влечет за собой непосредственного возникновения прав и обязанностей, связанных с непосредственной поставкой газа. Предварительный договор означает принятие его сторонами на себя обязанности заключить основной договор в будущем на условиях, определенных предварительных договором¹. Права и обязанности, направленные на передачу газа от поставщика покупателю и его оплату покупателем, из пред-

варительного договора не возникают². Тем не менее, в предварительном договоре должны быть отражены условия, касающиеся предмета основного договора, а также условия основного договора, в отношении которых должно быть достигнуто соглашение между сторонами в силу волеизъявления одной из сторон. При этом с 2015 г.³ включение в предварительный договор всех существенных условий не является обязательным (что вполне обосновано, так как на преддоговорном этапе далеко не все существенные условия могут быть известны сторонам).

В рамках договорных отношений в сфере поставки газа конструкция предварительного договора достаточно активно используется в целях обеспечения стабильности и предсказуемости договорных отношений как между определенными контрагентами, так и отношений по поставке газа в целом. Предварительные договора достаточно активно заключаются ПАО «Газпром» (обладающего, наряду со своей стопроцентной дочерней компанией ООО «Газпром экспорт», исключительным правом на экспорт природного газа в газобразном состоянии). В частности, рамках предварительных договоров ПАО «Газпром» обеспечивает заключение в будущем договоров о поставке газа, который потребуются только после завершения строительства промышленных объектов его контрагентов⁴. Также в предварительных договорах ПАО «Газпром», как правило, заранее согласуются все основные условия поставок газа, которые впоследствии становятся частью основного договора с учетом актуальных обстоятельств поставки.

Таким образом, предварительный договор именно обеспечивает поставку газа в будущем, но не влечет за собой возникновение у сторон соответствующих прав и обязанностей, связанных с передачей газа и его оплатой.

Еще одним обеспечивающим договором, который широко применяется в сфере поставки газа на экспорт, является рамочный договор.

Рамочный договор не получил однозначного теоретического осмысления в современной отечественной науке. Так, например, по мнению Б.И. Пугинского, под рамочным договором следует понимать организационный договор, посредством которого обеспечивается упорядочивание взаимосвязанной деятельности двух или нескольких лиц за счет фиксации процедуры возникновения, а также общих условий исполнения конкретных обязательств в будущем. Также к рамочным договорам Б.И. Пугинский отнес соглашения, направленные

² Постановление Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 N 9798/12 по делу N А33-18187/2011 // Вестник ВАС РФ, 2013, N 6.

³ Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, N 10, ст. 1412.

⁴ См., например: «Газпром» пристроил этан. Будущее Амурских ГПЗ и ГХК стало более определенным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3642526> (дата обращения: 21.07.2023).

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2014 N 9-КГ14-8// СПС «КонсультантПлюс»

на повышение эффективности взаимосвязанной деятельности двух и более лиц¹. В свою очередь, как полагает Л.Г. Ефимова, рамочный договор представляет собой договор, направленный на организацию длительных деловых связей, представленных совокупностью разнообразных деловых отношений, для оформления которых заключаются непосредственные договоры-приложения (при этом ряд универсальных условий изначально закрепляется в рамочной договоренности)².

Впрочем, так или иначе, оба приведенных выше подхода однозначно указывают на обеспечивающую роль рамочного договора, на основе которого обеспечивается систематизация и оформление будущих конкретных правоотношений, встроенных в общие (базисные) долгосрочные правоотношения.

При этом, стоит отметить, что именно рамочный договор является наиболее наглядным примером устойчивого договорного регулирования общественных отношений в сфере поставки газа. Так, в соответствии со ст. 429.1 ГК РФ устанавливается, что рамочный договор представляет собой договор с открытыми условиями, в рамках которого находят свое закрепление общие условия обязательственных отношений между контрагентами, а конкретизация условий непосредственных договорных взаимодействий осуществляется посредством заключения сторонами отдельных договоров на основании или во исполнение рамочного договора. При этом общие условия рамочного договора подлежат применению к отношениям сторон, которые не были ими урегулированы в рамках договоров-приложений.

Таким образом, рамочный договор формирует устойчивый контур базисных условий, в продолжение которых стороны заключают и исполняют конкретные условия договоров-приложений. Иными словами, рамочный договор создает общий договорно-правовой режим для сторон поставки газа, в рамках которого ими осуществляется дальнейшего взаимодействия. Более того, положения рамочного договора также могут диспозитивно применяться в рамках конкретных договорных отношений, дополняя отсутствующие в договорах-приложениях условия. Соответственно, рамочный договор носит не только организующий (как предварительный договор), но и восполняющий³ характер (причем функция восполнения может применяться и для толкования положений договоров-приложений в случае их неясности).

Рамочный договор весьма часто используется в рамках оформления долгосрочных договорных отношений в сфере поставки газа на экспорт. Вви-

ду сложности процессов, опосредующих поставку газа, а также длительности отношений между поставщиком и покупателем газа применение конструкции рамочного договора позволяет заранее на долгий срок определить общий договорно-правовой режим взаимодействия и, тем самым, существенно снизить неопределенность условий будущих договоров, заранее согласовать права и обязанности и распределение рисков сторон, обеспечить нормальное функционирование связанных бизнес-процессов и т.д.

На практике конструкция рамочных договоров активно применяется и единственными уполномоченными на экспорт российского трубопроводного газа ПАО «Газпром» и его стопроцентной дочерней компанией ООО «Газпром экспорт». При этом соответствующие рамочные договоры заключаются ПАО «Газпром» на десятилетия.

Так, например, еще в 1996 г. был подписан рамочный договор между Газпромом и голландской энергетической компанией «Газюни». При этом соответствующий рамочный договор сохранил свое действие (в измененном виде) и после реорганизации «Газюни» в соответствии с требованиями ЕС о разъединении транспортного и торгового подразделений энергетических компаний (новыми контрагентами рамочного договора сегодня являются ООО «Газпром экспорт» и образованная в результате реорганизации «Газюни» голландская компания «ГазТерра»⁴.

Кроме того, в 2009 г. ООО «Газпром экспорт» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) было подписано рамочное соглашение об основных условиях поставки природного газа в Китай, в котором был определен предполагаемый объем экспорта российского газа на китайский рынок. В 2010 г. стороны подписали расширенные основные условия поставок (фактически расширенный рамочный договор), а в 2013 г. было заключено соглашение об основных условиях трубопроводных поставок природного газа из России в Китай. Основной договор на поставку российского газа в Китай был подписан в 2014 г. сроком на 30 лет⁵.

Наконец, можно отметить и такой вид обеспечивающих соглашений в сфере поставки газа на экспорт, как соглашение о намерениях. В отличие от предварительного договора и рамочного договора оно представляет собой своеобразное «джентельменское соглашение» организационного характера, посредством которого обеспечивается оформление сотрудничества в сфере поставки газа между энергетическими компаниями из различных государств или между самими государствами и зарубежными компаниями-поставщиками газа. Так, например, в 2017 г. было подписано со-

¹ Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М.: Юрайт-М, 2001. С. 53.

² Ефимова Л.Г. Рамочные (организационные) договоры. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 25.

³ Карапетов А.Г. Рамочный договор: комментарий к новой статье 429.1 ГК РФ // Блог А.Г. Карапетова на сайте «Закон. Ру». [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/11/2/ramochnyj_dogovor_kommentarij_k_novoj_state_4291_gk_rf. (дата обращения: 21.07.2023).

⁴ Отчет ООО «Газпром экспорт» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazpromexport.ru/files/ge_ru_2017374.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

⁵ Отчет ООО «Газпром экспорт» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazpromexport.ru/files/ge_ru_2017374.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

глашение о намерениях продолжить поставки российского природного газа в Венгрию между ООО «Газпром экспорт» и «Хунгериан Газ Трейд Лтд»¹. В целом, соглашение о намерениях обладает меньшим обеспечивающим и организующим потенциалом по сравнению с предварительным и рамочным договорами. Оно не носит юридически обязывающего характера и, скорее, представляет собой способ оформления деловой практики сторон.

Выводы

Таким образом, при классификации договоров поставки газа по критерию этапа развития договорных отношений можно выделить:

1) основные договоры, направленные на непосредственное удовлетворение законных интересов индивидуализированных поставщика и покупателя определенного объема конкретного газа за счет создания для них фиксированных прав и обязанностей;

2) обеспечивающие договоры, которые направлены на обеспечение удовлетворения законных интересов поставщика (преимущественно) и покупателя (реже) в будущем в рамках заключения между ними основных договоров поставки газа. Наиболее распространенными формами обеспечивающих договоров выступают предварительный договор и рамочный договор.

При этом, стоит отметить, что приведенная классификация договоров поставки газа на основные и обеспечивающие является универсальной и может быть применена в отношении любых договорных отношений, возникающих в исследуемой сфере. Также предварительный договор и рамочный договор являются устойчивыми формами обеспечивающих договоров поставки газа, обладающих конкретным набором характеристик и вполне конкретной правовой природой. Аналогичным образом устойчивой правовой природой будут отличаться и иные формы обеспечивающих договоров (например, в виде соглашения о намерениях).

Литература

1. Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, N 10, ст. 1412.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2014 N 9-КГ14–8 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 N 9798/12 по делу N А33–18187/2011 // Вестник ВАС РФ, 2013, N 6.
4. «Газпром» пристроил этан. Будущее Амурских ГПЗ и ГХК стало более определенным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3642526> (дата обращения: 21.07.2023).

¹ Там же.

5. Отчет ООО «Газпром экспорт» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazpromexport.ru/files/ge_ru_2017374.pdf (дата обращения: 21.07.2023).
6. Отчет ООО «Газпром экспорт» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazpromexport.ru/files/ge_ru_2017374.pdf (дата обращения: 21.07.2023).
7. Ефимова Л.Г. Рамочные (организационные) договоры. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 25.
8. Карапетов А.Г. Рамочный договор: комментарий к новой статье 429.1 ГК РФ // Блог А.Г. Карапетова на сайте «Закон.Ру». [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/11/2/ramochnyj_dogovor_kommentarij_k_novoj_state_4291_gk_rf. (дата обращения: 21.07.2023).
9. Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М.: Юрайт-М, 2001. С. 53.

CLASSIFICATION OF EXPORT GAS SUPPLY CONTRACTS BASED ON THE STAGE OF DEVELOPMENT OF CONTRACTUAL RELATIONS

Polyakov G.Y.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article develops an author's approach to the classification of contracts for the supply of gas for export, as well as formulates proposals for improving domestic legislation to improve the efficiency of legal regulation and the legal certainty of contractual structures for the supply of gas for export. The purpose of the article is to develop approaches to the classification of contracts for the supply of gas for export, taking into account the peculiarities of the emergence, development and implementation of the relevant contractual obligations. To achieve this goal, the article consistently formulates approaches to the classification of contracts for the supply of gas for export by the criterion of the stage of development of contractual relations, as well as by the criterion of the state of aggregation of gas (by the criterion of the subject of the contract). Based on the results of the study, the conclusion is formulated that, according to the criterion of the stage of development of contractual relations, it is possible to single out the main contracts and supporting contracts. As regards the classification of gas supply contracts by the criterion of the state of aggregation of gas (by the criterion of the subject of the contract), a contract for the supply of liquefied natural gas and a contract for the supply of gas by main pipelines are distinguished.

Keywords: gas supply, gas export, main contract, framework contract, preliminary contract, natural gas, LNG, gas transportation, GSA, LNG SPA, upstream contract, downstream contract, depletion contract.

References

1. Federal Law of 03/08/2015 N 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 03/09/2015, N 10, Art. 1412.
2. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 16, 2014 N 9-KG14–8 // ATP "ConsultantPlus"
3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 15, 2013 N 9798/12 in case No. A33–18187/2011 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2013, No. 6.
4. Gazprom added ethane. The future of the Amur gas processing plants and gas chemical plants has become more certain [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3642526> (access date: 07/21/2023).
5. Report of Gazprom Export LLC [Electronic resource]. URL: http://www.gazpromexport.ru/files/ge_ru_2017374.pdf (access date: 07/21/2023).

6. Report of Gazprom Export LLC [Electronic resource]. URL: http://www.gazpromexport.ru/files/ge_ru_2017374.pdf (access date: 07/21/2023).
7. Efimova L.G. Framework (organizational) agreements. M.: Wolters Kluwer, 2006. P. 25.
8. Karapetov A.G. Framework agreement: commentary on the new article 429.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Blog of A.G. Karapetov on the Zakon.Ru website. [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/11/2/ramochnyj_dogovor_kommentarij_k_novoj_state_4291_gk_rf. (access date: 07/21/2023).
9. Puginsky B.I. Commercial law of Russia. M.: Yurayt-M, 2001. P. 53.

Правовая природа «злоупотребление правом» в аспекте взаимосвязи с понятием «превышение гражданского права»

Сахаров Никита Сергеевич,

аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления (нгуэу)
E-mail: N.Saharov@vpk-oil.ru

В основе исследования данной статьи находится сущность правовой природы такого часто встречаемого явления как «злоупотребление правом» и его взаимосвязь с понятием «превышение гражданского права». Целью исследования является рассмотрение различных позиций ученых-цивилистов на понятие «злоупотребление правом», его признаков, особенностей понятия «превышение прав». Методами исследования стали сравнительно-юридический, метод анализа и синтеза и диалектический метод. Результатом работы стало определение признаков и критериев злоупотребления правом.

Данное исследование может быть применено в гражданском и гражданском процессуальном праве, использовано при обучении студентов в юридических вузах. Новизна работы определена исследованием двусторонности такого правового явления как злоупотребление гражданскими правами. Итогом исследования стало заключение автора о предполагаемой им тождественности понятий превышение прав и злоупотребление правом.

Ключевые слова: противоправная цель, признак, пределы права, материальное право, недобросовестное поведение, процессуальное право, критерии, злоупотребление правом.

В настоящее время тема злоупотребления правом очень актуальна и значима, эта тема традиционно вызывает повышенный интерес среди ученых-исследователей. Объясняется это отсутствием понятия в нормативных правовых актах, его регулирующими и столкновением различных позиций ученых, пока не достигших единого понимания этого как общественного, так и правового явления, что в свою очередь приводит к сложностям предупреждения и избежания подобных действий в обществе. Увеличение случаев злоупотребления правом, их завуалированность, использование более «изысканных» способов его совершения обуславливают необходимость проведения не только отраслевых, но и общеправовых исследований в этом направлении.

Злоупотребление правом не только нарушает порядок в обществе, но и вызывает отрицательную реакцию у населения, к тому же «недопустимость злоупотребления правом – принцип гражданского законодательства» [6, с. 121]. Представители науки гражданского права подразумевают под злоупотреблением правом «средство или способ совершения правонарушения», другие – рассматривают его как «нарушение принципов права» [10, с. 187].

По мнению М.М. Агаркова «злоупотребление правом – это выход за пределы осуществления права» [1, с. 386]. По мнению В.П. Грибанова такой правовой феномен следует рассматривать как «особый вид деликта» [7].

Продолжающиеся дискуссии относительно целесообразности словосочетания слов «злоупотребление правом» основаны на имеющемся в нем логическом противоречии, связанным со взаимоисключающими друг друга понятиями «злоупотребление» и «право». Обладая субъективным гражданским правом, человек в процессе реализации своих прав совершает так называемые правособразные действия, которые не могут считаться злоупотреблением.

Таким образом, отмеченные обстоятельства переопределяют необходимость проведения дальнейших исследований данной тематики, что и обусловило выбор темы данной статьи.

Вопросу злоупотребления права уделяли внимание ученые всех стран от начала становления права и до закрепления его законодательно. Проблематику данного явления исследовали такие специалисты как Пономарев Р.А., Ямбарышева М.Л., Иванова А.В., Никитин Н.А., Ермолаева Т.А., Miri Cohen, Sarah Halevy Levin, Roni Gagin, Gideon Friedman.

Ключевые аспекты, связанные с сущностью и квалификацией злоупотребления правом рас-

смаатривают в своих публикациях Авдеева С.Б., Дамаева З.Ф., Чуклова Е.В., Евсикова Т.С., Изюмова Д.А., Корякова Е.А., Adrian Raine, Sohee Park, Todd Lencz, Susan Bihrl, Lori LaCasse.

В тоже время, следует отметить, что несмотря на имеющиеся труды и наработки ряд вопросов в данной предметной плоскости требует дополнительных исследований и анализа. В частности, в более углубленном изучении нуждается поведение субъекта в форме злоупотребления в общеправовом контексте, что позволит более точно определить его сущность. Также дополнительного обоснования требует механизм квалификации таких действий субъекта, которые имеют определенную одновременно правомерную и противоправную специфику.

С учетом вышеизложенного, целью исследования становится рассмотрение разнообразных точек зрения и концепций как на само понятие «злоупотребление правом», так и на понятие «превышение прав» и определение их соотношения.

Итак, прежде всего, следует отметить, что определенный интерес представляют две концепции злоупотребления правом: концепция недобросовестности и концепция неразумности. В первой из них имеется ввиду «недобросовестное осуществление права и недобросовестное поведение» [14, с. 60]. Во второй – злоупотребление правом рассматривается с позиций его неразумного осуществления.

Случаи причинения вреда остальным участникам общественных отношений называются «незаконным злоупотреблением правами» [12, с. 110] со стороны одного отдельно взятого человека.

Осуществляя свое право специфическим образом, человек может нарушить права другого человека, нанести ему вред, следовательно, своими действиями он выходит за пределы собственных прав. Но при этом, злоупотребляя своим собственным правом, он продолжает «пользоваться принадлежащим ему правом» [16, с. 95].

Запрет на реализацию гражданских прав, наносящих или причиняющих вред другому лицу, установлен в ст. 10 ГК РФ. Существуют определенные различия между злоупотреблением материальными и процессуальными гражданскими правами. Д.А. Кошубарова отмечает, что при злоупотреблении правом в материальном праве «необходимо наличие самого права, которым злоупотребляют» [10, с. 187].

Как злоупотребление процессуальным правом следует воспринимать неправомерные действия участников судебного процесса, выдвигающих притязания на несуществующие права, или же направляющих необоснованные иски или представляющих «недостовверные свидетельские показания» [13, с. 314].

Злоупотребления правами могут иметь место и «со стороны суда» [3, с. 484], например, неправильное определение подсудности или же подсудности того или иного дела; нарушение процессуальных сроков; злоупотребления, связанные с осуществлением апелляции, кассации и т.д.

Понятие «злоупотребление процессуальными правами» отсутствует в ГПК РФ.

В юридической литературе само понятие «злоупотребление процессуальными правами» рассматривают как «выход за пределы границ реализации процессуального права» [17, с. 30], то есть такое деяние, совершаемое участником процесса, которое противоречит основной цели гражданского, административного или арбитражного судопроизводства. Оно приближено к понятию «недобросовестность», что проявляется в стремлении субъектов получить для себя определенную выгоду, целенаправленно затягивая судебный процесс.

В.С. Аксенова выделяет три критерия злоупотребления процессуальными правами: целевой, формальный и содержательный.

Эти критерии свидетельствуют о наличии таких признаков у субъекта как «намерение нанести вред; воспрепятствование деятельности суда» [2, с. 58].

В международной практике, как правило, элементами процессуального злоупотребления являются:

- (1) незаконное или ненадлежащее использование процесса;
- (2) скрытый мотив или ненадлежащая цель; и в некоторых юрисдикциях
- (3) нанесение ущерба тяжущейся стороне.

Также иногда процессуальное злоупотребление описывается как неправомерное использование «уголовного или гражданского процесса против другой стороны с целью, отличной от предполагаемых целей процесса», и тем самым причинение стороне ущерба (например, ареста, изъятия имущества или экономического ущерба).

Классический случай процессуального злоупотребления подразумевает попытку истца принудить ответчика совершить некое побочное действие, к которому он не может быть принужден законным и обычным путем. Например, в случае, когда бывший работодатель пытался привлечь своего сотрудника к уголовной ответственности, чтобы вернуть украденные деньги, зная при этом, что сотрудник не несет ответственности за кражу, суд привлек работодателя к ответственности за злоупотребление процессуальными нормами за возбуждение уголовного дела, зная, что обвинения не были подкреплены достаточными основаниями.

В отличие от правонарушителя, человек, который злоупотребляет своим правом осуществляет свои «деяния законно, но с противоправной целью» [6, с. 120].

Рассматривая основания, находящиеся в основе злоупотребления гражданским правом, цивилисты выделяют явное намерение у индивида, направленное на причинение вреда другому человеку, причем оно «завуалировано под форму правомерного поведения» [4, с. 177].

Следовательно, злоупотребление правом представляет собой одну из форм недобросовестного поведения, входящую в явное противоречие с понятием «добросовестности субъекта» [15, с. 175].

К формам такого поведения необходимо также отнести: «шикану и обход закона как заведомо недобросовестные формы осуществления гражданских прав» [8, с. 95].

Злоупотребление правом направлено на получение субъектом личной выгоды, при «использовании своего права в ущерб другим, обществу или государству» [11, с. 285].

При злоупотреблении правом субъект реализует свое право, но выходит за его пределы.

Проведя данное исследование, можно выделить основные признаки злоупотребления правами:

- недобросовестность в реализации своих прав;
- формальное злоупотребление правами;
- наступление «неблагоприятных последствий в случае злоупотребления правами» [9, с. 19].

По мнению С.В. Мусарского определение критериев злоупотребления правом является одним из наиболее сложных вопросов гражданского права. Он выделяет такие критерии:

- субъективный, под которым понимается отношение человека к совершаемому им действию, этот критерий может проявляться в причинении вреда, в преследовании противозаконной цели, которая не соответствует разумности и добросовестности пользования своими правами;
- объективный, под ним подразумевается противоречащее самому предназначению права, такое действие, совершаемое человеком, которое невозможно согласовать с нравственностью и моралью, осуществляемое в недозволенной форме или недозволенным способом;
- результат, «приведший к неблагоприятным последствиям в результате злоупотребления правом» [14, с. 67].

В российской юридической науке «злоупотребление правом», по мнению ученых, напрямую взаимосвязано с «нарушением пределов субъективного права», исходя из этой логики следует понимать «злоупотребление правом как совершение права с выходом за его пределы, превышением границ» [16, с. 101].

Исходя из этого, злоупотребление правом тождественно понятию превышение гражданских прав, так как оно выходит за пределы прав отдельного человека.

Злоупотребление правом – правовое явление, связанное с недобросовестным применением или использованием отдельным субъектом своих прав, осуществляемое им с умышленной целью, направленной на нанесение вреда или ущерба иному субъекту общественных отношений, намеренно затрагивающее и нарушающее права других лиц и противоречащее одному из главных принципов правового государства – принципу справедливости.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М., 2002. 533 с.
2. Аксенова В.С. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском, арбитражном,

административном процессе, направленное на затягивание процесса // Эпомен. 2022. № 69. С. 52–59.

3. Аминова Г.А. Злоупотребление гражданскими процессуальными правами в гражданском процессе // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 11 (38). С. 484–487.
4. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex Russica. 2016. № 1. С. 177–182.
5. Вабишевич С.С. Злоупотребление правом и недобросовестное осуществление гражданских прав: соотношение понятий в гражданском праве и судебной практике // Актуальные проблемы гражданского права. 2017. № 1 (9). С. 26–42.
6. Вихарева А.В. Сущность категории «злоупотребление правом» в гражданском законодательстве России // Власть Закона. 2021. № 3 (47). С. 117–122.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. // URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/1/> (дата обращения 18.04.2024).
8. Зыкина В.В., Шапиро И.М. Злоупотребление гражданским правом //Трибуна ученого. 2019. № 12. С. 93–98.
9. Жукова Ю.С., Забелина Т.С. К вопросу о правовой природе злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Альманах молодого исследователя. 2018. № 4. С. 18–20.
10. Кошубарова Д.А. Злоупотребление правом как превышение пределов субъективных прав // В сборнике: Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы Международной научной конференции. 2017. С. 186–189.
11. Кулакова И.А. Злоупотребление гражданскими правами в гражданском процессе: последствия и предотвращение // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 10 (67). С. 285–291.
12. Малиновский А.А. Злоупотребление правом: Учебное пособие. М.: МЗ-Пресс, 2002. С. 110.
13. Мищенко В.И. К вопросу о злоупотреблении правом в гражданских правоотношениях// Наукосфера. 2022. № 10–1. С. 311–314.
14. Мусарский С.В. Основные судебные и научные подходы к сущности (критериям) злоупотребления правом в современном российском праве. 2022. Т. 26. № 2. С. 57–70.
15. Сазанова И.В. О соотношении понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом» / И.В. Сазанова // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 172–178.
16. Трошина Д.И. Злоупотребление правом в гражданском праве// Сфера права. 2021. № 4. С. 93–101.
17. Юдин А.В. Классификация злоупотреблений процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 28–31.

LEGAL NATURE OF “ABUSE OF LAW” IN TERMS OF RELATIONSHIP WITH THE CONCEPT OF “EXCESS OF CIVIL LAW”

Sakharov N.S.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The research of this article is based on the essence of the legal nature of such a frequently encountered phenomenon as “abuse of law” and its relationship with the concept of “excess of civil law”. The purpose of the study is to consider the various positions of civil scientists on the concept of “abuse of law”, its signs, and the features of the concept of “abuse of rights”. The research methods were comparative law, the method of analysis and synthesis, and the dialectical method. The result of the work was the definition of signs and criteria of abuse of law.

This research can be applied in civil and civil procedure law, used in teaching students at law schools. The novelty of the work is determined by the study of the two-sidedness of such a legal phenomenon as the abuse of civil rights. The result of the study was the author’s conclusion about the alleged identity of the concepts of abuse of rights and abuse of rights.

Keywords: unlawful purpose, sign, limits of law, substantive law, unfair behavior, procedural law, criteria, abuse of law.

References

1. Agarkov M.M. Selected works on civil law: in 2 vols. 2. M., 2002. 533 p.
2. Aksenova V.S. Abuse of procedural rights in civil, arbitration, administrative proceedings aimed at delaying the process // Epomen. 2022. No. 69. pp. 52–59.
3. Aminova G.A. Abuse of civil procedural rights in civil proceedings // Alley of Science. 2019. Vol. 1. No. 11 (38). pp. 484–487.
4. Bogdanova E.E. The principle of good faith: the ratio of legal and moral aspects // Lex Russica. 2016. No. 1. pp. 177–182.
5. Vabishevich S.S. Abuse of law and unfair exercise of civil rights: correlation of concepts in civil law and judicial practice // Actual problems of civil law. 2017. No. 1 (9). pp. 26–42.
6. Vikhareva A.V. The essence of the category “abuse of law” in the civil legislation of Russia // The Rule of Law. 2021. No. 3 (47). pp. 117–122.
7. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Statute, 2001. // URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/1/> (accessed 04/18/2024).
8. Zykina V.V., Shapiro I.M. Abuse of civil law // The tribune of the scientist. 2019. No. 12. pp. 93–98.
9. Zhukova Yu.S., Zabelina T.S. On the question of the legal nature of abuse of procedural rights in civil proceedings // Almanac of a young researcher. 2018. No. 4. pp. 18–20.
10. Koshubarova D.A. Abuse of law as exceeding the limits of subjective rights // In the collection: Law enforcement in public and private law. Materials of the International Scientific Conference. 2017. pp. 186–189.
11. Kulakova I.A. Abuse of civil rights in civil proceedings: consequences and prevention // Bulletin of Science. 2023. Vol. 3. No. 10 (67). pp. 285–291.
12. Malinovsky A.A. Abuse of law: A textbook. M.: MZ-Press, 2002. pp. 110.
13. Mishchenko V.I. On the issue of abuse of law in civil legal relations // Naukosphere. 2022. No. 10–1. pp. 311–314.
14. Musarsky S.V. Basic judicial and scientific approaches to the essence (criteria) of abuse of law in modern Russian law. 2022. Vol. 26. No. 2. pp. 57–70.
15. Sazonova I.V. On the relationship between the concepts of “dishonesty” and “abuse of law” / I.V. Sazonova // Russian Law Journal. 2008. No. 1. pp. 172–178.
16. Troshina D.I. Abuse of law in civil law // Sphere of law. 2021. No. 4. pp. 93–101.
17. Yudin A.V. Classification of abuses of procedural rights in civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2016. No. 2. pp. 28–31.

Развитие международного и отечественного законодательства в сфере охраны патентных прав

Озманиян Юсуб Зограбович,

студент магистратуры, Институт философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: ozmanyan.y@mail.ru

Патентного законодательства прошло длительный путь в несколько веков. В своем развитии патентное право ширилось за счет разветвления правовых институтов, и детализации существующих. Патентное право последовательно в развитии прошло несколько ключевых вех – переход от факультативного до обязательного принципа, от принципа первого изобретателя и до принципа первого заявителя, от проприетарной теории к теории исключительного права. В настоящий момент в РФ действует четвертая часть ГК РФ, которая содержит главу, посвященную патентному праву, и которая базируется на всех современных принципах патентного права. В данной статье рассматривается историческое развитие патентного законодательства, в том числе в контексте промышленной революции, индустриализации и глобализации. Упоминается роль Парижской конвенции по охране промышленной собственности, принятой в 1883 году, которая установила основные принципы правового регулирования патентов и товарных знаков. Отмечаются недостатки российского Патентного закона 1992 года и его последующая кодификация в рамках 4 части Гражданского кодекса РФ, содержащей уникальный комплекс норм об интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: история развития патентного права, основные принципы правового регулирования патентов, интеллектуальная собственность.

Изучение истории того или иного вопроса, может дать многое о понимании сущности правовых институтов, существующих ныне. В связи с тем, что с ходом времени различные правовые инструментариумы усложняются, то погружение в истоки позволяет уяснить ту истинную суть явления, что была изначально.

Так, первые патенты были выданы в XV веке в Европе. В 1421 г. во Флоренции на имя Филиппо Брунеллески, выдающимся изобретателем своего времени. Поскольку он славился, как выдающийся архитектор, ученый, но при этом был весьма честолюбив. В те времена любое удачное изобретение мог использовать любой член гильдии, объединения ремесленников. В тоже время не все члены гильдии были столь гениальны, как Брунеллески, и не могли изобретать различные приспособления, но используя уже изобретенное – они могли составить ему конкуренцию. В связи с этим, как только им был изобретен очередной механизм, он обратился с просьбой к городскому совету Республики о выдаче удостоверения о том, что именно он изобрел корабельный поворотный кран. Известно, что в другой части Европы Генрихом VI, король Англии, выдал первый патент в 1449 г. фламандцу Джону из Ютимана. Патент ему был выдан по схожим причинам, но в этот раз на изготовление цветного стекла для окон Итонского колледжа [1, с. 45].

Неудивительно, что именно эти центры первого патентования (Италия и Англия) послужили центрами создания первого в мире патентного законодательства. Сенат Венецианской Республики 19 марта 1474 г. принял закон «О патентах», который стал первым таким законом в мире. Это небольшой по объему нормативный акт предопределил последующее развитие патентного права в мире. Во-первых, этот акт предусматривал прообраз структуры административных органов патентной системы: согласно закону, учреждались органы, коммуны при сенате республики, выдающие патенты и ведущие учет выданных патентов. Во-вторых, закон устанавливал универсальные требования, которые должен был соблюсти изобретатель для выдачи ему патента и любой изобретатель вне зависимости от своего социального статуса мог получить патент, если его изобретение было «новым искусным ухищрением, не совершенным до этого» и должно соответствовать требованию применимости (полезности): «может быть использовано и реализовано без малейшего изменения». Согласно Д.В. Афанасьеву этот закон содержал ряд прорывных положений, которые нашли свое отражение и в настоящее время в совре-

менных правовых актов. Так венецианский законодатель раскрывал правомочия патентообладателя на воспроизведение изобретения в товарах, их последующую продажу на территории республики и экспорт вовне. К числу новшеств можно отнести также и то, что право на получение патента имели и не граждане венецианской республики, что фактически на 400 лет опередило один из принципов, воплощенных в последующем в Парижской конвенции. Закон предусматривал своего рода национализацию изобретений, поскольку подразумевал отчуждение в пользу республики изобретения в публичных интересах. Однако в большей степени интересно и то, что Венецианский закон впервые ограничил срок действия патента [2, с. 97]. Это означает то, что уже тогда республиканские законодательцы понимали, что патент удостоверяет нечто, чей режим существенно отличается от вещно-правового режима. Нельзя судить даже о минимальной разработанности концепта интеллектуальных прав в то время, но указанное положение свидетельствует о том, что такая концепция хотя пускай и не была выражена, но была вполне осознаваема.

Считается, что принятый в Англии Статут о монополиях 1623 года стал следующей ступенью эволюции патентного законодательства. Суть этого закона заключалась в том, что из всех видов королевских монополий сохраняли силу только изобретательские, выданные «первому и истинному изобретателю» и удостоверяющие его исключительное право. Этот акт удостоверял патент как свидетельство легальной монополии изобретателя [3, с. 17]. Король до этого статута выдавал монополии во всех сферах, но их всегда отличал адресный характер и то, что монополии давались строго на усмотрение монарха, объективные критерии отсутствовали. Этот акт придал патентным грамотам (letters patent) новые критерии, согласно которым удостоверяться могли лишь новые изобретения, совершенные самими изобретателями, а остальные были аннулированы и признаны ничтожными [4, с. 93]. Это правила о новизне и об уникальности изобретателя как единственного возможного заявителя, стали ключевым принципом патентного права Англии, перенесенного во все системы англосаксонской правовой семьи. Этот принцип существовал в праве США вплоть до 2011 года. [5, с. 47].

Можно сказать, что самые первые патенты были выданы по факультативному принципу, который заключался в выдаче государством в лице абсолютного монарха привилегии по собственному усмотрению, исходя из собственных соображений целесообразности. Венецианское законодательство было шагом навстречу к облигаторному принципу, который заключался в том, что патент выдается тогда, когда соблюдаются объективные требования для его выдачи. Английский статут же хотя и устанавливал объективные критерии оставлял в своей основе ключевой принцип выдачи монополии по воле монарха, хотя и сокращал произ-

вол для его воли, подчиняя объективным критериям [6, с. 35].

Достаточно прорывным был Французский закон 1791 года, согласно которому провозглашались облигаторный и проприетарный принципы патентования. Проприетарная теория приравнивает интеллектуальную собственность к вещам из-за абсолютного характера прав на них. И хотя эта теория уже давно признана как архаичная и отсталая, до сих пор ее последствия фигурируют в родовом названии объектов интеллектуальных прав – «интеллектуальная собственность». Критикуя Французский закон за то, что тот избрал проприетарную концепцию, выдающийся российский правовед А.А. Пиленко указывает на то, что данный акт стал первым абсолютно облигаторным законом, который стал таковым благодаря политическому контексту французской революции, однако он замечает, что верная мысль о том, что патент есть не милость, а право – обрела неверную форму («собственность»). А.А. Пиленко в то же время подчеркивает, что ранее упомянутый нами Английский статус сохраняет в себе начала дарования, хотя и фиксирует некоторые начала облигаторности [7, с. 431].

А.С. Залесов отмечает, что еще одной важной вехой развития патентного права стал повсеместный переход с принципа «первого изобретателя», который главенствовал в странах англосаксонского права, к принципу «первого заявителя». Этот принцип упрощал патентование за счет отказа от выяснения личности первого и действительного автора изобретения, что приводит к тому, что права на патент в данной системе возникают из факта подачи заявки, а не первенства в создании изобретения. Единственной страной в XXI, где еще сохранялся принцип «первого изобретателя», были США, которые категорически не признавали принцип выдачи патента первому заявителю, однако и им пришлось отказаться от этого принципа, поскольку они вынуждены были инкорпорировать нормы соглашения ТРИПС в свое законодательство [8, с. 46].

В Российской Империи очевидно был воспринят французский подход к закреплению патентного права, патенты были известны нашему праву и назывались в нем привилегиями, первый патентный закон в России возник в 1812 году и назывался Манифестом «О привилегиях. Принятое спустя 21 год Положение с аналогичным названием уточняло Манифест, раскрывая порядок осуществления отдельных процессов, указанных в Манифесте и детали его реализации.

Суть этих нормативных актов в том, что они устанавливали исключительное право обладателя привилегии, устанавливали орган их выдающий (Мануфактурный совет) и порядок их выдачи и даже обжалования действительности. Положение ввело критерии выдачи привилегии, которые вполне сообразны текущим условиям патентоспособности изобретений. Имперское законодательство требовало для выдачи привилегии соблюде-

ния критерия новизны и изобретательского уровня (полноты раскрытия сущности изобретения), а также обязательность соответствия патента требованиям морали и нравственности. За неиспользование привилегии могли последовать санкции вплоть до конфискации оной [9, с. 90].

Развитие промышленности, индустриализация и глобализация послужили основанием для принятия международного документа, поскольку специфика нематериальных результатов интеллектуальной деятельности такова, что для соблюдения прав патентообладателей требовалось экстерриториальное регулирование. Для этих целей в 1883 году была принята Парижская конвенция по охране промышленной собственности, вводящая основные принципы правового регулирования патентов и товарных знаков:

1) Принцип национального режима. Согласно этому принципу, иностранные граждане равны гражданам страны-участницы в правовом статусе, средствах защиты и условиях и формальностях для их приобретения.

2) Принцип права о приоритете – заявивший на получение патента в одной из стран-участниц, получает приоритет на подачу аналогичного заявления в других странах-участницах в течении определенного срока;

3) Страны-участницы обязуются предусмотреть инструментарий защиты от недобросовестной конкуренции для чего обязуются учредить специальный орган.

4) Страны участницы образуют административную структуру Союза по охране промышленной собственности[10, с. 55].

Нельзя обойти вниманием и современный подход отечественного законодательства к патентованию. В Российской Федерации в 1992–1993 гг. были приняты шесть специальных законов в соответствии с концепцией исключительных прав, к числу которых относился и Патентный закон 1992 года[11]. В науке данный закон критиковался: он считался более административно-правовым, чем цивилистическим, поскольку доля норм по принадлежности была явно в пользу первой сферы права. Закон, имел множество пробелов, «каучуковых» норм, использовались неудачные трактовки[12, с. 40].

Результатом масштабной кодификации стало принятие 4 части ГК РФ, вобравшей в себя все 6 федеральных законов в сфере интеллектуальной собственности. Мировой опыт кодификации, как указывает В.И. Еременко, менее радикальный и подразумевает консолидацию норм либо по группированию «авторское право» и «право промышленной собственности», либо по изначальной модели, существовавшей в РФ до кодификации. К основным недостаткам кодификации он относит не только повальный перенос и плюсов и минусов отдельных ФЗ, но и перенос всех норм без исключения, включая нормы гражданского, административного и трудового права[13, с. 26].

Литература

1. Гаврюшкин С.Н. Интеллектуальная собственность: личное право и публичный интерес // ИС. Промышленная собственность. 2019. № 10. С. 45–52.
2. Афанасьев Д.В. Основные положения современного патентного права: предпосылки формирования и развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 6. С. 91–104.
3. Городов О.А. Право промышленной собственности: учебник. М.: Статут, 2011. 942 с.
4. Баттахов П.П. История возникновения и развития патентного права в России и за рубежом // Путь науки. 2014. № 4(4). С. 92–95.
5. Балашова А.И. Почему 20 лет? Эволюция срока патентной монополии на изобретение // Журнал Суда по Интеллектуальным правам. 2022. № 3 (37). С. 39–49.
6. Право интеллектуальной собственности: Учебник / О.Л. Алексеева, А.С. Ворожевич, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2019. Т. 4: Патентное право. 47 с.
7. Пиленко А.А. Право изобретателя. Монография. 3-е изд., испр. и доп. по изданию 1902–1903 гг.: М. Статут. 2013. 431 с.
8. Залесов А.В. Замена правила «первого изобретателя» на правило «первого заявителя» как основа современного патентного права // Право и экономика. 2021. № 12. С. 45–50.
9. Афанасьева В.И. Законодательство о привилегиях в России (XIX в.) // Законодательство и экономика. 2007. № 4. С. 87–94.
10. Шереметьева Н.В. Зарубежный опыт регулирования (охраны) прав на объекты интеллектуальной собственности // Администратор суда. 2020. № 4. С. 53–56.
11. Патентный закон Российской Федерации: Закон РФ от 23.09.1992 № 3517–1 [утратил силу] // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 42. – ст. 2319.
12. Еременко В.И. «Новая редакция Патентного закона Российской Федерации» // Журнал «Законодательство и экономика». № 11(235). 2003. С. 26–41.
13. Еременко В.И. Невеселый юбилей части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // ИС. Промышленная собственность. 2022. № 1. С. 11–28.

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF PATENT RIGHTS PROTECTION

Ozmanyany Yu.Z.

Novosibirsk National Research State University

Patent legislation has come a long way in several centuries. In its development, patent law has expanded due to the branching of legal institutions and the detailing of existing ones. Patent law has consistently passed several key milestones in its development – the transition from the optional to the obligatory principle, from the principle of the first inventor to the principle of the first applicant,

from proprietary theory to the theory of exclusive law. Currently, the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation is in force in the Russian Federation, which contains a chapter on patent law, and which is based on all modern principles of patent law. This article examines the historical development of patent law, including in the context of the industrial revolution, industrialization and globalization. The role of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property, adopted in 1883, which established the basic principles of legal regulation of patents and trademarks, is mentioned. The shortcomings of the Russian Patent Law of 1992 and its subsequent codification within the framework of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation, which contains a unique set of rules on intellectual property, are noted.

Keywords: history of patent law development, basic principles of legal regulation of patents, intellectual property.

References

1. Gavryushkin S.N. Intellectual property: personal law and public interest // IS. Industrial property. 2019. No. 10. pp. 45–52.
2. Afanasyev D.V. The main provisions of modern patent law: prerequisites for the formation and development // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2021. No. 6. pp. 91–104.
3. Gorodov O.A. Industrial property law: textbook. M.: Statute, 2011. 942 p.
4. Battakhov P.P. The history of the emergence and development of patent law in Russia and abroad // Path of science. 2014. No. 4(4). pp. 92–95.
5. Balashova A.I. Why 20 years? The evolution of the term of the patent monopoly on an invention // Journal of the Court of Intellectual Property Rights. 2022. No. 3 (37). pp. 39–49.
6. Intellectual property law: Textbook / O.L. Alekseeva, A.S. Vorozhevich, E.S. Grin, etc.; under the general editorship of L.A. Novoselova. M.: Statute, 2019. Vol. 4: Patent law. 47 p.
7. Pilenko A.A. The right of the inventor. Monograph. 3rd ed., ispr. and add. according to the edition of 1902–1903: M. Statute. 2013. 431 p.
8. Zalesov A.V. Replacing the rule of the “first inventor” with the rule of the “first applicant” as the basis of modern patent law // Law and economics. 2021. No. 12. pp. 45–50.
9. Afanasyeva V.I. Legislation on privileges in Russia (XIX century) // Legislation and Economics. 2007. No. 4. pp. 87–94.
10. Sheremetyeva N.V. Foreign experience in regulating (protecting) intellectual property rights // Court Administrator. 2020. No. 4. pp. 53–56. 11
11. Patent Law of the Russian Federation: Law of the Russian Federation dated 09/23/1992 No. 3517–1 [expired]// Vedomosti of the SND of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation. – 1992. – No. 42. – Article 2319.
12. Eremenko V.I. “New edition of the Patent law of the Russian Federation” // Journal “Legislation and Economics”. No. 11(235). 2003. pp. 26–41.
13. Eremenko V.I. The sad anniversary of the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation // IS. Industrial property. 2022. No. 1. pp. 11–28.

Особенности возложения трудовых обязанностей на работника, соблюдающего религиозные нормы

Смолина Юлия Васильевна,

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева
E-mail: julias.uzts@mail.ru

Свобода совести и свобода вероисповедания относятся к числу личных прав и свобод человека, которые презюмируются и гарантируются Конституцией РФ. Однако несмотря на это работникам все чаще приходится прибегать к их защите в судебном порядке. В связи с тем, что трудовые правоотношения в части соблюдения религиозных норм работниками носят диспозитивный характер, работодатель может проявлять различное отношение к формам объективации соблюдения работником религиозных норм: относиться нейтрально, приветствовать и поощрять или запрещать. Однако стороны трудовых отношений нуждаются в четко закрепленных правовых ориентирах дозволенного религиозного поведения на случай любых субъективных реакций и объективных возможностей работодателя. Укрепление индивидуально-договорных начал в трудовом праве предоставляет широкие возможности для гармонизации трудовых отношений с участием работника, соблюдающего религиозные нормы. Но несмотря на это стремление работника к удовлетворению своих религиозных потребностей может привести к нарушению норм охраны труда, тем самым поставив вопрос привлечения работодателя к ответственности за нарушение действующего законодательства. Дело в том, что свои возражения или запреты работодатель может выстраивать как на объективных и справедливых основаниях, так и на дискриминационных; грань между справедливостью и дискриминацией зависит от уровня развитости общественных отношений и государственно-конфессиональной политики не только самого государства на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ.

Ключевые слова: трудовые обязанности, способы возложения на работника трудовых обязанностей, религиозные нормы, работник, дискриминация, вероисповедание.

Личность работника (как любого человеческого существа) объединяет в себе материальные и духовно-идеальные начала. Каждый человеческий организм обладает определенными физиологическими и иными материальными потребностями; духовный мир человека (знания, мировоззрение, чувства, способности, стремление, цели) создает соответствующие нематериальные потребности¹.

Стоит отметить, что рассматривая исполнение трудовых обязанностей со стороны работника, необходимо также проанализировать, а возможно ли дискриминация с его стороны:

1) на этапе заключения трудового договора при выборе работодателя работник реализует принадлежащее ему право свободно распоряжаться своими способностями к труду; дискриминации работодателя при этом не происходит, какими бы соображениями работник при этом ни руководствовался. Те же доводы относятся к расторжению трудового договора по инициативе работника: обоснование работником своего желания прекратить трудовые отношения принадлежностью работодателя к какой-либо группе, занятием им каким-то определенными видами деятельности (которые работник находит заслуживающими порицания) не будет иметь правового значения при реализации работником своих способностей к труду; 2) в трудовых правоотношениях, когда кандидат на должность уже стал работником, смоделировать ситуации дискриминационных действий со стороны работника также практически невозможно. Сами по себе предвзятость, негативное отношение работника к работодателю по причине принадлежности последнего к какой-либо группе или занятия какой-либо деятельностью не могут оцениваться как дискриминация.

В случае же, если это предвзятое, отрицательное отношение работника сопровождается публичным высказыванием своей позиции или активными действиями по дискредитации репутации или причинению работодателю ущерба, то следует вести речь о любых иных правонарушениях со стороны работника, но не о дискриминации им работодателя.

¹ Вопросу о том, как социально значимые потребности работника и работодателя воплощаются в функциях трудового права, посвящено исследование д.ю.н. Ю.В. Иванчиной. Социально значимые потребности «очерчивают круг общественных отношений, потребность в правовом регулировании которых назрела и на удовлетворение которых направлена реализация функций трудового права» // Иванчина Ю.В. Функции трудового права как отражение социально значимых потребностей: дис. ... док. юр. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2019. С. 17.

Рассмотрение работодателя как субъекта дискриминации обнаруживает наибольшее число примеров дискриминационных действий с его стороны: как примеры дискриминации самой по себе (например, отказ в приеме на работу лиц определенного вероисповедания), так и «идеальные совокупности» дискриминации с иными правонарушениями (например, длительная задержка заработной платы работникам, принадлежащим к определенной группе).

К числу научно-практических проблем, стоящих сегодня в повестке обсуждения в российской и зарубежной науке, относятся вопросы гарантий соблюдения и защиты личных прав и свобод работника. Более того, эта проблематика составляет часть современного взгляда на социальное назначение и функцию трудового права¹.

Таким образом, религиозная потребность личности предстает в качестве разновидности духовной потребности человека, разделяющего религиозное мировоззрение. Религиозную потребность определяют в узком смысле как потребность в отпращивании культовых действий, посредством которых осуществляется иллюзорное взаимодействие личности с потусторонним миром².

При возложении трудовых обязанностей на работника стоит учитывать некоторые особенности, связанные с личностью работника. В данном случае речь идет о дифференциации работников относительно исполнения ими религиозных норм. Неоспоримый факт, что влияние религиозных норм оказывает большое воздействие на поведение (исполнения трудовой функции) работника, его трудовые отношения. Особенно ярко проявляется данное влияние в регионах РФ с преобладанием населения той или иной конфессии (иудаизма, христианства, ислама), а также в регионах, в которых высокая доля рабочих-мигрантов.

Особые качества рабочей силы как товара истекают из ее определения как совокупности физических и духовных способностей человека³. Многочисленные определения рабочей силы в экономических исследованиях сходятся в том, что она представляет собой совокупность физических и духовных способностей; разнятся лишь иные дополнительные аспекты, которые подчеркиваются в предлагаемых определениях⁴.

Исследование влияния религиозных норм на трудовые обязанности работника во все времена будет актуальным, так как посредством исполнения трудовой функции работником в неразрыв-

ной связи реализуются физические и духовные потребности личности.

В психологии делового общения способностями человека называют индивидуальнопсихологические особенности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности; они не сводимы к имеющимся у индивида знаниям, умениям, навыкам, мотивам (они выступают как условия реализации способностей), а обнаруживаются в быстроте, глубине и прочности овладения способами и приемами деятельности. Выделяются их разновидности: предметные (в предметной деятельности) и социально-психологические (в общении с другими людьми); общие (например, память, речь, интеллект) и специальные (музыкальные, математические, литературные и другие); репродуктивные (способность усваивать знания, умения и навыки) и творческие (создание предметов материальной и духовной культуры, производство новых знаний); врожденные и приобретенные⁵.

Духовные способности представляют собой единство и взаимосвязь природных способностей индивида, преобразованных в процессе жизни и деятельности, и выступающих в единстве с нравственными качествами человека как личности. Духовные способности как высшая стадия развития способностей – это способности духовного состояния, которое формируется на основе духовных ценностей личности. Важнейшей из этих ценностей является убеждение или вера в Бога. Духовное состояние характеризуется гармонизацией личности, устранением противоречий с окружающей средой, сосредоточением на познаваемой проблеме, внутренним равновесием, позитивным взглядом на жизнь, высокой концентрацией устремлений, усилением воли и ее контроля со стороны личности⁶.

В Японии во время исполнения трудовой функции работником проявляется всеобъемлющая забота о личности работника (его воспитании, образовании, религиозных убеждениях, материальном благополучии). Подобная забота со стороны работодателей возведена в ранг государственной политики, а руководители, ежедневно повышая профессионализм работников, удовлетворяют по первому требованию все их нужды. Именно поэтому Япония это та страна, которая несмотря на то, что лишена собственных природных ресурсов, стала одной из самых богатых и благополучных стран в мире. Лозунг работодателей в Японии – «кадры решают всё» – служит жизненным ориентиром любой организации и выступает основой экономического процветания.

В других странах к религиозным, духовным и иным потребностям работника относятся несколько иначе. Об этом свидетельствует и судебная практика.

⁵ Занковский А.Н. Психология деловых отношений. М., 2008. С. 56–62.

⁶ Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2009. С. 430–431

¹ Киселев И.Я. Новый облик трудового права в странах Запада: прорыв в постиндустриальное общество. М., 2003. С. 49–53.

² Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985. С. 130; Позднякова Р.Я. Религиозная потребность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 6.

³ Курс российского трудового права. В 3 т. Т. 3. Трудовой договор / Под ред. Е.Б. Хохлова. СПб., 2007. С. 120.

⁴ Затеякин О.А., Ясинский Д.Ю. Понятие рабочей силы: классический и неоклассический подходы // Фундаментальные исследования. 2017. № 6. С. 137–142.

В ЮАР обострение проблемы учета религиозных потребностей работников, с одной стороны, имело причины, характерные для всех развитых (технологически) стран мира. Обезличивающий эффект развитых технологий и преимущественно материальная мотивация к труду, глобализация, стирание границ между рабочим и личным временем привели в совокупности к тому, что работники стали склонны рассматривать свою культурно-религиозную принадлежность не как исключительно частное дело, остающееся за пределами работы, а напротив, как неотъемлемую часть собственной личности, проявляющей себя, в том числе и в первую очередь, в трудовой деятельности. С другой стороны, особенности исторической эволюции ЮАР еще более усилили эту проблему, приводя к крайностям в правовом регулировании с позиции здравого юридического смысла. Поэтому наложение общемировых закономерностей на последствия общественно-политической реальности после апартеида отразилось на особенностях интерпретации Конституционным судом ЮАР концепции разумного приспособления. Эта интерпретация остро критикуется за неоправданно большие уступки в пользу работников и, соответственно, необоснованную нагрузку для работодателей¹.

Относительно вероисповедания работников, то отношение к религии признано основанием защиты от дискриминации согласно Конституции ЮАР², а Закон ЮАР о трудовых правоотношениях запрещает увольнение работника на основании исповедания той или иной религии, если только ве-

¹ Dupper O. Proving Indirect Discrimination in Employment: A South African Perspective // *Industrial Law Journal*. Issue 21, 2000. С. 750. Значение, которое придается в целом разумному приспособлению в интересах свободы вероисповедания, можно оценить, обратившись к распределению голосов судей Конституционного суда ЮАР при принятии решения по знаменитому делу Принц против Президента Ассоциации юристов мыса Доброй Надежды. Все девять судей оказались солидарны во мнении о том, что запрет употребления марихуаны, установленный в Ассоциации юристов, ограничивает права растаманов (последователей религиозного движения растафарианства) следовать установлениям своей религии, а потому этот запрет должен быть оценен с точки зрения критериев обоснованности ограничений прав согласно ст. 36 Конституции ЮАР. При оценке мнения судей разошлись: пять голосов в пользу признания запрета употребления марихуаны законным и обоснованным, четыре голоса признали установленный запрет дискриминирующим и поддержали необходимость обязанности Ассоциации юристов сделать исключение в употреблении марихуаны ее членами-последователями растафарианства. Приведем мнение одного из судей: «Учитывая наше недавнее диктаторское прошлое, в котором облеченные властью диктовали поведение, убеждения и вкусы всему обществу, право отличаться тем или иным образом от других возникло не случайным образом, а явилось самым важным завоеванием нового конституционного порядка... Религиозная терпимость, таким образом, не только важна для людей, отныне освобожденных от мучительного выбора между верой и законом, но и имеет глубокое значение как показатель открытости общества» // *Prince v. President of the Law Society of the Cape of Good Hope (CCT36/00)* [2002] ZACC 1; 2002 (2) SA 794; 2002 (3) BCLR 231 (25 January 2002) // Southern African Legal Information Institute. URL: <http://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2002/1.html> (дата обращения: 25.03.2024).

² The Constitution of the Republic of South Africa, 1996 (Act No. 108 of 1996) // South African Government. URL: <https://www.gov.za/DOCUMENTS/CONSTITUTION/constitution-republic-south-africa-1996-1> (дата обращения: 20.03.2024).

роисповедание не является обязательным требованием к содержанию работы³. Кроме того, Закон о содействии равенству и предупреждении дискриминации, действие которого выходит за рамки обеспечения равенства в трудовых отношениях, устанавливает, что при определенных обстоятельствах непринятие мер по разумному приспособлению к религиозным потребностям лица признается дискриминацией⁴.

При разрешении спора об обязанности работодателя удовлетворить просьбу работника об изменении условий применения труда во внимание должно приниматься количество работников, трудоустроенных у данного работодателя: чем больше численность сотрудников, тем более широкими возможностями располагает работодатель по переводу на другую работу, изменению графиков сменности⁵.

Однако зарубежная практика говорит о том, что в некоторых случаях религиозные потребности работника могут противоречить локальным нормативным актам, а следование религиозным убеждениям работника при исполнении ими трудовых обязанностей может привести к нарушениям требований безопасности, в том числе и правил охраны труда. Ярким примером может служить дело, рассмотренное в ЕСПЧ.

По делу Эвейды и других против Великобритании рассматривал жалобы нескольких заявителей на нарушение их прав ст. 9 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶. Отдельную позицию, защитившую работника, ЕСПЧ сформулировал по жалобе работницы компании British Airways Нади Эвейды. Суд признал несоразмерным запрет работодателя на ношение работницей распятия поверх установленной униформы, поскольку ношение других форм религиозной одежды (тюрбанов, хиджабов) работодателем было разрешено в локальных актах. Решение в пользу работника было принято благодаря уже существовавшему локальному регулированию работодателя по данному вопросу, но тем не менее оказалось значимым. В этом же решении по жалобе медсестры Чаплин, руководствуясь соображениями обеспечения безопасности пациентов, ЕСПЧ посчитал запрет работодателя на ношение на шее распятия медсестрой Чаплин обоснованным, признав аргумен-

³ Labour Relations Act 1995 (Act No. 66 of 1995) // International Labour Organization. URL: <http://www.ilo.org/legacy/english/in-work/cb-policy-guide/newsouthafricalra1996.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

⁴ Promotion of Equality and Prevention of Unfair Discrimination Act (Act 52 of 2002) // South African Government. URL: <http://www.justice.gov.za/legislation/acts/2000-004.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ SACTWU and Others v Berg River Textiles, A division of Seardele Group Trading (Pty) Ltd (C 63/2011) [2011] ZALCCT 27; (2012) 33 ILJ 972 (LC) (4 November 2011) // Southern African Legal Information Institute. URL: <http://www.saflii.org/za/cases/ZALCCT/2011/27.html> (дата обращения: 13.03.2024).

⁶ Eweida and Others v. the United Kingdom, judgment of 15 January 2013 // European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-115881&file-name=001-115881.pdf> (дата обращения: 02.04.2024).

ты работодателя важнее религиозных интересов работника. Соразмерность отказа работодателя изменить условия применения труда для соблюдения религиозных интересов работника оценивалась по жалобе регистратора актов гражданского состояния Ладель, отказавшейся проводить церемонии регистрации гражданских партнерств (однополых браков).

ЕСПЧ обозначил, что выделение из общего числа регистраторов тех, кто освобожден от регистрации однополых браков по религиозным мотивам, противоречит «цели социальной сплоченности посредством поощрения общих социальных ценностей и принципов, поддерживаемых равенством, уважением и достоинством для всех» (программа муниципалитета «Достоинство для всех»). Нарушение принципов обеспечения равного и достойного отношения ведет к дискриминации лиц по признаку их сексуальной ориентации, что недопустимо. Обратную ситуацию, т.е. дискриминацию Ладель по признаку ее вероисповедания, ЕСПЧ довольно неявно оценил как допустимую в силу особого характера деятельности регистратора как работника государственного учреждения¹.

Однако наряду с трудовыми средствами защиты от дискриминации существует также и позиция работодателя по поиску компромиссных решений, способных удовлетворить религиозные потребности работника (в полной мере задействовать инструмент индивидуализации). Кроме того, наличие норм о защите от косвенной дискриминации создает правовое основание для дифференциации правового регулирования труда на локальном уровне и в коллективных договорах (соглашениях). Пределами защиты работника от косвенной дискриминации должны служить ранее рассмотренные ограничения работодателя по изменению индивидуальных условий труда работника.

В случае, если возникшая религиозная потребность работника предполагает изменение его трудовой функции и (или) структурного подразделения, то стороны оказываются перед необходимостью обсуждения и согласования перевода работника на другую работу в соответствии со ст. 72.1 ТК РФ. При этом работодатель вправе предложить ему любую другую имеющуюся работу, однако делать этого не обязан. Дело в том, что работник, отказываясь по религиозным соображениям от выполнения обязательств по изначально оговоренной трудовой функции, фактически инициирует прекращение трудовых отношений. Поэтому при принятии работодателем решения о замещении имеющихся у него вакантных рабочих мест справедливо будет предоставить ему право выбора наиболее подходящей кандидатуры. В этой связи работник, отказывающийся от продолжения трудовых отношений, должен быть поставлен в равные условия с другими претендентами на работу.

В зависимости от лежащих в основании причин изменение содержания трудового договора может быть постоянным или временным. При иницииро-

вании изменения со стороны работника, соблюдающего религиозные нормы, его срок будет обусловлен характером религиозной потребности, для удовлетворения которой инициируется изменение (например, если это потребность в соблюдении религиозного поста или в совершении паломничества, необходимые работнику изменения будут носить временный характер; если речь идет о потребности в совершении ежедневных молитв, то соответствующие изменения будут согласовываться сторонами как действующие на протяжении всего срока трудовых правоотношений).

Стоит помнить о том, что на работника, соблюдающего религиозные нормы, в полной мере распространяются нормы ст. 72.2 ТК РФ о временном переводе по инициативе работодателя. Кроме того, когда перевод работника осуществляется без его согласия на срок до одного месяца, основания, послужившие причиной для такого перевода, должны признаваться достаточными и для приостановления работодателем действия индивидуальных условий труда работника, ранее согласованных с ним для соблюдения религиозных норм. Интересы работодателя в распоряжении своими ресурсами обеспечиваются также ст. 74 ТК РФ: в случае, когда по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства, другие причины), определенные сторонами условия трудового договора не могут быть сохранены, допускается их изменение по инициативе работодателя.

Данное положение в полной мере распространяется и на индивидуальные условия труда работника, ранее согласованные с ним для соблюдения религиозных норм. Подобные ограничения могут существовать у работодателя изначально, на момент заключения трудового договора, или могут появиться в период действия трудовых правоотношений. В обоих случаях они подлежат учету в равной мере. Если работник не согласен работать в новых условиях, то работодатель обязан в письменной форме предложить ему другую имеющуюся работу. При отсутствии указанной работы или отказе работника от предложенной работы трудовой договор прекращается в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

Религиозные нормы, несмотря на свойство формальной определенности, которое сближает их с правовыми нормами, предполагают широкие пределы усмотрения работника, для которого тот или иной порядок исполнения религиозного культа как социальной формы будет результатом объективации его индивидуального религиозного сознания, а не общественного, для которого смысл норм в целом един и понимается единообразно. Поэтому можно согласиться с выводом, что исполнение религиозных предписаний является личным делом верующего, в то время как государство (полагаем, что не только государство, но и любые иные субъекты, включая работодателя) не может вмешивать-

¹ Там же.

ся ни в вопросы догматики того или иного верования, ни в вопросы отправления культа, пока они не противоречат законодательству¹.

В связи с эти должен быть выработан особый подход к правовому регулированию труда работников, соблюдающих религиозные нормы.

Литература

1. Киселев И.Я. Новый облик трудового права в странах Запада: прорыв в постиндустриальное общество. М., 2003. С 49–53.
2. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985. С. 130; Позднякова Р.Я. Религиозная потребность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 6.
3. Курс российского трудового права. В 3 т. Т. 3. Трудовой договор / Под ред. Е.Б. Хохлова. СПб., 2007. С. 120.
4. Затеякин О.А., Ясинский Д.Ю. Понятие рабочей силы: классический и неоклассический подходы // *Фундаментальные исследования*. 2017. № 6. С. 137–142.
5. Занковский А.Н. Психология деловых отношений. М., 2008. С. 56–62.
6. Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2009. С. 430–431
7. Dupper O. Proving Indirect Discrimination in Employment: A South African Perspective // *Industrial Law Journal*. Issue 21, 2000. С. 750.
8. The Constitution of the Republic of South Africa, 1996 (Act No. 108 of 1996) // South African Government. URL: <https://www.gov.za/DOCUMENTS/CONSTITUTION/constitution-republic-south-africa-1996-1> (дата обращения: 20.03.2024).
9. Labour Relations Act 1995 (Act No. 66 of 1995) // International Labour Organization. URL: <http://www.ilo.org/legacy/english/inwork/cb-policy-guide/newsouthafricallra1996.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
10. Promotion of Equality and Prevention of Unfair Discrimination Act (Act 52 of 2002) // South African Government. URL: <http://www.justice.gov.za/legislation/acts/2000-004.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).
11. SACTWU and Others v Berg River Textiles, A division of Seardel Group Trading (Pty) Ltd (C 63/2011) [2011] ZALCCT 27; (2012) 33 ILJ 972 (LC) (4 November 2011) // Southern African Legal Information Institute. URL: <http://www.saflii.org/za/cases/ZALCCT/2011/27.html> (дата обращения: 13.03.2024).
12. Eweida and Others v. the United Kingdom, judgment of 15 January 2013 // European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-115881&filename=001-115881.pdf> (дата обращения: 02.04.2024)

¹ Полльева Д.Р. Правовое поведение личности и религиозные нормы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1986. С. 9.

13. Полльева Д.Р. Правовое поведение личности и религиозные нормы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1986. С. 9.

THE SPE CIFICS OF ASSIGNING WORK RESPONSIBILITIES TO AN EMPLOYEE WHO OBSERVES RELIGIOUS NORMS

Smolina Yu.V.

V.F. Yakovlev Ural State Law University

Freedom of conscience and freedom of religion are among the personal human rights and freedoms that are presumed and guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. However, despite this, employees increasingly have to resort to their protection in court. Due to the fact that labor relations regarding the observance of religious norms by employees are of a dispositive nature, the employer may show a different attitude to the forms of objectification of the employee's observance of religious norms: to treat neutrally, to welcome and encourage or prohibit. However, the parties to the employment relationship need clearly defined legal guidelines for permissible religious behavior in case of any subjective reactions and objective possibilities of the employer. The strengthening of individual contractual principles in labor law provides ample opportunities for the harmonization of labor relations with the participation of an employee who observes religious norms. But despite this, the employee's desire to satisfy his religious needs can lead to a violation of labor protection standards, thereby raising the issue of holding the employer accountable for violating current legislation. The fact is that the employer can build his objections or prohibitions both on objective and fair grounds and on discriminatory ones; The line between justice and discrimination depends on the level of development of public relations and state-confessional policy not only of the state itself at the federal level, but also at the level of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: labor duties, ways of imposing labor duties on an employee, religious norms, employee, discrimination, religion

References

1. Kiselev I. Ya. The new face of labor law in Western countries: a breakthrough into post-industrial society. М., 2003. pp. 49–53.
2. Ugrinovich D.M. Introduction to religious studies. М., 1985. P. 130; Pozdnyakova R. Ya. Religious need: author's abstract. dis. ...cand. Philosopher Sci. М., 1993. P. 6.
3. Course of Russian labor law. In 3 volumes. Т. 3. Employment contract / Ed. E.B. Khokhlova. St. Petersburg, 2007. P. 120.
4. Zatepyakin O.A., Yasinsky D. Yu. The concept of labor: classical and neoclassical approaches // *Fundamental Research*. 2017. No. 6. pp. 137–142.
5. Zankovsky A.N. Psychology of business relations. М., 2008. pp. 56–62.
6. Kulikov L.V. Personality psychology in the works of domestic psychologists. St. Petersburg, 2009. pp. 430–431
7. Dupper O. Proving Indirect Discrimination in Employment: A South African Perspective // *Industrial Law Journal*. Issue 21, 2000. P. 750.
8. The Constitution of the Republic of South Africa, 1996 (Act No. 108 of 1996) // South African Government. URL: <https://www.gov.za/DOCUMENTS/CONSTITUTION/constitution-republic-south-africa-1996-1> (accessed 20.03.2024).
9. Labor Relations Act 1995 (Act No. 66 of 1995) // International Labor Organization. URL: <http://www.ilo.org/legacy/english/inwork/cb-policy-guide/newsouthafricallra1996.pdf> (accessed 03/19/2024).
10. Promotion of Equality and Prevention of Unfair Discrimination Act (Act 52 of 2002) // South African Government. URL: <http://www.justice.gov.za/legislation/acts/2000-004.pdf> (accessed 15.03.2024).
11. SACTWU and Others v Berg River Textiles, A division of Seardel Group Trading (Pty) Ltd (C 63/2011) [2011] ZALCCT 27; (2012) 33 ILJ 972 (LC) (4 November 2011) // Southern African Legal Information Institute. URL: <http://www.saflii.org/za/cases/ZALCCT/2011/27.html> (access date: 03/13/2024).

12. Eweida and Others v. the United Kingdom, judgment of 15 January 2013 // European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-115881&filename=001-115881.pdf> (access date: 04/02/2024)

13. Pollyeva D.R. Legal behavior of the individual and religious norms. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 1986. P. 9.

Правовые условия внедрения смарт-контрактов в деятельности владельцев агрегаторов

Сомова Ольга Владимировна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: o.somova@g.nsu.ru

Моисеенко Светлана Андреевна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: s.moiseenko@g.nsu.ru

В статье выделены и проанализированы основные правовые проблемы в деятельности владельца агрегатора с продавцами (поставщиками) и потребителями. В качестве решения таких распространенных ситуаций, возникающих на практике, предлагается внедрение смарт-контрактов с целью учета движения продукции. Обосновывается идея о том, что технология блокчейн улучшит отслеживаемость (трекинг) продукции с помощью меток, что сделает систему поставок более прозрачной. По мнению автора, за счет данной системы снизятся случаи подмены, порчи, утери товаров по вине владельца агрегатора, что, в свою очередь, поспособствует защите прав потребителей. В формулировании указанных предложений автор опирается также и на опыт зарубежных стран, в которых технология блокчейн уже применяется на онлайн-платформах.

Ключевые слова: владелец агрегатора, смарт-контракт, блокчейн, защита прав потребителей, электронная торговля, цифровая экономика.

Активное развитие деятельности онлайн-платформ является общемировым трендом цифровой экономики. На российском рынке сегмент электронной торговли имеет значительный вес, однако количество нарушений, с которыми сталкиваются как потребители, так и продавцы, снижают доверие к маркетплейсам. В законодательстве о защите прав потребителей они поименованы как владельцы агрегаторов информации о товарах или услугах.

Стоит отметить, что характер гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора носит ограниченный характер. Это связано с тем, что в п. 1.2 ст. 9 настоящей редакции Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» [1] закреплены лишь те обязательства, связанные с предоставлением конкретных информационных сведений до потребителей. Продавец, по общему правилу, несет ответственность за убытки во всех остальных случаях (доставка, хранение, случаи брака продукции). И даже если потребителю пришел некачественный товар по вине владельца агрегатора, убытки возмещает именно продавец, согласно ст. 1095 Гражданского кодекса РФ [2]. На практике продавцам достаточно сложно доказать свою непричастность к браку товара, и тогда суд не удовлетворяет их иски. Многими исследователями отмечается, что фактическая безответственность владельцев агрегаторов не отвечает общественным интересам [3, с. 24]. Избеганием таких неправомерных ситуаций может стать солидарная ответственность владельца агрегатора и продавца перед потребителем, однако в данном случае все же остается вопрос о распределении бремени доказывания и гражданско-правовой ответственности между ними.

Решение указанных проблем с помощью правовых средств достаточно затруднительно и требует больших затрат времени в силу необходимости выработки сбалансированного правового режима. На данный момент существует несколько моделей развития правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов.

Две основные модели правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов

1. Сторонники **первой модели** указывают на необходимость ужесточения правового регулирования путем расширения обязательств владельца агрегатора. Стоит отметить, что это поспособствует и расширению пределов его гражданско-правовой

ответственности и, как следствие, сдержит рост товарного рынка в онлайн-среде. Эта идея содержится в законопроекте № 568223–8 [4], который был внесен в Государственную Думу в марте 2024 года. Цель законопроекта заключается в том, чтобы снизить случаи нарушения прав потребителей и продавцов. Это проявляется в закреплении следующих требований к владельцу агрегатора:

- осуществление проверки личности продавца и владельца пункта выдачи заказов, в том числе возраста продавца;
- запрет на размещение продукции, которая ограничена в обороте;
- обеспечение соразмерности налагаемых санкций на продавцов и владельцев пунктов выдачи заказов и т.д.

Помимо этого, также предусмотрены положения, направленные на сокращение злоупотреблений владельцем агрегатора своим доминирующим положением путем закрепления условий, содержащихся в Федеральном законе от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5].

Стоит отметить, что данная законодательная инициатива находится еще в стадии разработки и невозможно с полной уверенностью утверждать, что первоначальный вариант законопроекта вступит в законную силу. Безусловно, данные предложения способны снизить случаи нарушений, с которыми зачастую сталкиваются потребители. Однако закрепление правил взаимодействия на законодательном уровне не сразу способствует решению таких правовых проблем как порча, утилизация, потеря товаров в силу того, что для изменения вектора правоприменительной практики также требуется значительное количество времени.

2. Вторая модель правового регулирования противоположна первой, а ее сторонники настаивают, что изменения, которые предусматривает законопроект № 568223–8, лишь замедлят рост российской промышленности. В качестве основного аргумента выступает тот факт, что владельцы агрегаторов не могут контролировать достоверность информации о товарах, так как, в основном, акцент в их деятельности направлен на проверку продавцов, а не товаров, которые они поставляют.

Как видим, решение многих проблем на практике затрудняется сложившейся дискуссией по поводу правового регулирования деятельности владельца агрегатора в цифровой среде. Именно поэтому следует рассмотреть возможность усовершенствования сложившейся ситуации при помощи технических средств, а именно путем комплексного внедрения смарт-контрактов в их деятельности. Так, с помощью введения системы отслеживания (трекинга) продукции цепочка поставок товаров станет прозрачной как для продавцов, так и для потребителей, а также в несколько раз снизятся случаи утери, безосновательной утилизации, порчи товаров и т.д. Поскольку технология распределенного реестра предполагает отслеживание всех транзакций так, что их невозможно подделать или

удалить, это сокращает риски мошеннических схем.

Стоит отметить, что в деятельности многих онлайн-платформ уже используются смарт-контракты [6, с. 283], однако распространение данных технологий не в полной мере затрагивает владельцев агрегаторов. Безусловно, существует автоматизированная оплата товаров и услуг, однако она не затрагивает всю цепочку движения продукции. Потенциально благодаря технологии блокчейн возможно усовершенствование цепочки поставок, подтверждения подлинности товаров, что обеспечит безопасность продукции и сократит случаи поставок контрафактной продукции. Стоит сказать, что случаи нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности в сфере платформенной экономики довольно распространенное явление. И так как позиция судов неоднозначна по поводу гражданско-правовой ответственности владельцев агрегаторов в этих ситуациях, то, в основном, убытки несут продавцы.

Для начала необходимо проанализировать понятие «смарт-контракт» и выделить его преимущества, которые необходимо применить в деятельности владельцев агрегаторов, поскольку по смарт-контрактам предполагается осуществлять поставку товаров. В юридической доктрине до сих пор ведется широкая дискуссия насчет правовой природы смарт-контракта [7, с. 127]: есть различные позиции, характеризующие его как договор, программу для ЭВМ, способ исполнения обязательств и др. По мнению А.И. Савельева, смарт-контракт – это договор в форме программного кода, основанный на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость договорных конструкций, когда наступают заранее обговоренные в нем обстоятельства [8, с. 43].

Итак, смарт-контракты основаны на технологии блокчейн, суть которой состоит в том, что каждый следующий блок ссылается на предыдущий, что формирует систему блоков, которую невозможно подделать – так как любое изменение или удаление одного кода автоматически приводит к изменению всех блоков. Такой мониторинг повышает прозрачность, а, соответственно, и доверие благодаря неизменяемым условиям и положениям, заложенным в коде смарт-контракта [9, с. 3–4]. Помимо этого, как отмечают американские исследователи, внедрение четко продуманных смарт-контрактов позволит снизить многие риски, связанные с пересмотром условий договора [10, с. 5]. То есть можно полагать, что внедрение данной технологии позволит снизить операционные издержки владельца агрегатора и продавца.

Во многих зарубежных юрисдикциях технология блокчейн активно используется в сфере электронной торговли. Например, одной из первых компаний, внедривших данную технологию для отслеживания цепочки поставок, стала швейцарская компания «Nestlé» [11]. В целях прозрачности производства и безопасности продуктов питания с 2017 года была разработана платформа, по-

звляющая потребителям отсканировать QR-код на упаковке и получить факты об устойчивости и безопасности цепочки поставок. Можно предположить, что при должной доработке данной идеи получится сделать систему поставок удобной как для посредника (владельца агрегатора), так и для продавцов с потребителями.

Еще одной важной особенностью является то, что смарт-контракты регламентируют гражданско-правовую ответственность в случаях утери, утилизации, порчи товаров и т.д., благодаря установлению четких правил взаимодействия всех участников цифровых правоотношений.

На основании вышеуказанного стоит сформулировать основные преимущества введения смарт-контрактов в сфере онлайн-продаж при посредничестве владельца агрегатора:

- снижение операционных издержек у владельца агрегатора и продавца;
- прозрачность процесса поставок за счет отслеживаемости;
- снижение рисков утери, утилизации, подмены товаров;
- повышение доверия и лояльности потребителей.

Таким образом, подходим к выводу, что внедрение технологии блокчейн, в частности, основанных на ней смарт-контрактов, позволит сократить нарушения прав потребителей, а также законных интересов продавцов. Система отслеживания с помощью меток сделает процесс поставок более прозрачным, что поспособствует повышению уровня доверия к владельцам агрегаторов и четкому разграничению бремени гражданско-правовой ответственности между владельцем агрегатора и продавцом. Кроме того, решение данных проблем с помощью технических средств может стать значимым конкурентным преимуществом на товарном рынке для владельцев агрегаторов в силу новизны используемых технологий в сфере электронной торговли. Основная же сложность внедрения таких инноваций в действующий бизнес связана с высокими стартовыми затратами, поэтому необходимо начать с разработки пилотных проектов перед тем, как масштабировать данную идею в индустрии.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Краулин К.К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // Цифровое право. 2022. Т. 3, № 3. – С. 20–42.
4. Законопроект № 568223–8 «О государственном регулировании торговой деятельности

агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (в части введения правового регулирования деятельности агрегаторов информации о товарах)». Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8> (дата обращения: 08.04.2024).

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 162.
6. Аюшеева, И.З. Правовые основы платформенной экономики / И.З. Аюшеева // Право цифровой среды: Монография / Под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2022. – С. 280–286.
7. Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126–147.
8. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
9. Moritz T. B., Adeline F., Daniel V. 2020. Trust Building and Risk Mitigation via Smart Contracts on Amazon Mechanical Turk. Americas Conference on Information Systems (AMCIS) at AIS Electronic Library (AISeL), 11, pp. 1–5. https://aisel.aisnet.org/amcis2020/virtual_communities/virtual_communities/11.
10. Halaburda, H., Levina, N., and Min, S. 2019. Understanding Smart Contracts as a New Option in Transaction Cost Economics. Proceedings of the 40th International Conference on Information Systems (ICIS). Munich, Germany, pp. 1–17.
11. Nestlé breaks new ground with open blockchain pilot. // <https://www.nestle.com/media/pressreleases/allpressreleases/nestle-open-blockchain-pilot>.

LEGAL CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF SMART CONTRACTS IN THE ACTIVITIES OF AGGREGATOR OWNERS

Somova O.V., Moiseenko S.A.
Novosibirsk State University

The article highlights and analyzes the main legal problems in the activities of the aggregator owner with sellers (suppliers) and consumers. As a solution to such situations that arise in practice, it is proposed to introduce smart contracts in order to account for the movement of products. The idea is substantiated that blockchain technology can improve the traceability (tracking) of products using tags, which will make the supply chain more transparent. According to the author, due to this system, cases of substitution, damage, loss of goods due to the fault of the owner of the aggregator will decrease, which, in turn, will contribute to consumer protection. In formulating these proposals, the author also relies on the experience of foreign countries in which blockchain technology is already used on online-platforms.

Keywords: owner of the aggregator, smart contract, blockchain, consumer protection, electronic commerce, digital economy.

References

1. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-I "On the protection of consumer rights" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 140.
2. Civil Code of the Russian Federation. Part one. Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Kraulin K.K. Limits of civil liability of marketplace owners to consumers in the Russian Federation and the USA // Digital Law. 2022. T. 3, No. 3. – P. 20–42.
4. Bill No. 568223–8 "On state regulation of trade activities of aggregators of information about goods in the Russian Federation and on amendments to the Federal Law "On the fundamentals of state regulation of trade activities in the Russian Federation" (in terms of introducing legal regulation of the activities of aggregators of information about goods)». State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223–8> (date of access: 04/08/2024).
5. Federal Law of July 27, 2006 No. 135-FZ "On the Protection of Competition" // Rossiyskaya Gazeta. 2006. No. 162.
6. Ayusheeva, I.Z. Legal foundations of the platform economy / I.Z. Ayusheeva // Digital Environment Law: Monograph / Edited by T.P. Podshivalova, E.V. Titova, E.A. Thunderous. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2022. – P. 280–286.
7. Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of smart contracts: general and special // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 3. pp. 126–147.
8. Savelyev A.I. Contract law 2.0: "smart" contracts as the beginning of the end of classical contract law // Bulletin of civil law. 2016. No. 3. P. 32–60.
9. Moritz T. B., Adeline F., Daniel V. 2020. Trust Building and Risk Mitigation via Smart Contracts on Amazon Mechanical Turk. Americas Conference on Information Systems (AMCIS) at AIS Electronic Library (AISeL), 11, pp. 1–5. https://aisel.aisnet.org/amcis2020/virtual_communities/virtual_communities/11.
10. Halaburda, H., Levina, N., and Min, S. 2019. Understanding Smart Contracts as a New Option in Transaction Cost Economics. Proceedings of the 40th International Conference on Information Systems (ICIS). Munich, Germany, pp. 1–17.
11. Nestlé breaks new ground with open blockchain pilot. // <https://www.nestle.com/media/pressreleases/allpressreleases/nestle-open-blockchain-pilot>.

Регулирование авторских прав на аудиовизуальное произведение, созданное в цифровой среде

Сосорин Кирилл Дмитриевич,
аспирант Российского университета кооперации
E-mail: logika_pro@mail.ru

В статье рассматривается понятие аудиовизуального произведения как объекта авторского права, основные проблемы авторского права в цифровую эпоху. Автор считает, что цифровая среда радикально трансформировала процесс создания и распространения аудиовизуальных произведений. Автор акцентирует внимание на актуальности защиты прав создателей аудиовизуальных произведений, на необходимости в разработке новых подходов и технологий для защиты авторских прав. В статье делается вывод о необходимости адаптации существующих законодательных норм и введения новых правил защиты прав авторов аудиовизуальных произведений, которые отвечают требованиям современности. Автор приходит к выводу, что в современном мире цифровая среда оказывает огромное влияние на все аспекты нашей жизни, в том числе на процесс создания аудиовизуальных произведений. Данная статья может быть полезна, в первую очередь, создателям аудиовизуальных произведений.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведение, авторское право, цифровой контент, аудиовизуальный контент.

Введение

В эпоху цифровизации культуры аудиовизуальные произведения обретают особую значимость, становясь важным элементом современного информационного пространства. Создание фильмов, видеороликов и других форм аудиовизуального контента требует значительных творческих и технических усилий. При этом цифровая среда предоставляет безграничные возможности для распространения и модификации этих произведений, что порождает необходимость в надежной защите авторских прав.

Защита авторских прав на аудиовизуальные произведения в цифровой среде ставит перед законодателями и правообладателями ряд сложных задач. Вопросы, касающиеся определения авторства, регистрации прав и борьбы с нарушениями, становятся особенно актуальными в условиях легкой доступности и копирования контента.

В этой статье мы рассмотрим, как цифровая среда влияет на понятие аудиовизуального произведения как объекта авторских прав и какие подходы к защите таких прав существуют в современном мире.

Что такое аудиовизуальное произведение

Аудиовизуальным является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации.

Авторами аудиовизуального произведения являются [10]:

- 1) режиссер-постановщик;
- 2) автор сценария;
- 3) композитор, являющийся автором музыкального сопровождения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения;
- 4) художник-постановщик анимационного (мультипликационного) фильма.

Цифровая среда и её влияние на создание аудиовизуальных произведений

Цифровая среда радикально трансформировала процесс создания и распространения ауди-

овизуальных произведений. С появлением современных цифровых технологий доступ к созданию контента стал значительно проще. Это дало возможность как профессиональным, так и авторским создателям реализовывать свои идеи с большей гибкостью и инновациями. Именно цифровая среда открывает новые горизонты для экспериментов с формой и содержанием, делая аудиовизуальные произведения более многообразными и доступными. Однако эти изменения также порождают новые вызовы в области защиты авторских прав, требуя адаптации существующих законодательных рамок.

В современном мире цифровая среда оказывает огромное влияние на все аспекты нашей жизни, в том числе на процесс создания аудиовизуальных произведений. Технологии развиваются стремительными темпами, предоставляя кинематографистам, музыкантам и художникам новые инструменты и платформы для реализации своих творческих замыслов. Это, в свою очередь, приводит к появлению инновационных жанров и форм, которые ранее были невозможны без использования цифровых технологий.

Кроме того, цифровая среда влияет не только на процесс создания аудиовизуальных произведений, но и на их распространение и восприятие аудиторией. Социальные сети, стриминговые сервисы и платформы для размещения видео стали неотъемлемой частью культурного ландшафта, изменяя традиционные пути доставки контента до потребителя и способы взаимодействия с ним. Это открывает перед создателями новые возможности для экспериментов и достижения широкой аудитории, одновременно ставя перед ними новые вызовы [8].

Сегодня режиссеры, продюсеры и звукооператоры используют цифровые технологии, начиная от предварительного производства и заканчивая постпродакшеном. Это позволяет создавать более сложные и качественные произведения с меньшими затратами времени и денег. Цифровые инструменты обеспечивают беспрецедентную гибкость в редактировании, спецэффектах и цветокоррекции, позволяя мгновенно просматривать результаты изменений. Социальные сети и платформы для размещения видео открывают новые возможности для распространения и монетизации аудиовизуальных произведений, делая процесс их продвижения более демократичным. Таким образом, цифровая среда не просто изменяет способы создания аудиовизуальных произведений, но и переопределяет сам подход к их восприятию и оценке [5].

Авторские права в цифровой эпохе: основные проблемы и вызовы

Цифровые технологии проникают во все сферы жизни, а вопросы защиты интеллектуальной собственности становятся всё более актуальными. Цифровая эпоха предоставляет безграничные возможности для распространения информации, однако это же касается и авторских произведений, что создаёт

новые вызовы, в том числе для законодательства об авторских правах. Развитие интернета и цифровых технологий привело к значительному увеличению случаев нарушения авторских прав, вынуждая правообладателей искать новые способы защиты своих интересов. Например, пиратство остаётся значительным барьером, так как распространение контента через Интернет упрощает незаконное копирование и распространение произведений.

Такие технологии, как блокчейн и искусственный интеллект, предлагают новые методы защиты и управления правами, но также создают спорные моменты в отношении авторства и оригинальности.

Одной из основных проблем является необходимость адаптации существующих норм и правил к быстро меняющейся реальности цифрового мира. Наряду с тем, как развиваются новые форматы создания и распространения контента, также возникают и новые способы его незаконного использования. Это ставит перед законодателями задачу не только охранять права авторов и исполнителей в условиях цифровой экономики, но и предоставлять возможности для инноваций и развития, не угнетая при этом креативную индустрию[7].

Благодаря легкому доступу к цифровым технологиям, активно копируются и распространяются произведения без разрешения автора. Это не только уменьшает доходы создателей, но и затрудняет отслеживание нарушений авторских прав. Кроме того, существует проблема «цифрового исчезновения» произведений – когда контент удаляется или становится недоступен из-за устаревания технологий. Эти факторы создают необходимость в разработке новых подходов и технологий для защиты авторских прав, таких как блокчейн и усовершенствованные системы управления цифровыми правами (DRM), которые могут обеспечить баланс между интересами авторов и общественным доступом к культурным благам.

ГК РФ Статья 1263. Аудиовизуальное произведение

При публичном исполнении либо сообщении в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, аудиовизуального произведения авторы музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном произведении, сохраняют право на вознаграждение за указанные виды использования их музыкального произведения.

Права изготовителя аудиовизуального произведения, то есть лица, организовавшего создание этого произведения (продюсера), определяются в соответствии со статьей 1240 настоящего Кодекса [3].

Изготовителю принадлежит исключительное право на аудиовизуальное произведение в целом, если иное не вытекает из договоров, заключенных им с авторами аудиовизуального произведения, указанными в пункте 2 настоящей статьи [3].

Изготовитель при любом использовании аудиовизуального произведения вправе указывать свое

имя или наименование либо требовать такого указания. При отсутствии доказательств иного изготовителем аудиовизуального произведения признается лицо, имя или наименование которого указано на этом произведении обычным образом.

Каждый автор произведения, вошедшего составной частью в аудиовизуальное произведение, как существовавшего ранее (автор произведения, положенного в основу сценария, и другие), так и созданного в процессе работы над ним (оператор-постановщик, художник-постановщик и другие), сохраняет исключительное право на свое произведение, за исключением случаев, когда это исключительное право было передано изготовителю или другим лицам либо перешло к изготовителю или другим лицам по иным основаниям, предусмотренным законом [9].

Объект авторского права: аудиовизуальное произведение в цифровой среде

Аудиовизуальные произведения, созданные и распространяемые в цифровой среде, обладают уникальными особенностями, привлекая внимание к вопросам авторского права. Они включают в себя фильмы, видеоигры, цифровые презентации, обогащенные интерактивностью и мультимедийными элементами. Цифровая среда расширяет границы творческой свободы, позволяя создателям использовать новые технологии для реализации их замыслов. Такие произведения защищаются авторским правом с момента их создания, гарантируя авторам исключительные права на их использование и распространение. Эта защита критически важна для стимулирования инноваций и инвестиций в сфере цифрового контента [2].

С учетом этого, понимание того, что является объектом авторского права в контексте аудиовизуальных произведений, становится ключевым для эффективного управления и защиты авторских прав в цифровую эпоху.

В статье будет рассмотрено, как цифровая среда влияет на определение и классификацию аудиовизуальных произведений как объектов авторского права, а также какие особенности и вызовы возникают перед создателями и пользователями в этом новом контексте.

В эпоху цифровизации аудиовизуальные произведения, такие как фильмы, сериалы и музыкальные клипы, становятся все более доступными благодаря интернету. Эти произведения, объединяющие в себе как звуковые, так и визуальные компоненты, охраняются авторским правом в тот момент, когда они зафиксированы в материальной форме. В цифровой среде это означает, что даже цифровой файл может быть объектом авторского права при условии, что он может быть воспроизведен в материальном мире. Для владельцев авторских прав это предоставляет возможность контролировать использование их работ, включая копирование, распространение, публичный показ и адаптацию [6].

Таким образом, развитие цифровых технологий обеспечивает новые способы защиты и монетизации аудиовизуальных произведений в глобальном масштабе.

Защита авторских прав на аудиовизуальные произведения в цифровой среде

Защита авторских прав на аудиовизуальные произведения набирает особую актуальность. Такие произведения, включающие фильмы, видео и мультимедийные проекты, часто подвергаются нелегальному распространению онлайн. Использование блокчейна и цифровых водяных знаков позволяет авторам и правообладателям защищаться от нарушений, контролируя распространение и использование их творений в Интернете. Такие механизмы помогают устанавливать авторство, отслеживать нелегальное распространение и предъявлять претензии в случае нарушений.

Основой для защиты служит правовая база, состоящая из национального и международного законодательства. Важным элементом является Бернская конвенция для защиты литературных и художественных произведений, которая признает и защищает авторские права в цифровой среде. Помимо этого, важную роль играют Соглашение по аспектам прав интеллектуальной собственности, касающихся торговли (TRIPS), и Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO), которые способствуют гармонизации правил в разных странах [4].

На практике для защиты используются технологии управления цифровыми правами (Digital Rights Management, DRM), которые позволяют контролировать копирование, распространение и просмотр аудиовизуальных произведений. Также препятствует нарушениям распространение авторских произведений через законные цифровые платформы с лицензированием содержания. Кроме того, авторы и правообладатели активно используют системы мониторинга и идентификации контента, такие как Content ID на YouTube, что позволяет эффективно выявлять и удалять незаконно размещенный материал.

Таким образом, защита авторских прав в цифровой среде требует комплексного подхода, сочетая юридическую защиту с современными технологическими решениями.

Методы защиты авторских прав [1]:

- 1) Определите своё правовое положение. Необходимо убедиться, что вы имеете право на защиту. Не каждый, кто как-либо участвовал в создании аудиовизуального контента, считается его автором, а только тот, кто вкладывал свой творческий труд (не технический специалист).
- 2) Удостоверьтесь в отсутствии нарушения договорных отношений. Правообладатель должен быть уверен, что не заключал договоров относительно своего аудиовизуального произведения. Порой не всегда договор означает подписанный документ – иной раз стороны могут

заключить договор электронным образом, например, по e-mail. В то же время подписанный договор может быть составлен некорректно и впоследствии признан недействительным, равно как и могут быть нарушены его основные положения.

- 3) Наличие нарушения права. Разъясните, действительно ли права автора на данное произведение были нарушены – например, видеоролик с его участием в качестве актера был опубликован в социальных сетях (Интернете). В противном случае вопросы авторства еще можно урегулировать, что зачастую и случается.
- 4) Фиксация доказательств. Дабы нарушитель прав не смог удалить доказательства, следует зафиксировать факт совершенного нарушения. В каждом случае способ фиксации доказательства может отличаться, но в основном это происходит с привлечением нотариуса (например, просмотр интернет-сайта).
- 5) Направление письменной претензии. Составление и направление нарушителю письменного мотивированной претензии. Если известно несколько адресов, желательно использовать их все. Претензию отправляйте через ФГУП «Почта России», заказным письмом с описью вложений и уведомлением о вручении.
- 6) Обращение в суд. К сожалению, если спор о правах на аудиовизуальное произведение не удалось урегулировать в досудебном порядке, автор вправе обратиться в суд в соответствии с законодательством РФ.

Перспективы развития авторских прав в сфере аудиовизуальных произведений в цифровую эпоху

В эпоху цифровизации аудиовизуальные произведения обретают новые формы и путь распространения, что вызывает необходимость адаптации существующей системы авторских прав. Будущее укрепление защиты этих произведений включает в себя развитие технологий распознавания и мониторинга контента в интернете, что облегчит выявление нарушений авторских прав. Вместе с этим важно сбалансировать интересы авторов и пользователей, предоставляя последним законные способы доступа к культурным продуктам. Эволюция законодательства в области авторских прав будет напрямую зависеть от развития цифровых технологий и изменениях в потреблении контента [1].

Перспективы развития авторских прав в сфере аудиовизуальных произведений в цифровую эпоху представляют собой комплексный вызов, требующий учета множества факторов, от технологического прогресса до изменений в потребительских предпочтениях. Анализ существующих подходов и предложение новых решений помогут сформировать прочную основу для дальнейшего развития авторских прав в этой динамично развивающейся сфере.

Усиление глобализации рынка и упрощение доступа к распространению контента требуют от законодателей адаптации существующих норм и введения новых правил, которые отвечают требова-

ниям современности. Активная работа над международной гармонизацией правил защиты интеллектуальной собственности и разработка универсальных механизмов противодействия пиратству должны стать приоритетом для обеспечения справедливого вознаграждения авторов и стимулирования культурного разнообразия в цифровую эпоху.

Литература

1. Агаджанян А. Понятие и признаки аудиовизуального произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2011. № 8. С. 69–76.
2. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М., 1984. С. 83.
3. ГК РФ Статья 1263. Аудиовизуальное произведение.
4. Гордон М.В. Советское авторское право. М., 1955. С. 63.
5. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей / Исслед. центр частного права. М., 2003. СС. 146–147.
6. Дюма Р. Литературная и художественная собственность // Авторское право Франции. М., 1989. С. 5.
7. Лукьянов Р.Л. Определение правового режима видеозаписи // Информационное право. 2010. № 1. С. 35–38
8. Мазур Е.А. Кинофильм и иные аудиовизуальные произведения как элементы сложного объекта авторских прав // Юридический мир. – М.: Юрист, 2011, № 11. С. 49–51.
9. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 2-х т. Т. 2. Части III, IV ГК РФ / Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова). Ин-т государства и права РАН. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2011
10. Орлов Д.М. К вопросу об особенностях правового статуса авторов аудиовизуального произведения // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 19–21

REGULATION OF COPYRIGHT FOR AUDIOVISUAL WORK CREATED IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Sosorin K.D.

Russian University of Cooperation

The article examines the concept of an audiovisual work as an object of copyright, the main problems of copyright in the digital age. The author believes that the digital environment has radically transformed the process of creating and distributing audiovisual works. The author focuses on the relevance of protecting the rights of creators of audiovisual works, on the need to develop new approaches and technologies for copyright protection. The article concludes that it is necessary to adapt existing legislative norms and introduce new rules for the protection of the rights of authors of audiovisual works that meet the requirements of modernity. The author concludes that in the modern world, the digital environment has a huge impact on all aspects of our lives, including the process of creating audiovisual works. This article may be useful, first of all, to the creators of audio-

visual works. This article may be useful, first of all, to the creators of audiovisual works.

Keywords: audiovisual work, copyright, digital content, audiovisual content.

References

1. Agadzhanian A. Concept and characteristics of an audiovisual work // Intellectual property. Copyright and related rights. 2011. No. 8. P. 69–76.
2. Gavrilov E.P. Soviet copyright. Basic provisions. Development trends. M., 1984. P. 83.
3. Civil Code of the Russian Federation Article 1263. Audiovisual work.
4. Gordon M.V. Soviet copyright. M., 1955. P. 63.
5. Dozortsev V.A. Intellectual rights: Concept. System. Codification tasks: Sat. articles / Research. private law center M., 2003. SS. 146–147.
6. Dumas R. Literary and artistic property // Copyright of France. M., 1989. P. 5.
7. Lukyanov R.L. Determination of the legal regime of video recording // Information law. 2010. No. 1. P. 35–38
8. Mazur E.A. Film and other audiovisual works as elements of a complex object of copyright // Legal world. – M.: Lawyer, 2011, No. 11. P. 49–51.
9. Scientific and practical commentary on the Civil Code of the Russian Federation. In 2 volumes. T. 2. Parts III, IV of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. THOSE. Abova, M.M. Boguslavsky, A.G. Svetlanova). Institute of State and Law RAS. 6th ed., revised. and additional M.: Publishing house “Urayt”, 2011
10. Orlov D.M. On the issue of the peculiarities of the legal status of the authors of an audiovisual work // Education. The science. Scientific personnel. 2009. No. 4. P. 19–21

Нормативное определение категории наружной рекламы в российском законодательстве

Суворова Алёна Алексеевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

E-mail: animadoc@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению некоторых проблем правового регулирования наружной рекламы в Российской Федерации. Автором отмечается, что несмотря на то, что наружная реклама является довольно сложным объектом регулирования в силу наличия внушительного перечня нормативных правовых актов, регулирующих данный вид рекламной деятельности, определение понятию наружной рекламы не получило законодательного закрепления по сей день, что на практике зачастую приводит к затруднению применения некоторых норм законодательства при возникновении спорных ситуаций.

Более того, в статье определено отсутствие единого подхода к понятию и в юридической науке, что привело к рассмотрению в настоящей статье основных признаков наружной рекламы для выведения собственного определения понятию наружной рекламы: наружная реклама размещается строго вне помещений; характеризуется статичным размещением; воспроизводит визуальную информацию.

В результате изучения и анализа основных признаков и средств наружной рекламы автором предложена дефиниция понятию наружной рекламы, которая подлежит закреплению в положениях Закона о рекламе.

Ключевые слова: реклама; информация; наружная реклама; правовое регулирование; Закон о рекламе.

На современном этапе развития общества наружная реклама и информация играют значительную роль в формировании общественного мнения, оказывая существенное влияние на потребителей и поведение граждан.

В настоящий момент наружная реклама является одним из наиболее старых видов рекламы, которая имеет длинную историю становления и развития: от простых вывесок до современных высокотехнологичных конструкций. Если обратиться к истории, то прототипом современной наружной рекламы можно смело назвать использование людьми изображений, с помощью которых им удавалось привлечь внимание на свой вид деятельности, еще в период возникновения письменности.

Несмотря на продолжительную историю становления наружная реклама и по сей день не потеряла своей актуальности, поскольку встречается практически на каждом углу. В современном мире наружная реклама и информация стали неотъемлемой частью городского пространства. Они привлекают внимание людей, ориентируют на местности и являются значимым инструментом для бизнеса [1, с. 69]. В связи с этим важно обеспечить эффективное правовое регулирование данной сферы деятельности.

Однако законодательство Российской Федерации не закрепляет нормативное определение данному понятию, что придает этому вопросу весьма двойственный характер. Более того, не стоит забывать, что наружная реклама является сложным объектом регулирования в различных отраслях права, что вызвано, как правило, наличием широкого спектра нормативных правовых актов, в той или иной степени регулирующих данную деятельность. Например, помимо Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 11.03.2024) (далее – Закон о рекламе), деятельность по распространению наружной рекламы в Российской Федерации может регулироваться следующими нормативными правовыми актами:

1. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 19.10.2023), согласно которому осуществляется размещение наружной рекламы на объектах культурного наследия и др.

2. И другие нормативные правовые акты, в том числе субъектов РФ, например, в г. Санкт-Петербург:

– Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 31.01.2017 № 40 «Об утверждении Правил благоустройства территории Санкт-

Петербурга в части, касающейся эстетических регламентов объектов благоустройства и элементов благоустройства»;

- Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 31.01.2017 № 40 «Эстетический регламент наружной рекламы и информации» и другие.

В юридической доктрине различными авторами поднимался вопрос о целесообразности и необходимости закрепления данного понятия уже продолжительное количество времени. Стоит отметить, что рассматриваемый вопрос не теряет актуальности и по сей день. Кроме того, вопрос определения понятию наружной рекламы не нашел единого подхода среди юристов и ученых.

Например, некоторые авторы склонны относить наружную рекламу к процессу распространения информации по рекламируемому объекту с помощью различных технических средств для формирования наглядного образа рассматриваемого объекта [2, с. 15]. Однако данная позиция не пользуется популярностью среди большинства авторов, поскольку довольно сложно согласиться с тем фактом, что наружная реклама представляет собой процесс, так как согласно ст. 3 Закона о рекламе реклама – это, в первую очередь, информация.

Наиболее полное содержание понятия наружной рекламы может быть раскрыто путем определения ее различных признаков и свойств.

Так, можно выделить следующие признаки:

1. Стоит отметить, что рассматриваемое словосочетание пришло из английского языка, где оно обозначается как «out-of-home/ outdoor advertising», что, переводя дословно, означает «реклама вне дома/вне помещения». Таким образом, размещение наружной рекламы возможно строго вне помещений. Более того, можно сказать, что рассматриваемый вид рекламы играет важную роль в создании облика городской среды в целом. Отсюда вытекает еще одна не менее глобальная проблема правового регулирования наружной рекламы – чрезмерная перегруженность городов несогласованной с органами государственной власти рекламы, представляющая собой так называемый «визуальный информационный шум», который, в свою очередь, влечет за собой искажение архитектурного облика городской среды.

Так, информация, размещаемая вне помещений, должна соответствовать некоторым требованиям, визуально-эстетическим ожиданиям и нормам, допустимым в социально-культурной сфере. Из этого следует, что эффективность и признание наружной рекламы зависит от следующих факторов:

- Содержание рекламируемого объекта;
- Место размещения рекламируемой информации.

В связи с этим, стоит отметить, что правовое регулирование наружной рекламы и информации играет важную роль в обеспечении баланса между коммерческими интересами и общественными потребностями.

В данном контексте главную роль берут на себя органы государственной власти, которые занимаются вопросами рассмотрения целесообразности и возможности размещения определенного вида информации на конкретном месте, например, в г. Санкт-Петербург такими органами выступают:

- Комитет по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга;
- Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга;
- Комитет по благоустройству Санкт-Петербурга и другие.

2. Наружная реклама характеризуется исключительно статичным размещением. Некоторые авторы под таким размещением подразумевают «наличие привязки рекламной конструкции к определенным физически недвижимым или иным объектам, имеющим относительно прочную связь с определенной территорией» [3, с. 19]. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что размещение рекламной информации на транспортном средстве нельзя считать наружной рекламой, более того, отдельно статьей 20 Закона о рекламе регулируется реклама на транспортных средствах или же с их использованием путем закрепления норм о порядке и условиях ее размещения.

3. Наружная реклама, как правило, воспроизводит информацию визуально (например, информация в текстовом, графическом видах и т.п.), что способствует сохранению актуальности и востребованности данного вида рекламы. Нельзя отрицать тот факт, что визуально воспринимаемая информация обеспечивает высокий уровень вовлеченности и эффективность привлечения клиентов к рекламируемому объекту.

Кроме признаков наружной рекламы, также стоит обратить внимание на то, что перечень рекламных конструкций, с помощью которых может осуществляться распространение наружной рекламы, раскрывается в ст. 19 Закона о рекламе, а именно распространение осуществляется «...с использованием щитов, стенов, строительных сеток, перетяжек, электронных табло, проекционного и иного предназначенного для проекции рекламы на любые поверхности оборудования, воздушных шаров, аэростатов и иных технических средств стабильного территориального размещения (далее – рекламные конструкции), монтируемых и располагаемых на внешних стенах, крышах и иных конструктивных элементах зданий, строений, сооружений или вне их, а также остановочных пунктов движения общественного транспорта...».

Таким образом, правовое регулирование наружной рекламы и информации имеет существенное значение для обеспечения защиты прав потребителей, общественной безопасности и поддержания здоровой конкуренции на рынке.

Стоит отметить, что правовое регулирование наружной рекламы и информации в Российской Федерации является сложным и многоуровневым процессом. Более того, существует внушительный

перечень нормативных правовых актов, определяющих порядок размещения наружной рекламы, требования к ее содержанию и распространению, а также процедуру ее согласования.

В результате изучения и анализа основных признаков и средств наружной рекламы можно предложить следующую формулировку данному понятию: наружная реклама представляет собой визуально воспринимаемую информацию, которая размещена вне помещений с применением некоторых стационарно расположенных средств. Целесообразным видится закрепление рассматриваемого определения в положениях Закона о рекламе, как основного нормативного правового акта, регулирующего деятельность в области наружной рекламы и информации.

Введение понятия в действующее законодательство обеспечит решения ряда проблем, в большей степени возникающих в сфере правоприменительной деятельности. Однако в силу отсутствия каких-либо действий со стороны законодательства по нормативному закреплению понятия наружной рекламы, вопрос правового регулирования в целом остается важным и актуальным на сегодняшний день. Более того, в данном контексте видится целесообразным и стратегически верным решением – постоянное совершенствование законодательства в этой области с учетом изменяющихся условий и технологий.

Литература

1. Правовое регулирование индивидуализации юридических лиц (проблемы регионального законодательства) / А.В. Кузьмин, Ю.С. Алексеева, А.А. Суворова, М.В. Колмогоров. – СПб: СПБУТУиЭ, 2023. – 198 с.

2. Косырев, Е.В. Понятие наружной рекламы / Е.В. Косырев // Российское конкурентное право и экономика. – 2019. – № 1(17). – С. 14–17.
3. Свит, Ю.П. Правовое регулирование отношений по размещению наружной рекламы / Ю.П. Свит // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 10. – С. 18–27.

REGULATORY DEFINITION OF THE CATEGORY OF OUTDOOR ADVERTISING IN RUSSIAN LEGISLATION

Suvorova A.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg

This article is devoted to the consideration of some problems of legal regulation of outdoor advertising in the Russian Federation. The author notes that despite the fact that outdoor advertising is a rather complex object of regulation due to the presence of an impressive list of regulatory legal acts regulating this type of advertising activity, the definition of outdoor advertising has not received legislative consolidation to this day, which in practice often leads to difficulty in applying certain legislative norms in the event of disputes.

Moreover, the article defines the lack of a unified approach to the concept in legal science, which led to the consideration in this article of the main features of outdoor advertising to derive its own definition of outdoor advertising: outdoor advertising is placed strictly outdoors; characterized by static placement; reproduces visual information.

As a result of studying and analyzing the main features and means of outdoor advertising, the author proposed a definition of the concept of outdoor advertising, which is subject to consolidation in the provisions of the Law on Advertising.

Keywords: advertising; information; outdoor advertising; legal regulation; Law on advertising.

References

1. Legal regulation of individualization of legal entities (problems of regional legislation) / A.V. Kuzmin, Y.S. Alekseeva, A.A. Suvorova, M.V. Kolmogorov. – St. Petersburg: SPbUTUE, 2023. – 198 p.
2. Kosyrev, E.V. The concept of outdoor advertising / E.V. Kosyrev // Russian competition law and economics. – 2019. – № 1(17). – P. 14–17.
3. Sweet, Yu.P. Legal regulation of relations on outdoor advertising / Yu.P. Sweet // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2009. – No. 10. – P. 18–27.

Доказывание в делах о возмещении убытков: вопросы практического применения

Чарторийский Дмитрий Витальевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: chartoriyskiyd@mail.ru

Колмогоров Максим Владимирович,

преподаватель кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: kolmogorovmv@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса о доказывании в делах о возмещении убытков. Считается, что основной задачей суда является установление фактического состояния дела, иными словами, в данном случае речь идет о системе доказывания в гражданском судопроизводстве как гарантии обоснованного решения. Цель доказательства, в свою очередь, заключается в достижении понимания реальной ситуации рассматриваемого дела и применении соответствующих норм права.

Следует отметить, что в доктринальных исследованиях часто возникает вопрос о слишком высоких стандартах доказывания ущерба, что приводит к значительному количеству споров. Вопрос о содержании предмета доказывания также является объектом дискуссий и споров в юридической доктрине.

Кроме того, сложность системы доказывания также заключается в том, что для отказа в удовлетворении претензий истца, достаточно не доказать только один из элементов юридического состава убытков, проанализированных в настоящей статье. А также потерпевшему необходимо убедить суд не только в нарушении его права, но и обосновать сумму нанесенного ему ущерба.

Ключевые слова: убытки; возмещение убытков; реальный ущерб; упущенная выгода; взыскание ущерба; система доказывания.

Несмотря на широко распространенный характер таких методов защиты гражданских прав, как возмещение убытков, в науке существует множество спорных вопросов, таких как процесс расчета суммы возмещаемых убытков, категоризация критериев, на основании которых выносится решение о возмещении и др.

Основная задача суда при рассмотрении гражданских дел заключается в установлении фактического состояния дела и применении соответствующих норм материального права.

Не допускается произвольное применение определенных норм без изучения фактов, характеризующих спорные правоотношения. Таким образом, система доказывания в гражданском судопроизводстве выступает в качестве гарантии обоснованного решения по существу. Целью доказательства является достижение истинного понимания реальной ситуации дела и применение соответствующих норм материального права к текущей ситуации.

Взыскание ущерба согласно гражданскому праву в Российской Федерации в настоящее время очень сложно. В первую очередь, это связано с трудностями, возникающими в результате доказывания. Вопрос о доказательствах затрагивает частоту исков о возмещении ущерба от участников гражданско-правовых отношений в качестве меры гражданской ответственности и, как следствие, механизм исков о возмещении ущерба.

Неблагоприятный для истца исход рассмотрения дела не всегда связан с ненадлежащей подготовкой суда (субъективными факторами). В частности, это связано с пробелом в гражданском праве в регулировании ущерба как меры гражданской ответственности (объективный фактор).

При рассмотрении гражданских дел необходимо установить ситуацию, которая отражена в материальных правовых нормах. Таким образом, правовые факты материального характера являются неоспоримым центральным компонентом субъекта доказывания.

Вопрос об определении предмета доказывания решается судом вопреки принципу юрисдикции в процессуальном праве. Это подтверждается положениями, закрепленными в части 2 статьи 56 ГПК Российской Федерации и в части 2, статьи 65 АПК Российской Федерации, в соответствии с которыми суд определяет, какие обстоятельства имеют отношение к делу, какие части подлежат обсуждению, даже если стороны не ссылались.

Таким образом, формирование субъекта доказательств по каждому делу относится к прерогативе суда, как правило, судья выполняет такую обя-

занность при подготовке дела к судебному разбирательству.

В.В. Низовцев также предлагает рассмотреть алгоритм определения предмета, который основан на двух источниках формирования. Фактический источник связан с основанием претензии и возражением против нее (т.е. иск и отзыв), а правовой источник обусловлен гипотезой и диспозицией материальной нормы, применимой в конкретном случае (т.е., предмет доказывания предопределен материальной нормой) [4, с. 78].

Предмет доказывания же определяется индивидуально в связи с конкретным гражданским делом, поскольку он варьируется от дела к делу в зависимости от особенностей существующих отношений. В результате, представляется необходимым отразить особенности предмета доказывания по делам о возмещении убытков.

Возмещение убытков является важнейшей мерой влияния людей на противоправную деятельность в условиях типичного гражданского оборота. При обращении в компенсационный орган гарантируется восстановление нарушенных прав потерпевшего, определяются основные роли и задачи компенсации ущерба как соответствующей формы ответственности.

Доказывание убытков – это определенная сложность с точки зрения установления и подтверждения отдельных элементов, составляющих предмет доказывания. В частности, наиболее распространенной причиной отклонения иска о возмещении убытков является отсутствие доказательств причинно-следственной связи между незаконной деятельностью и ее последствиями в виде убытков. Однако трудности в доказывании определенных элементов предмета доказательства не должны способствовать снижению уровня правовой защиты физических и юридических лиц.

Чтобы отказаться от удовлетворения претензий истца, достаточно не доказать только один из элементов юридического состава убытков.

Первый элемент – основание для возникновения гражданской ответственности в виде ущерба. Основанием для возникновения гражданской ответственности в виде возмещения ущерба является правонарушение или иная ситуация, предусмотренная законом или договором. Правонарушения могут выражаться как в невыполнении или ненадлежащем исполнении договорных обязательств, так и в совершении деликта. Этот элемент является основой осуществления мер гражданской ответственности.

Вторым элементом в делах данной категории является факт причинения убытков и их размер. Состав, как правило, формируется из реального ущерба и упущенной выгоды (ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Судебная практика в деле о возмещении ущерба взяла курс на закрепление за потерпевшим необходимости убедить суд не только в нарушении его права, но и обосновать сумму нанесенного ему ущерба. Расчет убытков должен быть должным об-

разом обоснован, а сумма, указанная в расчете, должна подкрепляться доказательствами, отвечающими всем требованиям процессуального права. Суд вправе пересчитать убытки, если представленные истцом расчеты не в полной мере отражают реальную ситуацию.

В свою очередь, неполученный доход, который мог быть получен в привычных условиях, не имеет определенной формы, что вызывает некоторые трудности в определении суммы упущенного заработка, которая должна быть взыскана при рассмотрении дел данной категории. Расчет упущенной выгоды должен учитывать теоретические расходы истца, если его права не были нарушены (например, налоги, заработная плата работникам).

Ранее проверка суммы убытков усложнялась критериями абсолютной надежности суммы взыскиваемых убытков. Абсолютная точность суммы потерь не позволяла судье дать полную уверенность в достоверности расчета. При наличии сомнений в достоверности суммы ущерба суд отказывался выполнять требования истца. Поэтому долгое время участники гражданско-правовых отношений мало интересовались обращением в суд с иском о возмещении убытков.

Первый шаг для снижения стандартов доказывания связан с принятием указа Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.09.2011 № 2929/11 [9]. Позднее переход от абсолютной надежности к разумному количеству потерь было достигнуто Постановлением Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 [7], и Постановлением от 23.06.2015 № 25 [6]. Правовой статус Верховного Суда Российской Федерации устанавливает, что, если невозможно установить точную сумму ущерба, суд не может отказаться от удовлетворения претензии истца, что также отражено в п. 5 ст. 393 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вышеуказанный подход соответствует опыту некоторых западных стран. Например, в Англии суд руководствуется принципом баланса вероятностей. Принцип стохастического равновесия основан на предположении, что «скорее было, чем не было».

Исходя из вышесказанного, казалось бы, на уровне правового статуса Верховного Суда РФ необходимо закрепить положение, уточняющее содержание разумной степени достоверности. Примерный расчет суммы убытка, который установлен Постановлением Верховного суда РФ № 25 от 23.06.2015 в п. 14, основан на степени рациональности, которой должны соответствовать такие расчеты.

Кроме того, зачастую вызывает трудности установить причинно-следственную связь между убытками, понесенными в виде реального ущерба или упущенной выгоды, и незаконными действиями нарушителя. Игнорирование, в свою очередь, необходимости убедительного обоснования причинно-следственной связи между противоправным деянием и вытекающим из этого убытком влечет

за собой отказ судом в удовлетворении требования о возмещении ущерба. Таким образом, можно сказать, что причинно-следственная связь является наиболее важным компонентом предмета доказывания в случае ущерба.

В большинстве зарубежных стран (Великобритания, Франция и др.) устанавливается принцип предсказуемости (предвидимости) потерь при заключении контрактов. Этот принцип также отражен в основных международных документах (статья 7.4.4 Принципов УНИДРУА [9], статья 74 Венской конвенции «О международных договорах купли-продажи» [3]).

Нельзя сказать, что в настоящее время одна из моделей ограничения суммы ущерба характерна для российского законодательства. Догматические исследования в этой области основаны на существующих международных документах и опыте других государств.

Поэтому основными задачами в этой области являются:

- Разработка критериев для устранения потерь, которые слишком далеки от компенсируемых, включая анализ международного опыта. Способом закрепления таких стандартов может выступить постановление Пленума ВС РФ.
- Развитие российской правовой доктрины в этой области.

Однако гражданское право характеризуется презумпцией виновности правонарушителя. Поэтому, учитывая специфику вины в гражданском кодексе, доказательства должны основываться на легитимности невиновности подсудимого. Поэтому бремя доказывания того, что вины нет, ляжет на него.

Руководствуясь позицией Пленума ВС РФ, категория случайностей и непредсказуемости выглядит «неоднозначной» и вызывает вопросы о реальном механизме реализации.

Предмет доказывания может также включать вопрос о мерах, принятых истцом для предотвращения или смягчения (уменьшению) ущерба.

Самостоятельным элементом в вопросе доказывания является подготовка и другие меры, принятые истцом для получения упущенной выгоды.

Кроме того, следует отметить некоторые позитивные изменения в Гражданском кодексе, направленные на либерализацию механизма возмещения ущерба. Либерализация компенсационного механизма заложила основу для повышения его эффективности. Либерализация компенсационных механизмов, по-видимому, имеет потенциал для улучшения применения компенсационных мер с течением времени. Несмотря на положительную оценку этих изменений, в реализации Закона о возмещении ущерба все еще остается много нерешенных проблем.

Доказательство должно быть полным и последовательным для защиты и восстановления прав, которые были нарушены. Используя последовательные доказательства, можно глубже и всесторонне проанализировать факты дела, понять по-

зицию другой стороны и высказать возражения. Таким образом, точные и последовательные доказательства ущерба способствуют принятию законных решений на основе изучения претензий и возражений каждой стороны [5, с. 48].

Формирование методологии доказывания ущерба требует большой аналитической работы и обобщения сложившейся судебной практики. В то же время метод доказывания ущерба может быть разработан на основе судебного акта, детализирующего процесс оценки доказательств при рассмотрении дела по существу.

Разработка методологии доказывания ущерба имеет большое значение для практики, поскольку процесс доказывания оказывает значительное влияние на конечный результат разрешения споров.

Первым элементом метода доказывания является определение основания возникновения гражданской ответственности в виде возмещения убытков. Начиная с этого этапа, процесс доказывания, в частности, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств, помимо основания ответственности, должен доказывать тот факт, что договорные отношения сложились между сторонами. При определенных обстоятельствах доказать ущерб может оказаться невозможным.

Таким образом, выявление общего признака того, что невозможно взыскать ущерб, можно найти в работах С.Л. Дегтярева, где это считается вторым этапом доказывания [2, с. 158]. К числу факторов, которые делают невозможным взыскание ущерба, относятся отсутствие материальных прав, наличие процессуальных препятствий и пропуск срока давности, установленного в делах таких категорий. На третьем этапе доказывания, вытекающие из особенностей убытков, рассматриваются как правовая категория.

Методика доказывания, разработанная С.Л. Дегтяревым, определяет основные проблемы, возникающие при доказывании обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Таким образом, он отражает «общую картину» доказывания убытков. Вероятно, это будет правильно из-за того, что разработка единой методологии в настоящее время невозможна.

Стоит отметить, что метод доказывания убытков не обязательно представляет собой заранее определенные этапы, и необходимо установить порядок, в котором можно доказать отдельные факты. Таким образом, методика представляет собой набор рекомендуемых принципов для доказывания убытков, то есть, несмотря на острую проблему разработки унифицированного метода организации и реализации процессов для случаев этой категории, набор рекомендаций может обеспечить эту минимальную задачу и решить проблемы, которые практически игнорируются.

Важность метода доказывания нельзя переоценить. Однако трудность доказывания тех или иных элементов, как правило, прямо выражается в пра-

вовых нормах гражданского права и в правовом положении высших судов.

Концепция «стандарта доказывания» пытается определить и формализовать критически необходимый уровень надежности, достоверность представленных доказательств и, следовательно, приемлемый уровень сомнений. Стандарт тестирования направлен на создание общей и единой планки, что делает процесс определения фактов более предсказуемым и минимизирует стоимость ошибок в определении фактов.

Однако помимо развития теории и практики по разработке методов доказывания убытков, важнейшей задачей является совершенствование общего механизма возмещения убытков.

Еще одна важная проблема, на которую стоит обратить внимание, – это доказательства упущенной выгоды.

При этом нарушение условий договора, которое не вылилось в денежные убытки, сложно отнести к ущербу в судебном разбирательстве. Например, разглашение конфиденциальной информации о персональных данных сотрудников не может быть отнесено судьей к делу о возмещении ущерба. Все это необходимо для достижения цели ведения хозяйственной деятельности и создания организации [1].

Таким образом, в заключение можно сделать вывод о том, что компенсация понесенных убытков вызвана эффективными действиями потерпевшего по возмещению убытков. В связи с тем, что важнейшей проблемой ущерба являются его доказательства, возникает задача организации сбора доказательств. Стоит отметить, что на сегодняшний день все еще существует много проблем, связанных с возмещением ущерба, но было выявлено, что судебная практика и право постепенно продвигаются к поощрению процесса доказывания. Отклонения от жестких критериев определения суммы ущерба и причинно-следственной связи способствуют практической реализации принципа полной компенсации ущерба и защите прав участников гражданско-правовых отношений.

Литература

1. Бычков А. Доказывание упущенной выгоды // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 45 (946). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/330076/> (Дата обращения: 20.03.2024)
2. Дегтярев С.Л. Возмещение убытков в гражданский и арбитражный процесс. Учебное практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2003. 231 с.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1.
4. Низовцев В.В. Доказывание и доказательства в гражданском и арбитражном процессах /

В.В. Низовцев, Н.М. Реброва. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2009. – 88 с.

5. Овсянникова А.О. Абстрактный и конкретный методы исчисления убытков / А.О. Овсянникова // Вестник гражданского права. – 2015. – Т. 15, № 5. – С. 9–61.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 30 июня. – № 140.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021) // Российская газета. – 2016. – 4 апреля. – № 70.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 г. № 2929/11 по делу № А56–44387/2006 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 3
9. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Закон. – 1995. – № 12.

EVIDENCE IN CASES FOR COMPENSATION OF LOSSES: ISSUES OF PRACTICAL APPLICATION

Chartorisky D.V., Kolmogorov M.V.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article is devoted to the consideration of the issue of evidence in cases of compensation for losses. It is believed that the main task of the court is to establish the factual state of the case, in other words, in this case we are talking about the system of evidence in civil proceedings as a guarantee of a well-founded decision. The purpose of evidence, in turn, is to achieve an understanding of the real situation of the case under consideration and the application of the relevant rules of law.

It should be noted that in doctrinal studies the question often arises of too high standards of proof of damages, which leads to a significant number of disputes. The question of the content of the subject of proof is also the subject of discussions and disputes in legal doctrine.

In addition, the complexity of the evidence system also lies in the fact that in order to refuse to satisfy the plaintiff's claims, it is enough not to prove only one of the elements of the legal composition of the losses analyzed in this article. And also the victim needs to convince the court not only of the violation of his rights, but also to justify the amount of damage caused to him.

Keywords: losses; compensation for losses; actual damage; lost profit; recovery of damages; evidence system.

References

1. Bychkov A. Proving lost profits // EZH-Lawyer. – 2016. – No. 45 (946). – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.eg-online.ru/article/330076/> (Date of application: 03/20/2024)
2. Degtyarev S.L. Compensation for losses in civil and arbitration proceedings. Educational practical guide. – 2nd ed., revised. and additional – M.: Wolters Kluwer, 2003. 231 p.
3. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, 1980) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 1994. – No. 1.
4. Nizovtsev V.V. Proof and proof in civil and arbitration proceedings / V.V. Nizovtsev, N.M. Rebrova. – Novocherkassk: South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova, 2009. – 88 p.

5. Ovsyannikova A.O. Abstract and concrete methods for calculating losses / A.O. Ovsyannikov // Bulletin of civil law. – 2015. – T. 15, No. 5. – P. 9–61.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Russian newspaper. – 2015. – June 30. – No. 140.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 “On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations” (as amended on June 22, 2021) // Russian newspaper. – 2016. – April 4. – No. 70.
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 6, 2011 No. 2929/11 in case No. A56–44387/2006 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2012. – No. 3
9. Principles of international commercial contracts (UNIDROIT Principles) (1994) // Law. – 1995. – No. 12.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве)

Четвериков Андрей Максимович,

аспирант, кафедра «Гражданско-правовые дисциплины»,
Аккредитованное образовательное частное учреждение
высшего образования «Московский финансово-юридический
университет МФЮА»
E-mail: chetwerikow.andrei@yandex.ru

Цель: комплексный анализ института subsidiарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве.
Методы: диалектический, логический (включая анализ и синтез, а также индукцию и дедукцию), системно-структурный, сравнительно-правовой, формальной-юридический.

Результаты: проведенное исследование позволило определить основные признаки (критерии) лица, на основании которых оно может быть отнесены к числу контролирующих должника лиц. Также, определены и проанализированы условия, установление наличия которых необходимо для реализации в отношении контролирующих должника лиц мер subsidiарной ответственности. *Выводы:* проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что существующая нормативно-правовая база, а также формируемая на ее основе правоприменительная (прежде всего – судебная) практика устанавливают крайне широкие с точки зрения своего содержания критерии, на основании которых те или иные лица относятся к числу контролирующих должника, а сам перечень таких лиц является крайне обширным. Также, следует отметить, что ввиду несовершенства существующей нормативно-правовой базы в части регламентации условий, соблюдение которых необходимо для привлечения к subsidiарной ответственности контролирующих должника лиц, реализация положений исследуемого правового института на практике сопряжена с некоторыми проблемами.

Ключевые слова: должник, банкротство, контролирующее должника лицо, subsidiарная ответственность, условия subsidiарной ответственности.

Введение

На современном этапе развития отечественного законодательства обеспечению интересов кредиторов в рамках дела о банкротстве уделяется особое внимание. Одним из наиболее эффективных инструментов является введение законодателем subsidiарной ответственности для контролирующих должника лиц (далее по тексту – КДЛ).

Сущность механизма заключается в привлечении к ответственности лиц, имеющих некоторые властные полномочия, над организацией. В случае введения в отношении организации процедуры банкротства такие ответственные лица привлекаются к subsidiарной ответственности, поскольку в процессе деятельности организации ответственные лица могут оказывать влияние при принятии управленческих решений, которые в дальнейшем и могут привести к банкротству. При этом статус subsidiарных ответчиков такие лица принимают исключительно в том случае, если оказываемое воздействие и привело к банкротству. На современном этапе развития отечественного законодательства subsidiарная ответственность вышеуказанной категории лиц является собой главный механизм удовлетворения кредиторских требований в ситуациях, когда у самого должника нет достаточных активов для погашения задолженности.

В связи с этим, урегулированию общественных отношений в исследуемой сфере уделяется повышенное внимание, о чем, в частности, свидетельствует факт внесения регулярных изменений в содержание Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о банкротстве) [7].

Также в 2017 году Пленумом Верховного Суда РФ было принято Постановление № 53, в котором высшая судебная инстанция дала подробные разъяснения относительно порядка и условий привлечения контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве в случае введения процедуры банкротства (далее по тексту – Постановление № 53) [10]. Названное постановление, как показывает практика, играет немаловажную роль в урегулировании общественных отношений в данной сфере и активно применяется судами наравне с Законом о банкротстве и другими нормативно-правовыми актами.

О заинтересованности в реализации норм, образующих институт subsidiарной ответственности КДЛ, свидетельствуют и статистические сведения. Так, из Статистического бюллетеня Единого федерального реестра сведений о банкротстве следует,

что за 2023 г. было подано 6494 заявления о субсидиарной ответственности, а общий размер ответственности привлеченных лиц составил более 400 млрд руб. [5].

Таким образом, исследуемый правовой институт является востребованным и необходимым, что, в свою очередь, предопределяет необходимость его научно-теоретического анализа. Ключевыми при решении вопроса о реализации в отношении контролирующего должника лиц мер субсидиарной ответственности являются вопросы, касающиеся субъекта и условий такой ответственности.

Материалы и методы

Данное научное исследование проведено на основании положений действующего отечественного законодательства, а также материалов судебной практики, складывающейся в соответствующей сфере. Для проведения исследования использованы следующие методы научного познания: диалектический, логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формальной-юридический.

Литературный обзор

Теоретическую основу данного исследования сформировали научные труды следующих авторов: С.И. Абрамов, В.Г. Голубцов, И.В. Горбашев, О.В. Гутников.

Законодательное определение дефиниции «контролирующее должника лицо» закреплено в норме п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве [7]. При анализе определения можно заключить, что при его формулировании законодатель исходил из совокупности двух основных признаков:

1) Статус КДЛ может получить как гражданин (физическое лицо), так и организация (юридическое лицо);

2) КДЛ обладает управленческими полномочиями при взаимодействии с должником (это, в свою очередь, может осуществляться либо путем дачи указаний, которые будут являться для должника обязательными, либо с помощью любого из числа способов, перечисленных законодателем в п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве – например, совершать от его имени сделки, занимать подразумеваемую это должностью и т.д.).

Последний из названных признаков дополняется указанием на то, что соответствующее право (или возможность) должны были наличествовать у лица в определенных хронологических рамках, ограниченных с одной стороны появлением признаков банкротства, а с другой – 3 годами до их появления. Нынешняя редакция Закона о банкротстве допускает оказание влияние на действия должника и после появления таких признаков, но при условии, что оно имело место до того, как соответствующим судом было принято заявление о признании должника банкротом.

Таким образом, статус КДЛ зависит лишь от установления двух вышеуказанных признаков –

это приводит к тому, что перечень категорий таких лиц является достаточно широким. На сегодняшний день насчитывается порядка 15 категорий лиц, которые подпадают под понятие КДЛ [2, с. 255–257]. По мнению некоторых отечественных исследователей столь «раздутый» перечень КДЛ, потенциально рискующих быть привлеченными к субсидиарной ответственности, следует рассматривать в качестве серьезной проблемы [4, с. 57].

Внимания заслуживает тот факт, что содержание второго признака в законодательстве и судебной практике (прежде всего, в Постановлении № 53) определяется несколько по-разному. В частности, в п. 3 Постановления № 53 содержится немаловажное указание на то, что лицо может быть отнесено к числу КДЛ, как правило, лишь тогда у него наличествует фактическая возможность давать указания, которые обязательные для исполнения должником, тогда как в Законе о банкротстве допускается формальное закрепление наличествующего права. Возникает ситуация, при которой в п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве указано лишь на формально-юридический признак аффилированности, а высшая судебная инстанция призывает суды оценивать степень реальной вовлеченности лица, в отношении которого могут быть реализованы меры субсидиарной ответственности, в управлении делами должника.

Более того, в абз. 2 п. 3 исследуемого постановления высшей судебной инстанции не только закреплен приоритет фактической вовлеченности лица в управление делами должника перед формально-юридическими признаками аффилированности, в дополнение к этому содержится указание на возможность признания лица КДЛ при их отсутствии. Здесь действует и обратное правило: наличие одних лишь формально-юридических критериев не означает, что лицо априори приобретает статус КДЛ, поскольку не презюмируется фактическое осуществление в отношении должника какого-либо контроля.

Однако и из этого правила есть ряд исключений, когда даже наличие формального признака достаточно для признания лица контролирующим должника. В частности, это касается категорий лиц, указанных в пп. 1, 2 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве – факт отнесения указанных категорий лиц к числу КДЛ презюмируется, но при этом может быть опровергнут (т.е. это является опровержимой презумпцией).

Интересным является вопрос и о сроках давности привлечения КДЛ к ответственности. Так, если для субсидиарной ответственности предусмотрен стандартный трехгодичный срок, то на иные виды ответственности (включая ответственность руководителей организаций на основании ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) [6]), указанный срок не распространяется.

Пунктом 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве арбитражному суду предоставлены широкие полномочия по отнесению различных категорий лиц к числу КДЛ по различным основаниям. Некоторые из чис-

ла таких оснований упомянуты в абз. 2 п. 2.2 Письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4–18/16148@.

Как разъясняет налоговый орган, к числу «иных оснований» может быть отнесены такие факторы, как совместное проживание; совместное прохождение учебы или службы, а также наличие иных неформальных отношений, перечень которых является открытым.

Таким образом, следует согласиться с О.В. Гутниковым, В.Г. Голубцовым и некоторыми другими авторами, обеспокоенными тем обстоятельством, что в соответствии с действующим отечественным законодательством и складывающейся в исследуемой сфере правоприменительной практикой к числу контролирующих должника могут быть отнесены многочисленные категории лиц. Причем, как показало исследование, какие-либо унифицированные критерии для отнесения лица к числу КДЛ сегодня фактически отсутствуют, поскольку из большинства регламентированных на законодательном уровне правил есть исключения, а непоколебимость других правил нивелируется за счет толкования положений закона со стороны высшей судебной инстанции, существенно изменяющей смысл соответствующих правовых норм.

Следующим вопросом, заслуживающим внимания в рамках данного исследования, является вопрос, касающийся условий реализации в отношении КДЛ мер субсидиарной ответственности. Перечень и содержание таких условий (как и содержание понятия «контролирующее должника лицо») на протяжении последних 20 с лишним лет, прошедших с момента принятия Закона о банкротстве, неоднократно изменялись, причем кардинально. Последние наиболее значимые изменения были обусловлены принятием Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ [9].

Меры субсидиарной ответственности реализуются в отношении КДЛ, прежде всего, на основании п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве. Из содержания названной правовой нормы следует, что для этого необходимо установить, во-первых, невозможность полного погашения должником кредиторских требований и, во-вторых, взаимосвязь этой самой невозможности с действиями (или бездействием) КДЛ. Указание на условия, соблюдение которых необходимо для реализации в отношении КДЛ мер субсидиарной ответственности, содержится и в некоторых других правовых нормах. Комплексное толкование таких норм позволяет сделать вывод о том, что к числу условий могут быть отнесены следующие обстоятельства.

1. Наличие противоправного деяния. Основным критерием, по которому нужно судить о «противоправности» деяния, является факт невозможности погашения должником своих долгов перед кредиторами. При этом неважно, что составляло объективную сторону деяния. Также такое противоправное поведение КДЛ должно укладываться в трехгодичный срок, предшествующий банкротству организации (т.е. до принятия судом заявления).

Определению признаков банкротства посвящена ст. 3 Закона о банкротстве, из содержания которой следует, что в данном качестве необходимо рассматривать неплатежеспособность, т.е. способность должника в течение 3 мес. исполнить денежные обязательства. Причиной неплатежеспособности должника должна являться нехватка у должника денежных средств, презюмирующаяся до доказанности обратного. Неплатежеспособность имеет место даже тогда, когда лицо не может исполнить часть денежных обязательств.

Согласно подходу Верховного Суда (в Постановлении № 53), суды обязаны установить отсутствие у должника любых ресурсов, которые могут быть направлены на удовлетворение требований кредиторов, а также факт превышения таких требований реальной стоимости всех наличествующих у должника активов (другими словами, речь идет об объективном банкротстве) [10]. Соответственно, здесь речь идет не о неплатежеспособности, а о недостаточности имущества (т.е. неоплатности). Поэтому, между признаками банкротства и основаниями субсидиарной ответственности существует принципиальная разница, на которую, кроме прочего, свое внимание обращает и высшая судебная инстанция в некоторых решениях [8]. Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, 3-летний период следует отсчитывать именно с момента наступления неоплатности.

Проблема здесь видится в том, что функционирование многих хозяйствующих субъектов, так или иначе, может быть связано и с неплатежеспособностью, и с неоплатностью. Неоплатность характерна для предприятий с длинным циклом производства, а также может иметь место в случае кассовых разрывов или возобновлением кредитных обязательств. В связи с этим, любая неудача при ведении бизнеса в соответствии с действующим законодательством может быть расценена в качестве основания для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности.

По нашему мнению, это не соответствует позиции высшей судебной инстанции, неоднократно изложенной в ряде ее решений. Согласно данной позиции меры субсидиарной ответственности в сфере восстановления прав кредиторов следует рассматривать только в качестве исключительного механизма. Однако на практике КДЛ привлекаются к ответственности без каких-либо препятствий. Единственным исключением в данном отношении можно рассматривать лишь сложность доказывания объективного банкротства [3, с. 157].

2. Вредные последствия. Свое выражение вредные последствия находят в невозможности погашения должником кредиторских требований по причине его объективного банкротства. Крайне важно обратить внимание на пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве, указывающий на то, что возникновение признаков банкротства – это далеко не всегда результат действий (бездействия) КДЛ. Однако и в этом случае в отношении КДЛ также могут быть реализованы меры субсидиарной

ответственности, но для этого необходимо установить причастность КДЛ к ухудшению финансового положения должника уже после появления признаков банкротства (например, в результате действий КДЛ может быть полностью утрачена возможность восстановления платежеспособности за счет определенных реабилитационных мероприятий) [10].

3. Причинно-следственная связь. Такая связь в обязательном порядке должна быть установлена между действиями (бездействием) КДЛ и вышеуказанными вредными последствиями. Ее установление существенно облегчено за счет презюмирования в ряде случаев, перечисленных в п. 2 ст. 61.11 и абз. 2 п. 2 ст. 61.12 Закона о банкротстве). КДЛ, в свою очередь, будучи правонарушителем, вынуждено доказывать отсутствие причинно-следственной связи между его действиями (бездействием) и наступлением вышеуказанных вредных последствий.

Наличие презумпций причинно-следственной связи необходимо для активизации процессуальной деятельности ответчика, который располагает наибольшим объемом доказательств. Соответственно, освобождение заявителя от необходимости доказывания такой связи обусловлено трудностями получения таких доказательств [1, с. 53].

4. Вина. Наличие данного условия, как и наличие причинно-следственной связи, презюмируется. Общее определение невинности закреплено в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. Между тем, в отношении КДЛ данное обстоятельство устанавливается иначе, а именно – на основании абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве. В силу названной правовой нормы о невинности КДЛ можно говорить лишь тогда, оно действовало одновременно в интересах участников и учредителей должника, и самого должника. Действия КДЛ должны быть направлены исключительно на предотвращение роста долга перед кредиторами, а также они не должны даже посягать на имущественные права взыскателей. КДЛ должно действовать добросовестно и разумно, что соответствует деловым обычаям.

Таким образом, хоть между Законом о банкротстве и ГК РФ в части определения невинности используются различные формулировки, и там, и там предпочтение отдается объективистскому пониманию вины, т.е. основанном на поведении лица.

На практике установление названного условия может быть сопряжено с оценочным характером таких категорий как «разумность» и «добросовестность», наличие (или, напротив, отсутствие) которых ввиду отсутствия каких-либо законодательных критериев фактически зависит лишь от усмотрения суда.

Заключение

На основании вышеизложенного можно заключить, что на основании ст. 61.11 Закона о банкротстве реализация мер субсидиарной ответственности возможна в отношении конкретного лица лишь тогда, когда:

1) доказано наличие у соответствующего лица статуса КДЛ;

2) доказано наличие обязательных условий, к числу которых необходимо относить противоправность поведения, наличие вредных последствий, причинно-следственную связь между ними, а также вину.

Сегодня привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности сопряжено с рядом проблем, обусловленных как несовершенством существующей нормативно-правовой базы, так и формированием зачастую противоположной правоприменительной практики.

Литература

1. Абрамов, С. И. К вопросу о роли правовых презумпций в контексте реформирования института имущественной ответственности при банкротстве / С.И. Абрамов // Право и экономика. – 2019. – № 5 (375). – С. 49–57.
2. Голубцов, В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов / В.Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 48. – С. 248–273.
3. Горбашев, И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ / И.В. Горбашев // Вестник гражданского права. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 154–202.
4. Гутников, О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования / О.В. Гутников // Предпринимательское право. – 2018. – № 1. – С. 48–60.
5. Банкротство в России: статистические показатели за 2023 год [Электронный ресурс] // Федресурс. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce> (дата обращения: 05.04.2024).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрании законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 19.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
8. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17–1801 // Текст определения официально опубликован не был.
9. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4815.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующей

щих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Chetverikov A.M.

Moscow University of Finance and Law MFUA

Object: a comprehensive analysis of the institution of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy. *Methods:* dialectical, logical (including analysis and synthesis, as well as induction and deduction), system-structural, comparative legal, formal legal.

Findings: the study made it possible to determine the main characteristics (criteria) of a person on the basis of which it can be classified as a person controlling the debtor. Also, the conditions are identified and analyzed, the establishment of the presence of which is necessary for the implementation of measures of subsidiary liability in relation to the persons controlling the debtor. *Conclusions:* the conducted research allows us to come to the conclusion that the existing regulatory framework, as well as the law enforcement (primarily judicial) practice formed on its basis, establish criteria that are extremely broad in terms of their content, on the basis of which certain persons are classified as controlling the debtor, and the list of such is extremely extensive. Also, it should be noted that due to the imperfection of the existing regulatory framework in terms of regulating the conditions that must be met in order to bring the persons controlling the debtor to subsidiary liability, the implementation of the provisions of the legal institution under study in practice is associated with some problems.

Keywords: debtor, bankruptcy, person controlling the debtor, subsidiary liability, conditions of subsidiary liability.

References

1. Abramov, S.I. On the role of legal presumptions in the context of reforming the institution of property liability in bankruptcy / S.I. Abramov // Law and Economics. – 2019. – No. 5 (375). – pp. 49–57.
2. Golubtsov, V.G. Subsidiary liability of persons controlling the debtor: the evolution of legislative approaches / V.G. Golubtsov // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2020. – No. 48. – P. 248–273.
3. Gorbachev, I.V. On some substantive and legal aspects of bringing to subsidiary liability in the clarifications of the Armed Forces of the Russian Federation / I.V. Gorbachev // Bulletin of Civil Law. – 2018. – T. 18. – No. 4. – P. 154–202.
4. Gutnikov, O.V. Responsibility of the debtor's manager and other persons in a bankruptcy case: general innovations and shortcomings of legal regulation / O.V. Gutnikov // Entrepreneurial Law. – 2018. – No. 1. – P. 48–60.
5. Bankruptcy in Russia: statistical indicators for 2023 [Electronic resource] // Fedresurs. – Access mode: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce> (access date: 04/05/2024).
6. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collections of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
7. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FL «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended on March 19, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 20, 2017 No. 309-ES17-1801 // The text of the determination was not officially published.
9. Federal Law of July 29, 2017 No. 266-FL «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and the Code of the Russian Federation on Administrative Offences» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 31 (part I). – St. 4815.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 «On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – No. 3.

Чураков Павел Александрович,

аспирант, кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: pchurakov@mail.ru

В статье подробно анализируются ключевые аспекты правового регулирования статуса контролирующего должника лиц (КДЛ) в контексте банкротства. Акцентируется внимание на значимых изменениях, внесенных в законодательство с последними поправками. В статье описывается сложная система правоотношений, связанных с субсидиарной ответственностью КДЛ. Анализируется историческое развитие, законодательное регулирование субсидиарной ответственности и порядок привлечения к ней. Особое внимание уделяется условиям наступления субсидиарной ответственности, классификации ее видов, а также детальному разбору процедурных аспектов в рамках арбитражного процесса. В статье выявляются не только системные связи статусных правоотношений КДЛ с другими видами правоотношений в сфере банкротства, но и предлагаются пути устранения выявленных несоответствий и проблемных аспектов.

Ключевые слова: контролирующее должника лица (КДЛ), субсидиарная ответственность, регулирование статусных правоотношений, законодательная ответственность, порядок привлечения к ответственности, актуальные изменения в законодательстве.

Анализ статуса контролирующего должника лиц (КДЛ) в контексте законодательства о банкротстве начинается с обзора процесса формирования соответствующих нормативных положений, закрепленных в главе III.2 Федерального закона № 127 [1]. Этот процесс отличается продолжительной фазой разработки, начавшейся с инициативы 2014 года, направленной на развитие банкротного законодательства, и завершившейся принятием Федерального закона № 266 в 2017 году [2] (далее – Закон). Инициальные цели данного закона расширились от дополнения механизмов саморегулирования деятельности арбитражных управляющих до введения положений о субинститутной ответственности КДЛ, отраженных в проекте № 1032321–6 [3].

Основные направления изменений в законодательстве касаются условий применения к КДЛ специального вида ответственности, которая предполагается:

1. Признание правовыми нормами особой субсидиарной ответственности при невыполнении должником финансовых обязательств согласно ст. 61.11 [2];
2. Введение ответственности за несвоевременное информирование о признаках банкротства согласно ст. 61.12 [2];
3. Уточнение критериев идентификации КДЛ через спецификацию полномочий и дополнительных требований, установленных в ст. 61.10 и ст. 61.14 [2].

Дополнительно, законодательство предусматривает механизмы привлечения КДЛ к ответственности вне рамок конкурсного производства, а также определяет возможности кредиторов для корректировки иска против КДЛ и проведения примирительных процедур, согласно ст. 61.17 и ст. 61.21 соответственно [2].

Такая многоуровневая структура нормативно-правового регулирования отражает сложность правового положения КДЛ в рамках процессов банкротства, включая не только разнообразие условий их ответственности, но и различные процедурные моменты их привлечения к ответственности. Важной является регламентация взаимодействия между статусными, обязательственными и восстановительными правоотношениями, в которых участвуют КДЛ, а также системные связи между различными категориями нормативных актов.

Необходимо отметить, что в текущем законодательстве наблюдается отсутствие четкой дифференциации норм, регулирующих подготовительные, формальные и практические аспекты взаимодействия с КДЛ, что создает предпосылки для правовой неопределенности. Это подчеркивает значимость последовательного и взаимосвязан-

ного подхода к регулированию статуса КДЛ в контексте судебной практики и дальнейшего совершенствования законодательной базы.

В рамках анализа регулирования статуса контролирующих должника лиц особое внимание заслуживают правовые нормы, урегулированные в статье 61.10 Закона, относящиеся к предварительным условиям статуса КДЛ. Эти условия формируют основу для определения правового положения лиц, обладающих способностью контролировать деятельность компании-должника.

Определение статуса КДЛ начинается с установления основных условий, которые включают юридическую квалификацию как коммерческой организации или физического лица, обладающего правами на управление деятельностью должника. Закон предусматривает временные рамки, в течение которых такие права должны быть реализованы, а также необходимость наличия у КДЛ полномочий, предоставляющих им право влиять на ключевые решения в рамках управления компанией-должником.

Закон детализирует управленческие, документальные, компетентностные и внешние аспекты, связанные с осуществлением предварительных статусных правоотношений. В числе прочего, рассматриваются такие вопросы, как должностное положение КДЛ, их связь с должником посредством документально подтвержденных полномочий и способность к осуществлению значимого влияния на управленческие решения.

Существенную роль в определении статуса КДЛ играют презумпции, установленные законодательством. Они охватывают вопросы корыстного интереса, вытекающего из недобросовестных действий, управленческие полномочия, включая право на назначение ключевых управленцев, а также должностные обязанности, связанные с участием в корпоративном управлении компании-должника.

Закон предусматривает возможность привлечения КДЛ к ответственности на основании не только установленных презумпций, но и иных доказательств их вовлеченности в управление должником, в том числе на основании данных, полученных в ходе проверочной деятельности.

Таким образом, статус КДЛ в законодательстве о банкротстве характеризуется сложным набором условий и требований, учитывающих как формальные аспекты их деятельности, так и фактическое влияние на управление и состояние компании-должника. Особенности этих норм подчеркивают важность тщательного анализа действий и решений КДЛ в контексте процессов банкротства.

В соответствии с положениями пункта 6 статьи 61.10 Закона, установлены специфические ограничения в контексте правового регулирования статусных предварительных правоотношений, вовлекая контролирующих должника лиц (КДЛ). Определение КДЛ основывается на критическом пороге владения долей уставного капитала: субъекты, доля владения которых не превышает 10% и которые извлекают доход от такого владения, не признают-

ся КДЛ. Следовательно, ключевым имущественным критерием для признания статуса КДЛ является владение более чем 10% уставного капитала.

Анализируя статью 61.10 Закона, можно выделить, что особенности правового регулирования КДЛ акцентируются на регламентации прав и обязанностей, условий ответственности и других статусных элементов в рамках статей 61.10–61.12, 61.14, 61.15, 61.17. Такое регулирование носит комплексный характер, охватывая функциональные, управленческие, автономные, презумпционные, альтернативные и ограничительно-имущественные аспекты, указывая на сложность и многогранность статуса КДЛ.

В контексте анализа формальных статусных правоотношений согласно процедурным нормам статей 61.16, 61.18–61.20, 61.22 Закона, особый интерес вызывают положения о специальном порядке рассмотрения арбитражным судом заявлений о субсидиарной ответственности КДЛ. Основанием для такой ответственности, согласно пункту 1 статьи 61.11, служит отсутствие достаточного имущества у должника для покрытия долгов, что аналогично применяется и в контексте пункта 1 статьи 61.19 для инициации субсидиарной ответственности вне банкротного производства.

Особое внимание к статье 61.19 обусловлено механизмом применения субсидиарной ответственности в ситуациях, когда банкротное производство прекращается из-за нехватки средств для оплаты услуг арбитражного управляющего. Особо значимым является обсуждение формальных оснований для привлечения КДЛ к ответственности согласно пункту 1 статьи 61.19, указывающее на комплекс условий, в том числе наличие права на подачу заявления и судебное решение о привлечении к ответственности.

В соответствии с разделением, предусмотренным статьей 61.19 Закона, специальная субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц (КДЛ) в контексте банкротства разделяется на две основные категории. Первая категория касается ситуаций, когда не происходит полного погашения долгов, как это определено в статье 61.11. Вторая категория включает в себя случаи нарушения требований о подаче заявления об утрате платежеспособности, согласно статье 61.12. Следует отметить, что статья 61.19 предусматривает исключение из общих правил, установленных пунктом 3 статьи 399 Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся привлечения должника к субсидиарной ответственности, если компания исключена из Единого государственного реестра юридических лиц в связи с прекращением ее существования.

Анализ статьи 61.19 позволяет обобщить, что правовое регулирование формальных статусных правоотношений КДЛ характеризуется определенным порядком предоставления и документирования полномочий КДЛ. Это регулирование охватывает формальные, компетентностные, преюдициальные, а также проблемные и классификацион-

ные аспекты. Включает в себя субъектные и предметные критерии, системные и ограничительные моменты.

Особое внимание в контексте правового регулирования заслуживает изучение прав, обязанностей, условий ответственности и других элементов статуса КДЛ в рамках статей 61.11–61.13, 61.21 Закона. Эти положения обуславливают материальные основания для наложения субсидиарной ответственности на КДЛ, особенно при неполном погашении кредиторской задолженности, подчеркивая имущественный аспект ответственности.

Статья 61.12 раскрывает процедурные и системные особенности регулирования практических статусных правоотношений КДЛ в сфере субсидиарной ответственности, акцентируя на значении правильного выполнения требований о подаче заявления о несостоятельности. Дополнительно, статья 61.21 устанавливает примирительные процедуры, предусматривающие возможность заключения мирового соглашения о погашении задолженности, что требует единодушного согласия всех участников процесса.

В результате, правовое регулирование статусных правоотношений КДЛ в банкротстве выстраивается через систему материальных норм, обозначая различные аспекты ответственности и предусматривая комплексный подход к оценке имущественного, процедурного, системного и примирительного характера взаимоотношений.

Таким образом, детальный анализ нормативного регулирования подчеркивает значимость классификации субсидиарной ответственности КДЛ и выделяет важность установления взаимосвязей и взаимозависимостей между различными аспектами гражданско-правовых отношений, направленных на достижение справедливого баланса интересов участников банкротного процесса.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Ко-

декс Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.07.2017 (дата обращения: 22.02.2024).

3. Паспорт проекта Федерального закона № 1032321–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части установления административной ответственности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих). [Электронный ресурс], URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1032321–6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1032321-6) (дата обращения: 22.02.2024).

LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF THE HEAD OF THE DEBTOR ORGANIZATION

Churakov P.A.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article analyzes in detail the key aspects of the legal regulation of the status of the debtor's controlling persons (PCD) in the context of bankruptcy. Attention is focused on significant changes made to the legislation with the latest amendments. The article describes a complex system of legal relations related to the subsidiary liability of PCD. The historical development, legislative regulation of subsidiary liability and the procedure for bringing it to justice are analyzed. Special attention is paid to the conditions for the occurrence of subsidiary liability, the classification of its types, as well as a detailed analysis of procedural aspects in the framework of the arbitration process. The article reveals not only the systemic connections of the status legal relations of the PCD with other types of legal relations in the field of bankruptcy, but also suggests ways to eliminate the identified inconsistencies and problematic aspects.

Keywords: Persons controlling the Debtor (PCD), subsidiary liability, regulation of status relations, legislative responsibility, the procedure for bringing to responsibility, current changes in legislation.

References

1. Federal Law No. 127-FZ dated 10/26/2002 (as amended on 12/25/2023) "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. St. 4190.
2. Federal Law No. 266-FZ dated 07/29/2017 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation." [electronic resource]. The official Internet portal of legal information URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.07.2017 (accessed: 02/22/2024).
3. Passport of the draft Federal Law No. 1032321–6 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" (regarding the establishment of administrative responsibility of self-regulating organizations of arbitration managers)". [Electronic resource], URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1032321–6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1032321-6) (date of appeal: 02/22/2024).

Правовая природа принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе

Асанов Владимир Валерьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: wladimir.asanov@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию природы принципа охраны прав и свобод человека и гражданина и его месту в уголовном процессе. Автор обращая внимание на то, что описанные в законе правила несколько сужают место и роль рассматриваемого принципа по сравнению с тем значением, которое принцип имеет фактически. Отмечается, что обязанность защиты прав человека и гражданина пронизывает весь уголовно-процессуальный закон, в связи с чем едва ли следует признать справедливым, что деятельность по охране прав человека и гражданина в уголовном процессе ограничивается лишь теми способами, какими это определено в ст. 11 УПК РФ. Да и сам термин «охрана», используемый законодателем применительно к данному принципу едва ли удачен. Учитывая то значение, которое права человека и гражданина имеют в обществе, требуется более сбалансированный подход к их обеспечению и закреплению в рамках соответствующего принципа уголовного процесса.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, принципы права, уголовный процесс, права человека, права гражданина, верховенство права, судебное разбирательство, предварительное расследование.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина традиционно рассматривается в уголовном процессе в качестве одного из отраслевых принципов. Он сформулирован законодателем в статье 11 УПК посредством описания ряда процессуальных обязанностей отдельных участников уголовного судопроизводства. К их числу относятся, в частности:

1. Обязанность установленных законом лиц разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

2. Обязанность установленных законом лиц предупредить лиц, обладающих свидетельским иммунитетом о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

3. Обязанность установленных законом лиц, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, принять в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

4. Обязанность возместить в установленном порядке вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование.

Подобным образом создаются предпосылки, способствующие возможности реализации вовлеченными в уголовный процесс лицами своих прав и законных интересов в той части, в которой они описаны в рассматриваемой норме.

Правила ст. 11 УПК отображают скорее процессуальные гарантии, которые закон предоставляет указанным в статье лицам. В своё время М.С. Строгович отмечал, что предоставляя лицам определенные права, уголовно-процессуальное право снабжает эти права определенными гарантиями, обеспечивающими их соблюдение и в узком смысле процессуальными гарантиями являются те установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свой права и интересы. [1. С. 12–13.]

Конструкция рассматриваемой презумпции в существующем виде в большей степени побуждает отдельных участников процесса к самозащите прав, что важно, но едва ли должно порождать ограниченное участие полномочных правоохранительных органов в защите таких прав. Самоустранение органов государственной власти и управления от решения подобных задач в рамках уголовного судопроизводства едва ли оправдано, поскольку обязанность защиты прав человека и гражданина является одной из их общих задач как правоохранительных органов. Да и сама по себе функция по защите прав и законных интересов создаёт представление о нужности и социальной направленности их деятельности и тесно связана с принципом публичности.

Неверно было бы утверждать, что закон устраняет суд и органы, осуществляющие уголовное преследование, от обязанности непосредственной защиты прав человека и гражданина. Эту обязанность предполагает сама природа деятельности указанных органов и должностных лиц. В отдельных ситуациях мы и вовсе можем обнаружить в их работе элементы правозащитной деятельности.

В то же время сам по себе принцип охраны прав сформулирован в ст. 11 УПК весьма ограниченным образом. Её положения перечисляют лишь некоторые обязанности участников уголовного процесса, действующих от имени органов государственной власти и управления, которые создают некоторым категориям участвующих в уголовном судопроизводстве граждан, согласно правилам рассматриваемой статьи, потенциальные возможности для защиты ими своих прав и интересов.

С другой стороны не нужно забывать, что нормативная основа регулирования деятельности должностных лиц и органов, участвующих в уголовном судопроизводстве, не ограничена исключительно только упомянутыми положениями УПК. Она охватывает все источники уголовно-процессуального права. В этом случае наблюдается противоречие между правилами ст. 11 УПК и прочими положениями источников уголовно-процессуального права.

Помимо этого, деятельность таких должностных лиц и органов предполагает исполнение ими своих обязанностей в условиях состояния правового государства, а значит, среди прочего, и верховенство закона, как основы их деятельности.

Тем самым, правила ст. 11 УПК не должны вводить в заблуждения относительно реального содержания функций по защите прав человека и гражданина, поскольку фактический объём обязанностей перечисленных в рассматриваемой статье должностных лиц и органов (как, впрочем, и самих прав и свобод, подлежащих защите в уголовном судопроизводстве) многим шире.

Кроме того, если уголовно-процессуальный закон и устанавливает требование разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права и обязанности, то такое правило, скорее всего, следует воспринимать лишь в контексте общих процессуальных функций таких органов и лиц.

Описанный же законодателем подобным образом принцип, едва ли позволяет раскрыть его содержание, поскольку норма не позволяет сформировать универсальное базовое правило. Закон вводит норму, которая хотя и обращает внимание на феномен прав человека и гражданина, но делает это так, что уже формальное соблюдение обязанностей, описанных в ст. 11 УПК, следует расценивать как основополагающую идею, общее начало, объективную закономерность, базовое правило, создающее предпосылки и формирующее надлежащую среду для обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Едва ли такой подход можно признать правильным. Феномен прав человека, как правовой институт, отображает универсальные и свойственные конкретному обществу ценности, которые являются собой те признаваемые в обществе и подлежащие охране потребности индивидов, без которых им невозможно обойтись и без которых их существование в обществе едва ли можно признать нормальным и достойным. Как отмечал А. Маслоу: «Высшие и низшие потребности различаются по своим качествам, но их общность заключается в том, что если мы говорим о фундаментальной природе человека, в перечень потребностей должны быть включены и те и другие. Они не отличаются от человеческой природы и не противостоят — они ее часть». [2. С. 108].

Категория прав человека, как правовая категория призвана, как и прочие социальные нормы, создать такую систему правил, которые позволили бы найти оптимальный баланс между индивидуальными потребностями и возможностями их реализации в условиях взаимодействия и необходимости сосуществования в обществе. Органы государственной власти и управления, равно как и должностные лица таких органов способны не только выступать участником отношений, но и в ряде случаев обязаны принять на себя обязательства защиты прав и поддержания должного порядка в отношениях, особенно когда публичный характер отношений сопряжен с необходимостью ограничений прав индивида и возможными неблагоприятными последствиями для него. В таком случае от указанных органов и должностных лиц ожидается не только «деликатное» поведение, но и действия по защите прав и устранению фактов нарушений прав, как условие поддержания основанного на праве порядка.

Вводимый законодателем в ст. 11 УПК институт охраны прав человека по факту значительно сужает обязанности участников уголовного процесса, реализующих полномочия государственной власти и управления в этой области. Прочие нормы требуют не только формальной охраны отдельных прав в специфических условиях, но и реализации широкого комплекса мероприятий направленных на обеспечение прав человека и гражданина, затрагиваемых в связи с конкретными действиями в рамках уголовного судопроизводства.

Упоминание в конструкции какой-либо нормы института прав человека или конкретной нормы о правах человека и гражданина исключительно посредством констатации правила, закреплённого в Конституции или ином нормативном акте, отнюдь не гарантирует возможности реализации таких прав в полной мере и должным образом. Сущность таких норм в значительной степени отличается от прочих. Зачастую они содержат лишь базовые правила, на основе которых должны создаваться прочие нормы, что хотя и делает их обязательными, но при отсутствии единообразного восприятия в обществе не позволяет не только однозначно применять их, но и гарантировано правильно ситуативно истолковывать, поскольку такие нормы несут в себе не только правовой императив, но и этические категории, равно как и отображают прочие социальные нормы. Они апеллируют, прежде всего, к природе человека, его естественным потребностям, социально значимым морально-этическим императивам, к естественным правам. Говоря об этом Н.М. Коркунов обращал внимание на то, что этическое учение Спинозы, близкое к учению Гоббса, определяя естественное право, исходит из того, естественное право каждого определяется его силой, и, следовательно, естественное право определяется законами природы и если бы природа человека была такова, чтобы он жил, подчиняясь одним предписаниям разума, тогда бы основой естественного права была бы только сила разума, но в действительности люди руководствуются разумом гораздо меньше, чем слепым желанием, поэтому и сила людей, или, что то же самое, их естественное право определяется не разумом, а теми влечениями, которые заставляют их действовать и стараться о самосохранении. [3. с. 153] Разумеется, современное объяснение рассматриваемого феномена может отличаться от приведённого выше. Под сомнение может быть поставлен и сам факт его существования. Однако сложно отрицать что наличие у человека неких потребностей, выраженных у конкретных индивидов в той или иной форме и мере, влияет на избрание им стратегии поведения, которую он будет рассматривать как допустимую и справедливую как по отношению к другим, так и по отношению к себе.

Подобные нормы соотносятся с самими бытийными потребностями индивида, свойственными ему от рождения, а потому зачастую отражаемыми в иных социальных нормах и избираемых им стратегиях поведения. В исследованиях последнего времени отмечается, что «уже довербальные младенцы демонстрируют более глубокое понимание социальных норм, чем предполагалось ранее» [4]. И хотя законодательное закрепление таких норм и выглядит как их признание, в их возникновении воля законодателя вторична, поскольку фактически констатирует лишь факт наличия обязанности у любых государственных институтов защищать такие права. Лишение же индивида подобных прав способно поставить под сомнение в глазах окружающих справедливость подобных действий как и их

соответствие иным социальным нормам, а значит потенциально отнести действия лица, обязанного применять такие нормы, к неправильным, враждебным. Подобные суждения могут участвовать в формировании не только представлений о сути правоохранительной деятельности, но и о месте, роли индивида в мире и степени взаимного влияния друг на друга человека, различных групп и общество в целом, влиять на отношение индивида к государству в целом, участвовать в формировании культурной парадигмы, правовой культуры и правосознания индивидов.

В условиях уголовного судопроизводства, где для целей решения его задач допускаются существенные ограничения прав (например, право на свободу передвижения, неприкосновенность жилища, тайну переписки и т.п.) и возможность возложения обязанностей на отдельных лиц (например, обязанности давать свидетельские показания), можно предположить, что защита прав таких лиц, возложение на некоторых участников правоотношений дополнительных обязанностей (например, казалось бы несвойственных стороне обвинения действий по обеспечению прав подозреваемого, обвиняемого или же, собственно потерпевшего, как и других участников уголовного процесса), как и компенсация неравенства сторон (одним из участников отношений выступает орган государственной власти и его должностное лицо) является важнейшим условием, способствующим восприятию предлагаемой модели правоотношений, как справедливой и удовлетворительной в условиях обеспечения правопорядка и пресечения противоправной деятельности.

Видится немаловажным учитывать и то, что феномен прав человека, порой кажущиеся универсальной категорией, может по-разному восприниматься разными группами и индивидами. Например, применительно к себе, «своим» и другим. Придание нормам характера правового предписания, призвано помочь унифицировать такие нормы, наделив их не только единым и общеобязательным характером, но и в идеале и обеспечить единообразное их толкование. Однако, даже установление охраняемого государством правила не исключает мировоззренческую и ценностную его оценку, где анализу подвергается реальность права и возможность его наличия у данного индивида, что может затруднить использование лицом закреплённого за ним права, выражающего его потребности.

Описывая нормы прав человека, как универсальную для общества категорию, закон должен решить проблему не только защиты прав или условий для их вынужденных ограничений. Как и в иных отраслях, в уголовном судопроизводстве права человека описываются и реализуются, по общему правилу, одинаково для всех участников уголовного процесса. При этом в основу положено такое понимание содержания правоотношений и субъективных прав, которое возникло в стране исторически, составляет его культурную парадигму и свя-

зано с тем опытом, который повлиял на общество, и с теми потребностями, с реализацией которых связано нормальное взаимодействие индивидов в обществе. Однако в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство должно формироваться не только учитывая такие особенности нашего общества, способа построения и характера допустимых в нашей культуре отношений. Свойственные нашему обществу традиции открытости и гостеприимства, привлекло в нашу страну граждан других государств, не только приезжающих в качестве туристов, но и живущих и работающих здесь на длительной основе, или даже получающих гражданство нашей страны в качестве основного или дополнительного. То, каким образом должны выстраиваться уголовно-процессуальные отношения в этой связи, должны ли в отношении иностранных граждан и бипатридов (причём не только иностранных граждан, получивших российское гражданство или ВНЖ, но и граждан России, обладающих двойным гражданством или ВНЖ) вводиться дополнительные правила в связи с такой их особенностью и допустимо ли это с точки зрения соблюдения прав человека, подобный вопрос несомненно требует существенной проработки. Можно лишь заметить, что подобное положение лиц в ряде случаев способно создавать для них дополнительные привилегии, что порождает неравноправный статус, возможность злоупотребления правами и едва ли гарантирует каждому участнику уголовного процесса надлежащую защиту его прав как человека и гражданина. Это вопрос ответ на который необходимо найти в ближайшее время.

Следует обратить внимание и на то, что в условиях одновременной реализации индивидами своих прав, естественно возникает ситуация столкновения субъективных интересов. Это может породить конфликт и небесспорное использование закона, особенно если каждая из сторон преследует достижение приемлемого лишь для неё результата, способом не учитывающим интересы иных лиц. Разумеется предлагаемые законом варианты поведения потенциально способны содействовать преодолению такого конфликта, особенно если участник правоотношений воспринимает предполагаемые модели правоотношений как обеспечивающие его права или права лица, в интересах которого он действует. Вполне однозначны и положения ст. 6 УПК, учитывать которые обязаны все участники уголовного судопроизводства, хотя норма и воспринимается скорее как декларативная, в которой стороны зачастую находят исключительно подтверждение своих интересов, апеллируя лишь к одной из её сторон.

Пытаясь достичь баланса интересов в условиях уголовного судопроизводства, законодатель, помимо прочего, вынужден решить ряд дополнительных задач. Должностные лица органов, осуществляющих уголовное преследование и суд в соответствии с законодательством вправе ограничивать те права лица, которые принято считать основными. Причем ограничения хотя и осущест-

вляются в случаях и на основании процедуры, изложенной в законе, тем не менее в основе решения об ограничении находится субъективная интерпретации ситуации и нормы права, применимой к ней. Предлагаемая законом процедура предоставляет таким участникам уголовного судопроизводства значительные возможности по ограничению предусмотренных конституцией и законом прав, в том числе посредством вмешательства в личную жизнь, применения насилия и т.п. Причиной такого поведения в общем виде является необходимость достижения общественно значимых целей (например, изобличения лица, виновного в совершении преступления и привлечения его к ответственности). Индивидуальной же причиной ограничения служат обязанности лица, чьи права ограничиваются вследствие исполнения им его гражданского долга (например, в случае обязанности давать свидетельские показания), так и субъективные характеристики лица (например, в случае вероятностной возможности противодействия лицу ходу расследования, вследствие чего подлежат применению меры процессуального принуждения). Однако между правом на принуждение, предоставленного одному лицу, действующего от имени официального органа, и лицом, чьи права затрагиваются процедурой уголовного судопроизводства, по сути стоят лишь закон, результаты научения и добрая воля лица, имеющего право прития решения на введение соответствующих ограничений.

Отсутствие в существующих условиях иного удовлетворительного механизма преодоления последствий такого социального явления как преступность, отличного от того, что предполагает осуществление соответствующего направления правоохранительной деятельности способом, описанным в настоящее время в законодательстве, допускающим, хотя и временное, но порой существенное ограничение прав лиц в связи с процедурой раскрытия и расследования преступлений, заставляет не только формулировать закон таким образом, чтобы его положения исключали вовсе или хотя бы предполагали минимальные неблагоприятные последствия в случае вынужденного ограничения прав конкретного человека или групп людей. Взамен такая процедура призвана способствовать обеспечению интересов потерпевшего и общества в целом.

Действуя от имени органов государственной власти и управления лица, призванные защищать интересы граждан, в своей деятельности должны руководствоваться законом. Это не исключает возможности применения такими лицами прочих социальных нормам, включая этику и мораль, что потенциально позволяет решать задачи уголовного судопроизводства с минимальными неблагоприятными последствиями для общества. С другой стороны, такие нормы могут применяться лишь в той мере, в какой они не противоречат положениям закона, поскольку закон может предлагать иную стратегию поведения, отличную от обычной, поощряемой или не возбраняемой группой или обще-

ством. Учитывая природу морали и этики, обеспечивающих групповое сотрудничество, сами по себе они могут не обеспечивать решения тех задач, которые должно осуществить конкретное лицо в условиях конкуренции «правильного» с точки зрения морально-этических норм группы, к которой оно себя относит и положений закона, например, требующих обеспечения и защиты прав другого лица, особенно в условиях возможности применения к такому лицу справедливых, на взгляд лица, применяющего норму, ограничений с точки зрения его морально-этических суждений. Особенно, если свои действия такое лицо может рационализировать, апеллируя к закону. И хотя рассматриваемые ограничения является обычной и вынужденной практикой в правоохранительной деятельности, инструментом обеспечивающим решение задачи уголовного процесса и поддержания определённого порядка в обществе в целом, это делает важным не только содержание закона, но и предъясняет повышенные требования к самой деятельности правоохранительных органов и их сотрудников. Такое требование приобретает особую важность поскольку во взаимоотношения вступают стороны, заранее не равносильные, а значит мы наблюдаем отношения, в которых доминирующая сторона, уверенная в своей правоте и, как правило, в законности своих действий, наделена правом применения насилия по отношению к более слабой стороне. В таком случае помимо качества нормативного акта важным моментом является не только апеллирование к морали, но и организация надлежащей практики исполнения закона, учитывающей механизмы формирования поведения индивидов в подобных условиях. Во многом именно законодатель обязан предложить приемлемые варианты, дав, в том числе, ответ на извечный вопрос *quis custodiet ipsos custodes*. Впрочем, необходимо отдавать себе отчёт в сложности решения такой задачи.

Закрепление в числе основополагающих правил норму об охране прав человека и гражданина в уголовном процессе, требует детального описания и механизмов их исполнения, что позволяет сформировать предпосылки для возникновения необходимых условий, обеспечивающих реализации лицами своих прав. Частью таких условий выступает возложение на правоохранительные органы обязанности защиты и восстановления в пределах своих полномочий прав лиц, если они были нарушены, а равно и надлежащего взаимодействия с лицами в ходе своей деятельности. Очевидно, что фактически объём задач, решаемых в этой связи, значительно шире, чем действия по охране прав, как это описано в ст. 11 УПК. Даже в существующем виде, учитывая иные положения УПК, содержание рассматриваемого принципа уголовного процесса, раскрываемого в соответствии с содержанием ст. 11 УПК, не должно создавать иллюзий относительно реального объёма обязанностей должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование и правосудие в об-

ласти обеспечения прав человека и гражданина, которые фактически возлагаются на них, даже несмотря на столь неудачную формулировку законодателя, или должны быть возложены. Речь не идёт о подмене уголовно-процессуальных функций или следование неприемлемому кому-то мифу о правах человека. Задача рассматриваемого принципа многим шире и важнее, поскольку в конечном итоге его соблюдение позволяет обеспечить благополучие человека и общества. Защита прав человека – это элемент заботы о человеке и его нормальной жизнедеятельности. Действие правоохранительных органов в подобных ситуациях не просто призваны решить задачи связанные с преодолением последствий такого негативного социального феномена, которым является преступность, но и осуществлять в этой связи такое просоциальное поведение, которое позволило рассматривать его как составную часть социально значимого механизма защиты прав и интересов человека и общества в целом, в котором вынужденное ограничение прав рассматривалось бы элементом более сложной системы, обеспечивающей защиту прав человека и гражданина, чем собственно такие ограничения и являются. И здесь, уже в момент создания подобного механизма, для уголовного процесса требуется изначальное установление таких правил и механизмов их применения, которые способствовали бы избранию индивидом такой стратегии поведения, когда лицо, действуя скорее иррационально, рассматривал бы её предпочтительным для себя вариантом поведения, соответствующим условиям, в которых лицо принимает решение, не поощряя его к нарушению закона или манипуляцию им, позволяя в полной мере решать задачи уголовного судопроизводства.

Разумеется, едва ли речь должна идти о возложении на участников уголовного процесса несвойственных им функций. Однако экономя усилия лиц, действующих со стороны государства, закон способен поощрять их отстранённость от потребностей других, с которыми они взаимодействуют, что с одной стороны затрудняет реализацию гражданами своих прав, а с другой затрудняет решение задач, возложенных на должностных лиц и органы, поскольку может поставить под сомнение нормальность любых случаев взаимодействия с ними. Усложняют отношения и то, что они происходят в парадигме власти-подчинения априори предполагающей неравенство сторон, что способно создавать предпосылки для конфликта.

Принципы права, определяющие в том числе и самостоятельные этические основы правоотношений, призваны сформировать не только условия для решения задач уголовного процесса и непредвзятого установления объективной истины по делу, но и для нормального взаимодействия между участниками уголовного процесса, равно как и с лицами не вовлечёнными в процесс, что должно способствовать возникновению предпосылок для преодоления потенциальных конфликтов. Обязанность обеспечения прав человека и гражд-

данина если не уравновесит стороны в правах, то вероятно будет способствовать формированию такой системы отношений, которая компенсировала бы неравенство участников правоотношений в той мере, в какой это дало бы возможность более эффективного и сбалансированного взаимодействия между ними без поощрения возможности злоупотребления правом, что позволило бы сформировать в обществе представление о справедливости процесса, снизив конфликтность процедуры.

Несовершенство закона, его изначальная несправедливость, неоднозначность описываемой процедуры разумеется способны породить неблагоприятные последствия, особенно если не будут учитываться и те искажения, которые могут возникать при его толковании и применении. Любой, самый совершенный закон не учитывающий интересы человека, способен причинять излишние неудобства и страдания. Особенно, если речь идёт об уголовно-процессуальном законе. Важно и то, что интерпретация содержащихся в нём норм способом хотя и внешне законным, в ходе правоприменительной деятельности не всегда позволяет в итоге достичь изначально предполагаемого результата. Причиной последнего может быть не только несовершенство нормы, но и недобросовестность лица, применяющего норму, например, умышленно или нет ставящего под сомнение само право некоторого человека или группы лиц на использование некоего блага, предоставляемого такой нормой, и оправдывающего такие свои действия тем или иным образом. В результате, при внешней законности действий лица, норма не соблюдается должным образом. С другой стороны, изначальная несправедливость норм, возможность для злоупотребления правом, позволяющая в конечном счёте избежать наказания, равно как и предоставление отдельным участникам правоотношений особых, по отношению к остальным, неоправданно больших прав, возложение неоправданно широких полномочий на отдельных участников процесса, отсутствие чёткой регламентации и механизмов компенсации последствий таких полномочий, или, напротив, сокращение полномочий, исключение ожидаемых реакций, ставит под сомнение не только действия лица или сам уголовно-процессуальный закон. Подобное может рассматриваться как нарушение обязанностей в рамках реализации функций государства по защите прав человека и гражданина.

Конструирование отношений в том виде, в каком они позволяли бы решить задачи уголовного процесса, обеспечив при этом соблюдение прав человека и гражданина, должно учитывать и различать не только отдельные элементы правоохранительной деятельности по отдельным её направлениям, в нашем случае осуществляемой в рамках уголовного судопроизводства, но все те отношения, которые возникают в качестве реакции на феномен преступности. Применительно к обеспечению прав человека и гражданина в уголовном процессе, важно не только учитывать то как это

происходит или должно происходить в процессе расследования преступлений или в ходе судебного разбирательства. Учитываться должны все обстоятельства, все полномочия, характер действий правоохранительных органов, как на этапах предшествующих раскрытию и расследованию преступлений, так и в ходе такой деятельности, а равно и на судебных стадиях уголовного процесса и при исполнении приговора, поскольку именно в такой своей совокупности все эти действия обеспечивают реализацию соответствующих функций государства, в том числе по защите прав человека и гражданина. Учитывая необходимость точной и непосредственной конкретизации в законе ожидаемых вариантов поведения должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование и правосудие в рамках уголовно-процессуального закона, необходимо помнить, что эти действия имеют своей конечной целью также и защиту прав человека и гражданина и их восстановление в случае нарушения.

При сохранении тенденций к расширению полномочий правоохранительных органов, важно чтобы оно не создало условий нанесения неоправданного и социально неприемлемого ущерба правам человека, продолжая рассматривать такие права не абстрактно, в качестве конкретной системы прав и порождаемой ими системы отношений и ценностей. Это относится как к правоохранительной деятельности в целом, так и к уголовному судопроизводству в частности. И в этом, в существующем виде, принцип охраны прав человека и гражданина не позволяет гарантированно обеспечить формирование справедливых взаимоотношений их участников, постулируя ограниченность усилий, что заставляет думать о недостаточных компенсационных механизмах закона.

Разумеется, было бы изрядным преувеличением утверждать, что вся система нашего национального законодательства, наделяющая органы государственной власти и управления соответствующими обязанностями для реализации функций государства в рассматриваемой сфере, в том числе в связи с профилактикой и предотвращением преступлений, организацией раскрытия и расследования преступлений, осуществлением правосудия, исполнения наказания, реабилитации и т.п., организована таким образом, что вся такая деятельность априори несёт угрозу нарушения прав и интересов общества и человека. Однако не следует забывать, что её эффективная модель такова, что с какого-то момента требует ограничения излишних полномочий лиц и органов её осуществляющих. Специфика подобной деятельности допускает взаимодействие сторон в условиях строгого доминирования, что предполагает неравенство в отношениях, а значит и потенциально конфликтную ситуацию.

Правоохранительные органы не могут рассматриваться в качестве участника условного противостояния абстрактных «сил добра» против «сил зла», в которой виновные обязаны понести заслу-

женную кару, а невинные – претерпевать необходимые ограничения ради всеобщего блага. И хотя в большей степени их деятельность связана с предотвращением и преодолением последствий нарушений общественного порядка, повсеместное подобное восприятие их работы вероятно свидетельствовало бы не просто о наличии в обществе проблем, но и о возможно существующем социальном конфликте, упущениях, которые привели к такой ситуации, в том числе в работе правоохранительных органов.

Любая стратегия поведения избранная участниками уголовного процесса, если она полностью игнорирует интересы другой стороны, способна провоцировать конфликт, а значит едва ли является безусловно оптимальной. Закон пытается преодолеть такую вероятность. Например, лица, осуществляющие уголовное преследование, как впрочем и суд, действуют в условиях, в которых любое суждение о виновности лица остаётся лишь предположением вплоть до момента вступления в законную силу приговора, а значит любое ограничение прав если и осуществляется, то в отношении человека, чью вину только предстоит установить, что не может не заставлять законодателя проявлять осторожность в части реализации прав подозреваемыми и обвиняемыми. Принцип презумпции невинности призван смягчать преждевременные суждения о вине, предотвратив предвзятость в отношении обвиняемого, обязанность соблюдения всей полноты прав лица, хотя и не предполагает невозможность ограничения прав в уголовном процессе. С другой стороны обвинительный приговор решает вопрос о виновности лица и последствиях такого установления такого факта. Он делает возможным ограничить ряд прав осужденного, однако и он не лишает его прав в целом, а лишь ограничивает их в качестве вынужденной реакции на недопустимое поведение. Подобным образом закон выражает отношение и к произошедшему и определяет пределы реакции на факт совершения преступления, определяя меру возможного и должно. Можно предположить, что даже при наличии подобного указания в законе, игнорирование прав человека и гражданина в целом – это лишь субъективная реакция лица, находящегося в определённой ситуации и действующего в определённой среде. Именно реакция индивида, выполняющего свои обязанности как участника уголовного процесса, прежде чем формальное содержание закона, способна повлиять на восприятие окружающими характера действий, приводящей к конкретным ограничениям прав, свидетельствовать об отрицании базовых потребностей человека, расчеловечивании его, месте человека в условном противостоянии государства и человека. В условиях уголовного судопроизводства, особенно в сравнении с прочими направлениями правоохранительной деятельности, демонстрировать варианты поведения неоправданно ограничивающие права граждан или вовсе нарушающие их, способно поставить под сомнение его законность и просоциальность про-

цедуры. Закон может предлагать варианты защиты от подобного. И чем лучше он это сделает, тем с большей вероятностью уголовное судопроизводство будет рассматриваться как допустимая и социально приемлемая деятельность, обеспечивающая справедливое и неотвратимое наказание виновных. Закон не должен иметь возможность быть истолкован таким образом, чтобы толкующий мог расценить какой-либо его вариант, как поощряющий неправомерное поведение или же, по той же причине, избрания лицом варианта поведения, отличного от ожидаемого законодателем. С другой стороны, закон должен быть способен создавать предпосылки для формирования надлежащей правоприменительной практики, участвуя в создании необходимых условий, способствующих неукоснительному и единообразному его применению, включая условия обеспечивающие контроль и надзор за его применением и обеспечивающие неотвратимость реакции за отступление от его требований. В условиях динамической системы, которой является общество, это требует постоянного контроля за соответствием закона характеру отношений и потенциального ожидания от их содержания, его корректировки, равно как и влияния на фактические отношения в рассматриваемой области, что позволило бы своевременно преодолевать возникающие негативные последствия, придавать им или сохранять за ними общественно полезный характер. При этом сбалансированный механизмы защиты прав человека и гражданина, обеспечивающий справедливое соблюдение интересов всех участников уголовного процесса, позволило бы также подчеркивать просоциальность и общественную полезность таких действий.

Ограничение прав в процессе раскрытия и расследования преступлений мера вынужденная и, к сожалению, необходимая. Лица, обеспечивающие правопорядок в обществе должны иметь возможность осуществления своевременных, эффективных и необходимых действий для решения тех задач, которые стоят перед ними. Однако ни задачи, которые стоят перед участниками уголовного судопроизводства, ни права, которыми они наделены для этих целей, ни их субъективное представление об осуществляемой ими деятельности, их месте в системе таких отношений не должны допускать искажения фактической сути таких действий, влиять на их объективность, порождать предвзятости, неверную оценку этими лицами своей роли и решаемых ими задач. Процедура, описываемая уголовно-процессуальным законом, должна не только исключать влияние когнитивных искажений при принятии любых решений любым участником отношений, возникающим в связи с уголовным судопроизводством, но создавать предпосылки для исключения любой возможности проявления искажений.

Задача уголовно-процессуального закона должна состоять не в облегчении работы какой-либо из сторон уголовного процесса. Сама уголовно-процессуальная процедура предполагающая воз-

ложение на сторону обвинения или суд дополнительных, казалось бы не свойственных ей, на первый взгляд, обязанностей, включая задачу охраны, или, шире, обеспечения прав человека и гражданина, ориентирована, в конечном счёте, на достижение объективной истины и поддержание правопорядка в обществе. Логика закона имеет своей целью установить лицо, виновное в совершении преступления, решить задачи уголовного судопроизводства и поддерживать в обществе сбалансированные отношения. Принимаемые меры, ограничивающие права человека, должны быть вынужденными, достаточными и справедливыми в глазах общества и поддаваться постоянному контролю.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина напоминает нам о том, что лежит в основе уголовного судопроизводства, какие задачи должны быть решены, на что должна ориентироваться деятельность лиц вовлечённых в уголовный процесс, насколько важно взаимодействие с людьми, важна защита их прав и свобод. Вопрос в том, что мы готовы видеть в уголовном судопроизводстве: схватку с преступником, карающий меч правосудия или стремление к справедливости и защите человека. Любой формулируемый каждым из нас взгляд на уголовный процесс способен повлиять на содержание процедуры. Можем ли мы добиться справедливости если нам будет безразличен сам человек, его права? Наша природная сущность, наша принадлежность к определённой культуре, наше воспитание, среда в которой мы находимся и, как результат, наш образ мыслей, всё это лежит в основе нашей картины мира. Принципы права, отображая окружающий нас мир и моделируя в связи с этим определённую среду, в которой должны действовать участники правоотношений, призваны корректировать наше поведение. Они потенциально способны сделать это если вводимые ими правила будут для нас естественны или очевидно выгодны, либо если игнорирование таких правил повлечёт для индивида ощутимые неблагоприятные последствия. Права человека и гражданина, как базовые правила, лежат в основе всех правоотношений, будучи нормами, отображающими свойственные человеку потребности. Они влияют на формирование социальной системы и той среды, которая характеризует эту систему. Права человека и гражданина являются и правилами, определяющими право и влияют на его содержание в целом. Задача принципа охраны прав человека и гражданина в уголовном процессе только на первый взгляд ограничивается положениями ст. 11 УПК. В своей основе данный принцип призван привнести в уголовный процесс определённые ценностные правила, побудить лицо следовать таким правилам ради своих интересов и интересов

общества. Это весьма сложная задача. Разумеется её решение требует не бессмысленных ритуальных повторений важности защиты прав. Оно имеет большое практическое значение и ту же основу. Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном праве видны очевидные результаты работы в этом направлении, потребность в постоянной балансировке всей системы уголовно-процессуального права с точки зрения обеспечения прав человека и гражданина должна сохраняться постоянно. И для этого требуется усилия не только законодателей или юристов, но и всего общества.

Литература

1. Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1941.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2011.
3. Коркунов Н.М. История философии права. – М., 2011. – С. 153.
4. Köster, M., Hepach, R. Preverbal infants' understanding of social norms. *Sci Rep* 14, 2983 (2024). <https://doi.org/10.1038/s41598-024-53110-3>. – Электронное издание. – [дата обращения 04.04.2024]

THE LEGAL NATURE OF THE PRINCIPLE OF PROTECTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Asanov V.V.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the nature of the principle of protection of human and civil rights and freedoms and its place in criminal proceedings. The author draws attention to the fact that the rules described in the law somewhat narrow the place and role of the principle in question compared to the meaning that the principle actually has. It is noted that the duty to protect human and civil rights permeates the entire criminal procedure law, and therefore it should hardly be recognized as fair that activities to protect human and civil rights in criminal proceedings are limited only in the ways as defined in Art. 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. And the very term "security" used by the legislator in relation to this principle is hardly successful. Given the importance of human and civil rights in society, a more balanced approach is required to their implementation and consolidation within the framework of the relevant principle of criminal procedure.

Keywords: principles of criminal procedure, principles of law, criminal process, human rights, civil rights, rule of law, trial, preliminary investigation.

References

1. Strogovich M.S. Criminal procedure. – Moscow, 1941.
2. Maslow A. Motivation and personality. 3rd ed. St. Petersburg: Peter, 2011.
3. Korkunov N.M. History of the philosophy of law. – Moscow, 2011. – P. 153.
4. Köster, M., Hepach, R. Preverbal infants' understanding of social norms. *Sci Rep* 14, 2983 (2024). <https://doi.org/10.1038/s41598-024-53110-3>. – Electronic edition. – Date of appeal 04.04.2024

Проблемы правового регулирования территориальной и персональной подсудности дел, поступающих в суды в рамках судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ

Васягина Марина Михайловна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Саранске
E-mail: wasjagina_mm@mail.ru;

Шигуров Александр Викторович,

канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Саранске
E-mail: arshigurov@mail.ru;

В статье рассмотрены недостатки правового регулирования подсудности дел, поступающих в суды в порядке ст. 165 УПК РФ. Проведенное исследование, в том числе с учетом решений Конституционного Суда РФ, позволило предложить следующую формулировку территориальной подсудности: «по месту нахождения органа предварительного расследования (в случае необходимости производства следственного действия в другом месте – по месту производства следственного действия)». По мнению авторов нуждаются в уточнении и нормы о персональной подсудности данной категории дел. Для того, чтобы привести ч. 2 ст. 165 УПК РФ в соответствие с требованиями законодательства о военных судах России авторы предлагают закрепить в ч. 2 ст. 165 УПК РФ норму о том, что ходатайство подлежит рассмотрению единолично судьей гарнизонного военного суда, если оно возбуждено должностным лицом органа расследования в ВС РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба, военных следственных органов по делам, подсудным военным судам, или единолично судьей районного суда, если ходатайство возбуждено должностными лицами иных органов предварительного расследования.

Ключевые слова: судебный контроль, подсудность, ходатайство, следственное действие, суд, территориальная подсудность, персональная подсудность.

Важным направлением деятельности суда на досудебном производстве является дача разрешения следователю и (или) дознавателю на производство следственных и иных процессуальных действий [1, С. 1105; 2, С. 157], в порядке, установленном ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – УПК РФ). По данным Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ по Республике Мордовия за 2023 г. суды общей юрисдикции рассмотрели 2258 ходатайств лиц, ведущих производство по уголовному делу, о производстве следственных и иных процессуальных действий. При этом 96,4% ходатайств суды удовлетворили, 3% отклонили и по 0,3% ходатайств было принято решение об их отзыве, возвращении следователям, направлении по подсудности или производство было прекращено без рассмотрения по существу [4]. Доля удовлетворенных ходатайств несколько выше, чем средние показатели по Российской Федерации за 2022 г. – 95,5% (за 2023 г. данные на момент написания статьи не опубликованы), при этом следователи в Мордовии реже допускают ошибки в определении подсудности или оформлении документов, что требует возвращения или прекращения производства по ходатайству: общероссийский показатель равен 2,4%.

Обязательным условием законности судебного контроля является соблюдение правил подсудности [5, С. 24; 6, С. 125; 7, С. 93]. Рассмотрим в данной статье актуальные проблемы правового регулирования территориальной и персональной подсудности данной категории дел, поступающих в суды в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

В соответствии с ч. 2 ст. 165 УПК РФ территориальная подсудность данной категории дел определяется местом производства предварительного следствия или местом производства следственного действия [8, С. 66]. На наш взгляд формулировки данной нормы должны быть уточнены.

Во-первых, неудачным представляется использование словосочетания «предварительное следствие». Как указано в ч. 1 ст. 165 УПК РФ полномочиями по возбуждению перед судом ходатайства о производстве следственного или иного процессуального действия наделены не только следователи, но и дознаватели [9, С. 27; 10, С. 79]. В связи с этим, в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 рассматриваемый критерий подсудности уже раскрывается следующим образом: «по месту производства пред-

варительного расследования» [11]. Полагаем, что и формулировка Пленума Верховного Суда РФ необоснованно сужает сферу применения данной формы судебно-контрольного производства. Важно учесть, что ряд следственных и иных процессуальных действий, требующих принятия судом решения в порядке ст. 165 УПК РФ, совершается в стадии возбуждения уголовного дела, например, осмотр жилища (в случае его проведения без согласия проживающих там лиц), осмотр служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, если там обнаружены признаки совершения преступления (ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ) и др. Таким образом, правила подсудности необходимо отредактировать таким образом, чтоб они регулировали распределение между судами полномочий по рассмотрению в порядке ст. 165 УПК РФ ходатайств, заявленных в стадии возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, правомерность использования в рассматриваемой норме формулировки «по месту производства предварительного следствия» вызывает сомнения еще и потому, что существуют межрайонные следственные органы, юрисдикция которых охватывает собой территорию нескольких административных районов и, соответственно, следователи таких органов с точки зрения закона могут подавать ходатайства в любой из районных судов данных районов. Данная проблема была рассмотрена высшим органом конституционного контроля в Постановления от 20 июля 2012 г. № 20-П применительно к подсудности жалоб, поступающих в районные суды в порядке ст. 125 УПК РФ. Высший орган конституционного контроля признал, что в данной ситуации норма создает неопределенность в вопросах подсудности: жалоба может быть подана как по месту совершения преступления, так и по месту расположения межрайонного следственного органа.

С учетом позиции Конституционного Суда РФ территориальная подсудность жалоб в ст. 125 УПК РФ была переформулирована: теперь там используются два критерия: место совершения преступления и место нахождения органа расследования (данный критерий применяется, если место производства расследования определено по правилам ч. 2–6 ст. 152 УПК РФ).

Учитывая неудобство в использовании первого критерия (место преступления на начальных этапах доследственной проверки и предварительного расследования может быть еще точно не установлено) и необходимость исключения двусмысленности и произвольности норм о подсудности, использовать в качестве основного критерия территориальной подсудности ходатайств, поданных в порядке ст. 165 УПК РФ, место нахождения органа предварительного расследования. Такая новелла, во-первых, будет удобна самим органам предварительного расследования, во-вторых, исключает неопределенность даже в ситуации, когда расследование осуществляется межрайонным следственным органом.

Второй критерий определения территориальной подсудности («место производства следственного действия») также целесообразно сохранить. Однако, во избежание произвольности определения подсудности необходимо добавить условие применения данного критерия: «в случае необходимости производства следственных действий в другом месте». Таким образом, общую формулировку территориальной подсудности правильнее определить следующим образом: «по месту нахождения органа предварительного расследования (в случае необходимости производства следственного действия в другом месте – по месту производства следственного действия)».

Персональная подсудность ходатайств, поданных следователем, дознавателем в соответствии со ст. 165 УПК РФ, прямо не урегулирована. Закон лишь указывает, что ходатайство о производстве следственного действия рассматривается судьей районного или военного суда соответствующего уровня [12, С. 47]. Мы видим здесь следующие проблемы правового регулирования.

Во-первых, некорректным является указание в рассматриваемой норме на целую группу военных судов, уполномоченную рассмотреть ходатайства, без конкретизации правил распределения данной категории дел между ними. Данный пробел устраняет ч. 3 ст. 33 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», где принятие решений о производстве следственных и иных процессуальных действий отнесено к подсудности гарнизонного военного суда [13]. Для приведения ч. 2 ст. 165 УПК РФ в соответствие с требованиями данного Федерального конституционного закона фразу «или военного суда соответствующего уровня» необходимо заменить на «или гарнизонным военным судом».

Во-вторых, вопросы распределения ходатайств между гарнизонным военным и районным судом также нуждаются в дополнительном правовом регулировании. Полномочия военных судов по санкционированию следственных действий и рассмотрению жалоб на решения, действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, определяются сразу тремя нормами.

А) В ч. 9 ст. 31 УПК РФ полномочия по принятию данных решений отнесены к подсудности «районного суда и военного суда соответствующего уровня» [3].

Б) В ч. 6.1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ закреплено полномочие военных судов принимать решения, предусмотренные в ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, в том числе санкционировать следственные действия, «по делам, отнесенным к их подсудности» [13].

В) В ч. 3 ст. 22 вышеуказанного Федерального конституционного закона указано право гарнизонного военного суда принимать данные решения «по делам, отнесенным к его подсудности» [13].

Даже взаимосвязанное толкование данных норм не дает однозначного ответа на вопрос о том,

каковы правила распределения рассматриваемой категории дел в системе военных судов, поскольку словосочетания «суд соответствующего уровня», «по делам, отнесенным к их/его подсудности» дают основания для двоякого понимания их смысла.

Первое толкование может заключаться в том, что подсудность данных категорий дел соответствует подсудности уголовного дела, по которому возбуждено ходатайство или подана жалоба.

Второе толкование заключается в отнесении к подсудности гарнизонного военного суда всех ходатайств о санкционировании следственных и иных процессуальных действий и жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ, на досудебном производстве по делам, подсудным военным судам. Именно такая позиция поддерживается Верховным Судом РФ и легла в основу сложившейся правоприменительной практики. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [14] судьи Верховного Суда РФ дали разъяснение, включающее в себя два критерия отнесения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ к подсудности гарнизонного военного суда: во-первых, это перечень должностных лиц и органов, уполномоченных вести производство по уголовным делам в отношении военнослужащих, чьи решения, действия или бездействие было предметом жалобы, во-вторых, само дело (в данном случае очевидно, что речь идет об уголовном деле), по которому подана жалоба, должно быть подсудно военному суду.

Полагаем, что разработанные Пленумом Верховного Суда РФ критерии подсудности должны найти отражение в законодательстве. Применительно к подсудности ходатайство, возбуждаемых перед судом в порядке ст. 165 УПК РФ, предлагаем закрепить в ч. 2 данной статьи норму о том, что данное ходатайство подлежит рассмотрению единолично судьей гарнизонного военного суда, если оно возбуждено должностным лицом органа расследования в ВС РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба, военных следственных органов по делам, подсудным военным судам, или единолично судьей районного суда, если ходатайство возбуждено должностными лицами иных органов предварительного расследования.

В завершение отметим, что отсутствие четких норм, определяющих критерии подсудности военным судам ходатайств о производстве следственного действия, и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по данным вопросам приводит к ошибкам в правоприменительной практике.

Так, например, постановлением судьи гарнизонного военного суда было удовлетворено ходатайство следователя-криминалиста одно из территориальных военного следственных отделов СК РФ о наложении ареста на имущество Ф. Данное решение было обжаловано в апелляционную инстанцию, поскольку Ф. не является военнослужажим

и гражданином, проходящим военные сборы, в связи, чем ходатайство следователя о наложении ареста на его имущество не подсудно Ревтовскому гарнизонному военному суду. Несмотря на данные доводы 2-го Западный окружной военный суд постановлением от 07 декабря 2021 г. пришел к выводу об отсутствии нарушений УПК РФ. В обоснование данного вывода в решении приведены следующие юридически значимые для решения вопроса о подсудности обстоятельства: уголовное дело расследовалось следователем военного следственного органа в отношении лица, принятого на работу в казённое предприятие, которое находится в ведении Министерства обороны РФ и полномочия собственника имущества которого осуществляются Министерством обороны РФ, при этом обвиняется в совершении преступления с причинением ущерба указанному ведомству при строительстве объекта Министерства обороны РФ и на территории, принадлежащей данному ведомству [15].

В другом деле также защита безуспешно обжаловала решение 235 гарнизонного военного суда, которым было удовлетворено ходатайство старшего следователя-криминалиста военного следственного отдела СК РФ о разрешении получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в рамках предварительного следствия по уголовному делу. Позиция адвоката заключалась в том, что были нарушены правила подсудности, поскольку подозреваемый Ф. не является военнослужащим. Апелляционная инстанция отвергла данный довод, указав, что подсудность уголовных дел определяется на стадии направления дела в суд для разрешения его по существу [16].

Полагаем, что данные постановления должны быть отменены вышестоящей инстанцией в связи с необоснованностью и мотивированностью решения вопросов подсудности дел военным судам. Даже если в деле имелись какие-то дополнительные обстоятельства, оправдывающие отнесение дел к подсудности военных судов, они должны были быть изложены в тексте судебного решения.

Литература

1. Рябина Т.К. Роль судебной власти в трансформации соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 4. С. 1105–1121.
2. Подольный Н.А., Коваль Е.А. Концептуализация принципа справедливости в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6 (17). С. 157–164.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Районные суды. Отчет о работе по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [Электронный ресурс]. URL: <http://usd.mor.sudrf.ru/>

modules.php? name=stat&id=1203 (по состоянию на 21.03.2024)

5. Кондрашин П.В., Попова Е.И. Право на законный суд в уголовном судопроизводстве России: теория и практика: монография. Красноярск, 2023. 162 с.
6. Конин В.В., Сидоренко Е.В., Суханкина Л.И. Процессуальное значение объяснений судей и пояснений присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 125–138.
7. Кудрявцева А.В., Петров А.В., Конин В.В. Подсудность по уголовным делам и материалам уголовного судопроизводства: проблемные вопросы // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 93–103.
8. Стельмах В.Ю. Подсудность при осуществлении судебного контроля в уголовном процессе // Уголовное право. 2023. № 8 (156). С. 66–79.
9. Матюшкина А.В., Айзятова Л.Ф. Психологические основы расследования преступлений: учебное пособие. Саранск, 2021. 114 с.
10. Подольный Н.А., Кулешова Г.П., Коваль Е.А., Матюшкина А.В., Подольная Н.Н. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты: коллективная монография. Москва, 2020. 208 с.
11. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Российская газета. 2017. 9 июня.
12. Шигурова Е.И. О роли председательствующего в судебном заседании в уголовном судопроизводстве // Социальные нормы и практики. 2023. № 2 (8). С. 47–53.
13. О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.
14. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 // Рос. газ. 2009. 18 февраля.
15. Апелляционное постановление 2-го Западного окружного военного суда от 07.12.2021 г. по делу № 22К-650/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/327171832/paragraph/23/doclist/1182/4/0/0> (по состоянию на 21.03.2024).
16. Апелляционное постановление 2-го Западного окружного военного суда от 24.03.2023 г. по делу № 22К-143/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/333669527/paragraph/12/doclist/1182/2/0/0> (по состоянию на 21.03.2024).

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL AND PERSONAL JURISDICTION OF CASES SUBMITTED TO THE COURTS WITHIN THE FRAMEWORK OF JUDICIAL CONTROL IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 165 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vasyagina M.V., Shigurov A.V.

Central Volga Institute (branch) of the Federal state budgetary educational institution of higher education «all-Russian state University of justice» (RPA of the Ministry of justice) in the city of Saransk

The article examines the shortcomings of the legal regulation of the jurisdiction of cases submitted to the courts in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The analysis carried out, including taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, allowed us to propose the following formulation of territorial jurisdiction: “at the location of the preliminary investigation body (if it is necessary to carry out an investigative action in another place – at the place of production of the investigative action).” According to the authors, the norms on the personal jurisdiction of this category of cases also need to be clarified. To bring part 2 of art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in accordance with the requirements of the Federal Constitutional Law “On Military Courts of the Russian Federation”, the authors propose to fix in Part 2 of art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the norm that the petition is subject to consideration solely by a judge of the garrison military court, if it is initiated by an official of the investigative body in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies in which military service is provided, military investigative bodies in cases under the jurisdiction of military courts, or solely by a judge of the district court, if the petition initiated by officials of other preliminary investigation bodies.

Keywords: judicial control, jurisdiction, petition, investigative action, court, territorial jurisdiction, personal jurisdiction.

References

1. Ryabinina T.K. The role of the judiciary in the transformation of the ratio of public and private interests in criminal proceedings in Russia // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2023. Vol. 14. No. 4. pp. 1105–1121.
2. Podolny N.A., Koval E.A. Conceptualization of the principle of justice in criminal proceedings // Library of criminalist. Scientific journal. 2014. No. 6 (17). pp. 157–164.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 12/18/2001 // SZ RF. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
4. District courts. Report on the work on the consideration of criminal cases in the first instance [Electronic resource]. URL: <http://usd.mor.sudrf.ru/modules.php? name=stat&id=1203> (as of 03/21/2024)
5. Kondrashin P.V., Popova E.I. The right to a lawful court in criminal proceedings in Russia: theory and practice: monograph. Krasnoyarsk, 2023. 162 p.
6. Konin V.V., Sidorenko E.V., Sukhankina L.I. Procedural significance of explanations of judges and explanations of jurors in criminal proceedings // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law. 2023. Vol. 13. No. 2. pp. 125–138.
7. Kudryavtseva A.V., Petrov A.V., Konin V.V. Jurisdiction in criminal cases and materials of criminal proceedings: problematic issues // Russian justice. 2023. No. 1. pp. 93–103.
8. Stelmakh V. Yu. Jurisdiction in the exercise of judicial control in criminal proceedings // Criminal law. 2023. No. 8 (156). pp. 66–79.
9. Matyushkina A.V., Aizatova L.F. Psychological foundations of crime investigation: a textbook. Saransk, 2021. 114 p.
10. Podolny N.A., Kuleshova G.P., Koval E.A., Matyushkina A.V., Podolnaya N.N. Iatrogenic crimes: criminal law, criminological and criminalistic aspects: a collective monograph. Moscow, 2020. 208 p.
11. On the practice of consideration by courts of petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens (Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the

- Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2017 No. 19 // Rossiyskaya gazeta. 2017. June 9th.
12. Shigurova E.I. On the role of the chairman of the court session in criminal proceedings // Social norms and practices. 2023. No. 2 (8). pp. 47–53.
 13. On Military Courts of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 06/23/1999 // SZ RF. 1999. No. 26. St. 3170.
 14. On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 02/10/2009 // Russian Gas. 2009. February 18.
 15. The appeal decision of the 2nd Western District Military Court dated 07.12.2021 in case No. 22K-650/2021 [Electronic resource]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/327171832/paragraph/23/doclist/1182/4/0/0> (as of 03/21/2024).
 16. The appeal decision of the 2nd Western District Military Court dated 03/24/2023 in case No. 22K-143/2023 [Electronic resource]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/333669527/paragraph/12/doclist/1182/2/0/0> (as of 03/21/2024).

К вопросу о противодействии радикализму, терроризму и экстремизму в рамках СНГ

Давлетгараев Юрис Нафкатович,

аспирант кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева
E-mail: yu12ris@yandex.ru

В статье рассматривается понятие, сущность и соотношение таких негативных мировых явлений, как радикализм, терроризм и экстремизм. Необходимо отметить, что опасность радикальной идеологии не ограничивается только внутренними последствиями. Она также может иметь глобальные последствия, так как террористические организации могут действовать за пределами своей страны и угрожать международной безопасности.

Изучаются нормы, которые направлены на противодействие возникновения и развития обозначенных выше явлений как на международном, так и на национальных уровнях различных государств – участников такой международной межправительственной организации региональной направленности как СНГ. Рассматриваются программы и акты ММПО, направленные на противодействие обозначенным отрицательным явлениям. Также автором выявляются предпосылки возникновения данных негативных явлений. Предлагаются способы и методы для минимизации возникновения и распространения радикализма, терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: радикализм, терроризм, экстремизм, соотношение, противодействие.

В современном мире специфической особенностью активного развития мирового сообщества во всех аспектах, стало проявление радикализма, экстремизма, а в самом тяжелом случае и терроризма. Несмотря на то, что государства мирового сообщества пытаются противостоять данным явлениям посредством принятия различных международных норм императивного характера как на универсальном, так и на региональном уровне, а также с помощью имплементации этих норм во внутригосударственное право, им все еще не удалось окончательно искоренить идеологию радикализма, экстремизма и терроризма в их различных формах и проявлениях.

Необходимо отметить, что названные выше отрицательные явления распространены не только на территории РФ, но и во всем мире. По словам А.К. Абдиной, «на сложность и непредсказуемость религиозного вопроса указывает и неоднозначный резонанс, вызванный принятым законопроектом «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [6]. Актуальность законопроекта диктуется, прежде всего, желанием оградить государство от религиозного экстремизма и терроризма, захлестнувшего весь мир» [7, с. 169]. Такой закон в свое время приняли на территории Республики Казахстан для поддержания единства и толерантности среди граждан. Похожий закон принят и в РФ, а именно «О свободе совести и о религиозных объединениях» [5], который закрепляет права и свободу совести и вероисповедания индивида.

На сегодняшний день для многих государств, в том числе для участников региональной международной межправительственной организации СНГ [1] остается актуальным вопрос о создании унифицированных стандартов и механизмов, направленных на предупреждение и противодействие развитию идеологии радикализма, экстремизма и терроризма. В силу того, что между государствами – участниками обозначенной выше ММПО открыты границы для осуществления быстрого и благоприятного сотрудничества, при этом «возрастает риск чрезмерного притока в страну криминальных и экстремистских элементов под видом рабочей силы, к появлению новых нетрадиционных угроз безопасности для государств – членов» [9, с. 58].

Для применения эффективных и всесторонних мер, направленных на минимизацию и борьбу с различными видами экстремизма и терроризма, изначально необходимо выявить первичные детерминанты их возникновения.

При проведении анализа становления и развития идеологии радикализма, а также отрицатель-

ных настроений направленных на совершение действий экстремистского и террористического характера многими учеными был выявлен тот факт, что-идеологические, социально-экономические, политические, мировоззренческие и межнациональные разногласия или даже усиливающаяся нестабильность и разлад в социуме могут спровоцировать развитие негативных настроений.

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует унифицированная терминологическая база, которая закрепила бы единые определения для терминов «радикализм», «терроризм» и «экстремизм». По словам Е.К. Кузьминой и Э.Ю. Латыповой, «четкий понятийный аппарат представляет собой инструмент, необходимый для эффективного выполнения принятых на государственном уровне решений, направленных на борьбу с терроризмом» [8].

При этом, большинство отечественных ученых придерживаются мнения о том, что радикализм включает в себя поведение, основанное на проявлении признаков утопизма и революционизма [11, с. 258]. А идеологии радикализма могут быть подвержены многие социальные группы, объединённые по различным признакам и основаниям.

Автор полагает, что радикализм обуславливается стремлением к разрешению назревших в обществе проблем в различных областях. С помощью применения радикальных мер индивиды надеются изменить существующее положение в государстве без проведения диалога и не демонстрируя гуманности.

Отметим, что учёные рассматривают радикализм и экстремизм как явления, которые отличаются друг от друга определёнными характеристиками. Можно сказать, что они схожи, но при этом у каждого из них своя специфика. К примеру, радикализм проявляется по большей мере в сфере идей, а экстремизм проявляется в сфере активных действий. На самом деле, большое количество исследователей и практикующих политиков, считают, что необходимо рассматривать экстремизм как перечень определённых противоправных деяний.

Необходимо отметить, что опасность радикальной идеологии не ограничивается только внутренними последствиями. Она также может иметь глобальные последствия, так как террористические организации могут действовать за пределами своей страны и угрожать международной безопасности. Это подчеркивает важность сотрудничества и координации между странами в борьбе с терроризмом и радикализацией.

Многие страны в мире принимают национальные законы, направленные на борьбу с терроризмом. Однако, несмотря на это, в международном праве до сих пор не существует единого и унифицированного определения терроризма. Различные международные источники содержат определения отдельных видов незаконных действий, которые подпадают под понятие терроризма, но при этом не предоставляют общего определения самого терроризма и террористических актов. Это созда-

ет определенные сложности при принятии единой стратегии и международных мер по борьбе с этой угрозой. Необходимо разработать общепринятые и четкие определения терроризма и террористических актов, чтобы обеспечить единый подход и согласованное действие всех стран в борьбе с этой опасностью [2].

Так как в процессе распространения идеологии радикализма прослеживается становление террора, необходимо изучить различные его виды. Выделяют легальный радикализм, ограничивающийся определенными идеями и нелегальный радикализм, который перерождается в экстремизм и терроризм.

Российские ученые С.Ф. Самойлов и Н.Н. Насиров провели исследование, в результате которого было выявлено, что существует два типа радикализма – социальный и политический. Социальный радикализм подразумевает приоритет интересов определенного социального сообщества перед интересами всего общества. В то время как политический радикализм связан с борьбой за государственную власть [11].

Детерминантами радикализма могут быть не только внешние факторы, такие как социально-экономическая, политическая и иная сфера, но и субъективные мировоззрения индивида, которые, по его мнению, несут угрозу и отрицательный характер. Радикализм зарождается благодаря неспособности поменять существующее ситуацию демократическими способами, а также в неприятии государственных систем. Неготовность господствующих элит результативно разрешить созревшие проблемы, которыми остаются недовольными граждане этих государств.

Опираясь на слова отечественного учёного Ю.Н. Полтавской можно подтвердить тот факт, что основой для зарождения явления радикализма является неудовлетворенность результативностью государственного аппарата, но при этом это не объясняет обширное распространение радикальной идеологии [10].

Отметим, что на сегодняшний день в целях противодействия распространению радикализма, экстремизма и терроризма многие страны, в том числе государства – участники СНГ проводят процедуры, способствующие гармонизации и унификации внутригосударственного законодательства. К примеру, в 2006 году были приняты региональные акты СНГ, а именно «Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом» [4], в которых закреплены нормы о принципах, целях и задачах гармонизации и унификации национального законодательства стран – участниц, а также рассматриваются пути решения радикализации и проявления экстремизма и терроризма.

Например, в 2022 году страны СНГ одобрили программу «Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы» [3], благодаря

которой сформировался комплекс мер по борьбе с экстремизмом, терроризмом и иными их насильственными проявлениями.

Меры противодействия радикализму, экстремизму и терроризму будут разработаны в следующих направлениях: проведение организационно – правовых мероприятий, разработка организационно – практических мероприятий, обеспечение информационно – аналитического и научного обеспечения, усовершенствование механизма контроля, улучшение кадровой политики и др.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что для того, чтобы осуществлять своевременное и эффективное противостояние обозначенным выше явлениям необходимо изначально укоренить толерантность среди граждан каждого государства, поддерживать межнациональный, межкультурный диалог в социуме. Кроме того, радикальная идеология может привести к нарушению прав человека и ограничению свободы выражения. Террористические организации часто используют насилие и устрашение для подавления критики и мнений, не соответствующих их идеологии. Это создает угрозу для демократических ценностей и свободного общества.

Только при осуществлении полноценного и комплексного подхода, который будет в себе сочетать изучение таких негативных явлений как радикализм, экстремизм и терроризм, повышение качества и уровня жизни населения, обеспечение всестороннего диалога, проводимого на разных уровнях, поможет минимизировать их проявление.

Литература

1. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 04 июня 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 22. – 2006. – Ст. 2291.
2. Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма от 05 октября 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 24. – 2010. – Ст. 2940.
3. Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы от 14 октября 2022 года. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.cisatc.org/109777897.pdf> (Дата доступа: 30.03.2024).
4. Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – № 39. – Часть 1. – 2007.
5. Федеральный закон от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ (ред. от 02 ноября 2023) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Со-

брани законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

6. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03 сентября 2023 г.) // «Казахстанская правда» от 15 октября 2011 г. № 330–331 (26721–26722); Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2011. – № 17 (2594). – ст. 135.
7. Абдина, А. К. О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана /А. К. Абдина // Социол. альм. – 2012. – Вып. 3. – С. 163–173.
8. Кузьмина Е. К., Латыпова Э.Ю. Современное понимание терминов «террор» и «терроризм» //Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика. – 2015. – С. 55–56.
9. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: первые итоги интеграционных процессов / Г.И. Осадчая // Социол. альм. – 2017. – Вып. 8. – С. 49–62.
10. Полтавская, Ю.Н. Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы / Ю.Н. Полтавская // Изв. Саратовского ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2012. – Т. 12, вып. 2. – С. 104–107.
11. Самойлов, С. Ф. К проблеме различения понятий социального и политического радикализма / С.Ф. Самойлов, М.Н. Насиров // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 2. – С. 13–17.

ON THE ISSUE OF COUNTERING RADICALISM, TERRORISM AND EXTREMISM WITHIN THE CIS

Davletgaraev Ju.N.

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The article examines the concept, essence and correlation of such negative global phenomena as radicalism, terrorism and extremism. It should be noted that the danger of radical ideology is not limited only to internal consequences. It can also have global consequences, as terrorist organizations can operate outside their country and threaten international security.

The norms are being studied, which are aimed at countering the emergence and development of the above-mentioned phenomena both at the international and national levels of various member states of such an international intergovernmental organization of a regional orientation as the CIS. The programs and acts of the MMPO aimed at countering the indicated negative phenomena are considered.

The author also identifies the prerequisites for the occurrence of these negative phenomena. Methods and techniques are proposed to minimize the emergence and spread of radicalism, terrorism and extremism.

Keywords: radicalism, terrorism, extremism, correlation, counteraction.

References

1. Treaty on Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in the fight against terrorism dated June 04, 1999 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – No. 22. – 2006. – Article 2291.
2. Treaty of the Member States of the Commonwealth of Independent States on Countering the legalization (laundering) of criminal proceeds and the Financing of Terrorism of October 05, 2007 //

- Collection of legislation of the Russian Federation. – No. 24. – 2010. – Article 2940.
3. The Program of cooperation of the CIS member states in the fight against terrorism and extremism for 2023–2025 dated October 14, 2022. // [Electronic resource] URL: <https://www.cisatc.org/109777897.pdf> (Access date: 30.03.2024).
 4. Recommendations on the unification and harmonization of the national legislation of the CIS member States in the field of combating terrorism // Newsletter of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. – No. 39. – Part 1. – 2007.
 5. Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 (as amended on November 02, 2023) “On Freedom of Conscience and on Religious Associations” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 39. – Article 4465.
 6. Law of the Republic of Kazakhstan dated October 11, 2011 No. 483-IV “On Religious activities and religious Associations” (with amendments and additions as of September 03, 2023) // Kazhstanskaya Pravda dated October 15, 2011 No. 330–331 (26721–26722); Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. – 2011. – № 17 (2594). – V. 135.
 7. Abdina, A.K. On the national and state identity of Belarus and Kazakhstan /A. K. Abdina // Sociol. alm. – 2012. – Issue 3. – pp. 163–173.
 8. Kuzmina E. K., Latypova E.Y. Modern understanding of the terms “terror” and “terrorism” //Actual problems of legal science: theory and practice. – 2015. – pp. 55–56.
 9. Osadchaya G.I. The Eurasian Economic Union: the first results of integration processes / G.I. Osadchaya // Sociol. alm. – 2017. – Issue 8. – pp. 49–62.
 10. Poltavskaya, Yu.N. Radicalism and extremism in modern Russia: political meanings / Yu.N. Poltavskaya // Izv. Saratov University. Ser. Sociology. Political science. – 2012. – Vol. 12, issue 2. – pp. 104–107.
 11. Samoilov, S.F. On the problem of distinguishing the concepts of social and political radicalism / S.F. Samoilov, M.N. Nasirov // Society: politics, economics, law. – 2016. – No. 2. – pp. 13–17.

Феноменология финансовых пирамид в уголовно-правовом аспекте: объект преступления

Дерябин Александр Сергеевич,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина.
E-mail: alexander.deryabin@mail.ru

С учетом потенциального масштаба деятельности и размера ущерба, проблема финансовых пирамид представляет собой угрозу не только государственному, но и мировому порядку финансов и инвестиций. Данное исследование направлено на изучение объекта преступления, связанного с финансовыми пирамидами, что позволит разграничить данный состав преступления с составом мошенничества. В статье анализируется социально-правовое содержание объекта преступления статьи 1722 УК РФ, раскрываются общественно опасные последствия посягательства на данный объект в различных аспектах. Автор делает вывод об исключительно высокой степени общественной опасности преступления путем создания финансовых пирамид, которая указывает на цель криминализации деяния по статье 1722 УК РФ – пресечение особо опасного деяния на стадии приготовления к преступлению.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, объект финансовых пирамид, разграничение финансовых пирамид и мошенничества, глобальные и национальные угрозы финансовых пирамид.

Ущерб от преступления, обуславливаемый объектом преступления – самый весомый из пяти элементов, составляющих общественную опасность преступного деяния [1]. Правильное понимание объекта преступления, предусмотренного ст. 1722 УК РФ, не только позволяет отграничить это преступление от мошенничества, но и обосновать высокую значимость пресечения преступной деятельности, связанной с организацией финансовых пирамид, на ранних стадиях, что детерминирует цель криминализации этого деяния.

Понять содержание и смысл нормы об организации финансовых пирамид без доли научного скепсиса и открытости к новым идеям представляется затруднительным. В таком случае мы будем оценивать ситуацию сквозь призму доктрины уголовного права прошлых лет, которая по большей части основана на социалистическом правосознании и быте социалистического государства, где данного явления не существовало, а значит нет ни инструментов, ни опыта борьбы с таким феноменом общественных отношений [2]. Положение дел, при котором мы уравниваем финансовые пирамиды с мошенничеством и отказываемся от переосмысления старой правовой доктрины – это не только противоречит предназначению юридической науки и здравому научному сомнению, но занятие опасное и безответственное, которое влечет отсутствие должной правовой защиты законных интересов граждан, общества и государства. Пробел в законе означает низкое качество закона и служит основанием его изменения.

Уголовно-правовая охрана инвестиций обусловлена самой сущностью капитализма. Для более глубокого понимания общественных отношений, которые защищает статья 1722 УК РФ, будет уместным осветить рассматриваемые отношения, двигаясь от абстрактного и междисциплинарного к более предметному и специальному.

В первую очередь необходимо обратиться к одной из основных концепций в сравнительной политической экономии, именуемой как «школа разнообразия капитализма», авторами которой являются П. Холл и Д. Соскис. В их труде «Разнообразие капитализма» (Variety of Capitalism) [3] рыночная экономика анализируется сквозь призму микро – и макроэкономического аспектов. Это проявляется как в анализе институтов и их роли в национальной экономике, так и в способах функционирования фирмы. В вышеупомянутом труде выделяются две формы рыночного капитализма: либеральная и координируемая рыночная экономика. Одной из категорий, которые выделяет методология

социально-экономической компаративистики для разграничения форм капитализма, выступает способ финансирования фирмы, который может представлять собой финансирование путем банковского капитала, либо за счет собственных средств, либо путем фондового рынка и привлечения инвестиций. Как способ финансирования фондовый рынок и инвестиции занимают преобладающее положение в либеральной рыночной экономике, примером таковой служит США. Банковское финансирование преобладает в координируемой рыночной экономике, например, в Германии. Собственное финансирование фирм преобладает в Италии. Несмотря на доминирование банковского финансирования в модели капитализма, существующей в Российской Федерации, нельзя забывать о сильных сторонах развития рынка инвестиций, которые раскрываются в данной статье путем движения от обратного: освещения негативных последствий нарушения здорового функционирования инвестиционных отношений.

Посягательство на общественные отношения, связанные со сферой инвестиций, порождает ряд последствий, одним из которых являются системные риски, включающие в себя ущерб экономике, гражданам страны, а также всему общественному и государственному порядку как следствие. Одним из примеров подобного посягательства служит румынская финансовая пирамида «Каритас» [4], которая предлагала депозиты на срок 3 месяца под 800% годовых. Под лозунгом помощи в преодолении трудностей, связанных с переходом от централизованной экономики к рыночной [5], данная организация привлекла одну треть денежных средств внутреннего оборота Румынии.

Немецкие исследователи не раз отмечали незначительность фактора размера и развитости экономики, как определяющего устойчивость таковой к последствиям краха финансовых пирамид: ущерб может быть колоссальным как для развивающихся, так и для развитых экономик [6]. Падение доверия к рынку инвестиций – не менее значимое общественно опасное последствие организации финансовых пирамид. Уровень доверия к рынку – это важный финансовый индикатор, который носит количественный характер и служит непосредственным катализатором финансового рынка, а также фактором, влияющим на поведение игроков: выше доверие – больше инвестиций, рынок и экономика растут. На защиту доверия к инвестициям, стабильности рынка направлены не только ст. 1722 УК РФ, но и ст. 185, предусматривающая ответственность за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, ст. 1851 – за злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, ст. 1856 – за неправомерное использование инсайдерской информации, ст. 1853 – за манипулирование рынком, ст. 2003 – за незаконное привлечение средств на долевого строительство, ст. 1852 – за нарушение порядка учета прав на ценные бумаги, статья 1854 – за вос-

препятствование прав владельцев ценных бумаг, статья 1855 за фальсификация решений хозяйственных обществ, а также нормы иных отраслей прав, обеспечивающие доступ потенциальных инвесторов к достоверной информации о ценных бумагах и их эмитентах. Будет уместным вспомнить о словах Алана Гринспена, который более 18 лет, с 1987 по 2006 годы, возглавлял Совет управляющих Федерального резервного системы США: «Наша рыночная система в определяющей степени зависит от доверия к словам наших коллег и тех, с кем мы ведем бизнес» [7].

Само доверие к инвестициям напрямую должно быть связано с отношением к таковому, как к инструменту консолидации общественного капитала для достижения хозяйственных целей. К слову, акционерное общество в том числе служит для подобных целей. Примером обратной ситуации является восприятие инвестиций, как инструмента наживы и спекуляции, что некогда было в Албании, когда почти каждый потерял на инвестициях значительный размер средств, что привело к критическому падению доверия населения к политической системе наряду с обанкротившейся финансовой системой страны [8].

Смежным фактором с фактором доверия и безопасности инвестиций, но все же заслуживающим отдельного освещения, является качество уголовного закона, своевременное выявление инвестиционных преступлений и их расследование, а также возможные механизмы компенсации ущерба от финансовых пирамид, например, институт реституции. Данные показатели рознятся в зависимости от страны, таким образом лучшее качество законов и их исполнение напрямую способствует привлечению новых инвесторов, причем не только отечественных, но и иностранных. Результатом такого притока может быть рост экономики [9].

Важно обратить внимание на качество противодействия преступлениям, связанным с финансовыми пирамидами, которое связано с уровнем развития экономики. Высокий уровень развития рынка обычно коррелирует с высоким уровнем борьбы с преступностью в сфере инвестиций [10].

Эта взаимосвязь прослеживается, к примеру, в США, где защите рынка инвестиций уделяется особое внимание еще со времен Великой депрессии. Для этого в 1934 году была создана Комиссия по ценным бумагам и биржам, обеспечивающая прозрачность рынка и выявление преступного манипулирования рынком, инсайдерской торговли, финансовых пирамид и иных преступлений на рынке инвестиций на ранних стадиях, пока «мыльный пузырь» не раздулся и ущерб не повлек широкий общественный резонанс, ослабление экономики и государства в целом.

Когда речь идет о безопасности инвестиций, следует подчеркнуть, что она направлена в значительной степени на «розничных инвесторов», которыми являются самостоятельные физические лица или небольшие игроки. Это обуславливается тем, что инвесторы больших компаний и иные вли-

ятельные игроки рынка инвестиций ввиду своего образования, специальной психологической подготовки и опыта в обсуждаемой области с меньшей степенью попадутся на уловки финансовых пирамид, а соответственно уровень инвестиционного мошенничества на их поведение будет влиять незначительно. Отсюда следует, что одной из целей уголовно-правовой защиты рынка инвестиций – это обеспечение режима, при котором создаются благоприятные условия для привлечения капитала широких масс населения.

Доверие к самим компаниям со стороны инвесторов – это второй важный аспект, на который влияет уровень инвестиционного мошенничества. Даже если дилетант в сфере инвестиций и решит инвестировать в какую-либо компанию, при высоком уровне инвестиционного мошенничества он с меньшей вероятностью вложит средства в развивающийся бизнес, безопасней вложить в компании-гиганты. Цель правовой защиты в том числе состоит и в создании условий, при которых капитал привлекается в том числе малыми и средними предприятиями.

Объект правовой охраны статьи 1722 УК РФ в глобальном понимании включает себя и обеспечение безопасности в рамках общественных отношений, связанных с международными инвестициями. Безопасность вложений в этом случае должна рассматриваться в аспекте защиты граждан РФ от преступной деятельности глобальных финансовых пирамид, включая венчурные инвестиции, а также в аспекте обеспечения защиты иностранных вложений в российские проекты. Последнее напрямую связано с целями устойчивого развития и переходом к «зеленой экономике», что неизбежно будет оказывать одну из решающих ролей в трансформации экономики, финансовых рынков и инвестиционного процесса. Построение «зеленой экономики» невозможно без распределения капитала в экологически чистые сектора экономики и проекты. Подобное движение капитала не останется без внимания злоумышленников, которые начнут создавать финансовые пирамиды под видом «зеленых предприятий», отсюда необходимость выявления, пресечения и предупреждения подобных преступлений – один из ключевых факторов роста экономики, особенно в условиях трансформации международного порядка. Об этом также упоминается в различных зарубежных источниках, как о проблеме, блокирующей зеленые инвестиции в ту или иную страну [11].

Рассмотрев существенные свойства объекта поступления, предусмотренного ст. 1722 УК РФ, нельзя не признать, что данная норма защищает не только вкладчика от потенциального ущерба, она способствует прибыльности инвестиций, их безопасности, поддерживает доверие к самому рынку инвестиций, через который бизнес получает необходимые денежные ресурсы. Ненадежность инвестиций закономерно приведет к оттоку капитала из страны или к его консолидации у населения без возможности использования в разви-

тии экономики, что ослабит позиции российского бизнеса, а в следствии этого и государства за счет недостаточного финансирования.

Литература

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юридический фак. – 2-изд., стереотип. – Москва: Статут, 2014. – 879 с.
2. Клепицкий, И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 984 с
3. Vari Hall P.A., Soskice D. (2001), *Varieties of Capitalism*, Oxford University Press, Oxford 2001, 570 p.
4. Ratherine Verdery. Faith, Hope, and Caritas in the Land of Pyramids: Romania, 1990 to 1994, 37 *COMPARATIVE STUDIES IN SOCIETY AND HISTORY* 625, 630 (2009). [электронный ресурс: <https://www.cambridge.org/core/journals/comparative-studies-in-society-and-history/article/abs/faith-hope-and-caritas-in-the-land-of-the-pyramids-romania-1990-to-1994/D5C3CA9EB-C09554EE76B04BCBAC3893D> дата обращения: 10.04.2024].
5. Ileana M. Smeureanu & Florentin Giurgea, *Enforcement of Contracts in Romania*; Stefan Messmann & Tibor Tajiti (eds.), *The case law of central and eastern Europe – enforcement of contracts*, (European University Press, Bochum- Germany, 2009), vol. II, footnote No. 1, с. 680.
6. Robert Kilian, *On the Criminalization of Ponzi Schemes' The Madoff Case According to German Competition and Capital Markets Crime*, 10 *Onlinezeitschrift fir H6chstrichterliche Rechtsprechung Zum Strafrecht* 285–90 (2009). [электронный ресурс: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/archiv/ausgaben,2009.html> дата обращения: 10.04.2024]
7. R. William Ide III & Douglas H. Yarn, *Public Independent Fact-Finding: A Trust-Generating Institution for an Age of Corporate Illegitimacy and Public Mistrust*, 56 *Vand. L. Rev.* 1113 (2003) [электронный ресурс: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1761&context=vlr> дата обращения: 11.03.2024].
8. Arnisa Gorezi & Evgjeni Bashari, *Enforcement of Contracts in Albania Overcoming Dilemmas in an Emerging Market*, in Messmann & Tajiti, *Case law of central and eastern Europe: enforcement of contracts* 52 et seq. (European University Press, Bochum 2009).
9. Ajit Singh, *Competition and Competition Policy in Emerging Markets: International and Developmental Dimensions*, united nations conference on trade and development G-24 discussion paper series 3(2002).
10. Theobald Francis Kipilimba, *Effect of pyramid schemes to the Economy of the Country – Case of Tanzania*, *international journal of humanities and management sciences* 23–4 (2017).

11. Force for good «Capital as a Force for Good: The Solutions to the SDG Gap», с 123.) [электронный ресурс: <https://www.forcegood.org/capital-as-force-for-good> дата обращения: 13.03.2024]

PHENOMENOLOGY OF FINANCIAL PYRAMIDS IN ITS CRIMINAL ASPECT: THE OBJECT OF THE CRIME

Deryabin A.S.

Kutafin Moscow State Law University

Taking into account the potential scale of activity and the amount of damage, the problem of financial pyramids poses a threat not only to the state, but also to the global finance and investment order. The purpose of this study is to examine the object of felony related to financial pyramids, which will make it possible to distinguish this crime from frauds. The object of the crime is considered in the socio-legal context, the harmful consequences of this crime are considered in different aspects. The author concludes that there is a high degree of public danger in the creation of financial pyramids, which justifies the establishment of punishment for such activities. Law-makers have constructed this crime as conduct crime, it allows to stop dangerous behavior before its harmful result occur.

Keywords: financial pyramids, the object of financial pyramids, distinction between financial pyramids and fraud, global and national threats of financial pyramids.

References

1. Criminal Law of the Russian Federation. General part: a textbook for universities / ed. by V. V. S.C. Komissarov N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova; Lomonosov Moscow State University, Law Faculty. M.V. Lomonosov Moscow State University, Law Faculty. – 2 ed., stereotype. – Moscow: Statute, 2014. – 879 p.
2. Klepitskij, I.A. New economic criminal law: a monograph. – Moscow: Prospect, 2021. – 984 p.
3. Vari Hall P.A., Soskice D. (2001), Varieties of Capitalism, Oxford University Press, Oxford 2001, 570 p.
4. Ratherine Verdery. Faith, Hope, and Caritas in the Land of Pyramids: Romania, 1990 to 1994, 37 *COMPARATIVE STUDIES IN SOCIETY AND HISTORY* 625, 630 (2009). [accessed 10 February 2024 <https://www.cambridge.org/core/journals/comparative-studies-in-society-and-history/article/abs/faith-hope-and-caritas-in-the-land-of-the-pyramids-romania-1990-to-1994/D5C3CA9EBC09554EE76B04BCBAC3893D>].
5. Ileana M. Smeureanu & Florentin Giurgea, Enforcement of Contracts in Romania; Stefan Messmann & Tibor Tajti (eds.), The case law of central and eastern Europe – enforcement of contracts, (European University Press, Bochum- Germany, 2009), vol. II, footnote No. 1, c. 680.
6. Robert Kilian, On the Criminalization of Ponzi Schemes' The Madoff Case According to German Competition and Capital Markets Crime, 10 *Onlinezeitschrift für Höchstgerichtliche Rechtsprechung Zum Strafrecht* 285–90 (2009). [accessed 10 February 2024 <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/archiv/ausgaben,2009.html>]
7. R. William Ide III & Douglas H. Yarn, Public Independent Fact-Finding: A Trust-Generating Institution for an Age of Corporate Illegitimacy and Public Mistrust, 56 *Vand. L. Rev.* 1113 (2003) [accessed 10 February 2024 <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1761&context=vlr>].
8. Arnisa Gorezi & Evgjeni Bashari, Enforcement of Contracts in Albania Overcoming Dilemmas in an Emerging Market, in Messmann & Tajti, Case law of central and eastern Europe: enforcement of contracts 52 et seq. (European University Press, Bochum 2009).
9. Ajit Singh, Competition and Competition Policy in Emerging Markets: International and Developmental Dimensions, united nations conference on trade and development G-24 discussion paper series 3(2002).
10. Theobald Francis Kipilimba, Effect of pyramid schemes to the Economy of the Country – Case of Tanzania, *international journal of humanities and management sciences* 23–4 (2017).
11. Force for good «Capital as a Force for Good: The Solutions to the SDG Gap», с 123.) [accessed 13 March 2024 <https://www.forcegood.org/capital-as-force-for-good>]

Национализация, конфискация и государственное рейдерство: уголовно-правовые аспекты разграничения

Дорошенко Даниил Валерьевич,

соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: daniil.doroshenko.97@mail.ru

Научная статья направлена на исследование уголовно-правовых аспектов проводимой российским государством в последние годы целенаправленной правовой политики по изъятию в собственность Российской Федерации активов крупных предпринимателей.

Отдельному критическому анализу подвергнуты новеллы уголовного закона, касающиеся оснований применения конфискации имущества. По мнению автора, содержащиеся в них оценочные категории допускают широкое толкование, что может иметь своим следствием ущемление имущественных прав значительного числа граждан.

Выделены критерии юридической оценки изъятия имущества у прежнего собственника: законность (или же незаконность) изъятия имущества; судьба изъятых имущества. Исходя из этого предложены следующие варианты юридической оценки: квазинационализация; преступление коррупционной направленности; преступление против государственной службы; государственное рейдерство.

Особо подчеркнуты существенные признаки рейдерских посягательств, состоящие в их целевой направленности и ненасильственном способе совершения. В этой связи в научной статье предложено различать собственно рейдерские преступления и, тесно связанные с ними и имеющие вспомогательный характер, коррупционные и общеуголовные преступления.

Автор усматривает недостаток действующего уголовного закона в отсутствии отдельной статьи, посвященной рейдерству. Обозначены дальнейшие перспективы исследования данной проблематики, связанные с выработкой научно обоснованных предложений по криминализации рейдерства с учётом современных угроз и тенденций развития социальных отношений.

Ключевые слова: рейдерство, рейдерский захват, государственное рейдерство, конфискация имущества, национализация, способ совершения преступления, преступления коррупционной направленности.

В первой половине 2024 г. Генеральная прокуратура РФ и Федеральная служба судебных приставов РФ заявили судебные требования о передаче в государственную собственность значительных по стоимости активов, принадлежащих целому ряду российских компаний и частных лиц. В числе наиболее известных кейсов последнего времени:

- иски в отношении компаний А. Хотина и А. Клячина, на балансе которых находится более 1,5 млн кв.м. недвижимости в г. Москве, включая Four Seasons Hotel Moscow на ул. Охотный Ряд и крупные столичные бизнес-центры [см.: 10];
- иски в отношении компании «Сибэко» (крупнейшего предприятия Сибири, которое занимается реализацией тепловой и электрической энергии), компании «Метафракс Кемикалс» (одного из крупнейших производителей формалина и метанола), автодилерской группы «Рольф», крупнейшего в России производителя макаронных изделий АО «Макфа» и др. Всего за последние два года инициировано несколько десятков производств о передаче в собственность российского государства активов крупных российских компаний [см.: 5].

Иски инициируются по основаниям, связанным с уклонением от уплаты налогов, незаконным обогащением, а также нарушением требований и ограничений антикоррупционного законодательства, прежде всего, Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Так, например, в собственность государства были переданы активы Крупнейшего производителя вина «Кубань-Вино» [см.: 7].

Отдельную категорию дел составляют иски о признании незаконной ранее проведённой приватизации. Такой иск в феврале 2024 г. был направлен Генпрокуратурой РФ в отношении Ивановского завода тяжелого станкостроения (ИЗТС). Также следует упомянуть иск в отношении промышленной группы Челябинского электрометаллургического комбината, ЧЭМК (в состав которой, помимо названного предприятия, входят АО «Серовский завод ферросплавов» и АО «Кузнецкие ферросплавы») [см.: 5].

И.А. Трунов справедливо указывает на то, что «районные суды проявляют к такому истцу сверхлояльность» [9, с. 120]. В абсолютном большинстве случаев заявленные иски сопровождается уголовным преследованием владельцев истребуемого в государственную собственность имущества.

Представляется возможным утверждать, что в последние годы российским государством проводится целенаправленная правовая политика по изъятию в собственность Российской Федерации активов крупных российских предпринимателей по названным основаниям, по сути представляющая собой квазинационализацию. Учитывая высокую социальную значимость данного процесса, в каждом случае обращения имущества в собственность государства прозрачность правовых процедур должна тщательно проверяться не только средствами судебного и ведомственного контроля и надзора, но и становиться предметом пристального внимания со стороны гражданского общества.

В контексте рассматриваемой проблематики внимания заслуживает и обновлённая Федеральным законом от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» редакция ст. 104.1 УК РФ.

П. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ дополнен положением, предусматривающим конфискацию имущества, полученного в результате совершения предусмотренных статьями 207.3 и 280.4 УК РФ преступлений из корыстных побуждений.

Также может быть конфисковано имущество, используемое или предназначенное для деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Таковой, в соответствии с примечанием к анализируемой статье уголовного закона, признаётся совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 189, 200.1, 209, 210, 222–223.1, 226, 226.1, 229.1, 274.1, 275–276, 281–281.3, 283, 283.1, 284.1, 284.3, 290, 291, 322, 322.1, 323, 332, 338, 355–357, 359.

Как сказано в пояснительной записке к проекту федерального закона от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ, новый механизм конфискации имущества имеет своей целью пресечение финансирования деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Реализация Федерального закона, по мысли его разработчиков, «направлена на упреждение и пресечение преступной деятельности, осуществляемой в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства».

Основание, предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, видится логичным и нареканий не вызывает. Разумеется, если оставлять за скобками вопрос социально-правовой обоснованности криминализации деяний, предусмотренных статьями 207.3 и 280.4 УК РФ. Так, например, в случае, если лицо, руководствуясь корыстными побуждениями, публично распространяло заведомо ложную информацию об использовании российских Вооруженных Сил или же публично призывало к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, и получило за совершение преступления деньги, ценности

или же иное имущество, вполне закономерно, что такое вознаграждение должно быть конфисковано. Во-первых, это отвечает закреплённому в ст. 6 УК РФ принципу справедливости, то есть соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Речь в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ идёт о корыстно мотивированных преступлениях, предусмотренных статьями 207.3 и 280.4 УК РФ. Соответственно, конфискация полученного в результате их совершения имущества нивелирует саму цель, которую виновный преследовал, решаясь на преступление. Во-вторых, и это следует из предыдущего тезиса, реализация заложенного в анализируемом положении п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ потенциала способствует решению задачи предупреждения преступлений (ст. 2 УК РФ). И третий, представляющийся весьма значимым аспект, состоит в однозначности модернизированной формулировки п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Для конфискации имущества по рассматриваемым основаниям, необходимо доказать виновность лица в совершении предусмотренных ст. 207.3 или же ст. 280.4 УК РФ посягательств, а также то, что оно руководствовалось корыстными побуждениями. Конфискации подлежит лишь то имущество, которое было получено виновным в результате совершения преступлений.

Далеко не столь однозначно прописана формулировка п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, которая содержит оценочные категории. Как было отмечено, в качестве деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, расценивается совершение хотя бы одного из упомянутых в примечании к ст. 104.1 УК РФ преступлений. Однако, какое именно имущество следует считать используемым или же предназначенным для названной деятельности и, в силу этого, подлежащим конфискации, законодатель не конкретизирует. Так, например, можно смоделировать следующую ситуацию. Собственник промышленного холдинга предоставляет получаемые от его работы средства на совершение предусмотренного ч. 2 ст. 284.1 УК РФ преступления. Возникает вопрос: какое именно принадлежащее такому лицу имущество, и в каком объёме, подлежит конфискации?

Критерий «используемости» имущества для деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, применим к имуществу, непосредственно выступившему «орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления» (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»). Вместе с тем, и здесь имеется некоторый простор для широкого толкования: можно ли считать использованием в преступных целях и подлежащим конфискации имущество, доходы с которого позволяют лицу жить за пределами Российской Федерации и осуществлять деятельность, направленную против её безопасности?

Ещё большие сложности несёт в себе критерий «предназначенности» имущества для указанных целей. Речь идёт об имуществе, которое ещё не было использовано для преступной деятельности, но лицо имело намерения его использования в таких целях.

Согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ, объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Следовательно, в качестве предназначенного для осуществления деятельности, предусмотренной примечанием к ст. 104.1 УК РФ, должно рассматриваться имущество, выступившее орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления на стадиях приготовления к преступлению и покушения на преступление. Это вполне применимо, к примеру, к посягательствам, предусмотренным статьями 189, 200.1, 226.1 УК РФ.

Также следует обратить внимание на то, что законодатель весьма широко трактует понятие деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. В частности, в закреплённом примечанием к ст. 104.1 УК РФ перечень включены такие преступления, как неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ) и дезертирство (ст. 338 УК РФ). Так, диспозиция последней из названных статей, в совокупности с п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, может быть истолкована весьма широко. Уголовный закон в действующей редакции даёт основания для конфискации принадлежащих виновному транспортного средства и жилого помещения, которые были им использованы для самовольного оставления части в целях уклонения от прохождения военной службы.

Тем самым, вольная трактовка правоприменителями новелл ст. 104.1 УК РФ вполне может привести к тому, что правовой инструмент конфискации имущества будет использоваться для де факто национализации активов, принадлежащих нелояльным российскому государству предпринимателям, а также, в целом, ущемления имущественных прав значительного числа граждан. Думается, что такое предположение далеко небеспочвенно.

Принципиальное решение обозначенной проблемы видится в пересмотре рассматриваемого законодательного решения как неверного и распространения меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества лишь на преступления, совершаемые по корыстным мотивам. В обозримом будущем реализация этого предложения маловероятна, в связи с чем следует рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ дополнить постановление от 14 июня 2018 г. № 17 разъяснениями относительно недопустимости широкой трактовки положений ст. 104.1 УК РФ.

Для юридической оценки того или иного события в качестве государственного рейдерства значимыми представляются два критерия. Первый, и самый главный, состоит в законности (или же незаконности) изъятия имущества у прежнего собственника. О рейдерстве можно говорить лишь в тех случаях, когда имеет место незаконное установление кон-

троля над деятельностью и активами юридического лица. Второй критерий касается судьбы изъятого имущества – переходит ли оно в собственность Российской Федерации, либо же государство выступает лишь промежуточным звеном в процессе передачи имущества конечным выгодоприобретателям – частным лицам и аффилированным с ними компаниям. Иными словами, возможны следующие варианты юридической оценки:

- квазинационализация, когда имущество изымается на законных основаниях, с соблюдением установленной правовой процедуры и поступает на баланс Росимущества;
- преступление коррупционной направленности, когда имущество изымается на законных основаниях, с соблюдением установленной правовой процедуры, но конечным бенефициаром является не Российская Федерация, а государственные служащие и связанные с ними лица – подобные деяния, в зависимости от обстоятельств дела, подлежат квалификации по статьям 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ и иным статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности. По верному замечанию И.А. Трунова, «если отобрать у одних людей на местах и передать другим руками Генеральной прокуратуры под эгидой борьбы с коррупцией, с учётом большого количества нарушений закона, возможна отмена решений и вероятность движения по кругу с ухудшающейся производительностью» [9, с. 126];
- преступление против государственной службы, когда имущество передаётся в собственность Российской Федерации без законных оснований и с нарушением установленной правовой процедуры – подобные деяния должностных лиц, совершаемые из ложно понимаемых интересов службы и иной личной заинтересованности, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, подлежат уголовно-правовой квалификации по статьям 285, 285.3, 292 УК РФ. Также не исключена квалификация по ст. 169 УК РФ, которая, как представляется, ошибочно помещена законодателем в Главу 22 уголовного закона. В пользу этого говорит то, что ст. 169 УК РФ является специальной по отношению к ст. 285 УК РФ, поэтому логичнее было бы её размещение в Главе 30 кодекса [см.: 3, с. 268];
- государственное рейдерство, когда изъятие имущества является незаконным и осуществляется с использованием властного административного ресурса, задействованного недобросовестными должностными лицами государственных органов в интересах рейдеров. Для описания государственного рейдерства также применим термин «административное рейдерство» [11, с. 19]. Деятельность конечных выгодоприобретателей от реализации рассматриваемых преступных схем подлежит квалификации в качестве преступлений в сфере

предпринимательской деятельности – в зависимости от обстоятельств дела, в частности, по статьям 170.1, ч. 3 ст. 185.2, 185.4, 185.5 УК РФ.

Необходимо особо подчеркнуть сущностный признак рейдерских посягательств, состоящий в ненасильственном способе их совершения. В этом смысле следует различать собственно рейдерские преступления, являющиеся, как было сказано, преступлениями в сфере предпринимательской деятельности, и тесно связанные с ними коррупционные и общеуголовные преступления. Последние можно назвать вспомогательными по отношению к рейдерским преступлениям. При их совершении, также как и при рейдерстве, конечной целью виновного лица (не всегда исполнителя, но во всех случаях заказчика и организатора) выступает незаконное завладение имуществом юридическими лицами, установление контроля над их активами, а также устранение конкурентов. Отличие вспомогательных по отношению к рейдерству посягательств состоит в том, что их совершение лишь способствует достижению названной цели. Завершение преступного замысла невозможно без криминальных экономических и юридических махинаций, составляющих существо собственно рейдерских преступлений.

Учитывая данное замечание, видится ошибочным встречающееся в научной литературе утверждение, согласно которому рейдерский захват может быть осуществлён насильственным способом. Так, в частности, В.М. Кочедыкова расценивает силовой захват как один из видов рейдерских захватов [6, с. 50]. По отмеченным причинам подобные случаи должны расцениваться как вымогательство, а не как собственно рейдерские преступления.

Каждый конкретный случай рейдерского захвата, как правило, представляет собой совокупность преступлений, объединённых единой преступной целью. Этим, в немалой степени, обусловлена ещё одна особенность рассматриваемых посягательств – их организованный характер. К настоящему времени сложились организованные преступные сообщества, криминальной специализацией которых является рейдерство. В их состав входят коррумпированные судьи, сотрудники прокуратуры, налоговой службы и иных контролирующих государственных органов, а также недобросовестные юристы и финансисты [2, с. 130–131].

К рейдерским деяниям применимо значительное число статей уголовного закона. В научной литературе приводятся статьи 159, 160, 161, 169, 170, 170.1, 171, 185.2, 185.5, 201, 202, 204, 285, 285.3, 286, 290, 291, 303, 305, 327 и 330 УК РФ [см.: 8, с. 28; 4, с. 54]. Всего насчитывается до тридцати пяти составов преступлений, применимых к рейдерству [см.: 1, с. 53].

Однако, отдельная статья, посвящённая рейдерству, в УК РФ отсутствует. Наличие этого пробела не позволяет должным образом учесть все перепады степени общественной опасности рей-

дерских посягательств. Так, в частности, объектом криминального интереса рейдеров нередко выступают градообразующие комбинаты, а также стратегически значимые для национальной безопасности нашей страны предприятия. Не разработан и уголовно-правовой механизм установления и привлечения к ответственности бенефициаров рейдерских атак, которые, как правило, скрываются за формально возглавляемыми подставными лицами фирмами-однодневками. С появлением новых финансовых активов и торговых площадок в киберпространстве актуализируется и проблема противодействия так называемому цифровому рейдерству. Перед академическим сообществом в этой связи стоит задача выработки научно обоснованных предложений по криминализации рейдерства с учётом современных угроз и тенденций развития социальных отношений.

Литература

1. Авдеева Е.В. Организация защиты прав предпринимателей: трансформация уголовного права для реализации потенциала российского бизнеса // Lex russica. 2023. Т. 76. № 7. С. 48–59.
2. Ботвин И.В. Рейдерский захват с использованием возможностей государственных структур: особенности предупреждения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 129–133.
3. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 402 с.
4. Жук О.Д. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы выявления и расследования преступлений рейдерского характера // Законодательство. 2021. № 2. С. 49–54.
5. Какие частные компании прокуратура требует передать государству. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/29/03/2024/64e3a6769a7947634c7c9f53?ysclid=luwboqma1j158950970> Дата обращения: 10.04.2024.
6. Кочедыкова В.М. Методы противодействия рейдерским захватам // Российский следователь. 2023. № 12. С. 49–52.
7. Крупнейший производитель вина перешел в собственность государства. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.rbc.ru/business/11/04/2024/6617a2859a7947596ef0c2c7?-from=article_body Дата обращения: 20.04.2024.
8. Лозинский И.В. К проблемам дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 25–32.
9. Трунов И.А. Противодействие коррупции, деприватизация, национализация. Как работает закон о противодействии коррупции. Механизмы реализации и инструменты защиты //

Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 119–127.

10. Часть здания отеля Four Seasons у Кремля потребовали передать государству Суд арестовал самые известные активы экс-владельца банка «Югра». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/15/04/2024/661a7a399a794715e245cb9c?ysclid=lv1x7i5ur818254091> Дата обращения: 20.04.2024.
11. Чирун С.Н., Gladkikh S.S. Коррупция как политический феномен: современные процессы и технологии // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 15–21.

NATIONALIZATION, CONFISCATION AND STATE RAIDING: CRIMINAL LEGAL ASPECTS OF DIFFERENTIATION

Doroshenko D.V.

Ural State Law University

The author examines the criminal legal aspects of the targeted legal policy pursued by the Russian state in recent years to confiscate the assets of large entrepreneurs into the ownership of the Russian Federation.

The scientific article subjected to a separate critical analysis the novelties of the criminal law concerning the grounds for the use of confiscation of property. According to the author, the evaluation categories contained in them allow for a broad interpretation, which may result in infringement of the property rights of a significant number of citizens.

The criteria for the legal assessment of the seizure of property from the previous owner are highlighted: the legality (or illegality) of the seizure of property; fate of the seized property. Based on this, the following options for legal assessment are proposed: quasi-nationalization; corruption crime; crime against public service; state raiding.

The essential features of raider attacks are especially emphasized, consisting in their target orientation and non-violent method of commission. In this regard, the scientific article proposes to distinguish between raider crimes themselves and, closely related to them and having an auxiliary nature, corruption and ordinary crimes.

The author sees a shortcoming of the current criminal law in the absence of a separate article devoted to raiding. Further prospects for studying this issue are outlined, related to the development of

scientifically based proposals for the criminalization of raiding, taking into account modern threats and trends in the development of social relations.

Keywords: raiding, corporate raiding, state raiding, confiscation of property, nationalization, method of committing a crime, corruption-related crimes.

References

1. Avdeeva E.V. Organization of protection of the rights of entrepreneurs: transformation of criminal law to realize the potential of Russian business // Lex russica. 2023. Т. 76. № 7. P. 48–59.
2. Botvin I.V. Raider seizure using the capabilities of state structures: features of prevention // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 129–133.
3. Zhilkin M.G. Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of business activity: problems of theory and practice: dissertation. ... Doctor of Law. Sci. – M., 2019. – 402 p.
4. Zhuk O.D. Criminal law and forensic problems of identifying and investigating crimes of a raider nature // Legislation. 2021. № 2. P. 49–54.
5. Which private companies do the prosecutor's office require to be transferred to the state? Electronic resource. Access mode: <https://www.rbc.ru/business/29/03/2024/64e3a6769a7947634c7c9f53?ysclid=luwboqma1j158950970> Access date: 04.10.2024.
6. Kochedykova V.M. Methods of countering raider takeovers // Russian investigator. 2023. № 12. P. 49–52.
7. The largest wine producer became state property. Electronic resource. Access mode: https://www.rbc.ru/business/11/04/2024/6617a2859a7947596ef0c2c7?from=article_body Access date: 04.20.2024.
8. Lozinsky I.V. On the problems of further improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Justice. 2022. № 20. P. 25–32.
9. Trunov I.A. Anti-corruption, deprivatization, nationalization. How does the anti-corruption law work? Implementation mechanisms and protection tools // Public service and personnel. 2024. № 1. P. 119–127.
10. The Kremlin demanded that part of the Four Seasons Hotel building be transferred to the state. The court seized the most famous assets of the former owner of Yugra Bank. Electronic resource. Access mode: <https://www.rbc.ru/business/15/04/2024/661a7a399a794715e245cb9c?ysclid=lv1x7i5ur818254091> Date of access: 04.20.2024.
11. Chirun S.N., Gladkikh S.S. Corruption as a political phenomenon: modern processes and technologies // Power. 2023. Т. 31. № 4. P. 15–21.

Правовое регулирование привлечения специалистов для расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества в цифровой валюте

Закусило Александр Михайлович,

аспирант 3 курса кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института юстиции Байкальского государственного университета
E-mail: mr.x801@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме привлечения специалистов в различных областях знаний (в том числе в области киберфорензики и финансовой аналитики) для расследования преступлений, связанных с отмыванием денег с использованием цифровой валюты. Освещены трудности в поиске квалифицированных экспертов, проблемы конфиденциальности при работе с данными, быстрое развитие технологий. В статье аргументировано утверждается, что для повышения эффективности и оперативности расследований необходимо взаимодействие с узкими специалистами в области блокчейн-технологий, киберфорензики и финансовой аналитики. Данная работа вносит значительный вклад в область киберфорензики и расследования преступлений в сфере криптовалют, предлагая комплексный подход к сотрудничеству экспертов для повышения эффективности борьбы с киберпреступностью.

Ключевые слова: отмывание денег; цифровые валюты; расследование преступлений; блокчейн-технологии; киберфорензика; финансовый анализ.

Активное внедрение цифровых валют в экономические процессы, привлекая своей анонимностью и трансграничностью, создает благоприятную среду для совершения преступлений финансового характера. Сложность прослеживания транзакций, выполненных с использованием криптовалют, влечет за собой необходимость привлечения высококвалифицированных специалистов, разбирающихся в тонкостях работы цифровых платежных систем.

Постоянное обновление и усложнение технологий в сфере криптовалют требует от правоохранительных органов не только внедрения инновационных подходов к расследованию, но и неустанного образования их сотрудников. Предоставляя злоумышленникам новые инструменты для отмывания преступных доходов, цифровая валюта стимулирует развитие специальных методик и технологий для их выявления и пресечения.

Законодательство в области контроля за оборотом криптовалют отстает от быстро меняющейся реальности, исследуя которую, специалисты могут предложить пути совершенствования нормативной базы. Применение сложных международных схем монетарных операций с использованием криптовалют, изыскивая меры противодействия коррупционным и преступным действиям, вынуждает практиков и теоретиков к постоянному развитию средств правового регулирования.

Таким образом, данные аспекты указывают на неотложную потребность в глубоком исследовании вопросов, касающихся привлечения профессионалов для эффективного расследования преступлений, связанных с отмыванием денежных средств через цифровые валюты. Повышение квалификации в данной сфере способствует увеличению эффективности деятельности правоохранительных органов на международном и национальном уровнях для предотвращения, выявления и пресечения преступлений.

Все операции с криптовалютой оставляют цифровой след, который включает в себя информацию о транзакциях и передачах криптовалюты. Каждая операция, проведенная с использованием криптовалюты, автоматически регистрируется в открытом распределенном реестре, известном как блокчейн. Этот процесс создает недвижимый след, содержащий информацию о отправителях, получателях, суммах и времени совершения сделки. Криминалистическая методика включает в себя несколько этапов, начиная с идентификации признаков преступления и сбора необходимой информации. За-

тем проводится изъятие и фиксация электронных следов, включая сбор цифровых доказательств, таких как логи серверов, электронные сообщения, метаданные и другие данные, связанные с использованием криптовалют. После сбора следов происходит их детальный анализ и интерпретация. Эксперты/специалисты проводят анализ полученных данных с целью выявить релевантные детали, которые могут быть использованы в расследовании и способствовать раскрытию преступлений. В процессе анализа применяются разнообразные методы и инструменты, включая компьютерные алгоритмы, статистические модели и другие техники. При расследовании преступлений, связанных с отмыванием денежных средств через цифровую валюту, необходимо применение специальных знаний. Эти знания включают в себя навыки и методики, которые помогают эффективно решать задачи, возникающие в ходе уголовного дела.

Привлечение специалистов необходимо для получения точных результатов расследования, обеспечивает более глубокое понимание дела и помогает предотвратить ошибки и нарушения. Цифровые валюты, такие как Биткойн, Эфириум и другие криптовалюты, стали популярными инструментами для проведения финансовых операций в современном мире. Некоторые лица могут злоупотреблять уникальными особенностями этих цифровых валют, в том числе для отмывания денежных средств или приобретения имущества, полученного незаконным путем.

Анонимность и невозможность регулирования цифровых валют являются привлекательными для преступников характеристиками. Большинство операций с криптовалютами проводятся без необходимости предоставления личной информации, что затрудняет идентификацию владельца кошелька. Это облегчает перемещение финансовых активов без привлечения внимания правоохранительных органов. Некоторые криптовалюты, такие как Monero или Zcash, созданы для обеспечения повышенного уровня приватности, что усложняет отслеживание потоков средств.

Трансграничный характер и скорость операций – другие важные аспекты, делающие цифровые валюты привлекательными для отмывания денег. Криптовалюты позволяют быстро и легко переводить средства из одной страны в другую, минуя традиционные финансовые институты и контрольные механизмы. При этом скорость проведения транзакций практически мгновенна, что усложняет возможность блокирования или отслеживания непосредственно в момент совершения операции.

Отсутствие прямого надзора финансовых регуляторов также играет важную роль. В отличие от банков и других традиционных финансовых учреждений, криптовалютные биржи и кошельки часто находятся вне юрисдикции строгого регулирования. Это означает, что во многих случаях системы мониторинга операций (такие как Know Your Customer (KYC) и Anti-Money Laundering (AML)), которые помогают предотвращать и выявлять фи-

нансовые преступления, могут быть недостаточно эффективными или вовсе отсутствовать.

При расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств с использованием цифровых валют, привлечение специалистов становится крайне важным. Эксперты в области криптовалют, цифровой форензики и финансовых расследований обладают навыками и инструментами для анализа данных блокчейнов, отслеживания транзакций и установления связей между электронными кошельками и реальными лицами.

Расследование дел, связанных с криптовалютным отмыванием денег, требует глубоких знаний в области блокчейн-технологии, понимания механизма работы различных криптовалют и способов их обмена. Кроме того, необходимо использовать специализированное программное обеспечение для визуализации транзакций в блокчейне, что облегчает поиск подозрительных паттернов и узоров переводов.

Проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при расследовании преступлений, связанных с использованием цифровых валют, обусловлены их особенностями и глобальной природой. Отслеживание транзакций в блокчейне, особенно в сетях с повышенной анонимностью, представляет не только технический, но и юридический вызов.

Международный характер преступлений и различия в законодательствах усложняют ситуацию, поскольку что касается криптовалют, ещё не существует универсальной международной правовой базы. Законодательства разных стран могут существенно отличаться друг от друга. Это приводит к тому, что действия, наказуемые в одной стране, в другой могут не рассматриваться как преступные.

Особенно бросается в глаза дефицит знаний и технических средств у правоохранительных органов. Несмотря на то, что блокчейн – это открытая база данных, анализ информации в ней требует специальных знаний и квалификации. Правоохранительные органы нуждаются в обученных специалистах, которые понимают, как функционируют криптовалюты, как осуществляется сбор доказательств в цифровом пространстве и какие законодательные рамки применимы.

Даже в случае наличия определённых технологий и методик, перегруженность информацией и сложность самих транзакций создают серьезные препятствия. Для эффективного анализа блокчейн-технологий важно использовать специализированное программное обеспечение, способное выявлять сложные схемы финансовых махинаций и противоправных действий. Также необходимо постоянно обновлять технические ресурсы для следующего за изменениями в технологиях и тактиках преступников.

Противоправные действия, связанные с отмыванием денег через криптовалюты, требуют от правоохранительных органов высокой квалификации

и использования современных методов расследования. Для успешной борьбы с такими преступлениями необходимо глубокое понимание работы криптовалют и использование цифровых инструментов форензики – компьютерной (цифровой) криминалистики.

Внешние консультанты могут предоставить специализированные навыки и технологии, которые иногда недоступны в рамках существующих ресурсов правоохранительных органов. Это включает в себя анализ блокчейн-транзакций, отслеживание цифровых кошельков и виртуальных активов, а также проведение сложных киберрасследований. Специалисты могут помочь в выявлении, изъятии и оценке цифровых активов, что требует не только понимания юридических аспектов, но и специализированных знаний в области технологий [1; с. 223].

Привлечение сторонних специалистов зачастую является ключевым элементом успешного расследования с использованием технологии блокчейн. Их опыт и знания позволяют увеличить эффективность и качество работы, сократить время на анализ данных и выявить скрытые схемы отмывания денег. Проведение более глубокого и точного анализа данных блокчейн-систем дает возможность обнаружить скрытые связи между транзакциями и личностями, что является важным этапом в расследовании [2; с. 194].

Использование специализированного программного обеспечения и алгоритмов позволяет проводить сложный анализ транзакций, выявлять скрытые структуры и предотвращать противоправные действия. Профессиональные аналитики блокчейна имеют навыки распознавания цифровых следов, которые помогают предотвращать преступную деятельность [3; с. 27].

Более того, внешние специалисты могут предоставлять обучение и консультации сотрудникам правоохранительных органов для улучшения их профессиональных знаний. Сотрудничество с внешними экспертами способствует повышению навыков и интеграции передовых технологий в работу правоохранительных структур [4; с. 180].

В условиях нарастающей интеграции цифровых валют в экономику необходимо, чтобы правоохранительные органы постоянно совершенствовались свои навыки и расширяли инструментарий расследования. Вовлечение экспертов извне и развитие международного сотрудничества представляют собой ключевые шаги на пути к созданию глобальной системы контроля и противодействия преступности в сфере цифровых валют.

В свете активного развития преступлений, связанных с легализацией денег через цифровые валюты, необходим комплексный подход к их расследованию. Это требует использования не только традиционных методов следствия, но и инновационных технологий, а также сотрудничество на международном уровне в области правового взаимодействия. Привлечение внешних экспертов набирает особую значимость, чтобы гарантировать об-

наружение и преследование преступлений в этом сложном и постоянно эволюционирующем секторе.

В расследовании преступлений, связанных с отмыванием денежных средств при использовании цифровой валюты, ключевую роль играют определенные категории специалистов, благодаря их уникальным навыкам и знаниям.

Эксперты по блокчейн-технологиям являются неотъемлемой частью команды при расследованиях, поскольку именно благодаря их глубокому пониманию работы распределенных сетей, криптографии и узлов блокчейна можно проследить путь движения цифровых активов. Такие эксперты занимаются анализом транзакций, выявлением анонимных кошельков и пониманием методов, которые используются для сокрытия следов незаконных сделок [5].

Финансовые аналитики и аудиторы играют важную роль в выявлении нестандартных транзакций, которые могут указывать на выполнение отмывания средств. Они используют различные методики финансового анализа чтобы выявить манипуляции и нетипичные финансовые потоки. Финансовые аналитики и аудиторы могут отслеживать внутренние и внешние банковские операции, сравнивать их с обычными моделями поведения пользователей, выявлять связи между разными личностями и компаниями, которые могут быть замешаны в преступлении [6].

Компьютерные форензики – это специалисты, которые обеспечивают защиту от хакерских атак, умеют восстанавливать данные, находить скрытую информацию на электронных носителях и в сетях. Они оказываются необходимыми при происшествиях с участием криптовалют, где преступники часто используют различные методы для обеспечения анонимности своей деятельности, включая использование скрытого ПО или вредоносных программ [7].

Комбинирование экспертизы данных специалистов позволяет создать мультидисциплинарный подход к расследованию, объединяя их усилия для более эффективного выявления, пресечения и предотвращения преступлений, связанных с отмыванием денежных средств через цифровые валюты.

В современной практике борьбы с киберпреступностью, связанной с легализацией доходов, полученных нелегальным путём, особое внимание уделяется привлечению специалистов в области киберфорензики. Использование цифровых валют в преступной деятельности предъявляет высокие требования к уровню профессиональной подготовки следственных групп.

Специалисты в области форензики помогают в расследованиях, где требуется анализ транзакций в блокчейне, исследование логов серверов, изучение зашифрованных сообщений, а также выявление скрытых каналов общения преступников. Благодаря своему опыту, они могут идентифицировать, изучить и интерпретировать следы киберактивности, связанные с отмыванием денег.

Основной задачей киберфорензика ставит перед собой нахождение цифровых следов, которые могут указывать на то, что денежные средства или иное имущество были приобретены преступным путём, а также определение путей их последующего отмывания с использованием криптовалют. Для этого специалисты проводят анализ транзакций в блокчейне, что требует особых знаний и умений.

Привлечение специалистов в сфере форензики на этапе расследования позволяет не только точно определить источник незаконных активов, но и выявить сеть лиц, участвующих в их отмывании. Это особенно важно в свете растущей анонимности, которую предоставляют цифровые валюты, и сложности выявления бенефициарных владельцев средств.

Эксперты в сфере киберфорензики активно используют современные программные средства для анализа криптовалютных транзакций, автоматизированных систем для отслеживания цепочек денежных потоков, а также создают собственные инструменты, позволяющие провести сложные расследования в условиях высокой информационной защищённости киберпреступников [8].

Результаты работы таких специалистов могут служить не только для раскрытия конкретного преступления, но и для совершенствования методов противодействия отмыванию денег в цифровом пространстве. Они также являются весомым доказательством в суде, поскольку киберфорензика представляет собой признанную научно-исследовательскую область, результаты которой обладают высокой степенью достоверности [9].

Таким образом, роль профессионалов в области киберфорензики при расследованиях преступлений, связанных с легализацией преступных доходов с использованием криптовалют, является ключевой. Эти эксперты не просто анализируют сложные данные, но и обеспечивают поддержку следственных мероприятий, что в итоге повышает эффективность и результативность всего процесса расследования.

Сведения, полученные в ходе следственных мероприятий, закрепляются в процессе взаимодействия с территориальным управлением Росфинмониторинга. Они используются для сбора информации о движении незаконно полученных денег и проведении операций проверяемых лиц. Сотрудники Росфинмониторинга могут быть допрошены в качестве специалистов, чтобы выяснить способы легализации доходов и финансирования незаконной деятельности.

Правовой основой подобного взаимодействия является Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [10], а также межведомственный приказ от 21 августа 2018 г. № 511/244/541/433/1313/80, которым утверждена «Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного

имущества, полученных преступным путем» [11]. В соответствии с данной Инструкцией запросы в Росфинмониторинг уполномочены подписывать Министр внутренних дел Российской Федерации, его заместители, начальники подразделений центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации и их заместители, начальник Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по соответствующему федеральному округу и его заместители, начальники управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам и их заместители, начальники линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и их заместители, министры внутренних дел по республикам и их заместители, начальники главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации и их заместители.

На основе вышесказанного запроса о подозрении лиц в легализации денег или имущества в России и за рубежом, Росфинмониторинг запрашивает информацию в финансовой разведке иностранного государства, и передает ее в правоохранительные органы после получения их согласия.

Правоохранительные органы и Росфинмониторинг сотрудничают на стадии расследования уголовных дел. Они собирают и анализируют информацию о финансовых операциях проверяемых лиц, отслеживают операции вновь выявленных лиц, готовят нужные материалы для ареста денег и имущества, полученных в результате преступлений, и обмениваются информацией с другими странами.

Уполномоченные должностные лица могут отправлять запросы для проведения дополнительного финансового анализа с использованием информационных ресурсов Росфинмониторинга и уполномоченных органов иностранных государств (при обосновании этой необходимости). Запросы от правоохранительных органов должны быть выполнены в течение 30 дней с момента получения, но это может быть изменено по согласованию между уполномоченными лицами.

Тем не менее, привлечение сторонних экспертов в области киберфорензики для расследования преступлений, связанных с отмыванием денег через криптовалюты, сопряжено с рядом трудностей.

Первой и основной сложностью является поиск квалифицированных специалистов, которые имеют опыт работы с криптовалютами и понимание их использования в преступной деятельности. Рынок киберфорензиков развивается, только выветриваясь из ниши, и образовательные программы не всегда успевают за быстрыми темпами эволюции киберпреступности. Поиски подходящих экспертов могут затягиваться на месяцы, чего в условиях уголовного расследования часто бывает недопустимо.

Во-вторых, стоимость услуг киберфорензических специалистов может быть довольно высока, особенно для правоохранительных агентств с ограниченным бюджетом. Сложность задач и требовательность к ресурсам создают дополнительные барьеры для их широкого привлечения в борьбе с преступностью.

Третьей трудностью является конфиденциальность данных. Привлечение сторонних экспертов влечет за собой необходимость предоставить им доступ к чувствительной информации. Это требует высокого уровня доверия и строгих соглашений о неразглашении, ведь утечка данных может нанести ущерб не только текущему расследованию, но и затронуть личную жизнь невиновных людей, чьи данные оказались в расследуемых материалах.

Четвертая проблема заключается в быстром развитии технологий. Преступники постоянно ищут новые методы для сокрытия своей деятельности, а блокчейн-технологии развиваются так быстро, что даже опытные специалисты могут не успевать за всеми новшествами. Это значит, что даже квалифицированные форензические эксперты должны непрерывно учиться и повышать свою квалификацию.

Пятой проблемой является юридическая ответственность. Форензический анализ должен проводиться в строгом соответствии с законодательством, чтобы результаты его могли быть приняты в качестве доказательств в суде. Это означает, что киберфорензические эксперты должны иметь не только технические знания, но и понимание соответствующих правовых процедур.

Вышеперечисленные трудности представляют серьёзные вызовы для правоохранительных органов всего мира. Однако, независимо от сложностей, очевидно, что роль киберфорензических специалистов в борьбе с отмыванием денег через криптовалюты будет только возрастать. Повышение квалификации следователей, увеличение финансирования для обучения и разработки новых инструментов, а также международное сотрудничество в обмене опытом и информацией могут значительно облегчить эти трудности и повысить эффективность расследований.

Литература

1. Мартынюк Э. Г. К вопросу об использовании знаний в области криптовалюты и технологии блокчейн в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения киберпреступлений // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий. – 2021. – С. 223–226.
2. Даценко К.О. Использование специальных знаний в области компьютерной техники в целях предупреждения киберпреступлений // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий. – 2021. – С. 193–198.
3. Васильева Н.А. Тактика применения специальных знаний в области компьютерных средств и систем при доказывании легализации денежных средств, полученных в результате незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль. – 2020. – № 2. – С. 25–30.
4. Курилов С. И., Осипов И.В. Об актуальности организации внутреннего и внешнего взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и экспертно-криминалистических подразделений в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации. – 2021. – С. 178–186.
5. Судницын А.Б., Молоков В.В. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-vozmozhnosti-polucheniya-i-ispolzovaniya-svedeniy-ob-operatsiyah-s-kriptovalyutoy-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 27.02.2024).
6. Сизова Ю.С., Трофимова В., Ильиных А. «Финансовое расследование» как инструмент внутреннего государственного контроля // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovoe-rassledovanie-kak-instrument-vnutrennego-gosudarstvennogo-kontrolya> (дата обращения: 27.02.2024).
7. Шуваева М.С., Николаева А.В. Роль форензики в расследовании киберпреступности. криминалистический аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-forenziki-v-rassledovanii-kiberprestupnosti-kriminalisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 27.02.2024).
8. Федосеев А.Э., Архипцев И.Н. Форензика как компонент противодействия высокотехнологичной преступности // Вестник БелЮИ МВД России. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forenzika-kak-komponent-protivodeystviya-vysokotekhnologichnoy-prestupnosti> (дата обращения: 27.02.2024).
9. Степаненко Д.А. Киберпространство как модулятор процесса расследования преступлений и развития криминалистической науки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprostranstvo-kak-modulyator-protsessy-rassledovaniya-prestupleniy-i-razvitiya-kriminalisticheskoy-nauki> (дата обращения: 27.02.2024).
10. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терро-

ризма» // «Собрание законодательства РФ», 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3418.

11. Приказ Генпрокуратуры России N 511, Росфинмониторинга N 244, МВД России N 541, ФСБ России N 433, ФТС России N 1313, СК России N 80 от 21.08.2018 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.02.2024).

LEGAL REGULATION OF THE INVOLVEMENT OF SPECIALISTS TO INVESTIGATE THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS OR OTHER PROPERTY IN DIGITAL CURRENCY

Zakusilo A.M.

Baikal State University

The article is devoted to the urgent problem of attracting experts in various fields of knowledge (including cyberforensics and financial analytics) to investigate money laundering offences involving digital currency. The article highlights the difficulties in finding qualified experts, privacy issues when working with data, and the rapid development of technology. The paper argues that collaboration with sub-specialists in blockchain technology, cyberforensics and financial analytics is necessary to improve the efficiency and speed of investigations. This paper makes a significant contribution to the field of cyberforensics and cryptocurrency crime investigation by proposing an integrated approach to expert co-operation to improve the effectiveness of cybercrime.

Keywords: money laundering; digital currencies; crime investigation; blockchain technology; cyberforensics; financial analysis.

References

1. Martynyuk E.G. On the use of knowledge in the field of cryptocurrency and blockchain technology in order to identify, disclose, investigate and prevent cybercrimes // *Countering cybercrimes and crimes in the field of high technology*. – 2021. – pp. 223–226.
2. Datsenko K.O. The use of special knowledge in the field of computer technology in order to prevent cybercrime // *Countering cybercrimes and crimes in the field of high technology*. – 2021. – pp. 193–198.
3. Vasilyeva N.A. Tactics of applying special knowledge in the field of computer tools and systems in proving the legalization of funds obtained as a result of drug trafficking // *Drug control*. – 2020. – № . 2. – Pp. 25–30.
4. Kurilov S. I., Osipov I.V. On the relevance of the organization of internal and external interaction between the bodies of preliminary investigation, inquiry and forensic units in the process of investigating crimes using cryptocurrencies // *The development of the doctrine of countering the investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation*. – 2021. – pp. 178–186.
5. Sudnitsyn A.B., Molokov V.V. Separate possibilities of obtaining and using information about cryptocurrency transactions in the disclosure and investigation of crimes // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No.2 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-vozmozhnosti-polucheniya-i-ispolzovaniya-svedeniy-ob-operatsiyah-s-kriptovalyutoy-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy> (date of application: 02/27/2024).
6. Sizova Yu.S., Trofimova V., Ilyinykh A. "Financial investigation" as an instrument of internal state control // *Economics and Business: theory and practice*. 2021. No.1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovoe-rassledovanie-kak-instrument-vnutrennego-gosudarstvennogo-kontrolya> (date of application: 02/27/2024).
7. Shuvaeva M.S., Nikolaeva A.V. The role of forensics in the investigation of cybercrime. the forensic aspect // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. No.6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-forenziki-v-rassledovanii-kiberprestupnosti-kriminalisticheskyy-aspekt> (date of application: 02/27/2024).
8. Fedoseev A.E., Arkhiptsev I.N. Forensics as a component of countering high-tech crime // *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forenzika-kak-komponent-protivodeystviya-vysokotekhnologichnoy-prestupnosti> (date of application: 02/27/2024).
9. Stepanenko D.A. Cyberspace as a modulator of the process of investigating crimes and the development of criminalistic science // *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*. 2020. No.1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprostranstvo-kak-modulyator-protsessy-rassledovaniya-prestupleniy-i-razvitiya-kriminalisticheskoy-nauki> (date of application: 02/27/2024).
10. Federal Law No. 115-FZ dated 08/07/2001 (as amended on 07/10/2023) "On Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08/13/2001, No. 33 (Part I), art. 3418.
11. Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 511, Rosfinmonitoring No. 244, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 541, the FSB of Russia No. 433, the Federal Customs Service of Russia No. 1313, the IC of Russia No. 80 dated 08/21/2018 "On approval of Instructions on organizing information interaction in the field of countering the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means" // SPS Consultant Plus (date of application: 02/27/2024).

Конкуренция норм уголовного права: соотношение законодательства и судебной практики

Исаев Данила Антонович,

студент 3-го курса, кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: 1isaevdaniila0@gmail.com

Бояндина Валерия Вячеславовна.

студент 3-го курса, кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: v.boyandina@g.nsu.ru

Авторы ставят перед собой *цель* сформулировать предложения по устранению проблем квалификации преступлений, связанных с конкуренцией норм, которые заложены в законе и поддержаны судебной практикой. *Структура работы* включает в себя три раздела (разделы по каждому из видов конкуренции, отграничение конкуренции от совокупности преступлений, выводы *de lege ferenda*). Используя формально-юридический и сравнительно-правовой *методы*, авторы приходят к *выводам*, что умолчание уголовного закона относительно правил разрешения конкуренции норм восполняется неоднородной в зависимости от категории дела судебной практикой; данное умолчание надлежит устранить в целях достижения таких конституционных ценностей, как равенство граждан, определенность закона, недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление.

Ключевые слова: конкуренция норм, уголовное право, проблемы квалификации, совокупность преступлений, общая и специальная норма.

Проблемы квалификации при конкуренции общих и специальных уголовно-правовых норм

Конкуренция между общей и специальной нормой заключается в соотношении уголовно-правовых норм, которые определяют область их применения. Общая норма представляет собой более общее явление, охватывающее широкий *спектр случаев*, в то время как специальная норма является конкретным (уникальным) случаем. Специальная норма обладает приоритетом перед общей, так как она детализирует и конкретизирует один или несколько аспектов общей нормы, включая существенные признаки и дополняя их.

В настоящее время в законодательстве, практике и доктрине сложились следующие постулаты относительно конкуренции общей и специальной норм:

1.1. При наличии квалифицированного (привилегированного) состава ответственность наступает по квалифицированному (привилегированному) составу.

В судебной практике конкуренцию между квалифицированными составами преступлений традиционно разрешают в пользу состава с наиболее отягчающими признаками. Например, если совершено преступление, такое как кража, грабеж или разбой, при наличии отягчающих обстоятельств действия виновного подлежат квалификации только по той части указанных статей УК, которая предусматривает более строгое наказание.

Конечно, предпочтительнее решать вопрос о конкуренции норм на уровне закона, а не разъяснений судов. Например, в УК Республики Узбекистан, в отличие от УК РФ, имеется статья, предусматривающая наступление ответственности в случае совершения двух или более деяний, предусмотренных одной частью статьи, по той части, которой установлено более строгое наказание (ст. 33) [1]. Формулируя предложения по совершенствованию законодательства, авторы учли законодательные подходы зарубежных стран.

1.2. При конкуренции норм о квалифицированном и привилегированном составах преступления подлежит применению норма о привилегированном составе.

К примеру, причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта будет квалифицироваться по статье 113 УК РФ, даже если оно совершено особо опасным способом (пункт "в" части 2 статьи 111) или же с особой жестокостью (пункт "б" части 2 статьи 111 УК РФ).

1.3. При конкуренции норм о самостоятельных преступлениях ответственность наступает за пре-

ступление, элемент состава которого описан наиболее казуистично

Конфликт между нормами о составах отдельных преступлений имеет место между двумя и более нормами об отдельных преступлениях, которые с разной степенью полноты охватывающими совершенное общественно опасное деяние. Конкуренция возможна по всем признакам состава преступления.

Примером конкуренции в пределах одного непосредственного объекта может служить соотношение статьи 171 (незаконное предпринимательство) и статьи 171.4 (незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции) УК РФ. В статье 171, устанавливающей ответственность за незаконное осуществление предпринимательской деятельности, основным непосредственным объектом является общественное отношение по осуществлению предпринимательской деятельности в соответствии с законодательством РФ, а основной непосредственный объект второго состава (общественное отношение по осуществлению предпринимательской деятельности, связанной с реализацией алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции) детализирует основной непосредственный объект статьи 171 УК РФ, поскольку является частным случаем последнего состава.

Проблемы разграничения конкуренции уголовно-правовых норм и совокупности преступлений

Конкуренция норм или совокупность преступлений может наличествовать, когда правило конкуренции норм применяется один раз (отсутствует неоднократная конкуренция). Традиционно в литературе проводят различие между конкуренцией норм и идеальной совокупностью преступлений. Так, профессор В.Н. Кудрявцев считает, что конкуренцию от совокупности отличает то, что «при конкуренции так же, как и при совокупности, имеется несколько статей Особенной части, содержащих признаки данного деяния, но при этом все содеянное может быть полностью охвачено одной из этих норм...» [2, С. 286].

Под идеальной совокупностью понимается совершение лицом одним действием (бездействием) двух и более самостоятельных преступлений, предусмотренных разными статьями УК (части 2 статьи 17). Вместе с тем, нет однозначности при решении некоторых вопросов, которые будут рассмотрены ниже.

2.1. С чем сравнивать обстоятельство, исключяющее совокупность преступлений по смыслу части 1 статьи 17 УК РФ?

Согласно буквальному толкованию части 1 статьи 17 Уголовного кодекса Российской Федерации, несколько деяний, предусмотренных статьями Особенной части как обстоятельство, влекущее более строгое наказание, не считается совокупностью преступлений. Другими словами, если лицо совершает убийство в связи с изнасилованием, это

деяние будет квалифицировано согласно пункту «к» части 2 статьи 105, так как связь с изнасилованием является обстоятельством, предусматривающим более строгое наказание.

Однако однозначно данную статью толковать нельзя, поскольку непонятно, с чем сравнивать это самое обстоятельство, предусматривающее более строгое наказание и исключяющее совокупность? Нами предлагается 2 варианта толкования: в первом варианте толкования проводится сравнение сумм верхних пределов наказаний за совершенное преступление, во втором – сравниваются верхние пределы наказаний за каждое из преступлений. Мы придерживаемся позиции о том, что первый вариант толкования наиболее соответствует степени общественной опасности деяния.

Вместе с тем, в судебной практике (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16) на примере пункта «к» части 2 статьи 105 и статьи 131 закрепляется правило о том, что сопряженность не исключает совокупности, хотя это противоречит части 1 статьи 17 УК РФ, в которой не установлено никаких исключений.

Некоторые исследователи, в том числе профессор Н. Кузнецова, высказывают мнение, что требование квалифицировать убийство по совокупности с другими преступлениями, такими как бандитизм или изнасилование, может нарушать принцип о недопустимости двойной ответственности. Однако Верховный Суд не видит в этом нарушения, считая, что лицо должно нести ответственность как за само убийство, так и за совершенные с ним связанные преступления, и что убийство, связанное с другими преступлениями, также подлежит отдельной квалификации [3, С. 26].

2.2. Искусственное завышение общественной опасности деяния в судебной практике

Статья 17 предусматривает, что совокупность преступлений отсутствует в случае, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. В этой связи перед правоприменителем возникает следующее затруднение: вменять ли пункт «а» части 2 статьи 105 при наличии двух убийств, каждое из которых содержит неповторяющиеся квалифицирующие признаки (например, первое убийство – пункт «д» части 2 статьи 105, а второе – пункт «з» части 2 статьи 105)? Строгое следование правилу, содержащемуся в первом предложении части 1 статьи 17 требует квалификации исключительно по пункту «а» части 2 статьи 105 – ведь именно этот пункт, как влекущий более строгое наказание за совершение двух преступлений, выступает обстоятельством, исключаящим совокупность. Однако приговоры по таким делам свидетельствуют об ином подходе: суды рассматривают данное исключение из правила о совокупности наряду с квалифицирующими признаками, как образующее совокупность (пункт «а», «д», «з» части 2 статьи 105). Очевидно, что такой подход может быть критикуем как по причине самого по себе несоблю-

дения логики законодателя, так и по причине двойного вменения, запрещенного частью 2 статьи 6 УК РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 N 3-П). Нельзя не сказать также, что такая квалификация искусственно завышает общественную опасность деяния, что влияет на размер назначаемого наказания (часть 3 статьи 60 УК РФ).

Однако признаками дефектности обладает не столько судебная практика, сколько подход законодателя, который, наоборот, искусственно занижил общественную опасность деяния и создал этим предпосылки для снижения размера наказания (часть 3 статьи 60 УК РФ).

Как подсказывает правовое мышление, наиболее верной будет квалификация, при которой лицо несет ответственность за каждое из преступлений в отдельности (например, при совершении убийства с особой жестокостью, а затем убийства из корыстных побуждений квалификация будет выглядеть как пункт “д” части 2 статьи 105, пункт “з” части 2 статьи 105), т.е. по правилам о совокупности преступлений.

Таким образом, отличие конкуренции норм от совокупности преступлений состоит в том, что “в случае конкуренции, как и при совокупности, может быть несколько статей Особенной части, содержащих признаки данного преступления, однако деяние может быть полностью охвачено одной из этих норм...”. Реальная совокупность и конкуренция норм встречаются редко, и могут иметь место, когда одно из преступлений в совокупности охватывается специальной, а не общей нормой. Мы предлагаем способ разрешения проблемы буквального толкования Верховным Судом РФ части 2 статьи 17 УК РФ: следует дополнить данную статью, подчеркнув, что идеальная совокупность преступлений наличествует также и там, где составы самостоятельных преступлений установлены разными частями одной и той же статьи УК РФ.

2.3. О том, может ли совокупность преступлений быть предусмотрена не только статьями, но и частями и пунктами

В части 1 статьи 17 УК также приводится исключение из общего правила о том, что реальной совокупности нет, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено *статьями* Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Любопытно, что правоприменитель, с одной стороны, не задается вопросом о том, насколько буквально следует толковать слово “статьями” в данном предложении, вкладывая в эту лексическую единицу также и смысл о “пунктах” и “частях” (см. практику по части 2 статьи 105) [4]. С другой стороны, применительно к идеальной совокупности Верховный Суд РФ истолковывает данные положения исключительно по букве закона, указывая, что совокупность имеет место лишь в случаях, когда деяние охватывается несколькими статьями, а не частями статьи (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25). Особенно стран-

ным отсутствие единообразия кажется в контексте второго предложения части 1 статьи 17 УК РФ (внутреннее противоречие в статье), в котором законодатель предусмотрел, что при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое совершенное преступление “по соответствующей статье или части статьи”. Представляется, что следует унифицировать правила о квалификации как реальной, так и идеальной совокупности преступлений посредством введения слов о “пунктах” и “частях”, чтобы обеспечить единообразие в судебной практике.

Мы разделяем мнение Л.В. Иногамовой-Хегай о том, что Верховный Суд РФ, буквально истолковав содержание части 2 статьи 17 УК, создал условия для неточных квалификаций. В настоящее время и в прошлые годы, надлежит считать примером идеальной совокупности преступлений ситуацию, когда одно действие или бездействие сочетает в себе элементы преступлений, описанных в двух или более статьях Уголовного кодекса, а также в одной статье, но различных её частях, которые включают в себя признаки отдельных преступлений.

В литературе [5, С. 48–55] предлагаются два способа разрешения проблемы: внести изменение в часть 2 статьи 17 УК, подчеркнув наличие идеальной совокупности преступлений, установленных и разными частями одной и той же статьи УК, описывающими самостоятельные преступления либо же исключить закрепление в частях одной статьи Особенной части разных составов преступлений посредством выделения их в отдельные статьи. На наш взгляд, чтобы не изменять “львиную долю” статей Особенной части, следует пойти по первому пути.

Выводы (предложения *de lege ferenda*)

Несмотря на то, что в доктрине и практике сформулированы определенные постулаты по вопросам конкуренции правовых норм, они все еще не закреплены в уголовном законе. Представляется, что необходимость в легальном оформлении правил конкуренции обусловлена следующим.

1. Единообразное применение уголовного закона выражает принцип равенства граждан перед законом, а достигнуть этого единообразия без универсальных правил квалификации невозможно. Довод о закреплении таких правил в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, по нашему мнению, неубедителен, поскольку такие разъяснения носят временный характер и не являются обязательными для судов.

2. Специфику правил о разрешении конкуренции норм можно описать через состояние либо пограничности (например, каждый из нескольких квалифицирующих признаков описывает ситуацию), либо неоднозначности (например, наличие как квалифицирующих, так и привилегированных признаков). Следовательно, такие содержательные особенности правил квалификации об-

условливают появление новой статьи в уголовном законе – новой “первичной клеточки” уголовно-правовой материи [6, С. 18].

3. Недопустимость произвольной, неточной и ошибочной квалификации является элементом права на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ) (Определение Конституционного Суда РФ по запросу Промышленного районного суда города Оренбурга от 17.07.2006 № 352-О/2006). Поскольку именно за судами сохраняется прерогатива той или иной квалификации, постольку от них же зависит полнота реализации этого права. Вместе с тем, даже при наличии желания у судьи обеспечить верную квалификацию, дефектность закона может стать препятствием на этом пути. В этой связи, закон, с одной стороны, должен быть понятным для правоприменителя (принцип доступности языка закона), с другой стороны – исчерпывающе изложенным (принцип правовой определенности) [7, С. 293–308], что особенно актуально для уголовного законодательства, не терпящего аналогии. Надлежащее (т.е. с учетом данных изысканий) закрепление правил квалификации в законе станет, таким образом, важнейшим набором правовых гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина от произвольных и ошибочных ограничений.

Предлагаемая редакция статьи 17.1. УК РФ (конкуренция норм о преступлении)

Статья 17.1. Конкуренция норм о преступлении

1. Конкуренцией норм о преступлении признается ситуация, при которой содеянное охватывается двумя или более нормами, раскрывающими признаки деяния с различной степенью обобщения и (или) целостности.

2. В случае, когда возникает сопоставление между общей и специальной нормами уголовного законодательства, применяется специальная норма. Если имеется конфликт между привилегированным составом преступления и основным или квалифицированным составом, предпочтение отдается привилегированному составу. При столкновении основного и квалифицированного составов преступления применяется квалифицированный состав, а в случае конкуренции между квалифицированными составами выбирается наиболее строгий из них.

3. В случаях, когда деяние может быть квалифицировано по двум или более нормам настоящего Кодекса, и при этом есть норма, целиком охватывающая содеянное, ответственность наступает по последней.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII. Введен в действие с 01.04.1995 г. (ред. от 21.02.2024 г.)
2. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений: (репринт издания М.,

1963). Монография / Кудрявцев В.Н. – Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 324 с.

3. Яни П. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. – М., 2005, № 2. – С. 25–27.
4. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда от 12 марта 2019 г. по делу № 2–28/2018. Дело № 33-АПУ19–8сп // <https://sudact.ru/vsrf/doc/xQvW3Q0VAxmx/>
5. Зацепин А. М. . Множественность преступлений и их квалификация / Зацепин А.М. // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1. С. 48–55.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017. – 784 с.
7. Белов С.А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов//Вестник Санкт-Петербургского университета.Право. Том 13. – 2022. – № 2–С. 293–308.

COMPETITION OF CRIMINAL LAW NORMS: THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

Isaev D.A., Boyandina V.V.
Novosibirsk State University

The authors aim to formulate proposals to eliminate the problems of qualification of crimes related to competition standards, which are enshrined in law and supported by judicial practice. The structure of the work includes three sections (sections on each type of competition, restriction of competition due to a number of crimes, legal opinions). Using formal legal and comparative legal methods, the authors conclude that the omission of criminal legislation in terms of rules for resolving competition norms is compensated by heterogeneous judicial practice depending on the category of the case; this omission must be eliminated in order to achieve such constitutional values as equality of citizens, the indisputability of the law, the inadmissibility of repeated conviction for the same thing It's a crime.

Keywords: competition of norms, criminal law, problems of qualification, complex of crimes, general and special norm.

References

1. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 No. 2012-XII. Entered into force on April 1, 1995 (as amended on February 21, 2024)
2. Kudryavtsev, V.N. Theoretical foundations of qualification of crimes: (reprint of the publication M., 1963). Monograph by Kudryavtsev V.N. – Moscow: Legal Norma, Scientific Research Center INFRA-M, 2016. – 324 p.
3. Yani P. Conjugacy is not preserved // Legality. – М., 2005, No. 2. – P. 25–27.
4. Appeal ruling of the Supreme Court's criminal panel dated March 12, 2019 in case No. 2–28/2018. Case No. 33-APU19–8sp // <https://sudact.ru/vsrf/doc/xQvW3Q0VAxmx/>
5. Zatsepin A.M. Multiplicity of crimes and their qualifications / Zatsepin A.M. // Monitoring of law enforcement. 2014. No. 1. pp. 48–55.
6. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: course of lectures. – 6th ed., revised. and additional – Moscow: Prospekt, 2017. – 784 p.
7. Belov S.A. The role of language in ensuring the clarity and specificity of regulatory legal acts // Bulletin of St. Petersburg University. Law. Volume 13. – 2022. – No. 2–S. 293–308.

Об использовании технологий искусственного интеллекта при оценке доказательств

Косарева Береника Павловна,

аспирант, Кубанский государственный университет,
E-mail: berenika01@yandex.ru

Повсеместная интеграция компьютерных технологий не может не затрагивать область правоприменения. Всё чаще поднимаются вопросы о возможности оптимизации судопроизводства путем внедрения компьютерных технологий. При исследовании данного вопроса возникают правотворческие задачи нормативного закрепления порядка использования компьютерного алгоритма, а также задачи нравственного, морально-этического плана о роли искусственного интеллекта в соотношении с ролью человеческого правосознания при принятии решений в рамках судопроизводства. В представленной статье автором анализируется возможность применения искусственного интеллекта при оценке доказательств на предмет их относимости, допустимости и достоверности. Предпринята попытка сопоставления категорий «правосознание» и «алгоритм», применительно к использованию их в судопроизводстве. Ставятся вопросы об этичности и допустимости использования машинных алгоритмов при оценке доказательств в различных видах судопроизводства и на различных этапах процесса доказывания. Автор приходит к выводу об опасности делегирования (пусть и частичного) человеком автоматизированной системе функций по осуществлению правосудия.

Ключевые слова: доказывание, оценка доказательств, внутреннее убеждение, искусственный интеллект, правосознание, алгоритм.

С развитием информационных технологий всё чаще возникает вопрос о возможности и допустимости использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, в том числе при проведении оценки доказательств. Современная отечественная судебная практика идет по пути осторожного внедрения новых компьютерных технологий в судопроизводство, ограничиваясь в основном техническим совершенствованием отдельных процедур.

Дискуссия о необходимости внедрения компьютерных технологий в процесс доказывания не является беспочвенной. По данным исследований, около 25% правоприменителей, участвовавших в опросе, считают необходимым осуществлять процессуальную деятельность по исключительно четким правилам, которые предписывали как необходимо поступать в той или иной ситуации [1, С. 67].

Доводы в пользу внедрения алгоритмов для оценки доказательств мотивированы во многом возможностью упрощения деятельности правоприменителя, снижения рутинной нагрузки на судей, а также объективностью и беспристрастностью компьютерных алгоритмов. Искусственный интеллект никогда не подвергается воздействию таких человеческих факторов, как усталость или эмоциональное напряжение [2, С. 21]. Данный подход представляется односторонним, не учитывающим сложный многоаспектный процесс оценки доказательств, высокую значимость принятых процессуальных решений.

Однако, председатель Совета судей РФ В.В. Момотов высказал по данному вопросу принципиально иную позицию. По его мнению внутреннее убеждение (которым согласно требованиям процессуального законодательства руководствуется судья при оценке доказательств) является гораздо более сложной категорией, нежели программные алгоритмы. Одни и те же доказательства могут быть в одном деле отвергнуты, а в другом деле – приняты за основу, все зависит от конкретных обстоятельств. Искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, он не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, поэтому никогда не сможет понять фабулу дела до конца, так как во многих делах, в том числе, семейных, и, особенно, уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического [3]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения.

Стремление упростить, уподобить судопроизводство к шаблону, является недопустимым. Поскольку за материалами каждого дела будь то уголовное или гражданское разбирательство, нахо-

дятся судьбы его сторон, конкретных людей. Оптимизация судопроизводства не должна приводить к его внутренней примитивизации. У правоприменителя не должно создаваться иллюзии непричастности к выносимому решению. А ведь в случае внедрения искусственного интеллекта для оценки доказательств правоприменитель в определенной степени самоустраняется от выносимого решения, он уже не испытывает той степени ответственности, которая сопровождает принятие процессуального решения. В таких условиях он разделяет ответственность с автоматизированной системой и уже встает вопрос: в какой степени судебная ошибка, если таковая произойдет, является производным от действий человека-правоприменителя, а в какой – производным машинного алгоритма, и кто в данном случае несет груз ответственности за неправосудность принимаемого решения.

Попытки заменить внутреннее убеждение человеческой личности алгоритмами искусственного разума представляются бесперспективными в силу уникальности внутреннего убеждения. Так, в результате судебной реформы 1864 года канула в лету «теория формальных доказательств»: «сила» доказательств определена законом (доказательства делились на свершенные и несовершенные, их соотношение было урегулировано). Поставленная благая цель – воспрепятствование судейскому произволу, не была достигнута. Правоприменение показало несостоятельность такого подхода: применение названных правил приводило к тому, что изворотливые преступники, против которых нельзя было обнаружить формальных доказательств, избегали уголовной ответственности [4, С. 365]. Поручение оценки доказательств машинному аппарату с запрограммированным алгоритмом действия является реинкарнацией архаичной «теории формальных доказательств», которая давно доказала свою несостоятельность.

Повышение объективности и справедливости судопроизводства видится в повышении уровня правосознания и нравственного мировоззрения субъектов доказывания – судей, а также в равноудаленности судей от сторон процесса, способствующей проявлению принципа состязательности сторон в судебном процессе.

Принцип свободной оценки доказательств, закрепленный в отраслевом процессуальном законодательстве (ст. 17 УПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 48 КАС РФ), предполагает оценку доказательств субъектом доказывания не абстрактно свободно, а по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем и полном, и что особенно важно, объективном исследовании доказательств. При этом презюмируется наличие у субъекта доказывания профессионального правосознания, основанного в первую очередь на наличии у субъекта юридического образования и опыта, позволяющих беспристрастно оценивать имеющиеся в деле доказательства на предмет их относимости, допустимости, достоверности.

Внедрение искусственного алгоритма в процесс доказывания, особенно на этапе оценки доказательств, требует ответа на вопрос, являются ли равнозначными и взаимозаменяемыми категории «правосознание» и «алгоритм». Представляется, что внутреннее убеждение как способ оценки доказательств не может существовать в условиях отсутствия у субъекта правосознания. Правосознание не сводится к механическому накоплению знаний в виде отдельных правовых норм, содержащихся в законодательных источниках. Правосознание категория значительно более широкая и неразрывно связанная, с личностью, со свойственными ей нравственными и этическими принципами. Профессиональное правосознание позволяет субъекту делать квалифицированные выводы. Правосознание является основой, предпосылкой формирования внутреннего убеждения субъекта доказывания. Сможет ли искусственный интеллект, или точнее алгоритм, заменить человеческое сознание в процессе оценки доказательств, вопрос скорее риторический. Каким бы развитым и передовым не был созданный алгоритм, он остается лишь продуктом интеллектуальной деятельности человека, а следовательно, заложенные в нем последовательности, критерии и шаблоны принятия решений будут уступать человеческому сознанию в вопросах оценки индивидуальных обстоятельств конкретного дела.

Несмотря на наличие общих подходов к применению норм права, обстоятельства конкретного дела, пусть даже в очень распространенной категории дел, в своей совокупности будут уникальны, хотя отдельные закономерности, свойственные всей категории дел, присущи данному делу и роднят его обстоятельства с тысячами схожих дел. Но та индивидуальность обстоятельств, какой бы незначительной она не казалась, всегда будет присутствовать.

Стоит отметить, что решение проблемы понимания механизма формирования внутреннего убеждения судьи при принятии процессуальных решений имеет важное значение для обеспечения объективного и при этом справедливого судопроизводства. Высокая нагрузка безусловно сказывается на работе судебной системы, но механизмы ее снижения не должны приводить к подмене судопроизводства техническим шаблоном, каким бы передовым такой алгоритм не был.

Возможно решение проблемы чрезмерной перегруженности судебной системы лежит в повышении эффективности альтернативных процедур решения споров: досудебное урегулирование, медиация, использование административных процедур. Перегруженность судов свидетельствует в том числе о неэффективности иных способов, в числе которых предусмотренные отраслевым законодательством регламенты и процедуру, которые входят в компетенцию органов государственной власти и местного самоуправления. Следовательно, совершенствование законодательства в части создания альтернативных процедур, на-

правленных на реализацию предусмотренных законом прав и защиту охраняемых законом интересов физических и юридических лиц, неизбежно приведет к снижению числа обращений за защитой в суд. В условиях нормального функционирования правовой системы необходимость обращения в суд является исключительным, а не обыденным, действием. Сформировавшийся в настоящее время подход к правосудию с позиции поиска простого решения любых бытовых задач, действительно привел к чрезмерной загруженности судов рутинной работой к примеру, по выдаче судебных приказов, объем которых растет год от года. Такая фактически механическая работа судов, лишает их возможности эффективно рассматривать другие категории дел. Оптимизация подобных процессов и их автоматизация, могут существенно снизить нагрузку на судебные органы при этом не снижая качество отправления правосудия. Возможность электронного обмена между судом и органами власти, также направлена на снижение нагрузки, сокращение времени, затрачиваемого на сбор доказательств по делу.

Само по себе техническое совершенствование правоприменительной практики в современных условиях неизбежно, но компьютеризация при этом должна быть направлена скорее на технологическую оптимизацию, а не на сущностное преобразование судебной системы в компьютеризированный алгоритм по принятию решений, заранее обусловленных заложенным шаблоном.

Литература

1. Мичурина О.В. искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 65–68.
2. Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 19–34.
3. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании конференции участников Глобальной сети обе-

спечения честности и неподкупности судебных органов по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» // <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/36912>

4. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд, который правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.

ABOUT THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE EVALUATION OF EVIDENCE

Kosareva B.P.

Kuban State University

The widespread integration of computer technologies cannot but affect the field of law enforcement. More and more often questions are raised about the possibility of optimising court proceedings through the introduction of computer technology. In the study of this issue there are law-making tasks of normative fixation of the order of using computer algorithm, as well as moral, moral and ethical tasks about the role of artificial intelligence in correlation with the role of human legal consciousness in decision-making in legal proceedings. In the presented article the author analyses the possibility of using artificial intelligence in the assessment of evidence for its relevance, admissibility and reliability. An attempt is made to compare the categories of “legal consciousness” and “algorithm” in relation to their use in legal proceedings. Questions are raised about the ethics and admissibility of the use of machine algorithms in the evaluation of evidence in various types of legal proceedings and at various stages of the process of proving. The author comes to the conclusion about the danger of delegating (albeit partial) by a human being to an automated system of functions on the implementation of justice.

Keywords: proving, evaluation of evidence, inner conviction, artificial intelligence, legal consciousness, algorithm.

References

1. Michurina O.V. Artificial intelligence vs. inner conviction: a look into the future of criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3. – С. 65–68.
2. Andreev V.K., Laptev, V.A., Chucha S.Y. Artificial intelligence in the system of electronic justice in the consideration of corporate disputes // Vestnik of SPbSU. Law. – 2020. – Vol. 11. – Vyp. 1. – С. 19–34.
3. Speech of the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V.V. Momotov at the plenary session of the conference of participants of the Global Judicial Integrity Network on the topic “Prospects for the use of artificial intelligence in the judicial system of the Russian Federation” // <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/36912>.
4. Shakhrai S.M., Krakovsky K.P. Sud, which is right, merciful and equal for all: Toward the 150th Anniversary of Judicial Reform in Russia. – Moscow: Kuchkovo Pole, 2014. – 536 с.

Квалификация действий лица, выполняющего посреднические функции при сбыте наркотических средств

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации действий лица, участвующего в незаконном обороте наркотических средств, но при этом не являющегося владельцем сбываемых им наркотиков. Автор анализирует вопросы обоснованности данной квалификации и различные факторы, влияющие на законность предъявляемого обвинения. В статье приводятся примеры типовых ситуаций по соответствующим уголовным делам, анализируются санкции статей 228 и 228.1 УК РФ. Также в статье приводится и подробно анализируется приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга по сходному уголовному делу, и, кроме того, исследуются научные статьи по соответствующей теме. Приводятся прежняя и современная редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части квалификации действий посредника при незаконном сбыте или незаконном приобретении наркотического средства, делаются выводы о возможности применения данных редакций при различных обстоятельствах, возникающих по подобным уголовным делам. По мнению автора, в ряде случаев обязательная квалификация действий указанных лиц как соисполнительства при незаконном сбыте наркотических средств недопустима.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, наркотические средства, посредник, соисполнитель, проверочная закупка, незаконное приобретение наркотиков, незаконный сбыт наркотиков.

Трактовка всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого является одним из основных принципов процесса доказывания виновности в совершении преступления. Поэтому зачастую, основываясь именно на данном принципе, сторона обвинения и суд вынуждены существенно смягчать обвинение, квалифицируя действия виновного как преступления гораздо менее тяжкие, нежели те, которые инкриминировались обвиняемому изначально.

Подобные ситуации достаточно распространены при производстве оперативно – розыскных действий, следствия и при судебном разбирательстве по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, в частности, когда сотрудники полиции проводят мероприятия, направленные на выявление лиц, осуществляющих сбыт наркотика, то есть так называемую «Проверочную закупку». Лицо, играющее роль «закупщика», передает подозреваемому деньги для приобретения наркотика. После этого подозреваемый, взяв деньги, покидает место проведения мероприятия так, что осуществить за ним наблюдение не представляется возможным. Через непродолжительный промежуток времени подозреваемый возвращается и передает «закупщику» наркотик.

При подобных обстоятельствах подозреваемый после задержания обычно утверждает, что деньги себе он не брал, а наркотик, который он передал «закупщику», ему не принадлежит. Напротив, подозреваемый настаивает, что, по предварительной договоренности, после получения денежных средств он встретился с третьим лицом, передал ему эти деньги и получил наркотик, который затем и отдал «закупщику». Таким образом, подозреваемый настаивает, что принимал участие в незаконном приобретении наркотика, а не в сбыте наркотических средств.

Различие между наказаниями, предусмотренными статьями 228 и 228.1 УК РФ очень велико, срок лишения свободы за совершение преступления по ст. 228.1 УК РФ превышает наказание за совершение преступления по ст. 228 УК РФ в несколько раз. Поэтому правильная оценка происшедшего по подобным делам чрезвычайно важна.

Так, приговором Московского районного суда Санкт-Петербурга от 23.12.2011 г. Г. признан виновным в совершении пособничества в незаконном приобретении наркотических средств в крупном размере без цели сбыта. [1] Из исследованных судом материалов дела следует, что при проведении «Проверочной закупки» Ш., осуществлявший

закупку наркотика, встретился с Г. на улице. Ш. передал Г. деньги, использовавшиеся при проведении закупки, тот взял деньги, отошел в сторону и Ш. потерял его из виду. Через несколько минут Г. вернулся и передал Ш. наркотическое средство. При анализе представленных доказательств было установлено, что доказательства принадлежности переданного наркотического средства самому Г. суду не представлено. Поэтому, в связи с наличием неустранимых сомнений, обстоятельства дела были трактованы в пользу обвиняемого и действия Г. были квалифицированы по статьям 33 ч. 5 и 228 УК РФ.

Как следует из п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в первоначальной редакции), действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов являются соучастием в сбыте или в приобретении в зависимости от того, в чьих интересах – сбытчика или приобретателя – действует посредник.

Как следует из современной редакции указанного Постановления Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. (п. 15.1), если лицо передает приобретателю наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, то это лицо является соисполнителем в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений.

С нашей точки зрения, данная редакция, в отличие от предыдущей, не охватывает все возможные по уголовным делам о сбыте наркотиков ситуации.

Д.В. Бушков и Р.А. Эфрикян отмечают, что различие между посредническими действиями и действиями сбытчика наркотика состоит в осознании и желании совершения определенных преступных действий. [2]

Исходя из указанной формулировки Пленума Верховного Суда РФ, действия лица следует квалифицировать как соучастие в незаконном сбыте наркотических средств только если материалами дела установлено, что оно действовало по просьбе владельца соответствующих предметов.

Между тем, по значительной части подобных дел установить и задержать владельца наркотика, у которого задержанное лицо приобрело изъятый наркотик, не представляется возможным. Следовательно, также не представляется возможным установить, по чьей просьбе действовал задержанный.

Кроме того, при проведении проверочной закупки изначально договор о покупке наркотика заключается между «закупщиком» и «сбытчиком» наркотических средств. То есть, продавая наркотик, «сбытчик» исполняет просьбу не «сбытчика»,

а приобретателя наркотика, соответственно его действия сбытом наркотика не являются.

А.А. Завьялова отмечает, что посредничество в одном и том же деянии может быть квалифицировано по – разному – как соисполнительство или как пособничество в приобретении, в зависимости от того, с чьей стороны действует лицо. [3]

Следовательно, законная и обоснованная квалификация действий подобного посредника зависит, в основном, от доказательной базы по уголовному делу. Если материалами дела безусловно установлено, что посредник, передавая покупателю наркотик, действовал по просьбе владельца этого наркотика, то правильным будет применение ст. 228 УК РФ, то есть соисполнительства в сбыте.

Если же относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами по делу не установлено, что подобная просьба имела место, то в действиях посредника имеет место преступление по ст. 228 УК РФ – соучастие в незаконном приобретении наркотических средств.

Литература

1. Архив Московского районного суда Санкт-Петербурга, уголовное дело № 1–829/11.
2. Д.В. Бушков, Р.А. Эфрикян. Квалификация посреднических действий и сбыта при незаконном обороте наркотических средств. Юрист-правовед. 2014. № 6 (67) С. 71–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-posrednicheskikh-deystviy-i-sbyta-pri-nezakonnom-oborote-narkoticheskikh-sredstv/viewer> (дата обращения 10.04.2024 г.)
3. А.А. Завьялова. Квалификация посредничества в незаконном приобретении и сбыте наркотических средств. Вопросы российской юстиции. С. 572–577/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-posrednichestva-v-nezakonnom-priobretenii-i-sbyte-narkoticheskikh-sredstv/viewer> (дата обращения 10.04.2024 г.)

QUALIFICATION OF THE ACTIONS OF A PERSON PERFORMING INTERMEDIARY FUNCTIONS IN THE SALE OF NARCOTIC DRUGS

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article examines the issues of qualification of the actions of a person involved in the illicit trafficking of narcotic drugs, but at the same time not being the owner of the drugs sold by him. The author analyzes the issues of validity of this qualification and various factors affecting the legality of the charge. The article provides examples of typical situations in relevant criminal cases, analyzes the sanctions of Articles 228 and 228 1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also provides and analyzes in detail the verdict of the Moscow District Court of St. Petersburg in a similar criminal case, and, in addition, examines scientific articles on the relevant topic. The previous and modern versions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the qualification of the actions of an intermediary in the illegal sale or illegal acquisition of narcotic drugs are given, conclusions are drawn about the possibility of using these editions in various circumstances arising in such criminal cases. According to the author, in some cases, the mandatory qualification of the actions of

these persons as co-execution in the illegal sale of narcotic drugs is unacceptable.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, narcotic drugs, intermediary, co-executor, verification purchase, illegal acquisition of drugs, illegal sale of drugs.

References

1. Archive of the Moscow District Court of St. Petersburg, criminal case No. 1–829/11.
2. D.V. Bushkov, R.A. Efrikyan. Qualification of intermediary actions and sales in the illicit trafficking of narcotic drugs. *Lawyer-jurist*. 2014. No. 6 (67) pp. 71–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-posrednicheskih-deystviy-i-sbyta-pri-nezakonnom-oborote-narkoticheskikh-sredstv/viewer> (date of application 04/10/2024)
3. A.A. Zavyalova. Qualification of mediation in the illegal acquisition and sale of narcotic drugs. *Issues of Russian justice*. pp.572–577/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-posrednichestva-v-nezakonnom-priobretenii-i-sbyte-narkoticheskikh-sredstv/viewer> (accessed 04/10/2024)

Участие прокурора в апелляционном производстве по уголовным делам при обжаловании промежуточных судебных решений

Лукожев Хусен Манаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
E-mail: lukogev@yandex.ru

Самаркина Юлия Эльдаровна,

аспирант кафедры уголовного процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
E-mail: gorbacheva@gitkk.ru

В статье проведено исследование правовых, теоретических и практических вопросов обжалования и пересмотра промежуточных решений суда в апелляционном производстве и особенностей участия прокурора в указанном виде производства. Апелляционное обжалование промежуточных решений прокурором представлено в виде особой формы реализации им надзорной функции в уголовном процессе, а также функции уголовного преследования. В статье также исследована процессуальная природа промежуточных судебных решений, выявлены проблемы, связанные с законодательной регламентацией таких решений в УПК РФ. Подвергнут анализу уголовно-процессуальный статус прокурора, участвующего в рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции при обжаловании промежуточных судебных решений. На основе законодательных, теоретических положений и правоприменительной практики выделены особенности участия прокурора в апелляционном производстве, связанные с юридической природой промежуточных судебных решений и процессуальным статусом прокурора.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, функции прокурора, государственный обвинитель, промежуточные судебные решения, апелляционное производство, апелляционное обжалование.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплён важнейший принцип, отражающий существо правовой государственности и демократического режима: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1]. Указанное конституционное положение обуславливает основное предназначение государственной власти.

Являясь универсальным органом надзора за режимом законности, прокуратура одним из приоритетных направлений деятельности имеет обеспечение прав и свобод граждан в самых разных сферах общественных отношений. Надзорные полномочия прокуратуры реализуются и в рамках уголовного судопроизводства, для чего прокурор наделён разнообразными полномочиями, установленными в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) и других положениях уголовно-процессуального закона. Прокурор является особым субъектом проверки доказательств в стадии предварительного расследования, хотя и в отличие от других субъектов он не наделён полномочиями по производству следственных действий.

В настоящее время прокурорский надзор в уголовно-процессуальной сфере демонстрирует положительные результаты. Так, в 2022 г. органами прокуратуры в рамках реализации надзорной функции в досудебном производстве по уголовным делам было выявлено 5217038 нарушений в том числе 1799639 – при производстве предварительного расследования [3].

Прокурор – должностное лицо, в силу ч. 1 ст. 86 УПК РФ являющееся субъектом (среди прочих), осуществляющим собирание доказательств. Конечно, есть свои особенности в его участии. Стоит сказать, что несколько ранее прокурора можно было отнести к категории полноценных субъектов, который был наделён полным объёмом полномочий расследования каких-либо уголовных дел. Как подразумевается, после образования Следственного комитета РФ у представителей органов прокуратуры остались полномочия лишь по содействию в процессе собирания доказательств уполномоченными субъектами. Конечно, прокурор перестал участвовать на стадии проведения предварительного расследования в следственных действиях, хотя, стоит оговориться, что все-таки в рамках судебного разбирательства у него остались некоторые полномочия. Однако (в отличие от суда), прокурор не проводит в судебном процессе следственных действий. Его компетенция ограничивается непосредственным участием, как государственного обвинителя, истребованием с дальнейшим представ-

лением необходимой доказательственной базы суду.

Помимо собственно прокурорского надзора, самостоятельное значение в структуре деятельности прокуратуры в уголовном процессе имеет функция уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ). В ряде научных работ при определении категории уголовное преследование подчеркивается особая роль прокурора при ее осуществлении по сравнению с иными субъектами [4, С. 13; 5, С. 15].

Кроме задач по поддержанию государственного обвинения, на стадии судебного производства прокурор выполняет и другие задачи, которые могут рассматриваться в структуре уголовного преследования. По мнению В.В. Яковенко, таковыми являются апелляционное, кассационное, надзорное обжалование судебных решений, возбуждение производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств [6, С. 18]. Содержание деятельности прокурора в суде имеет двойственный характер. С одной стороны, как верно замечает Г.Г. Турилов, хоть доказывание в этой стадии носит коллективный характер, однако обязанность доказывания обвинения возлагается на прокурора [7, с. 176]. С другой стороны, необходимо принимать во внимание, что на любой стадии судебного производства прокурор является представителем государства, т.е. у него отсутствует личная заинтересованность в исходе дела (в отличие, например, от частного обвинителя). При определении целей доказывания прокурора следует обратиться к вопросу о процессуальном интересе прокурора. Интерес прокурора в уголовном процессе – это интерес государства и общества обеспечить правопорядок путем уголовного преследования [8, с. 294].

В рамках реализации своих полномочий по реализации функций прокурорского надзора и уголовного преследования прокурор вправе обжаловать судебные решения в апелляционную инстанцию.

Отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве судебные решения, которые могут стать предметом апелляционного обжалования, в соответствии с п. 53.2 и п. 53.3 ст. 5 УПК РФ дифференцируются на два вида: итоговые и промежуточные. Необходимость законодательного деления судебных решений на итоговые и промежуточные была обусловлена порядком их обжалования в целях равномерного распределения нагрузки на суды, рассматривающие жалобы на такие решения в том числе в апелляционном порядке.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 предложен перечень итоговых судебных решений (п. 4) [9]). Промежуточные судебные решения определяются в п. 53.3 ст. 5 УПК РФ по остаточному принципу: ими являются все определения и постановления суда, за исключением итоговых судебных решений. В свою очередь, в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ представлен перечень промежуточных судебных решений, которые могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Если жалоба (представление) подано на судебное решение, которое не обозначено в этом перечне,

то суд возвращает жалобу заявителю (ч. 3 ст. 389.8 УПК РФ).

Институт обжалования промежуточных решений имеет исключительное практическое значение. Согласимся с мнением О.А. Максимова о том, что посредством обжалования промежуточных решений решается задача восстановления нарушенных прав участников уголовного процесса, что вносит вклад в достижение назначения уголовного судопроизводства [10, с. 310].

Между тем, критерии выделения промежуточных решений в УПК РФ строго не определены. Отнесение судебных решений к категории промежуточных по остаточному принципу всех решений кроме итоговых позволяет считать таковыми решения, выносимые судом на любой стадии и этапе уголовного судопроизводства, в том числе в досудебном производстве или в стадии исполнения приговора, или многочисленные решения организационного свойства, но предусмотренные в уголовно-процессуальном законе, что не отвечает процессуальному существу промежуточных судебных решений. Это, как отмечает О.Ю. Коник, приводит к смешиванию судебных решений, не учитывая значимую разницу между ними [11, с. 129].

По данному вопросу некоторые ученые считают, что к промежуточным относятся только те судебные решения, которые вынесены непосредственно в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, но при этом не затрагивают разрешение основного вопроса рассматриваемого дела и не влияют на его разрешение по существу с вынесением итогового решения [12, с. 134].

Однако анализ норм, связанных с институтом апелляционного обжалования решений прокурором, позволяют дополнить указанный вывод. Так, самостоятельным субъектом апелляционного обжалования исследуемых решений является прокурор, причем ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ в ряду субъектов, наделенных правом подачи представления, называет государственного обвинителя и вышестоящего прокурора. Процессуальный статус государственного обвинителя предполагает участие прокурора при рассмотрении дела по существу. Однако прокурор, который наделен надзорными полномочиями на стадии досудебного производства, может не иметь статуса государственного обвинителя. Такая ситуация складывается при рассмотрении материалов в порядке досудебного производства [13, с. 116]. Учитывая изложенное, согласимся с мнением О.В. Назаровой о том, что прокурор обладает также правом принесения апелляционного представления на промежуточные судебные решения [14, с. 95].

Закон предполагает равные права на внесение апелляционного представления на промежуточные решения прокурором, обладающим и не обладающим статусом государственного обвинителя. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 разъяснено, что если

судебное решение обжаловано и государственным обвинителем, и вышестоящим прокурором, то рассмотрению подлежат оба представления.

Из вышеизложенного следует два вывода. Во-первых, Отнесение судебных решений к категории промежуточных по остаточному принципу всех решений кроме итоговых позволяет считать таковыми решения, выносимые судом на любой стадии и этапе уголовного судопроизводства, в том числе в досудебном производстве или в стадии исполнения приговора, или многочисленные решения организационного свойства, но предусмотренные в уголовно-процессуальном законе. Во-вторых, прокурор как субъект апелляционного обжалования промежуточных судебных решений может иметь особый статус государственного обвинителя или же оставаться надзирающим прокурором в процессуальном смысле, определенном УПК РФ. Внесение апелляционного представления прокурором со статусом государственного обвинителя не исключает возможность обжалования того же решения вышестоящим прокурором.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
3. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 15.04.2023).
4. Бабин К.А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
5. Жумаканова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
6. Яковенко В.В. Уголовное преследование и роль прокурора в его осуществлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
8. Лукожев Х.М. Процессуальный интерес прокурора, участвующего в качестве государственного обвинителя в суде // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1.
9. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 1.
10. Максимов О.А. Судебный контроль за промежуточными решениями и действиями суда как элемент реализации права на ходатайство и жалобу в уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесс / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2022.
11. Коник О.Ю. Становление и развитие понятия «промежуточные судебные решения» в уголовном процессе // Научные достижения и открытия 2021: сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2021.
12. Ксензенко Е.Г. Обжалование промежуточных решений в уголовном судопроизводстве // NovaUm.Ru. 2021. № 34.
13. Лютынский А.М. Некоторые проблемы апелляционного производства в российском уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4 (87).
14. Назарова О.В. Прокурор как субъект апелляционного обжалования // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2014. № 19.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL APPEAL PROCEEDINGS WHEN APPEALING INTERIM COURT DECISIONS

Lukozhev Kh.M., Samarkina Yu.E.
Kuban State University

The article examines the legal, theoretical and practical issues of appealing and reviewing interim court decisions in appeal proceedings and the specifics of the prosecutor's participation in this type of proceedings. The appeal of interim decisions by the prosecutor is presented in the form of a special form of implementation of his supervisory function in the criminal process, as well as the function of criminal prosecution. The article also examines the procedural nature of interim court decisions, identifies problems related to the legislative regulation of such decisions in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The criminal procedural status of the prosecutor involved in the consideration of a criminal case in the court of appeal when appealing interim court decisions is analyzed. On the basis of legislative, theoretical provisions and law enforcement practice, the features of the prosecutor's participation in the appeal proceedings related to the legal nature of interim court decisions and the procedural status of the prosecutor are highlighted.

Keywords: criminal proceedings, prosecutor, functions of the prosecutor, public prosecutor, interim court decisions, appeal proceedings, appeal.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4th.

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 02/14/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
3. Statistical data on the main performance indicators of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January-December 2022 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (date of application: 04/15/2023).
4. Babin K.A. Criminal prosecution as a prosecutor's function in the criminal process of Russia: abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2008.
5. Zhumakanova N.A. Refusal of the prosecutor from the prosecution: issues of theory and practice: abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2014.
6. Yakovenko V.V. Criminal prosecution and the role of the prosecutor in its implementation: abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. M., 2006.
7. Turilov G.G. Prosecutor as a subject of evidence in the Russian criminal process: dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2002.
8. Lukozhev H.M. Procedural interest of a prosecutor participating as a public prosecutor in court // Actual problems of Russian law. 2010. № 1.
9. On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating proceedings in the court of appeal: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 27, 2012 No. 26 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 1.
10. Maksimov O.A. Judicial control over interim decisions and court actions as an element of the realization of the right to petition and complaint in criminal proceedings // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedural activity and national security: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the formation of the Department of Criminal Procedure / rel. edited by V.A. Sementsov. Krasnodar, 2022.
11. Konik O.Y. The formation and development of the concept of "interim judicial decisions" in criminal proceedings // Scientific achievements and discoveries 2021: collection of articles of the XX International Scientific Research Competition / ed. by G.Y. Gulyaev. Penza, 2021.
12. Ksenzenko E.G. Appeal of interim decisions in criminal proceedings // NovaUm.Ru. 2021. No. 34.
13. Lyutynsky A.M. Some problems of appeal proceedings in the Russian criminal process // Man: crime and punishment. 2014. № 4 (87).
14. Nazarova O.V. Prosecutor as a subject of appeal // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2014. № 19.

Силаков Олег Юрьевич.

аспирант, кафедра криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
E-mail: osilakov@mail.ru

В статье изучается применение 3D-визуализации в криминалистике, в частности, с целью реконструкции преступлений, так, автор определяет, что трёхмерная визуализация, использующая специализированное программное обеспечение, такое как 3D Max Studio, Maya и Blender помогает в создании реалистичных изображений и анимаций для детального анализа мест преступления.

Далее, автором освещаются основные этапы процесса 3D-визуализации, начиная от сбора данных и сканирования до математического моделирования и деформируемых моделей, делается упор на использовании полигонального моделирования для создания детализированных виртуальных миров. Само применение 3D-технологий в судебно-экспертной практике основывается на комплексе научных методов (наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент и моделирование) для обеспечения максимально объективной доказательной базы.

Автором также поднимаются вопросы, связанные с техническими и методологическими сложностями использования 3D-технологий в криминалистике, такие как обеспечение высокой точности воспроизведения места преступления и объективность данных, на основе которых создается 3D-модель.

Ключевые слова: трёхмерная визуализация, реконструкция преступления, 3D-моделирование, криминалистика, судебно-экспертная практика, полигональное моделирование, математическое моделирование, деформируемые модели.

Трёхмерная визуализация – процесс создания трёхмерных изображений в цифровом формате, принципиальная основа которой заключается в преобразовании геометрических данных, текстур и информации об освещении объекта или сцены в реалистичные изображения или анимации, данный процесс предполагает использование специализированного программного обеспечения, такого как 3D Max Studio, Maya, Revit, Blender, Arnold и VRED, предназначенных для моделирования, текстурирования, анимации и рендеринга [5].

3D-визуализация подразделяется на статическую, в результате которой получаются неподвижные изображения в высоком разрешении, и динамическую, предполагающую создание анимаций или видеороликов, эта технология особенно активно используется в архитектуре, где она позволяет на этапе проектирования наглядно представить как отдельные объекты, так и целые городские кварталы, облегчая визуализацию и корректировку проектных решений, помогая экономии средств и времени, и повышению наглядности и понимания проектов среди заказчиков и инвесторов [2].

Главными этапами в процессе 3D-визуализации являются выбор подходящего программного обеспечения, которое должно соответствовать специфике проекта и предполагаемым задачам, стремление к фотореалистичности создаваемых изображений, поэтому специалисты в данной области должны обладать не только техническими навыками работы с программами, но и художественным видением, чтобы максимально приблизить виртуальные объекты к реальности.

Одной из главных технологий создания 3D-моделей является полигональное моделирование, которое заключается в создании 3D-объектов путем построения и соединения многогранников, таких как треугольники или четырехугольники. Данный метод широко используется в кинематографе, компьютерных играх и анимации для создания сложных и детализированных виртуальных миров и персонажей, главным принципом полигонального моделирования является возможность детализации объекта: чем больше полигонов используется, тем более четким и реалистичным становится изображение, но с другой стороны оно требует больших вычислительных ресурсов, особенно в случае сложных сцен или детализированных моделей.

В промышленности 3D-визуализация используется для детального проектирования и анализа изделий до начала их производства, чтобы избежать ошибок и снизить затраты на создание прототипов; в области образования и науки данная технология служит средством для наглядного представления

сложных процессов и объектов; в рекламе и кинематографе 3D-визуализация обеспечивает создание реалистичных сцен и персонажей, тем самым повышает визуальную привлекательность и реалистичность контента.

В медицинской сфере технологии 3D-сканирования и визуализации позволяют врачам с высокой точностью изучать структуру тканей и органов человека, создавать модели для планирования хирургических вмешательств и даже проектировать и печатать на 3D-принтерах индивидуальные импланты и протезы, полностью приспособленные под анатомические особенности конкретного пациента.

В процессе реконструкции преступлений использование программного обеспечения для 3D-визуализации предоставляют возможности для детализированного анализа мест преступления, визуализации траектории движения объектов и людей, воссоздания событий с высокой степенью точности, повышая успешность следственных мероприятий и предоставляя экспертам средства для наглядной демонстрации и проверки своих гипотез.

Среди инструментов, которые используются в данной области, выделяются продукты компании NVIDIA, которые предлагают решения для научной визуализации с использованием GPU, и позволяющие обрабатывать большие объемы данных, создавать детализированные 3D-модели с высокой скоростью.

Другим примером служат разнообразные программные платформы и инструменты, например, представленные на платформе DirectIndustry, которые обеспечивают функциональность визуализации для анализа, проектирования и автоматизации процессов в промышленности, или такие как Blender, SketchUp и Unity, которые помогают создавать сложные трехмерные объекты и сцены для реализации самых амбициозных проектов в различных областях применения 3D-технологий (3D Studio).

Процесс реконструкции преступления состоит из нескольких этапов [1]:

- 1) Сбор данных и первичные сканы. На этом этапе с использованием специального оборудования проводится трехмерное сканирование места преступления, предметов и, при необходимости, лиц, например, современные методы позволяют переводить эти данные в 3D, создавая базовую модель для дальнейшей работы, данная методика подразумевает фиксацию основных точек и важных деталей, которые используются для реконструкции событий.
- 2) Математическое моделирование и деформируемые модели. Для создания точных и манипулируемых моделей лиц или других объектов используются математические методы, такие как метод главных компонент, позволяющие обрабатывать данные о трехмерной форме и текстуре, поддерживают они линейные комбинации векторов для генерации новых лиц или объек-

тов с заданными характеристиками, в том числе форму, выражение лица и текстуру.

- 3) Использование неявных (implicit) моделей, например, CVPR 2021 основанные на implicit моделях, которые являются сложными математическими структурами для описания пространства пикселей и их преобразования в непрерывные 3D сцены, а модели типа DeepSDF и Pi-FU демонстрируют, как из двумерных изображений создаются реалистичные трехмерные сцены и объекты.
- 4) Реконструкция и анимация. После создания базовых моделей начинается процесс их детализации и дополнения, используя алгоритмы машинного обучения и методы трехмерного моделирования, здесь главным является работа с текстурами и освещением, для того чтобы максимально точно воссоздать сцену преступления для дальнейшего анализа.
- 5) Минимизация функции энергии и оптимизация моделей. Для достижения максимального сходства генерируемых моделей с реальными объектами или сценами используется процесс минимизации функции энергии путем регуляризации параметров и инициализации моделей, основанных на детекции ключевых точек, например, такие методы как трассировка лучей (ray tracing).

Сравняя 3D-визуализацию с традиционными методами, например, с 2D-изображениями или ручным рисованием, можно выделить следующие преимущества:

- 3D-визуализация позволяет создавать изображения, которые максимально приближены к реальности, их легче воспринимать и понимать объекты или процессы.
- В отличие от статичных 2D-изображений, 3D-модели могут быть интерактивными, это значит, что пользователь может взаимодействовать с моделью: поворачивать её, изменять масштаб, исследовать различные стороны объекта или процесса с разных ракурсов.
- Использование 3D-визуализации сокращает время и ресурсы, которые нужны для реализации проектов, поскольку позволяет выявить потенциальные проблемы и ошибки на ранних этапах, то есть облегчает внесение изменений в проект без необходимости его полного пересоздания.

В качестве примера использования 3D визуализации в криминалистике упомянем реконструкцию места происшествия, так, благодаря технологиям 3D моделирования, эксперты воссоздают точную модель места преступления, помогая анализировать видимость из различных точек, проверять алиби и в целом глубже понимать события, происшедшие на месте преступления, такой подход делает её доступной для визуального осмотра судом и присяжными.

Еще одним примером является использование данной технологии для детальной реконструкции места происшествия в документальных фильмах

о громких преступлениях, например, случаи, когда для уголовного дела, в котором фигурировало более 30 лиц воссоздается место преступления с использованием 3D визуализации, опираясь на записи следственного эксперимента [6].

Применение 3D-моделирования в судебно-экспертной практике основывается на использовании комплекса научных методов, таких как индукцию, дедукцию, анализ и синтез: индуктивный метод позволяет экспертам выделять общие закономерности на основе анализа конкретных данных, в то время как дедукция направлена на применение общих теоретических положений к анализу конкретных ситуаций; анализ, в свою очередь, предполагает детальное изучение каждой стороны ситуации путем его разложения на составляющие, чтобы понять механизм происшествия; синтез объединяет полученные в результате анализа данные, воссоздавая общую картину событий в их взаимосвязи и динамике [3].

К общим методам судебно-экспертной деятельности, на которых базируется использование 3D-моделирования, относят наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент и моделирование: наблюдение – целенаправленное и систематическое восприятие объекта исследования, частью которого является визуальный осмотр; измерение помогает определить количественные характеристики объектов с высокой точностью; описание фиксирует основные признаки и свойства объекта исследования, в то время как сравнение позволяет выявить сходства и различия между разными объектами или состояниями. Эксперимент же применяется для проверки гипотез путем создания контролируемых условий, а моделирование – для воссоздания и анализа условий происшествия, в том числе динамику событий и изменения в объектах и окружении – в совокупности данные методы обеспечивают максимально объективную доказательную базу.

Исследуя проблемы, связанные с использованием 3D-визуализации в криминалистике, в первую очередь, выделим, что на пути эффективного применения 3D-технологий стоят технические и методологические сложности, к таким проблемам отнесем потребность в обеспечении высокой точности воспроизведения места преступления и действий участников.

Второй серьезной проблемой является вопрос объективности и точности данных, на основе которых создается 3D-модель, ведь любая реконструкция, в том числе с использованием трехмерной графики, основывается на первичных данных – показаниях свидетелей, материалах следствия, фотографиях с места происшествия, то есть погрешности в исходных данных могут стать причиной создания неверной модели, что, в свою очередь, окажет влияние на результаты расследования [4].

Еще одной стороной вопроса является техническая сторона, такая как использование специализированного программного обеспечения и высокопроизводительной компьютерной техники для

обработки данных и создания моделей, которые требуют финансовых затрат на этапе внедрения технологий, в процессе поддержки, и обновления программного и технического обеспечения.

Не стоит также забывать и о человеческом факторе – специалистам, занимающимся реконструкцией преступлений, нужно обладать не только знаниями в области криминалистики, но и иметь навыки работы с 3D-моделированием, что требует времени и дополнительных ресурсов на обучение.

Литература

1. «Глаза» ИИ: что видят системы компьютерного зрения сегодня и что разглядят завтра, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/twin3d/articles/572576/> (дата обращения: 03.04.2024).
2. Живица В.В., Эрайзер А.А. 2022. Принципы 3D реконструкции объектов культурного наследия античного периода на примере греко-скифского городища Калос Лимен в Республике Крым. Строительство и техногенная безопасность. № 24 (76). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-3d-rekonstruktsii-obektov-kulturnogo-naslediya-antichnogo-perioda-na-primere-greko-skifskogo-gorodischa-kalos-limen-v> (дата обращения: 02.04.2024).
3. Зайнашева Ю.В., Нарезная Т.К., Пилюгина М.А. Классификация методов, применяемых в судебной экспертизе. Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018015960> (дата обращения: 03.04.2024).
4. Оракбаев А.Б. 2022. О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации. Вестник Уральского юридического института МВД России. № 1 (33). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-rassledovaniya-prestupleniy-s-ispolzovaniem-sredstv-virtualizatsii> (дата обращения: 02.04.2024).
5. Холопов, А. В. 2021. Компьютерные программы 3D-визуализации события преступления. Криминалистика. № 3(36). С. 70–76. – EDN MBLXRH.
6. Шамин А. 2021. 3D Визуализация – топ-5 вариантов использования и их стоимость [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/design/290795-3d-vizualizaciya-top-5-variantov-ispolzovaniya-ih-stoimost>.

3D-VISUALIZATION IN CRIME RECONSTRUCTION

Silakov O.Yu.
Kuban State University

The article studies the use of 3D visualization in forensic science, in particular, for the purpose of reconstructing crimes, so the author determines that three-dimensional visualization using specialized software such as 3D Max Studio, Maya and Blender helps in creating realistic images and animations for detailed analysis of crime scenes.

Next, the author covers the main stages of the 3D visualization process, from data acquisition and scanning to mathematical modeling and deformable models, with an emphasis on the use of polygon modeling to create detailed virtual worlds.

The very use of 3D technologies in forensic practice is based on a set of scientific methods (observation, measurement, description, comparison, experiment and modeling) to provide the most objective evidence base.

The author also raises issues related to the technical and methodological difficulties of using 3D technologies in forensic science, such as ensuring high accuracy of crime scene reproduction and the objectivity of the data on the basis of which a 3D model is created.

Keywords: three-dimensional visualization, crime reconstruction, 3D modeling, forensics, forensic practice, polygonal modeling, mathematical modeling, deformable models.

References

1. Anonymous. 2020. Eyes of AI: what computer vision systems see today and what they will see tomorrow [Electronic resource]. URL: <https://habr.com/ru/companies/twin3d/articles/572576/> (access date: 04/03/2024).
2. Zhivitsa V.V., Erizer A.A. 2022. Principles of 3D reconstruction of cultural heritage sites of the ancient period using the example of the Greco-Scythian settlement of Kalos Limen in the Republic of Crimea. Construction and industrial safety. No. 24 (76). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-3d-rekonstruktsii-obektov-kulturnogo-naslediya-antichnogo-perioda-na-primere-greko-skifskogo-gorodischakalos-limen-v> (access date: 02.04 .2024).
3. Zainasheva Yu.V., Narezhnaya T.K., Pilyugina M.A. Classification of methods used in forensic examination. Materials of the XI International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" [Electronic resource]. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018015960> (access date: 04/03/2024).
4. Orakbaev Askhat Bakytuly. 2022. On some issues in the investigation of crimes using virtualization tools. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 1 (33). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-rassledovaniya-prestupleniy-s-ispolzovaniem-sredstv-virtualizatsii> (date of access: 04/02/2024).
5. Kholopov, A. V. 2021. Computer programs for 3D visualization of crime events. Forensic specialist. No. 3(36). pp. 70–76. – EDN MBLXRH.
6. Shamin A. 2021. 3D Visualization – top 5 use cases and their cost [Electronic resource]. URL: <https://vc.ru/design/290795-3d-vizualizaciya-top-5-variantov-ispolzovaniya-i-ih-stoimost>.

Субъективная сторона соучастия в преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: систематизация подходов к квалификации в правовом дискурсе

Сипягин Николай Александрович,

магистрант 2 курса института публичного права и управления
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: nik1999sipaigin@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы субъективной стороны соучастия, они освещены через призму преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что никак не исключает актуальности полученных выводов для решения проблем, касающихся других нарушений. Научная статья затрагивает дискуссионные вопросы, связанные с определением субъективной стороны при соучастии в преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Основная цель статьи – проанализировать существующие точки зрения на психологический аспект деятельности соучастников наркопреступлений и предложить рекомендации по квалификации спорных ситуаций. Делается вывод, что субъективная сторона лица, являющегося соучастником, выражается намерением оказать помощь третьему лицу в передаче наркотических средств получателю. Они оба связаны единым умыслом, направленным на сбыт, причем основную часть объективной стороны опять же выполняет посредник. Это несколько не исключает исполнительского характера деятельности отправителя, поскольку процесс реализации наркотиков начинается в момент их отчуждения от владельца и завершается моментом получения приобретателем. В этом процессе всегда задействованы оба участника.

Ключевые слова: субъективная сторона, соучастие, сбыт, приобретение наркотических средств, исполнитель, подстрекатель, пособник, посредник.

Тема соучастия занимает особое место в уголовно-правовой науке. Она привлекает внимание исследователей своей сложностью и многогранностью. К наиболее существенным и спорным аспектам данной проблематики, пожалуй, следует отнести особенности субъективной стороны соучастников [1, 6, 9].

Для детального анализа точек зрения, высказанных в научной литературе на данную тематику, целесообразно рассмотреть проблемы психической стороны соучастия в контексте преступлений, обладающих общими видовыми признаками. Преимуществом такого подхода является его практическая направленность, поскольку он не только позволит выявить существующие пробелы теоретического характера, но и способствует усвоению специфики, присущей конкретной разновидности преступлений.

В настоящей статье вопросы субъективной стороны соучастия будут освещены через призму преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что никак не исключает актуальности полученных выводов для решения проблем, касающихся других нарушений.

Соучастием в преступлении является умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК). Оно всегда предполагает умышленное действие. Следовательно, вопрос о неосторожном соучастии на сегодняшний день утратил актуальность, несмотря на то, что ранее он активно обсуждался в научных кругах [9, с. 251].

А вот относительно возможности косвенного умысла в соучастии ученые пока не пришли к единому мнению.

Предположив, что при определенных обстоятельствах субъект может совершить свою часть действий с прямым умыслом, а к особенностям поведения других участников отнестись с безразличием, Сергеев В.В. пришел к выводу, что косвенный умысел в соучастии возможен [10, с. 65–67]. К примеру, когда лицо предоставляет злоумышленникам различные вещества, не будучи абсолютно уверенным, но лишь предполагая, что последние будут использовать их для незаконного производства наркотиков [15].

Рарог А.И. возражает против изложенной точки зрения: «Вид умысла соучастника должен определяться волевым отношением к факту объединения преступных действий, то есть к факту, выражающему юридическую сущность соучастия. Присоеди-

ниться к сообщая совершаемому преступлению возможно только по собственному желанию» [9, с. 186]. Согласно позиции ученого, наличие у субъекта сомнений относительно общественно опасных черт поведения других участников преступления исключает элемент соучастия. Это объясняется тем, что, хотя такой субъект и имеет определенное волевое отношение к совместным действиям, в интеллектуальной составляющей его намерения отсутствует обязательный признак в виде осознания преступной природы выполняемого соучастия, поскольку лицо всего лишь допускает, что деятельность его сообщников является общественно опасной.

Сложившееся противоречие напоминает проблему косвенного умысла в преступлениях с формальным составом. Точно так же возникает необходимость выбора между двумя подходами, ни один из которых нельзя назвать теоретически совершенным: 1) Либо следует согласиться, что лицо, допускающее возможность общественно опасной характеристики деятельности соучастников или относящееся к такой возможности с безразличием, а также намеренно присоединяющееся к этой деятельности, не должно нести уголовную ответственность, даже если активность участников оказывается преступной на самом деле; 2) Либо нужно исходить из фактической составляющей поведения субъекта и, при наличии в действиях участников реальной общественной опасности, признавать такое поведение соучастием, совершенным с косвенным умыслом. Но тогда содержание интеллектуального элемента косвенного умысла применительно к соучастию должно толковаться иначе, чем по отношению к преступлениям, совершаемым одним лицом.

Есть основания полагать, что второй подход более предпочтителен, так как он уменьшает возможность освобождения недобросовестных лиц от заслуженного наказания в связи с сомнениями в отдельных аспектах социальной опасности совершаемого ими умышленного преступного соучастия. Значит, лицо, которое оказывает помощь третьим лицам, при этом допуская или относясь с безразличием к тому, что его помощь может использоваться для незаконного производства наркотиков, должно быть привлечено к уголовной ответственности за соучастие, совершенное с косвенным умыслом, если будет установлено, что запрещенные вещества действительно производились благодаря его содействию.

Нормативное описание субъективной стороны соучастия прямо не учитывает ситуаций, когда лица не осознают фактического взаимодействия при совершении совместных преступных действий [11, с. 50]. В таких случаях наиболее правильным подходом будет руководствоваться 5-й статьей УК, согласно которой к вине каждого участника следует относить только те юридически значимые обстоятельства деяния, которые отражались в его сознании. То есть соучастие возникает только в случае, когда каждый участник преступления осознает, что его действия не являются изолированными, а со-

ставляют часть коллективного нарушения. Более того, стоит подчеркнуть, что при соучастии в первую очередь важно осознание именно тех признаков, которые законодатель включил в конструкцию состава преступления.

В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2023 года было указано следующее: «*То обстоятельство, что, по утверждению Л., она не знала о составе группы, не была знакома с ее членами, в том числе с ее руководителем и М., не имела представления о характере и масштабах деятельности группы, не может служить основанием для признания необоснованной квалификации ее действий как совершенных в составе организованной группы...*» [16].

Некоторые эксперты высказывают мнение, что взаимная осведомленность о преступной деятельности всех лиц, принимающих участие в совершении преступления, является необходимой только в контексте соисполнительства [2, с. 70–74].

При таком подходе предполагается, что в исключительных случаях исполнитель может не знать о наличии других участников преступления, но его деяние все равно будет являться частью совместного преступного акта. В связи с этим расхождение с принципом вины становится очевидным, что дает основания считать высказанное утверждение ошибочным [13, с. 35–38].

Довольно сложным является вопрос о юридической оценке действий соучастников в преступлениях, где факультативные признаки субъективной стороны имеют конструктивное значение.

Основное внимание при решении подобных казусов должно быть обращено на дополнительные обстоятельства совершенного преступления. В частности, многое зависит от структуры нормы особенной части. Если в преступлении, для которого характерна специальная цель, соучастники расходятся в представлении о желаемом результате совместной деятельности, то правоприменителю следует выяснить, чем руководствовался исполнитель преступления, и знали ли об его намерении остальные участники.

Допустим, что один из участников знал о намерении исполнителя хранить наркотики в его помещении для последующего сбыта. Тогда этот соучастник будет привлечен к ответственности за пособничество в незаконном сбыте наркотиков, независимо от того, какой интерес при этом преследовал он сам. То есть для квалификации важно общее осознание наличия у исполнителя специальной цели, а не единство всех участников в этом устремлении [3, с. 47–48].

Иначе решается ситуация, когда цель исполнителя идет вразрез с интересами остальных соучастников.

Свердловский областной суд рассмотрел апелляционную жалобу осужденного Ш., признанного виновным в покушении на незаконный сбыт наркотического средства, совершенном группой лиц по предварительному сговору.

В своей жалобе Ш. выразил несогласие с выводами суда первой инстанции. Он обратил внимание на то, что устроился работать «закладчиком» с единственной целью – получить доступ к запрещенным веществам для личного потребления. Ш. также сообщил, что вводил в заблуждение своих сообщников, отправляя им фотографии различных мест и убеждая, что спрятал там наркотики для последующей продажи через интернет. На основании вышеизложенного, он просил суд переqualифицировать его действия и назначить наказание по ч. 2 ст. 228 УК.

Поскольку в материалах действительно отсутствовали сведения, подтверждающие причастность Ш. к незаконному сбыту, а также имелись нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, суд апелляционной инстанции отменил приговор и направил дело Ш. на новое рассмотрение [17].

Позиция Свердловского областного суда является правильной по двум причинам:

Во-первых, из обстоятельств, установленных в апелляционном определении, следует, что во взаимодействиях Ш. и третьих лиц отсутствовал такой важный признак субъективной стороны соучастия, как согласованность действий. Согласованность означает, что каждый из участников, стремясь к общему результату, вносит свой вклад в совместное деяние, что облегчает совершение преступления остальным участникам и содействует достижению оговоренного результата. Несмотря на то, что Ш. осуществлял определенное взаимодействие со своим «работодателем», их цели заметно различались и даже противоречили друг другу, что в данном контексте недопустимо для соучастников;

Во-вторых, намерение Ш. заключалось в том, чтобы завладеть наркотиками для собственного потребления, поэтому его умысел был полностью реализован, а преступление считалось юридически оконченным в момент, когда ему передали вещества для запланированной продажи. В то же время реализация намерения владельца интернет-магазина находилась только на стадии покушения, что также свидетельствует о принципиальной разнице между двумя самостоятельными составами.

Выявление уникальных особенностей субъективной стороны, которые определяют юридическую природу каждой из разновидностей соучастников, играет важную роль в обеспечении точности квалификации и справедливости при индивидуализации наказания.

В соответствии с ч. 4 ст. 33 УК подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или любым другим способом.

Пожалуй, одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов, связанных с ролью подстрекателя, является проблема её разграничения от провокационной деятельности агента оперативных служб.

Согласно рекомендации Верховного Суда РФ «под провокацией сбыта наркотиков судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой и косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ)» [18].

Ученые советского периода трактовали деятельность провокатора исходя из принципов института соучастия [12, с. 566–583]. Однако следует обратить внимание на следующий пример из судебной практики, в котором наглядно представлено существенное различие между этими категориями.

Обращение осужденного Т. в Седьмой кассационный суд общей юрисдикции было связано с его несогласием с приговором суда первой инстанции и просьбой о снижении наказания. В своем обращении он утверждал, что совершение им незаконного сбыта наркотического средства было вызвано провокацией, организованной правоохранительными органами при помощи завербованного агента. Т. заявил, что суд не учел данную деятельность оперативных сотрудников и не дал ей должной юридической оценки.

В ответ на доводы Т. кассационный суд указал, что действия правоохранителей не носили провокационный характер, а были направлены на выявление и привлечение к ответственности лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков. До «проверочной закупки» правоохранительные органы не располагали точной информацией об источнике незаконного распространения наркотических средств. Суд отметил, что проведенные полицией мероприятия соответствовали положениям Федерального закона от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Следовательно, никаких нарушений законных прав и интересов Т. в них не усматривается [19].

На основании этих разъяснений можно сделать вывод, что несмотря на кажущуюся схожесть провокационной деятельности и подстрекательства, между ними существует принципиальное различие в субъективном отношении лица к дальнейшим действиям исполнителя преступления. Провокатор действует не с целью причинения вреда общественным отношениям, на которое сподвигает исполнителя, а, наоборот, с целью выявления преступника и передачи его в руки государственной власти. Подстрекатель же, побуждая исполнителя к совершению деяния, либо желает, чтобы последний нарушил закон, либо, по крайней мере, относится к этой возможности с безразличием.

Иного взгляда придерживается Яни П.С. Автор пишет: «Хотя провокация и имеет общеупотребительный смысл, с правовой точки зрения она есть не что иное, как подстрекательство к преступлению [14, с. 135–137]».

Думается, что профессор не уделяет должного внимания такому существенному признаку субъективной стороны соучастника (в данном случае

подстрекателя), как единство умысла с остальными участниками преступления. Ранее нами был обоснован довод относительно того, что участники могут различаться по мотивам и целям личной преступной активности. Более того, допускалось, что в некоторых ситуациях участники также могут иметь различное содержание умысла в отношении совершаемых действий (то есть наличие у одного или нескольких участников косвенного умысла, направленного на соучастие). Однако наряду с этим неотъемлемым компонентом субъективной стороны любого из них всегда является волевое решение в той или иной роли принять участие в совместном поведенческом акте.

Весьма точно на этот счет пишет Кугушева С.В.: «В случае провокации преступления у лица, ее осуществляющего, отсутствует волевой момент умысла, так как его желание направлено, в первую очередь, на последующее изобличение лица, в отношении которого осуществляется провокация» [4]. Следовательно, провокатора нельзя приравнивать к подстрекателю, поскольку, в отличие от подстрекателя, реализация преступного намерения которого зависит от реакции исполнителя, провокатор всегда достигает своей цели сразу после того, как провоцируемый субъект реагирует на его призыв. При этом его деятельность носит абстрагированный характер от исполнителя, так как не всегда важно, поведется ли целевое лицо на провокацию илиотреагирует на нее иным образом. Ведь внедрение агента может иметь исключительно проверочное назначение. Пример именно такого использования провокатора представлен в деле Т.

При анализе ролей соучастников следует обратить внимание на возможные трудности с определением субъективных различий между пособником и исполнителем преступления.

Часть 2 статьи 33 УК устанавливает, что исполнителем признается лицо, совершившее преступление самостоятельно или сообща с другими лицами, а также использовавшее для совершения преступления лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

У правоприменителя возникают сложности, когда действия исполнителя напоминают преступление, отличное от юридической характеристики поведения других участников совместной деятельности. В таких случаях, чтобы избежать ошибок при квалификации, требуется тщательно разобраться с имевшимся у субъекта намерением.

Приговором Ленинского районного суда Республики Крым А. был признан виновным в совершении незаконного сбыта наркотических средств в значительном размере (п. «б», ч. 3, ст. 2281 УК).

Суд установил, что А. и Б. были знакомы друг с другом на протяжении продолжительного времени (1 год). При знакомстве А. рассказал Б., что он знает, как приобретать запрещенные вещества через интернет. По прошествии года с этого момента Б., действуя в качестве агента полиции, принял участие в оперативном мероприятии «Проверочная закупка», выступая в роли покупателя

наркотических средств. Согласно заранее разработанному с полицейскими плану, Б. позвонил А. и выразил желание приобрести наркотики. В ответ А. назначил ему встречу около 09:00 у заброшенной заправочной станции. При встрече А. получил от Б. денежные средства в размере 2500 рублей и предупредил, что придется подождать, пока он купит наркотики у третьих лиц. Собственных денег и наркотиков у А. не было. Примерно через девять с половиной часов, в 18:30 того же дня, А. позвонил Б. и предложил ему снова прийти на прежнее место для получения пакета с веществом. После того, как А. передал наркотики Б., его задержали полицейские. Не лишним будет отметить, что на покупку наркотиков А. израсходовал ровно ту сумму денег, которую он ранее получил от Б.

В судебном заседании А. не согласился с тем, что его действия содержали признаки сбыта. Он утверждал, что совершил пособничество в незаконном приобретении наркотических средств. Однако суд пришел к другому выводу [20].

После этого А. обратился в суд вышестоящей инстанции, продолжая настаивать на переквалификации его действий. В результате его аргументы вновь были отклонены [21].

Тогда А. по тем же основаниям попытался оспорить вышеупомянутые судебные акты, обратившись с жалобой в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции.

В кассационном определении коллегия по уголовным делам указала следующее:

«По смыслу закона, для квалификации действий виновного как пособничества в приобретении наркотического средства у него должен быть установлен соответствующий общий с исполнителем умысел на незаконное приобретение наркотического средства. На наличие такого умысла может указывать то, что посредник не имел своих наркотических средств и собственных каналов для реализации наркотика, действовал без сговора со сбытчиками наркотических средств, не имел самостоятельных контактов с продавцом наркотика, а всю информацию получал от покупателя.

Делая вывод о совершении осужденным сбыта наркотических средств, судебная коллегия учитывает, что в момент обращения Б. к А. последний сразу ответил согласием на просьбу Б. о передаче ему наркотических средств, поскольку самостоятельно располагал достоверными сведениями об источнике их приобретения... То есть, А. по собственной инициативе заранее приискал источник приобретения наркотического средства, после чего совершил активные действия, направленные на получение наркотика от третьих лиц и последующую его передачу Б.

Учитывая изложенное, судебная коллегия считает несостоятельной версию осужденного о том, что умысла на сбыт наркотического средства он не имел, а действовал как пособник...» [22].

Уголовное дело А. примечательно тем, что как позиция осужденного, так и вывод суда кассационной инстанции, являются ошибочными.

Кассационный суд верно заметил, что при совершении преступления соучастники должны действовать с единым умыслом. Но наличие у А. собственных источников покупки запрещенных веществ ни в коем случае не должно исключать возможность его участия в незаконном приобретении наркотиков в качестве посредника. Помимо этого, утверждение о том, что имевшиеся у А. контакты со сбытчиками были специально установлены для последующего распространения наркотических средств, лишено логической связи, поскольку Б. сам обратился к нему за помощью.

Суд уделил недостаточно внимания особенностям субъективной стороны посредника. Из приговора следует, что А. собирался помочь Б. приобрести наркотические средства у третьих лиц. При этом сам А. не располагал запрещенными веществами в момент первой встречи с Б. и, следовательно, не мог предложить их на продажу. Таким образом, пакет, купленный на деньги Б. по предварительной договоренности с А., сразу после оплаты стал принадлежать последнему. В момент их последней встречи Б. получил его во владение как свое имущество, а не как собственность, принадлежавшую А.

Кроме того, А. договаривался о помощи именно с приобретателем, а не с поставщиками, что исключает рассмотрение этого обстоятельства в качестве подтверждения направленности его умысла на незаконный сбыт.

Исходя из изложенного, может показаться, что мнение А. относительно юридической характеристики его деяния является более обоснованным, чем позиция судов. Однако, как упоминалось ранее, это предположение ошибочно.

Некоторые специалисты действительно склонны думать, что в подобных ситуациях имеет место пособничество в незаконном приобретении наркотиков. Данная точка зрения опровергается устоявшимся подходом, согласно которому единственным соучастником, непосредственно осуществляющим объективную сторону преступления, является исполнитель.

В рассматриваемом примере А. не создает условий, способствующих беспрепятственному получению наркотических средств. Он лично договаривается с продавцом наркотиков, самостоятельно забирает пакет с веществом из тайника и передает его провокатору. Даже если в первую очередь отталкиваться от того, что юридически приобретение завершилось в момент, когда Б. получил сверток, и А. создал для этого все необходимые условия, все равно получается, что основная часть действий, непосредственно направленных на получение запрещенных веществ, была выполнена именно посредником, так как наркотики изначально находились у третьих лиц. Значит, несмотря на то, что действия А. были посредническими, признать его пособником в незаконном приобретении нельзя согласно смыслу п. 5 статьи 33 УК.

Тогда следует предположить, что в данном случае А. являлся соисполнителем преступления.

Любавина М.А. пишет, что «в получении наркотика во владение, что образует объективную сторону его приобретения, фактически участвует и то лицо, для которого приобретается наркотик, и то, которое выступает в роли посредника» [5, с. 546].

Многие авторы, в особенности среди тех, кто склонен к мысли, что в подобных ситуациях посредник должен рассматриваться в качестве пособника, высказывают сомнения относительно правильности изложенного взгляда [14]. По их мнению, для того чтобы квалифицировать деяние как соисполнительство в приобретении наркотических средств, необходимо, чтобы второй участник (Б.) выполнил хотя бы часть действий, охватываемых объективной стороной состава преступления.

Судя по всему, эти ученые упускают из внимания то обстоятельство, что для соучастия с посредником также необходимо, чтобы Б. был исполнителем. Иначе в чьих интересах тогда действовал пособник?

Роль Б. заключалась в том, что он передал денежные средства А. и далее не принимал личного участия в покупке наркотиков. В данном случае ключевым является то, что он осознавал нахождение наркотиков у третьих лиц, когда обратился к А. за помощью в их приобретении. Следовательно, процесс их получения при помощи посредника включал весь период времени, начиная с момента, когда они покинули сбытчика, и заканчивая моментом, когда пакет попал в распоряжение провокатора. Непосредственное участие в этом процессе принимали как А. в роли посредника, так и Б. в качестве конечного получателя. Таким образом, оба лица выполняли объективную сторону приобретения наркотических средств. Поэтому их действия являлись соисполнительством, где субъективная сторона А. заключалась в намерении помочь Б. приобрести наркотики без цели дальнейшего сбыта третьим лицам, исходя из чего он должен был быть признан виновным по части 1 статьи 228 УК.

Подобного взгляда нужно придерживаться, оценивая ситуацию, в которой лицо выполняло посреднические функции при незаконном сбыте.

Об этом прямо говорится в Постановлении Пленума Верховного суда: «В случае, когда лицо передает приобретателю наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений» [23]. Субъективная сторона такого лица выражается намерением оказать помощь третьему лицу в передаче наркотических средств получателю. Они оба связаны единым умыслом, направленным на сбыт, причем основную часть объективной стороны опять же выполняет посредник. Это несколько не исключает исполнительского характера

деятельности отправителя, поскольку процесс реализации наркотиков начинается в момент их отчуждения от владельца и завершается моментом получения приобретателем. В этом процессе всегда задействованы оба участника.

На этом краткий анализ проблем субъективной стороны при соучастии в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, завершен.

Литература

1. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник / Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, Т.В. Клёнова [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022. С. 127;
2. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 70–74.
3. Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 47–48.
4. Кугушева С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2005. № 10.
5. Любавина, М.А. Проблемы применения статей 228 и 228¹ Уголовного кодекса РФ в свете постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» / М.А. Любавина // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 1. – С. 546.
6. Молчанов Д.М. Практикум по уголовному праву: учебное пособие для бакалавров / Д.М. Молчанов; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: Проспект, 2021. С. 87.
7. Новикова, Е.В. Квалификация незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, совершенного в соучастии / Е.В.Новикова // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2013 г. / редкол.: И.О. Грунтов (отв.ред) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 79–82.
8. Прохоров В. С. К вопросу о субъективной стороне соучастия // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1962. Вып. 2. С. 115.
9. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2016. – С. 182, 186, 251.
10. Сергеев В.В. Косвенный умысел при соучастии // Вестник МГУ. Серия Право. М., 1971. С. 65–67.
11. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении М., 1974. С. 50.
12. Трайнин А.Н. Избранные труды. Сост., вступ. ст.: Кузнецова Н.Ф. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 287–304; Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / Пионтковский А.А. – М.: Госюриздат, 1961. С. 566–583.
13. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 35–38.
14. Яни П.С. Незаконный оборот наркотиков: пособничество в приобретении или сбыт / П.С. Яни // Уголовное право. 2005. № 5. С. 135–137.
15. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.05.2023 N 55–173/2023 Приговор: По ч. 5 ст. 228.1 УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Определение: Приговор изменен, смягчено назначенное судом наказание.
16. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2023 N 1-УД23–3-А2 Приговор: По ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ (покушение; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Определение ВС РФ: Приговор изменен: исключено осуждение по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, а также назначение наказания на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ; приговор в части осуждения по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 7 лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима оставлен без изменения.
17. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25.11.2021 по делу N 22–8298/2021 Приговор: По ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Определение: Приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство.
18. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.
19. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 N 77–5708/2022 Приговор: По ч. 1 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Определение: Приговор оставлен без изменения.
20. Приговор Ленинского районного суда Республики Крым от 29.06.2022 по делу N 1–16/2022 Обвинение: По п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка

наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Приговор: Вынесен обвинительный приговор.

21. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 25.10.2022 по делу N 1–16/2022 Приговор: Ст. 228.1 УК РФ (незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...).
22. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2023 N 77–3306/2023 Приговор: По пп. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Определение: Акты оставлены без изменения.
23. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

THE SUBJECTIVE SIDE OF COMPLICITY IN CRIMES IN THE FIELD OF ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES: SYSTEMATIZATION OF APPROACHES TO QUALIFICATION IN LEGAL DISCOURSE

Sipyagin N.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

This article examines the issues of the subjective side of complicity; they are illuminated through the prism of crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, which in no way excludes the relevance of the findings for solving problems related to other violations. The scientific article touches on controversial issues related to the definition of the subjective side of complicity in crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. The main purpose of the article is to analyze existing points of view on the psychological aspect of the activities of accomplices in drug crimes and offer recommendations for the qualification of controversial situations. It is concluded that the subjective side of a person who is an accomplice is expressed by the intention to assist a third party in transferring drugs to the recipient. They are both connected by a single intent aimed at sales, and the main part of the objective side is again performed by the intermediary. This in no way excludes the executive nature of the sender's activity, since the process of selling drugs begins at the moment of their alienation from the owner and ends with the moment of receipt by the acquirer. Both participants are always involved in this process.

Keywords: subjective side, complicity, sale, acquisition of narcotic drugs, executor, instigator, accomplice, intermediary

References

1. Actual problems of criminal law. General part: textbook / L.V. Inogamova-Hegai, A.G. Kibalnik, T.V. Klenova [et al.]; edited by L.V. Inogamova-Hegai. – 2nd ed., reprint. and add. – Moscow: Prospekt, 2022. p. 127;
2. Kozlov A.P. Complicity: traditions and reality. St. Petersburg, 2001. pp. 70–74.
3. Krieger G.A. Complicity in criminal law. M., 1959. pp. 47–48.
4. Kugusheva S.V. Provocation of a crime: problems of criminal law qualification // Criminal law. 2005. № 10.
5. Lyubavina, M.A. Problems of application of Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the light of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2006 No. 14 “On judicial prac-

6. Molchanov D.M. Workshop on criminal law: textbook for bachelors / D.M. Molchanov; Moscow State Law. O.E. Kutafin University (MGUA). – Moscow: Prospekt, 2021. p. 87.
7. Novikova, E.V. Qualification of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues committed in complicity / E.V. Novikova // Improvement of legal regulation and mechanisms of functioning of the crime prevention system: materials of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, October 18–19, 2013 / editorial board: I.O. Gruntov (ed.) [et al.]. – Minsk: Publishing House of the BSU Center, 2013. pp. 79–82.
8. Prokhorov V.S. On the issue of the subjective side of complicity // Bulletin of LSU. Ser. 6. 1962. Issue. 2. p. 115.
9. Rarog A.I. Problems of qualification of crimes on subjective grounds: monograph / A.I. Rarog. – M.: Prospekt, 2016. – pp. 182, 186, 251.
10. Sergeev V.V. Indirect intent with complicity // Bulletin of the Moscow State University. Series of Law. M., 1971. pp. 65–67.
11. Telnov P.F. Responsibility for complicity in a crime M., 1974. P. 50.
12. Trainin A.N. Selected works. Comp., introductory article: Kuznetsova N.F. – S.-Pb.: Legal Center Press, 2004. pp. 287–304; The doctrine of crime under Soviet criminal law. The course of Soviet criminal law: The general part / Piontkovsky A.A. – M.: Gosyurizdat, 1961. pp. 566–583.
13. Galiakbarov R.R. Qualification of group crimes. M., 1980. pp. 35–38.
14. Yani P.S. Drug trafficking: complicity in the acquisition or sale / P.S. Yani // Criminal Right. 2005. No. 5. pp. 135–137.
15. The appeal ruling of the First Court of Appeal of General Jurisdiction dated 05/03/2023 N 55–173/2023 Sentence: According to part 5 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...). Definition: The sentence was changed, the punishment imposed by the court was commuted.
16. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.04.2023 N 1-UD23–3-A2 Verdict: According to Part 3 of Article 30, Part 5 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (attempt; illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...). Definition of the Supreme Court of the Russian Federation: The sentence was changed: the conviction under Part 3 of Article 30, Part 5 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation was excluded, as well as the imposition of punishment on the basis of part 3 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation; the sentence regarding conviction under Part 5 of Article 228.1 The Criminal Code of the Russian Federation has been left unchanged for punishment in the form of imprisonment for a period of 7 years with serving in a correctional colony of general regime.
17. The appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 11/25/2021 in case No. 22–8298/2021 Verdict: According to part 3 of Article 30, paragraph “d” of Part 4 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (attempt; illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...). Definition: The verdict was canceled, the criminal case sent for a new trial.
18. Review of judicial practice in criminal cases on crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 10.
19. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 12/01/2022 No. 77–5708/2022 Sentence: According to Part 1 of Article 228.1, paragraph “d” of Part 4 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...). Definition: The sentence is abandoned no change.
20. The verdict of the Leninsky District Court of the Republic of Crimea dated 06/29/2022 in case No. 1–16/2022 Charge: According to paragraph “b” of Part 3 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal production, sale or ship-

ment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...). Verdict: Guilty verdict.

21. The appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Crimea dated 10/25/2022 in case No. 1–16/2022 Verdict: Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...).
22. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 03.10.2023 N 77–3306/2023 Verdict: According to

subclause “b” of Part 3 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues ...). Definition: The acts are left unchanged.

23. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/15/2006 No. 14 (ed. dated 05/16/2017) “On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances”.

Различия в квалификации преступных деяний по статье 109 Ч. 2 УК РФ или по статье 293 ч. 2 УК РФ

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 109 часть 2 УК РФ – «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», и статьей 293 ч. 2 УК РФ «Халатность, повлекшая по неосторожности смерть человека». Автор исследует понятия причинения смерти по неосторожности и халатности и признаки, отличающие данные преступления одно от другого. В данной статье автор приводит совокупность обстоятельств, при которых имеет место состав преступления, предусмотренного статьей 109 часть 2 УК РФ – «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» и преступления, предусмотренного статьей 293 ч. 2 УК РФ – «Халатность, повлекшая по неосторожности смерть человека». К числу признаков, отличающих данные преступления друг от друга, относятся признаки объективной стороны – ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей и ненадлежащее выполнение должностных обязанностей, а также признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 293 ч. 2 УК РФ, которым может быть только должностное лицо, то есть главный врач или заведующий отделом, отделением, лабораторией, дежурный врач или старшая медсестра, исполняющая административно – хозяйственные функции по распоряжению имуществом, применяемым в медицинских целях. В заключении статьи автор приводит еще один признак, отличающий два указанных преступлений, а именно продолжительность периода времени, в течение которого оказываются медицинские услуги.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, причинение смерти по неосторожности, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, халатность, ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, должностное лицо.

В следственной и судебной практике зачастую существенные проблемы создают вопросы обособленной квалификации таких неосторожных преступлений, как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, и халатность, повлекшая по неосторожности смерть человека.

Квалификация соответствующих действий особенно важна при рассмотрении уголовных дел, связанных с причинением смерти при оказании различного рода медицинских услуг.

Аналогичные на первый взгляд действия или бездействие, совершенные медиками при лечении граждан и повлекшие их смерть, в зависимости от конкретных обстоятельств происшедшего, могут иметь признаки любой из указанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Например, приговором Павловского городского суда [1] двое сотрудников городской больницы были осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, а в отношении третьего врача уголовное преследование было прекращено в связи с ее смертью.

Установлено, что у одного из пациентов при проведении рентгеновского исследования выявлены очаговые изменения в легких. При этом врач, установивший наличие этого опасного заболевания, нарушив соответствующие нормы закона и инструкции, не провела обязательные в таких случаях медицинские мероприятия, фактически оставив болезнь без внимания. В дальнейшем, при ухудшении состояния больного, врач по-прежнему его игнорировала, сославшись на иное, незначительное заболевание.

В результате пациент Скорой помощью был доставлен в терапевтическое отделение больницы, и, несмотря на предпринятые экстренные меры лечения, скончался от дессиминированного туберкулеза легких вследствие легочно-сердечной недостаточности.

В то же время, согласно приговору Белгородского районного суда Белгородской области [2] Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 109 ч. 2 УК Российской Федерации.

Из представленных материалов следует, что пациентке в терапевтическом отделении ОГБУЗ «Белгородская ЦРБ» врачом Н. выполнена трансфузия (переливание) донорской крови.

После этого состояние пациентки ухудшилось и в тот же день она скончалась в отделении реанимации. Проведенная проверка показала, что де-

журным врачом не было проведено необходимое в подобных случаях фенотипирование (соответствие) крови реципиента, что и явилось причиной смерти.

В обоих случаях смерть пациентов наступила вследствие ненадлежащих действий врачей, осуществлявших медицинские процедуры, связанные с лечением.

Следует учесть, что преступление, предусмотренное ст. 109 ч. 2 УК РФ – преступление небольшой тяжести, где максимальное наказание – до трёх лет лишения свободы, а преступление, предусмотренное ст. 293 ч. 2 УК РФ, – средней тяжести с наказанием уже до пяти лет лишения свободы. Таким образом, обоснованная квалификация соответствующих действий очень существенно сказывается на дальнейшей судьбе виновного лица.

По обоим статьям ответственность наступает за ненадлежащее исполнение обязанностей: по ст. 109 ч. 2 УК РФ – профессиональных, по ст. 293 ч. 2 УК РФ – должностных. Таким образом, при причинении смерти по неосторожности в ходе медицинских процедур субъект по ст. 293 ч. 2 УК РФ – врач – сотрудник государственного или муниципального лечебного учреждения, который ненадлежащим образом исполнил обязанности, установленные его трудовым договором и должностными инструкциями. При этом, безусловно, и в предъявляемом обвинении и в приговоре обязательны ссылки на соответствующие нормы соответствующих должностных документов, которые были нарушены врачом – должностным лицом.

Согласно ст. 70 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323 – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в совокупности с примечаниями к ст. 285 УК РФ, медицинские работники относятся к должностным лицам, если занимают руководящие должности, выполняя организационно-распорядительные функции – главный врач, заведующие отделами, отделениями, лабораториями, а также лица, временно исполняющие эти обязанности – дежурный врач либо исполняющая административно-хозяйственные функции старшая медсестра. [3]

Следовательно, врач не относящийся к указанным категориям, к числу должностных лиц не относится. [4]

Соответственно, за халатность, повлекшую по неосторожности смерть, возможно привлечение к ответственности главного врача или заведующего отделом, отделением, лабораторией, дежурного врача или старшей медсестры, исполняющей административно – хозяйственные функции по распоряжению имуществом, применяемым в медицинских целях, нарушивших при исполнении своих обязанностей, связанных с оказанием медицинской помощи гражданам, те или иные нормы закона либо соответствующих должностных инструкций, регламентирующие их лечебную деятельность.

Методика лечения тех или иных заболеваний непосредственно нормами законов не регламентируется, а устанавливается различными клиниче-

скими, методическими и практическими рекомендациями, установленными алгоритмами лечения, а также практическим опытом врачей.

Таким образом, неисполнение должностным лицом лечебного учреждения его обязанностей, установленных утвержденными нормами различного рода, повлекшее смерть пациента, следует квалифицировать по ст. 293 ч. 2 УК РФ.

Наличие признаков преступления по ст. 109 ч. 2 УК РФ, в свою очередь, определяется при проведении врачебной комиссией служебной проверки, в ходе которой устанавливается несоответствие действий медицинского работника определенным клиническим, методическим или практическим рекомендациями при постановке диагноза или лечении определенного заболевания.

Применительно к лечебной деятельности, преступление по ст. 293 ч. 2 УК РФ – более тяжкое, предусматривает более жесткое наказание, нежели преступление по ст. 109 ч. 2 УК РФ. От должностного лица – медицинского работника всегда требуется тщательное соблюдение очевидных и заранее установленных для него норм и инструкций. В то же время непосредственно в процессе лечения, с учетом особенностей каждого человеческого организма, неизбежны ситуации, оценить возникновение и развитие которых бывает достаточно сложно, как сложно и правильно применить к ним различные медицинские рекомендации. Поэтому, кстати, даже наступление смерти в процессе лечения отнюдь не означает обязательного наличия виновности лечащего врача.

Кроме того, можно указать на еще одну практическую сторону правильной квалификации действий медицинского работника. Как правило, если смерть пациента наступает в результате действий врача, продолжавшихся в течение достаточно длительного времени – нескольких дней или более – то обоснованной будет квалификация по ст. 293 ч. 2 УК РФ. Если же смерть повлекли достаточно кратковременные врачебные действия – то обоснованна квалификация по ст. 109 ч. 2 УК РФ. Подобная закономерность вызвана тем, что неверные методы лечения в течение длительного времени всегда обусловлены недобросовестным отношением врача к исполнению служебных инструкций – непроведением соответствующих проб и анализов, недостаточным осмотром больного, нежеланием проводить сложные процедуры или проконсультироваться у более опытных коллег, и как следствие, неверной постановкой диагноза и неверным лечением.

Литература

1. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 21.12.2017 г. по делу № 22–7181/2017 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DsYLBd6spVU4/> (дата обращения 01.04.2024 г.)
2. Сайт пресс- службы Белгородского районного суда Белгородской области URL: <http://>

belgorodsky.blg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1607 (дата обращения 01.04.2024 г.)

3. Т.Е. Сучкова. «К вопросу о наделении врача статусом должностного лица». Юридические науки. 2012. С. 142–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadelenii-vracha-statusom-dolzhnostnogo-litsa/viewer> (дата обращения 06.04.2024 г.)
4. .Е. Сучкова. «К вопросу о наделении врача статусом должностного лица». Юридические науки. 2012. С. 142–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadelenii-vracha-statusom-dolzhnostnogo-litsa/viewer> (дата обращения 06.04.2024 г.)

DIFFERENCES IN THE QUALIFICATION OF CRIMINAL ACTS UNDER ARTICLE 109 H. 2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION OR UNDER ARTICLE 293 H. 2 OF 2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the issues of qualification of crimes provided for in Article 109 Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Causing death by negligence due to improper performance of a person’s professional duties”, and Article 293 Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation “Negligence resulting in the death of a person”. The author explores the concepts of causing death by negligence and negligence and the signs that distinguish these crimes from one another. In this article, the author cites a set of circumstances in which the corpus delicti provided for in Article 109 Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Caus-

ing death by negligence due to improper performance by a person of his professional duties” and the crime provided for in Article 293 Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Negligence resulting in the death of a person by negligence”. The signs that distinguish these crimes from each other include signs of the objective side – improper performance of professional duties and improper performance of official duties, as well as signs of the subject of the crime provided for in Article 293 Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which can only be an official, that is, the chief physician or head of a department, department, laboratory, duty officer a doctor or senior nurse who performs administrative and economic functions for the disposal of property used for medical purposes. In conclusion, the author cites another feature that distinguishes the two crimes, namely the length of time during which medical services are provided.

Key words: Qualification of crimes, criminal liability, causing death by negligence, improper performance of professional duties, negligence, improper performance of official duties, an official.

References

1. The appeal decision of the Nizhny Novgorod Regional Court dated December 21, 2017 in case No. 22–7181/2017 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DsYLBD6spVU4/> (date of application 04/01/2024)
2. Website of the press service of the Belgorod District Court of the Belgorod region URL: http://belgorodsky.blg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1607 (date of application 04/01/2024)
3. T.E. Suchkova. “On the issue of granting a doctor the status of an official.” Legal sciences. 2012. pp. 142–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadelenii-vracha-statusom-dolzhnostnogo-litsa/viewer> (accessed 04/06/2024)
4. T.E. Suchkova. “On the issue of granting a doctor the status of an official.” Legal sciences. 2012. pp. 142–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadelenii-vracha-statusom-dolzhnostnogo-litsa/viewer> (accessed 04/06/2024)

Правовая природа института возобновления судебного следствия в уголовном процессе

Тузов Андрей Геннадьевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: a.tuzov@spbu.ru

Павлов Александр Андреевич,

бакалавр, студент Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st087193@student.spbu.ru

Жуков Владимир Эдуардович,

бакалавр, студент Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st090140@student.spbu.ru

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к осмыслению правовой природы института возобновления судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации, проблемы толкования ст. 294 УПК РФ в науке и современной судебной практике. В связи с тем, что законодательно институту возобновления судебного следствия посвящена всего одна статья, состоящая из двух предложений, по мнению авторов, он требует более детальной с доктринальной и практической точки зрения регламентации. В ходе исследования было выявлено, что по наиболее важным вопросам применения ст. 294 УПК РФ у представителей науки и судебной власти часто нет необходимого для реализации принципа правовой определенности консенсуса. В работе проанализированы основные точки зрения, предложенные в теории и судебной практике относительно основных проблем, связанных с возобновлением судебного следствия по уголовным делам. Авторами сделаны собственные выводы, предложены возможные пути преодоления возникших противоречий.

Ключевые слова: возобновление судебного следствия, принцип справедливого судебного разбирательства, новые сведения, гражданский иск, признание вины, прения сторон.

Согласно статье 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие. По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово.

Институт возобновления судебного следствия по смыслу действующего закона неразрывно связан с фундаментальной целью установления истины в уголовном процессе и является важным процессуальным механизмом, обеспечивающим соби- рание и проверку новых обстоятельств, имеющих отношение к уголовному делу [1].

На сегодняшний день единого понимания института возобновления судебного следствия как на доктринальном уровне, так и на правоприменительном, к сожалению, не сложилось. Например, можно встретить подход, согласно которому возобновление судебного следствия является правом (а не обязанностью) суда [2]. В качестве иного примера существующей проблематики следует отметить, что в судебной практике встречаются противоречивые позиции насчет возможности применения статьи 294 УПК РФ после удаления суда в совещательную комнату. Кроме того, представляется важным оценить обоснованность подхода Конституционного Суда о существенности или несущественности новых сообщенных обстоятельств для цели реализации нормы статьи 294 УПК РФ. Наконец, встречаются различные подходы к пониманию смысла прений, проводимых после возобновления судебного следствия: некоторые суды считают, что такие прения являются «дополнительными», следовательно, повторение изложенного на первоначальных прениях – не требуется [3], но существует и иная точка зрения, что прения после возобновления судебного следствия должны начинаться с самого начала [4]. Обозначенная в качестве примера проблематика, безусловно, не является исчерпывающей.

По результатам проведенного анализа авторы исследования предлагают поставить следующие вопросы: а) является ли возобновление судебного следствия правом или обязанностью суда? б) возможно ли судье прибегнуть к институту возобновления судебного следствия после удаления в совещательную комнату? в) может ли суд посчитать новые обстоятельства несущественными для раз-

решения дела, и на этом основании отказаться от возобновления судебного следствия? г) что понимать под «новыми обстоятельствами» по смыслу ст. 294 УПК РФ? д) нужно ли суду после возобновления судебного следствия начинать прения заново, без учета сообщенного сторонами на предыдущих прениях? е) какие иные нарушения встречаются в ходе реализации института возобновления судебного следствия?

Необходимо начать с того, является ли возобновление судебного следствия правом или обязанностью суда. Например, Челябинский областной суд в Апелляционном определении указал, что возобновление судебного следствия является правом суда, поскольку это вытекает из смысла статьи 294 УПК РФ [2]. С одной стороны, по буквальному толкованию нормы суд действительно не обязан возобновлять судебное следствие, однако поскольку самим же уголовно-процессуальным законом к разрешению уголовных дел предписывается соблюдение требований о всесторонности и объективности (ст. 33, 154, 239, 325 УПК РФ), не вызывает сомнений, что при получении новых и относимых к делу фактических обстоятельств, право суда на возобновление судебного следствия трансформируется в его публично-правовую обязанность. Дозволение же суду при сообщении новых фактов, имеющих значение для уголовного дела выносить итоговое решение по существу без возобновления судебного следствия создает риск обесценивания вышеизложенных требований уголовно-процессуального закона, что, в свою очередь, способствует развитию беззакония при осуществлении правосудия. Иными словами, любое дискреционное усмотрение правоприменительно органа ограничено фактическими обстоятельствами, лежащими в основании применения той или иной нормы права.

Не менее интересной является дискуссия о возможности возобновления судебного следствия после удаления суда в совещательную комнату. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (далее – УПК РСФСР) отвечал на данный вопрос положительно. В статье 308 УПК РСФСР было закреплено, что, если во время обсуждения в совещательной комнате вопросов суд признает необходимым выяснить какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела, то он возобновляет судебное следствие, о чем выносит определение (постановление). По причине того, что в действующем УПК РФ аналогичная прямая норма, регулирующая данный вопрос, отсутствует, в практической деятельности суды занимают противоречивые позиции. Так, в одном из дел Нижегородский областной суд посчитал, что судьей при разрешении уголовного дела не было учтено, что согласно статье 294 УПК РФ возобновление судебного следствия возможно только до удаления суда в совещательную комнату [5]. Такого же мнения придерживался в своем Апелляционном определении Верховный суд Республики Дагестан [6]. Однако встречаются и противоположные сужде-

ния. Так, в одном из Кассационных определений Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «судебная коллегия не находит нарушений положений статьи 294 УПК РФ в том, что суд возобновил судебное следствие после удаления в совещательную комнату» [7]. К аналогичному выводу также приходил Московский городской суд [8]. Некоторые авторы, основываясь на историческом толковании, поддерживают первую точку зрения [9, с. 55–56].

Мы же с ней категорически не можем согласиться по следующим причинам. Как уже было отмечено, статья 294 УПК РФ помогает реализовать требования всестороннего и объективного разрешения уголовного дела по существу. Указанные требования предъявляются к суду и на этапе рассмотрения дела в совещательной комнате, поэтому представляется порочным с точки зрения логики построения уголовно-процессуального закона отсутствие у суда возможности возвращения к судебному следствию, в случае если он посчитает необходимым выяснить какие-либо обстоятельства, которые не являлись предметом исследования в ходе судебных заседаний, однако тем не менее были сообщены участниками процесса. Более того, если суд не будет иметь возможность «вернуться» к судебному следствию из совещательной комнаты, для него с процессуальной точки зрения возникает абсолютно безвыходная ситуация. Если он не устранит сомнения в оценке доказательств, не проверит и учтёт обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, то существует высокая вероятность отмены решения вышестоящим судом. Однако, если он всё же выйдет из совещательной комнаты, принимая решение исследовать сообщенные факты, то, по мнению областных судов и некоторых ученых, суд все равно нарушит процессуальный закон, и не избежит отмены приговора. Вряд ли такое правовое регулирование соответствует смыслу уголовного процесса и служит достижению каких-либо конституционно-обоснованных целей, тогда как применяя позицию Верховного Суда РФ суд не лишается возможности предпринять меры по исследованию новых фактов, необходимых для полного и всестороннего разрешения дела. Кроме того, в тексте самой нормы статьи 294 УПК РФ не содержится прямого запрета на возвращение к судебному следствию на этапе рассмотрения дела в совещательной комнате, что также является аргументом в пользу практики, позволяющей судам реализовывать такую возможность. Обращает на себя также внимание, что по УПК РСФСР суд имел право возобновить судебное для выяснения любых обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу, тогда как, согласно действующему законодательству, основанием применения ст. 294 УПК РФ выступают только вновь сообщенные факты. Не вдаваясь в вопросы *de lege ferenda*, представляется, что указанные изменения сложно назвать обоснованными и по-видимому они связаны с искаженным представлением о роли суда как «пассивного

арбитра», что ни раз критиковалось в юридической литературе [10, с. 52].

Отметим, что статья 294 УПК РФ направлена не только на достижение всесторонности и полноты при рассмотрении уголовного дела, но и на защиту прав участников процесса, все доводы которых должны быть в надлежащем процессуальном порядке исследованы и оценены по существу. Данное требование является необходимой гарантией судебной защиты и принципа справедливого разбирательства дела, который в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) «выражается в равно предоставляемой сторонам реальной возможности довести до суда свою позицию относительно *всех аспектов дела*, поскольку только при этом условии реализуется право на судебную защиту» [11]. Опираясь на вышеуказанный тезис, решение суда о возобновлении судебного следствия не должно носить произвольный и чрезмерно дискреционный характер. Иными словами, суд должен быть связан обязанностью исследовать все привнесённые в процесс факты, в противном случае об объективности судебного решения не может вестись и речи. В то же время, Конституционным Судом в последующих правовых позициях был сформулирован более узкий подход к осмыслению положений ст. 294 УПК РФ. Так, в нескольких определениях Конституционный Суд РФ посчитал, что «в системной взаимосвязи со ст. 293 УПК РФ, суд должен возобновить судебное следствие только в случае, если после окончания судебного следствия будут получены сведения о новых, имеющих *существенное значение для разрешения данного дела*» [12]. Возникает вопрос: обоснована ли такая оговорка? Представляется, что данное утверждение вызывает сомнения, поскольку критерий «*существенного значения*» весьма субъективен и создает предпосылки для произвольности судебных решений. Во-первых, по буквальному толкованию закона возобновление судебного следствия возможно в случае сообщения сторонами *любых* новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и обладающих свойством относимости. Во-вторых, вывод о существенном значении новых фактов для вынесения итого решения (разрешения дела) может быть сделан исключительно после их тщательного исследования в ходе судебного следствия, но никак ни на стадии решения вопроса о возобновлении судебного следствия.

Вышеизложенные рассуждения, обосновывают точку зрения о том, что пределы судейского усмотрения в разрешении вопроса о необходимости возобновить судебное следствие ограничены *относимостью* сообщенных обстоятельств к рассматриваемому делу. Оценка же их существенности для разрешения дела может быть дана только после процедуры их исследования, то есть при вынесении приговора, в противном случае суд нарушит принцип справедливого судебного разбирательства, необоснованно лишив участников процесса права донести юридически значимую ин-

формацию до суда – реализовать законное право «быть услышанным».

Принимая решение о несущественности представленных в прениях фактов без их исследования суд также нарушает и принцип состязательности, поскольку в таком случае сторонам *de facto* не предоставляется равная возможность оспаривать позицию процессуального оппонента. Стоит отметить, что в судебной практике имелись случаи, когда невозобновление судебного следствия при сообщении участниками процесса новых фактических обстоятельств, влекло отмену приговора [13].

Закономерно возникает вопрос о том, какие «новые обстоятельства» по смыслу ст. 294 УПК РФ должны быть сообщены участниками процесса для решения вопроса о возобновлении судебного следствия. Не вызывает сомнений, что суд обязан применить положения ст. 294 УПК РФ при сообщении участниками процесса ранее не исследованных и относимых сведений, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), поскольку именно предмет доказывания предопределяет обстоятельства, подлежащие установлению. При этом, не обязательно это должны быть сведения, образующие главный факт (п. 1–2 ч. 1 ст. 73 УПК), поскольку для законного разрешения уголовного дела имеют значения все указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства. Исходя из этого, представляется спорной позиция Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики, выраженная в одном уголовном деле, согласно которой сообщение подсудимым сведений о частичном возмещении ущерба потерпевшему не являются основанием для возобновления судебного следствия [14], тогда как возмещение ущерба является смягчающим обстоятельством и (или) основанием для освобождения от уголовной ответственности, а, следовательно, должно подлежать тщательной проверке судом. Позиция вызывает особые противоречия также в связи с тем, что по делу заявлен гражданский иск, законное разрешение которого без исследования упомянутых выше фактов в принципе невозможно.

Обоснованной следует признать позицию правоприменителей, согласно которой правовая оценка участниками процесса доказательств на свойство допустимости в прениях и в последнем слове не является поводом для возобновления судебного следствия [15]. Между тем представляется, что не исключаются случаи, когда защитником или подсудимым сообщаются новые фактические данные, свидетельствующие в том числе о нарушении процессуального закона, которые ранее не являлись предметом судебной проверки. Например, в одном из судебных решений Верховный суд отменил приговор на основании того, что суд не дал никакой правовой оценки сообщенным подсудимым сведениям о недозволенных методах расследования [16]. При таком развитии событий, на наш взгляд, как раз появляются «новые обстоятельства», имеющие значение для разрешения дела, что обязывает суд возобновить судебное следствие. Однако

судебная практика не является абсолютно единообразной. Так, в другом решении Высшей судебной инстанции, Судебная Коллегия Верховного Суда РФ по делам военнослужащим не признала основанием для возобновления судебного следствия утверждения подсудимого в последнем слове о фальсификации некоторых доказательств, пытках [17]. Представляется, что основания для применения ст. 294 УПК РФ могли отсутствовать только в случае голословного и ничем не подкрепленного даже *prima facie* утверждения подсудимого.

Таким образом, основанием для применения ст. 294 УПК РФ могут являться и иные сведения, исследование которых необходимо для всестороннего, обоснованного, законного разрешения уголовного дела. Данные «обстоятельства» должны носить не оценочный, субъективный, а фактический характер, так как проверяться могут при возобновленном следствии только утверждения о фактах. Вместе с тем и в этой части правоприменитель также сталкивается с определенными проблемами. Например, в судебной практике часто возникает вопрос о том, следует ли возобновить судебное следствие в случае, если подсудимый в прениях либо в последнем слове изменил свою позицию относительно признания вины. При этом речь, разумеется, в данном случае не идет об особом порядке судопроизводства, поскольку при таких обстоятельствах суд обязан вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства. Однако обязан ли суд применить положения ст. 294 УПК РФ в случае, если подсудимый изменяет свою позицию относительно признания своей вины в последнем слове в общем порядке судопроизводства? Судебная практика, по исследованным уголовным делам, отвечает на данный вопрос преимущественно отрицательно. Например, по как было указано судом по одному из дел, «подсудимая С.А.Э. в последнем слове, сообщив о признании своей вины в полном объеме и раскаянии в содеянном, каких-либо *сообщений, касающихся новых обстоятельств*, имеющих значение для уголовного дела, не сделала, поэтому у суда отсутствовали основания для возобновления судебного следствия по делу». Аналогично разрешенных дел встречается не мало [18] [19]. С одной стороны, признавая или отрицая вину, не сообщая суду каких-либо новых фактов, подсудимый лишь совершает волевое процессуальное действие, что не должно влечь возобновление судебного следствия. Между тем всё не столь очевидно. В теории уголовного процесса принято считать, что признание/отрицание обвиняемым своей вины означает признание/отрицание им и фактов, лежащих в основе предъявленного обвинения. По этой причине, уголовно-процессуальный закон в ст. 273 УПК РФ обязывает председательствующего в начале судебного следствия после опроса подсудимого о признании им своей вины, спросить и о его отношении к предъявленному обвинению. Невыполнение указанного требования должно признаваться существенным нарушением процессу-

ального закона, поскольку выражение отношения к обвинению позволяет выявить мотивы признания, способствует по смыслу закона собиранию оправдывающих сведений, повышает или понижает «вес» признания вины в глазах суда при наличии иных доказательств. Следовательно, исходя из того, что высказать отношение к обвинению и ответить на вопросы председательствующего можно только на стадии судебного следствия, полагаем, что разумным решением, при всей дискуссионности проблемы, будет именно возобновление судебного следствия и выяснение отношения подсудимого к предъявленному обвинению, поскольку только в таком случае решения суда будут направлены на выяснение действительных обстоятельств уголовного дела, будет обеспечена реальная защита привлекаемых к ответственности лиц. Данный довод приводили в исследованных судебных решениях и государственные обвинители, и защитники. Следовательно, обоснованными представляются решения кассационных и апелляционных судов, отменявших приговоры в случае невозобновления судебного следствия при изложенных выше обстоятельствах [20] [21].

Возобновление судебного следствия по буквальному пониманию закона *аннулирует правовые последствия* состоявшихся прений ввиду сообщения новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, что обязывает суд по окончании возобновленного следствия открывать прения вновь с предоставлением подсудимому последнего слова. Между тем в судебной практике председательствующие судьи не всегда выполняют данное требование уголовно-процессуального закона. Руководствуясь принципом процессуальной экономии, некоторые судьи полагают, что повторно открытые прения необходимо проводить только в рамках оценки новых обстоятельств, а потому – государственному обвинителю или защитнику нет необходимости полноценно выступать в прениях и (или) повторять свою ранее изложенную позицию. С таким подходом, пожалуй, согласиться нельзя. Можно сказать, что принятие решения о возобновлении судебного следствия означает *de lege lata* несвоевременность открытия прений, поскольку ввиду незавершенности судебного следствия следующая стадия процесса не должна была в принципе начинаться и именно поэтому закон требует открытия не *дополненных прений*, а *вновь открытых*. Отказ участников выступить с речью категорично следует толковать как отказ принимать участия в прениях. Судебная практика вышестоящих судов свидетельствует о таком подходе. Так, Четвертым кассационным судом был отменен приговор районного суда на основании того, что «во вновь открытых прениях сторон государственный обвинитель, защитники и подсудимые не выступили, пояснив, что поддерживают свои выступления в прениях, которые имели место до возобновления судебного следствия. Тем самым государственным обвинителем в нарушение ч. 5 ст. 246 УПК РФ не изложено мнение по существу

обвинения, не высказаны предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимым наказания» [22]. Судом дополнительно было справедливо отмечено, что данное нарушение прокурором процессуального закона одновременно выступает дисциплинарным проступком и нарушением прокурорской этики.

Следует выделить иные существенные нарушения закона, связанные с применением института возобновления судебного следствия. Поскольку прения сторон и последнее слово представляю собой устные выступления, в ходе которых участники процесса вправе давать оценку исследованных судом материалов уголовного дела, подсудимому и иным участникам процесса недопустимо в этих стадиях задавать какие-либо вопросы. Например, Ленинский районный суд г. Нижнего Новгорода отменил приговор мирового судьи в отношении Ц. в связи с нарушением судом первой инстанции требований ст. 292–294 УПК РФ, поскольку по окончании прений сторон без возобновления судебного следствия мировым судьей задавались вопросы подсудимому и прокурору [23]. С точки зрения закона именно стадия судебного следствия имеет цель получения от участников процесса в вербальной и невербальной форме необходимой фактической информации для разрешения уголовного дела.

Таким образом, институт возобновления судебного следствия в настоящее время не получил до настоящего времени глубокого осмысления, а судебную практику по применению ст. 294 УПК РФ сложно назвать единообразной, что по мнению авторов является разумным основанием для подготовки Высшей судебной инстанцией в рамках своих полномочий необходимых разъяснений для нижестоящих судов. Так, институт возобновления судебного следствия мог бы получить более конкретизированную регламентацию путем внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». По нашему мнению, существует объективная необходимость в следующих руководящих разъяснениях. 1. Возобновление судебного следствия преследует цель исследования сообщенных в прениях сторон или в последнем слове подсудимого новых и относимых к делу фактических сведений, необходимых для вынесения всестороннего, объективного и законного решения. 2. По смыслу закона при наличии оснований, указанных в ст. 294 УПК РФ, возобновление судебного следствия возможно и после удаления суда в совещательную комнату. 3. Возобновление судебного следствия обязывает суд открывать полноценные прения вновь с предоставлением подсудимому последнего слова. Невыполнение указанного требования является существенным нарушением процессуального закона. Не вызывает сомнений, что более конкретизированная регламентация данного процессуального института будет в боль-

шей мере соответствовать принципу законности и повысит обоснованность принятых судебных решений в данной стадии.

Литература

1. Нечаев, В.В. Установление истины – цель процесса доказывания в Российском уголовном процессе / В.В. Нечаев, И.Е. Теренков // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6(145). – С. 311–312.
2. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 16.07.2019 по делу N 10–3574/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 15.08.2018 № 22–4068/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2020 N 77–1276/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление президиума Нижегородского областного суда от 28.05.2009 по делу N 44у-254/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 11.06.2019 по делу N 22–1141/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2022 N 7-УД22–10-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 13.12.2022 по делу N 10–24960/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Белоковылский, М.С. Спорные вопросы проверки и оценки судом первой инстанции допустимости доказательств на стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. – 2009. – № 2. – С. 53–56.
10. Доля, Е.А. Бессмыслен ли в уголовном процессе спор об истине и может ли истина существовать в виде гипотезы // Законность. 2014. № 8. С. 44–52.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 N 576-О-П // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 г. № 1350-О // СПС «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.11.2013 N 6-АПУ13–9с // СПС «КонсультантПлюс».
14. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2022 N 77–581/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 N 71-АПУ19–3 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2006 N 92-о06–4 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 N 222-УД22–69-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 02.08.2018 по делу N 22–4365/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Кассационное Определение Девятого Кассационного Суда общей юрисдикции от 28.06.2023 № 77–1100/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.04.2022 г. № 22–9/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Кассационное Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2022 № 77–3437/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 по делу N 77–3480/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
23. «Обзор судебной практики апелляционного производства по уголовным делам и судебным материалам, рассмотренным районными (городскими) судами г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области в первом полугодии 2014 г.» (утв. Президиумом Нижегородского областного суда 22.10.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF RESUMING JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tuzov A.G., Pavlov A.A., Zhukov V.E.
St. Petersburg State University

The article discusses the main theoretical approaches to understanding the legal nature of the institution of resumption of judicial investigation in the criminal process of the Russian Federation, the problems of interpretation of Article 294 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in science and modern judicial practice. Due to the fact that only one article consisting of two sentences is devoted legislatively to the institution of resuming judicial investigation, according to the authors, it requires more detailed regulation from a doctrinal and practical point of view. In the course of the study, it was revealed that on the most important issues of the application of art. 294 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, representatives of science and the judiciary often do not have the consensus necessary to implement the principle of legal certainty. The paper analyzes the main points of view proposed in theory and judicial practice regarding the main problems associated with the resumption of judicial investigation in criminal cases. The authors have drawn their own conclusions and proposed possible ways to overcome the contradictions that have arisen.

Keywords: resumption of the judicial investigation, the principle of a fair trial, new information, civil action, admission of guilt, arguments of the parties.

References

1. Nechaev, V.V. Ustanovlenie istiny – cel' processa dokazyvaniya v Rossijskom ugolovnom processe / V.V. Nechaev, I.E. Terenkov // *Evrasijskij juridicheskiy zhurnal*. – 2020. – № 6(145). – S. 311–312.
2. Apellyacionnoe opredelenie Chelyabinskogo oblastnogo suda ot 16.07.2019 po delu N 10–3574/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Prigovor Volzhskogo gorodskogo suda Volgogradskoj oblasti ot 15.08.2018 № 22–4068/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Opredelenie Shestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 25.06.2020 N 77–1276/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Postanovlenie prezidiuma Nizhegorodskogo oblastnogo suda ot 28.05.2009 po delu N 44u-254/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Respubliki Dagestan ot 11.06.2019 po delu N 22–1141/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kolegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06.10.2022 N 7-UD22–10-K2 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 13.12.2022 po delu N 10–24960/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Belokovyl'skij, M.S. Spornye voprosy proverki i ocenki sudom pervoj instancii dopustimosti dokazatel'stv na stadii sudebnogo razbiratel'stva // *Rossijskaya yusticiya*. – 2009. – № 2. – S. 53–56.
10. Dolya, E.A. Bessmyslen li v ugolovnom processe spor ob istine i mozhet li istina sushchestvovat' v vide gipotezy // *Zakonost'*. 2014. № 8. S.44–52.
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.05.2009 N 576-O-P // СПС «КонсультантПлюс».
12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.06.2021g. № 1350-O // СПС «КонсультантПлюс».
13. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 26.11.2013 N 6-APU13–9s // СПС «КонсультантПлюс».
14. Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.03.2022 N 77–581/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kolegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 31.10.2019 N 71-APU19–3 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 13.07.2006 N 92-о06–4 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kolegii po delam voennosluzhashchih Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.12.2022 N 222-UD22–69-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Apellyacionnoe opredelenie Stavropof'skogo kraevogo suda ot 02.08.2018 po delu N 22–4365/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Kassacionnoe Opredelenie Devyatogo Kassacionnogo Suda obshchej yurisdikcii ot 28.06.2023 № 77–1100/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 06.04.2022g. № 22–9/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Kassacionnoe Opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 04.08.2022 № 77–3437/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Kassacionnoe postanovlenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 10.10.2023 po delu N 77–3480/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
23. «Обзор судебной практики апелляционного производства по уголовным делам и судебным материалам, рассмотренным районными (городскими) судами г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области в первом полугодии 2014 г.» (утв. Президиумом Нижегородского областного суда 22.10.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

Структура элементов расследования убийств, возбужденных в связи с исчезновением человека

Хаметова Альфия Рашидовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Оренбургский государственный университет

E-mail: raschidova@rambler.ru

Статья посвящена особенностям расследования убийств, возбужденных в связи с исчезновением человека. В статье приведена статистика о пропаже людей на территории российского государства за 2023 год, опубликованная на портале Министерства Внутренних дел Российской Федерации. Рассматривается механизм совершения убийств, связанных с исчезновением человека. Главное внимание направлено на определение обстоятельств, позволяющих предположить убийство при возбуждении уголовного дела по факту исчезновения человека и раскрытие особенностей выдвижения версий и их проверки на примере раскрытых уголовных дел по факту убийств, сопряжённых с исчезновением человека. Изложены этапы производства тактической операции «Атрибуция трупа».

Ключевые слова: криминалистическая характеристика убийств, атрибуция трупа, механизм совершения преступления, уголовный процесс, криминалистика.

Определить судьбу без вести пропавшего лица является весьма непростой и сложной задачей для оперативно-розыскной деятельности, поскольку защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений есть главная задача российского государства, закреплённая в статье 6 «Назначение уголовного судопроизводства» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1].

Как показывает практика, пропадает более 180 тысяч человек, и с каждым годом эта цифра растёт, что подтверждают статистические данные, опубликованные на портале Министерства внутренних дел России. Очень часто людей, имеющих статус «без вести пропавшие» не могут найти и тогда объявляют в федеральный розыск. Так, на сегодняшний день, в 2023 году в розыске находится 78,5 тысяч человек. Кроме того, зарегистрировано 22 тысячи случаев особо тяжкого преступления, то есть убийств [2].

Найти жертву противоправного деяния и лицо, его совершившее является «головной болью» для следователя. Этим аспектам уделяется особое внимание, ведь целесообразно полагать, что расследование такой категории уголовных дел имеет свои особенности. Рассмотрим это на опыте российских следователей, и попытаемся спроектировать целостный ряд особенностей, характеризующих процесс раскрытия убийств «без трупа».

Нашумевшее дело Виктора Коэна, который был осужден за совершение убийства своей гражданской супруги Галины Колядзинской в 2018 году в городе Владивостоке. Следователь, который вёл это дело назвал это так: «дело без тела». На фоне скандала со своим молодым человеком, Галина Колядзинская ушла из дома. С тех пор девушку никто не видел. В процессе расследования, следствие выдвинуло следующую версию: Виктор Коэн с особой жестокостью убил свою гражданскую супругу, а именно расчленил её тело в ванной комнате, останки тела сложил в ведра и вывез их в лес, где в последующем сжёг тело, а пепел раскидал. Особенность такова: следы крови должны находиться в ванной и в ведре, что зачастую экспертом-криминалистом не было установлено. Кроме того, при проведении осмотра места происшествия, на котором было сожжено тело, так же никаких следов обнаружено не было. После чего, Ленинский районный суд Владивостока вынес приговор Виктору Коэну, назначив ему наказание в виде лишения свободы, сроком 9 лет и 9 месяцев в колонии строго режима. Данное дело до сих пор остаётся загадкой для органов следствия.

Почти 20 лет надобилось органам следствия, для того, чтобы доказать виновность в совершении убийства начальника фирмы «Доктор-2» города Омска в 2018 году, неким Александром Колесовым. В то время, погибший гражданин нанял Александра Колёсова на должность водителя в свою фирму, выделив ему в пользование автомобиль марки «Ока». Через некоторое время, шеф решил приобрести недвижимость, о чём узнал обвиняемый. У Александра Колесова, возник злой умысел: владея информацией о наличии крупной суммы у шефа, решил «убрать» его и завладеть фирмой. В результате чего, он вывез своего начальника в состоянии алкогольного опьянения в лес, ударил его несколько раз ножом и убедившись, что он мёртв, сжёг тело. Останки закопал на месте преступления, которые были найдены спустя лишь некоторое время. Суд не нашёл каких-либо оснований для освобождения обвиняемого Александра Колесова, с учётом срока давности и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 11 лет в колонии строгого режима.

Римский философ и государственный деятель Луций Анней Синека говорил: «Первое условие исправления-признание своей вины». Анализируя данную фразу, хочется отметить, что следователям бывает порой сложно получить признательные показания в содеянном от подозреваемого лица. Но каждый хороший, опытный следователь обязан быть психологом, и тогда шансы раскрыть тяжкое или особо тяжкое преступление увеличатся.

Дело жертвы всем известной Елены Логуновой, которое расследовалось в городе Рязани в 2021 году. 25 июля 2021 года молодая мать Елена Логунова, уложив своих детей спать, вышла в магазин и больше домой не вернулась. Её искала вся Рязань: от полиции до волонтеров, но всё было безрезультатно. «Убийство это, или же она просто хотела отдохнуть от домашнего быта?». Позднее выяснилось, что останки девушки обнаружили сотрудники Федерального Следственного комитета, где виновным в совершении такого страшного преступления оказался её собственный муж, который 30 августа 2022 года был сначала задержан, а затем взят под стражу. Тело было обнаружено в серой, домашней пижаме, недалеко от областного центра города Рязани, в полиэтиленовом пакете.

Обычная вечеринка подростков 6 апреля 2019 года в Демидовском районе города Смоленска: празднование дня рождения, музыка, алкоголь и ребячество, которое привело к таинственному исчезновению 16 летнего подростка Владислава Бахова. В демидовском лесу в компании 12 человек, среди которых были дети сотрудников правоохранительных органов, пропал Владислав Бахов. Дело велось не совсем на должном уровне, где позднее было передано Центральный Аппарат Следственного комитета Российской Федерации. В свою очередь, глава Следственного комитета России, Александр Иванович Бастрыкин отмечал, что есть некие недовольства касаясь процесса расследования со стороны родных пропавшего, и тогда по-

ручил провести тщательную проверку в отношении смоленских следователей.

Как отмечалось ранее, преступность в российском государстве растёт, и можно перечислять бесконечное количество тяжких и особо тяжких преступлений, в частности убийства, сопряжённые с безвестным исчезновением человека, но вот процесс расследования таких уголовных дел ничуть не меньше является весьма сложным и кропотливым трудом российских следователей [2], [3].

Успешное расследование убийств «без трупа» во многом зависит от эффективных мероприятий, проводимых сотрудниками оперативно-розыскной деятельности, где важно составить чёткий план, цели и задачи, а также использование всевозможных научно-технических средств. Однако на практике происходит всё иначе: принятие заявления органами внутренних дел о безвестном исчезновении человека существенным образом отличается от раскрытия умышленных убийств, которые закреплены в статье 105 «Убийство» Уголовного кодекса Российской Федерации. При принятии решения, касаясь возбуждения уголовного дела, возникает ряд ошибок и нарушения закона. Это связано с тем, что поступившие такого рода заявления регистрируются как заявления об убийстве, а не как заявление о происшествии. Ведь изначально у органов следствия нет весомых оснований полагать, что пропажа лица носит криминальный характер, а, следовательно, это не является аргументом в пользу предполагаемого совершенного убийства, что противоречит Приказу МВД РФ N 38, Генпрокуратуры РФ от N 14, Следственного комитета N 5 от 16.01.2015 «Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц».

Контрпримером может послужить случай, произошедший в Оренбургской области города Орска 18 августа 2023 года. 12 летняя девочка, Василиса Ребро, ночью 11 августа 2023 года вышла из дома по улице Матросской в неизвестном направлении и исчезла. Девочка была объявлена в федеральный розыск. Пропавшего ребёнка искали 9 дней, в результате чего она была найдена живой и невредимой в некой квартире центра города. Напрашивается вывод: от сотрудников уголовного розыска требуется повышенное внимание к доказательственной базе о том, что пропавшее лицо действительно является убитым.

Информация, которая изначально должна складываться в голове как «дважды два» у каждого оперативного сотрудника это данные об общем характере лица, его пропаже, предполагаемых обстоятельствах исчезновения и всевозможных причинах. И только лишь тогда, полученные данные позволяют чётко организовать необходимые оперативно-розыскные мероприятия, и, пожалуй, самое главное-определить лицо, виновное в совершении противоправного деяния. Главными дей-

ствиями по раскрытию такой категории преступлений являются следующие:

- опрос заявителя, в качестве которого может выступать родственник, или же близкий человек пропавшего лица, а также иные лица, которые хорошо могли знать исчезнувшего;
- осмотр предполагаемого места совершения преступления и последнего места, в котором мог находиться человек до момента своего исчезновения [5].

Тщательному осмотру должны подвергаться вещи пропавшего: одежда, обувь, различные принадлежности, квартира, в которой проживал человек. Но если же при осмотре жилья пропавшего оперативными сотрудниками ничего не обнаружено, то необходимо в прямом смысле слова углубляться в процесс осмотра: искать всевозможные следы пальцев, а затем их идентифицировать. Большую роль так же могут играть иные найденные вещи или предметы пропавшего согласно обстоятельствам поступившего заявления [4], [6].

Детальное изучение механизма совершённого особо тяжкого преступления, а именно убийства, с последующим исчезновением человека позволяет органам следствия получить успешный результат процесса расследования. Следователю важно учитывать все неотъемлемые его элементы, а именно:

1. Действия субъекта преступления, в качестве которого может выступать преступник, преступная группа, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество;
2. Совокупность действий жертвы, в отношении которой было совершено то или иное преступление;
3. Совокупность действий иных лиц, косвенно связанных с тем или иным преступлением;
4. Отдельные элементы обстановки, в рамках которой было совершено то или иное преступное событие;
5. Предмет преступного посягательства.

Каждый из этих элементов механизма совершённого преступления имеет значение для всего процесса расследования, где в результате чего складывается целостная картина о произошедшем [5], [7].

Возбуждение уголовного дела по каждой категории преступлений имеет определённое значение. Исчезновение гражданина уголовное дело может быть возбуждено только лишь при наличии оснований, дающих полагать, что данное исчезновение влечёт за собой причинение тяжкого вреда здоровью-смерть, что подтверждает статья 140 «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Стоит различать понятия «повод» и «основание». Опираясь на данную статью, поводами для возбуждения уголовного дела по такой категории дел являются:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;

– сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие данных, указывающих на признаки преступления. Поэтому, рационально ещё раз задать вопрос: «Как тогда принимать решение о возбуждении уголовного дела, если имеется только лишь одно заявление о безвестном исчезновении человека?». Вопрос риторический.

Стоит подчеркнуть, что главным аспектом проверки поступившего заявления является то, что преступление, то есть убийство исчезнувшего лица, должно доказываться косвенными фактами. Для того, чтобы в ходе проверки прийти к верным и логическим умозаключениям, важно проверить все возможные причины исчезновения, и по большей возможности их исключить.

Немаловажную роль в установлении истины, заключающейся в том, что смерть человека является насильственной играют эксперты судебно-медицинского учреждения, которые в свою очередь проводят очень сложные медицинские экспертизы с последующим вынесением постановления следователю. Но ведь, как известно, каждый преступник, совершив противоправное деяние, пытается всячески скрыть свои следы.

Евгения Крюкова, являясь ассистентом кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени Михаила Васильева Ломоносова отметила, что когда преступник совершает преступление, скрыть абсолютно все следы невозможно. Это происходит по той причине, что существует три вида следов:

- материальные следы, когда человек касается какой-либо поверхности частями тела, то есть руками, ногами;
- идеальные следы, когда человек благодаря своей памяти кого-то видит и запоминает, по большому счёту это относится к очевидцам;
- виртуальные следы, когда человек оставляет их в социальных сетях, к примеру, записи сомнительного характера, посещение определённых интернет-сайтов.

Важно отметить, что даже по стилю речи можно понять кто является преступником: мужчина или женщина, каков возраст человека, из какого он города.

Современная наука позволяет проводить различные медицинские экспертизы, благодаря которым удаётся определить является ли смерть человека насильственной. Одна из таких это атрибуция трупа, главной задачей которой является установление личности жертвы, обстоятельств его смерти. «Понимаешь, что это смерть не от сердечной недостаточности, а убийство». Это слова судебно-медицинского эксперта Ольги Фатеевой, которая отмечает, что процесс «атрибуция трупа» является сложным и непростым, при проведении которого в свою очередь важно учитывать все нюансы произошедшего, дабы не допустить ошибок. Процесс проведения «атрибуция трупа» складывается из следующих этапов:

а) знакомство с предоставленными документами от органов следствия, в которых следователь выносит ряд интересующих его вопросов. Вместе с ними предоставляется протокол осмотра трупа и места происшествия;

б) фиксирование трупа с разных позиций, то есть фотографирование. Если же труп обезображен, то фотографий делается гораздо больше;

в) проведение наружного исследования, то есть описываются всевозможные следы грязи, выделений, состояние одежды, которую важно перед проведением судебно-медицинской экспертизы не снимать и сохранить её на теле убитого;

г) проведение вскрытия;

д) постановка выводов и вынесение заключения, то есть постановления со всеми ответами на поставленные следователем вопросы [8].

В целом, весь процесс расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением человека во многом зависит от эффективной работы и взаимодействия органов следствия с экспертами судебно-медицинских учреждений [9]. Чем быстрее будет собрана вся необходимая доказательственная база, тем быстрее будет раскрыто преступление.

Таким образом, убийство-одно из самых распространённых видов особо тяжких преступлений. Соккрытие трупа только лишь усложняет органам следствия ход расследования [10]. И важно, своевременно выяснить все обстоятельства исчезновения, на основании которых возможно возбуждение уголовного дела. Зачастую, бывает так, что даже при своевременном возбуждении уголовного дела труп может быть разыскан не сразу, а лишь по истечении определённого времени. Опыт следователя, его взаимодействие с различными структурами, включая правоохранительные органы, эксперта судебно-медицинского учреждения, а также знание способов совершения убийств такого рода будет способствовать повышению эффективности их работы.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 05.04.2024).
2. Бастрыкин, А.И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования // Российский следователь. – 2022. – 49 с.
3. Баев, О.Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон / О.Я. Баев. – Воронеж: Юрист, 2019. – 150 с.
4. Баев, О.Я. Об использовании следов биологического происхождения для криминалистической идентификации личности / О.Я. Баев. – Москва: Российский следователь, 2020. – 302 с.
5. Герасимов, М.М. Восстановление лица по черепу / М.М. Герасимов, [и др.]. – Москва: Академия наук, 2019. – 586 с.
6. Дулов, А.В. Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. – Москва: Юридическая литература, 2021. – 42 с.
7. Иванов, П.Л. Индивидуализация человека и идентификация личности: молекулярная биология в судебной экспертизе / Следственная практика. – 2019. – 89 с.
8. Исаева, Ж.М. Идентификация личности погибшего / Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 78–90.
9. Мальцев, Алексей Сергеевич. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Мальцев Алексей Сергеевич; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ].- Краснодар, 2012.- 212 с.
10. Муженская, Н.Е. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 ч. Ч. I / под ред. Н.Е. Муженской, Г.В. Костылевой. – Москва: Проспект, 2015. – 640 с.

STRUCTURE OF ELEMENTS OF A MURDER INVESTIGATION INITIATED IN CONNECTION WITH THE DISAPPEARANCE OF A PERSON

Khametova A.R.
Orenburg State University

This article is devoted to the specifics of the investigation of murders initiated in connection with the disappearance of a person. The article presents statistics on missing persons on the territory of the Russian state for 2023, published on the portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The mechanism of committing murders related to the disappearance of a person is considered. The main focus is on determining the circumstances that allow us to assume murder when initiating a criminal case on the fact of a person's disappearance and revealing the specifics of putting forward versions and checking them on the example of disclosed criminal cases on the fact of murders involving the disappearance of a person. The stages of the production of the tactical operation "Attribution of the corpse" are described.

Keywords: criminalistic characteristics of murders, attribution of a corpse, the mechanism of committing a crime, criminal procedure, criminalistics...

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 05.04.2024).
2. Bastrykin, A.I. Criminalistics. Techniques, tactics and methods of investigation / A Russian investigator. – 2022. – 49 p.
3. Baev, O. Ya. Criminalistic tactics and criminal procedure law / O. Ya. Baev. – Voronezh: Lawyer, 2019. – 150 p.
4. Baev, O. Ya. On the use of traces of biological origin for forensic identification of a person / O. Ya. Baev. – Moscow: Russian Investigator, 2020. – 302 p.
5. Gerasimov, M.M. Restoration of the face on the skull / M.M. Gerasimov, [et al.]. – Moscow: Academy of Sciences, 2019. – 586 p.
6. Dulov, A.V. Tactical operations in the investigation of crimes / A.V. Dulov. – Moscow: Legal Literature, 2021. – 42 p.
7. Ivanov, P.L. Individualization of a person and identification of a person: molecular biology in forensic examination / Investigative practice. – 2019. – 89 p.
8. Isaeva, Zh.M. Identification of the identity of the deceased / Russian investigator. – 2018. – No. 3. – pp. 78–90.

9. Maltsev, Alexey Sergeevich. Features of the investigation of murders associated with the unknown disappearance of citizens: dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.09 / Maltsev Aleksey Sergeevich; [Place of protection: Growth. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation].- Krasnodar, 2012.- 212 p.
10. Muzhenskaya, N.E. Guide for investigators and interrogators on the investigation of certain types of crimes: in 2 parts. Part I / ed. N.E. Muzhenskaya, G.V. Kostyleva. – Moscow: Prospekt, 2015. – 640 p.

Правовое регулирование прокурорских проверок в местах лишения свободы: аспекты реализации полномочий при наступлении событий, потенциально связанных с нарушением законодательства

Шевяков-Аракчеев Ярослав Александрович,
аспирант 3-го курса, Московский университет
имени С.Ю. Витте
E-mail: Sadam234@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты концепции прокурорской проверки в учреждениях, где находятся лица в заключение. В современных условиях прокуратура осуществляет контрольные функции, выявляя нарушения законодательства и обеспечивая применение закона, единство законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также интересов общества и государства в местах принудительного содержания. Организация прокурорского надзора в исправительных учреждениях осуществляется через выездные проверки, которые могут быть как запланированными, так и осуществляться внепланово. Органы прокуратуры осуществляют проверки соблюдения законов в учреждениях, где находятся заключенные, на основе информации о возможных нарушениях, требующих вмешательства прокурора в случае отсутствия возможности проверить или опровергнуть информацию без проведения проверки.

Анализируя законодательные документы, включая Федеральный закон «О прокуратуре», приказы высшей инстанции прокуратуры и сопутствующее законодательство, можно сконструировать мозаику полномочий, сфокусированных на защите правосудия внутри мест лишения свободы. Прокуроры, осуществляющие надзор за исправительными учреждениями, обладают правом получать информацию о критичных событиях, следствием которых могут стать нарушения законов. Примерами таких событий являются случаи смерти, травмирования, безвозвратные отпуска или применение специальных средств воздействия. Указанные полномочия прокуроров, основанные на принципах правового превосходства, обозначены в главах 1, 2, 3, 4 и разделе IV вышеуказанного закона.

Ключевые слова: прокурорская проверка, закон о прокуратуре, разрешение жалоб, осужденный.

В сфере надзора за обеспечением законности в учреждениях отбывания наказаний, немаловажным аспектом являются проверочные процедуры, в ходе которых осуществляется анализ жалоб и различных обращений осужденных. При этом прокурор активно применяет свои полномочия с целью установления законности, обращая внимание на запрет цензуры и предотвращая любые попытки ограничить право осужденных на свободу слова. Эти действия прокурорского корпуса способствуют соблюдению правил отбывания наказания и защите прав и интересов осужденных, как это предписано рамками законодательства.

В сфере пенитенциарной деятельности особняком стоит механизм прокурорского надзора, одним из важнейших элементов которого является «Прокурорская проверка». Эта методика направлена на обеспечение строгого и единообразного выполнения законодательных актов в исправительных учреждениях. Спектр проверочной деятельности прокурора обширен и основан на положениях Федерального Закона «О прокуратуре», в частности, статьей 21, 22, 27 и 33, определяющих как методологию, так и механизмы её выполнения.

Структура процесса предусматривает возможность выявления случаев юридических проступков и надзор за соблюдением гражданских прав, как на основе поступающей информации от граждан, так и через систематический анализ деятельности пенитенциарных органов. Помимо базовой прокурорской функции, заключающейся в инспекционных мероприятиях, закон предоставляет право на рассмотрение и проверку обращений о нарушениях.

Субъектная классификация «Проверок» включает в себя единоличные, где действует один прокурор, коллегиальные, сформированные из нескольких представителей прокуратуры, комплексные, с участием разнородных ведомств, и комиссионные, проводимые разветвленной сетью прокуратур с опорой на экспертизу сторонних специалистов.

Проверки разделяются на плановые, осуществляемые регулярно в рамках, установленных правовыми актами сроков, и внеплановые, инициируемые в свете чрезвычайных ситуаций, при поступлении жалоб и обращений, или появления новелл в законодательстве.

Периодичность проверок установлена Приказом Генпрокурора РФ № 6 от 16.01.2014 г.: например, п. 1.1 предписывает, что для обеспечения законности и обоснованности, а также соблюдения сроков содержания граждан под стражей проку-

роры должны проверять следственные изоляторы, а военные прокуроры – гауптвахты не реже одного раза в месяц; п. 2.2 устанавливает, что проверки исполнения законов в исправительных учреждениях следует проводить ежемесячно, а расположенных в труднодоступных местах – ежеквартально..

Сложившаяся в прокурорских структурах традиция планирования берет свое начало с двадцатых годов минувшего столетия и заложила основу плановых проверок в местах содержания осужденных. Прокурор составляет график проверочных мероприятий раз в квартал.

Целесообразно дополнительно инициировать информирование лиц, отбывающих наказания, о приезде прокурора. Это откроет перед заключенными возможность предварительной подготовки для обсуждения своих предложений, заявлений и жалоб как в устной, так и в письменной форме. Решение вопроса информирования в контексте с планом проверок и проблемой доступности определенных территорий выглядит разумным путем усовершенствования контакта между надзорным органом и осужденными. Из-за географического удаления прокуратуры от местонахождения исправительных учреждений, при плановости проверок данный подход кажется вполне оправданным.

При этом внеплановые инспекции обычно становятся ответом на зафиксированные нарушения или на поступление информации о преступлениях против законности в форме обращений или жалоб от осужденных или их близких лиц. Внедрение неожиданных проверок служит инструментом реагирования на злоупотребления и обеспечение надлежащего выполнения уголовно-правовых мер.

В последовательности организации надзорной деятельности неизбежно прокуроры всех уровней вынуждены ставить в приоритет вопросы, имеющие первостепенную значимость. Среди таких вопросов: выделение задач, которые требуют немедленного решения от тех, которые могут подождать; установить какие мероприятия на текущий день, а какие возможно отложить на будущее; разграничить обязанности, которые прокурор выполнит лично, от тех, что будут делегированы подчиненным или потребуются привлечь к сотрудничеству другие государственные органы и/или общественные организации. При этом прокурорам приходится применять обширный арсенал методик, обеспечивающих результативность контрольной функции, включая разнообразные формы взаимодействия и использования наличных ресурсов и сил.

Форма проверки по содержанию, может быть комплексной, охватывающей широкий спектр проблематик, включая исполнение судебных постановлений в ИУ при исполнении наказаний, или же специальными, которые призваны удостоверить законность отдельных аспектов, как-то законность условно-досрочного освобождения заключенных, корректность режимных требований в ИУ, допустимость дисциплинарных санкций или их последующее аннулирование в соответствии с нормами законодательства.

От прокурора требуется так организовать работу, чтобы с малым количеством сотрудников выполнить с максимальной эффективностью больший объем работы и при том с высоким качеством. Прокурор обязан уметь выделить приоритеты в работе из массы второстепенных задач, сосредоточить усилия подчиненных ему работников в первую очередь на решении основных, ключевых задач. Ему приходится самому определять порядок наиболее эффективного использования предоставленных законом полномочий, применения правовых средств, сообразуясь в каждом случае с возникшей конкретной ситуацией.

Разбирательство жалоб, а также заявлений предполагает строгое соблюдение установленных законом временных рамок: не более семи суток для ситуаций, когда задеваются конституционные права граждан; до пятнадцати дней, когда требуется проведение дополнительной проверки; и до месяца для иных видов обращений.

Наличие приведенных условий определяет необходимость увеличения с разрешения руководителя соответствующего ведомства срока рассмотрения обращения.

Подлежащий продлению, данный период устанавливается законодательством для обеспечения правомочного, адекватного ответа на поступающие обращения граждан, что является обусловленной необходимостью в рамках оперативности и эффективности прокурорской функции.

Прокурору необходимо тщательно определять, какие стратегические ходы и средства правового воздействия следует выбрать для достижения законного эффекта и какие органы должны быть задействованы в процессе. Следует определять, каким образом осуществлять процессуальный надзор, включая последовательность надлежащих проверок, нацеленных на всестороннее раскрытие нарушений закона, факторов, способствующих их возникновению, и выявления сторон, ответственных за противозаконные деяния. В своем арсенале прокурору необходимо держать вопросы для формирования актов, которые затем будут использоваться при прокурорском реагировании[3].

Неотъемлемой частью обязанностей прокурора является анализ обращений граждан, включая жалобы и предложения. Это, к тому же, механизм для охраны прав и интересов осужденных, который закреплен в законе как их неотъемлемое право. Прокурору необходимо обладать способностью адаптировать свои методы и действия к переменчивым условиям для обеспечения эффективной и своевременной работы, соответствующей духу и букве закона.

Процессуальные аспекты подачи жалоб осужденным, включая делопроизводственные особенности и правовые процедуры, занимают значительное место в системе управления и контроля за учреждениями исполнения наказаний.

Обращения граждан могут иметь письменную и устную форму. Устная форма, как правило, свойственна личным обращениям граждан, однако,

и они регистрируются в журнале приема осужденных или в журнале приема родственников лиц, отбывающих наказание. Письменные обращения осужденных также подлежат обязательной регистрации [2].

На этапе решения данных вопросов ответы формулируются письменно, каждый из них должен базироваться на законности, мотивации и обоснованности, включая информацию о праве на обжалование решений.

В дополнение к этому, за осужденными закреплена возможность осуществления многократного обжалования решений, что расширяет их правовой статус. Также обеспечивается защита их прав путем предоставления гарантий на обращения без цензуры; отдельно стоит выделить, что обращения могут быть направлены в контролирующие и надзорные органы.

Отметим акцент на роли уведомления прокуратуры об особо важных инцидентах, таких как случаи смерти, травмирования, совершенные преступления или несанкционированное отсутствие осужденных. Информирование о применении специальных средств также входит в этот перечень. Прокурор, проводящий проверку и ознакомление с жалобами в ИУ, применяет свои полномочия, который урегулированы в главах 1,2,3,4 и разделе IV Федерального закона «О прокуратуре».

Изучение законодательных актов, таких как Федеральный закон «О прокуратуре», прочие законодательные нормы и указания Генерального прокурора, выявляет набор прав, нацеленных на поддержку соответствия процедур отбывания наказания и защиту законных интересов осужденных. В частности, задачи прокурора включают предупреждение нарушений и восстановление прав заключенных, что, в свою очередь, формирует методы предотвращения и реагирования на неправомерные действия.

Например, К.И. Амирбеков и М.А. Магомедов определяют их как юридические акты в форме актов-решений и внешних вербальных актов-действий прокурора, через которые он реализует свои полномочия [4].

К актам прокурорского реагирования, применяемым при осуществлении надзора за исполнением законов в ИУ, уголовно-исполнительных инспекциях и исправительных центрах относятся протест, представление, постановление, требование, указание, отдельное поручение.

Так А.Я. Сухарева воспринимает акты прокурорского реагирования через призму полномочий прокурора: «Полномочия прокурора по устранению нарушений закона представляют собой систему правовых средств, используемых прокурором для пресечения правонарушений, восстановления законности, ликвидации вызванных нарушениями закона негативных последствий» [7].

Целью использования указанных форм – является восстановление нарушенного требования закона, прав и законных интересов граждан. Основаниями применения прокурором рассматрива-

емых форм являются наличие нарушения закона или же условий, способствующих этому нарушению. К обязательным требованиям, к которым относятся: письменная форма; оформление обращения компетентным прокурором; адресное уведомление лиц и органов, уполномоченных к принятию решения по устранению допускаемых нарушений; законность, обоснованность и мотивированность обращений прокурора за восстановлением законности.

Протест прокурора – это письменный документ на противоречащий закону правовой акт, исходящий от прокурора или его заместителя и направленный в орган или должностному лицу, уполномоченного принять решение [1].

Осуществление прокурорского реагирования таким образом ориентировано на незамедлительное исправление серьезных нарушений законодательства, в том числе, защиту прав и законных интересов осужденных, которые были незаконно подвергнуты строгим дисциплинарным наказаниям.

Акт прокурора или его заместителя, известный как представление прокурора, направлен на установление и устранение нарушений законов, вносится уполномоченным структурам или физическим лицам, допустившим правонарушение. Статья 33 упомянутого закона утверждает, что представление вносится на противоправное деяние без элементов уголовного или административного правонарушения и служит инструментом для предупреждения будущих подобных инцидентов и исправления сложившихся причин и условий, которые к ним привели.

Постановление прокурора – решение прокурора о возбуждении уголовного дела или производства об административном правонарушении при выявлении нарушения закона или же об отмене дисциплинарного взыскания и освобождении из штрафного изолятора, одиночной камеры или, в целом, из учреждения, исполняющего наказание» (ч. 1 ст. 33 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»).

Когда речь идет о протесте, то необходимо упомянуть, что это мотивированное возражение с целью аннулировать незаконную нормативную директиву или обязать привести её в соответствие с законом. Уникальность данной практики проявляется в возможности приостановки действия опротестованных решений, в том числе и тех, которые вступили в силу в пенитенциарных учреждениях.

Указание прокурора – документ, определяющий задание лицу, осуществляющему производство по уголовному делу, о производстве процессуальных действий в целях раскрытия преступления, изобличения всех лиц, участвовавших в совершении преступлений, выявления свидетелей и потерпевших от преступного деяния, установления размера ущерба и принятия мер по его возмещению. Однако в рамках надзора за ИУ прокуроры таким образом, указывают в форме рекомендаций адресованный органу или должностному лицу, который обязан обратить на выявленный факт внимание

и полномочен устранить допущенные нарушения [6].

Задача прокурора – восстановить законность при исполнении приговора, связанного с лишением свободы. Данное действие предполагает выполнение проверки соблюдения законных норм, которыми управомочен прокурор как представитель государства. Специализированный прокурор, используя свой арсенал методов, должен обеспечить своевременное выявление и устранение нарушений, а также установление лиц, причастных к ним, для достижения результата восстановления законности при отбытии наказания в виде лишения свободы.

Разработка тактики прокурорского надзора требует независимого принятия решений по тактике и порядку проведения проверок, отбора необходимых действий, начиная с определения их последовательности и завершая выбором правового средства реагирования для реализации эффективной прокурорской тактики. Ключевыми параметрами эффективности прокурорского реагирования являются временные рамки – рассмотрение протеста в течение десяти дней, представления – тридцати дней, а также обязательное изучение материалов и срочное информирование прокурора о принятом решении с возможностью его повторного пересмотра для восстановления законности.

Таким образом, специфика взаимоотношений, нацеленных на лишение свободы, требует от прокурора не просто знания широкого спектра юридических инструментов, но и умение грамотно ими воспользоваться для реализации защиты нарушенных при исполнении приговора законных прав и интересов.

Терминология «тактика», родом из греческого языка, первоначально использовалась для обозначения мастерства стратегической подготовки и военных действий, ставя во главу угла стимул достигнуть определённой боевой миссии. В современной практике, данный концепт расширил свои горизонты, проявляясь в профессиональной деятельности прокурорского надзора. Применяясь в последнем, тактика прокурорского надзора трактуется как кумулятивное применение различных действий и ухищрений, учитывая текущие реалии, для эффективного и целесообразного осуществления функций прокурора и связанных с этим операций с целью оптимизации результатов.

В контексте прокурорских проверок, тактика тесно связана с принятием рациональных методов, учитывающих специфику обстановки, что позволяет полностью раскрыть правонарушения и установить как факты, так и виновных лиц. Адекватность и профессионализм выбора тактических решений в значительной степени предопределяют благополучие всестороннего исследования. В силу этого, стоит отметить дифференциацию между методикой и тактикой прокурорского надзора. Если методика представляет собой совокупность способов, направленных на определение действий прокурора, то тактика касается выбора методов их реализации.

Принимая во внимание постулаты теоретиков в данной области, выработано убеждение, что основная суть тактики прокурорского надзора заключается в методологии ее эффективного применения с изначальной целью усовершенствовать регулирование с тем, чтобы добиться идеальных итоговых решений при наблюдении за соблюдением законности.

Прокурорская проверка состоит из процессов собирания, исследования и оценки материалов [7].

Сбор информации, исследование и оценка доказательственного материала определяют суть действий, предпринятых прокурорскими органами в рамках проверки. Многофакторный анализ определяет уникальные стратегии каждой такой операции. Аспекты, влияющие на подходы к проверке, включают, но не ограничиваются, природой первичных указаний о нарушении, уровнем детального знания прокурора о правонарушении, местом проведения, статусом причастных к нарушению и объемом намеченных исследовательских шагов. Специфика лиц, проводящих проверку, также является решающей при выборе тактики.

Действия, предпринимаемые прокурором, могут возникать в различном порядке: анализ соответствующей документации, интервьюирование индивидов в задержании, запросы объяснений у правонарушителей и заказ аудита или инспекции. Иногда эти меры требуют участия экспертов, иногда – нет. Следовательно, значительно отличающиеся последовательности этих операций могут быть определены в зависимости от ситуации.

Тактические пути могут быть маневренными: например, совмещение регулярных и внезапных проверок, приоритетность инспекций в инстанциях контроля или в местах распространения нарушений законодательства, проверки без предупреждения виновных сторон или же начальная стадия проверки при их отсутствии. Можно также сначала затребовать объяснения у пострадавших сторон, а после у нарушителей, использовать сочетание письменной и устной репликации, увеличивая строгость при повторных нарушениях. Эти и другие методики помогают формировать адаптивный и полноценный ответ на повторы правонарушений.

Прокуроры при проведении проверок в ИУ избирают меру реагирования с точки зрения ее целесообразности. Если прокурор имеет возможность применить разные меры реагирования, он должен избрать ту, которая будет наиболее результативной. Например, если прокурор понимает, что его протест на правовой акт будет должностным лицом отклонен, ему следует сразу обратиться в суд с заявлением о несоответствии правового акта закону [5].

В сфере прокурорского надзора за законностью в исправительных учреждениях (ИУ), выбор актуальных форм и методов является краеугольным камнем эффективности. Каждый инструмент заставляет отреагировать на нарушения различными способами, остаётся лишь правильно применить их. Прокуроры, опираясь на тактические страте-

гии, достигают задуманных результатов в рамках проверок. Комплексный надзор, предполагающий интегрированное применение ресурсов, приводит к утверждению законности, единства законодательства, защите прав человека и гражданина, а также интересов общественности и державы. Следовательно, искусство выбора и применения этих средств реагирования способствует реализации главной задачи прокуратуры – гарантирования господства права.

Литература

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1(ред. от 18.04.2018)»О прокуратуре Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 21.06.2016) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»// Законность, № 3, 2008.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 N 6 (ред. от 13.02.2023) «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»// Законность, № 4, 2014.
4. Амирбеков, К.И., Магамедов, М.А. Полномочия прокурора и их классификация [Текст] / К.И. Амирбеков, М.А. Магамедов // Юридический мир. – 2016. – № 2. – С. 39–44.
5. Галиев, Ф.Ф. Протест прокурора как акт правоприменительный [Текст] / Ф.Ф. Галиев // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 3 (29). – С. 76–80.
6. Кириллова Н.П. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов [Текст] / Кириллова Н.П. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024–349 с.
7. Сухарева А.Я. Прокурорский надзор: учебник для вузов [Текст] / А.Я. Сухарева – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2014–479 с.

LEGAL REGULATION OF PROSECUTORIAL INSPECTIONS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY: ASPECTS OF THE EXERCISE OF POWERS IN THE EVENT OF EVENTS POTENTIALLY RELATED TO VIOLATIONS OF THE LAW

Shevyakov-Arakcheev Ya.A.

S.Y. Witte Moscow University, Russia, Moscow

The article examines the key aspects of the concept of prosecutorial verification in institutions where persons are in custody. In modern conditions, the prosecutor's office performs control functions, identifying violations of the law and ensuring the application of the law, the unity of legality, protection of human and civil rights and freedoms, as well as the interests of society and the state in places of forced detention. The organization of prosecutorial supervision in correctional institutions is carried out through on-site inspections, which can be either planned or carried out unscheduled. The Prosecutor's Office carries out inspections of compliance with the laws in institutions where prisoners are located, based on information about possible violations that require the intervention of the prosecutor in the absence of an opportunity to verify or refute information without verification.

Analyzing legislative documents, including the Federal Law "On the Prosecutor's Office", orders of the highest instance of the prosecutor's Office and related legislation, it is possible to construct a mosaic of powers focused on the protection of justice inside places of detention. Prosecutors overseeing correctional institutions have the right to receive information about critical events that may result in violations of the law. Examples of such events are cases of death, injury, irrevocable vacations or the use of special means of influence. The specified powers of prosecutors, based on the principles of legal superiority, are indicated in chapters 1, 2, 3, 4 and section IV of the above-mentioned law.

Keywords: prosecutor's check, the law on the prosecutor's office, resolution of complaints, convicted person.

References

1. Federal Law No. 2202–1 of 17.01.1992(as amended on 18.04.2018)“on the prosecutor's office of the Russian Federation”// collection of legislation of the Russian Federation, 20.11.1995, No. 47, article 4472.
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 195 dated 07.12.2007 (as amended on 21.06.2016) “on the organization of prosecutor's supervision over the implementation of laws, compliance with human and civil rights and freedoms”// legality, No. 3, 2008.
3. Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 6 of 16.01.2014 (as amended on 13.02.2023) “on the organization of supervision over the implementation of laws by administrations of institutions and bodies executing criminal sentences, investigative isolators in the detention of suspects and accused of committing crimes criminal”// legality, No. 4, 2014.
4. Amirbekov, K. I., Magamedov, M.A. Powers of the prosecutor and their classification [text] / K.I. Amirbekov, M.A. Magamedov // legal world. 2016, No. 2, pp. 39–44.
5. Galiev F. F. protest of the prosecutor as an act of law enforcement [text] / F.F. Galiev // legal state: theory and practice. – 2012. – № 3 (29). – P. 76–80.
6. Kirillova N. P. prosecutor's supervision: textbook and practice for universities [text] / Kirillova N.P. – 4th ed., redrab. and add-ons. Moscow: Yurayt publishing house, 2024–349 P.
7. Sukhareva A. Ya. prosecutor's supervision: textbook for universities / A. Ya. Sukhareva – 4th ed., redrab. and add-ons. Moscow: Norma: infra-m publ., 2014, 479 P.

Развитие правового регулирования процедуры оценки законности решения о возбуждении уголовного дела: аспекты судебного контроля и прокурорского надзора

Щеглов Максим Игоревич,

руководитель отдела дежурных следователей ГСУ СК России по Московской области, полковник юстиции
E-mail: maksim_shcheglov@bk.ru

В статье автор рассматривает проблемные вопросы процедуры судебного контроля и прокурорского надзора при оценке законности вынесенного органами предварительного следствия постановления о возбуждении уголовного дела. Основания для принятия решения о незаконности такого постановления условно разделяются автором на две группы. К первой относятся допущенные формальные нарушения, связанные с неправильным оформлением самого документа. Ко второй относятся нарушения, имеющие оценочный с точки зрения доказательств характер. В соответствии с позициями Верховного и Конституционного судов в сферу судебного контроля входит оценка нарушений лишь первой группы. Прокурорский надзор в данном случае носит более широкий характер и затрагивает обе группы нарушений. Вместе с тем законодательство не устанавливает последствий для доказательственной базы и защиты прав потерпевших при принятии решения об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, что является существенным пробелом. В статье также анализируется следственная и судебная практика и предлагаются решения ряда спорных моментов.

Ключевые слова: суд, прокурор, судебный контроль, прокурорский надзор, возбуждение уголовного дела, отмена постановления о возбуждении уголовного дела, доказательства.

Одним из важнейших процессуальных решений, принимаемых следователем при осуществлении предварительного следствия – решение о возбуждении уголовного дела. Суммируя результаты проведенной проверки сообщения о преступлении, указанное решение является, по сути, отправной точкой для всего дальнейшего расследования. Вненесенные в ст. 144 УПК РФ изменения^[1] значительно расширили полномочия следователя на стадии доследственной проверки, однако применение всего объема процессуальных прав предоставляемых следователю при проведении предварительного следствия до возбуждения уголовного дела невозможно. При проведении проверки, существенно ограничены права следователя в части получения сведений, затрагивающих права и свободы граждан, избрание меры пресечения, проведения обысков и выемок, очных ставок и иных важных следственных действий, позволяющих в полном объеме установить преступность деяния, обстоятельства происшествия, определить круг лиц совершивших преступление. Указанные обстоятельства зачастую можно выяснить лишь после проведенного полноценного расследования.

Между тем, само по себе решение следователя возбудить уголовное дело не устанавливает виновность кого-либо в совершении преступления, а также не признает сам факт его совершения, а лишь указывает на наличие поводов и оснований для принятия такого решения, которое, по сути, лишь свидетельствует о переходе на следующую, более серьезную стадию уголовного процесса. Сама по себе процедура возбуждения уголовного дела является своеобразным барьером, отсекающим те материалы сообщений о преступлениях, которые не требуют полноценного расследования, поскольку уже на стадии проверки очевидно отсутствие состава или события преступления.

На стадии предварительного расследования у органов следствия имеются более значительный объем процессуальных полномочий, которые позволяют полно и всесторонне оценить имеющиеся обстоятельства, а также провести необходимые следственные, процессуальные действия, экспертизы, после чего принять мотивированное решение по существу дела направлять ли его прокурору для передачи в суд или прекратить. Также, немаловажную роль в данном случае имеют и процессуальные сроки, которые при проведении проверки ограничены 30-ти суточным сроком^[2]. Сроки же расследования уголовного дела законодательно не ограничены, что позволяет провести бо-

лее полноценное и качественное расследование. Недаром Председателем Следственного комитета России А.И. Бастрыкиным в своих выступлениях неоднократно указывалось на необходимость возбуждать уголовные дела во всех случаях, требующих проверки следственным путем.

Однако, как ранее неоднократно указывалось различными учеными, уголовно-процессуальным законодательством необходимый объем сведений для принятия органами следствия решения о возбуждении дела не определен. Таким образом, данные полномочия следователя являются дискреционными, то есть зависят от непосредственной оценки конкретным сотрудником объема полученной на стадии проверки информации, которая может различаться с позицией прокурора или суда, куда заинтересованные участники процесса могут обжаловать принятое решение.

Одним из важнейших надзорных полномочий прокурора за деятельностью органов предварительного следствия является его право на отмену принятого решения о возбуждении уголовного дела. Право это может быть использовано для пресечения обнаруженных нарушений законодательства, которые, по его мнению, допущены при принятии такого решения.

Такие нарушения можно условно разделить на две группы. К первой относятся формальные нарушения допущенные при составлении самого документа, такие как отсутствие указания в тексте на соответствующие поводы или основания для возбуждения уголовного дела, пунктов и статей по которым возбуждено уголовное дело, принятие решения ненадлежащим должностным лицом, технические ошибки. Ко второй можно отнести вопросы связанные с оценкой обстоятельств по существу. Такими чаще всего бывают отсутствие, по мнению прокурора оснований для возбуждения дела либо недостаточное количество материалов, свидетельствующих о наличии признаков соответствующего преступления, а также процессуальные нарушения, допущенные при проведении следственной проверки т.д. Также основанием, влекущим отмену постановления о возбуждении уголовного дела, является его необоснованность, или немотивированность. Если доводы, изложенные в постановлении «неубедительны, не соответствуют собраным в ходе следственной проверки материалам, свидетельствующим о признаках преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, то постановление о возбуждении уголовного дела отменяется прокурором».[3]

При этом, следует отметить, что вторая группа оснований для принятия прокурором решения о признании постановления следователя незаконным фактически относится к процедуре субъективной оценки представленных вместе с соответствующим постановлением документов, содержащих обстоятельства, которые могут быть проверены и в ходе расследования уголовного дела. То есть налицо возникает процессуальный конфликт, связанный с разной оценкой участниками стороны об-

винения собранных в ходе процессуальной проверки доказательств.

Вместе с тем, согласно материалам ВС РФ, следователь обладает необходимой компетенцией, чтобы вынести соответствующее постановление и возбудить уголовное дело. При этом согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, постановление должно быть «законным, обоснованным и мотивированным; а также содержать информацию о дате, времени и месте его вынесения; указании на лицо его вынесшего, повод и основание для его возбуждения, ссылку на соответствующую статью УПК РФ» [4].

В соответствии с правовой позицией Конституционного суда РФ под основаниями для возбуждения уголовного дела понимают «наличие достаточных данных, указывающих на признаки конкретного преступления, а также наличие законного повода, при котором должны отсутствовать основания для отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренные статьей 24 УПК», аналогичные позиции изложены и в определении Верховного Суда РФ № 30-О-О от 25.12.12 [5]

Анализируя указанные нормы, а также позиции Конституционного и Верховного судов, можно прийти к выводу о том, что оценка законности постановления состоит в проверке наличия в нем ряда формальных требований, таких как дата и время вынесения, сведения о лице его вынесшем, указание пункта и статьи, по которой возбуждено соответствующее уголовное дело. Эти сведения являются обязательными и нарушения, допущенные в данной части, являются формальными основаниями для признания данного решения незаконным.

Таким образом, можно выделить единственный спорный вопрос, решение которого зависит от конкретных материалов уголовного дела, позиций сторон – наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Определение достаточности представленной информации в каждом отдельном случае зависит от субъективной оценки следователя, прокурора или суда. Отсутствие законодательного определения термина «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» также играет значительную роль в этом процессе. Все вышеперечисленные обстоятельства влекут многочисленные процессуальные конфликты и принятие решений об отмене прокурорами постановлений о возбуждении уголовного дела, а также обращения заинтересованных лиц в порядке судебного контроля.

В ходе проведения диссертационного исследования автором были проанализированы 50 случаев отмены постановлений о возбуждении уголовных дел, вынесенных прокурорами по делам Следственного комитета РФ в следующих субъектах: г. Москва, Московская область, Республика Крым, г. Севастополь. Анализом установлено, что 93% решений связаны именно с отсутствием в материалах проверок достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, то есть оценочной позицией прокурора описанной выше. В 4–5% случаев отмена постановления обусловлена нарушениями

требований ст. 447 УПК РФ, предполагающей особый порядок производства по уголовным делам в том числе процедуру их возбуждения в отношении ряда лиц. В 2% случаев основаниями являлись технические ошибки в постановлении.

Обращает на себя внимание, что законодателем установлен очень жесткий срок для принятия прокурором решения об отмене постановления – 24 часа с момента получения прокурором материалов. Таким образом, законодатель фактически установил, что данное решение является экстренной мерой реагирования на нарушения, допущенные при переходе от одной стадии досудебного разбирательства к следующей.

Очевидно, что основой прокурорского надзора при проверке законности решения о возбуждении уголовного дела следует признать проверку наличия необходимых данных, которые указывают на признаки преступления. Однако эти обстоятельства фактически относятся к предмету доказывания по уголовному делу и могут быть установлены в полном объеме только в ходе его расследования. То есть отмена прокурором постановления о возбуждении уголовного дела в течение первых суток может препятствовать полной и всесторонней оценке события, а значит и затрагивать конституционные права граждан на правосудие.

Исследователи обоснованно отмечают, что «поводом для применения прокурором полномочий, относящихся к отмене постановлений о возбуждении уголовного дела, либо иных, связанных с выявлением нарушений федерального законодательства, могут быть минимальные упущения, допущенные при оформлении процессуальных документов, либо непроведение следователем определенного объема следственных или процессуальных действий в случаях, когда аналогичные результаты уже получены из других источников» [6]. А.М. Багмет, Ю.А. Цветков, интерпретируя статистические данные, приходят в данном контексте к выводу о том, что активное применение мер прокурорского реагирования может быть обусловлено стремлением соответствовать необходимым статистическим показателям, продемонстрировать благоприятную динамику служебной деятельности [7].

Таким образом, возвращаясь к тому моменту, который является ключевым при принятии решения о признании прокурором законным возбуждения уголовного дела или отмене данного постановления, очевидно, что основой прокурорского надзора при проверке законности возбуждения уголовного дела следователем является проверка наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Между тем, указанные обстоятельства фактически относятся к предмету доказывания, который может быть установлен и на последующих стадиях уголовного судопроизводства. В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2013 г. N 18-Д13–42 указано, что «обоснованность решения о возбуждении уголовного дела и соответствие установленных в ходе

доследственной проверки обстоятельств фактическим на данном этапе не могут быть предметом обжалования и проверки в суде» [8]. То есть, возможно сделать вывод о том, что при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования, судом выявляются нарушения относящиеся исключительно к первой группе (формальные). Нарушениям относящимся ко второй группе (наличие достаточных оснований, наличие соответствующих материалов) суд оценку не дает.

Таким образом, при проверке законности постановления о возбуждении уголовного дела суд устанавливает лишь соблюдение порядка вынесения данного решения, и наличие формально указанных поводов и оснований. Установление же соответствия фактических обстоятельств, изложенным в постановлении, входит в сферу прокурорского надзора. Аналогичной позиции придерживается и Конституционный суд Российской Федерации, в соответствии с многочисленными решениями которого, «отсутствие у лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело возможности обжаловать по существу это решение в суд не нарушает его права, так как это лицо не ограничено в доступе к правосудию и может в дальнейшем отстаивать свою позицию на стадии судебного разбирательства».

Таким образом, следует сделать вывод о том, что оценка достаточности собранных на стадии доследственной проверки доказательств, указывающих на признаки преступления, находится исключительно в сфере прокурорского надзора и ведомственного (процессуального контроля). Судебный же контроль на данной стадии является усеченным и предполагает оценку соответствующего постановления следователя исключительно с формальной точки зрения.

Принятие рассматриваемого в настоящей статье решения прокурором оказывает существенное влияние на права потерпевшего и его законные интересы. Так, процессуальный статус потерпевшего в результате отмены прокурором постановления нивелируется. С этого момента он лишается всего объема прав предоставленных ему ст. 42 УПК РФ, которые несоизмеримо шире объема прав, предоставляемых заявителю в рамках доследственной проверки. Ввиду этого, фактическое лишение прокурором заявителя статуса потерпевшего существенным образом затрагивает его права, гарантированные Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством, в том числе и на соблюдение сроков установленных ст. 6.1 УПК РФ.

Важным проблемным аспектом является отсутствие установленного законом ответа на вопрос о порядке оценки доказательств, которые получены в ходе расследования уголовного дела, постановление о возбуждении которого отменено. Представляется, что все полученные в результате следственных действий по «отмененному» уголовному делу должны признаваться недопустимыми. Вместе с тем, эти доказательства были получены в со-

ответствии с требованиями закона, так как на момент их получения постановление имело законную силу. Данный существенный пробел требует своего восполнения.

Кроме того, законодательно не разрешен вопрос отмены процессуальных решений о наложении ареста на имущество, мерах пресечения и процессуального принуждения. В законе также не разъяснено, каким именно образом следует поступать с вещественными доказательствами, изъятыми в ходе расследования, в том числе невосполнимыми.

В этой связи можно сделать вывод о том, что законодательство, предоставляя прокурору право отменять постановление о возбуждении уголовного дела, не устанавливает последствий данного решения для доказательственной базы, для защиты прав потерпевших от преступления. Следует также констатировать, что для принятия такого решения прокурором отсутствует прозрачная и понятная система его оценки. Если проводить аналогию между окончательным решением по уголовному делу и постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела то, к примеру, ст. 389.15 УПК РФ устанавливает четкие основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке.

Иными словами, законодатель, сохраняя за прокурором существенный объем полномочий, позволяющих влиять на ход предварительного следствия, не создает гарантий объективного принятия решений.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что наделение полномочиями прокурора по отмене постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенного следователем требует своей корректировки на законодательном уровне. Необходимо совершенствование действующего законодательства с целью обеспечения прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства, единства оценки доказательств, соблюдения разумных сроков расследования.

Указанные изменения могут быть связаны как с ограничением полномочий прокурора при принятии решения об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, так и путем полной переработки процедур, предшествующих возбуждению уголовного дела.

Также, возможно имеет смысл обратиться к ч. 1 ст. 116 УПК РСФСР 1960 года [10], согласно которому, если дело было возбуждено без законных поводов и оснований, прокурор своим постановлением отменял соответствующее постановление, отказывая в возбуждении уголовного дела, либо прекращал дело, если по нему уже были произведены следственные действия. Возврат к указанной норме, в той или иной форме, в полной мере обеспечивал бы права и законные интересы как потерпевших, так и обвиняемых на своевременный и беспрепятственный доступ к правосудию.

Также требуется обратить внимание на необходимость законодательной проработки оценки допу-

стимости доказательств, полученных по уголовному делу, постановление по которому было отменено, в целях соблюдения прав и законных интересов всех заинтересованных лиц.

Литература

1. Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) ст. 144 ч. 3
3. «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (отв. ред. В.М. Лебедев) (рук. авт. кол. В.А. Давыдов) («НОРМА», «ИНФРА-М», 2014) {Консультант-Плюс}
4. Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Патратия В.В. на нарушение его конституционных прав частью второй ст. 146 УПК РФ № 30-О-О от 25 января 2012 г.
5. Определение Верховного Суда РФ № 30-О-О от 25.12.12
6. Тузова Е.В. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя в свете соотношения процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 226–232.
7. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Сильное следствие и его противники // LexRussica. 2015. № 4. С. 60–70.
8. Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2014 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 02.07.2014)
9. Постановление от 23 марта 1999 г. N 5-П, определения от 27 декабря 2002 г. N 300-О, от 22 октября 2003 г. N 385-О, от 14 июля 2011 г. N 1027-О-О
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002)

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR ASSESSING THE LEGALITY OF A DECISION TO INITIATE A CRIMINAL CASE: ASPECTS OF JUDICIAL CONTROL AND PROSECUTORIAL SUPERVISION

Shcheglov M.I.

Investigative Committee of the Russian Federation in the Moscow region

In the article, the author examines the problematic issues of the procedure of judicial control and prosecutorial supervision in assessing the legality of the decision issued by the preliminary investigation authorities to initiate a criminal case. The grounds for making a decision on the illegality of such a resolution are conditionally divided by the author into two groups. The first category includes formal vi-

olations related to the incorrect design of the document itself. The second category includes violations that are evaluative in terms of evidence. In accordance with the positions of the Supreme and Constitutional Courts, the scope of judicial control includes the assessment of violations of only the first group. The prosecutor's supervision in this case is broader in nature and affects both groups of violations. At the same time, the legislation does not establish the consequences for the evidence base and protection of the rights of victims when deciding to cancel a decision to initiate criminal proceedings, which is a significant gap. The article also analyzes investigative and judicial practice and suggests solutions to a number of controversial issues.

Keywords: court, prosecutor, judicial control, prosecutorial supervision, initiation of criminal proceedings, cancellation of the decision to initiate criminal proceedings, evidence.

References

1. Federal Law of March 4, 2013 N 23-FZ (as amended on December 28, 2013) "On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"
2. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on April 17, 2017) Art. 144 Part 3
3. "Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (article-by-article) (edited

by V.M. Lebedev) (head of the editorial team. V.A. Davydov) ("NORMA", "INFRA- M", 2014) {ConsultantPlus}

4. Ruling to refuse to accept for consideration the complaint of citizen V.V. Patratiya. for violation of his constitutional rights by part two of Article 146 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 30-O-O dated January 25, 2012.
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 30-O-O dated 12/25/12
6. Tuzova E.V. On the issue of the procedural independence of the investigator in the light of the relationship between the procedural powers of the prosecutor and the head of the investigative body // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 10. P. 226–232.
7. Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A. Strong investigation and its opponents // LexRussica. 2015. No. 4. P. 60–70.
8. Review of the practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for the first half of 2014" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 2, 2014)
9. Resolution of March 23, 1999 N 5-P, definitions of December 27, 2002 N 300-O, of October 22, 2003 N 385-O, of July 14, 2011 N 1027-O-O
10. Criminal Procedure Code of the RSFSR" (approved by the Supreme Court of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on December 29, 2001, as amended on November 26, 2002) (as amended and additionally entered into force on July 1, 2002)

Концептуальные основы формирования правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в деятельности СМИ: аспекты влияния на нормы этики журналистики

Растегари Сайедэбрахим,

аспирант, кафедра международного права юридический факультет Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: ebrahimrastegari@gmail.com

Бахадиванд Чегини Захра,

аспирант, кафедра медиакоммуникации и журналистика Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: chakamesol@yahoo.com

Признавая журналистику важнейшей составной части жизни цивилизованного человеческого общества, автор обращает внимание на проблемы, с которыми сталкивается в настоящее время этот значимый элемент современной действительности. В статье даётся характеристика не только нынешнему состоянию главного субъекта всех средств массовой информации, но и анализируются сегодняшние и завтрашние проблемы журналистской деятельности. К одной из таковых автор относит всё более активную и всепроникающую способность искусственного интеллекта проникать во все сферы жизни общества. Цель публикации: проанализировав положительные и негативные стороны применения искусственного интеллекта, аргументированно обосновать возникающие в настоящее время правовые и этические последствия его использования в журналистике. На основании проведенного анализа выявлено, что правовой вопрос применения искусственного интеллекта остаётся открытым и требует тщательного анализа и разработки.

Ключевые слова: общество, искусственный интеллект, правовые и этические последствия, журналистика, средства массовой информации.

При написании статьи автор преследует выявить и обосновать те возможные последствия правового и этического характера, которые могут образоваться в результате использования возможностей искусственного интеллекта в журналистской деятельности.

Прежде, нежели приступить к изложению поставленной проблемы, считаем необходимым и обязательным уточнить определения тех понятий, к которым автор будет обращаться на протяжении обсуждения обозначенного вопроса. Итак, под журналистикой, ссылаясь на всеми признаваемый «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, мы будем понимать «литературно-публицистическую деятельность в журналах и газетах» [9]. Благодаря журналистике наш обыватель получает сегодня массу свежей нужной и не очень нужной информации ежедневно и ежечасно.

Что касается искусственного интеллекта, то это вездесущее творение человеческого разума всё более и активнее захватывает все сферы жизни и деятельности индивида. В классическом понимании «искусственный интеллект (от английского «artificial intelligence», AI) являет собой инновационное свойство определённых интеллектуальных систем выполнять различные творческие и иные функции, которые традиционно считались прерогативой человека (не следует смешивать с искусственным сознанием). Обозначенные функции включают в себя науку и технологию создания интеллектуальных машин на основе неких компьютерных программ» [1, с. 256].

Как известно, автором термина «искусственный интеллект» считается Джон Маккарти, основоположник функционального программирования. (Аманжол et al., 2018)

Искусственный интеллект – это способ сделать компьютер, компьютер-контролируемого робота или программу способную также разумно мыслить, как и человек. Искусственный интеллект – наука и технология, которая основана на таких научных дисциплинах, как информатика, биология. А также психология, лингвистика, математика, машиностроение. (Аманжол et al., 2018)

Одно из основных направлений искусственного интеллекта – разработка компьютерных функций, связанных с человеческим интеллектом, таких как: мышление, рассуждение, обучение и решение проблем.

Цель искусственного интеллекта – создание экспертных систем, которые демонстрируют разумное поведение: учиться, показывать, объяснять

и давать советы; реализация человеческого интеллекта в машинах – создание машины, способную думать, понимать, учить и вести себя как человек.

В СССР работы в области искусственного интеллекта (Аманжол et al., 2018) начались ещё в 60-х годах минувшего столетия. В Московском университете и Академии наук был выполнен ряд пионерских исследований, возглавленных Вениамином Пушкиным и Д.А. Поспеловым. С начала 1960-х М.Л. Цетлин с коллегами начали разрабатывать вопросы, связанные с обучением конечных автоматов. (mk.ru, 2015)

В России 30 мая 2019 года на совещании по развитию цифровой экономики под председательством В.В. Путина было принято решение о подготовке национальной стратегии по искусственному интеллекту. В её рамках была подготовлена Федеральная Программа с выделением весьма внушительного финансирования в 90 млрд рублей.

А уже 10 октября 2019 года Президент РФ Владимир Путин своим указом окончательно утвердил национальную стратегию развития искусственного интеллекта в России до 2030 года [10] (Нешатаев, 2023). Именно по ней сегодня работают и экономика, и наука, и образование и другие отрасли хозяйствования нашего населения.

Если внимательно вникнуть в самую суть понятий «журналистика» и «искусственный интеллект», но даже невооруженным взглядом можно заметить много общего в их характеристике. Ни для первого, ни для второго не существует определённых границ деятельности, преград перед собой они тоже одинаково не видят. В равной степени упорно и настойчиво они идут и достигают своих целей, не считаясь ни с кем на своём пути.

Но перед нами стоит несколько иная задача: надлежит выяснить, каковы могут быть правовые и этические последствия применения искусственного интеллекта (далее по тексту – «ИИ») в журналистике.

На первый взгляд может показаться, что робот, пусть он и способен на обучение и самосовершенствование, не может иметь отношение к новостным медиа, являющимся непосредственной прерогативой живого человека – журналиста. Однако, как мы уже отметили выше, ИИ имеет возможность весьма точно имитировать действия индивида в какой-то узкой области. В нашем случае, в письме.

Иными словами, на определенном этапе машина фактически может выступать в роли писателя или журналиста. Программа в состоянии находить, подбирать, обрабатывать нужную человеку конкретную информацию и выдавать конечный результат в виде обусловленного материала, к примеру, статьи или зарисовка. И можно даже не сомневаться в том, что у робота это получится, как минимум в два-три раза быстрее, нежели у журналиста или публициста.

Заметим, что новейшие интеллектуальные системы (искусственный интеллект) давно запрограммированы на сбор и анализ данных. К при-

меру, с целью понимания предпочтений читателя, достаточно лишь советовать ему определённый материал, получая в итоге более качественный трафик.

Возникает вполне закономерный вопрос: если всё так удачно складывается с замещением журналиста на робота, более шустрого, гораздо более мобильного и исполнительного, то о каких этических последствиях идёт речь? Всё очень просто. Не стоит упускать из виду то важное обстоятельство, что искусственный интеллект всё же является продуктом деятельности определённого человека или группы единомышленников со своими взглядами на жизнь, предпочтениями, своим отношением к миру и окружающей действительности.

Иными словами, за каждым роботом стоит индивид, программирующий его и задающий умной машине конкретный вектор поведения и цели. Но нельзя забывать о том, что помимо заданных намерений, интеллектуальная система обладает способностью перенимать и предрассудки, находящиеся в голове ее создателя. В качестве наглядного примера можно упомянуть прецеденты в США, когда у машины наблюдали паттерн расовой предвзятости [4].

Из всего, выше нами сказанного, вполне аргументированно следует заключение о том, что возможности использования ИИ в журналистике и в медиа практически безграничны. Пользователь даже не подозревает, но на его любимом ресурсе уже сидит робот-агент редакции или компании.

Как видим, за каждым фрагментом кода, управляющего решениями индивида, в обязательном порядке стоит человек со своими суждениями – о том, что важно, а что нет. Из этого вытекает, что, каким бы сверхграмотным и достойным ни был искусственный интеллект, ответственность за ту или иную публикуемую информацию лежит непосредственно на журналистах. Следовательно, оставлять ИИ исключительно на усмотрение изобретателей и программистов, не стоит. Причина тому в том, что у каждого человека свое понимание, что допустимо, а что нет; что важно, а что не особенно.

В таком же ключе искусственный интеллект способен судить и о художественных ценностях, исторических событиях и их последствиях, анализировать политическую или социально-экономическую ситуацию на мировой арене. Журналистика должна понимать, что, прибегая к помощи ИИ с целью написания какого-либо материала, не следует забывать, что ответственность за его этическое наполнение остаётся за ней.

«В октябре 2021 г. в Москве крупнейшие российские IT-игроки – «Яндекс», «СБЕР», «Ростелеком», «VK», «МТС» и другие – подписали «Национальный кодекс этики искусственного интеллекта». Это событие в рамках I Международного форума «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» активно освещалось в прессе. Основные акценты в кодексе сделаны на антропоцентричности, предосторожности, подконтрольности, ответственности, нравственности, недискриминации и пр.» [5,

с. 686]. Авторы этого документа предполагали, что в скором времени его поддержат и к нему присоединятся и другие информационные акторы. Собственно, так оно и произошло (Лукина и др., 2022).

В настоящее время Кодекс является одним из основополагающих документов, регламентирующих этичность искусственного интеллекта в различных областях человеческой деятельности.

«Основные положения этого кодекса отражают общепринятые моральные паттерны и демонстрируют человеко-ориентированный и гуманистический, а также риск-ориентированный подходы. Данный кодекс основан на уважении автономии и свободы воли человека, его недискриминации, а также на ответственном отношении к закону и его соответствию, оценке рисков гуманитарного воздействия, предосторожности и не причинении вреда, идентификации ИИ в общении с человеком, информационной безопасности и безопасности работы с данными и т.д.» [5, с. 489].

Эксперты и научные деятели в сфере информатики полагают, что некие этические правила использования искусственного интеллекта в своей деятельности следует ввести как дополнением к существующему профессиональному этическому кодексу журналиста или оформить в отдельный этический норматив по работе медиа и журналистов с искусственным интеллектом (Лукина и др., 2022).

Что касается правовых последствий использования искусственного интеллекта в журналистике, то в этом вопросе, на наш взгляд, следует обращаться непосредственно к примерам из современной практики.

Начнём с того давно всем известного факта, что отечественные средства массовой информации достаточно активно и давно применяют в своей работе системы ИИ, примером тому могут служить такие популярные информационные агентства, как «ТАСС», «Интерфакс», «РИА Новости», «РБК», «Прайм» «Яндекс. Новости», использующие эти системы с целью анализа информации и формирования текстов.

Не секрет, что в связи с последними весьма неоднозначными событиями в стране (попытка мятежа ЧВК «Вагнер» и др.), с нарастанием напряженности в мире государство проявляет всё большую озабоченность достоверностью распространяемой СМИ информации, тем или иным образом влияющей на общественную и национальную безопасность, а также на репутацию государства и его органов. Сообразно наблюдается усиление тренда на повышение ответственности за распространение в СМИ ложной информации (fake news, фейкньюс) [11, с. 99].

Без участия искусственного интеллекта здесь, конечно, не обходится. Интересно то обстоятельство, что отношение к журналистике алгоритмов, роботизированной или автоматизированной журналистике (называют по-разному), а вернее – к последствиям её использования – не однозначное. Одни полагают, что именно системы искусственно-

го интеллекта – инструмент для распространения фейков, другие уверены, что с его помощью борьба с ложной информацией будет более эффективной [11, с. 100].

Системы искусственного интеллекта, безусловно, несовершенны при обработке естественного языка. Соответственно, они допускают неточность и при формировании новостей. Причиной такого несовершенства могут служить проблемы компьютерной обработки естественного языка. Это могут быть ошибки в распознавании речи, особенности языка, неоднозначность реплик, фраз или предложений. Может быть синонимия, избыточность формулировок, некая зависимость фраз от контекста, сложность выбора семантического представления [3, с. 87].

Кроме того, поскольку системы искусственного интеллекта являются программно-аппаратным комплексом, «ошибки программирования также порождают риски неправильной формулировки, изъятия важного контекста и смысловых ошибок. К рискам использования СИИ относятся и общие для программного обеспечения: возможность взлома; невозможность полностью открытого понимания принципов работы СИИ, так называемая проблема черного ящика, которая может усугубиться возможностью самообучения систем» [11, с. 100]. Учитывая все обозначенные риски применения СИИ в журналистике при скоростной выдаче новостей из источников, мы полагаем, что имеет значение настройка систем, проверка первоначальных входных данных для обработки и конечный вид подачи материала.

Контроль этих этапов работы должен снижать риск распространения ошибочной или фейковой информации, за которую может наступить ответственность в соответствии с действующим в РФ законодательством вплоть до уголовной ответственности.

Повторимся, что, размышляя о будущем ИИ в журналистике, нельзя забывать и о правовой стороне ситуации. Например, кто будет отвечать в случае допущенной роботом ошибки? Если не редакция, а сам робот, то это требует наличия у него самостоятельного профессионального статуса. Но это, в свою очередь, означает и правовую легализацию машины в качестве самостоятельного юридического субъекта со всеми вытекающими отсюда последствиями. На сегодняшний день этот вопрос остаётся открытым и требует тщательного анализа и разработки нашими правоведами.

Литература

1. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. – М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.
2. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // – 2022. – № 1 (108). – С. 8–13.
3. Жеребцова Ю.А, Клышинский Э.С., Чижик А.В. Проблемы обработки естественного

языка в диалоговых системах// Системный администратор. 2019. No10. С. 82–91

4. Искусственный интеллект в СМИ: примеры использования и медиаэтика. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-kollegii/5984-iskusstvennyj-intellekt-v-smi-primery-ispolzovaniya-i-mediaetika> (дата обращения 07.09.2023).
5. Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – т. 11, № 4. С. 680–694.
6. Лукина М.М. Сравнительный анализ структурно-содержательных элементов машинных и журналистских новостных сообщений // Меди@льманах. – 2019. – № 1. – С. 72–84.
7. Лукина М.М. Трудовая деятельность журналиста: люди или роботы // Вопросы теории и практики журналистики. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 46–64.
8. Саркисян Л., Ефимова Мария. Но властелином быть обязан // Новая газета. – 2019. – № 59. – С. 9.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940.
10. Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003>. (дата обращения 15.09.2023).
11. Черноусов Д.А. Риски использования систем искусственного интеллекта в роботизированной / цифровой журналистике// Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2023. – Т. 44. No 1. С. 96–103.

CONCEPTUAL BASIS FOR THE FORMATION OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MEDIA ACTIVITIES: ASPECTS OF INFLUENCE ON THE NORMS OF JOURNALISM ETHICS

Rastegari Sayedebrahim, Bahadivandchegini Zahra
Saint Petersburg State University

Recognizing journalism as an essential part of the life of civilized human society, the author draws attention to the problems that this significant element of modern reality faces at the present time. The article not only describes the present condition of the main subject of all mass media, but also analyzes the problems of the journalistic activity of today and tomorrow. One of them the author refers to the increasingly active and pervasive ability of artificial intelligence to penetrate into all areas of society. The aim of the publication: having analyzed the positive and negative sides of the use of artificial intelligence, to substantiate the legal and ethical consequences of its use in journalism. Based on the analysis, it was revealed that the legal issue of the use of artificial intelligence remains open and requires careful analysis and development.

Keywords: society, artificial intelligence, legal and ethical consequences, journalism, mass media.

Referents

1. Averkin A. N., Gaaze-Rapoport M.G., Pospelov D.A. Explanatory dictionary of artificial intelligence. – М.: Radio and communication, 1992. – 256 p.
2. Vartanova E.L. Changing media architecture and digital platforms // – 2022. – No. 1 (108). – pp. 8–13.
3. Zherebtsova Yu.A., Klyshinsky E.S., Chizhik A.V. Problems of Natural Language Processing in Dialog Systems // System Administrator. 2019. No10. pp.82–91
4. Artificial intelligence in the media: examples of use and media ethics. Electronic resource. Access mode. URL: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-kollegii/5984-iskusstvennyj-intellekt-v-smi-primery-ispolzovaniya-i-mediaetika> (access date 07.09.2023).
5. Lukina M.M., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A. Artificial Intelligence in Russian Media and Journalism: Toward a Discussion on Ethical Codification // Questions of Theory and Practice of Journalism. – 2022. – Vol. 11, No. 4. S. 680–694.
6. Lukina M.M. Comparative analysis of the structural and content elements of machine and journalistic news reports // Medi@lmanakh. – 2019. – No. 1. – S. 72–84.
7. Lukina M.M. The work of a journalist: people or robots // Questions of theory and practice of journalism. – 2020. – V. 9, No. 1. – S. 46–64.
8. Sargsyan L., Efimova Maria. But he must be the ruler // Novaya Gazeta. – 2019. – No. 59. – P. 9.
9. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / ed. D.N. Ushakova. – М.: Sov. encyclopedia: OGIz, 1935–1940.
10. Decree of the President of the Russian Federation «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation». Electronic resource. Access mode. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (access date 15.09.2023).
11. Chernousov D.A. Risks of using artificial intelligence systems in robotic / digital journalism // Works on Intellectual Property. – 2023. – T.44. No 1. P. 96–103.

Текущее состояние и характеристики международной правовой системы интеллектуальной собственности

Хуан Цзэянь,

аспирант, Белорусский государственный университет
E-mail: optmax24@mail.ru

Ли Паньпань,

судья, Народный суд зоны высокотехнологичного
промышленного развития Хэфэй провинции Аньхой
E-mail: 113916461@qq.com

Международная система правовой защиты интеллектуальной собственности представляет собой сложную структуру, разработанную для защиты творческих произведений человеческого интеллекта и поощрения инноваций на мировой арене. Ее текущее состояние и характеристики раскрывают динамичный ландшафт, формируемый развивающимися технологиями, экономическими соображениями и культурной динамикой. В основе международной системы правовой защиты интеллектуальной собственности находятся различные договоры, соглашения и конвенции, направленные на гармонизацию законов и регуляций, касающихся прав интеллектуальной собственности (ПИС), среди участвующих стран. Одним из ключевых соглашений является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (СОТРИПС), администрируемое Всемирной торговой организацией (ВТО), а также конвенции, установленные Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), такие как Парижская конвенция о защите промышленной собственности и Бернская конвенция о защите литературных и художественных произведений. Одной из определяющих характеристик современной международной системы правовой защиты интеллектуальной собственности является ее адаптивность к технологическим достижениям. С появлением цифровых технологий защита интеллектуальной собственности расширилась до охвата цифрового контента, программного обеспечения, баз данных и других нематериальных активов. Это привело к разработке специализированных правовых рамок, таких как Всемирная конвенция по авторскому праву ВОИС и Всемирная конвенция по исполнению и фонограммам ВОИС, для решения уникальных проблем, возникающих в результате цифрового пиратства и онлайн-нарушений. В заключение, текущее состояние и характеристики международной системы правовой защиты интеллектуальной собственности отражают многогранный механизм, формируемый технологическими, экономическими и культурными факторами. Хотя она служит важным механизмом для поощрения инноваций и защиты прав творцов, она также сталкивается с вызовами в обеспечении баланса между поощрением инноваций и обеспечением равного доступа к знаниям и ресурсам. В дальнейшем усилия по улучшению сотрудничества, прозрачности и инклюзивности будут существенными для успешного навигирования по сложностям мирового ландшафта интеллектуальной собственности и поощрения инноваций во благо общества в целом.

Ключевые слова: международная система, интеллектуальная собственность, законы, правовая защита, авторские права, патенты.

Intellectual property (IP) refers to creations of the mind, including inventions, literary and artistic works, designs, symbols, names, and images used in commerce. These intangible assets are protected by law through patents, copyrights, trademarks, and trade secrets. The purpose of intellectual property rights is to encourage innovation and creativity by granting exclusive rights to creators or owners, allowing them to benefit financially from their work or investment [1].

The importance of intellectual property in the global economy cannot be overstated. Intellectual property serves as a driving force for economic growth, competitiveness, and technological advancement. It incentivizes individuals and businesses to invest in research and development, leading to the creation of new products, services, and industries. IP rights also play a crucial role in fostering innovation ecosystems, attracting investments, and facilitating international trade and collaboration.

This article aims to explore the current status and characteristics of the international intellectual property legal system. By examining the historical development, key components, challenges, recent trends, and future prospects of international IP law, the article seeks to provide insights into the significance of protecting intellectual property rights on a global scale. Furthermore, it aims to underscore the need for robust IP protection mechanisms, effective enforcement strategies, and enhanced international cooperation to address the evolving nature of intellectual property challenges in the 21st century economy. The historical overview of international intellectual property (IP) law reveals a rich tapestry of concepts and legal frameworks that have evolved over millennia to address the protection and promotion of creativity and innovation.

The emergence of IP concepts can be traced back to ancient civilizations, where societies recognized the value of protecting certain forms of intellectual creations. For instance, ancient civilizations such as Mesopotamia and Egypt had rudimentary systems for granting exclusive rights to inventors and artisans. These early systems laid the groundwork for the development of more sophisticated IP laws in subsequent centuries [2, с. 68].

The development of modern IP law began to take shape during the Renaissance and Enlightenment periods in Europe. With the advent of the printing press and the rise of scientific inquiry, the need to protect literary and scientific works became increasingly apparent. In response, governments began to enact laws to grant monopolies or exclusive rights to creators and inventors. For example, the Venetian Patent Statute of 1474 is often cited as one of the earliest examples of modern patent law.

The establishment of international treaties and agreements marked a significant milestone in the evolution of IP law. The Paris Convention for the Protection of Industrial Property, adopted in 1883, was one of the first international agreements aimed at harmonizing IP protection across different countries. Subsequently, the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, adopted in 1886, laid the foundation for international copyright law.

In the 20th century, the pace of international cooperation in the field of IP accelerated with the establishment of organizations such as the World Intellectual Property Organization (WIPO) in 1967. WIPO serves as a global forum for the development of IP policy, the administration of international treaties, and the provision of technical assistance to member states [3, c. 86].

In conclusion, the historical overview of international IP law illustrates the long-standing recognition of the importance of protecting intellectual creations and fostering innovation. From ancient civilizations to the modern era, the evolution of IP law reflects the changing dynamics of society, technology, and commerce. Through international treaties and agreements, nations have sought to harmonize their IP laws and create a framework for global cooperation in the protection of intellectual property rights.

The international intellectual property (IP) legal system comprises several key components essential for the protection and regulation of intellectual creations across borders. These components encompass various types of intellectual property, international treaties and organizations, as well as enforcement mechanisms.

At the core of the international IP legal system are different types of intellectual property, each offering distinct forms of protection. Patents grant inventors exclusive rights to their inventions, preventing others from making, using, or selling the patented invention without permission. Trademarks safeguard symbols, names, and designs used to identify and distinguish goods or services in the marketplace. Copyrights protect original works of authorship, including literary, artistic, and musical creations, giving creators exclusive rights to reproduce, distribute, and publicly display their works. Trade secrets, on the other hand, safeguard confidential information, such as formulas, processes, or customer lists, that provides businesses with a competitive advantage [4, c. 23].

International treaties and organizations play a pivotal role in harmonizing and facilitating the enforcement of intellectual property rights on a global scale. The World Intellectual Property Organization (WIPO) serves as a specialized agency of the United Nations, responsible for promoting the protection of IP worldwide and administering international treaties related to IP. The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement), established under the World Trade Organization (WTO), sets out minimum standards for IP protection and enforcement among member states. Additionally, conventions such as the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, the Paris Convention for

the Protection of Industrial Property, and the Madrid Agreement concerning the International Registration of Marks, among others, provide frameworks for international cooperation and mutual recognition of IP rights [5, c. 26].

Enforcement mechanisms are crucial for ensuring the effective protection of intellectual property rights and addressing infringements. National legislation establishes the legal framework for IP protection within individual countries, outlining rights, remedies, and enforcement procedures. Dispute resolution mechanisms, including courts, arbitration, and administrative bodies, offer avenues for resolving disputes related to IP rights infringement. Cross-border cooperation initiatives facilitate collaboration among law enforcement agencies, customs authorities, and judicial systems across different countries, enhancing the enforcement of IP rights in cases involving transnational infringement [6, c. 94].

In summary, the key components of the international IP legal system encompass various types of intellectual property, international treaties and organizations, and enforcement mechanisms aimed at promoting innovation, creativity, and economic development while ensuring the effective protection and enforcement of intellectual property rights worldwide.

Литература

1. Abbott FM (2013) The Judgement in Novartis v. India: What the Supreme Court of India Said (Intellectual Property Watch) <http://www.ip-watch.org/2013/04/04/the-judgment-in-novartis-v-india-what-the-supreme-court-of-india-said/>
2. Alvarez EJ (2009) The public international law regime governing international investment *Recueil des Cours* 344:193
3. Cassiers V, Strowel A (2018) Intellectual property law made by the Court of Justice of European Union. In: Geiger et al. (eds) *Intellectual property and the judiciary*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 175–206
4. Correa C, Viñuales EJ (2016) Intellectual property rights as protected investments: how open are the gates? *J Int Econ Law* 19:91–120
5. Correa C (2020) Intellectual property as protected investment: redefining the reach of investors' rights. In: Geiger C (ed) *Research handbook on intellectual property and investment law*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 120–136
6. Dreyfuss R, Frankel S (2018) Reconceptualizing ISDS: when is IP an investment and how much can states regulate it? *Vanderbilt J Entertain Technol Law* 21(2):377–415

THE CURRENT STATUS AND CHARACTERISTICS OF INTERNATIONAL INTELLECTUAL PROPERTY LEGAL SYSTEM

Huang Zeyan, Li Panpan

Belarusian State University; People's Court of Hefei Hi-tech Industrial Development Zone of Anhui province

The international intellectual property legal system stands as a complex framework designed to safeguard the creations of the human intellect and foster innovation across global borders. Its current status

and characteristics reveal a dynamic landscape shaped by evolving technologies, economic considerations, and cultural dynamics. At its core, the international intellectual property legal system comprises various treaties, agreements, and conventions aimed at harmonizing laws and regulations pertaining to intellectual property rights (IPRs) among participating nations. Key among these are the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), administered by the World Trade Organization (WTO), and conventions established by the World Intellectual Property Organization (WIPO), such as the Paris Convention for the Protection of Industrial Property and the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works.

One of the defining characteristics of the current international intellectual property legal system is its adaptability to technological advancements. With the rise of digital technologies, the protection of intellectual property has expanded to encompass digital content, software, databases, and other intangible assets. This has led to the development of specialized legal frameworks, such as the WIPO Copyright Treaty and the WIPO Performances and Phonograms Treaty, to address the unique challenges posed by digital piracy and online infringement. In conclusion, the current status and characteristics of the international intellectual property legal system reflect a multifaceted framework shaped by technological, economic, and cultural factors. While it serves as a vital mechanism for incentivizing innovation and protecting creators' rights, it also faces challenges in striking a balance between promoting innovation and ensuring equitable access to knowledge and resources. Moving forward, efforts to enhance cooperation, transparency, and inclusivity

will be essential in navigating the complexities of the global intellectual property landscape and fostering innovation for the benefit of society as a whole.

Keywords: international system, intellectual property, laws, legal protection, copyrights, patents.

References

1. Abbott FM (2013) The Judgement in Novartis v. India: What the Supreme Court of India Said (Intellectual Property Watch) <http://www.ip-watch.org/2013/04/04/the-judgment-in-novartis-v-india-what-the-supreme-court-of-india-said/>
2. Alvarez EJ (2009) The public international law regime governing international investment *Recueil des Cours* 344:193
3. Cassiers V, Strowel A (2018) Intellectual property law made by the Court of Justice of European Union. In: Geiger et al. (eds) *Intellectual property and the judiciary*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 175–206
4. Correa C, Viñuales EJ (2016) Intellectual property rights as protected investments: how open are the gates? *J Int Econ Law* 19:91–120
5. Correa C (2020) Intellectual property as protected investment: redefining the reach of investors' rights. In: Geiger C (ed) *Research handbook on intellectual property and investment law*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 120–136
6. Dreyfuss R, Frankel S (2018) Reconceptualizing ISDS: when is IP an investment and how much can states regulate it? *Vanderbilt J Entertain Technol Law* 21(2):377–415